Рогатый Венец

Андрэ Нортон

Рогатый Венец

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

ANDRE

NORTON

Horn Crown

Four from the Witch World

АНДРЭ НОРТОН

Рогатый Венец

Четыре повести о Колдовском мире

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва

Terra Fantastica
Санкт-Петербург

2002

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44
Н82

Серия основана в 1999 году

Andre Norton
HORN CROWN
1981
FOUR FROM THE WITCH WORLD
Edited by A. Norton
1989

Серийное оформление А. Кудрявцева

Перевод с английского Н. Омельянович

В оформлении обложки использована работа художника Л. Ройо, предоставленная агентством Александра Корженевского.

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Sternig & Byrne и Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 17.12.01. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 31,92. Тираж 10000 экз. Заказ № 97.

Нортон А.
Н82 Рогатый Венец: Фантаст. роман; Четыре повести о Колдовском мире: Повести / А. Нортон; Пер. с англ. Н. Омельянович. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2002. — 600, [8] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-012416-3 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-7921-0052-7 (TF)

Андрэ Нортон — одна из самых популярных писательниц за всю историю мировой фантастики, более того, один из тех редких авторов, таланту которых в равной степени подвластны как жанр научной фантастики, так и жанр фэнтези, первая и пока единственная женщина, удостоенная Американской ассоциацией писателей-фантастов высокого титула Великого Мастера.

Однако в ряды классиков фантастической литературы нашего столетия Нортон вошла именно благодаря фэнтези — благодаря своей знаменитой эпической саге о Колдовском мире, мире могучих героев и могущественных волшебников, уникальном, бесконечно оригинальном мире, полюбившемся миллионам читателей...

Перед вами — новые произведения цикла.

Прочтите!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44

© Andre Norton, 1981, 1989
© L. Royo, 2002
© Перевод. Н. Омельянович, 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2002
® TERRA FANTASTICA

РОГАТЫЙ ВЕНЕЦ

РОГАТЫЙ ВЕНЕЦ

I

Дождь не прекращался. Мокрая одежда с каждым шагом все сильнее оттягивала плечи. Страх и безысходность не меньшей тяжестью давили на сердце. Те, что были неграмотны и наивны и никогда не покидали пастбища и поля, которые обрабатывали и где с незапамятных времен трудились их предки, шептались о плакальщице Глом. Они вглядывались в серое небо, словно с минуты на минуту ожидали увидеть над головой ее переполненные слезами глаза, ощутить ее горе, тяжело нависшее над ними, как проклятие.

Даже более грамотные и просвещенные тревожились от одной лишь мысли о проклятии, за которым последовало наше изгнание.

Быть может, правы были мудрецы-барды, благодаря которым мы, проходя через Врата двор за двором, род за родом, оставляли не только родину, но частично и память о ней? Теперь мы задавали себе один вопрос: зачем нам понадобилась эта насквозь промокшая от дождя мрачная страна. С продвижением на север вопрос этот терял остроту. Мы знали одно: бегство наше было вынуждено, но необходимо. Члены братства Меча скакали впереди,

готовые поднять тревогу в случае опасности. Замыкали шествие они же. С братьями были Лаудат и Аус — их пение отворило Врата в новый мир, а закрыли они их за собой, выбив дробь на шаманских барабанах, чтобы не было ходу назад (а может, у них была и другая цель: не допустить погони?).

Проводники, скакавшие в авангарде, встретили нас по другую сторону Врат. Они пробыли здесь уже полный лунный месяц, выясняя, что может подстерегать нас в незнакомой стране. Отчет их был странен. Они рассказывали о высоких горах и долинах, населенных некогда людьми. Во всяком случае, наши разведчики обнаружили заброшенные земли, на которых когда-то была жизнь, сходная с нашей. Об этом говорили сохранившиеся реликвии.

Нельзя было сказать, что здесь совсем безопасно. Встречались места, которые советовали избегать: здесь были враждебные нам силы. Однако полно было и земли, пригодной для пашни. На склонах гор росла трава, годная для выпаса овец и другого скота. Было где разгуляться и лошадям... в данный момент они тащили тяжело нагруженные телеги.

Каждый род двигался своей компанией, с тщательно упакованными пожитками. Старики и дети ехали либо в повозках, либо на самых смирных лошадях. Меченосцы и вассалы скакали рядом, зорко вглядываясь в окрестности, готовые в любой момент защитить слабых своих собратьев.

Продвигались мы медленно: нельзя было утомлять стадо. К тому же, думаю, на нас давила чужая атмосфера. То тут то там виднелись странные постройки, а солнце не спешило обрадовать ни теплом, ни светом.

Лорда моего звали Гарн. Мы уступали большинству кланов как в богатстве, так и в силе вассалов. Пересчитать нашу маленькую отару было проще простого. Стадо составляли один бык и пять коров. Пожитки, которые мы везли с собой из старого мира, заполнили лишь три повозки, а в них помещались еще и женщины, с одним, а то

и с двумя малышами, державшимися спереди и сзади за пояс матери.

Я считался лордом племени, хотя и не был наследником. Я приходился двоюродным братом Гарну по отцовской линии, так как был поздним ребенком брата его отца. У меня, однако же, был родовой щит и четверо меченосцев в подчинении. По нашим понятиям, это был очень маленький эскорт. Всерьез ко мне, ввиду моей молодости, никто не относился. Приглядываясь к холмам, нет ли там чего подозрительного, я держался правой стороны дороги. За мной на некотором расстоянии ехали мои люди.

Мы спорили (вернее, спорили лорды, пройдя через Врата), правильно ли выбран маршрут. Члены братства Меча подтвердили, что путь наш проходит через покинутую землю, и следов других людей здесь не осталось.

Когда-то это была настоящая дорога — она шла прямо; сквозь заросли кустов и траву видны были ее участки. Повозкам нашим, разумеется, легче было ехать по ней, нежели по неосвоенной местности.

Не только дождь мешал разглядеть новые земли. По обеим сторонам дороги, над вершинами холмов, висел туман. Местами туман этот имел необычную окраску. Вместо обычного сероватого оттенка он отсвечивал голубым, либо зловеще темнел, и от этого почему-то становилось тревожно.

Один всадник из братства пришпорил лошадь и, выскочив из арьергарда, проскакал вперед мимо меня. Я посмотрел вслед, не скрывая зависти. Люди это все были особые. Поклявшись на верность братству, они утрачивали связи с кланом.

Всадники пользовались непререкаемым авторитетом: всем было известно их умение обращаться с мечом, луком и дротиком. От рода они ничего не требовали — пешие члены братства обеспечивали их всем необходимым, так как они разводили рогатый скот и овец.

Быть принятым в братство составляло мечту всех юношей клана. Мечта эта для большинства оказывалась несбыточной. Количество членов братства оставалось

неизменным, замена происходила только в случае смерти брата.

Я все еще смотрел в сторону умчавшегося всадника, когда ко мне приблизился Гарн. За ним следовали два меченосца, присматривавшие за порядком. Гарн был такой же тоскливый, как проливавшее слезы небо, как земля, по которой мы ехали, неразговорчивый, но с глазом, наметанным на обнаружение недостатков и выявление причин. Молчание Гарна считалось лучшей похвалой для человека, которого он инспектировал. Руки мои невольно натянули поводья, когда его орлиный профиль обратился в сторону нашего маленького отряда. Я думал, что он выскажет критические замечания в мой адрес или проверит, как его сын Эверад справляется с отрядом, идущим в арьергарде. Вместо этого лошадь его поравнялась с моей, а эскорт немного отстал. Мы двинулись стремя в стремя.

Вряд ли он будет говорить со мной о плохой погоде, делиться впечатлениями от местности или вспоминать прошлое. Я ждал и испуганно перебирал в уме, в чем мог оплошать и вызвать тем самым его гнев. Он медленно переводил взгляд с одного края дороги на другой, хотя, как мне казалось, не старался при этом разглядеть всадников из клана Рараста, ехавших впереди.

— Корм для скота здесь хороший.

Я страшно удивился, хотя и знал, что лорд Гарн разбирается в земле и знает, как ее с пользой обработать. Я знал всех, кто меня окружал. Мне было известно, что они любят и чего не могут терпеть, их достоинства и недостатки, отношение друг к другу. Я понимал собственную роль в нашем роде, хорошо владел оружием. Я знал все, не понимал лишь, зачем мы пришли в другой мир и какой опасности тем самым избежали.

— Вечером в лагере будет совет, — продолжил Гарн. — Там будет решаться вопрос, где мы все расселимся. Братство Меча все хорошо осмотрело. Земли здесь много. Может повезти даже тем, кому в прошлом приходилось несладко.

Непонятно, с чего он вдруг со мной разоткровенничался? Если бы моя лошадь заговорила со мной, я удивился бы не больше. Я даже не сразу вник в смысл сказанного. Большая земля — свободная для рассселения. Сюда явилось около сотни кланов, большая часть из них далеко превосходила нас числом, богатством и количеством скота. Даже для такого маленького клана, как наш, имелась неплохая возможность приобрести земельные богатства.

Гарн продолжал:

— Представители от родов будут тянуть жребий. Был уговор — либо земли на побережье, либо остальные. Сивен, Урик, Фаркон, Дауан уже высказались за побережье. Остальным нужно сделать выбор. Я думаю,— он помолчал,— я поговорю об этом с тобой, Хьюлином и Эверадом, да, еще и со Стигом, когда мы в полдень сделаем остановку.

Моего согласия он, вероятно, не расслышал, ибо тут же развернул лошадь и поехал к Эвераду. Я все еще пребывал в удивлении. Гарн все решал сам, никаких советов он не принимал, даже от своего наследника. Вдвойне странно, что на этот раз он хотел советоваться со Стигом, под чьим началом были сельскохозяйственные рабочие. Ведь Стиг даже не был членом рода.

Что было у него на уме? Зачем упомянул земли на побережье? В прошлом мы никогда там не селились. Менять жизненный уклад было не в наших привычках. Все же сейчас мы пришли в новый мир... Может, это повод покончить со многовековыми традициями и начать новую жизнь?

Я постарался припомнить, далеко ли отсюда до побережья. Братья Меча исследовали лишь небольшую его часть. Они видели остроконечные скалы и рифы, круто уходящие в море. Морским народом нас никак нельзя было назвать, хотя те четыре клана, которые упомянул Гарн, были рыбаками, во всяком случае, когда-то были.

Мелкий утренний дождик стал затихать. Ближе к полудню пробилось бледное, водянистое солнце. Земля под

ним стала потихоньку сбрасывать угрюмую тень, делавшую ее в наших глазах такой неприветливой. Мы сделали привал прямо на дороге. Кланы протянулись вдоль нее, как бусины на расстегнувшейся нитке.

Из передних повозок принесли бережно хранимые маленькие медники, положили в них угля — ровно столько, сколько необходимо было для нагрева травяного напитка, укрепляющего силы путника. На обед был пирог, испеченный в дорогу. Я поспешил: нельзя заставлять Гарна ждать.

Он сидел чуть поодаль на табуретке. Знаком пригласил нас сесть на толстую длинную циновку, размотанную и уложенную подле его ног. Возле Эверада и Стига я увидел Хьюлина, старшего из охраны Гарна. Лицо его было почти таким же мрачным, как и у хозяина.

— Есть такой вариант,— начал Гарн, как только мы уселись.— Я разговаривал с Квейном. Он дальше всех проехал по побережью,— он вынул из поясной сумки кусок кожи, свернутый в тонкую трубку. Расстелил ее перед нами. Мы сдвинули головы и увидели несколько темных линий.

Одна линия — жирная и черная — изгибалась то внутрь, то наружу. С одной стороны от нее отходили три линии потоньше, тоже неровные. Два изгиба большой линии были отмечены жирными черными крестами. Гарн указал на них в первую очередь.

— Это береговая линия — такая, какой ее видел Квейн. Вот здесь и здесь бухты. Эту землю уже возьмут те, кто согласен только на побережье,— его палец двинулся дальше по нарисованной береговой линии, пока не остановился на маленьком углублении.

— Здесь устье реки. Она небольшая, но вода в ней хорошая. Протекает по широкой долине. По реке хорошо передвигаться, по ней можно сплавлять шерсть на рынок.

Шерсть! Я представил себе нашу жалкую отару. Какой там рынок?! Все, что можно было с них состричь, уже давно обращено в пряжу, связано и надето на наших людей. За последние три-четыре года едва удавалось справить новую куртку или юбку.

Эверад осмелился задать вопрос, который у всех нас был на уме:

— Это тот участок, милорд, который вы бы предпочли, если его не заберут другие?

— Да,— коротко ответил Гарн.— Есть и еще кое-что,— он замолчал, и никто не отважился спросить, что он имеет в виду.

Я не спускал глаз с линий, изображенных на коже, и старался представить себе то, что за ними стояло — земля и море, река, просторные долины, ждущие землепашца, луга, где мы будем пасти наши маленькие стада. Но воображение было бессильно: я видел только линии и ничего больше.

Гарн не просил нашего совета или комментария к тому, что он рассказал. Да я и не ждал от него ничего подобного. Он позвал нас только для того, чтобы мы знали его волю и были готовы к его решению, если жеребьевка пройдет удачно.

Река на рисунке текла на север, за бухтами, которые уже забрали себе рыбацкие племена. Я не представлял, сколько времени продлится наше путешествие на север, и сколько дней придется идти пешком. Мы везли с собой драгоценные мешки с зерном, весившие половину повозки. Была весна, пора сеяться, если только мы рассчитываем в этом году снять урожай.

Никто не знает, холодные ли здесь зимы, скоро ли наступят морозы, сколько времени длится летний сезон. Слишком долгое путешествие может обернуться голодной зимой. Все же выбор был за Гарном, а ведь ни один лорд, если только он в силах помочь, не желает обречь своих людей на жалкое существование.

Совет был устроен посередине обоза, возле богатого клана Фаркона. Вокруг разожженного костра расселись лорды. Вэйвент, вот уже десять лет являвшийся капитаном братства Меча, и Лаудат с Аусом сидели в центре. Барды плотно запахнули теплые серые плащи. Вероятно, сырой прохладный воздух беспокоил их больше, чем прочих.

Оба выглядели худыми и утомленными, лица — серыми. Должно быть, открытие и закрытие Врат довело их до такого состояния. Они, однако, готовы были к новым свершениям. Разговор начал Вэйвент.

Он снова рассказал о земле. Сказал, что она неровная. Много гор, между ними равнины, некоторые широкие и зеленые, другие узкие и каменистые. Упомянул и реки, изображенные на карте Гарна, рассказал о двух хорошо очерченных и открытых бухтах.

Не успел он закончить, как вмешался лорд Фаркон:

— Вы, капитан, мало сказали о местах, из которых ушли прежние люди, и о самих людях. Не осталось ли здесь кого, а если да, то не возьмутся ли они за мечи, чтобы защитить свои земли, как сделал бы любой из нас, окажись мы на их месте?

Лорды начали перешептываться. Я заметил, как напряглась спина Ауса. Похоже, он хотел встать и что-то ответить. Все же передумал, и Вэйвент продолжил:

— Да, когда-то это земля была хорошо укреплена, — с готовностью признал капитан. — Но те, кто защищал ее, ушли. Мы обнаружили вещи, которые им когда-то принадлежали. Здесь есть места совершенно спокойные и безопасные. Но есть и другие. Не хочу вас обманывать, господа, здесь есть и рассадники зла. Их вы сразу узнаете: от них исходит смрад. Ну а что касается построек и руин, то никакая опасность вас там не подстерегает. Наши братья объездили все земли вдоль и поперек, и кроме зверей, никого не обнаружили. Здесь нет ни одного землевладельца. Земля пуста. А почему это, мы не знаем.

Лорд Ролфин покачал головой. Три рубина в его шлеме вспыхнули красными огоньками.

— Вы не знаете, отчего народ ушел, — повторил он. — Так ведь и мы можем столкнуться здесь с неизвестным, невидимым врагом.

Лорды опять зашевелились и зашептались. На этот раз Аус поднялся, откинул капюшон плаща. Все посмотрели на его седовласую голову и худое, морщинистое лицо.

— Земля пуста, — сказал он спокойно. — За то время, что мы здесь, не обнаружено ни одного врага. Сегодня перед началом собрания мы с Лаудатом пропели слова предупреждения и зажгли факелы от Огня. Горел он хорошо, пение наше не отразилось на нем в плохую сторону. Следы старой Силы имеются, хотя природа ее нам пока неясна. Огонь, тем не менее, не горит там, где замышляется война и приближается зло.

Лорд Ролфин хмыкнул. Он, как всем было известно, видел опасность в каждом новом месте, хотя у него и не нашлось сейчас контраргументов. Совершенно справедливо, что вечный, неумирающий Огонь не стал бы гореть, если бы нас окружало зло. Несколько человек вздохнуло с облегчением, услышав заявление Ауса.

Вэйвент нагнулся и взял в руки бронзовое ведерко, которое поставил перед ним Лаудат.

— Здесь господа, — голос его зазвучал официально, будто он произносил ритуальные слова, — находится ваш жребий. В свете Вечного Огня предводители родов равны между собой. Так было в прошлом, так будет и здесь. Пусть каждый вытащит свой жребий, ибо завтра в полдень мы дойдем до первой долины, и один из вас, кто вытащит этот жребий, закончит путешествие и обретет новый дом.

Удерживая ведерко на уровне глаз лордов, он пронес его справа налево, останавливаясь перед каждым человеком. Тот запускал внутрь руку и шевелил пальцами, выбирая бумажную полоску, определявшую судьбу клана. Правда, все знали, что уже на следующий день могут произойти изменения, если договаривающиеся стороны согласятся на обмен.

Аус шел вслед за Вэйвентом с посеребренным ведерком размером поменьше. Он подносил его тем лордам, которые пропустили свою очередь и не стали тащить первый раз. Гарн тоже отказался тащить жребий из ведерка Вэйвента, отчего соседи посмотрели на него с удивлением. Когда же к нему приблизился Аус, он с готовностью запустил руку в его ведро, хотя никаких эмоций на его лице прочесть было нельзя.

Никто из лордов не стал смотреть сразу, что ему выпало. Все дожидались, когда жеребьевка закончится. В ведерке Вэйвента оставалось еще несколько бумажных полосок, а Аус уже перевернул свое ведро вверх дном и вернулся на место.

Только когда к костру вернулся Вэйвент, лорды дрожащими руками развернули бумажки и узнали свой жребий. На бумажных полосках излагались подробные сведения о новом месте жительства, доставшемся клану. Над этим потрудились барды и члены братства Меча, хотя еще дома, до прохода через Врата, всем были выданы подробные путеводители для путешественников и будущих новоселов.

Мы в нетерпении ждали, что выпало Гарну, но он не торопился обнародовать жребий, как это сделали другие лорды. Шум голосов усилился, многие уже договаривались об обмене. Одни были заинтересованы в пастбищах, другие — в пахотных землях. Мы крепились изо всех сил, пока наконец Гарн не сказал:

— Огонь благоволил нам. У нас земля в устье реки.

Это действительно была удача, которая выпадает человеку раз в жизни. Невероятная вещь — вытащить жребий с той самой землей, которую наметил заранее, как будто фортуне (отличающейся обычно независимым нравом) помог на этот раз могущественный союзник.

Я видел, как один из братьев приблизился к костру. Это был Квейн, именно он впервые рассказал нашему лорду об этой земле. Он подошел к Гарну и спросил:

— Как дела, милорд?

Гарн поднялся, зажав бумажную полоску между ладонями. Он взглянул на Квейна пронзительным, почти осуждающим взглядом, каким обычно осаживал и подчинял себе любого человека. На Квейна, однако, он не произвел впечатления. Ведь от Гарна он не зависел, и с родом его связан не был. Он непринужденно смотрел на собеседника, словно обсуждал с ним приятную погоду.

Квейн был одних лет с Вэйвентом и с Гарном, хотя в волосах его не было седины, а тело было по-юношески

худощаво. Движения отличались грацией человека, искусного в обращении с оружием.

— Порядок, — коротко ответил Гарн. — Туда еще долго добираться. Он продолжал смотреть на Квейна, словно ожидая услышать от него нечто важное.

Квейн промолчал, и Гарн уставился на языки пламени. Мысли этого человека угадать никто не мог. Правда, в тот момент я засомневался, действительно ли он так уж доволен результатом жеребьевки, как старался нас всех уверить. В глубине души у меня шевелилось сомнение, был ли это подарок слепой Фортуны... хотя ни Вэйвент, ни Аус ни за что не стали бы подыгрывать даже самому главному лорду, не говоря уж о Гарне, который не отличался ни богатством, ни знатностью рода.

— Лучше будет,— сказал Квейн,— если вы будете двигаться вместе с кланами, что едут осваивать побережье. Есть еще одна дорога. Она ведет на восток, а потом — на север, но она более древняя, по ней труднее проехать. А если поедете вместе, вам же будет легче. Мало ли что может случиться в дороге. Вы сможете помочь друг другу.

Гарн кивнул и засунул жребий в поясную сумку. Затем выкрикнул четыре имени, произнося каждое из них как вопросительное предложение: «Сивен, Урик, Фаркон и Дауан»?

— А еще Милос и Тагнес,— добавил Квейн.

Гарн уставился на него, а рука моя, бессознательно, крепко сжала рукоятку меча. Возможно, мы и стерли старые воспоминания, проехав через Врата, но, видно, не все. У Тагнеса не было ни одного друга из рода Гарна. Между родами существовала старинная вражда, когда-то даже кровная. В настоящее время мы друг с другом не разговаривали.

Гарн снова произнес лишь одно слово:

— Где?

Квейн пожал плечами.

— Я не спросил. Ваши земли лежат на самом севере. Это последняя долина из тех, что мы проехали. Ну а он, стало быть, поселится южнее.

— Ладно.

— Мы тронемся на рассвете, — продолжил Квейн. — Я поведу братьев к морю.

Гарн кивнул и, не попрощавшись, повернулся к нам, затем, ничего нам не сказав, прошел к своему лагерю, располагавшемуся неподалеку от места жеребьевки.

Хотя я и устал к вечеру — больше оттого, что приходилось приноравливать ход лошади к медленному продвижению повозок — завернувшись в плащ и приспособив седло вместо подушки, уснул не сразу. До меня доносились негромкие лагерные шумы. Жалобно плакал ребенок в женской половине лагеря — должно быть, это был занемогший внук Стига. Я слышал, как наше стадо жует густую траву, уже довольно высокую для весеннего времени. То тут то там всхрапывал кто-то во сне. Гарн спал один, под маленьким тентом. С того места, где я лежал, мне было видно вспыхнувшую искру, а затем слабый огонек свечи. Возможно, кто-то еще раз изучал бумагу, доставшуюся ему по жребию.

Сначала я подумал, что фортуна оказалась к нам излишне добра, но когда узнал о Тагнесе, решил, что все складывается как всегда. Если уж судьба назначила нам такое соседство, нужно научиться жить в обстановке неустойчивого перемирия. Мы пришли на незнакомую землю, с которой бежали люди Древней Расы по причине, нам неизвестной. Барды и разведчики утверждали, что врагов здесь нет, однако все возраставшее чувство одиночества и заброшенности меня не покидало. Приходилось зависеть от соседей, хотя жили они на расстоянии, на преодоление которого надо было потратить целый день. Настало время всем мужчинам Халлака сплотиться, позабыв о старых распрях и вражде.

Правда, сейчас это был уже не Халлак — тот остался позади, навсегда утраченный. Наши люди уже начали называть новую землю Высоким Халлаком, потому что местность здесь гористая.

Сон так и не приходил, хотя свеча погасла. Я поднял голову и стал вглядываться в ночное небо, отыскивая

известные мне звезды. Мне вдруг стало холодно, даже мурашки забегали по голове под волосами. Дело в том, что я не увидел на небе ни одного созвездия, известного мне с детства. Где Орион, Телец, Большая Медведица? Их не было и в помине.

Дождь уже несколько часов как прекратился, облаков не было. На небе было полно созвездий, но все они были незнакомые! Куда же вытолкнули нас Врата? На первый взгляд земля, на которой мы оказались, была совершенно обыкновенной. Такая же почва, трава, кустарники и деревья, что были известны нам с рождения. Только звезды были другие. Мы были на земле, которая должна была нас поддержать, но очень далеко от места, где родились.

Дрожа, я лежал под незнакомыми звездами. Только сейчас я понял, что мы изгои, и надеяться нам не на кого, только на самих себя. Нам нужна сила, необходимо бороться с собственной слабостью. Что-то нам сулит будущее? Я думал о море, о жребии Гарна, и в душе моей поднималось волнение и желание изведать новое. В то же время другая часть моей души хотела защититься от неизведанного и от будущих опасностей. В конце концов я запутался в собственных ощущениях и провалился в сон.

II

Позади остались просторные долины, они принадлежали теперь людям Фаркона, Сивена, Урика, Дауана. Справа шумно накатывали на берег морские волны. Нас становилось все меньше и меньше. Утешало лишь то, что на доставшейся нам земле и вправду никого не было, хотя то и дело мы натыкались на полуразвалившиеся строения, оставшиеся от тех, кто жил здесь до нас. Временами мы двигались по старинной дороге, что значительно облегчало путь. Квейн и трое братьев ехали впереди, указывая места, которые по их совету мы старались обойти как потенциально опасные.

Мы осторожно объезжали башни, участки мостовой, окруженные колоннами, нагромождения камней. Я не мог понять, как древним строителям удавалось поставить один на другой огромные камни, и зачем вообще им понадобилось тратить на это такие неимоверные усилия.

Самые большие и плодородные равнины, выходящие к морю, остались позади. Двадцать дней мы ползли на север. Два раза нам пришлось отходить от побережья и искать брод, благо что здешние реки отличались спокойным течением, во всяком случае, в это время года. На такие поиски мы затрачивали по целому дню.

На двадцать четвертый день мы распрощались с людьми из рода лорда Милоса. Они повернули на запад и вошли в свою долину, следуя за братом-проводником. На прощание мы обещали друг другу встречаться по праздничным дням. Все же мне кажется, что в душе у каждого — неважно, шел ли он дальше или оставался на выделенной земле — росли тревога и чувство одиночества, ощущение того, что еще одна связь с прошлым разорвана, и об этом еще не раз придется пожалеть.

За время длинного похода мы сблизились, хотя бы оттого, что остались одни на чужой земле. Со стороны казалось, что у нас и рода Тагнеса не осталось ни малейшей враждебности в отношениях друг с другом. Все дружно старались облегчить повозки, переходя реки вброд, помогали перенести на седлах овец, и при этом не смотрели, кто какому роду принадлежит. И хотя по вечерам устраивались на ночлег каждый своим лагерем, ходили друг к другу в гости.

В это время я и заприметил тоненькую, как тростинка, девушку. Она ехала верхом на лохматом, крепко стоящем на ногах пони. Он без капризов нес на спине и ее, и два тяжеленных мешка. Когда к нему приближался посторонний, он выкатывал глаза и скалил желтые зубы. Несмотря на кажущуюся хрупкость, девушка была не намного слабее любого парня. Она проворно и независимо выполняла самую тяжелую работу. Однако в манерах ее не было и следа от угрюмой покорности крестьянки.

янки и уж тем более заносчивости, свойственной дочерям лордов.

На третий день путешествия я заметил, как сильно она отличается от других женщин: тем постоянно требовалась помощь. Ехала она рядом с небольшой повозкой, по размеру чуть больше телеги, в которой крестьянин возит на рынок свой урожай. Тащили ее два таких же лохматых пони. Их серая шерсть гармонировала с цветом повозки. Люди у нас обожают раскрашивать телеги в яркие цвета. Эта же обошлась без украшений и поэтому выделялась на общем фоне.

Под кожаным верхом повозки сидела женщина и погоняла лошадок. Одета она была в юбку и куртку, выдержанные в тех же серых тонах. С первого взгляда я узнал в ней колдунью.

Путешественницы держались особняком, они не принадлежали ни одному роду. Я заметил, как Аус подъехал к повозке и стал о чем-то говорить с возницей, девушка при этом отстала. Тот факт, что бард удостоил своим вниманием женщину, означал, что она, несмотря на скромный и незаметный облик, пользуется авторитетом среди людей, обладающих Внутренним Знанием.

Я предполагал, что они поедут с кем-нибудь из богатых лордов, так как у них больше народа, и колдунья сможет полностью отдаться своему ремеслу — лечению заболевших и отваживанию злых духов. Однако нас становилось все меньше, а эти двое продолжали свой путь.

Всем известно, что нельзя задавать вопросы колдунье и интересоваться ее планами. Колдуньи не ходят к Вечному Огню, однако люди не возражают. Талант их — дар свыше, они свободны в своих действиях. Могут приходить и уходить; помогая всем, они не задают вопросов. Воины и роженицы боготворят их и готовы отдать им все что угодно.

Но если тебе очень уж захочется что-то узнать, ты всегда можешь это сделать. Я выяснил, что девушку зовут Гафия, что она найденыш, и что колдунья взяла ее на воспитание. Гафия была у нее одновременно и служанкой,

и ученицей. Вот так случилось, что она пошла по особому пути и не стала ни крестьянкой, ни прислугой в доме лорда.

Хорошенькой назвать ее было нельзя. Она была очень худа, чересчур смугла; черты лица слишком резки. Но было в ней что-то такое, что останавливало на себе взгляд мужчины, во всяком случае, мой взгляд. Возможно, независимость, проявлявшаяся в походке, в манере ездить верхом. Я ловил себя на том, что старался представить, как в праздник будет выглядеть ее тонкая фигурка в длинном платье, а не в коротком жакете и таких же, как у меня бриджах. В этой одежде я видел ее каждый день. А если она распустит длинную косу, туго обвитую вокруг головы, то в распущенные волосы можно вплести серебряную цепочку или маленькие колокольчики, как у дочери Гарна — Айны... Представить себе Айну, переправляющейся вброд с брыкающейся овцой, которую она удерживает, вцепившись ей в шерсть одной рукой, а другой, понукая, охаживает пони?.. Нет, такую картину вообразить я никак не мог.

Когда колдунья не пошла вслед за Милосом, я еще больше удивился. Никак не предполагал, что она пойдет с Тагнесом. Они ведь ни разу не разбивали палатку рядом с его людьми, да и костер разжигали поодаль. Это, правда, соответствовало традиции: колдуньям не положено селиться рядом с обычными людьми. Они подыскивают уединенное место, где выращивают лечебные травы и исполняют ритуалы большей частью секретные. Непосвященные наблюдать за этим права не имеют.

По песчаному берегу трудно было тянуть повозки, так что мы ползли еще медленнее. Ночью разбили лагерь прямо на берегу, спиной к скале. Море казалось нам странным, и мы поглядывали на него с опаской. Зато дети носились по берегу в поисках красивых ракушек да, задрав головы, смотрели на птиц, с визгом бросавшихся в волны за добычей.

Поставили палатки, и я поспешил к морю. Волна гналась за волной, разбивалась о берег и умирала на песке.

Хотелось глубоко дышать и до отказа наполнить легкие воздухом, насыщенным запахом водорослей. Я смотрел на темнеющую воду и удивлялся храбрости людей, отважившихся наперекор стихии строить здесь хрупкие, как раковины, деревянные строения, отражавшие гнев волн.

Между скалами что-то блеснуло, и я пошел посмотреть. Высокие камни то тут то там образовывали мелкие водоемы. В этих лужицах водились странные создания, которых я никогда раньше не видел. Они заинтересовали меня. Присев на корточки, я наблюдал, как они выныривают из воды, а потом прячутся под камнями. Это все были охотники, и каждый добывал себе пищу по-своему.

От созерцания маленьких хищников меня вдруг отвлек всплеск. Я повернулся и увидел Гафию. Босиком, в бриджах, закатанных выше колена, она, напрягаясь изо всех сил, шла по воде, таща за собой длинное красное, похожее на виноградную лозу растение, с огромными листьями, с которых стекала вода. Казалось, что этот «морской виноград» был поставлен на якорь, ибо, как Гафия ни старалась, он почти не поддавался.

Не медля ни секунды, я стянул ботинки, и даже не закатав бриджи, прыгнул в воду и схватился за скользкий стебель чуть ниже ее руки. Она оглянулась через плечо, выцветшие на солнце брови слегка нахмурились. Затем милостиво кивнула, и мы стали тянуть вместе.

Несмотря на объединенные усилия, упрямое растение не сдавалось. Дернув еще раза два, я убрал руку и вынул меч. Она опять кивнула и требовательно протянула руку. Тут я, сам не знаю как, отдал ей свое оружие. Пока я крепко держал растение, она поднесла лезвие и двумя взмахами отрезала лозу. Затем она взяла растение одной рукой, а другой — протянула меч, рукояткой ко мне.

— Благодарю тебя, Элрон из дома Гарна, — голос у нее был низкий, чуть хриплый. Видимо, оттого, что долгое время не говорила. Мне показалось странным, что ей известно мое имя, так как никто из нашего рода не разговаривал во время путешествия с ее хозяйкой. Да я и не был ничем знаменит.

— Что ты будешь с этим делать? — я двинулся к берегу и, хотя она не просила меня о помощи, но и не отказалась от нее , помог дотащить растение.

— Эти листья, если их высушить и измельчить, — сказала она в манере землепашца, обсуждающего вспашку целины, — послужат хорошим удобрением. Кроме того, оно обладает и другими полезными свойствами, о которых знает Забина. Это очень хорошая находка, снятая к тому же в лучший вегетационный период.

Я осмотрел скользкое растение, которое мы отряхнули от воды. На его длинные листья-усики налип песок. Я подумал, что разные диковины, должно быть, лучше, чем кажутся.

Она ушла, не сказав ни слова, волоча за собой растение. Прежде чем обуться, я стряхнул с ног песок. Протянулись длинные вечерние тени, и я пошел в лагерь обедать. Что-то принесет нам следующий день, думал я, и сколько нам еще идти до земли, выбранной Гарном.

Я держал перед собой миску с раскрошенным хлебом и несколькими кусочками тушенки, приготовленной из сушеного мяса. Не успел я поднести ложку ко рту, как застыл в недоумении: к нашему костру подошли двое. Квейн, сидевший рядом с Гарном, сложив ноги по-турецки, помахал им рукой. Гарн холодно смотрел на прибывших поверх кромки рога, из которого пил.

Хотя за последние дни я видел лорда Тагнеса неоднократно, впервые он был так близко, что, протянув руку, я мог дотронуться до ножен его меча.

Перед нами стоял невысокий человек с могучими плечами. Любимым оружием его был боевой топор. Постоянные тренировки придали его мускулам большую силу. На лошади он выглядел внушительно. Когда же он шел своим ходом, переступая мелкими шагами, фигура его выглядела слишком грузной.

Как и на всех нас, на нем была кольчуга, надетая поверх куртки. Ветер шевелил его густые каштановые с рыжеватым отливом волосы. У него к тому же, в отличие от всех нас, густо росла борода, чем он, похоже, гордился.

Зато нос его в молодости пострадал в бою: носовая перегородка была сломана и сплющена, отчего дыхание его было неровным, и он постоянно пыхтел.

Рядом с Гарном он выглядел не как знатный лорд, воспетый бардами, а как грубый наемник, нанятый с целью тайного грабежа.

За спиной отца, освещенный пламенем костра, появился его сын и наследник. Ростом он был выше отца и намного его худее. При ходьбе волочил ноги, руки при этом безвольно свисали вдоль туловища. Тот, кто знал его или слышал о нем, конечно же, понимал, что он вовсе не такой ротозей и дурачок, каким кажется. Известно было и его умение обращаться с арбалетом. Но он был молчаливой тенью своего отца, и у него не было друзей-одногодков. Если с ним кто-то заговаривал, он обычно смотрел на собеседника круглыми глазами и отвечал медленно и односложно.

Лорд Тагнес сразу перешел к делу. Точно так он бросался на врага с боевым топором. Заговорил он, однако, с Квейном, игнорируя Гарна. Даже плечо вперед выставил, желая отгородиться от старого недруга.

— Когда мы, наконец, выберемся из этого чертовой каши? — проворчал он, поддавая ногой рыхлый песок, так что песчинки разлетались во все стороны. Этим действием он старался пояснить свои слова. — Мои лошади уже все жилы себе вытянули, а других у меня нет. Ты обещал нам землю, Меченосец. Где она?

Внешне Квейн остался невозмутим. Он поднялся и, заложив руки за пояс, хладнокровно глядел в глаза Тагнесу.

— Если Огонь будет благосклонен к нам, лорд Тагнес, завтра на закате солнца мы будем от твоей земли на расстоянии пущенной стрелы.

Тагнес грозно фыркнул сломанным носом. Я заметил, как пальцы его сжали ручку топора. Глаза из-под густых бровей требовательно смотрели на брата-меченосца.

— У нас должна быть хорошая земля, — он опять топнул сапогом по песку. — Эта дрянь лезет в рот человеку,

даже когда он ест, а когда пьет — попадает в глотку. С нас довольно! Что ж, пусть будет так, как ты сказал, Меченосец! — последние слова прозвучали почти как угроза. Он сопровождал их подкидыванием песка. Форг, его сын и наследник, топтался позади, как разведчик на вражеской земле. Вдруг он поднял голову и посмотрел прямо на меня.

Я был молод, и Гарн обращал на меня мало внимания. Все же я способен был понимать выражение глаз человека, даже если лицо его при этом оставалось бесстрастным. Встретившись взглядом с Форгом, я даже перестал жевать. Сначала я просто удивился. Потом, мгновение спустя, понадеялся, что ничем не выдал своего удивления. Ибо с какой стати сын и наследник Тагнеса, с которым мои интересы никогда не пересекались, вдруг обнаружил смертельную ненависть, которую он, оказывается, испытывает ко мне? Личным врагом его я никак не мог быть — за исключением того обстоятельства, что принадлежал к роду Гарна — но при этом я не мог отделаться от ощущения, что Форг испытывает ко мне нечто большее, чем обыкновенную клановую вражду. Взгляд его меня встревожил.

Ночь выдалась лунная, прохладная и красивая. Свет луны помогал спрятать звезды, которых, по моему мнению, быть не должно. Существуют поверья, что луна играет большую роль в жизни людей: оставляет в их умах и душах свой отпечаток, подобно тому, как солнце окрашивает кожу загаром. Но луна действует не на мужчин, а на женщин, в особенности на тех из них, кто обладает познаниями в области магии.

В эту ночь я отдыхал, несколько удалившись от повозок. Мне предстояло идти в караул, и я ждал своей очереди. Вдруг в лунном свете я увидел колдунью. Она торопливо шла по берегу. За ней, отставая на два шага, спешила Гафия. Она, как ребенка или как бесценное сокровище, которое необходимо оберегать даже от лунного света, прижимала к груди какой-то узел.

Шли они в северном направлении, и я знал, что охрана лагеря не имела права говорить с ними и даже дать

им понять, что их заметили. Ибо было очевидно, что колдунья совершает какой-то обряд. Однако же кроме них, стараясь держаться в тени, двигался кто-то еще. Фигура эта в данный момент поравнялась с участком, где скалы заканчивались и начиналось открытое пространство.

Хотя я и не был таким профессионалом, как брат-меченосец, но и мне приходилось охотиться и выслеживать зверя. Я знал способы борьбы: надо ошеломить противника внезапным и быстрым нападением. Такая атака предпочтительнее, нежели долгая, изнурительная борьба. Вскарабкавшись на скалу, я занял удобную позицию, чтобы следить за человеком.

Мне казалось, прошло много времени, пока я сидел в своем укрытии, а он — в своем. Затем он покинул свой пост, так как женщины ушли и под луной лишь неспокойно плескалась морская вода. Лица я не видел, но по походке тотчас узнал его. Зачем Форгу понадобилось следить за колдуньей и ее служанкой? Нарушать традицию? Если об этом узнают, он понесет заслуженное наказание. Накажут его не мужчины, а женщины из его собственного дома. Ибо ни один мужчина не имеет право вмешиваться в дела женщин. И месть будет немедленная и изощренная.

Он пошел к своему лагерю, и я не стал его преследовать. Я все думал, зачем он нарушил традицию. Вряд ли он положил глаз на Гафию — быть этого не может. Хотя...

Я покачал головой, отмахиваясь от собственных диких мыслей, и задремал, пока меня не разбудили. Мне предстояло идти в караул в последнюю смену. До рассвета оставалось немного времени, скоро я увижу восход солнца. Восход был странный. Над морем, до самого горизонта, висели плотные облака, похожие на остров. На острове этом были остроконечные горы и равнины, выглядевшие настолько реально, что, клянусь, готов был взять лодку и отправиться на новорожденную землю. Такое скопление облаков я увидел впервые. Вдруг позади меня послышалось тихое звяканье. Я быстро оглянулся и увидел

Квэйна. Он стоял, заложив, как всегда, руки за пояс, глядя, как и я, на море.

Он заговорил, и я сунул меч в ножны.

— Можно подумать, что это земля...

— Я ведь раньше не видел моря,— сказал я.— Может быть, здесь это на рассвете обычное явление?

Он покачал головой.

— Нет, это больше напоминает настоящий пейзаж, увиденный издалека. Смотри! — он взмахнул рукой.

В голосе его послышалось нетерпение, и я посмотрел в указанном им направлении. На призрачном острове, на фоне пламенеющего неба, возле горы, я увидел крепость с двумя башнями, одна из которых была чуть ниже другой. Я готов был поклясться, что крепость существует на самом деле, так четко и ясно все это выглядело. Хотя облака под первыми лучами солнца стали светлее, очертания крепости оставались такими же четкими.

Она стояла, такая громоздкая, заметная, и вдруг пропала! Она не растаяла в воздухе вместе с медленно плывущими облаками, но пропала в мгновение ока, сгинула в небытие, как будто сильно дунули на горящую свечу. Но очертания ее так врезались в память, что я мог прямо здесь, на морском песке, нарисовать палкой ее силуэт.

Я взглянул на Квейна, будучи уверен, что это был не обман зрения, но что-то странное, возможно, одно из тех чудес, о которых нас предупреждали перед переселением на эту землю. К тому же у меня было ощущение, переходящее в уверенность, что крепость, которую я только что видел, где-то и в самом деле существует. Мне страшно захотелось проверить это. Частично я изложил свою мысль:

— Крепость... она была настоящая...

Квейн бросил на меня взгляд, который напомнил мне Гарна. Тот смотрел на меня так, когда я совершал какую-то оплошность:

— Что ты видел? — спросил он почти шепотом. Я едва его расслышал в шуме набегавших на берег волн.

— Крепость, с двумя башнями. Но как же она могла оказаться на облаках?

— Облака могут принимать самые причудливые формы, — отвстил он. Я застыдился, как ребенок.

Все же Квейн продолжал смотреть на облачный остров. На том месте, где стояла крепость, темного пятна уже не было. К этому времени наш лагерь начал просыпаться. Брат-меченосец отвернулся от моря и испытующе посмотрел на меня, будто ему хотелось проникнуть в мои мысли.

— Это странная земля, — он опять говорил очень тихо, словно делился секретом. — Много здесь такого, чего мы понять не можем. Разумный человек не будет и пытаться. Но... — он помолчал, а потом продолжил. — Некоторым людям любопытство на пользу. Что-то подталкивает нас узнать как можно больше. Только здесь у нас нет проводников, и глупец может запросто погибнуть. Так что будь осторожен, юный Элрон. Думаю, ты из тех, кто носишь в себе бремя...

— Бремя? — непонимающе переспросил я.

— Колдуны или люди, которых считают колдунами, так это называют. Другие люди называют это «дар». Все дело в том, с какой стороны на это смотреть. И учится ли такой человек тому, чему ему нужно научиться. Мой тебе совет — будь осторожен на этой земле. Она вдвойне опасна для тех, кто обладает двойным зрением.

Он круто повернулся и пошел прочь, как только произнес последнее слово-предупреждение. От чего он хотел меня предостеречь, я так и не понял. Не понял я и то, что он говорил о «даре» или о «бремени». Ведь я был лишь мелкой сошкой в свите своего лорда, а род его был очень бедным и слабым. Единственное, что у меня было — это одежда, в которую я был одет, меч да кольчуга, да еще шлем, доставшийся мне от отца. Был у меня еще и тонкий пакет с имуществом, лежавший в одной из повозок. Там была старинная книга баллад, написанных рунами (мне удалось их разобрать, хотя в наше время никто так не пишет), туника, связанная из хорошей шерсти (я надевал ее по праздникам), нательное белье; нож с красивой рукояткой, украшенной драгоценными камнями (он

достался мне от матери). Нельзя же было назвать это все бременем...

Когда в это утро мы продолжили путь, я все еще думал о загадочной крепости. Интересно все же, видел ли ее Квейн? Когда он попросил меня рассказать о том, что я видел, он не подтвердил мой рассказ. Но ведь он первый привлек мое внимание к облакам. У братьев Меча были свои потаенные знания. Они обследовали эту землю, прежде чем мы прошли через Врата. Возможно, они узнали нечто такое, что решили не разглашать, а может, они поделились этим только со старейшинами.

Я медленно ехал на коне, приноравливаясь к скорости движения повозок, а мысли мои бились над разрешением двух загадок. Первая: зачем Форгу понадобилось выслеживать колдунью и ее служанку, как будто он был шпионом во вражеском лагере. Вторая: то, что я видел на облаках. Душа моя отметала все разумные рассуждения. Мне казалось, что земля, по которой мы сейчас ехали, совершенно отличалась от всего того, что я знал прежде, и поэтому в ней могли происходить необъяснимые вещи.

Квейн был прав. Мы наконец пришли к углублению в скалах, откуда начиналась долина. Это место не могло быть портом, потому что горловина долины была слишком узкой, зато дальше она расширялась, и за ней простирались земли, сплошь покрытые блестящей весенней травой. Такую красоту не мог охаять даже лорд Тагнес. Здесь его люди свернули, и один из братьев поехал с ними в качестве проводника.

Мы наскоро попрощались, потому что особой дружбы между нами не было. Нас объединяло лишь то, что какое-то время мы были попутчиками, отправившимися в дорогу из одного и того же места. Я слышал разговор наших землепашцев о том, что на первый взгляд земли Тагнеса очень хороши для посевов. Они надеялись, что и наши почвы будут не хуже. Однако в этот момент меня больше волновало то, что колдунья повернула свою повозку вслед за людьми Тагнеса. Жаль, что она предпочла ехать с ними, а не выбрала нас.

Мы медленно продолжили путь. На ночь мы опять разбили палатки на берегу, правда, в этот раз луна пряталась в облаках. На вахту я заступил в то же время, что и накануне, но уже не увидел облачного острова. Вместо этого с моря подул ветер и стал обдавать нас солеными брызгами, хотя наш лагерь был разбит за линией прилива. На следующее утро нас опять поливал дождь. Тащить повозки было тяжелее прежнего. Часто приходилось спешиваться и подставлять плечо, чтобы стронуть с места повозку.

Мы были совершенно вымотаны, когда, обойдя еще одну скалу, обнаружили бухту, бывшую намного меньше остальных. Бухта эта ощетинилась рифами, острыми уступами обрываясь в море. К морякам она была негостеприимна. В нее, однако, впадала река, и подсказки Гарна мне не понадобилось, чтобы понять: мы пришли к месту назначения.

Животные сделали последнее усилие, мы подняли овец и повезли скот вдоль берега реки. Небольшой его участок окружали скалы, на которых гнездились морские птицы. Скалы были белыми от вековых отложений.

Эти крылатые сердито кружили над нами. Их резкие крики усиливало эхо, отражавшееся от каменных стен. Мы наконец-то миновали этот участок и вышли на землю, казавшуюся такой же прекрасной, как и земля лорда Тагнеса. Наши животные сразу же набросились на молодую траву. А мы стали отдыхать, радуясь тому, что наконец-то обрели свою землю, которая отныне будет принадлежать нам и нашим детям.

III

Я преодолел крутой подъем. Сквозь тонкий слой почвы проступали каменные кости земли. В скальных карманах, где скопилось немного земли, росла грубая трава да кусты, сильно потрепанные ветром. Только вскарабкавшись на вершину скалы и ощутив порыв ветра, бросил я взгляд на долину Гарна.

С высоты леса похожи были на клочковатый зеленый ковер (весна промелькнула быстро, и листья увеличились вдвое). Среди деревьев видны были просеки: деревья упали под ударами топоров, с них обрубили ветки и подтащили стволы к месту, выбранному Гарном для временного жилья.

На этих работах были заняты четыре тягловые лошади. Шесть остальных трудились в поле. Им приходилось нелегко. Надо было снять толстый слой дерна и подготовить землю к севу. Всем без исключения приходилось постоянно трудиться — как землепашцам, так и отпрыскам лорда. У меня в этот день был выходной, так как настала моя очередь нести охрану. Несмотря на то, что земля казалась необитаемой, Гарн не исключал, что нас могут подстерегать опасности. В добавление к тем, кто патрулировал высоты, Гарн назначил охотников. Все, что они добывали, шло в общий котел.

Квейн и двое братьев-меченосцев оставались с нами еще десять дней, а потом уехали. Отправились на запад — путешествие в неизвестность. Я караулил на скале, охраняя равнину, а братья патрулировали все западные рубежи, и вообще все вновь заселенные долины. В число обязанностей братьев входил поиск мест обитания, покинутых людьми Древней Расы, с отметкой их на карте.

Одно из таких мест находилось в нашей долине. По словам Квейна, оно не было таким уж значительным в сравнении с другими реликвиями. Все же каждый охранник должен был обращать на такое место особое внимание. Этим я и собирался сейчас заняться.

Я отправился на дежурство в полном вооружении: взял с собой меч, арбалет и надел кольчугу, словно в любую минуту ожидал нападения, хотя в глубине души считал, что мы пришли в необитаемую страну. Прыгнул с одной скалы на другую и пошел вдоль южной границы наших новых владений. Народу у нас было так мало, что единовременно Гарн мог делегировать в караул лишь двоих бойцов. По возвращении необходимо было представлять ему подробный отчет о дежурстве.

Животные здесь водились. Они ничем не отличались от тех, за которыми я охотился всю жизнь... разве что цветом или размером. Необычайно быстроногие олени, пасшиеся до нашего прихода в долине, покинули ее и отныне появлялись здесь крайне редко. Наверху, в горах, обитали существа размером с новорожденного жеребенка, правда, более тяжелые. У них были острые когти и клыки и соответствующий этим атрибутам нрав. Охотиться за ними было утомительно, зато радовал отменный вкус.

Птиц было много, некоторые яркой расцветки, разноцветными молниями проносились по воздуху. Были и другие, черные и непривлекательные. Облепив деревья, они резкими криками выражали протест хозяйничавшим в лесу дровосекам. Потом взмывали в воздух и, тяжело хлопая крыльями, летели в западном направлении, торопясь сообщить кому-то об уроне, нанесенном их вотчине. Я и сейчас видел, как они кружат над лесом и улетают прочь, проносясь над самым гребнем горы.

Я внимательно наблюдал за всем, что меня окружало. Накануне Роф отчитался о том, что обнаружил странные следы, глубоко отпечатавшиеся на земле в складке скалы. Казалось, тот, кто оставил эти следы, подошел к самому краю горного хребта и оттуда, возможно, подглядывал за нами. Следы эти, однако, не были похожи на человечьи. Они были широкие, с его ладонь. Скорее всего, это было местное животное, быть может, хищник, готовый поохотиться за нами.

Перед тем как начать восхождение, я снял тяжелые ботинки и надел мягкую, почти бесформенную обувь, в какой ходят охотники. Мои ноги ощущали сквозь нее поверхность скалы, как если бы я шел босиком. Поступь стала абсолютно бесшумной. Легкий ветерок доносил временами слабый запах цветения деревьев и кустарников.

То, что такие деревья здесь есть, я обнаружил очень скоро. В западной части горного хребта я заметил пропасть. Осторожно подобравшись к краю, заглянул вниз и увидел то самое место, которое когда-то покинули люди

Древней Расы. В центре сохранилась мощеная площадка, вокруг которой на одинаковом расстоянии друг от друга были высажены деревья. Деревья эти, судя по всему, невысокие, чуть выше моего роста, но старые. Свидетельством тому были дуплистые стволы и кривые ветки.

Деревья стояли в полном цвету. Цветы — бело-розовые, большие, почти плоские, край каждого лепестка окружен темно-красной каймой. Много сдунутых ветром лепестков лежало на каменной площадке. Поверхность площадки была чистой, не обросшей мхом. В центре ее — символическое изображение луны из голубоватого камня, отливающего металлическим блеском под лучами солнца. В каждом углу площадки установлена невысокая, в мой рост, колонна. На вершине каждой колонны — по одному резному украшению: круг, полукруг, четверть круга и черный диск, отличающийся по цвету от остальных символов — синих и блестящих.

С момента обнаружения этого места мы часто о нем говорили. Айна, посетившая его тайком вместе с братом, заявила, что оно имеет отношение к магии луны, а резные символы обозначают четыре лунные фазы. Она была чрезвычайно взволнована и несколько раз заговаривала о том, что ей хочется пойти туда в полнолуние, чтобы проверить сконцентрированную там силу. Я не поверил, что она одна отважится на такое приключение. Да и ни один мужчина ей в этом не поможет. Побоится, что тяжелая рука Гарна быстро и неминуемо покарает преступника.

Он строго-настрого запретил кому бы то ни было даже пытаться приближаться к таинственному месту. Во время дежурства мы видели площадку по меньшей мере дважды, но осквернить ее не посмели. Что было весьма благоразумно.

Но молодости благоразумие свойственно не всегда. Мне хотелось спуститься и проверить, из какого материала сделаны эти символы, не поддавшиеся воздействию погоды и течению времени. К тому же никакой угрозы оттуда не исходило. Стоя наверху и глядя на лепестки, тихо падавшие на камни, я испытывал умиротворение и

какое-то неясное желание. Я и сам не мог разобраться в тех чувствах, которые испытывал. Потом я встряхнулся, будто кто-то грубо разбудил меня и призвал к исполнению обязанностей. Я продолжил обход территории, а меня сопровождал запах цветения: непознанное не хотело выпускать меня из своих объятий.

Я всегда считал, что не склонен к мечтам и фантазиям. В домс Гарна такого фантазера мигом бы перевоспитали. Моему лорду все, связанное с чувствами, казалось подозрительным. Теперь, пройдя через Врата, я испытывал беспокойство. Меня обуревало желание исходить эту землю вдоль и поперек без всяких запретов. Вот если бы я был вольным братом-меченосцем, который может познать как добро, так и зло... Спал я плохо и старался подавить плохое настроение и неясные желания. Старался, соблюдая железную дисциплину, внести свой вклад в общую работу. Дежурство по охране территории было мне не в тягость. Напротив, я шел на него с легким сердцем и даже с удовольствием, которое старался не показывать окружающим.

Обход территории длился весь длинный летний день от рассвета до заката — и засиживаться было нельзя. Поэтому я быстро зашагал по знакомой мне уже дороге.

К югу горный хребет был очень широк, темно-серые и мрачные скалы лишены всякой растительности. За этим хребтом начинались владения Тагнеса, но никто из нас туда не ходил. К западу скалы были еще выше, а каменные обломки такие острые, что ходить там приходилось с величайшей осторожностью. Через реку переправы не было, так что обычно патрулировали двое — один шел на север, а другой на юг. Встреча происходила обычно возле реки. Мы махали друг другу, стоя по разные стороны ущелья.

В этой раз Хьюлин немного опередил меня. Он стоял, прислонившись спиной к скале. Мы, как всегда, поприветствовали друг друга. Я заметил, что сегодня ему повезло: у ног его лежали охотничьи трофеи, очищенные и подготовленные к обжариванию над костром. Жестом

я поздравил его, но он не ответил. Человек он был хмурый. Затем он забрал свою добычу и ушел. Я же съел прихваченный с собой завтрак и запил тепловатой водой из фляжки.

Стая черных птиц прилетела в коридор, пробитый рекой сквозь скалы. Летели они так низко, что я мог их хорошенько разглядеть. У них были блестящие красные глаза, а над крепкими черными клювами выступала оголенная красная плоть, что придавало им нездоровый вид. Надо ли говорить, что это их совсем не украшало. Две из них отделились от стаи и закружили прямо над моей головой. Их пронзительные хриплые крики нарушили умиротворенное состояние, которое я доселе испытывал.

Одна спланировала на меня без предупреждения. Когда я поспешно поднял руку, когти ее буквально вспороли кожаный рукав куртки. Я выхватил меч и вскочил на ноги. Теперь уже обе птицы летали надо мной. До сих пор я еще не видел, чтобы птицы нападали на человека.

Красные глаза их сверкали, из разверстых клювов вырывались резкие крики. Одна из них снова напала на меня. Я взмахнул мечом, целясь в комок из перьев, но птица легко увернулась. Другая тем временем пошла в атаку. Впервые я почувствовал беспокойство. Защищался я крайне неловко. Куда мне было деваться от этих клювов и когтей? Если только найти какое-нибудь укрытие... Я быстро оглянулся по сторонам в поисках камня, к которому можно было бы прислониться, даже если придется согнуться ради этого.

Крылатые фурии загнали-таки меня в угол. Несмотря на то что родня их уже давно скрылась, они, похоже, собирались рассчитаться со мной, как с представителем всего человеческого рода.

Скала защищала мою голову и плечи. Если сейчас они набросятся на меня, им понадобится низко спуститься, и тогда я встречу любую атаку выверенным ударом клинка. Я ждал. Но противник, казалось, был наделен мыслительными способностями и вел себя осторожно, не желая давать мне преимущество. Они продолжали осаду.

Злоба во мне нарастала с каждым мгновением. То, что эта парочка издевалась над человеком (так мне казалось в этот момент), распаляло мой гнев. К тому же я боялся, что их громкие крики услышит стая, и они вернутся, чтобы всем вместе напасть на меня. В голове не укладывалось, что птицы могут атаковать человека, к тому же вооруженного. Теперь я убеждался, что такое вполне возможно.

Я стал обдумывать план действий. На плече у меня висел арбалет, но на птиц с ним никто не охотился, и я не думал, что в данном случае это оружие можно применить. Как же вырваться из окружения? Ведь они, судя по всему, отступать не собирались. Быть может, они хотели задержать меня здесь, пока не поступит подкрепление? Так бывало на псовой охоте у богатых лордов, когда собаки удерживали слишком большого или слишком опасного зверя до тех пор, пока к ним не приходило подкрепление.

Они еще долго кружили над моим укрытием, как вдруг совершенно неожиданно взмыли в воздух, издавая крики, не похожие на их прежний воинственный клич. Похоже, их самих кто-то атаковал, хотя я и не понял, откуда им угрожали.

Я выжидал еще довольно долго, хотя птицы, недовольно кудахтая, и в самом деле удалились вдогонку улетевшей стае. Несмотря на это, выйдя из укрытия, я все еще сжимал в руке меч, подозревая, что улетели они неспроста: сюда, вероятно, кто-то пришел.

Через мгновение я увидел ее.

Гафия, служанка колдуньи, стояла на другой, более высокой скале, и мне нужно было задрать голову, чтобы смотреть на нее. Она, подняв руки, чертила в воздухе пальцами какие-то замысловатые узоры. Я заметил также, что губы ее шевелились, но не расслышал ни слова.

Итак, я видел ее, а позади нее...

Я издал громкий предупреждающий крик и навел арбалет на цель. Тут мой палец как будто примерз к курку, а сам я окаменел. Я увидел, как ее правая рука сделала взмах в моем направлении, и с ужасом осознал, что

девушка использовала против меня какую-то силу, природы которой я не понимал, но, тем не менее, оказался ее пленником.

Все же... за ней... Ее надо предупредить!

Я закричал, и, возможно, мой страх, вместе с нараставшей злостью (оттого что она взяла надо мной верх) заставил мой крик усилиться. Эхо гулко отразилось от каменных стен.

За спиной Гафии показалась мохнатая клыкастая голова огромного кота. Поднявшись на задние лапы, он вонзил в землю возле ног девушки свои длинные когти. При этом уставился желтыми глазами прямо на меня. Оскаленные клыки его верхней челюсти казались такими же длинными и острыми, как столовый нож, но куда более опасными.

Гафия повернула голову и посмотрела на зверя. В этот момент я не увидел движения ее глаз, видел только поворот головы. Взгляды девушки и зверя встретились. Они смотрели друг на друга не отрываясь. Затем животное опустилось на землю и встало между нами, опять глядя на меня, но челюсти его при этом сомкнулись. Тут я уже более не сомневался в том, что Гафия каким-то образом (вроде того, что она только что проделала с птицами), обрела власть и над этим грозным зверем.

Она сделала знак рукой, и я смог пошевелиться. Оружие опустил, показывая, что угроза от меня больше не исходит. Все же сама странность происшествия удерживала меня на месте, как будто я все еще не отошел от колдовства. Кот отличался дикой красотой. Я вынужден был это признать. Серебристо-серая шерсть его отливала более темным цветом на спине и задних ногах. Такого зверя мне еще видеть не доводилось.

— Он... он ручной... — я произнес эти слова, сам не зная, то ли это вопрос, то ли утверждение. Ведь зверь этот пришел не с ней. Он жил здесь, в долине. Как же ей удалось покорить его за считанные минуты?

— Нет, он не ручной, — она покачала головой. — Ведь это означало бы, что воля его сломана человеком. А для

его племени это оскорбление. Он понял, что я не хочу ему зла, что я — искатель. Возможно, в давние времена предки его встречали других искателей, и они были друзьями. Земля эта очень богата... — она слегка развела руки, будто хотела забрать то, что было желанием всей ее жизни. В ее глазах я прочел волнение и страстную мечту, радость, дикую и свободную. — Если мы будем вести себя осторожно, нам за это трижды воздастся. Только... — теперь глаза ее сверкнули яростно, как у кота, — кажется, мужчины употребляют свои силы и волю совсем не там, где это необходимо.

— А что ты сделала с птицами? — я не хотел вступать с нею в спор. К тому же до сих пор не мог простить ей того, что она не видела греха в подчинении меня своей воле, хотя на словах и была противницей усмирения животных. Я видел, как быстро она отразила атаку. Я так легко отступать был не намерен.

— Я... Нет, этого говорить нельзя, Элрон из дома Гарна. Скажем так: те, кто живет в мире со всеми живыми существами и не пытается обуздать их, обратить в своих рабов и слуг, получает в ответ уважение, которым может при необходимости воспользоваться.

— Но птицы-то уж никак не слуги! — возразил я.

— Нам они точно не слуги. Я думаю, они слуги древнему злу. Возможно, когда-то они были надсмотрщиками. В долине Тагнеса тоже есть стая таких птиц. Забина хочет докопаться, куда они летают и почему следят за нами.

Раньше все это показалось бы мне бредом. Разве можно выучить птиц шпионить, да так, чтобы они еще и сообщали об увиденном? Ладно, допустим, так оно и есть. Кому же они тогда приносят сведения? Надо ли об этом предупредить Гарна? Я представил себе, как бы он при этом на меня посмотрел.

— Если твоя колдунья все выяснит, — спросил я, — она расскажет об этом?

— Если это пойдет всем на пользу, конечно, — кивнула Гафия. — Мы давно наблюдаем за ними, но до сих

пор они еще ни разу не пытались атаковать. Чем ты их так разозлил?

Я почувствовал раздражение, оттого что она немедленно приняла меня за виновника инцидента.

— Ничем. Просто стоял и смотрел на стаю, летящую на запад. Обычно они сидят целыми днями в лесу и шпионят за нами, а потом кричат и улетают.

— То же самое они делают и в долине Тагнеса. Возможно, теперь они решили испытать свои силы. Я бы на твоем месте предупредила людей, чтобы они поостерегались. Они вполне могут замучить до смерти не только овец, но и коров. Глаз выколоть человеку... Посмотри-ка, что они тебе сделали.

Она указала на руку, которой я защищал себя от первой атаки. Кожа был порвана.

Не успел я ответить, как она легко спрыгнула вниз со скалы. Задремавший было кот поднялся. Голова его достигала уровня ее плеча. Она запустила руку в его густую шерсть.

— Ты одна пойдешь? Тебе может повстречаться кто-нибудь пострашнее птиц... — я знал даже в тот момент, когда произносил это, что слова мои звучали не так твердо, как я надеялся. Мое слабое предупреждение она наверняка встретит с той же усмешкой, что и Гарн, когда я расскажу ему историю о птицах.

— Я в поисках того, что обладает силой, ибо мы в ней нуждаемся, — ответила она уклончиво. — Забина провела сеанс, но наткнулась на препятствия. Тут надо быть осторожным, лучше не будить то, что следует оставить в покое. Эта земля — во многих отношениях ловушка. Мы пришли сюда, потому что у нас не было выбора, но действовать здесь следует как на фронте, между двумя армиями, каждая из которых — наш враг.

Сам того не желая, я взволновался. Мы не помнили, что заставило нас пройти через Врата (должно быть, это был страх — какое-то несчастье, которое не оставляло нам другого выбора). Теперь же, несмотря на уверения братьев-меченосцев, я понял, что на земле этой могут быть,

по ее выражению, ловушки, на которые даже воины и разведчики не успели наткнуться.

Ну раз уж мы оказались здесь, обратного пути для нас не было. Мы должны принять действительность такой, какая она есть, а если надо, то и с оружием. А может, нам помогут советы и заклинания колдуньи и ее служанки?

Она шла вперед, и так как путь ее совпадал с моим служебным маршрутом, я спешил позади. Кот, ступая мягкими лапами, возглавлял процессию. Он то и дело останавливался и обнюхивал скалы, хотя я не мог понять причины такого интереса.

— В вашей долине есть поселения людей Древней Расы?

Она шла, отвернувшись от меня, и смотрела то вперед, то направо. Иногда останавливалась. Ноздри ее расширялись, как у кота, словно то, что она искала, ей нужно было сначала обонять.

— Нет, и потом это не наша долина, — ответила она резко. Я решил, что ей не понравилось мое любопытство, желание узнать от нее и о ней больше, чем нужно. — Мы не относимся к роду лорда Тагнеса, да и к любому другому, — она нахмурилась. — Мы пошли с ними, потому что возникла такая необходимость. Останемся ли мы с ними, — она пожала плечами, — покажет будущее. А...

Она стремглав бросилась вперед, обегая громоздящиеся камни, и мчалась по открытым пространствам со скоростью серого оленя, которого наш приход вынудил покинуть долину. Впереди нее несся серебристый кот, перепрыгивающий препятствия, которые ей приходилось обегать. Я торопливо бежал сзади, так как мне не терпелось выяснить, что послало ее вперед. Но я безнадежно отстал, не в силах сравниться с ней в скорости. К тому же мне мешало оружие и кольчуга.

Потом я догадался, в каком направлении она двигалась. Она бежала к Святилищу Луны. Помня наказ Гарна, я прибавил скорости. Никто не должен входить туда, предупредил он. Мы не имели права исследовать то, что было

сделано давно ушедшими. У меня, однако, была слишком слабая надежда удержать Гафию.

Я дважды окликнул ее. Казалось, и она, и кот совершенно оглохли — никто из них не повернул головы и не сбросил скорость. Когда я подошел к краю потаенного места, девушка стояла между двумя деревьями возле площадки. Руки ее были крепко прижаты к груди, глаза устремлены на площадку, будто она представляла собой великое чудо, предназначенное только ей одной.

За ней припал к земле кот. Глаза его на этот раз не жмурились, напротив они были внимательны, будто ожидали чего-то.

Гафия сделала шаг вперед.

— Нет! — возвысил я голос и попытался спрыгнуть вниз, чтобы удержать ее.

Я попытался спрыгнуть, но вместо этого завалился назад, как мешок, арбалет мой отлетел в сторону, а я дергал ногами, как жук, перевернувшийся на спину.

Встав на колени, я протянул вперед руку. Кулак мой будто в стену уткнулся. Передо мной встал невидимый барьер, преодолеть который было невозможно. Кончиками пальцев я ощупывал его и, поднимаясь все выше, встал на ноги. Обе руки мои упирались во что-то, и это «что-то» мешало мне выйти, а Гафии, наоборот, помогло пройти, куда ей было надо.

Посмотрев вниз, я увидел, что она стоит на краю площадки. Справа от нее на колонне находился черный диск, слева — один из блестящих синих. Губы ее опять что-то беззвучно шептали, глаза уставились на что-то.

Она медленно опустилась на колени, голова выдвинулась вперед, как будто она отдавала почести великому господину. Лепестки летали по-прежнему, несколько упало ей на голову.

Руки ее задвигались, она осторожно собрала с каменной площадки несколько лепестков и зажала в правой ладони. Голова поднялась, и я увидел ее лицо. Глаза были закрыты, она будто прислушивалась к каким-то словам, которые необходимо было запомнить и передать другому.

Еще раз поклонившись, она прижала к сердцу ладонь с лепестками. Затем поднялась с земли и тут же отвернулась, словно считала, что исполнила задание. И в тот же момент барьер, в который упирались мои руки, исчез.

Прыгать вниз, как намеревался ранее, я уже не стал. Такой поступок нельзя было бы назвать невежливостью, это стало бы оскорблением. Я тряхнул головой, стараясь освободиться от таких фантазий. Только в душе я знал, что никакие это не фантазии, все, что я думал, было правдой. Я не осмелился прыгнуть в Святилище Луны, хотя от него не исходило угрозы, оттого, что место это не для меня. Спрыгнув вниз, я нарушил бы красоту, ценность которой выходила за пределы моего воображения.

Я хотел подождать Гафию, но уже издалека увидел, что она движется в южном направлении. Ей, следовательно, не хотелось идти рядом со мной. Кот шел за ней, а я стоял и смотрел на нее, не зная, что сказать или что делать.

Потом серебристое тело грациозно взлетело, и кот покинул ее, направляясь на юго-запад. Ему нужна была другая долина. Гафия ушла, не попрощавшись и даже ни разу не оглянувшись на меня.

Ясно было, что она идет к своей хозяйке. Я продолжил свое дежурство и задумался, надо ли мне в своем отчете сообщать обо всем, что случилось за день. Ранее мне и в голову не приходило скрывать что-то от Гарна. В этот раз у меня было чувство, что то, чему я сегодня был свидетель, касалось не только меня, да и Гарну знать об этом было ни к чему. Потому что он мог даже приказать разрушить святилище Луны(да, такая мысль пришла мне в голову). Он не признавал — как мне было теперь хорошо известно — ничего такого, что нельзя было бы преодолеть физической силой. К тому же он разозлится, если узнает, что Гафия обнаружила здесь источник магической силы. Та невидимая стена, которая удерживала меня, была реальностью, а не выдумкой.

Птицы... вот о ком я ему расскажу. Тем более что, как предостерегла Гафия, они могут напасть на нас и на

наших животных. Следовательно, нам необходимо принять меры предосторожности и быть готовыми встретить их во всеоружии.

По дороге домой я мысленно составил план своего отчета. В то же время мне страстно хотелось узнать, что было в святилище Луны, кому воздавала почести Гафия, и что еще можно обнаружить в этой стране — добро ли, зло ли — каждый мог выбирать по своему усмотрению.

IV

Хотя я был первым, кто испытал на себе враждебность птиц, но отнюдь не последним. Мы углублялись в лес все дальше, деревьев валили все больше. Деревья нужны были для постройки длинного барака, под крышей которого наш маленький род должен пережить хотя бы одну зиму. На лесоповал слетелось огромное количество птиц. Вдруг дети, пасшие нашу крошечную отару, подняли крик. Мы сбежались с топорами и молотили направо и налево, защищая шестерых новорожденных ягнят от смертоносных клювов. Ведь от этих животных во многом зависело наше будущее.

В конце концов Гарну пришлось отозвать нескольких лесорубов и вручить им луки со стрелами для защиты скота. Птицы проявляли невиданную ловкость, увертываясь от лучших наших снайперов. Страсти накалялись. Все ощущали холодное недовольство Гарна. То, что раньше казалось нам незначительным, переросло в постоянную угрозу.

Когда мы проредили деревья, срубив самые могучие, то выяснили, что могло стать причиной птичьих атак. Однажды утром гигантское дерево упало под топорами, увлекая с собой массу ползучих растений, сплющивая густой кустарник, и тут мы увидели, что Святилище Луны, оказывается, не единственная реликвия, оставленная людьми Древней Расы в нашей долине.

Здесь тоже стояли колонны. Они не пострадали при падении дерева. Непонятно, что их спасло. Похоже, что-то

спасало их от внешних воздействий. Колонн, высотою в человеческий рост, поставленных так близко друг к другу, что между ними с трудом можно было просунуть руку, было семь.

Они выточены из камня грязно-желтого цвета. Смотреть на них было почему-то неприятно. Несмотря на обвивавшие их ползучие растения, на ветер и дождь, поверхность колонн ничуть не пострадала. Казалось, они были сделаны из грязи, которой придали потом форму. В средней части колонны был вырезан символ, для каждой колонны — свой.

Когда эта реликвия вышла наружу полностью, птицы подняли такой крик, кружа над рабочими, что даже Гарн не выдержал и отдал приказ оставить срубленное с таким трудом дерево там, куда оно упало, и не трогать его до поры до времени.

К счастью, птицы недолго мучили нас своими криками и низкими полетами. Потеряв к нам всякий интерес, они собрались в стаю, полетели на запад... и не вернулись. Мы обрели свободу. Через три дня Гарн приказал увезти дерево с помощью лошадей. Ему даже и предупреждать нас не понадобилось, чтобы мы не ходили мимо колонн. В той стороне лес мы больше не рубили. Реликвия эта внушала нам отвращение.

Мы завершили трудную вспашку целины, посеяли заботливо сохраненное зерно. Все же мы, потомственные крестьяне, не успокоились до тех пор, пока не появились первые всходы на незнакомой почве. Теперь, если только нас не подстерегут новые невзгоды, известные тем, кто обрабатывает землю, мы сможем рассчитывать на урожай, каким бы маленьким он ни был.

Некоторые женщины, под началом Фастафсы, — бывшей няньки леди Айны, а теперь экономки Гарна, — собирали дикорастущие плоды. Созревали ягоды, появились травы, и некоторые из них женщины сочли пригодными в пищу. Пусть и были над нашими головами незнакомые звезды, но сама страна во многих отношениях не отличалась от той, из которой мы пришли.

Мы возвели стены нового жилища — не из камня, а из бревен, и постарались обработать их как можно лучше. Первый наш кров представлял собой одно длинное здание, разделенное перегородками. В каждом таком помещении жила семья клана. Посередине здания устроили просторную столовую с высокими и низкими столами. В торцах здания установили по большому камину, а третий очаг поставили в столовой. Камины были сложены, по распоряжению Стига, из специально выбранных камней, взятых со дна реки: вода там довела их до гладкости. Когда установили крышу и крепко-накрепко присоединили ее к трем длинным центральным балкам, опиравшимся на колонны, отпраздновали новоселье. Младший сын Стига забрался на крышу и на счастье прицепил к коньку пучок травы, собранной женщинами.

Для скота у нас были подготовлены навесы. Мы пока не знали, какой здесь бывает зима. После того как здание было построено, наши охотники ежедневно приносили домой добычу. Мы обжаривали мясо над специально устроенными кострами. Ловили и рыбу. Нам удалось засолить несколько бочек.

В это напряженное время мы не виделись ни с кем из других кланов. Я немного надеялся на то, что к нам вернутся братья-меченосцы. Однако никто не явился. Люди Тагнеса тоже не спешили нас проведать. Все же каждый раз, когда мне выпадало дежурство в горах — Гарн по-прежнему заставлял нас патрулировать окрестности — я задерживался возле Святилища Луны, чтобы по какому-нибудь признаку определить, была ли здесь Гафия.

Весеннее цветение давно прошло, и деревья, окружавшие площадку, казались мне странными. Зелень их была темнее обычного, и очень, очень блестящая. Растения же, обвившие стволы, при ярком солнечном свете были ярко-синего цвета, как и символы, что оставили жившие когда-то здесь люди.

Дважды я заставал там Айну. Она заглядывала в святилище, будто искала что-то. Оба раза она пугалась, заметив меня. В первый раз она просила никому не рассказы-

вать, что я встретил ее на этом месте. С моей стороны это было попустительством, но все же я исполнил ее просьбу, и вовсе не потому, что испытывал нежные чувства к дочери Гарна, тем более что мы находились в близком родстве, и отношения у нас были как у сестры с братом.

Все же меня беспокоили ее тайные посещения святилища. Во-первых, потому, что Айна никогда не отличалась авантюрными наклонностями. Она от природы была застенчивой и скромной девушкой, и интересы у нее всегда были чисто женские. Айна прекрасно шила и была почти такой же умелой кулинаркой и хозяйкой, как сама Фастафса.

Мне было известно, что Гарн обещал выдать ее за второго сына лорда Фаркона. Прекрасная партия, от которой клан Гарна, несомненно, выиграет. Правда, время для Огня и Чаши пока не наступило. У нас не принято было жениться по любви, браки заключались в целях укрепления рода. А семейные отношения впоследствии определяла судьба.

Крестьяне в этом отношении были свободнее, хотя и там, бывало, ломались судьбы, если лорд ради выгоды клана женил молодых вопреки их желанию. Раз или два на помолвке крестьян я замечал, как Айна внимательно вглядывалась в улыбающееся лицо невесты. Думала ли она при этом, что и ей в свое время придется совершить далекое путешествие, после которого она, быть может, никогда больше не увидит долину своего отца.

Такие темы мы не обсуждали: это было бы против обычая, однако я верил, что хорошенькое личико Айны, добрый нрав и хозяйственные наклонности встретят одобрение в любом доме, куда бы ни забросила ее судьба. Я несколько раз видел ее жениха, сына лорда Фаркона. Это был высокий молодой человек приятной наружности. И брат, и отец любили его, что в нашей среде случается довольно редко. В общем, я считал, что в конце концов у Айны все будет хорошо.

Отчего она вдруг нарушила наши традиции и стала тайком приходить в это место, этого я не знал. Она мне

не говорила, хотя я и спрашивал. Ответила лишь, что должна была это делать. При этом чуть не плакала. Я не стал настаивать, только предупредил ее об опасности и попытался взять с нее обещание больше туда не ходить.

И она обещала. Так искренне, что я ей верил. А после находил ее там, возле площадки, словно стояла она на пороге комнаты, в которую хотела войти, только не могла набраться смелости. Во второй раз сказал, что больше ее обещаниям не верю и расскажу обо всем Фастафсе. За ней будут следить и не дадут незаметно уйти из долины. В тот день она долго и жалобно плакала, будто ее лишили сокровища, замены которому не найти. Она подчинилась, но так тоскливо, что я почувствовал себя жестокосердным тираном, хотя, напротив, единственным желанием моим было — защитить ее.

По окончании строительства появились первые признаки приближения осени. Все от мала до велика работали на уборке. Зерновые на целинной земле удались на славу. Стиг сиял. Урожай выдался лучше, чем он смел надеяться. Он повторял это снова и снова и уже строил планы на будущее. В следующем году он намеревался распахивать новые земли.

Хьюлин во время охотничьей экспедиции на запад наткнулся на третью стоянку людей, живших до нас. Он пошел вдоль притока реки и обнаружил еще одну долину. Там росли фруктовые деревья, увешанные плодами, которыми еще не успели полакомиться птицы и дикие звери. В том, что это были культурные деревья, сомневаться не приходилось, так как они были высажены в определенном порядке. Там, где дерево погибало и падало на землю, оставался лишь объеденный червями пень.

Мы отправились туда за урожаем. Мы — это Фастафса с женщинами, Эверад, я и трое человек из охраны. Айна с нами не пошла, сказав, что неважно себя чувствует. Фастафса уложила ее в постель.

На путешествие пришлось потратить два дня. Дорога вдоль зажатой между скалами реки была нелегкой. Весной, когда прибудет вода, путь туда будет полностью за-

крыт. Я понял это, когда увидел на скалах отметины, оставшиеся от весенних паводков.

Придя на место, мы добросовестно принялись за работу. Охрана бдительно несла свою службу, остальные таскали и опрокидывали корзины. Эверад и я ненадолго отлучились, чтобы взглянуть на вторую долину. Мы решили, что она сулит нам отличные перспективы. Надо будет уговорить Гарна, чтобы он расширил наши владения.

Кроме фруктового сада, других следов жизнедеятельности людей Древней Расы мы не обнаружили, что нас порадовало. Мрачных птиц здесь тоже не видели. На рассвете третьего дня тронулись в обратный путь. Двое мужчин с мечами и арбалетами всегда были на страже. В глубине души мы испытывали постоянную тревогу, как бы приятно и невинно ни выглядели окрестности. Ощущение, что мы находимся на границе с вражеской территорией, никогда нас не покидало. Я спрашивал себя, отчего это? Ведь кроме птиц, которые к тому же давно улетели, нам никто больше не угрожал. И все же каждую минуту мы ожидали неожиданного нападения.

Дома нас поджидала беда. Не зря мучило нас смутное предчувствие недоброго. Нас встретил Хьюлин, в полном вооружении, на коне. При виде его мы, мужчины, выдвинулись вперед, а женщины боязливо спрятались за наши спины. Все разом замолчали, хотя за минуту до этого слышались смех и пение.

Главнокомандующий клана натянул поводья, колючие глаза его быстро осмотрели нас, будто он проверял, кто отсутствует.

— Леди Айна, — сказал он, остановившись перед Эверадом, — не была с вами?

— Нет, но она плохо себя чувствовала. Она сказала... Фастафса, — Эверад повернул голову к экономке. Та выступила вперед. Глаза расширились, румяное обычно лицо побледнело.

— Миледи — что с ней такое? — она отодвинула локтем Эверада и обратилась к Хьюлину с выражением

яростного недоумения. — Она была дома, я дала ей снотворное, прежде чем уйти. Оставила с ней Трудас, чтобы она сидела рядом и присматривала за ней. Что вы с ней сделали?

— Она ушла. Сказала служанке, что чувствует себя лучше, попросила ее приготовить в дорогу еды и сказала, что они обе пойдут за вами вдогонку. Когда девушка вернулась, миледи уже не было.

В этот момент меня охватило чувство раскаяния и вины. Я понял, куда ушла Айна. Но если она исчезла сразу после того, как мы ушли, то се, стало быть, не было уже целые сутки! Я вынужден был исполнить свой долг: рассказать о том, что было мне известно, и понести ответственность за последствия.

Стоя перед Гарном, я понимал, что жизнь моя в его руках, и в то же время сознавал, что это пустяк в сравнении с тем, что может произойти с Айной. Что будет, окажись она сейчас рядом с котом, которого Гафия выбрала себе в попутчики?! Но то была Гафия! Айна ее даром не обладала. Я рассказал все и о святилище Луны, и о том, что Айна тайком его посещала.

Сначала я увидел, как поднимается кулак Гарна, облаченный в боевую, утяжеленную металлом перчатку. Удар послал меня, покорно стоявшего, на землю. Я ощутил во рту вкус крови. Рука его схватилась за меч. Он уже вытащил его наполовину из ножен, в то время как я лежал, не делая попытки защитить себя. Он был сейчас вправе перерезать мне горло. Ведь я нарушил клятву, данную лорду, порвал кровную связь. Всем, кто окружал нас сейчас, было это абсолютно ясно. Самый главный закон — это преданность своему лорду. Нарушить его означало стать человеком без рода, без племени.

Отвернувшись, словно я недостоин быть убитым, он прорычал приказания своим подданным. Они тут же отошли от меня. Я перестал для них существовать. Так это было заведено.

Я приподнялся на локтях. От удара голова шла кругом. Но что значил этот удар по сравнению с моим преда-

тельством?! Жизнь потеряла смысл. Я знал, что ни один человек теперь меня не признает.

Поднявшись на ноги, я увидел, что все стали подниматься в гору, к Святилищу Луны. Почему-то я был уверен, что Айну они там не найдут. Хотя я и был теперь проклят и выкинут из клана, мне необходимо было кое-что сделать.

В глазах Гарна и всего нашего рода ничто не могло вернуть меня к жизни. Все же я был жив, хотя лучше бы лорд сжалился и убил меня. Ведь по выражению его лица я понял, что поначалу он готов был сделать это. Я не мог обратить время вспять, но, похоже, существовал лишь один способ помочь Айне.

Признавшись Гарну в том, что Айна тайком посещала Святилище Луны, я ни слова не сказал о Гафии, так как был преисполнен вины за собственное безответственное поведение. Если бы я смог сейчас встретиться с колдуньей и ее служанкой (им было известно о святилище куда больше, чем нам, в этом я был убежден), у меня появилась бы слабая надежда разыскать кузину.

Лишившись рода и племени, я потерял право на все, даже на меч, который все еще висел у меня на поясе. Гарн не забрал меч, и я решил его сохранить. Возможно, он мне еще понадобится — не для того, чтобы заслужить прощение, а для того, чтобы вызволить Айну.

Я двинулся пешком к морю, планируя на следующий день прийти в долину Тагнеса и отыскать колдунью. Свой шлем с обозначением рода я оставил лежать там, куда он свалился от удара Гарна. Там же остался и арбалет. С обнаженной головой, пустыми руками, шатаясь, так как в голове звенело, а в глазах двоилось, я отправился вниз по течению.

Ночь я провел на берегу. К морю буквально подполз, обмыл разбитое лицо водой, отчего оно загорелось огнем. Один глаз заплыл и закрылся, а боль в голове не давала удерживать мысли, кроме единственной: мне необходимо разыскать колдунью или ее служанку. Они знают нечто о святилище Луны и о силе, которая в нем заключена.

Если Гарн не найдет следа дочери, на меня объявят облаву. Сам не зная почему, был уверен, что в горах они следа беглянки не обнаружат. Разумеется, ненависть и жажда мщения возрастут у Гарна многократно. Любой человек из нашего рода, который меня подстрелит, заслужит его благодарность. Я должен быть осторожен, если хочу остаться в живых и помочь Айне. В голове моей тем временем была полная неразбериха. Я то и дело впадал в забытье и обнаруживал, что лежу на песке или бессмысленно ползу. Когда волны, выплескиваясь на берег, окатывали лицо, я ненадолго приходил в себя.

Прошла ночь, а за ней и день. Напрягая остатки сил, я отвоевывал каждый шаг пути. Наконец я добрался до места, откуда шла дорога в сторону владений Тагнеса. Там я прислонился к скале и попробовал собраться с мыслями. Идти в долину открыто означало накликать беду. Хотя он и не был другом Гарна — вернее, оттого, что он был его недругом — ему доставит удовольствие выдать меня тем, кто за мной охотится. Как приятно будет Тагнесу рассказать всем, что близкий родственник, соплеменник, предал лорда Гарна. Ему выгодно сдать меня как заложника и посрамить тем самым тех, чье имя я когда-то носил.

Значит, мне нужно напрячь раскалывающиеся мозги, чтобы не попасться на глаза людям Тагнеса и суметь тайком пробраться к дому колдуньи. Сказать по правде, я не был уверен в том, что она мне поможет. Надеялся только на то, что она не зависела ни от одного клана и, следовательно, не была обязана исполнять его законы. Кроме того, она была целителем, возможно, она сжалится надо мной и подскажет, в каком направлении должен я идти, чтобы разыскать дочь Гарна и послужить ей верой и правдой.

Сам не знаю, как удалось мне добраться до долины. Видимо, меня вел инстинкт. Смутно припоминаю, что шел мимо полей, мимо стоявших в отдалении бревенчатых домов, или, вернее, трех таких домов, стоящих кучно, хотя, быть может, зрение выкидывало со мной шутки. Кажется, часть дня я пролежал, укрывшись за скалами, а черная

птица, спланировав вниз, пыталась выклевать мне глаза, так что я очнулся от боли. Впрочем, очень может быть, что это был сон. Было уже заполночь, когда я проснулся от невыносимой жажды, кожа моя была так горяча на ощупь, будто меня обернули горящей тканью.

Я подобрался к краю скалы. Горы здесь были выше, чем на земле Гарна. Помнилось, Гафия проходила где-то здесь. Я надеялся, что в этих местах меня не заметят караульные Тагнеса, и мне удастся найти дорогу к дому колдуньи. Вспоминая, как во время похода она разбивала палатку в стороне от людей, я уверен был, что и сейчас она живет где-то поодаль.

Пробираясь в темноте, я падал и вставал бессчетное количество раз. Лихорадка наконец взяла надо мной верх, я споткнулся и полетел вниз с такой силой, что показалось, будто я проваливаюсь в черную бездну. И это был уже не сон, а что-то более глубокое и менее приятное для тела и души.

Случилось так, что те, кого я искал, сами нашли меня. Временами я с трудом приходил в себя и видел над головой шатер из шестов, связанных сверху сухой лозой. Чудилось, будто лежу я на сжатой полосе с торчащей из земли соломой. Свешивавшиеся пучки сухих стеблей и листьев казались перевернутым вверх дном садом, убитым осенью.

Голова все еще болела, но жар, сжигавший меня, прошел. При попытке поднять руку я испытывал такую слабость, что меня охватывал страх. Затем силился повернуть голову. В виске начинало яростно пульсировать, но я уже способен был видеть, правда, только одним глазом. Я увидел, что лежу на кровати, в хижине, совершенно не похожей на крепкий дом Гарна. В хибарке не было ничего, кроме табуреток да небольшого очага, сложенного из камней с застывшей на них глиной. Камни были использованы также в качестве основания для полок. На этих импровизированных дощатых полках лежали пучки сухой травы и стояло много глиняных горшков и деревянных ящичков.

Помещение наполнял запах разнообразных трав. Одни пахли пряно и приятно, другие же — странно и резко. На огне стоял металлический горшок на трех ножках. В нем что-то булькало, и запах оттуда разносился уже другой. От него голова моя заболела еще сильнее, а желудок дал знать, что давно уже пуст.

Откуда-то послышался шорох. Мне удалось слегка повернуть голову, и в полутемной комнате (свет лишь слегка проникал чрез две очень узкие щели в стенах и из-под дверей) я увидел колдунью. Она взглянула на меня и, подойдя, притронулась ко лбу. Голова отозвалась резкой болью. Должно быть, я вздрогнул, хоть и старался не подать вида, что столь легкое прикосновение причиняет мне нестерпимое страдание.

— Лихорадки больше нет, — в тихом голосе мне почудились резкие интонации Гарна. — Это хорошо. Ну а теперь... — она подошла к очагу, зачерпнула из горшка поварешкой темную жидкость, налила в грубую глиняную чашку, добавила немного воды из ведерка и две-три щепотки сухой травы из большого выбора глиняных горшков.

Во время похода она была одета в приличную одежду, которую обычно носят женщины любого клана. Сейчас же на ней была рубашка, не доходящая до колен, и бриджи. На ногах такая же мягкая охотничья обувь, в какой я ходил на дежурство.

Она снова подошла ко мне. Подложив руку под голову, подняла меня с легкостью, которую трудно было ожидать от женщины, и поднесла кружку с горячим содержимым к моим губам.

— Пей! — приказала она, и я послушно, как ребенок, подчинился.

Жидкость была горькой, но я выпил ее, стараясь не подать вида, что она мне не по нраву, так как понимал, что она обладает оздоровительным воздействием. Осушив кружку, я схватил женщину за край рукава и выложил правду, зная, что сделать это необходимо, пока в голове моей не помутилось. Ведь если не признаюсь, это будет еще большим предательством.

— Меня изгнали из рода... — собственный голос удивил меня, так как слова, легко сложившиеся в мозгу, я произнес с трудом, с остановками, будто язык и губы вдруг стали страшно тяжелыми.

Она опустила меня на кровать.

— Ты болен, — ответила она, как будто это обстоятельство могло извинить любое преступление, как бы ни было оно тяжело. — Тебе нужен отдых.

Я сделал попытку заговорить, чтобы она поняла меня, но она прижала пальцы к моим губам, отчего мою распухшую и разбитую плоть пронзила резкая боль. Потом она перестала обращать на меня внимание и стала расхаживать по комнате, словно пересчитывала пучки и коробки, то снимая их с полки, то ставя на место. Вероятно, здесь соблюдался определенный порядок.

Наверное, напиток ее обладал снотворным действием, потому что я почувствовал, что глаза мои слипаются, и я провалился в здоровый сон, без сновидений.

Проснувшись, я увидел Гафию, стоявшую возле очага. Горшок по-прежнему кипел на огне. Она помешивала в нем ложкой с длинным черенком, чтобы не стоять слишком близко. Это было важно, потому что жидкость выплескивалась, и брызги падали в огонь, который каждый раз вспыхивал в ответ. Должно быть, она услышала, как я пошевелился, потому что посмотрела на меня, вынула ложку и положила на полку. Затем подошла ко мне и принесла еще одну чашку.

В этот раз я сам приподнялся на локте, не желая ее помощи, и увидел, что в чашке на этот раз была чистая вода. Я выпил ее до капли. Никогда еще вода не казалась мне такой вкусной. Потом я постарался объяснить ей то, чего госпожа ее, по всей видимости, не поняла:

— Меня отлучили от рода... — я не спускал с нее глаз. Я чувствовал жгучий стыд, но понимал, что обязан сказать об этом, несмотря на то, что болен. — Лорду Тагнесу будет выгодно отправить меня назад, к Гарну. И он сможет обвинить твою госпожу в том, что она меня не выдала...

Девушка, нахмурясь, прервала меня:

— Забина не имеет отношения к роду лорда Тагнеса. И что он будет делать, ей неинтересно. Ты ранен, нуждаешься в помощи. Она же может помочь и, следовательно, должна помочь. Никто не имеет права в это вмешиваться.

Я чувствовал, что она не понимает. По нашим понятиям, тот, кого отлучили, проклят, и те, что оказывают ему помощь, навлекают на себя неприятности. Отныне со мной не должен разговаривать ни один человек. Я превратился в живой труп. Никто не должен общаться с человеком без роду, без племени.

— Это все из-за леди Айны... — я пришел к ним не за тем, чтобы они меня вылечили. Не это меня мучило. — Она ходила в твое Святилище Луны. Я видел ее там несколько раз, но не сообщил об этом лорду Гарну. А теперь она пропала, быть может, попала под влияние злых сил.

— Мы знаем, — кивнула она.

— Ты знаешь? — я попытался сесть, и мне это даже удалось, хотя голова моя была такой тяжелой, как будто на нее был надет шлем, весивший в два раза больше обычного. — Ты ее видела? — мысль о том, что, возможно, Айна встретилась с Гафией, и та защитила ее... Хотя, с какой стати она будет это делать?

— Ты говорил об этом в бреду, — так она погасила возникшую было во мне надежду. — Кроме того, лорд Гарн приезжал сюда в поисках дочери. Выяснив, что здесь о ней ничего не знают, они поехали на запад.

— На запад... — повторил я, как эхо. В ту незнакомую страну, в которую даже братья-меченосцы не советовали ехать... Что там делать Айне?

— Возможно, ее туда призвали, — сказала Гафия, будто она прочитала мои мысли. — Она отправилась к Святилищу в полнолуние, а у нее не было никакой защиты.

— Призвали... но кто и куда? — не отставал я.

— Тебе об этом знать не положено. Это решать Забине. Сейчас, — она пошла к другой полке и принесла мне кусок свежеиспеченного хлеба и чашку с яблочным по-

видлом. Мне было немного больно, когда я ел.— Наполни желудок и старайся набраться сил. Тебе предстоит дорога.

Я принял дрожащими руками еду, она же вышла из дома, и мне больше некому было задавать вопросы, кроме как самому себе. А ответов на них у меня не было.

V

Я старался побороть слабость, набраться сил, чтобы уйти из этого дома. Хотя Забина и была колдуньей, у нее могли быть из-за меня неприятности. Лорд Тагнес вполне мог поступиться традициями, когда ему это было выгодно. Правда, все то, что было мне о нем известно, я узнавал из третьих уст. Но ведь в каждом слухе всегда есть частица правды.

Моя туго забинтованная голова все еще болела, зато видел я уже обоими глазами. Несмотря на приступы головокружения, я надел бриджи, сунул ноги в мягкие охотничьи сапоги и начал укладывать нижнее белье (оно было выстирано и аккуратно сложено), вошла колдунья.

Она встала передо мной и нахмурилась.

— Куда ты собрался?

Я надел через голову рубашку и весь напрягся от боли, охватившей голову, даже при таком легком соприкосновении с бинтами. «Госпожа,— сказал я почтительно,— мне необходимо как можно быстрее покинуть ваш дом. Ведь я отлучен от рода...»

Она жестом заставила меня замолчать и сама задала вопрос:

— А тебе известно, отчего возникла вражда у Тагнеса с Гарном?

— Да это не у них,— ее вопрос застал меня врасплох.— Это старинная вражда между домами.

— Да. И в самом деле, старинная... И зачем только глупые мужчины цепляются за старое? — в голосе ее слышалось раздражение. Она сделала резкое движение рукой, словно отмела то, что считала глупостью.— Это

началось еще до рождения отца Гарна — из-за похищения невесты.

Я сидел очень тихо, стараясь не делать лишних движений. Хотя в голове моей до сих пор шумело, все же голова соображала, и я понял, что она имеет в виду.

— Сын Тагнеса?

То, что исчезновение Айны могло иметь простое объяснение, до сих пор не приходило мне в голову. Мне было легче принять то, что кузина пропала в результате происков старых врагов, а не из-за того, что ее похитили загадочные обитатели заброшенного святилища. Но если это и так, то тем больше я был виноват! Ведь для того, чтобы совершить похищение, Форгу надо было долго шпионить, сидеть в засаде в ожидании Айны, следить за всеми ее передвижениями. А я, караульщик, даже и не подозревал, что за нами установлено наблюдение. Как же я был глуп. Меня интересовала лишь необычайность этих мест. Я забыл и думать о старой вражде.

Я все больше верил в ее версию событий. И даже почувствовал прилив сил. Быть может, я и не рассчитывал на победу в сражении с неизвестными силами (хотя и не отказался бы от такой попытки), но уж Форга-то я готов был одолеть. Дайте мне только меч!

Теперь же я сказал с убежденностью, какой у меня не было еще минуту назад:

— Ваша служанка говорила о магической силе Святилища Луны; вы же намекаете на Форга и старинную вражду. Кто из вас прав?

Она нахмурилась еще больше и даже закусила нижнюю губу, видимо, удерживаясь от лишнего или необдуманного слова. Затем сказала:

— Форг несколько раз ходил на охоту. Он поднимался в горы, но, видно, удача от него отвернулась, потому что два дня из трех он возвращается с пустыми руками. Он к тому же ни с кем не помолвлен. Нет никого, кто принял бы Форга ради него самого. Я уже сделала ему предупреждение, когда заметила, что он слишком часто поглядывает на Гафию. До женщин он сам не свой. Семья его

пользуется скандальной репутацией. Да уже два или три поколения сменилось, а никто не может сказать об их роде доброе слово. Да тут еще и Кампур...

— Кампур? — я с готовностью мог подтвердить все, что она сказала, последнее же слово было мне абсолютно непонятно.

Она пожала плечами: «Ну, неважно. Дело прошлое. Во всяком случае, странно, что лорд Тагнес так цепляется за старое!»

Она внимательно посмотрела мне в глаза, как бы стараясь внушить, что все сказанное мне следует забыть, что она случайно проговорилась, о чем жалеет. Действительно ли жалеет? Почему-то мне казалось, что Забине такие оговорки не свойственны. Возможно, она назвала это имя, чтобы испытать меня, хотя я и не понимал, зачем.

— Ну а Форг? — для меня сейчас важнее было думать о настоящем, а не копаться в прошлом.— Где он сейчас? Дома?

Она покачала головой.

— Он ушел из дома вчера на рассвете и до сих пор не вернулся. До этого он тоже отсутствовал целый день.

Следовательно, у него была хорошая возможность — либо встретиться с Айной и суметь завоевать ее расположение, либо, выяснив ее распорядок дня, засесть в засаде, а затем, похитив, спрятать где-нибудь в укромном месте. А таких мест здесь полным-полно. В это верилось куда больше, чем в то, что дочь Гарна была украдена таинственными силами.

Форг же был человеком из плоти и крови, и несмотря на охотничью хитрость, которой он мог обладать, я верил, что смогу ему противостоять. О его боевых способностях мне ничего не было известно. Видел его раза три во время нашего похода на север. Он был всего лишь человек. И с помощью мозгов один человек всегда может победить другого.

То, что он сделал, было не ново. Такие похищения часто переходили в семейную вражду. Задолго до моего рождения девочек и мальчиков просватывали в самом

нежном возрасте. В этом случае человека, решавшегося нарушить традицию, отлучали от рода.

Может, Форг надеялся, что на новой земле, где девушек было мало (к тому же сын Фаркона находился в отъезде), ему удастся совершить похищение безнаказанно? Мне о нем было известно очень мало, но я считал, что это вполне вероятно. Людям лорда Фаркона потребуется много дней, чтобы добраться сюда на лошадях. У Гарна же слишком мало людей, и никто из них не бывал в западных землях. Лорд Тагнес может сделать вид, что вместе с ними разыскивает сына, а сам будет тянуть время, с тем чтобы Форг осуществил свое намерение. Дело в том, что если Форг переспит с Айной, она будет его по праву, хотя род ее в глазах лорда Фаркона будет проклят, и он сможет в качестве отступного за невесту потребовать с них любую цену, какую только пожелает.

Я представил себе два, а то и три рода в смертельной схватке, и все из-за меня. Ведь это я попустительствовал Айне, когда она ходила к Святилищу Луны. Если бы я не был так слеп и заметил происки врага, этого никогда бы не случилось. Тысячу раз прав был Гарн, что наказал меня.

Мне ничего не оставалось, как только искать Форга. Ему наверняка еще не известно, что я отлучен от рода. Так что если я его вызову, он обязан ответить. Я смогу... я должен убить, чтобы смыть его кровью оскорбление, нанесенное нашему... нет, дому Гарна.

— Лорд Тагнес знал? — я заправил рубашку в бриджи. Взял подбитую ватой куртку. Она защитит плечи от давления тяжелой кольчуги.

Забина пожала плечами:

— Ведь ты отлучен от рода...

— Форг этого не знает, — ответил я, приучая себя к собственному позору. — Во всяком случае, я постараюсь поскорее встретиться с ним...

Колдунья улыбнулась, но улыбка эта была неприятной. Я был ей очень обязан — она ухаживала за моими ранами, вернула мне здоровье, хотя до сих пор я был еще очень слаб. И все же я не верил, что она ухаживала

за мной, оттого что прониклась ко мне симпатией. Все дело было в ее профессии, устав которой она свято соблюдала. Чем скорее я уйду из ее дома, тем ей будет спокойнее.

— Тебе нужно сменить повязку... — она повернулась к полкам, взяла горшочек с мазью и коробку с порошком. Все это она поставила на широкую нижнюю полку, смешала мазь с порошком, размяла пальцами и наложила толстым слоем на полотно.

— Тебе повезло, — сказала она, подойдя ко мне с повязкой, от которой исходил чистый и свежий запах трав. — Хотя череп и треснул — видно, у Гарна кулак очень тяжелый — внутреннего повреждения нет. А то бы ты сейчас здесь не сидел.

— Лорд здесь ни при чем — я ударился при падении. А вот это, точно, его отметина, — я осторожно дотронулся пальцем до распухшей щеки. Я вспомнил, что оставил шлем в доме Гарна. Хорошо еще, что он не забрал у меня меч. А он имел на это право. Вероятно, он так разгневался, что забыл об этом.

Она ничего не ответила, размотала старый бинт и наложила новый. Затем, без предупреждения, крепко взяла меня за подбородок и заглянула в глаза.

— В глазах не двоится?

— Сейчас нет.

— Тогда ладно. Но предупреждаю, ты еще не поправился. Можешь умереть раньше, чем совершишь задуманное.

— Госпожа, я сейчас здесь, потому что не сделал того, что должно. Если я выслежу Форга, то верну лорду Гарну хотя бы частицу долга. Всему виной моя глупость.

— Глупость! — нетерпеливо повторила она. — Неси тогда на себе груз ненужной вины. Каждый человек идет дорогой, которая ему предназначена. А на этой дороге бывает много поворотов. Он думает, что сам управляет жизнью. Он не знает, что до того, как ему приступить к работе на ткацком станке, нити уже проложены и рисунок ткани определен.

Я поднялся на ноги.

— Госпожа, примите благодарность за все, что вы для меня сделали. Долг за мной, если только такому, как я, без рода, без племени, дозволено будет признать этот долг. Но прежде я должен рассчитаться с лордом Гарном. Я уже не принадлежу к его дому, но могу ему еще послужить.

— Что ж, ступай своей дорогой. Но предупреждаю: не иди на поводу своих желаний, — я потянулся за кольчугой, а она отвернулась от меня.

Я долго и неуклюже возился с кольчугой (поклявшись, что не попрошу ее помощи; видно было, что она покончила со мной счеты, как ранее это сделал Гарн). Она сняла с нижней полки чашку — не деревянную и не глиняную, — а из серебра, начищенную и блестящую. Взяла ее обеими руками и внимательно осмотрела. Затем опять взглянула на меня. Похоже, она собиралась принять какое-то важное решение. Видимо, что-то решив, поставила чашку на место.

Потом она взяла дорожную сумку на длинном ремне и стала складывать туда вещи. Она положила туда остатки мази, несколько коробочек с травами. Я в это время вешал на пояс меч, чуть выдвинув из ножен клинок, чтобы как можно быстрее выхватить его в нужный момент.

В дополнение к коробочкам она положила в сумку пирогов. Сушеного мяса класть не стала, и я вспомнил, что колдуньи мяса в пищу не употребляют. Потом положила сушеные фрукты, а сверху — бутылку для воды. Я ее сразу узнал: это была моя бутылка, я брал ее с собой в дорогу.

— Наполни эту бутылку водой из ручья. Вода там хорошая — освященная луной. И сумку, и бутылку она бросила к моим ногам. Я почувствовал себя очень одиноким. Казалось, что проклятие Гарна доставало меня и здесь. Несмотря на всю ее заботу, видно было, что ей хотелось поскорее меня выпроводить. Винить ее в этом я не мог.

Я был уже на ногах и постарался побороть слабость, которая накатывала на меня. Я не мог уйти, не показав, насколько я сознаю свой долг перед ней. У меня был един-

ственный способ доказать это. Я вынул меч из ножен и протянул его ей, рукояткой вперед. Хотя и ожидал, что она с презрением отбросит то, что я ей предлагал. Ведь я теперь был изгой, который не имел права даже заговаривать с такими, как она.

Забина посмотрела на клинок, а потом, оценивающим взглядом, — на меня. До меча она не дотронулась.

— Мы не дотрагиваемся до стали и клинка, — сказала она. — И присягу я не принимаю. Но то, что ты имеешь в виду, Элрон, я принимаю. Возможно, со временем мне твои услуги понадобятся.

Я отправил меч в ножны, ощутив на миг еще большую душевную тяжесть. Потом мне стало легче, я выпрямился и постарался избавиться от мрачных мыслей. Колдунья ведь не лорд, не вождь клана, но она сказала то, что думала. По крайней мере, для нее я не был таким уж отщепенцем, живым трупом. Взяв сумку, я еще раз поблагодарил ее, хотя особую благодарность к ней я испытал за ее последние слова.

— Там ты найдешь все для ухода за ранами, — она указала на сумку. — На крышках коробок написано, как этим пользоваться. Не снимай с головы повязки, пока не пройдет боль. И ступай с богом... — Забина сделала жест. Этот жест не означал Вечный Огонь, которому поклонялись барды. Однако было ясно, что этот символ для нее был свят. Я опять склонил голову в знак благодарности.

Мне хотелось напоследок попрощаться и с Гафией, поблагодарить ее за участие, за уход. Но ее не было, и я знал, что меня отпускали на четыре стороны. Не было причины здесь задерживаться.

Судя по солнцу, было уже за полдень, когда я вышел из грубо сколоченного жилища колдуньи. На востоке виднелись поля и деревянные строения рода Тагнеса. Дом колдуньи стоял возле скалы, и я подумал, что отсюда, вероятно, недалеко до Святилища Луны, которое по глупости облюбовала Айна.

Конечно же, лучше всего было начинать поиски отсюда. Люди Гарна, скорее всего, прочесали вершину горного

хребта. Мелькнуло ли у них подозрение, что, как намекнула колдунья — не было в этом случае никаких сверхъестественных сил? Скорее всего, ее похитили люди из рода Тагнеса.

Если это так, на верхней дороге должны стоять часовые, готовые схватить любого, выходящего из этой долины. Они будут рады загнать меня в ловушку.

Я налил воды из горного ручья, бурно стекавшего с высоты и образовавшего пруд возле хижины. Затем двинулся к подножию горы. Заметно было, что отсюда частенько совершали восхождение. Скорее всего, следы оставила Гафия. Мне хорошо было известно, какое значение она придавала Святилищу. Встав у подножия, я оглянулся назад и посмотрел на долину.

С западной стороны я увидел пасущуюся отару. В поле работали люди. Всадников не приметил, и вообще обстановка была мирная. Надо ли понимать это так, что у лорда Тагнеса нет подозрений в отношении сына? А может, все это лишь прикрытие, рассчитанное на обман того, кто подглядывает? Ответить можно было и так и этак: ведь я почти не знал лорда Тагнеса. Мне нужно идти и быть готовым к тому, что в любую минуту, как только меня заметят, тотчас наведут арбалет или наставят клинок меча.

С одной стороны, поиски лучше начать в сумерки, чтобы из долины никто не заметил. С другой — свет необходим: ведь мне надо обнаружить следы, оставленные Форгом. В голове моей сложилось твердое убеждение, что всему виной старые враги лорда Гарна, так как эта версия исчезновения Айны казалась более логичной.

Я двинулся вверх по тропинке, будучи уверен, что начать поиск нужно со святилища Луны. Отчего Айну так притягивало это место? Из-за своей необычности? Или она здесь тайком встречалась с Форгом?

Такое предположение представило мне кузину совсем в ином свете, нежели я знал ее до сих пор. Тихая, послушная, поглощенная домашними делами — бесцветная, робкая девушка, беспрекословно подчиняющаяся устоявшимся традициям... Такой ли она была на самом деле? Или

все эти «достоинства» были лишь маской, которую она с готовностью сбросила, как только обрела новую свободу на новой земле? Оглядываясь назад, я обнаружил, что, по сути, мало знаю Айну. Если бы дерево вдруг раскрыло рот-дупло и заговорило, меня удивило бы это не больше. Она составляла часть фона моей жизни. Маленькими детьми мы играли вместе. После же, согласно законам рода, жизнь ее текла уже в совсем другом измерении. Поэтому в воспоминаниях она представлялась мне бесцветной незнакомкой.

Что значило для нее быть просватанной за незнакомого человека? Ведь ее мнением даже не поинтересовались. Таков обычай, но до сего дня я над этим не задумывался. Для Айны же такое решение могло иметь совсем другое значение. Быть может, она страшилась замужества. Сыграл ли Форг на чувстве неприязни к суженому? Поэтому она и презрела наши законы? В мыслях я смотрел сейчас на Айну другими глазами, будто она сбросила прежнюю личину.

На вершину горного хребта я вскарабкался с трудом. Из-за слабости мне пришлось несколько раз отдохнуть. Я осматривался по сторонам в поисках оставленных до меня следов.

Единственные следы, что мне повстречались, могли быть оставлены лишь большим котом, сопровождавшим Гафию. Я пробирался перебежками от одного укрытия к другому, используя краткие передышки для того, чтобы прислушаться. Правда, кроме птичьего пения, я так ничего и не услышал. Если кто-то и сидел наверху в засаде, то он хранил молчание.

С этой стороны было удобнее добраться до святилища Луны. Здесь было много больших скал, служивших укрытием. Уж не специально ли они оставлены здесь для защиты?

Наконец я добрался до последней скалы, откуда открылся вид на деревья, окружавшие святилище. Деревья полностью распустились и почти скрывали колонны и площадку. С ближайшего дерева ветки были безжалостно

обломаны, будто кто-то прокладывал дорогу. Но таких сломанных и отброшенных веток было немного. Похоже, тот, кто хотел пробраться к святилищу, утратил это желание, и быть может, набирался сейчас храбрости, чтобы осуществить свое намерение.

Довольно долго я прислушивался и выжидал, даже поднимал голову и принюхивался к ветерку, дувшему со стороны владений лорда Гарна — с севера на юг. Ничего подозрительного я не обнаружил. Если кто-то и сидел в засаде, то он очень хорошо законспирировался.

Вдруг я напрягся. Между деревом с обломанными нижними ветками и другим, стоявшим рядом, мелькнула легкая фигура. Это был огромный кот, вставший, как часовой. Он поворачивал голову и вдруг замер, взглянув в мою сторону. Увидел ли он меня, благодаря присущему этому животному острому зрению, почувствовал ли, сказать не берусь. Только был уверен: он знает, что я здесь.

Однако появление кота стало для меня одновременно и признаком того, что людей Гарна, сидящих в засаде, здесь нет. Зверь никогда так смело не вышел бы на открытое пространство, если бы здесь притаились сразу несколько человек. Я поднялся в полный рост и пошел прочь от скалы, за которой прятался. Если кот здесь, то, может, и Гафия где-то рядом? А если зверь в одиночестве, позволит ли он мне приблизиться, чтобы я мог отыскать следы Форга и его пленницы, а может, соблазненной им спутницы?

Первая моя догадка оказалась верной. Служанка Забины с такой же кошачьей грацией вышла из тени деревьев. На Гафии была та же одежда, что и в нашем походе: кожаный тяжелый жакет, предназначенный для долгого путешествия, на туго причесанной голове вязаная шапочка серо-коричневого, как и все ее одеяние, цвета. Отойдя от деревьев, она тоже смотрела в мою сторону. По всему было видно, что она ничуть не удивилась, словно ожидала меня здесь увидеть, и даже испытывала нетерпение, оттого что я так замешкался.

Как и у меня, через плечо у нее была повешена туго набитая сумка, даже больше моей, и бутылка с водой. Правда, оружия при себе у нее не было. За поясом в футляре висел нож, но использовать его можно было лишь в хозяйственных целях да во время еды.

Она невозмутимо посмотрела на меня, не поздоровавшись, видимо посчитав, что в этом нет необходимости. Кот наморщил верхнюю губу в беззвучном предупреждении.

— Итак, ты пришел...

Слова ее мне показались слегка загадочными. Она, что же, думала, что я не приду? В глазах рода я никогда уже себя не оправдаю, но для самоуважения я должен найти след, который приведет меня к Айне.

— Если есть какой-то след, он должен начинаться отсюда, — коротко ответил я. — Именно здесь я видел ее. Тут, вероятно, и он ее встретил, или где-нибудь поблизости. Иного пути для них...

— Он — они?.. — повторила она, резко прервав меня. На лице ее было написано изумление.

— Форг, — ответил я нетерпеливо. — Он сыграет в старую игру — добудет жену и нанесет бесчестье вражескому дому.

— При чем тут Форг? — спросила она и, не поворачивая головы, указала на спрятанное за деревьями святилище.

— Должно быть, он здесь повстречал Айну, обманул ее или изнасиловал. Ее легко можно было напугать, — я не вполне был в этом уверен, но, ради чести Дома Гарна, надеялся, что это правда: моя кузина была похищена насильно.

Гафия сделала вперед два шага. Она посмотрела на меня с тем же выражением лица, что и колдунья, стараясь прочитать мои мысли.

— С чего ты решил, что это Форг? — спросила она.

— Твоя хозяйка так сказала...

— Разве? Ты уверен? — в голосе ее послышались еще более резкие нотки. Говорила она быстро и настойчиво, и я постарался вспомнить, что именно сказала мне

Забина. Действительно ли она сказала, что это сделал Форг? Я попытался восстановить ее слова слово за словом. Нет, этого она не говорила — она лишь задала один или два вопроса, вспомнила о давних событиях, а остальное явилось лишь моей интерпретацией.

Гафия, должно быть, по выражению моего лица прочла тот вывод, к которому я пришел, и кивнула.

— Забина этого не говорила, — заявила она уверенно. — Ты ее неправильно понял.

— К такому заключению привело меня то, что она сказала.

— Она не отвечает за мысли человека, который хочет подыскать себе легкого врага.

— До разговора с ней врага я не искал! — горячо возразил я. — Когда я сказал, что пойду по его следу, она не стала меня переубеждать.

— Да с какой стати она будет это делать? Какое ей дело до твоих взаимоотношений с другими людьми? Твои неприятности — результат твоей же глупости, не вини в них других...

Разозлившись, я шагнул вперед. Мне пришло в голову, что обе женщины смеются надо мной. Ну да, они вылечили мое тело. Но это их ремесло. Я прекрасно понимал, что я им безразличен. Взять хотя бы Забину. Она отправила меня по следу, который никуда не ведет, а эта девчонка проявляет ко мне открытую враждебность. Все же отчего она не согласилась с предположением своей госпожи, а опровергла его? Она могла отправить меня под фальшивым предлогом на запад, где я наверняка бы пропал.

— Где леди Айна? — я подумал, что теперь уже нет времени на ошибки. Передо мной стояла одна задача — исправить собственную глупость и спасти кузину, кто бы ее ни похитил. Либо это человек во плоти, либо нечто похуже, злая сила, оставшаяся с прежних времен.

— Я не знаю.

Я ей поверил. Она и в самом деле может не знать, где Айна, но наверняка догадывается о том, что могло с ней случиться. В этом-то я был убежден.

Я уже готов был вытрясти из нее правду, настолько распалил меня гнев. Как! Со мной играют, мне сознательно ничего не говорят! Однако в этот момент кот заворчал и обнажил клыки, и я опомнился.

— Ее призвали, — медленно сказала Гафия. — Я заметила, что она сюда ходила не из праздного любопытства, как казалось тебе. В ней взыграли женские инстинкты. Она достигла возраста, когда Великая Госпожа призывает девушек стать женщинами. Даже такая девчонка, как твоя Айна, которая всю жизнь подчинялась законам, написанным мужчинами, не смогла устоять перед женской магией. Поэтому ее и тянула сюда сила Луны. Оттого что она не обладала Силой, которая есть у нас, она и пострадала.

— Понятия не имею, что ты имеешь в виду. Она пошла к Святилищу. Ну так и что же там произошло? Не могла же она раствориться в воздухе, обратиться в камень. Кто ее мог оттуда унести, кроме Форга?

Гафия, к моему удивлению, рассмеялась.

— Ты, как и все вы, мужчины, закрыл в мозг двери, да еще и засовы на них навесил. Значит, Айна исчезла, а ты пойдешь ее искать. Ну-ну, давай, если у тебя хватит смелости. В этой земле полно чудес. Попробуй разгадай их. Может, ты и найдешь кончик от веревочки, а может, и нет. Ты только попытайся.

Она подтянула на плече ремень от сумки и пошла прочь, а за ней, мягко ступая лапами, двинулся кот. Шла она на запад, с уверенностью человека, который точно знает, что делает.

VI

Я смотрел ей вслед, понимая, что больше того, что она уже сказала, узнать не удастся. Похоже, она и в самом деле не верила, что это Форг похитил Айну. Частично она убедила меня в своей правоте. Я отправился к святилищу и уже приблизился к узкому проему между деревьями, окружавшими площадку, как вдруг обнаружил, что войти туда не могу.

Казалось, передо мной вдруг выросла стена. Невидимые барьеры, защита, которую я не в силах преодолеть. Хотя очень старался. Да, изо всех сил старался уничтожить то, что стояло между мной и площадкой.

Такого я понять не мог, так как ни разу в жизни с этим не сталкивался. Кланы наши приносили клятву Вечному Огню, воздавали ему почести на праздниках. Мы слушали бардов, рассказывавших нам о нашей истории. Они пели о героях, одержавших победы или геройски павших в бою. Но никто еще из наших людей, насколько мне было известно, не сталкивался с невидимой силой. С такой силой, возможно, целый клан всадников не смог бы справиться и был бы легко побежден.

В этот момент я ощущал не страх, а лишь гнев и злобу. Гнев из-за собственного бессилия и невежества; злобу к Забине и ее служанке. Я был уверен, что им известно куда больше, чем они сказали, — если они вообще говорили что-нибудь, кроме намеков, вводящих в заблуждение.

Что ж, выходит, я не могу подойти поближе? Айны, скорее всего, здесь нет. И в дом Гарна она не вернулась. Но где-то должна же она быть. Я посмотрел в ту сторону, куда ушла Гафия со своим зверем. А может, Айна сговорилась с этой задавакой, любительницей нехоженых троп? Правда, непонятно, с какой целью. Я припомнил туго набитую сумку девушки. Наверное, она несет продукты тому, кто скрывается. Такое поведение кузины мне было непонятно, но кто там разберет, что у этих девчонок на уме? Возможно, ей Забина в свое время заговорила зубы.

Колдуньи... Я порылся в памяти. Что мне о них известно? Прежде всего, они знахарки, и кроме того, у них (если верить слухам) имеются какие-то магические способности. Эти способности они обязаны использовать только во благо. Ни один человек не имеет права поднять на них руку. Они же вольны идти, куда им вздумается. Могут даже подыскать, воспитать и обучить наследницу. Как только такую девушку отбирают, ее тут же отлучают от рода, неважно, к какому дому она ранее при-

надлежала. Зачем тогда Забине понадобилась Айна, если у нее уже есть Гафия? К тому же такие наследницы обычно отбираются в детском возрасте, а не когда они уже девицы на выданье.

Я был убежден, что Гафия знает явно больше того, что мне рассказала. И если уж мне суждено будет отыскать дочь Гарна, то сделать я это смогу только с ее помощью. Я пошел в том же направлении, что и она, приглядываясь к следам, оставленным котом.

Отчетливого следа не было. Но временами я все же находил свежий след. Казалось, его оставили специально, чтобы ввести меня в заблуждение. Затем я набрел на такой отчетливый след, что стал задаваться вопросом: не может быть, чтобы та, кого я преследовал, дала себя так обнаружить. На маленьком колючем кусте я заметил обрывок тонкой ткани. Вуалью из такой ткани Айна обычно защищала себя от прямых солнечных лучей.

Сначала следы кота, а теперь еще и это! Они принимают меня за круглого дурака! Все же я шел по следу, так как не верил в то, что колдунья и ее служанка войдут в сговор с сыном Тагнеса.

Я сделал еще одно открытие: на этой узкой тропинке имелись ступени, как на лестнице. Они были старые и выношенные, сама тропинка очень узкая, но тем не менее было видно, что ступеньки выдолблены в скале специально. Слишком уже они были правильными, чтобы принять их за создание природы.

В некоторых местах на ступенях лежала земля. На земле заметны были следы, оставленные ботинками, и перекрывали их лапы кота.

Должно быть, Гафия шла быстро: впереди ее было не видно. Я ускорил шаг, уверенный в том, что если нагоню ее, узнаю достаточно для того, чтобы быстро найти Айну.

Грубая лестница вскоре закончилась. В узком каменном коридоре на обеих стенах было вырезано по символу. Один из них — пара загнутых кверху рогов, а другой — загадочный орнамент из линий. Это мог быть иероглиф или слово на языке, давно уже мертвом.

Ступив на последнюю ступеньку, я бессознательно провел пальцами по рогам, и тут же отпрянул. Мой крик подхватило эхо. Ощущение, будто я выхватил из середины костра пылающий уголь.

Осмотрел пальцы, ожидая увидеть пузыри — столь сильной была боль — и поспешил прочь от серой, безобидной на вид скалы.

И тут я увидел Гафию, так как растительности здесь не было. Гафия ушла далеко вперед. Сразу за лестницей тропа сужалась, ее обступали с обеих сторон скалы, и было темно.

— Гафия! — крикнул я, хотя и понимал, что она, скорее всего, не услышит. Так и случилось. Она не оглянулась и не снизила скорость. Кот, шедший за ней, тоже не обратил на меня внимания.

Я упорно шел следом. Боль в руке прошла, а желание услышать от нее прямой ответ усиливалось.

Девушка шла вперед все так же быстро. Я же, хоть и прибавил скорость, никак не мог нагнать ее. Это меня озадачило и прибавило злости. Расстояние между нами не сокращалось, хотя она не бежала, а мой шаг уже переходил на рысь.

Впереди было посветлее. Быть может, этот горный коридор скоро закончится. Куда мы выйдем? В дальний конец земли Тагнеса, или в долину Гарна? В любом случае меня ждут проблемы. Я не только не должен упустить из вида Гафию, но и не прозевать поисковую партию.

Гафия и ее кот вышли на открытое место. Теперь я уже бежал, опасаясь, что они могут исчезнуть окончательно и я их не найду.

Когда и я вышел на открытое место, то увидел, что это не долина Гарна. Травы здесь не было. На земле вообще не было никакой растительности. Лишь скалистое основание, на котором стояли высокие камни. Камни мрачные, тяжелые, необработанные. Они стояли, образуя круг. Внутри этого круга располагался другой, из камней ростом чуть ниже, а за ним — третий. Камни эти не были похожи на колонны Святилища Луны. В то же время

стало ясно, что, как и высеченная в горах лестница, камни эти установлены здесь с какой-то целью. Что это за цель, гадать я не стал. Вряд ли их поставили для защиты. Ведь между камнями оставалось место, в которое свободно мог пройти человек.

Я шагнул вперед. И в тот же момент откуда-то из скал, справа от меня, выскочила серебристая фигура и сшибла меня с ног. В следующий момент я лежал на спине, а тяжелые передние лапы кота стояли на моей груди, плотно прижимая меня к земле. Длинные когти находились в опасной близости от горла. Я, пытаясь освободиться, старался нащупать ручку меча или вытащить поясной нож, но зверь не давал никаких шансов. В горло, однако, он мне не вцепился.

Откуда-то послышался призыв, быть может, слово, которое я не понял. Кот оскалился в молчаливом предупреждении. Затем тяжелый груз свалился, но кот не ушел. Он уселся рядом, готовый при необходимости опять свалить меня на землю.

Я чуть было не вытащил меч, но тут из-за скалы, где до этого момента скрывался кот, послышался голос Гафии.

— По-твоему, я Форг, что ты охотишься за мной? — в голосе ее звучала ирония.— Не думаешь ли ты, что я скрываю твою леди Айну, чтобы нанести ей бесчестье?

— Да,— ответил я без обиняков, а потом добавил.— Ну, может, не ради бесчестья, а по какой-то другой причине.

Должно быть, в присутствии мохнатого защитника она чувствовала себя в безопасности, потому что засмеялась. А когда, подбоченясь, она встала передо мной, бешенство мое перешло в холодную злость, и, как это со мной и раньше бывало, я почувствовал себя очень уверенно, зная, что должен делать.

— Подними свой меч! — приказала она. В углах ее большого тонкогубого рта играла насмешливая улыбка.— И радуйся, что тебя вовремя остановили,— она вскинула подбородок в направлении первого круга камней.

— А что там опасного? — тут я вспомнил о символе на стене, обжегшем мне пальцы, и злость моя потихоньку пошла на убыль. Кто его знает, какие опасности могут подстерегать человека на этой земле?

— Скоро ты узнаешь...

Я решил, что она пытается уйти от ответа, и поднялся на ноги. Кот, не мигая, наблюдал за мной. Встав перед ней, я почувствовал себя более уверенно.

— Это, — отрывисто сказала она, — ловушка. Иди сюда и убедись.

Она схватила меня за рукав куртки и потянула за собой к северной стороне поляны. Обзор там был лучше. В центре концентрических кругов лежал распростертый человек, лицом вниз. Он не шевелился. Я хотел было пойти к нему, но Гафия крепко держала меня за рукав, а кот встал между мной и камнями первого круга и зарычал.

— Он мертв, — сказала она бесстрастно. — Это Джамиль из рода Тагнеса. Он преследовал меня — как, впрочем, и Форг, — потому что ему нужна была женщина, и он считал меня легкой добычей. Как только он вошел в эти круги, обратно ему хода не было. По-моему, он сначала сошел с ума, потому что все бегал и бегал по кругу, пока не упал и не умер.

В такую историю мне было трудно поверить. Ни один человек не осмеливался преследовать ту, что обладала магическими знаниями. Но ведь и Забина намекнула, что наследник Тагнеса волочился за Гафией. Гафия, видимо, заметила мое недоверие, потому что добавила:

— Ты, вероятно, не знаешь лорда Тагнеса и образ его жизни. Среди его людей встречаются не только клятвопреступники, но кое-кто и похуже. Они... — она покачала головой. — Не знаю, да и Забина не знает, умно ли поступили барды, что позволили Вратам спрятать так много из нашего прошлого. Мне кажется, что вместе с нами на эту землю пришло и наше собственное зло, которое распустится здесь пышным цветом. Если это так, Джамиль узнал, что существуют силы, которым даже он не может противостоять.

У меня не было сомнения: она говорила то, что думала. То, что пытался совершить лежавший здесь мертвец, было чудовищным преступлением, которое ни один здравомыслящий человек не посмел бы задумать. Что касается Врат, я тоже сомневался, была ли новая жизнь, из которой ушли некоторые воспоминания, такой уж разумной. Услышав рассказ Гафии, я засомневался в этом еще больше.

— Что его убило?

— Сила, — ответила она мрачно. — Это место обладает Силой, которую мы не понимаем. Груу может ходить по этим местам, — она потрепала уши кота. — Я видела и других животных, спокойно здесь передвигающихся. Но ради собственной жизни, вернее, ради души, которая важнее тела, я бы туда не пошла. Разве ты этого не чувствуешь?

Мне необходимо было оправдаться за фиаско, которое я потерпел в поединке с Груу. Я подошел поближе к камням и вытянул вперед руку. Хотелось выяснить, есть ли и здесь невидимая стена. Стены не оказалось, зато я ощутил кожный зуд. Но это было еще не все. У меня возникло вдруг чувство опасности, отчего нестерпимо захотелось прыгнуть в круг, который в этот момент казался единственной защитой от грозной, преследующей меня тени.

Увидев, что я готов прыгнуть в круг, Гафия опять ухватила меня за рукав. Кот ткнул в колени, отчего я споткнулся и упал на спину. Во мне смешались гнев и безудержный страх. Меня так и тянуло спрятаться в круг, а эти двое мешали мне. Я боролся с ними, стараясь освободиться, спрятаться в безопасном месте...

— Туда нельзя — только не туда! — сумела ли она прочитать мои мысли или у нее были свои способы понять, что движет мной?

Через минуту я был вдали от камней. Свободен от их влияния, но все еще сильно потрясен случившимся.

— Айна! — я похолодел, представив, что могло бы случиться, приди она сюда. Сначала мне показалось, что в центре чудовищной ловушки только одно тело, но,

приглядевшись, увидел, что Джамиль был не один. Там лежали кости, грязно-белые в сумеречном свете дня. Не знаю, сколько несчастных сюда попало, однако свидетельств тому было более чем достаточно.

— Ее здесь не было, — Гафия отпустила мой рукав. — Я же тебе сказала, ее увлекли другие Силы...

Я показал пальцем на сумку.

— Это ты ее спрятала, принесла еду. От кого она прячется? От Форга? Или ты хочешь, чтобы она стала такой, как ты?

— Как я? И ты задаешь мне такой вопрос? Ты что же, думаешь, что по статусу я ниже какой-нибудь клановой узколобой барышни? Той, что не терпится на ярмарку невест, чтобы ее, как овцу, продали тому, кто больше заплатит? — выпалила она. — Думаю, в твоей пухленькой леди тлеет искорка таланта, о котором она до недавнего времени и понятия не имела, потому что всю жизнь прожила папенькиной дочкой. А когда наткнулась на магическое место, эта искорка в ней и пробудилась от спячки. Мне и в голову не приходило похищать Айну, прятать, да еще и еду ей носить. Да, она пропала, но где она теперь, не знаю, хотя и попытаюсь найти. Потому что ей досталось то, на что у нее нет никакого права, — в голосе ее послышалась горькая обида. — Я ... я знаю, как надо и ткать, и соединять, и связывать. Когда в святилище вернулась жизнь, меня поблизости не оказалось. Она захватила то, что предназначалось мне! — теперь в ее голосе звучал гнев, такой же холодный, как у меня. — Она похитила у меня право первородства, а что она будет с ним делать, будучи тем, что она есть, гадать не собираюсь. Я не освобождать твою маленькую леди отправилась. Хочу лишь уменьшить вред, который она причинила своим любопытством!

— Куда?

— Куда? — повторила она, вздернув подбородок. — Туда... — она махнула рукой в западном направлении. — Я иду на поиски не тем путем, каким пошел бы ты. Мой проводник здесь, — она указала на место повыше переносицы. — И здесь, — в этот раз она указала на грудь. —

Может, у меня и нет Силы, на которую надеюсь. Все же попытаюсь. Нужно пытаться.

— Значит, ты полагаешь,— сказал я в раздумье,— что Айна случайно попала в колдовское место. Ее похитили, а ты сможешь ее найти. После того, что я здесь увидел,— я показал на каменную ловушку,— как же я теперь смогу сказать что-нибудь определенное об этой стране? Но если есть хоть какой-то шанс найти Айну, будь моим проводником. Я пойду за тобой.

Она нахмурилась.

— Это право женщины,— сказала она.— Сомневаюсь, что ты можешь пойти туда, куда я поведу.

Я покачал головой.

— Какое тут может быть различие в правах? Я знаю одно: на меня возложен долг чести — идти туда, где я смогу помочь Айне. Думаю, что и твоя колдунья понимала это так же, как я. Возможно,— продолжил я,— она хотела меня запутать, намекнув на Форга, но она дала мне это,— я показал на свою сумку,— и отговаривать меня она не стала.

Гафия деланно улыбнулась. Эта усмешка бесила меня с каждым разом все больше.

— Забина понимает одно: ни к чему спорить, если ум закрыт. Она, видно, поняла, что твой к тому же и опечатан.

— Как, вероятно, и твой?

Она нахмурилась еще сильнее.

— Ты больно догадливый,— она отвернулась.— Если тебе, отлученному от рода, так уж хочется попасть в переделку, которая тебе и не снилась, что ж, пойдем. Скоро ночь, так что лучше, от греха подальше, найти место для ночлега.

Она пошла вперед, не оглядываясь, осторожно обходя круги. Земля здесь была каменистая, некоторые валуны подходили так близко к ловушке, что чуть не касались ее. Мы с осторожностью перелезали через камни (я шел за Гафией след в след), чтобы не попасть в зону магического воздействия.

Кот, слава богу, шел впереди. Я ему не слишком доверял, несмотря на то, что он верно служил моей попутчице. Пройдя мимо зловещих кругов, мы вышли в гористое место. Кот сидел, дожидаясь нас, под нависающим уступом. Вокруг лишь скалы да валуны в хаотическом беспорядке. Зелени почти не было.

Разжечь костер было нечем. Да и не хотелось мне в этой глуши привлекать к себе внимание... кого? Людей Гарна, или кого-то более страшного, страшнее, чем лорд в минуты ярости? Солнце не торопилось садиться, как бы давая нам поблажку. Я постарался мысленно отметить все подступы к убежищу, которое подыскал нам Груу. Кот исчез. Скорее всего, отправился на охоту. Мы с Гафией немного поели, приберегая еду на будущее, и выпили по глотку воды. Воды поблизости не было видно, если только скудные зеленые клочки, видневшиеся вдали, не намекали на ручей или хотя бы дождевую лужицу.

Мы не разговаривали, хотя у меня и были вопросы. Выражение лица ее было подчеркнуто отстраненным. Она давала мне понять, что мысли ее далеко, поэтому я и не нарушал молчания.

Я продолжал изучать окрестности, стараясь наметить самый легкий маршрут среди ощетинившихся скал. Такой безотрадной и даже угрожающей местности я еще не встречал. Трудно поверить, что здесь была когда-то жизнь. Может, эта концентрическая ловушка специально была построена против иноземного захватчика в качестве первого смертельного сюрприза?

— Это не земля Гарна, — сказал я, главным образом для того, чтобы услышать собственный голос, так как ее продолжительное молчание с каждой минутой выстраивало между нами все более высокий барьер. Если уж нам суждено идти вместе, следует выработать способ общения, чтобы мы могли совместно противостоять грядущим опасностям как попутчики, а не как враги, стоящие по разные стороны баррикады.

— Но и не земля Тагнеса, — удивила меня своим ответом Гафия. — Этой землей правит другой. Нет, не

спрашивай меня, кто. Я и сама не знаю. Знаю только, что мы здесь незваные гости, и должны вести себя очень осторожно.

Можно ли считать ее слова косвенным согласием на партнерство? Во всяком случае, в голосе ее не было нетерпения, а на лбу — нахмуренной складки. Солнечные знамена в небе быстро бледнели. Тени соскочили с гор и протянули к нам руки, готовясь схватить все, что зазевается, и попадет в их безжалостные объятия.

— Это проклятая земля, а мы дураки, что пришли сюда! — вырвалось у меня.

— Проклятая, блаженная, и все, что есть между ними. Нам все же предначертано было попасть сюда, иначе бы Врата не открылись. Поэтому есть причина и повод, чтобы выяснить, зачем это было нужно.

— Врата... — в раздумье сказал я, — да, я знаю, барды своей песней открыли их для нас. И стерли из нашей памяти причину, по которой мы пришли сюда. Зачем это было сделано, если... — мои мысли приняли совершенно другое направление. — Если не для того, чтобы направить наши усилия на борьбу с будущими врагами, а не цепляться за прошлое. Все же не понимаю, зачем мы пришли...

Она убрала больше половины пирога в сумку и закрыла ее на застежку.

— Спроси об этом бардов, но не рассчитывай на ответ. Может, земля эта скорее благословенная, чем проклятая...

Она замолчала, потому что послышалось пение. Я затаил дыхание. Рассказывают, если барды захотят, то могут своим пением вынуть из человека душу, оставив лишь пустую оболочку. До сих пор я считал это сказками людей, желающих произвести впечатление. Такого пения, как здесь, в этой горной местности, я не слышал никогда в жизни, даже когда старший бард Аус пел на летнем празднике.

В этот момент пел не мужчина. Это был хор женских голосов. Голоса их вздымались высоко, подобно птичьему пению. Пели позади нас!

Совершенно очарованный, я выскочил из нашего убежища, вглядываясь в дорожку, утопавшую в густой тени. Гафия стояла возле меня так близко, что плечо ее упиралось в мое.

Это был хвалебный гимн, нет, это звучала песня для влюбленных. Это было празднование победы, приглашение в дом победителей. Это было...

Я видел их сейчас. Да, это были женщины. Лица их были частично спрятаны под длинными волосами. А волосы развевал ветер, которого я почему-то не ощущал. Не знаю, была ли на их стройных телах одежда, а если была, то такая же тонкая и легкая, как их длинные локоны, летящие по ветру. Серебряные волосы, серебряные и тела. Они были далеко от меня, и все же я видел их яркие, яркие, как огонь, глаза, ибо были они цвета пламени, неподвижного пламени, несмотря на то, что волосы находились в постоянном движении.

Они шли рука в руке, и все же между ними было расстояние. Они образовывали круг. И позади них был круг, и впереди. Три круга! Я тихонько вскрикнул.

Там, где стояли каменные столбы ловушки, там и водили хороводы наши певуньи. Видел ли я сейчас столбы, или сумерки скрывали их от меня? Серебряные тела, летящие волосы... они излучали собственный свет, слабый и бледный...

Они кружились и пели. Мир и счастье, любовь, осуществленное желание, вечная жизнь, но жизнь совсем иного рода — чудесного. Нужно было всего лишь приблизиться к ним, и все это будет дано. Песнь становилась все слаще, тише, очаровательнее. Я двигался к ним против желания, бессознательно. Но я должен был идти...

Опять я был отброшен на скалу, в этот раз я прокатился по ней и упал, ударившись чрезвычайно болезненно. На меня навалилось второе тело, мы сцепились, переплелись руками и ногами, пока большой и тяжелый мохнатый вес не припечатал нас обоих к земле.

Я почувствовал дыхание кота, услышал его рычание, такое тихое, что скорее это была вибрация, нежели на-

стоящий звук. Пение взметнулось еще выше, но наши старания сбросить Груу оказались тщетными.

Затем я услышал голос Гафии, перекрывавший это вынимающее душу пение. Лицо ее было рядом с моим, дыхание согревало щеку. Она сказала:

— Пальцы... в уши... заткни...

Я почувствовал, что она ворочается, и догадался, что она делает то, что говорит: засовывает пальцы в уши, чтобы заглушить пение. В полуобморочном состоянии, так как голова моя начала сильно болеть после второй атаки, я тоже запечатал свои уши.

Груу, однако, не шелохнулся, да и Гафия не пыталась освободиться. Она лежала поверх меня, а зверь придавил нас обоих к земле. Я чувствовал запах трав, чистый и свежий, который, вероятно, исходил от ее волос, слегка растрепавшихся во время падения, так что прядь их лежала возле моего носа.

Догадавшись, что это была вторая часть каменной ловушки, еще более опасная, чем первая, я изо всех сил старался заглушить звук, сосредоточиться на дальнейших планах. Как, например, мы сможем выбраться отсюда, и сколько еще испытаний предстоит нам в этой незнакомой стране.

Пение теперь было едва слышно. Постепенно оно затихло совсем. Возможно, мы задремали, потому что очнулся я, только когда на нас полился холодный свет луны.

Груу наконец отпустил нас. Я чувствовал, что целиком покрыт синяками и царапинами после того, как меня расплющили на камне. С трудом удалось встать на колени. Гафия поднялась раньше меня. Она посмотрела на Луну, и я увидел, как руки ее задвигались. По всей видимости, она совершала какой-то ритуал.

Луна была очень яркой. Камни вокруг нас либо серебрились, либо были абсолютно черными, в зависимости от тени. Я вынул из ушей пальцы. Ночь спокойна, слышен был лишь шепот девушки, произносящей слова, понимать которые мне не следовало. Я слегка отодвинулся от нее и стал смотреть на каменные круги. Казалось,

они очень далеко от нас, не то что певицы, которые были намного ближе. С какой целью поставлены здесь были эти камни? Теперь я знать этого не хотел. Вечерних певиц уже не было, только Луна висела над нами. Груу прижался к Гафии и замурлыкал, перекрывая ее шепот.

VII

— Ну что, опять твои ловушки? — допытывался я, тщетно пытаясь взять себя в руки.

— Это вовсе не мои ловушки, — несмотря на легкомысленный тон, я уловил волнение на ее освещенном луной лице. — Да, это были сирены... они хотели... заманить, — она широко развела руки. — Какие еще здесь есть чудеса? Кто околдовал эту землю? Что они знают, кроме тех обычных сведений, которые мы считаем такими великими?! — она задавала эти вопросы не мне, а ночи. Казалось, она подошла к роскошному пиршественному столу и никак не могла определить, с чего начать, какое аппетитное блюдо попробовать в первую очередь.

Возможно, оттого что сама она обладала знаниями, выходящими за рамки обычных представлений, для нее открывались двери в новый мир. Что до меня, то я испытывал противоположные чувства. В то же время не могу отрицать, что к тревоге и опасениям у меня примешивалось и любопытство.

Ночью мы не слышали больше ничего. Гафия поставила Груу на страже, уверяя, что кот-великан обнаружит опасность намного быстрее любого часового. Мне пришлось признать, что мгновенная реакция кота спасла меня однажды, а может, и дважды (это уже нас обоих) от смертельных ловушек. Так что спал я без сновидений и проснулся, когда солнце было уже высоко.

Гафия сидела поблизости, скрестив ноги, повернувшись спиной к солнцу, а заодно и к долине, где трудились бывшие мои соплеменники. Она внимательно изучала раскинувшуюся впереди морену. В позе ее заметно было нетерпение охотника, готовящегося пойти по свежему следу.

Под лучами солнца земля казалась еще более голой, чем лунной ночью. Поверхность маленьких выемок в скалах была гладкой на ощупь. Я почувствовал облегчение, убедившись, что скалы, торчавшие из земли, были естественного происхождения. За долгие годы песок, переносимый ветром, обточил их до гладкости.

Эта забытая богом земля была пуста. Непонятно, зачем Гафии понадобилось идти сюда. Или я был прав в первоначальном предположении, что она сама спрятала Айну и привела ее в эту дыру? Подозрений своих я, однако, предпочел не высказывать и не стал возражать против ее планов, пусть даже ей просто хотелось запутать меня. Душа моя упрямо твердила, что Гафия отправилась в неизвестное, преследуя собственные цели, а не для того, чтобы найти Айну. А я тут был и вовсе ни при чем.

Интересно, проезжали ли братья-меченосцы этой дорогой? Если проезжали, то они, стало быть, были очень осторожны, раз не угодили в каменную ловушку.

— В какую сторону мы отправимся? — из осторожности я постарался задать этот вопрос совершенно бесстрастно.

Груу опять не было видно. С каким бы предубеждением я ни относился к зверю (все-таки непривычно находиться в одной компании с диким животным, которое к тому же демонстративно накоротке с попутчицей), он гарантировал нам защиту, которая могла понадобиться в любой момент.

— На запад, — ответила она. Даже головы не повернула, говорила абсолютно отстраненно, словно мыслями была далеко отсюда.

Завтрак опять прошел в молчании. Затем мы поднялись и двинулись вперед, по этой труднопроходимой земле. В полдень, судя по солнцу, мы дошли до зеленого участка среди камней, по которому и в самом деле протекал ручей. Вот радость! Ведь два других, которые мы миновали, оказались сухими. Здесь же вода, журча, текла по короткому руслу, а потом, дойдя до скалы, ныряла под нее и исчезала.

Были здесь и два дерева среднего размера, и несколько кустов. Оттуда вылетели птицы, а из-под ног стремглав ускакали какие-то пушистые зверьки, такие быстрые, что разглядеть их было невозможно. Их, по всей видимости, привлекали кусты. Ветки сгибались под тяжестью ягод. Таких крупных я еще не видел. Мясистые, темно-красного цвета, некоторые переспели и лопнули, другие уже свалились на землю и сгнили.

Гафия сорвала одну ягоду, приподняла ногтем кожицу, понюхала, потом осторожно лизнула кончиком языка. Спустя мгновение она сунула всю ее в рот и с жадностью стала жевать. Доверяя ее познаниям в ботанике, я тут же последовал ее примеру. После нашего путешествия по пересеченной местности, с раскаленными от солнца камнями, ничто не казалось таким вкусным. Ягоды эти были одновременно и пищей, и питьем. Мы наелись до отвала. Затем набрали еще ягод, уложили их в листья, которые Гафия сорвала с дерева, растущего возле ручья, и соединили их колючими веточками. Я взял наши бутылки, вылил остатки воды, сполоснул и наполнил доверху, так что осталось только место для пробки.

В это утро ничего оставшегося от аборигенов нам больше не встретилось. Чем дальше уходили мы от каменной ловушки, тем более заброшенной казалась земля. Я поднялся на скалу, нависавшую над ручьем, и, заслонив ладонью глаза от солнечных лучей, приглядывался, какую тропинку выбрать, где легче пройти.

Линия горизонта отчетливо выделялась на безоблачном небе. Там, вдали, скорее всего, были горы. Беспокойство мое нарастало. Я думал, что Айна не могла попасть в эти края без посторонней помощи и без запаса еды. Наверное, я был прав, когда думал, что ее похитил Форг. Трудностей Айна не знала никогда. Даже во время нашего похода она ни разу не шла пешком. Повозка, в которой она передвигалась, была предназначена для нее одной и устроена с наибольшим комфортом. Мягкостью манер Гарн не отличался никогда, но дочь свою ценил. Если уж не за родство, так за то, что будущее ее замужество принесет

благоденствие роду... Так что ради нее он ни перед чем не остановится.

Решив, что Айна не могла одолеть этот путь одна, я решил поговорить с Гафией напрямую и, соскочив со скалы, продрался через кусты к ручью, где она в этот момент мыла руки.

Она, не взглянув на меня, заговорила первая, приведя меня в изумление:

— Ты опять возвращаешься к мыслям о Форге. Думаешь, я не знаю и не интересуюсь тем, что случилось с твоей барышней. Это не так! — она подняла голову и яростно уставилась на меня. Такой взгляд я видел у ястреба, озирающего территорию перед броском на намеченную жертву. — Я знаю: святилище обладает силой и в назначенное время открывает дверь. Зачем, думаешь ты, я его разыскивала? Это я должна была там оказаться! Твоя барышня собрала урожай, предназначавшийся мне! Ведь она дура и не понимает, что ей открылось. Но добра ей это не принесет, нет!

— А я знаю, что одна она сюда прийти не могла, — я постарался спустить ее пыл на тормозах. — Она не из тех, кто может ходить в такую даль. Должно быть, я не заметил след или...

— Или ты думаешь, что я сознательно завела тебя не в то место? Зачем? Ведь у нее есть то, что по праву принадлежит мне. Я должна это иметь! Если ты заберешь ее, я буду только рада. Я тебе говорю, что она по глупости влезла не в свое дело. Нам еще предстоит найти след, которого, скорее всего, на земле никогда и не было!

Гафия поднялась и стряхнула с рук воду, а потом провела мокрыми ладонями по лицу.

— За всю дорогу мы не встретили лошадиного следа... — я упрямо продолжал развивать свою мысль.

— Здесь могли проходить такие лошади, которые тебе и не снились, — выпалила она. — А может, это были и не лошади, а что-то другое. Не думаю, что дверь, в которую она вошла, вывела ее на землю, что впереди нас, но источник наверняка впереди.

Ответить мне на это было нечего. Я опять принял ее слова на веру, и мы пошли. Груу не было видно. Если кот сопровождал нас, то он либо исследовал дорогу впереди, либо шел сзади, поэтому мы его не видели. Прямые лучи солнца падали на скалы и, отражаясь, поливали нас осенним огнем.

Тропинка привела нас в узкую долину. Ручьев здесь не было, но временами каменные стены нависали над дорожкой, как арки. Воздух здесь был прохладнее, ветер обдувал лица, словно стремился облегчить дорогу. Тропинка в долине была свободна от каменных обломков, идти по ней было легко. Я присматривался, не была ли долина делом рук человека, но никаких следов не обнаружил.

Гафия шла впереди так уверенно, как будто заранее знала маршрут, и надо было спешить. Я шел медленнее, не только приглядываясь к каменным сводам над головой, но и прислушиваясь, не раздастся ли какой-нибудь еще звук, кроме звука наших шагов.

Возможно, из-за этой осторожности я и почувствовал то, на что, скорее всего, не обратил бы внимания, если бы был сейчас в своей долине или ехал бы вместе со всеми в походе. То, что я ощутил, не было ни звуком, ни зрелищем. Это было нечто внутри меня, быть может, какая-то неоформленная мысль. Трудно описать внутреннее состояние, которое не имеет физического воплощения.

Если бы я шел сейчас по солнцу, то решил бы, что мне напекло голову. Я слышал рассказы о миражах, которые видят в пустынях путешественники. Частенько они из-за этого сбиваются с пути. Но сейчас жары не было. Чем дальше мы шли, и чем больше сдвигались над нашей головой горы, давая нам тень, тем чаще порывы ветра охлаждали наши лица.

Все же может ли человек мысленно рисовать себе картины? Не те сцены, что сохранились в его памяти. Не те, что родились в воображении, вызванные рассказами, слышанными так часто, что они становились для него почти реальностью... Не знаю, только перед моим мысленным взором стали мелькать какие-то маленькие кар-

тины, не имевшие ничего общего ни с воспоминаниями, ни с мечтами.

Дважды я закрывал глаза и так, с закрытыми глазами, делал три или четыре шага. При этом знал, что иду я не по скалистой пустынной местности. Нет, иду с определенной целью, хорошо мне известной. Мне необходимо выполнить возложенное на меня срочное задание. В противном случае придет беда. По обе стороны от меня стоят ярко освещенные здания, в них двигаются люди. Хотя все это я вижу периферическим зрением. Открыв глаза, я видел, что по-прежнему иду по горной долине, хотя и та, другая картина, частично оставалась со мной.

Происходило ли и у Гафии такое же странное наложение одной картины на другую, я не знал. Да мне и не хотелось спрашивать. До меня к тому же доносились и звуки. Не сладкоголосое ночное пение... Это был скорее шепот. Казалось, слышу отдаленные крики, приказы, призывы к действию, но не как громкие восклицания, а как шепот.

Такое состояние продолжалось еще долгое время. Вдруг неожиданно все закончилось, и я увидел, что горный коридор закончился, и мы вышли в просторную зеленую долину. Волшебству здесь места не было.

Неподалеку паслись животные. Одно из них подняло голову, и рога сверкнули, как начищенное серебро. Олени здесь были крупнее, чем те, что встречались нам до сих пор на побережье. Шкура светлее, серебристо-серая, с темными пятнами на передних ногах.

Олень издал трубный звук и молниеносно скрылся, за ним ринулось все стадо. Но, видимо, они были не так проворны, потому что высокая трава раздвинулась, и из нее выскочил лохматый охотник. Не кто иной, как Груу. Одним ударом он свалил на землю молодого оленя, рога которого были не такими роскошными, как у вожака.

Когда мы подошли к коту, он жадно лизал кровь. Подняв голову, кот взглянул на нас и зарычал.

Мяса было много, и мне не терпелось разделать его, разжечь костер и зажарить. Это будет куда вкуснее, чем

наши путевые пироги. Однако я не спешил заявлять свои права на животное, которое стало добычей Груу.

Я медлил, Гафия же действовала быстро. Она подошла, и кот позволил ей приблизиться. Склонилась над животным и, легонько дотронувшись до головы между серебряными рогами, сказала:

— Да будет славен великий вождь стада. Благодарим за то, что нам позволено есть. Мы берем лишь то, что дают нам по своей воле.

Груу поднял голову и издал рев, словно он присоединился к ее словам. Она повернулась и подала знак. Мы разделили с Груу его добычу, отрезав только то, что могли съесть в этот вечер. Остальное отдали коту. Поблизости мы собрали ветки, и я не побоялся развести костер. Я чувствовал, что в эту ночь опасность нам не угрожает.

Гафия открыла второе отделение свой сумки и вынула перевязанный бечевкой маленький мешочек. С величайшей осторожностью отсыпала часть содержимого в ладонь. Затем, замахнувшись, кинула порошок в середину костра. Вспыхнуло пламя, взметнулось облако ярко-синего дыма. Сильно запахло какой-то травой. Чем именно, не знаю, потому что в травах не разбираюсь.

Потом она снова завязала мешочек, наклонилась вперед, и мелкими волнообразными движениями руки стала направлять ароматный дым сначала в одну сторону, затем в другую. Дым, следуя указаниям, послушно отправлялся сначала на север, потом на юг, восток и, наконец, на запад. Когда мы с ней собирали валежник для костра, она часто останавливалась возле кустов и деревьев, пока наконец не отрезала от одного куста ветку, длиной в меч. Сейчас же, оголив ветку, она несколько раз поводила ею взад и вперед в дымном облаке.

Проделав эту операцию, поднялась и стала ходить вокруг костра, делая веткой отметки в почве. Вычертила круг и вписала в него звезду. В каждую вершину звезды капнула одну-две капли крови забитого оленя и бросила щепотку травы из своих запасов. После вернулась и села возле костра, установив прут в вертикальном поло-

жении, как шест родового знамени, разве что полотнища на нем не колыхалось.

Вопросов ей я счел лучшим не задавать. За время совместного путешествия усвоил, что она в этом случае снисходила до меня, всем своим видом показывая, что обладает знаниями, которых мне никогда не постичь. Просто догадался, что она совершает некий ритуал, благодаря которому мы себя обезопасим. Что было странно: мне казалось, в этой зеленой долине нам ничто не угрожает. Я решил, что она лишний раз хочет показать мне, как я слеп: спокойно хожу среди расставленных ловушек.

Надвигалась ночь. Я смотрел, как солнце опускается за горы. Их острые вершины четко выделялись на безоблачном небе.

Так как Гафия молчала, я тоже не говорил ни слова, хотя и вскрикнул, когда к нам откуда ни возьмись прыгнул Груу, заняв место возле костра.

Я заранее нарезал и оструган палочки, на которые надел куски мяса, и пристроил их жариться над костром. Сок капал на пламя. У меня текли слюнки от запаха жареного мяса, и я нетерпеливо ждал, когда оно равномерно со всех сторон обжарится, и можно будет приступить к еде. В голове моей бродили неясные воспоминания об охоте, в которой я участвовал еще до нашего переселения.

Наконец я подал попутчице палочку со скворчащим мясом, взял другую и немного поболтал ею в воздухе, чтобы остудить. Гафия же сидела, держа в руках свою порцию с таким видом, будто вовсе не была заинтересована в еде.

Сначала я подумал, что она любуется отдаленными горами, а потом заметил, что взгляд ее сосредоточен в точке, находящейся поблизости. Я же, кроме оленей, на которых охотился Груу, не видел в этой долине никого. Даже ни одна птица по ночному небу не пролетала.

Так что вопросов я не задавал, а отдавался еде с тем удовольствием, какое испытываешь после многих дней воздержания. Груу раскинулся с другой стороны костра, глаза его почти закрылись, хотя время от времени он

лизал лапу. Если что-то и двигалось в ночи, интереса он не проявлял.

Как только солнце исчезло, на небо набежали темные облака, и накатилась темнота. Возможно, подумал я, будет буря. Не лучше ли нам поискать укрытия? Хотя бы под деревьями, где собирали валежник. Я уже готов был предложить это Гафии, как вдруг увидел, что тело ее напряглось. В тот же момент Груу вскинул голову, широко раскрыв глаза, повернулся на запад и уставился в темноту.

В этот раз не было ни пения, ни мелькания серебряных теней. Тот, кто явился, шел легкими стопами, если у него вообще были ноги. У Груу шерсть на спине встала дыбом. Он уже не лежал, привольно раскинувшись. Напротив, подобрал под себя ноги, как бы готовясь к прыжку. Губы его сморщились, но рычания почти не было слышно.

Не знаю, что видели мои спутники, но я видел какие-то обрывки колеблющихся теней. Некоторые отрывались от земли. Казалось, они прыгают и приземляются снова, не в силах удержаться в воздухе. В сумерках они выглядели как темные точки. Было ясно, что привлек их сюда наш костер. Никогда еще я не чувствовал себя таким беспомощным и безоружным.

По правде говоря, меч я вытащил, хотя какая от него здесь может быть польза? Как бороться с этими бесформенными существами, которые, казалось, были порождением этой заросшей травой почвы? Движение мое на этот раз заставило Гафию заговорить:

— Прекрасно. Холодное оружие иногда является средством защиты, даже если им невозможно воспользоваться. Я не знаю, что это такое. Знаю лишь, что это не порождение Света... — по тому, как она произнесла слово «Свет», стало ясно, что говорит она не о зрении, а о чувстве, о правде, противостоящей лжи.

Гафия протянула руку и взялась за прут, воткнутый в землю, но не стала пока его выдергивать. Она выжидала, как ждал и я, сжимая рукоятку меча. Стало очень темно. В этой темноте я не мог разглядеть ничего движущегося. Только каким-то странным образом, новым для меня и

пугающим, я почувствовал, что в наш круг со звездой что-то старается прорваться, но это ему не удастся.

То, что пыталось атаковать нас, испытывало чувство сродни голоду, подкрепляемое уверенностью в своих силах. Так, вероятно, чувствовал себя Груу во время охоты. Встретив сопротивление, оно испытало нетерпение, затем удивление, которое перешло в гнев из-за того, что кто-то пытался противостоять ему. Я знал, что оно здесь, я мог повернуть голову в любой момент, чтобы посмотреть на него или на них. И все же я не имел представления о том, как выглядит наш противник и насколько он силен.

Я вздрогнул, когда с другой стороны костра мелькнула на мгновение рука — а может, клешня? — сморщенная, желтоватая плоть, плотно обтягивающая кость. Мелькнула и скрылась. Я ощутил инстинктивный страх, так как сам вид ее, в отличие от вчерашних серебряных певиц, говорил о зле, которое к тому же, совсем рядом.

Гафия одним легким движением вытянула прут из земли. Кончиком прута она коснулась вершины звезды, там, куда она брызгала кровью и сыпала сушеную траву. В то же время она тоном приказа говорила что-то. Обращалась она не ко мне и произносила слова, которых я не понимал.

В том месте, куда она ткнула прутом, образовалось какое-то движение. Мне казалось, земля начала вращаться, из нее полетели вверх пыльные фонтаны. Гафия стала петь, все громче и быстрее, земля тоже вращалась быстрее, а пыль в фонтанах становилась все гуще.

Затем в вершине звезды, скорчившись, возникла фигура, напоминавшая человека. Во всяком случае, у нее были две руки, две ноги и туловище, с нахлобученным на него круглым шаром. Так ребенок мог бы слепить из глины голову. Когда фигура выпрямилась, Гафия резко хлопнула своим прутом по земле и издала громкое односложное восклицание.

Существо мелкими шагами двинулось вперед на своих неуклюжих, безобразных ногах. Оно, однако, способно

было держаться прямо и двигаться со скоростью, которой я от него не ожидал.

— Быстрей! — Гафия глянула на меня первый раз. — Твой нож — холодное оружие — преградить путь, — рукой она указала место, куда должен опуститься нож.

Я расчехлил нож. Все еще удерживая другую руку на рукоятке меча, я кинул нож — коротким лезвием вперед, как будто играл в ножички. Он попал точно в цель и стоял, покачиваясь, в том самом месте, которое только что покинула зловещая фигура.

Гафия сидела, прислушиваясь, я — тоже. Даже дыхание притаил, чтобы лучше слышать. Ничто не нарушало тишину, даже птицы не пели. Но я чувствовал: то, что пыталось прорвать нашу оборону, если и ушло, то ненадолго.

Гафия не успокоилась, я тоже был в напряжении. А кот зевнул и заморгал. Но если кот и чувствовал удовлетворение, то моя спутница — нет.

— Пока еще нет... — она сама не до конца верила в успех своего колдовства.

— То, что ты сделала, — я чувствовал, что не могу больше удержаться от вопросов, которые мучили меня, — выгнало их отсюда?

Она кивнула.

— Временно это может стать для них добычей, но ненадолго. Послушай!

Возможно, именно этого она и ждала. В тишине ночи гулким эхом, как будто мы находились не на открытой местности, а в глубокой пещере, прокатился крик, полный такой злобы, что я тут же вскочил на ноги, с оголенным мечом в руке, готовый немедленно вступить в бой, хотя и не видел противника.

— Ради собственной жизни, не выходи из круга, — сказала девушка. — Он вернется. Один раз его одурачили, значит, в следующий раз он будет намного опаснее.

— А что это такое? — спросил я.

— Это не то, что можно поразить мечом, хотя сталь и является его проклятьем. Меч здесь можно использовать

только как защиту, а не как нападение. Не думаю, что теперь его можно одурачить и послать на бесполезную охоту. А как это называется, не знаю. Я даже и не знала, что оно существует. Я приняла меры предосторожности просто потому, что мы находимся в незнакомой стране и пролили кровь. Кровь — это жизнь, она привлекает к себе темные силы.

— Ты ее использовала для того, чтобы спрятать нас.

— Как я и сказала, кровь — это жизнь. С ее помощью можно защититься. Но темные силы не ходят днем, они оживают в темноте. Вот...

Она подняла прут. Эти существа, крадучись, вернулись. Они двигались взад и вперед. Мы их не видели, лишь ощущали их присутствие. Дважды клешнеобразные руки появлялись возле вершины звезды — там, где стоял мой кинжал, — и сразу же отдергивались. Они не могли пройти. В душе у меня закипал гнев, но эту эмоцию охлаждал темный и безобразный голод, исходящий от невидимого противника. Он изливался на нас, как грозное предупреждение, напоминание о том, что может с нами произойти, если они войдут в круг.

Груу поднялся, откинул назад голову и издал такой рык, что в голове у меня зазвенело. Сначала я подумал, что это эхо того крика, что я слышал раньше, пока он не повторился. Я и раньше слышал подобные звуки, но никогда еще они не были так полнозвучны, а мелодия так выдержана. Так звучит горн старшего егеря, подающего сигнал-предупреждение на меже, отделяющей поле его господина от земли соседа.

Издали в темноте ночи раздался еще один сигнал. В нем слышалась готовность к бою.

VIII

В третий раз прозвучал призывный звук. К нему присоединился другой — что-то среднее между лаем и визгом, было ясно, что его издало животное. Груу тут же откликнулся. Он стукнул по земле сначала одной когтистой

лапой, потом другой, как будто его связали, и он хотел вырваться. Ему хотелось освободиться и броситься в темноте в бой. Гафия шагнула к нему и положила руку на голову. Он поднял на нее глаза и высунул язык, обнажив зубы в страшной улыбке.

Горн больше не звучал. В темноте я увидел вспышку, раздался треск, словно кто-то оседлал молнию, превратив ее в оружие. Так как было очень темно, а молния моментально пропала, я не успел разглядеть ничего вокруг. Молния ударяла еще и еще, а шум, похожий на шум охоты, приближался.

Я не мог видеть, но мог ощущать. То, что осаждало нас, находилось совсем рядом с кругом, сжимало плотным кольцом. Натравливало на нас своих «охотничьих собак», запускало в небо языки пламени. Так продолжалось, пока Гафия не взяла в руку свой прут. Она подняла его и стала чертить им в воздухе какие-то фигуры.

Появились символы. Они изгибались вверх и вниз, отливая зеленым и голубым, как морские волны. Знаки выскакивали как птицы, выпущенные на свободу, собирались в линии и повисали в воздухе.

Мы не слышали грозного рычания, но ощущали страшную ненависть, готовую испепелить нас. Потом это ощущение пропало, словно дверь вдруг открылась и закрылась. То, что хотело поглотить нас, моментально исчезло.

Мы слышали шум от движения. Как будто компания разделилась надвое. Одна часть отправилась на север, другая — на юг. Затем наступила тишина. Ощущение пустоты, лишь шелест травы под порывами ветра, и ничего больше. Груу улегся и положил голову на ногу. Гафия свернулась возле него калачиком, не выпуская из руки прут. Я расположился с другой стороны костра. Девушка уткнулась головой в плечо кота и закрыла глаза, словно ей (нам) больше нечего было опасаться. А я все сидел, заново переживая ночные события. Мне показалось, когда я покинул долину Гарна... нет, раньше, когда увидел Святилище Луны, жизнь начала меняться. Я был уже не тот, что прежде. Не тот Элрон, вассал, знающий лишь свои

узко очерченные обязанности, заботящийся о поддержании хороших взаимоотношений с соплеменниками.

Удар, который нанес мне лорд Гарн, стал знаком отречения меня от рода. Сейчас этот акт казался мне малозначительным эпизодом. Я не просто пришел в страну, о которой никто из нас ничего не знал. Внутренний голос сказал мне: «Я без роду, без племени, но я не ничтожество. Я встретился с опасностью и не спасовал».

Но победителем все же был не я. Нужно смотреть фактам в лицо. Талант Гафии спас нас обоих. Признать это не очень-то приятно, но следует быть честным перед самим собой.

Возможно, дискомфорт мой вызван был тем, что до сих пор я имел дело с барышнями клана, образ жизни которых, как я инстинктивно чувствовал, Гафия презирала. Она была совершенно не похожа на них. Это я понял с самого начала, как только ее увидел. Никто не мог ей сказать: «Это битва не для тебя. Дай мне защитить тебя». Я испытывал стыд, оттого что не хотел отдать ей должное и признать, что в нашем путешествии именно она взвалила на себя весь груз ответственности.

Желание Гафии пойти на запад, намек насчет Айны, присвоившей то, что по праву принадлежало ей, магическая сила святилища Луны — все это я теперь принимал. В этой стране нужно было верить всему безоглядно, даже если этого никогда раньше не случалось ни в твоей жизни, ни в песнях бардов.

Я гадал, что за охотник двигался в ночи, желая помочь нам. Откликнулся ли он на призыв Гафии? Или он охотился за нечистью, осаждавшей наш лагерь? Я чувствовал, что это был не мужчина. Почему я вообще употребил это местоимение — «он»? Наверное, оттого, что охота и битва всегда были прерогативой мужчин. Он или это...

Такие мысли блуждали в моей голове, пока я сидел возле костра. Топливо уже заканчивалось, и пламя потихоньку оседало. Спать я не мог, потому что мысли беспокоили меня, и я играл с рукояткой меча. Меч связывал меня с теми, кто был когда-то уверен в себе, пока новая

земля с ее тайнами не призвала к себе наш народ. Не знаю, сколько прошло времени. Тяжелые облака по-прежнему закрывали небо, но ни дождя, ни ветра не было. На небе даже не было ни одной странной звезды. Мы сидели возле маленького костра в центре круга. За кругом стояла непроглядная тьма, отделяя нас от мира плотным занавесом.

Я услышал тихий звук и посмотрел на девушку и кота. Груу выжидающе смотрел на меня. Затем он мигнул и посмотрел в темноту. Я догадался: зверь подает мне знак, что отныне он заступает на вахту, а мне можно отдохнуть.

Я растянулся на земле. Меч лежал рядом наготове, моя ладонь — на рукоятке. Под голову я вместо подушки сунул пучки травы. Бинты на голове казались тесными, и кожа зудела. Я уснул, несмотря на неудобства.

Проснулся, как будто меня позвали. Не понял, почему. Гафия спала в том же положении — голова ее лежала на Груу, как на подушке. Зверь нес караульную службу. Костер погас, но свет больше был не нужен: занимался рассвет. Я тут же сел, оглядываясь по сторонам.

В нескольких шагах от меня лежала темная бесформенная масса — сырые, слипшиеся друг с другом комки земли. Я осторожно пошевелил ее носком ботинка, и куски развалились. Должно быть, это было то земляное чудище, которое Гафия вызвала ночью, чтобы одурачить наступающую на нас нечисть. Ничего, кроме земли. Я не мог понять, как удалось придать ему не только форму, но и видимость жизни. Что она сказала? Кровь — это жизнь. Открывая осеннюю охоту, мы обычно вывешивали часть туши животного, чтобы вытекла кровь, и не притрагивались к ней. Древний ритуал жертвоприношения, значение которого мы уже позабыли.

Я присел возле земляной кучи в поисках следов на почве. Было несколько углублений, которые я измерил ладонью, стараясь представить, от чего мог остаться такой след. Вспомнилось, как не то клешня, не то сморщенная рука пыталась достать нас ночью, пройдя через ба-

рьер. Все-таки следы больше напоминали клешню с пятью пальцами.

У этого существа, похоже, было две ноги. Да и рост приличный. Я пришел к такому выводу не только потому, что следы были большими, но они к тому же оставили глубокие вмятины в земле. Осмотрев поверхность, я обнаружил, что следов было предостаточно. Принадлежали они одному существу или нескольким, сказать было трудно. Во всяком случае, наш маленький лагерь был окружен со всех сторон.

Я стал обследовать территорию в поисках следов, оставленных охотником и его командой. Следов не обнаружил, хотя вокруг было много участков голой земли.

Я был настолько озадачен, что стал отходить все дальше от лагеря, исследуя землю. Вдруг наткнулся на нечто в высшей степени неаппетитное. Несмотря на ранний час, мухи, жужжа, облепили кусок мяса. Я наклонился, чтобы рассмотреть поближе, и увидел часть искромсанной когтистой клешни, похожей на ту, что видел при свете костра. На ней остались только два длинных пальца. Заканчивались они когтями, такими же острыми, как мой нож. Остатки покрывавшей клешню морщинистой кожи были желтого цвета. Мне так не понравилось это зрелище, что я вырвал с корнем пучок травы и бросил его поверх клешни. Похоже, что нашему охотнику улыбнулась удача.

— Элрон!

Гафия помахала мне рукой, и я, довольный, что не надо больше работать следопытом, пошел к ней. О своей находке я докладывать не стал. Она к тому времени приступила к еде. В меню входило и холодное мясо, оставшееся с вечера. Гафия указала на мою сумку, призывая последовать ее примеру. Разговорчивостью, как всегда, она не отличалась. Я не знал, с какого вопроса начать. Мне очень не хотелось лишний раз демонстрировать ей свое невежество. Я считал: если у нее есть информация, ценная для нас обоих, она обязательно поделится ею без моих постоянных расспросов.

Поэтому я жевал, с раздражением ожидая, когда она заговорит. Съестные запасы, которые Забина дала мне в дорогу, быстро истощались. Я надеялся, что пасущиеся стада будут обеспечивать нас пищей, хотя, скорее всего, нам следует здесь задержаться, чтобы закоптить мясо впрок. Здесь неподалеку должна быть вода, а это важнее, чем мясо. Возможно, Гафия тоже сейчас задумалась над практическими вопросами.

Она подняла голову и посмотрела в густую траву. Оттуда высунулась пушистая голова — Груу. Он облизывался. На шее его болталась длинная зеленая травинка. Похоже, в это утро он разнообразил свое меню. Девушка и кот обменялись взглядом, значения которого я не понял. Груу потрусил прочь в северном направлении. Гафия, прихватив сумку, взяла также и свой волшебный прут.

— Вода там, в той стороне... — она впервые сегодня нарушила молчание. Мы отправились. Процессию возглавлял кот, за ним шла Гафия, а следом — я. Трава здесь доходила до пояса, почти скрывая Груу. Мы ориентировались по колебанию травы. Над головой летали птицы. Я исподтишка поглядывал на них. Не могла ли эта когтистая лапа принадлежать пернатым? Я был уверен, что атаковавшая нас нечисть спускалась к нам сверху. Я вспомнил о неприятных черных птицах из долины Гарна и подумал, что они вполне могли гнездиться в этих краях.

Эти птицы были обыкновенные, коричневатого цвета. Они неотвязно кружили над пасущимися животными. Возможно, они питались насекомыми, которых стадо невольно сгоняло с травы. То, как Груу неожиданно взял след, указывало, что он вышел на тропу, ведущую к водопою. Эта дорожка, протоптанная стадом, была неровной, но зато на ней нас не хлестала трава, острые края которой вполне могли поранить кожу. Вскоре мы вышли к крутому спуску. Внизу тек широкий ручей. Течение, судя по пузырькам, было довольно сильным. Скорее всего, он брал начало в горах, которые мы видели на западном горизонте.

Мы осторожно спустились. Я оставил Гафию вместе с Груу возле зарослей кустарника, а сам пошел вниз по течению к выдававшимся в воду скалам. Там я быстро разделся и стал плескать воду на тело. Бинт на голове быстро намок. Я стащил его, осторожно касаясь щеки и лба, хотя и был уверен, что опухоль спала, и рана затягивается. Я выстирал, отжал бинт и осторожно скрутил его, уверенный, что в этих краях он мне еще понадобится.

Гафия по моем возвращении нахмурилась и потребовала показать ей мою рану. Внимательно осмотрев ее, она признала, что рана закрылась, и я могу ходить без повязки. Ее внешность тоже претерпела изменения. Волосы, перевязанные кожаным ремешком, длинным мокрым хвостом спускались вдоль спины, хотя и было заметно, что она приложила немалые усилия, для того чтобы отжать их и высушить.

Неплохо было бы и далее идти по берегу, однако вода в ручье поднялась слишком высоко, вынудив забраться наверх, в покрытую травой равнину. Но шли мы параллельно руслу.

Груу, приведя нас к воде и напившись до полного удовлетворения, пропал куда-то. Теперь я был уверен, что у моей спутницы имеется способ общаться с котом даже на расстоянии, так что она всегда может призвать его в случае необходимости.

Солнце не сумело рассеять облака, закрывавшие от нас ночью луну и звезды. Вдали паслось стадо оленей. На водопой они, возможно, ходили в определенное время, так как ни одно животное не приблизилось к ручью за все время, что мы шли по этой казавшейся необитаемой земле. Однако здесь я уже выучился быть настороже.

Я заметил, что Гафия не расставалась со своим прутом, который она держала в левой руке. Как я с мечом. Хотя, казалось бы, ну что это такое? Обыкновенная ветка, срезанная с куста. Она по-прежнему молчала, и это угнетало меня так же, как и затянутое облаками небо. Я нарушил данное самому себе обещание не общаться с ней и спросил:

— Те, что нападали на нас в лагере... те, что охотились... ты когда-нибудь слышала о них?

Она резко мотнула головой.

— Не знаю. Знаю лишь, что это Темные Силы. Против них нужно употребить средства, которые известны в борьбе со злом. Что касается охотника... — она замолчала. И молчала так долго, что я думал, продолжения не последует. — Возможно, и он порождение зла, но он был врагом тем, кто нападал на нас. Его природа мне не известна. Мы имеем дело со Светом и Тьмой, но в этой стране, возможно, есть и те, кто не является ни тем, ни другим. Я знаю еще так мало! В голосе ее послышалась тоска. Не знаю, предназначались ли ее слова мне или они вырвались помимо ее воли.

— Дар у меня есть, — продолжала она, — иначе меня с самого детства не взяла бы к себе Забина. Таких детей можно распознать еще в колыбели. Я чувствую, что могу сделать больше того, чему меня может научить Забина. Я училась у нее ремеслу, как, вероятно, и ты в детстве учился обращению с мечом, на первых порах деревянным. Она называла меня нетерпеливой, дурой, предвидела, что в будущем меня ожидают несчастья, так как я все время хотела знать больше. Но в тот момент, когда я прошла через Врата, мне показалось, что я вернулась домой. Это был дом, о котором я раньше ничего не знала, не знала, что он существует. Вот он — передо мной, со всеми чудесами, к которым я, овладев ремеслом Забины, лишь слегка прикоснулась, о которых могла раньше только мечтать! Это, — Гафия широко раскинула руки, лицо ее выражало дикое нетерпение и гордость, — это место, о котором я мечтала, хотя даже и не подозревала о его существовании. Когда я впервые приблизилась к Святилищу Луны, я пошла по этой дорожке так, будто ходила по ней всю жизнь. Оно приветствовало меня, как дочь. Поэтому, — и взгляд ее, и голос выражали ярость, — разве ты не понимаешь теперь, что твоя барышня ограбила меня? Она, не имеющая ни капли таланта... если даже у нее и есть талант, то его угробило воспитание... присвоила урожай,

который я намеревалась собрать! Ну и будет ли сй от этого польза?!

— Ты постоянно говоришь загадками, — ответил я таким же резким тоном. — Что случилось с леди Айной?

Она глянула на меня через плечо. Все это время она нетерпеливо шла впереди. Вокруг ее загорелого лица распушились высохшие волосы, отчего она выглядела менее суровой и неприступной.

— Перед ней открылась своего рода дверь, — в голосе слышалось напряжение. — Да нет, не в другой мир. Это не Врата, через которые все мы прошли. Скорее всего, перед ней открылась дорога к другому святилищу... на западе. Святилищ здесь осталось мало, да и то они по большей части истощились. То, что в них когда-то содержалось, иссохло. К святилищу Луны я пришла, обладая Знанием. Знание это являлось ключом, да замок был старый, не отпирался долгое время, может, несколько столстий. Я исполнила ритуал... вызвала Луну... я... — она прижала правую руку к груди. — Я сделала это! А в ночь, когда должен был прийти ответ, я задержалась. И тут явилась твоя барышня. Явилась туда, куда бы ей и нос сунуть страшно. И в результате она выиграла, а я проиграла.

Я подумал о леди Айне, пойманной в ловушку (она наверняка восприняла это место как ловушку), находящейся вдали от родных, под воздействием колдовских чар. Хотя как можно было ее туда перенести, этого понять я не мог. Да от страха она вполне могла сойти с ума. Я повернулся к Гафии:

— Ведь тебе было известно, что она ходит к святилищу. Отчего ты ее не предупредила? — накинулся я на нее с обвинениями.

— Предупредить? Да я сто раз ее предупреждала. Только бывают случаи, когда никакие предупреждения не действуют. Айна — женщина, девушка. Значит, она, как и все остальные женщины клана, дочь Луны. Магия Луны воздействует на всех женщин, хотя большинство это отрицает. Или, чувствуя это, не понимают, что нужно

действовать в союзе с ней, не противостоять. Дома Айна так была связана всеми этими «не делай того», «не ходи туда», что, увидев святилище, не могла устоять и тотчас откликнулась на призыв. Вы могли ее связать, запереть на замок... бесполезно. Процесс пошел. С первого же посещения святилище взяло над ней власть.

Я посмотрел на огромную долину. Горные вершины прятались за облаками, иногда раздвигавшимися. Тогда на горизонте появлялось темное пятно и тут же снова скрывалось.

— Ты считаешь, что можешь найти ее, — это был не вопрос, я был заранее уверен в ответе.

— Да. Ведь все случилось из-за моего колдовства. Вот, посмотри...

Она повернулась лицом на север. На вытянутой ладони лежал прут. Она неотрывно смотрела на него. Я перевел взгляд с нее на прут и увидел...

Этот самый обыкновенный прут, лежавший на неподвижной ладони, с которым никаких фокусов она проделать не могла, вдруг начал двигаться. Сначала он повернулся на север, потом на юг, пока медленно и неуклонно кончик его не указал на таинственные горные вершины на западе, где и застыл.

— Ты видишь! — воскликнула она. — То, над чем я так долго трудилась, зовет меня за собой. Я обрету себя наконец. Стану тем, кем хочу. Она там, куда я направляюсь.

Я уже видел ее в действии. Сомнений не было: она верит в то, о чем говорит. В этой стране нечему было удивляться. Не удивительно было и то, что я иду за девушкой, верящей в высокую магию и желающей приобщиться к ней.

* * *

Ничего магического в долине мы больше не встретили. Видели только стада оленей, державшихся на расстоянии. Переход занял у нас двое суток. По ночам мы расчищали площадку, а Гафия рисовала круг со звездой. В темноте нас больше никто не навещал. Во вторую ночь туч не было, и

Луна светила ярко. Гафия стояла под ее серебряным светом и пела, хотя я не понимал ни одного слова. Невидимая стена между нами становилась все выше. Я для нее был лишь попутчиком, с которым она делила тяготы пути.

На третий день утром мы подошли к подножию гор. Гафия теперь шла медленно, с остановками, доверяясь указаниям лозы. Та уверенно вела нас в труднопроходимую местность, почти лишенную растительности. Повсюду лежали серые камни, некоторые из них — с вкраплениями тускло-красного и бледно-желтого цвета. Хотя река, вдоль которой мы шли, осталась позади, в горах мы обнаружили родники. Вернее, их нашел Груу. Он охотился, и у всех нас была пища. Казалось, целую вечность мы бредем по этой голой земле, на которой, правда, обитали животные.

Потом мы вышли в долину, где была трава и росли темные деревья, низкорослые, причудливой формы. Вид их мне не понравился. Когда мы устроились на ночь, Гафия была так возбуждена, что не могла сидеть спокойно. Она все вскакивала и оглядывала долину, бормоча что-то, водила пальцами по лозе, словно напоминая себе о том, что ей предстоит совершить в дальнейшем. Груу тоже был неспокоен: расхаживал вокруг костра и поглядывал в том же направлении, что и девушка. Казалось, он искал источник беспокойства.

— Почувствуй это! — Гафия тряхнула головой. С тех пор как мы удалились от реки, она не заплетала волосы в тугие косички. Я обратил внимание на странную особенность: завитки возле ее лица поднимались сами по себе, хотя воздух был совершенно неподвижен. Да и более длинные пряди волос тоже зашевелились, словно тело ее наполнилось Силой, которая таким образом себя проявляла.

Она вытянула вперед лозу, и, клянусь Вечным Огнем, я увидел, как на конце ее на мгновение заплясала звезда, сотканная из света.

— Здесь, я здесь! — закричала она, будто стояла перед воротами, в которые имела полное право войти, и никто не мог ей в этом праве отказать.

Затем...

Гафия побежала. Я был так поражен, что стоял некоторое время неподвижно. Затем я подхватил обе наши сумки и устремился за ней. Груу скакал впереди, как серебряная молния, по тропинке, извивавшейся среди деревьев, за которыми ее уже не было видно. Было темно, и хотя мне казалось, что я бежал по ее следам, оказалось, что я ошибся. Низкие ветки деревьев заставляли меня пригибаться и подлезать под ними (очевидно, что для тех двоих они не являлись помехой). Я ударился о ствол, которого и не заметил за мгновение до этого. Я был оглушен, а моя старая рана на голове дала о себе знать резкой болью.

Ветки цеплялись за меня, ставили подножки, наносили тяжелые удары, пока я, страшась потерять Гафию и не найти ее больше, не вытащил меч и не стал прокладывать им себе дорогу.

Шум от сокрушаемых мной веток заглушал остальные звуки. Сказать по правде, я просто боялся остановиться и прислушаться. Я боялся окончательно от нее отстать.

Деревья эти служили приютом для разной живности. Они подавали о себе знать свистом и криками, так как я нарушал их покой. Дважды что-то взлетало, ударяя крыльями по лицу, один раз кто-то царапнул по щеке — не то клювом, не то когтем. Одной рукой я старался защитить лицо, а другой в это время расчищал себе путь. Изношенная рубашка прилипла к телу, по лицу стекал пот. Под деревьями было душно, я хватал ртом воздух и все же шел.

Это было сражение. Чудилось, деревья знают, кто я такой, и намерены не допустить вторжения. Казалось, я слышу слабые крики, доносящиеся с отдаленного поля боя. Жара и затраченные усилия довели меня почти до полного изнеможения. Все же я не сдавался. Что-то заставляло идти вперед, пока я, забравшись на крутой твердый холм, чуть не потерял равновесие, зацепившись за ветку, покрытую шипами.

IX

Я добрался до гребня холма, начисто лишенного растительности, и посмотрел на открывшуюся панораму. Ни Гафии, ни Груу, лишь голые скалы. Горная гряда неподалеку поднималась еще выше. Прислушался, не идут ли, расчищая себе дорогу сквозь заросли, девушка и кот. Быть может, я опередил их? Однако все было тихо. А вдруг их похитили или они вошли в какие-нибудь Врата, которым я перестал доверять?

Я медленно продвигался вперед. Свет ущербной луны давал возможность разглядеть землю, где я пытался отыскать следы, оставленные девушкой или котом. Каменистая почва, однако, оставляла мало надежд.

Приблизившись к подножию скалы, я заметил то, чего издали не было видно. В поверхности скалы имелся ряд углублений, достаточно больших, чтобы, опираясь на них, забраться наверх. Все же не верилось, что Гафия пошла этой дорогой: не могла же она настолько опередить меня в скорости, чтобы я не увидел ее, выйдя из леса. Наверняка увидел бы, как она карабкается наверх!

Как охотник, потерявший след, я начал обдумывать дальнейшие действия. Если она все еще в лесу, идти туда смысла не имело. Я понял, что мне ее не найти, и решил лезть наверх.

Затянув на плечах ремни обеих сумок и удостоверившись в том, что зачехленные нож и меч находятся при мне, я начал подъем. Дело это оказалось не столь простым, так как ступеньки в скале предназначались для более высокого человека. Каждый раз мне приходилось подтягиваться, чтобы ухватиться за очередное углубление в скале. Как же удалось одолеть этот подъем Гафии?

Я упрямо лез вверх, проверяя предварительно надежность каждой ступеньки. Пальцы мои при этом погружались в густую пыль, и это служило лишним доказательством того, что Гафии здесь не было. Все же я решил добраться до вершины, чтобы как следует осмотреться.

Тяжело дыша, я вскарабкался на выступ и посмотрел вперед. Вершины я пока не достиг, но, похоже, площадка, на которой стоял, была делом рук человека.

Я посмотрел наверх. Для этого нужно было откинуть голову назад. То, что я увидел, было исполнено мастерства. В то же время мастерство это, кто бы им ни обладал, источало злую силу.

В скале была выточена ниша, а в ней — фигура, стоящая на задних ногах. Фигура эта имела черты, сходные с птичьими и с человеческими. Было очевидно, что это особа женского пола. Она была обнажена, если не считать одеянием широкий, богато украшенный воротник.

Стройные ноги фигуры широко расставлены, кисти рук выставлены вперед. На голове возвышался гребень из перьев. На лице имелись два глаза. Глаза эти, очень большие и раскосые, инкрустированы красными камнями, возможно драгоценными. В тусклом свете раннего утра они светились, словно внутри их горел огонь.

Руки, протянутые вперед, заканчивались когтистыми клешнями. Глядя на них, я припомнил кусок разодранной плоти, который закопал в лесу. Правда, руки статуи были не такими тощими.

Неизвестный скульптор придал лицу выражение, которое вкупе с когтями производило угрожающее впечатление. Большую часть лица составлял клюв, слегка приоткрытый, готовый растерзать. С тонких плеч фигуры спускались крылья, на четверть приоткрытые.

Под аркой ног темнело отверстие, по всей видимости, вход в пещеру. Оттуда доносился отвратительный запах. Скорее всего, там было логово какого-то неопрятного животного. Я не мог оторвать взгляда от красных глаз скульптуры. Неприятное чувство, будто за мной наблюдают, с каждой минутой усиливалось. Быть не может, чтобы Гафия вошла в эту пещеру. Это тебе не святилище Луны с ощущением покоя и чистоты. Нет, это место представляло угрозу, не меньшую, чем серебряные певицы да ползучие твари, нападавшие на нас во время первой ночевки.

Я медленно поднялся и с усилием оторвал взгляд от красных глаз. В эту дверь я не пойду. Здесь наверняка должен быть другой путь.

Я обнаружил, что не могу повернуться спиной к каменной фигуре. Скульптор так искусно придал ей выражение затаенного ожидания, что, казалось, она стоит здесь по собственной воле. В поисках другой тропы я попятился как рак, задом наперед, стараясь при этом не упускать из виду злобную полуптицу-полуженщину.

Каменных лестниц, способствующих побегу, мне больше не встретилось. С северной стороны площадки я, однако, заметил трещину в скале. Быть может, там я найду убежище?

Не успел я дойти до намеченного места, как в пещере под ногами каменной фигуры что-то зашевелилось. Я быстро повернулся спиной к стене, с мечом наготове. Раздался шум, а затем — громкий крик.

В полутьме я увидел, как из пещеры выползла сгорбленная, бесформенная фигура. Через мгновение она выпрямилась и встала, опираясь на когтистые лапы. Фигура эта, в отличие от скульптуры, принадлежала к мужскому полу и была значительно ниже ростом. Очень тощая, но с такими же когтями и клювом.

Голова на сгорбленных плечах повернулась (плечи, по сравнению со статуей, казались деформированными). Глаза такие же красные и горящие. В них светилась лютая злоба.

Крылья он не стал раскрывать полностью. Должно быть, пользовался их оконечностями, чтобы удерживать устойчивое положение.

Взмахивая крыльями, выпустив когти, он дико завизжал и бросился в атаку. Я был наготове с мечом. Встречалось ли раньше это существо с бойцом, готовым дать ему отпор, не знаю. Только он оказался открыт моим контрударам, будто совершенно не ожидал сопротивления.

Лезвие меча нанесло ему точный удар — в участок между началом крыла и горлом. В то же время его когти разодрали лямки моих сумок и прошлись по кольчуге.

Голова откинулась на другое плечо, а из раны взметнулись высокие фонтаны темной жидкости. Несколько капель упали мне на руку, отчего кожа загорелась огнем. Чудовище свалилось на спину, размахивая передними конечностями. Крылья на этот раз полностью развернулись, захлопали, и, оторвавшись от площадки, он взлетел в воздух. Поначалу я решил, что удар мой оказался смертельным, но дуэль отнюдь не кончилась.

Голова свалилась на грудь, соединенная с телом лишь узкой полоской плоти и хрящей. Чудище, не обращая внимания на кровь, бьющую фонтаном, ринулось на меня. Вероятно, мне надо было исполосовать его на куски, чтобы прервать атаку.

Я ударил еще, метя на этот раз в передние когтистые лапы. И вновь удар был точен: клешня оторвалась и упала на камень. Приготовившись отразить третью атаку чудовища, я краем глаза заметил, что отрезанная рука вдруг зажила своей жизнью. Она поползла ко мне, пальцы ее были похожи на ноги отвратительного насекомого.

Монстр тянулся ко мне своим обрубком, словно хотел разорвать отсутствующими когтями. Кровь из его запястья хлынула на руку, сжимавшую меч. Почудилось, будто пламя не только облизало мне плоть, но и нырнуло вглубь. Превозмогая пожиравший меня огненный поток, я усилием воли заставил себя держать меч.

Возможно, чудовище, не собиравшееся умирать, почувствовало мои мучения, так как стало вертеть изуродованной рукой, разбрызгивая темную кровь. Капли обожгли мне щеку, несколько капель попало на незащищенное горло. Больше всего я испугался за глаза, когда кровь брызнула на скулу.

Несмотря на обожженные пальцы, я продолжал наступать. Атакуя, присел, и следующий поток крови уже излился на защищенную кольчугой часть тела. Ударив снизу вверх в живот чудища, я отскочил назад, и кровь потекла вниз. На незащищенных местах кожа вспыхивала огнем.

Убить его не было никакой возможности. Удар, распоровший ему тело от ребер до паха, только добавил крови. Не верилось, что из этого тощего тела может ее столько вылиться. Он, казалось, был полым. Этакий сосуд для крови. Теперь он все чаще опирался на крылья. Я же чуть не потерял равновесие и не упал, поскользнувшись в кровавой луже. В ярости я ударил мечом по живой руке, из-за которой я чуть не пострадал, и отбросил ее в сторону. Чудище все шло на меня, хотя голова его болталась на груди, и оно не могло уже меня видеть.

Монстр оказался справа от меня, и я ударил его по крылу. Сталь исправно сделала свое дело.

Враг отлетел в сторону, хлопая обрубком крыла. Другое крыло с большой силой разрубало воздух. Такое одностороннее усилие отбросило его к другой стороне скалы, и он упал. Я подбежал и ударил по второму крылу, а потом вонзил меч между лопаток.

Минутой позже, задыхаясь, я в ужасе наблюдал, как обрубок поднялся и опять пошел на меня. Из него излился еще один поток ядовитой крови. Я отошел подальше от смертельной лужи.

Я решил, что чудищу пришел конец. Но все же кто знает, единственный ли он обитатель пещеры, охраняемой статуей? Чем быстрее уберусь отсюда, тем лучше!.. хотя взбираться на скалу, когда тебя атакуют эти крылатые монстры, было рискованно. Одна надежда, что успею забраться наверх до атаки.

Меч повесил на запястье на шнурке, чтобы не забрызгать кожу кровью. Руки торопливо обтер о бриджи. Обрызганная щека невыносимо горела.

Быстро схватив сумки за разодранные лямки, я привязал их к поясу и бросился к расщелине. Судьба на этот раз мне благоволила, ибо расщелина оказалась достаточно широкой, и я втиснул в нее свое тело, не оставив крылатым чудовищам никаких шансов для новой атаки. Раненное мной чудовище по-прежнему было живо, хлопало крылом и не оставляло намерения на меня накинуться.

Зрелище это влило в меня свежие силы. Я позабыл о боли в руке и стал карабкаться наверх, нащупывая неровности в камне. Желание спастись, найти убежище, более надежное, нежели щель в скале, придало мне и сил, и скорости для покорения вершины.

Наверху поджидал еще один подарок судьбы. На плато росли деревья. Спотыкаясь, я побежал к ним, будучи уверен, что крылатые твари, даже если их будет несколько, не достанут меня под крышей из веток и листьев.

С такой же страстью, с какой старался выбраться из нижнего леса, я ворвался теперь в верхний лес, желая найти укрытие. Опустившись на корточки между двумя деревьями, я сорвал полные пригоршни листьев и постарался как следует очистить лезвие меча. Затем открыл сумку и вынул целебные мази, которые упаковала для меня Забина. Задыхаясь, стер липкую грязь сначала с руки, а потом со щеки и подбородка.

Постепенно боль утихла. Я надеялся, что яд не окажется для меня губительным. Однако особой уверенности не испытывал, потому что почувствовал озноб, не имевший ничего общего с погодой. Потом у меня началась неудержимая рвота и последовавшее за ней головокружение. Удержать себя в вертикальном положении я не мог и был вынужден прислониться к дереву.

Мозг мой, возможно, тоже был отравлен. Я проваливался в забытье, во время которого видел расщелину, отрезанную руку, истекавшую кровью, метавшуюся в поисках своего хозяина. Потом на некоторое время выходил из забытья и смутно вспоминал, где нахожусь. Однако не вполне был уверен, потому что оглядывался вокруг, опасаясь увидеть ползущую руку и прислушивался, не слышно ли характерного скрежета, возвещающего ее приближение.

В таком состоянии я, должно быть, пребывал довольно долго, потому что, когда очнулся от последнего сна (в котором рука на меня нападала, а я был слишком слаб, чтобы вытащить меч), солнечные лучи, как заплаты, лежали повсюду на земле. Лес здесь был не слишком густым, так что

сюда проникал долгожданный солнечный свет. От жажды у меня пересохло в горле, и я трясущейся рукой достал бутылку с водой и сделал несколько глотков.

От засохших пятен крови, покрывавших кольчугу сверху донизу, исходила невыносимая вонь, вызывавшая у меня рвотный рефлекс. При попытке подняться на ноги я вынужден был прислониться к дереву. Коричневая полоса, опоясывающая ладонь с тыльной стороны, болезненно трескалась, когда я шевелил пальцами. Я понятия не имел, куда идти. Знал одно: нужно найти воду, чтобы выстирать одежду и обработать раны.

Где в этой пустыне найти родник или ручей, я тоже не знал. Если только судьба улыбнется мне на этот раз...

Вокруг меня кружился и жужжал рой насекомых. Их, разумеется, привлекал запах, исходивший от моей одежды. Пошатываясь, я переходил от одного дерева к другому, задерживаясь на минуту возле каждого, чтобы набраться сил для следующего броска. Выйдя на опушку, я заморгал под яркими лучами солнца. Я почему-то был уверен, что чудище, с которым сражался, и существа ему подобные ведут ночной образ жизни. Следовательно, мне нужно максимально использовать дневное время, чтобы уйти как можно дальше от места их обитания.

Хотя по плану мне надо было на запад, я до сих пор шел на север, так как не хотел выходить из тени деревьев. Теперь же, стоя возле последнего дерева, я высматривал новую тропу, которая не лишила бы меня остатков энергии. Трава росла здесь неровными островками, пробиваясь между камнями. Передо мной был пологий холм, и я решил, что одолеть его мне будет не слишком трудно.

Удалившись от деревьев на порядочное расстояние, я заметил, что тропа, по которой иду, вымощена каменными блоками, уложенными с таким искусством, что в швах между ними не видно земли. По этой довольно узкой тропе повозкам было не проехать, зато всадники могли, и довольно свободно. Что ж, мне опять повезло. Шел я медленно, то и дело останавливаясь, чтобы побороть

внушавшие мне страх приступы головокружения, которые наступали без предупреждения.

Эта мощеная тропинка (дорогой ее назвать было нельзя) шла на север. С обеих сторон ее окружали холмы, становившиеся по мере продвижения все выше и выше.

Тень, падавшая от них, успокоила головную боль, но в горле по-прежнему полыхал пожар. Несмотря на жаркое солнце, на меня волнами накатывал озноб, временами такой сильный, что я останавливался возле ближайшей скалы, чтобы прийти в себя.

Тропинка между скалами становилась шире, хотя только центральная часть ее была вымощена. По обе стороны от центра оставалось свободное пространство. Не для того ли, чтобы в случае камнепада дорога оставалась в безопасности? Подумав об этом, я внимательно посмотрел по сторонам. Из щелей в скалах за мной вполне могут наблюдать крылатые твари. Это подозрение прибавило мне сил. Я решил, пока светло, пройти как можно дальше.

О Гафии и Груу я больше не вспоминал. Я сейчас сам был в опасности, и мне нужно было сосредоточиться на текущем моменте.

Дорога вела вверх, но подъем был таким легким, что позволял не снижать скорость. Прохладный, чистый ветерок отгонял от меня зловоние, от которого пока избавиться не удалось. Я вышел к перевалу и посмотрел вниз, за первый бастион западных высот.

Спуск выглядел более неровным, чем подъем. Но была и нечаянная радость: люди, проложившие дорогу, установили на вершине каменный бассейн, в который изливался поток воды. Спотыкаясь, я бросился к нему, опустился на колени и подставил израненные руки под ледяную струю.

Устоять против соблазна было невозможно. На всякий случай положив поблизости меч, я снял кольчугу и нижнюю рубашку, насыпал на них пригоршни мокрого песка со дна бассейна и как следует отчистил от скопившихся наслоений. Потом плеснул воды в лицо и смыл

следы битвы. Раны на лице и шее саднили. Я смазал их целебной мазью. Коричневая полоса на руке отшелушилась и превратилась в широкий красный шрам. Когда шевелил пальцами, кожа натягивалась.

Избавившись от ядовитых пятен, я смог наконец поесть. Потом сполоснул бутылку и наполнил водой. Сидя возле бассейна, я пил и внимательно оглядывал окрестности.

Земля внизу раскинулась лоскутным одеялом. Желтые и белые заплаты были, скорее всего, пустыней: никакой зелени, не на чем отдохнуть глазам. Я увидел светлую ленту дороги, спускавшуюся с горы. Она, должно быть, была пробита в склоне. Представить только, сколько труда было в нее вложено! Я знал, как трудно было проложить обычную земляную дорогу между двумя долинами. По дороге на север лорды обсуждали план строительства такой дороги, но потом отказались от него. Столько рабочей силы не мог привлечь даже самый большой из наших кланов. А здесь дорога была пробита в скале. И блоки были уложены с точностью, какой не смог бы похвастаться самый лучший мастер. Сколько же ушло на это времени? Отчего правителю так важно было проложить эту дорогу? Откуда он собрал столько людей?

Дорога заканчивалась зеленой заплаткой... лесной массив. Отсюда я видел лишь вершины деревьев — зеленые колеблющиеся волны. Так как подзорной трубы у меня не было, то и не мог сказать, имела ли дорога продолжение по другую сторону леса. Сидя у бассейна, я размышлял, стоит ли продолжать путь или лучше остаться и заночевать. А вдруг я еще недалеко ушел от опасной пещеры, и крылатые люди смогут отыскать меня? Но сумею ли одолеть такое большое расстояние до деревьев? А что, если в этом лесу меня подстерегают новые опасности?

Под конец мысль о возможной атаке со стороны крылатых монстров подстегнула меня. Отдых возле ручья, пища и вода придали сил. Хорошо бы сегодня ночью была луна, хоть и ущербная, как накануне. Я посмотрел

на линию горизонта, есть ли облака. Облаков не было. Наверняка я смогу заночевать на опушке нижнего леса.

Приободрившись, оттого что выбрал самое разумное решение, пустился в путь. Я задумался о братьях-меченосцах. Интересно, бывали ли они в этих краях, встретилось ли им крылатое чудовище или серебряные певицы... ночной охотник? Если они и видели чудеса, то ни словом не обмолвились. А может, они узнали о чудесах уже после того, как проводили нас до места? Когда-то я завидовал им из-за того, что они могут исследовать новые земли, встречаться с неизведанным. Действительность же оказалась совсем не той, какой представала в моих грезах.

Дорога была не слишком крутой, поэтому была удобна для пешего передвижения. Я шел по ней с хорошей скоростью. Она уводила меня на юг, так как огибала скалу, на которую я накануне карабкался. Скалы были такими, как везде — серыми, с красными и желтыми прожилками. Мощеная же тропинка, по которой я шел, выложена была совершенно другим камнем. Его, по-видимому, привезли сюда из другого места. Он был серовато-белесого цвета и сильно отличался от более темной скалы.

Я прошел уже третью часть пути, начиная от ущелья, когда заметил, что блоки, по которым шел, уже другие, не гладкие. На каждом блоке был вырезан символ. Одни символы были густого черного цвета. Они вызвали у меня неприятное воспоминание о крови крылатого чудовища в лунном свете; другие — тускло-красные. Эти напомнили мне уже мою кровь. Именно так она бы и выглядела, если бы пролилась на камень.

Очертания символов были весьма затейливы. В подробностях разглядеть их было трудно. Взгляд падал на какую-то деталь орнамента и тут же перескакивал на другую, метался из стороны в сторону. Я решительно отвел от них глаза, не желая заблудиться в этих хитросплетениях.

Достаточно было того, что цвет казался мне неприятным, а я не хотел тягостных напоминаний. Но не на всех

камнях стояли символы. Часто встречались длинные секции камней, лишенных таких украшений. Именно на таких камнях я останавливался, чтобы отдохнуть и посмотреть на вершины деревьев, до которых по-прежнему было еще очень далеко.

Чистого ветра, который дул на меня в ущелье, здесь не было. Один или два раза до меня доносился ветер, дувший сверху. По-видимому, я шел по пустыне, потому что ветер этот был горячим и сухим. Я решил избегать пустынных районов, когда поверну на запад.

Когда поверну на запад... Ни Гафии, ни проводника... Впервые после сражения с чудовищем я задумался о том, что ждет меня впереди. Если Гафии и было что-то известно о судьбе Айны, то она мне ничего не открыла. Болтаться без толку по этой дикой земле, отыскивая след, которого, может, и не существует вовсе — величайшая глупость.

Но что еще мне остается? Для меня существовал единственный пароль — запад. На запад я и должен идти. Какая еще судьба уготована человеку без рода, без племени? Я миновал еще один участок с камнями-символами и почти побежал. Наконец я спустился к дороге, ведущей к лесу. Здесь мной овладели сомнения: стоит ли идти в лес в ночное время?

X

Место для ночлега я подготовил со всей ответственностью. Сначала вкопал в землю толстые сучья, потом нарвал веток с листьями и со всех сторон накрыл ими сучки. Получилось подобие крыши, скрывавшей меня от возможного нападения крылатых тварей. Могут ли эти чудища, подобно другим хищникам, находить добычу по запаху, было мне неизвестно. На всякий случай решил не разжигать ночью костра, дабы не привлекать праздношатающихся.

Вспомнив слова Гафии о том, что холодное оружие служит хорошей защитой от темных сил, я вынул нож

и воткнул его в землю перед шалашом. Меч тоже был наготове. Сумку Гафии я отложил в сторону. Порылся в своей, изучая оставшиеся съестные припасы. Придется выдерживать режим строгой экономии.

Опять заболела голова, да и раны, хотя мазь и подействовала, тоже помогали не спать. Я смотрел и слушал.

Лес не был безмолвен. Тишину нарушали тихие шорохи: шелест падающих листьев, колыхание веток, птичий щебет. Казалось, жизнь в лесу просыпалась по ночам и немедленно принималась за дело. Сверху донесся зловещий крик какой-то ночной птицы, и рука моя сжала рукоятку меча. Если это и был крылатый монстр, то интереса он (или она) ко мне не проявил.

Мысли мои постоянно крутились вокруг событий, происшедших до побега Гафии в неизвестность. Скорее всего, я не заметил, по какой тропинке она убежала. Оставалось признать, что лишь при счастливом стечении обстоятельств я смогу напасть на ее след.

Несмотря на усилия не спать, я задремал, потом, вздрогнув, проснулся и опять погрузился в сон. В перерывах между дремотой я вслушивал и всматривался в темноту.

Что же мне делать утром? При первой встрече с крылатым человеком мне крупно повезло. Вторая встреча явно нежелательна. Может, в поисках следов Гафии лучше пойти вдоль горных хребтов? Возможно, здесь проезжали братья-меченосцы. Они ведь ездили на запад. Душевному состоянию моему был нанесен сильнейший удар. С тех пор как лорд Гарн изгнал меня из рода, я почувствовал, что значит, когда ты остался совершенно один. В эти ночные часы я решил, что хуже такой судьбы для человека ничего быть не может. Надежда разыскать леди Айну (вынужден сознаться) сильно поблекла с тех пор, как пропала Гафия.

Все же решил: пока жив, буду продолжать поиски. Впрочем, ничего другого мне не оставалось.

Ночь тянулась бесконечно, прерванный сон — считанные минуты. К шалашу моему никто не приближался,

словно я был невидим для тех, кто крался или охотился в темноте. Пришел рассвет. Я очень экономно поел, затем починил лямки обеих сумок и, забросив их себе на спину, отправился в дорогу. Проводниками мне по-прежнему служили каменные блоки, которыми была вымощена дорога.

Они привели меня в лес. Ветви деревьев смыкались между собой, образуя потолок, через который почти не проникали лучи солнца. На блоках не было загадочных символов. Они не обросли мхом. Они были такими светлыми, что, казалось, сами излучали свет.

Дорога не шла прямо. Она время от времени изгибалась то вправо, то влево, как бы уступая место высоким могучим деревьям. Кора деревьев была гладкая, красновато-коричневая. Внизу веток было мало, кроны располагались высоко.

Я прошел приличное расстояние, прежде чем заметил, что у этих деревьев имелись и другие отличительные черты. Когда я проходил мимо, их листья (зеленые и свежие, как ранней весной) начинали шелестеть, хотя было безветрие. Когда я обратил внимание на этот феномен в третий раз, то остановился и посмотрел наверх. Нет, я не ошибся. Их листья прямо над моей головой приходили все в большее возбуждение, соприкасались друг с другом, будто обсуждая мое присутствие.

Уж не вчерашний ли яд подействовал на мой рассудок? Я скорее готов был поверить в это, чем в то, что листья обладают органами чувств.

Страха я не чувствовал, лишь тупое удивление. Стоял не двигаясь. Хотя упади на меня одна из этих мощных веток, и мне придет неминуемый конец. Листья тем временем шелестели все сильнее. Я все больше склонялся к тому, что шелест был речью, язык был непонятным мне.

Шелест звучал теперь нетерпеливо: мое внимание заметили и ожидали внятного ответа. Я настолько поверил в собственную фантазию, что громко спросил:

— Чего вы от меня хотите?

Листья развернулись на черенках и зашелестели, как будто на дерево налетела буря. Даже могучие ветви взметнулись. Словно впавший в отчаяние человек замахал руками, желая привлечь внимание равнодушного лентяя.

Листья замерцали, и у меня появилось странное ощущение, что это и не листья вовсе, а зеленые огоньки, вспыхнувшие разом на тысяче свечей. Листья вроде бы зеленые, но отливают и голубым, и желтым, и темно-фиолетовым. Я стоял под огромной паутиной с вытканным на ней диковинным орнаментом. Она висела надо мной, как прекрасный ковер в богатом замке.

Свет лился вниз, а может, и падал, как падает лист за листом с приходом зимы. Я не мог оторвать взгляда от кружащихся вокруг меня листьев (вернее от светового орнамента, который они создавали).

Я был уже не в лесу. Но где я находился, было мне неизвестно. Знал лишь, что ни я, ни кто-либо из моих соплеменников в таких местах не бывали. Яркий цветной вихрь окружал меня все плотнее. Испытывал я даже не страх, а нечто вроде благоговейного ужаса, потому что видел то, что таким, как я, видеть непозволительно. Затем паутина раздвинулась, как занавес.

С одной стороны, мне было не по себе, как бывает человеку при виде чего-то совершенно непонятного. С другой стороны, хотелось узнать, чего от меня хотят. Я чувствовал, что меня приглашают куда-то.

Она была стройной и высокой эта женщина, явившаяся среди листвы. Одета во что-то мерцающее и зеленое. Я разглядел, что одеяние это состояло из множества листочков, находившихся в постоянном движении. Они стекали с нее и обвивали ее тело. Моему взору на мгновение представали то ее стройные ноги, то маленькая грудь, то плечо. Потом листва сгущалась, и она оказывалась закрытой — от шеи и до пят.

Волосы ее были распущены, но и они не лежали спокойно на ее плечах. Нет, они, как облако, плыли во-

круг головы, то свиваясь, то распускаясь. Волосы тоже были зелеными, но более светлого оттенка, в них проглядывали пряди рыжевато-каштанового цвета. Кожа ее тоже была красновато-коричневой и гладкой в сравнении с одеждой.

На лице выделялись огромные ярко-зеленые глаза. Самые богатые наши лорды превыше всего ценят драгоценные камни такого цвета. Такими же блестящими были ногти на руках, которыми она постаралась утихомирить непокорные волосы.

Она обладала такой красотой, хотя и странной, в существование которой я никак не мог поверить. Даже в беспокойных юношеских снах такая красота никогда меня не посещала. Все же я не мог дотянуться до нее, потому что между нами не было моста, по которому я мог бы к ней перейти. Я лишь смотрел на нее, как на чудо, как на волшебный цветок.

Эти огромные глаза заглянули в мои, и у меня не было защиты от такого колдовства, да я и не хотел защищаться. Я почувствовал прикосновение ее разума, куда более интимное, нежели прикосновение руки или тела.

«Кто ты, тот, кто путешествует по старому пути Алафиана?»

Речи не было, одна лишь мысль. Я тоже не произнес ни слова в ответ. Вопрос ее оживил мою память, и я вспомнил все в подробностях, которые, мне казалось, я давно забыл, все, что случилось со мной с того момента, как я пришел в долину Гарна.

Все то, что я вспомнил, произошло без участия моей воли. Мне бы и хотелось о чем-то позабыть, но избежать этого я не смог. Я помнил все. И она обо всем узнала.

«Значит...»

Я почувствовал, что мозг мой стал сухим, как отжатая губка. Хотя ничуть не пожалел, что она использовала меня таким образом. У меня даже мелькнула смутная мысль, что она имела полное право так со мной поступить. Ведь я вторгся в ее земли, покой которых очень долго не нарушался. А я грубо прервал эту безмятежность.

«Это не твое место, получеловек. Но поиски твои продолжатся. И...»

Мысль ее на мгновение прервалась, оставив меня странно пустым. Я ощущал свое одиночество больше прежнего.

«Ты будешь делать то, к чему тебя влечет. Твоя забота — не наше дело. Я в это вмешиваться не буду. Ищи и, возможно, ты найдешь больше, чем ожидаешь. Все возможно, если зерно правильно посеяно. Иди с миром, хотя его ты не обретешь. Его нет в тебе».

Опять мысль ее удалилась. Мне хотелось умолять ее не оставлять меня. Но между нами опять появилось подвижное облако света и задвигалось, образуя затейливый орнамент, затем разлетелось на искорки света, ослепившие меня, как мне показалось, на довольно долгое время.

Опять я стоял под деревом на старинной дороге. Ни один листок не шелестел над головой. Дерево выглядело так, словно из него вынули жизнь, наполнявшую его лишь минуту назад. Возле моих ног лежал единственный листок совершенной формы, ярко-зеленый, как изумруд, как глаза дамы. По краю бежала тонкая красновато-коричневая полоска, одного цвета с корой дерева или цветом кожи ее прекрасного тела.

Быть может, это была галлюцинация, вызванная слабостью? Нет, этому я не верил. Я наклонился и поднял листок. Это был не лист с дерева. Во всяком случае, таких листьев я никогда еще не видел и в руках не держал. Он был тяжелее и плотнее на ощупь, чем обычные листья. Вырезан он был из драгоценного камня, который мне и моим соплеменникам был незнаком. Этот лист не вял, не распадался в пыль, как те, что растут в обыкновенных лесах.

Я распустил тесемки, стягивающие мою сумку, и осторожно положил туда лист. С какой целью мне его дали (я был уверен, что это подарок), я пока не знал, но понимал, что это драгоценность, которую необходимо сохранить.

Какое-то время я не мог сдвинуться с места. Я все с тоской смотрел на дерево, пока не убедился, что женщина

не вернется. Сначала меня посетили страх и отвращение при встрече с крылатыми чудищами; здесь же я встретил красоту, испытал благоговение и желание продлить прекрасное мгновение. В этой колдовской земле человека бросает то в страх, то в благоговейный трепет. Среднего пути нет.

Я продолжил путь по дороге, вьющейся вокруг волшебных деревьев, но листья больше не окликали меня. Я хотел уйти подальше от этих деревьев, потому что вид их напоминал мне о невосполнимой потере. Боль, которую я испытывал при взгляде на них, была не физической, а душевной.

Я не останавливался, чтобы поесть, хотя и чувствовал голод. Продолжал упрямо идти вперед, пока наконец не вышел из леса на открытое пространство. Там я сошел с мощеной дороги, потому что она шла на север, а мне, как я полагал, надо было на запад. Неподалеку к небу вздымался еще один горный хребет. Земля, раскинувшаяся передо мной, заросла кустарником и невысокими деревьями. За этой растительностью было нечто такое, что привлекло мое внимание.

Замок — здесь?

Толстые каменные стены, башня... здание было настолько похоже на те, которые даже Врата не смогли стереть из памяти, что я готов был поверить тому, что вернулся на родину. Правда, кроме родового знамени, развевающегося на башне, никаких признаков жизни заметно не было.

В очередной раз я задал себе вопрос: зачем бардам понадобилось открыть нам Врата в этот мир? Жили ли здесь когда-нибудь люди, такие, как я? Почему они бежали отсюда? Отчего из нашей памяти стерты воспоминания об этих событиях? Здание, на которое я сейчас смотрел, могло принадлежать какому-нибудь богатому лорду. Гарну уж точно было с ним не сравниться. Оно было построено не нами, но в нем жили когда-то люди, столь на нас похожие, что, может статься, мы были родственниками.

Оттого что замок казался таким знакомым, я поспешил к нему, продираясь через кусты. Когда-то здесь были поля. Каменные стены, окружавшие их, обвалились, местами рассыпавшись в щебень. Через крупные камни, выступавшие из травы, мне порой приходилось перелезать. Я видел участки остановившихся в росте зерновых, золотившихся под солнцем, готовых к жатве.

Я сорвал несколько колосьев, растер в ладонях, пожевал, как делал это на полях, знакомых с детства. Ощутил знакомый вкус. Как близки были друг другу миры, разделенные Вратами. Во всяком случае, несобранный урожай доказывал, что семена, которые наши люди привезли с собой, будут расти здесь, давая надежды на будущее. Если только чужая жизнь не воспротивится непрошеным пришельцам, у которых на эту землю нет никаких прав.

Я шел к зданию и жевал горсточку зерна. Чем ближе подходил, тем более знакомым оно мне казалось. По всей видимости, те, кто его построил, думали прежде всего об обороне: стены широкие, окна узкие, расположены высоко над землей.

Массивные ворота, однако, были не только распахнуты, но и висели, скособочившись, на одной петле. Стало ясно, что замок давно необитаем. Камень, из которого он был построен, явно не местного происхождения. Цвет у него был розовый, в отличие от мрачных серых с прожилками здешних скал. К тому же под лучами закатного солнца он поблескивал, будто в него были вставлены куски полированного серебра. Это придавало ему нездешнюю красоту, вступавшую в противоречие с простотой архитектуры.

Над покривившейся дверью имелась панель, сверкавшая еще ярче. На ней, как это принято и у нашей знати, был выбит герб рода. Здесь же, резко выделяясь на фоне камня, был выкован кот, серебристый кот, очень похожий на Груу. Кот никак не отреагировал на мое появление. Сидел, как и прежде — прямо, подвернув под себя хвост, кончик которого лежал на передних лапах.

Зеленые глаза (блестящие, как у лесной волшебницы) были выточены с таким совершенством, что казались живыми. Чудилось, что кот видел всех, проходивших через ворота. Сам не зная, почему, я, подняв в приветствии правую руку, по-военному отсалютовал этому неподвижному часовому, столько лет исполнявшему свой долг.

Пройдя мимо кота, я оказался во внутреннем дворе. Здесь увидел всю конструкцию, увенчанную башней. Такое здание спокойно вместит не только большой зал для всех защитников замка, но и личные апартаменты лорда, оружейную, специальные кладовые. Внутри двора вдоль стены располагались здания поменьше. Там помещались конюшни, склады, жилье земледельцев, слуг, дворни и т.д.

Сказать, что время нанесло постройкам (кроме свалившейся двери) непоправимый урон, было нельзя. Судя по первому впечатлению, любой наш клан разместился бы здесь с большим комфортом, чем мог бы позволить себе не только в настоящее время, но и еще долгие годы спустя. При том условии, конечно, что здесь на них не нападут крылатые чудовища и серебряные певицы.

Страха я не испытывал. Возможно, оттого что здание напоминало родной дом, я уже не ощущал тревоги, не отпускавшей меня с тех пор, как я последовал за Гафией в колдовскую страну. Входная дверь стояла открытой настежь. Возле порога лежал вал земли и опавших листьев — явное доказательство того, что прошел, по меньшей мере, год, как здесь никто не появлялся.

На гладком каменном полукружье арочного входа четко выделялась руническая надпись. Что это? Предупреждение? Приветствие? Имя клана? Я мог только гадать.

Я вошел в большой зал. Оставшаяся здесь мебель тоже были каменная. В зале имелось возвышение. На нем стояли четыре кресла, выточенные из гладкого зеленого камня. На высоких спинках вырезан сложный узор, деталей которого издали я не разглядел. Стол — из того же камня. Он стоял у края возвышения и уступом спускался

вниз. Вторая его столешница была сделана из того же камня, что и стены.

Зал окутывали тени, так как окна были маленькие и располагались высоко. Все же мне удалось разглядеть возле столов массивный очаг с почерневшей от дыма трубой. В таком очаге вполне могла уместиться массивная ветка одного из тех гигантских деревьев, что я видел недавно в лесу. Каминную доску с обеих сторон украшали сидящие коты ростом выше меня. На доске тоже были вырезаны рунические письмена, ярко блестевшие, несмотря на полумрак.

Любопытство и вместе с тем странное ощущение того, что я уже видел это раньше, заставили меня продолжить осмотр помещений. За зелеными креслами я увидел лестницу, которая привела меня на второй этаж. В комнатах второго этажа мебели не было, зато было два камина. Там тоже я увидел рунические письмена. Возможно, ранее на стенах была драпировка. Теперь же ничего не осталось. Ковров на полу тоже не было. Одна пыль, в которой мои ботинки оставили следы, быть может, первые за несколько лет.

Я обнаружил кухню с каменными столами. Она размещалась в крыле, соединявшемся коридором с главной частью здания. Здесь была предусмотрена остроумная система подачи воды по длинному желобу. У наших людей ничего подобного еще не было. Я попробовал воду. Она оказалась чистой и приятной на вкус, и я напился от души. Затем, вернувшись в зал, решил, что останусь здесь на ночь.

С наступлением темноты меня ожидало еще одно чудо. Я уже заметил, что руны над камином в полутемном помещении казались на удивление яркими. Теперь, когда стало намного темнее, они стали еще ярче. Когда я рассмотрел их поближе — что было не так просто, потому что панель располагалась над моей головой — я заметил, что, кроме рунических знаков, здесь были вырезаны еще и маленькие сцены, которые, как и руны, становились ярче с наступлением темноты.

Я разглядел сцены охоты. Правда, нельзя было утверждать, что изображенные там охотники — мужчины. Скорее это были коты, крадущиеся, прыгающие, набрасывающиеся на добычу. Да еще какую добычу! Я тут же узнал крылатого монстра, с которым боролся на уступе скалы. А это был еще не самый страшный враг из представленных на рисунках. Один только взгляд, брошенный на чудищ, являлся достаточным предупреждением для всякого, желающего приключений в этой стране. Одна только надежда, что за это время они исчезли как вид.

Там была змея (то есть на первый взгляд «змея», пока я не разглядел получше) с рогатой и клыкастой головой. Голова была насажена на тело змеи, плавно переходящее в мужской торс, а потом, начиная с того места, где у человека должны быть ноги, существо это опять становилось змеей. Вместо рук у него были ласты. Этими ластами он тянулся к коту, вызывая его на бой. Он вел себя как искушенный боец.

Другая сцена изображала кота, гордо откинувшего назад голову. Рот его был открыт. Казалось, я снова слышу рев, который издал в лесу Груу. Под могучей лапой кота я увидел существо, состоящее, казалось, из массы жестких волос. Оно протягивало похожую на корень когтистую руку, желая, очевидно, вцепиться в захватчика.

Я тут же поверил, что сцены эти изображали битвы, действительно имевшие место в прошлом. Осознал собственное безрассудство, с которым отправился в страну, которая наверняка до сих пор наводнена такими чудовищами. И тут же подумал о Гафии и о леди Айне. Хотя чем я мог сейчас им помочь? Ведь я до сих пор не напал на их след.

Топлива здесь не было, значит, мне нечем было разжечь огонь в огромном камине. Я сел на его камень, чтобы немного подкрепиться. При этом я подумал, что на следующий день у меня должна быть удачная охота, так как на это пшеничное поле наверняка придут животные. По крайней мере, у меня есть вода, и я напился от души.

Поев, я опять обошел зал. Он к тому времени весь наполнился тенями. Я то и дело отходил от особо затененного уголка, как сделал бы, если передо мной оказалась бы группа беседующих людей, собравшихся в ожидании лорда, который возвестит о начале вечерней трапезы. Дом мне очень нравился. Я не возражал бы, если бы он стал моим, а я был бы лордом, происходящим из старинного и знатного рода. Увы! Я был безродным, безымянным. Жизнь моя будет так же пуста, как этот зал сейчас, а клан, который мне хотелось бы возглавить, лишь тень, которой не суждено стать реальностью.

Все же я смело поднялся на возвышение и подошел к четырем креслам, стоящим в середине. Резьба на спинках стульев не была посвящена ужасным эпизодам охоты. Я увидел переплетение плодоносных фруктовых веток и длинных стеблей пшеницы с тяжелыми колосьями. Каждый орнамент обрамляли цветы. Тут мои мысли опять переключились на лесную фею. Что за народ она представляла? А может, это была душа дерева, которая выяснила, что я из себя представляю?

Тут я самоуверенно подошел к четвертому креслу и уселся в него, обнаружив, что кресла рассчитаны на таких, как я, с физической точки зрения. Хотя камень был и твердым, сидеть на нем было удобно. Я поставил локти на стол и уперся подбородком в ладони. Тут я увидел, что на поверхности стола тоже есть символы. Они поблескивали, и я мог рассмотреть их. Я опустил на стол правую руку, на которой все еще краснела полоска — метка, оставленная крылатым монстром. Указательным пальцем я стал обводить ближайший ко мне символ. Палец скользил мягко и быстро по изгибам и острым углам. Сам не знаю, зачем я обвел символ три раза...

Три раза...

Линии стали ярче. Возможно, я таким образом очистил их от скопившейся пыли. Я видел перед собой и другие символы. Все они размещались против зеленых кресел. Ни один из них не был таким ярким, как тот, что я обвел.

Вдруг откуда-то донесся звук, кажется, из воздуха. Он был похож на звучание горна. Вроде бы одновременно раздался стук барабана. А может, это было слитное звучание многих голосов? Я только знал, что раньше я ничего подобного не слышал. Я снял руки со стола, положил их на резные подлокотники кресла и устремил взгляд в зал, желая выявить источник звука. В зале стало очень темно.

Звук прозвучал трижды. После этого мне показалось, я услышал эхо, а может, и ответ откуда-то издалека. Темнота сгустилась. Я не видел даже панелей над камином, хотя ранее они были весьма заметны.

Мне почудилось, будто все зданис, в которое я так бесцеремонно проник, стало меняться. Хотя я был сейчас ослеплен, вокруг совершались странные вещи. Я так крепко ухватился за подлокотники, что острые края резьбы ранили мне руки. Темнота была абсолютной. Я падал, а может, летел, а может, меня тащили куда-то... в другое место, а может, в другое время... откуда нельзя было сбежать.

XI

Вероятно, темнота явилась результатом колдовством, и я не спал, хотя лучше бы это был сон. Я по-прежнему сидел в кресле за столом в том же огромном зале, но сейчас в нем было полно людей. Когда я пытался рассмотреть хоть кого-то из них, они каким-то образом уклонялись от прямого взгляда. Поэтому все, что я видел, представляло собой неясное очертание фигуры, приглушенный цвет одежды. Лицо не удалось разглядеть ни разу. Хотя многие выглядели так же, как я, в зале были и люди необычные. Они держались непринужденно; некоторые были красивы, другие производили комичное впечатление.

Судя по всему, они собрались на праздничное мероприятие. Это я скорее почувствовал, чем понял из разговоров. Они разговаривали, но я лишь слышал гул голосов, доносившийся издалека. Он был похож на рокот морских волн, разбивавшихся о берег.

Я наклонился вперед, стараясь сосредоточить внимание хотя бы на одном лице, рассмотреть его черты, но передо мной по-прежнему висела какая-то дымка. Затем повернул голову направо, желая узнать, сидит ли кто-нибудь рядом со мной. Да, кресло было занято. В нем сидела женщина в платье цвета зрелой пшеницы. Но лицо ее и фигура представали передо мной как пятно. В кресле слева сидел мужчина. Больше я ничего не мог разглядеть.

Сжимая подлокотники, я все ждал, что они либо заметят мое присутствие, либо колдовство рассеется, либо все окружающее проявится и обретет четкость очертаний. Однако ничего не происходило. Эти неясные фигуры двигались, садились, ели, поднимали бокалы, пили и разговаривали. Все они оставались в своем мире, доступа в который у меня не было. Я мог только наблюдать.

Четкими оставались лишь рунические письмена на столе. Они находились в моем мире, прямо передо мной, и взгляд мой, по мере того как смятение усиливалось, все чаще к ним обращался. С большим усилием я оторвал руки от подлокотников и коснулся этих символов. Если они явились причиной произошедших изменений, то, может, они опять вернут все на место.

Усилием воли я выпрямил указательный палец и поднес к надписи. Началось все с того, что я обвел письмена руна за руной. Три раза. А что, если я проделаю это снова? Сжав зубы, я принялся за дело. Надпись была холодной на ощупь, словно я погрузил палец в горный ручей. Так... так и так...

Сосредоточившись, я проделал это три раза. Уши мои вдруг открылись, и я услышал голоса. Они больше не доносились издалека, а были громкими и ясными. Хотя языка я не понимал.

Я посмотрел по сторонам. Зал и все те, кто в нем находились, вышли из тени, стали реальностью. Тут были мужчины и женщины, празднично одетые. Такой богатой и роскошной одежды я никогда еще не видел, даже у самых богатых наших лордов. На них не было распи-

санных гербами камзолов, таких, какие приберегали для праздников у нас. Одежда на них была из мягкого, облегающего тело материала, радужная, как луговые цветы. Я видел пояса, украшенные самоцветами, широкие воротники, расшитые драгоценными камнями, на руках блистали кольца.

Волосы их были темными; у дам — высокие прически, заколотые драгоценными булавками. У некоторых женщин на голове сияла диадема. Казалось, в качестве украшения они сняли звезды с ночного неба. Мужчины тоже носили на голове обручи, с единственным драгоценным камнем. Обручи эти были из золота, серебра и неизвестного мне металла красного цвета.

Рядом с возвышением я заметил женщину, напомнившую мне мою лесную волшебницу. Увидел я и мужчину с оголенным торсом. На груди его скрещивались два ремня, украшенные драгоценными камнями. На плечах эти ремни расширялись. Кожа покрыта шерстью, на лице мягкий пушок, а изо лба росли вверх и закручивались назад красные рога. Такого же цвета были его глаза. В отдалении я заметил еще такие же рога. Я уже стал приглядываться к тому, кто мог оказаться опасным чудовищем, как вдруг до меня кто-то дотронулся. Чья-то рука легла на мою.

— Верно, весеннее вино подействовало на вас, милорд? У вас такой вид, словно вы никогда здесь раньше не веселились.

Говорила она тихо, но среди громких голосов я ее отлично слышал. Я медленно повернул голову и увидел соседку справа, говорившую на моем родном языке.

И кожа, и волосы ее были темными. Даже в сравнении с моей загорелой кожей ее кожа была темнее. Я был уверен, что ни ветер, ни солнце не были тому причиной. По-видимому, она была высокого роста, потому что я поднимал глаза, чтобы встретиться с ней взглядом. Глаза были карими, цвета темного янтаря, высоко у нас ценимого. Брови черные и прямые. В ней чувствовалась властность человека, привыкшего командовать. Одежда, которую я смутно видел до того, как завеса рассеялась, оказалась

плащом. Она откинула его назад, взяв меня за руку. Под плащом оказалось платье цвета спелой пшеницы. Оно облегало ее пышную грудь и тонкую талию. Дополняли наряд длинные бусы из перемежающегося черного и золотого янтаря. В центре бус была подвеска, тоже из янтаря, сделанная в виде пшеничного снопа, связанного виноградной плодоносящей лозой.

На голове ее была корона из кос. Вместо диадемы или драгоценной булавки, как у других дам, лоб ее украшал янтарь той же формы, что и подвеска, только крупнее. Вставлен он был в обруч из красного золота.

Красота ее привела меня в восхищение. Она вызвала во мне такой отклик, которому здесь было не время и не место. Она была... трудно подобрать слова... как поле, готовое для жатвы (плоть моя заволновалась).

Она улыбнулась, и улыбка ее была столь обещающей, что только усилием воли я заставил себя оставаться на месте. Рука ее по-прежнему лежала на моей руке. Я сжал зубы, чтобы не поддаться порыву и не привлечь ее к себе.

Глаза ее выразили удивление. Больше, чем удивление, узнавание. Уверен, в этот момент она поняла, что я не из их компании, что я посторонний, сумевший каким-то образом очутиться среди них.

Теперь я не смог двинуться, захоти даже осуществить желание, мучившее меня. Янтарные глаза не отпускали меня. Другой рукой она взялась за подвеску на своей груди. Я ждал, что она разгневается, назовет меня самозванцем, врагом, вором.

Этого не произошло. Она смотрела на меня изучающим взглядом. Пальцы ее сжали мое запястье. Ни за что в жизни я не стал бы освобождать свою руку. До сих пор ни одна женщина не приобретала надо мной такой власти.

Она заговорила. Речь ее прозвучала, как приказ, которого я не смел ослушаться.

— Пейте!

Слева от меня стоял кубок. Так как она все еще держала мою правую руку, я повиновался ей, взяв кубок в

левую. Кубок, что казалось странным в этом роскошном месте, был вырезан и цельного куска темного дерева. На нем было выполнено рельефное изображение мужской головы, или существа, похожего на мужчину. Веселое настроение отражалось в раскосых глазах и изогнутых губах. Кудрявую голову украшал обруч в виде оленьих рогов. Кубок был налит до самых краев. Когда я поднес его ко рту, напиток зашипел и забулькал. Все же ослушаться я не посмел и выпил.

Жидкость не была горячей, как я боялся. Наоборот, она была довольно холодной. Когда же она прошла по моему горлу, внутри стало тепло. Более того, кровь загорелась, и охватившее меня желание усилилось.

Даже когда пил, я не спускал глаз со своей соседки и видел, как она улыбается — медленно и томно. Потом тихонько рассмеялась. Ее правая рука поглаживала подвеску, висевшую в ложбинке ее груди, которая казалась мне все более спелой и твердой...

— За нашу встречу! — заговорила она опять. — В вас есть сила, иначе вы никогда не оказались бы среди нас, — она придвинулась ближе. От ее тела, а может, от одежды, не знаю, исходил аромат, от которого голова моя шла кругом. Я вдруг почувствовал, что не могу ни поставить на стол кубок, ни освободить руку. Я был ее пленником.

— Жаль, — продолжала она, — что мы разминулись во времени, поэтому вы не сможете осуществить свое желание. Но пусть оно пребудет с вами, странник. Вы осуществите его в положенное время и в положенном месте с той, кто будет этого достойна.

Она поцеловала меня в губы. Огонь побежал по моим жилам. Это было не то тепло, которое разлилось во мне от выпитого вина. В этот момент я знал: ни одна женщина не станет для меня тем, чем могла бы стать эта.

— Это не так, — прошептала она, слегка отодвинувшись от меня. — Не так. Придет твое время, и она появится. Это обещаю тебе я, Гуннора. Она придет, и ты узнаешь ее не раньше положенного времени. Ты сейчас выпил из кубка, который принадлежит Охотнику. Ищи и обрящешь.

Взяв мою руку, она стала обводить руны моими пальцами. Делала она это в обратном порядке. Три раза подряд. Она опять превратилась в пятно, но рука ее все еще сжимала мою руку. Затем еще три раза. После этого стало темно. Прошел ли я через время? Или через пространство?

Я по-прежнему сидел за столом. В зале холодно и тихо. Ночь темна. В руке моей что-то зажато. При рассеянном свете, исходившем от рунических знаков, я увидел, что держу в руке кубок. Кубок Охотника. В теле моем все еще не утихло желание, которое теперь не могло быть удовлетворено.

— Гуннора?

Я произнес ее имя вслух. Даже эхо не прозвучало в ответ. Нетерпеливо отставив кубок, положил голову на руки; щека моя касалась руническои надписи. Я знал: чудо не повторится.

В замке я оставался еще три дня. Спал перед очагом. Садился в кресло, вспоминая самые мелкие подробности путешествия в прошлое. У меня никогда еще не было женщины, хотя я неоднократно слышал рассказы на эту тему от тех, кто имел такой опыт. По нашим законам в юности связь с женщиной запрещалась. Вероятно, по этой причине семьи наши были маленькие. Лорды устраивали браки по своему выбору и исходили из интересов клана.

Теперь меня беспокоили другие сны. Зная, что они не исполнятся, я решил направить свои мысли в другое русло. Охотился. Удалось поймать в ловушку несколько животных, кормившихся на пшеничном поле. Собрал урожай колосьев. Зерно кое-как размял между камней, просеял, обратил в муку и насыпал в коробку, в которую Забина положила мне в дорогу хлеб. Закоптил мясо. Когда все было готово, двинулся в путь. Я знал, что должен уйти отсюда, хотя и тянуло задержаться и повторить трюк с рунами.

Ничего мне так не хотелось, как снова попасть на пир, в этот раз навсегда. В то же время я понимал, что даже с

помощью колдовства мне не удастся путешествие во времени. Последние дни я почти не думал о том, что мне надо искать Айну и Гафию. Казалось, что обе они остались в далеком прошлом, да и сам я совсем не тот человек, каким был.

На четвертое утро я поднялся, словно по приказу Янтарной Богини, и решил, что мне уже пора идти. Довольно мечтать о несбыточном. Однако в слова ее о том, что я утолю свои желания с ныне живущей, не слишком-то верилось. Потому что только она занимала все мои мысли.

Рассвело, и скрепя сердце я покинул замок. Путь мой лежал на запад. Удалившись от заброшенного замка на приличное расстояние, я внезапно почувствовал перемену в своем настроении. Должно быть, там у меня была лихорадка, а теперь я полностью излечился от хандры. Меня опять обуяла жажда жизни, желание найти ключ к разгадке исчезновения дочери Гарна, разыскать Гафию.

Снова простиралась передо мной пустынная земля. Не было ни следов, оставленных людьми Древней Расы, ни дороги. В качестве ориентира я выбрал вершину горного хребта, напоминавшую лезвие меча, устремленного в небо. Туда и направился, соблюдая все меры предосторожности. Я с недоверием смотрел на каждый стоящий торчком камень, на каждый куст: за ними могла подстерегать засада. Но видел только птиц высоко в небе, а под ногами — землю, не знавшую, что такое дорога. Эти места можно было назвать безжизненными, если не принимать во внимание то, что росло из земли и размахивало крыльями в воздухе.

На следующий день я подошел к подножию вершины, которую выбрал ориентиром. Еда, приготовленная загодя, у меня при себе была. Кроме того, в пути повстречались заросли ягодного кустарника. Спелые ягоды стали для меня одновременно и едой, и питьем. Сумку Гафии я пока не открывал, но нес с собой, надеясь на встречу. Моя же сумка сильно полегчала.

Близился закат. На горы наплывала мгла, словно медленно опускаемый занавес. Горные вершины скрывались из вида одна за другой. Я решил устроить ночлег.

Оглядевшись по сторонам в поисках укрытия, я заметил углубление среди скал. Там я надеялся защитить себя со спины и быть готовым в случае нападения. Ночи в этой стране были временем испытаний, я встречал их с тоской. Хотя последние трое суток ночные охотники меня не беспокоили, все же и в этот раз я спал урывками. Тело истосковалось по спокойной полноценной ночи, во время которой не нужно исполнять обязанности часового.

Несмотря на то что валежника вокруг было много, костер разжигать я не стал; не желая привлекать внимания. Я полулежал, прислонившись спиной к скале, и смотрел на сгущавшиеся тени. Как только спадала напряженность, перед мысленным взором каждый раз возникала сцена пиршества в заброшенном замке. Почему они ушли, те, кто собрались там, за столом? Что за напасть на них свалилась? Зачем они оставили этот прекрасный замок, которому суждено теперь стать руиной? Уж не чума ли им угрожала? Что их заставило обратиться в бегство?

Я вздрогнул и затаил дыхание.

Я не ослышался? Нет, этот крик мне не почудился. Я опустился на колени, стараясь вырвать ответ на загадку, заданную быстро надвигающейся ночью. Кто просил о помощи, и где он... оно... они... могут находиться?

Опять эта мольба. Откуда-то позади меня... из гор, окутанных туманом! Но кто? Я поднялся на ноги, напряженно глядя наверх, на отвесную скалу. В ночи мелькнул слабый огонек, бесформенное пятнышко в тумане. Костер? Да нет, у пламени костра не такой цвет. А если это ловушка с наживкой? Слишком свежи были мои воспоминания о серебряных певицах и их пении в каменных кругах.

В третий раз послышался отчаянный, бессловесный призыв. Осторожность убеждала меня оставаться на месте. Но я не мог игнорировать призыв, заткнув уши. Все существо мое было потрясено. Мне казалось, это кричит

кто-то из людей, которых я знаю. Гафия? Айна? Это могла быть и та и другая, а может, обе?

Отбросив мысли о собственной безопасности, я начал карабкаться наверх. Ветер дул в лицо, мне приходилось преодолевать его сопротивление. Вместе с ветром до меня доносился запах — не отвратительный запах зла и не мускусная сладость, которую я связывал с Гуннорой, Лунным святилищем и его цветущими деревьями. Этому запаху я не мог дать определения.

Я прекрасно сознавал, что поступаю глупо: пускаться в ночные приключения мне не следовало, но иначе поступить я не мог. Я двигался осторожно, присматриваясь и прислушиваясь. Внимательно смотрел, прежде чем поставить ногу, пережидал каждый шаг и слушал, не раздастся ли новый крик о помощи.

Свет я видел, однако больше ничего не происходило. Лишь с каждым шагом возрастало желание действовать незамедлительно.

На горе, на мое счастье, росли кусты, за которые я хватался, так как склон становился все круче. Я подтягивался и лез все выше и дальше. Тяжелое облако облепило тело и выступило каплями на лице. Свет в центре туманного занавеса не гас.

Каждые несколько шагов я останавливался. Я ничего не видел, зато напрягал слух. Туман был холодный, словно на дворе стояла поздняя осень. Он даже, может быть, приглушал звук, потому что я ничего не слышал.

Свет оставался постоянным — не слабел и не набирал силу. Как маяк... Маяк, который подает сигналы... Кому? Мне? Может, я попаду в ловушку, предназначенную для другого? Но в стороне я остаться не могу, даже если сигнала больше не последует.

Вдруг...

Возле самых моих ног возникла фигура, легкая, как этот призрачный туман. Она увеличилась в размере, и я не мог не узнать тихое рычание. Горный кот — Груу?

Я остановился. Рука ухватилась за рукоятку меча. Этот хищник был таким же огромным, как Груу. И если это

один из ночных охотников, то и сталь в руке, и боевое мастерство окажутся бессильными против его атаки.

Он прорычал еще раз, повернулся, и туман тут же поглотил его. Груу! Ну конечно, это был Груу, иначе мне было бы несдобровать. Значит, здесь Гафия!

Оставшийся до вершины путь я одолел одним махом. Мне хотелось громко окликнуть ее по имени, но я боялся, что она попала в беду, и я своим криком только наврежу ей. Быть может, ее взяли в плен или хотят захватить. Серебристый кот поджидал меня возле горевшего огня.

Свет исходил и распространялся от предмета, стоявшего на выступе голой скалы. Что это был за предмет, я не понял. В этот момент мне было не до того. Я увидел безвольно лежавшую фигуру. Кот уселся возле нее и грубым языком стал лизать ее щеку.

Это была Гафия. Кто-то с ней жестоко обошелся. Ее крепкая дорожная одежда была изорвана в клочья. Руки с глубокими красными царапинами обнажены до плеча. Бриджи тоже были превращены в ленты, связанные друг с другом узлами.

Волосы превратились в спутанный дикий клубок с засевшими в нем сухими листьями и мелким сором. Лицо страшно исхудало, кисти рук, в синяках и царапинах, похожи были на клешни крылатого монстра, с которым я дрался.

Встав возле нее на колени, я пощупал пульс. Она лежала в такой безвольной позе, что я подумал, не слышал ли я там, внизу, ее предсмертный крик. Быть может, она уже умерла, и я опоздал. Груу слегка отодвинулся и подпустил меня к ней, но его зеленые глаза внимательно следили за мной, словно он критически оценивал мои действия и готов был в любой момент исправить ошибку.

Да, она была жива, но сердце ее билось слабо, и, возможно, она была на краю гибели. Мне нужны были мои припасы. Я взял бутылку с водой и брызнул ей в лицо. Потом, поддерживая голову, поднес к ее губам маленькую жестяную кружку и постарался накапать ей в рот. Вспомнив инструкции Забины, я накрошил сушеных листьев,

которые та дала мне в дорогу, и, налив в кружку воды, энергично потряс ее. От смеси поднялся свежий, острый аромат. Я снова приподнял девушку и, удерживая голову, влил в рот травяной эликсир, потом еще раз. Глаза ее открылись, и она посмотрела на меня.

Узнавания во взгляде не было. Взгляд ее уходил в другие миры, за меня, сквозь меня. Все же мне удалось вылить в нее всю настойку. Потом я взял горстку грубо смолотого зерна, налил воды и сделал подобие комковатой каши. Маленькой ложкой я стал засовывать кашу ей в рот. Она жевала и глотала. Все же она ни разу не видела меня и, похоже, не понимала, что кто-то ухаживает за ней.

Впервые я открыл ее сумку. В коробке обнаружил целебную мазь. Подтащив ее поближе к свету, осторожными движениями наложил мазь на самые страшные царапины, глубоко располосовавшие ее руки и ноги.

Груу по-прежнему не сводил с меня глаз. Прежде чем я закончил, он поднялся и посмотрел в ночь, подняв голову. Он то ли услышал, то ли почувствовал какую-то опасность и беспокойно начал ходить взад и вперед, оставаясь между нами и туманным занавесом.

Затем он издал громкий рык. Не успел я сделать движение, как он прыгнул и исчез в тумане. Я слышал звуки, извещавшие о битве: рычание, хриплые крики, которые, что было совершенно ясно, издавал соперник Груу.

Я стоял возле Гафии, сжимая в руке меч. Некоторое время спустя из тумана вышел Груу. На груди его были темные брызги, кровь капала с его больших клыков. Он невозмутимо уселся возле огня и начал счищать со шкуры следы битвы, слизывая их и с отвращением сплевывая. Я вынул бинт, который носил с собой, и смочил в воде.

Подойдя к коту, я постарался смыть самые большие пятна с его груди. Они глубоко впитались в мех. Он терпел, пока я совершал эту процедуру. Я не был удивлен тем, что он испытывал брезгливость при попытке очистить себя. Я отскреб то, что было не кровью, а какой-то

более густой, отвратительной жидкостью, издававшей такой запах, что я задерживал дыхание, пока чистил кота.

Гафия еще не совсем пришла в себя. Во всяком случае, она все еще меня не замечала. Мне, однако, удалось запихать в нее еще немного каши, ложку за ложкой. Я разглядел, что царапины ее, хотя и глубокие, и красные, и воспаленные, не были на самом деле ранами. Как она сумела продержаться без всяких припасов, и что это за свет горел на скале, оставалось загадкой. Я стал догадываться, что она потеряла сознание от истощения и усталости. Но зов, на который я откликнулся, был вызван, как мне показалось, не тем, что, ослабев, она просила о помощи, а чем-то другим.

Имея при себе такого часового, как Груу, я чувствовал себя более уверенно, с тех пор как ушел из замка. Кот лежал теперь возле костра, лизал лапы и обдумывал, по всей видимости, собственные дела. Но теперь я знал: ему можно доверять.

Я устроил девушку как можно более удобно. Сумку я подложил ей под голову вместо подушки и укрыл своей дорожной одеждой, которую до сих пор использовал в качестве валика для плеча. Когда я потряс бутылку с водой возле уха, то понял, что вода на исходе, и утром мне нужно поискать горный ручей. Возможно, в этом мне поможет Груу.

Улегшись от Гафии на расстоянии вытянутой руки, я позволил усталости взять над собою верх. Свет горел так же ярко, но не слепил глаза.

Я почувствовал, что нахожусь в самом центре источника света. Мне без слов был задан вопрос: «Откуда ты пришел и что собираешься делать?» В ответ в мозгу моем вдруг возник символ — тот, что был тогда на моей Янтарной Богине. Сноп, перевитый плодоносящей виноградной лозой.

Мой невидимый оппонент был явно удивлен. Мне не хотелось спорить с ним. У меня не было чувства вражды к тому, кто так безапелляционно спрашивал, по какому праву я оказался там. Меня удивила возникшая у меня

способность выстраивать в мозгу подробные картины. Подвеска вдруг изменилась и превратилась в настоящий сноп пшеницы, его обвивала настоящая виноградная лоза. Мне казалось, я могу протянуть руку и отщипнуть с лозы ягоду за ягодой. Хотя я и не мог ее видеть, но чувствовал, что за мной в этот момент стояла миледи из замка. Мне очень хотелось проверить, так ли это, но головы мне было не повернуть.

Та сила, которая заключалась в огне, сдалась. Нетерпеливое раздраженис, желание поставить меня на место, осудить пошли на убыль. На смену им пришел вопрос, смешанный с изумлением. Удивление вызвано было не мной, но приходом ее, той, что пришла мне на помощь.

Я почувствовал, как сошлись две Силы вокруг меня, через меня. Задавались вопросы, следовали ответы. Я же не понимал ничего. За исключением того, что путь мне был открыт, хотя и Сила, задававшая мне вопросы, все еще была недовольна. Потом мне наконец был дарован сон, которого так желало мое измученное тело.

XII

Я вынырнул из глубокого сна. Тело задеревенело, словно я проспал несколько лет. Посмотрел на безоблачное небо. То, что меня разбудило, продолжалось.

Четко и ясно произносимые слова, затем пауза, как бы в ожидании ответа. Снова странные слова, произносимые нараспев. Ритм речи тот же, что у бардов, когда они читали нам историю клана или выдержку из закона. Но сейчас я не понимал ни слова.

Я повернул голову. Гафия уже не лежала там, где я оставил ее накануне, а сидела на солнце, скрестив ноги. Это она произносила непонятные слова, обращаясь неизвестно к кому. Даже Груу не было рядом.

Должно быть, так на нее подействовала лихорадка. Это была первая мысль, что пришла мне в голову. Я порывисто сел. Она же в мою сторону даже не посмотрела.

Действительно у нее лихорадка или она угодила в очередную ловушку?

Перед нею был путеводный огонь, что горел накануне. Мне захотелось оттащить ее подальше, если только это будет в моих силах. Я увидел, что на выступе, в щелке между двумя скалами была установлена се лоза, вернее часть лозы, которую в начале путешествия она изготовила из ветки.

Треть этой лозы сгорела. Пока я смотрел на нее, еще один маленький кусочек обломился и упал. Превратился в горстку золы, которую тут же подхватил и унес несильный порыв ветра. Другого топлива не было, ничего, кроме обгоревшего прута.

Гафия все сидела и говорила, время от времени ожидая ответа, которого я не слышал, и опять продолжала говорить. Иногда во время паузы кивала головой, будто соглашаясь с ответом. Один или два раза сосредоточенно хмурилась, словно желая лучше понять предостережение или совет. Действия ее выглядели вполне разумно. Я готов был поверить в то, что со мной что-то не так, что я оглох. Да к тому же я и не видел ее собеседника.

Мне хотелось дотронуться до нее, но рука не повиновалась. Я находился под сильным впечатлением, что все происходящее не иллюзия. А если даже иллюзия, то моя, а не ее. Наконец она вздохнула и приподняла голову. Я понял, что сначала она смотрела на сидящего собеседника, а теперь он встал. Она подняла руку, словно прощаясь, а глаза ее устремились вслед невидимке.

В этот момент я снова обрел способность к движению. Тихонько взял ее за руку, и она вздрогнула в непритворном испуге. Посмотрела на меня. Глаза были осмысленными. Она меня узнала.

— Гафия,— сказал я.

Она нахмурилась и гневно отдернула руку.

— Как ты посмел шпионить... — воскликнула она.

От ее нетерпеливого жеста сумка моя качнулась. Застежка, ослабевшая в ходе битвы с крылатым чудищем, раскрылась, и из сумки выскочил и покатился по земле

кубок Человека в рогатом венце, тот, что я взял с собой из заброшенного замка. Из кубка, в свою очередь, выпал драгоценный лист лесной волшебницы.

Гафия взглянула на остановившийся возле ее ботинка кубок, упавший рельефным изображением кверху, и на лист, блестящий на солнце. Глаза ее расширились в изумлении. Она смотрела на голову, словно та была живая.

Потом отодвинулась подальше, не сводя глаз с кубка. Я в это время подобрал лист. Кончиком языка Гафия облизала нижнюю губу. Гнева на ее лице больше не было. На его место пришел испуг. Почти шепотом она спросила:

— Где ты это все нашел?

— Это подарки,— ответил я неторопливо.— Кубок дала мне знатная леди. Она сказала мне кое-что о моем будущем.

Гафия по-прежнему смотрела на кубок. Даже под загаром было видно, как побледнело ее лицо.

— Как ее звали — эту дарительницу кубка? — этот вопрос прозвучал еще тише. Беспокойство ее было очевидно. Она быстро повернулась и, схватив то, что осталось от ее лозы, держала ее так, как держит меч окруженный врагами воин.

— Ее имя — Гуннора,— ответил я. Я испытал некоторое удовлетворение, заметив ее смятение. До этого момента она духовно была от меня далека, хотя физически — на расстоянии вытянутой руки.

Она опять облизала губы. С кубка ее взгляд обратился на меня. Она о чем-то задумалась. До сих пор ей до меня дела не было. Кажется, в ее глазах я стал приобретать некоторую ценность.

— Назови мне ее символ,— в этот раз она не шептала. Она сказала это требовательно, будто имела право получить незамедлительный ответ.

— Сноп пшеницы, обвитый плодоносящей виноградной лозой,— из моей памяти никогда не изгладится ни одна подробность, связанная с женщиной, сидевшей возле меня в другом времени, и даже, возможно, в другом и чужом мире.

Гафия кивнула.

— Правильно, но... — она покачала головой, как будто теряясь в догадках. Потом посмотрела мне прямо в глаза. В них она пыталась найти ответ, потому что испытывала недоверие. — Почему она дала это тебе? И где ты нашел ее? Ведь там нет святилища... — она прижала к груди лозу, этот укороченный символ собственного изготовления, как щит против неизведанного и опасного.

— Я нашел ее не в святилище, — ответил я, подобрав кубок и лист и вкладывая их снова один в другой. — Я набрел на старинный заброшенный замок. С помощью магии мне удалось принять участие в пиршестве с теми, кто когда-то владел этими землями. Среди пирующих была Янтарная Богиня. Она одна поняла, кто я такой, и подарила мне это.

— Но она не сказала тебе... — глаза Гафии сузились. Ужас и подозрительность быстро таяли. Если несколькими минутами ранее я что-то для нее значил, то теперь начал быстро падать в ее глазах. — Нет, судя по всему, она не сказала... Все же у тебя теперь есть кубок, и это важно само по себе, хотя ты и не знаешь, как им пользоваться.

Меня покоробил быстрый переход к ее прежней самоуверенной манере обращения со мной.

— Она дала мне еще одну вещь, — сказал я, — которой я воспользуюсь в свое время...

Гафия перевела взгляд на сумку, в которую я в этот момент укладывал кубок. Наступила моя очередь покачать головой.

— Нет, это не лист, хотя лист я тоже получил от женщины, обладающей властью. У тебя твои секреты, у меня — свои, — я не собирался рассказывать ей о поцелуе и о том, что Янтарная Богиня сказала мне по этому поводу. Эта девчонка-колдунья была не в моем вкусе. О своих снах я не собираюсь ей рассказывать. Вместо этого я решил задать ей свои вопросы:

— Что тебе удалось узнать об Айне и о святилище Луны? С кем ты сейчас разговаривала?

Гафия сделала легкое движение плечами.

— Что я ищу... — начала она, но я тут же ее прервал:

— Что мы ищем. Я найду дочь милорда, если в колдовской стране это возможно. Что сказал тебе твой невидимый друг относительно нашего дальнейшего маршрута?

Уверен, ей хотелось повернуться и уйти от меня. Однако теперь она не могла обращаться со мной по-прежнему. Я мог и не знать, что за сила заключена в кубке, но один лишь факт, что я его владелец, заставил ее неохотно признать меня своим попутчиком, бросить которого она не могла.

— Туда, за горы...

Я неторопливо посмотрел на горы, пройдясь по ним взглядом с юга до севера.

— Не слишком ли широко для поиска, — прокомментировал я. — Не мешало бы сузить!

Повисла длинная пауза. Она нахмурилась. Мне показалось, она хотела найти своему пруту новое применение, приложив его к моей физиономии. Такая вспышка гнева говорила, что задуманный мной удар попал в цель. В то же время я удивился тому, что угадываю все ее чувства с такой ясностью. До сих пор способности понимать людей я за собой не замечал.

Я снял с плеча вторую сумку, ее, которую носил так долго, и протянул ей.

— Твоя. Там все в полной неприкосновенности. Лямку я починил.

Гафия взяла сумку, держа ее так, словно видела впервые. На сумке был длинный кривой разрез — след от когтей крылатого монстра.

— Это сделало летающее чудовище, — я постарался сказать это небрежным тоном.

— Летающие чудовища — варки! Ты дрался с варком!

— Ну да. Хотя не знаю, можно ли вообще их убить. Во всяком случае, для того, чтобы убить их, нужно здорово повозиться, — я вспомнил отрезанную руку, которая ползла ко мне, будто она могла жить сама по себе. — Похоже,

с тех пор, как мы расстались, ты многое узнала об этой стране. Во всяком случае, знаешь, что как называется. А что еще?

Она сделала непроницаемое лицо.

— Достаточно.

Достаточно? Ладно, не буду больше ее пытать. Вместо этого я спросил:

— Куда мы направимся, когда пройдем горы? Опять на запад?

Гафия тихонько свистнула, и Груу встал между нами. Видимо, она хотела, чтобы только он ее сопровождал. Вид у нее был мрачный. Если бы дело было только во мне, я тут же повернулся бы и ушел от нее. Но она была моим проводником к Айне. Для меня было делом чести сделать все для спасения той, что была одной со мной крови. Тем более что отчасти из-за моей небрежности дочь Гарна попала в беду.

Мы молча шли в гору, Груу — впереди. Вероятно, огромный кот знал, по какой тропе следует подниматься, хотя я не видел следов, которые указывали бы на то, что здесь вообще кто-то бывал раньше. Туман окончательно рассеялся. Я смотрел сверху вниз и видел всю землю, даже тот ее край, где стоял заброшенный замок. Интересно, проходила ли там Гафия, и если проходила, каковы ее впечатления. Но спрашивать ее об этом не стал. Она опять воздвигла между нами барьер, и разрушать его я не собирался.

Хотя склон был крутым, мы не утомились так, как это случилось со мной в день битвы с варком. Я то и дело поглядывал на небо. Как бы не подстерег нас здесь такой враг! День был светлый и ясный, и в небе не видно было никакого движения.

Мы не стали взбираться на высокую остроконечную вершину. Груу повел нас обходным путем, через расщелину, местами такую узкую, что приходилось буквально протискиваться через нее. В полдень (судя по солнцу) мы вышли на другую площадку, откуда опять осмотрели окрестности.

За нами осталась пустынная дикая земля. Перед нами простерлась ярко-зеленая долина. Далеко впереди виднелись башни, узкие белые ленты дорог. Гафия смотрела вниз, а потом сказала через плечо:

— Это охраняемая земля...

Я понял, что она имеет в виду. Тем самым она заявляла, что теперь только она может продолжить путь. Ладно, придет время — разберемся. Хотя, глядя на эту красивую землю, я предположил, что если Айна нашла здесь приют, то, может быть, здесь ей не так и плохо.

Спутница повернулась ко мне.

— Ты что, не понял? — эти слова она почти прошипела. Такой предупреждающий звук мог издать Груу тому, кто осмелился бы ему противостоять, — ты не подготовлен, есть барьеры, через которые ты никогда не переступишь!

— А перед тобой они немедленно падут?

Лозой, с которой всю дорогу не расставалась, она ударила по ладони левой руки. Жест ее был полон нетерпения и раздражения. Затем, видимо, решив что-то, она добавила:

— Ты не можешь понимать. Понимание приходит с годами. Должно пройти много лет, прежде чем перед человеком откроются двери, ведущие к высшему знанию. Меня учили с раннего детства. К тому же в моем роду дар передавался из поколения в поколение. Я женщина, а способности эти передаются только тем, кто может стоять под Луной и петь во славу Великой Богине! А ты... у тебя нет ничего!

Я подумал о Гунноре, Янтарной Богине, и о кубке, контуры которого проступали через сумку, и о драгоценном листе. Не может быть, чтобы только женщине были открыты тайны этой земли.

— Ты думаешь о стали... о мече... — продолжила Гафия, так быстро, что одни слова наскакивали на другие. — У этой земли есть такое оружие, о котором ты и помыслить не можешь. Повторяю: тебе здесь не место! И помочь я тебе ничем не могу. Сила, которой я обладаю,

нужна мне самой для того, чтобы осуществить задуманное. Твоя барышня забрала то, что принадлежит мне, на что я имею право с самого рождения. И я намерена это вернуть!

Глаза ее сверкали, как у неприрученного ястреба. Лозу она сжимала так крепко, что даже костяшки пальцев побелели.

— В свое время нужны и мечи, так же, как и другие виды оружия. Я ведь не сказал, что не верю в твои способности или в то, что это колдовская земля. Я и сам имел контакт с потусторонними силами, — я показал на выпуклость в своей сумке.

Она засмеялась. В голосе ее была слышна издевка.

— Да, это кубок человека в Рогатом Венце, но тебе ведь не известна его загадка. Согласно старинной традиции, тот, кто носит Рогатый Венец, обладает силой лишь в течение года, а потом его кровь и плоть становятся удобрением, жертвоприношением госпоже...

— Гунноре? — спросил я. Я ей не поверил.

Гафия уставилась на меня.

— Ты... ты...— казалось, слова в горле кипели и душили ее, так что она не могла говорить. Затем она повернулась и побежала вниз с такой бешеной скоростью, что я понесся за ней из всех сил, опасаясь, что она упадет и разобьется. Груу проскочил мимо меня и, обогнав ее, остановился. Вскоре и я был рядом.

— Так что,— спросил я,— пойдем вместе?

Я знал, что она хотела убежать от меня, но кот не двигался, а ей было его не обойти.

— Что ж, пеняй потом на себя! — выпалила она. Опять мы замолчали, пока я наконец не заговорил первый. Я решил, что наша словесная война нам обоим не на пользу.

— Возможно, тебе здесь окажут радушный прием. Ты ведь разговаривала сегодня утром с одним из своих ангелов-хранителей? А мне нужно найти Айну. Это мой долг. Я приложу для этого все силы. Очень может быть, что меч — это не ответ, не знаю. Но я ведь всего лишь воин....

Зачем я сказал это? Хотя я и в самом деле был рожден только для того, чтобы быть воином. Сейчас я вдруг почувствовал, что у меня появилась новая потребность. Что мне было сказано о посеянном зерне, которое взойдет? Бардом я не был, это ясно. Отчего же во мне вдруг пробудилось страстное желание идти вперед и раскрыть секреты зеленой земли, раскинувшейся впереди? Не одно только желание найти Айну подстегивало меня. Я жаждал узнать, что впереди, я хотел узнать о людях, которых видел в заброшенном замке.

— Но ведь ты мужчина! — она сказала это как обвинение.

Это правда. Колдуньи не вступали в брак. Они оставались девственницами, дабы не растерять свой дар. В глубине души они испытывали презрение ко всем мужчинам. Вот и сейчас я услышал это в тоне ее голоса.

Я рассмеялся.

— Так оно и есть! — опять я вспомнил поцелуй Янтарной Богини. Неужто это тощая, черная от загара девчонка вообразила, что я испытываю к ней вожделение? Если бы она увидала Гуннору, то поняла бы, как она заблуждается. — Из-за того, что я мужчина, ты смотришь на меня сверху вниз? Ты говоришь о человеке в Рогатом Венце и о жертвоприношении. Отчего же я никогда об этом ничего не слышал? Когда-то это было, но ведь с тех пор прошло немеренное количество лет. А в роду...

— Род! — вспылила она. — Мы не принадлежим ни к какому роду. Да, многое забыто. Я даже и не подозревала, как много, пока мы не прошли через Врата. Я почувствовала себя, как узник, выпущенный на свободу. Начала учиться, но пока я лишь на первой тропе — на дороге, по которой ты никогда не пойдешь. Возвращайся, безродный, ты не можешь и надеяться...

— Мы еще увидим, могу я надеяться или нет, — возразил я, тоже резко. Последнее оскорбление она наносила мне намеренно, желая поглубже меня уязвить. И это помогло мне вспомнить о чувстве собственного достоинства.

Больше чем когда-либо я захотел продолжить начатое, иначе опозорю себя в собственных глазах.

Мне хотелось узнать, что за невидимку встретила она в горах. Но раз уж она не захотела рассказать мне, то заставить ее не удастся. Присмотревшись, я увидел, что она уже понемногу остыла. Потом она взглянула на свою лозу, вернее на то, что от нее осталось.

— Почему ты не оставишь меня в покое? — спросила она тихо. — Настаиваешь на своем, шпионишь... Одно только твое присутствие может привести к провалу. Я могла бы повернуть ее на тебя... — конец лозы слегка повернулся в мою сторону. — Только если я употреблю свою Силу таким образом, она рикошетом попадет в меня. Отправить тебя обратно я не могу. Я могу только просить, чтобы ты ушел. Я плохо говорила о твоей леди Айне, но знай: когда найду ее, сделаю все, что в моих силах, чтобы выпутать ее из этой передряги, в которую она угодила по собственной глупости, и вернуть домой. Я могу это сделать. Ты же не можешь...

— Потому что я — никто? — спросил я. — Я еще удивлю тебя. Так что, пойдем?

Она пожала плечами и начала спускаться, в этот раз с разумной скоростью, тем более что дорога была неровной. С этой стороны горы склон был намного круче. Встречались места, где нужно было помогать друг другу, подавать руку и поддерживать.

Мы не говорили, но руки наши встречались довольно часто. Наконец, мы вышли на более легкие участки. Здесь росли такие же деревья, как я видел в лесу зеленой волшебницы. Кустов не было, только мох. На незатененных местах росли цветы, большей частью белые с розовой или желто-зеленой каймой, такой безупречной формы, что казалось, их выточили из драгоценных камней.

Солнечные полянки источали аромат. Гафия старалась огибать их и шла по краешку, чтобы не мять цветы. Я следовал ее примеру.

Я заметил, что она совершала эти маневры поспешно и старалась не рассматривать цветы. Когда я немного

отстал, она повернулась и сделала мне знак рукой. Указывая на цветы, она сказала:

— Они нам опасны. Их аромат усыпляет путника. У него начинаются нездоровые сновидения.

Откуда ей было это известно, я не понимал. Ведь таких цветов я раньше не видел. Но Забина многое знала о растениях, возможно и Гафия у нее научилась. Может определить, какие растения опасны, пусть даже она их раньше и не видела.

Груу бежал далеко впереди нас, с тех пор как мы вышли на последний спуск. В полдень мы не делали обеденного перерыва. Я знал, что в моей сумке еда почти иссякла. Почувствовав голод, я стал оглядываться в поисках дичи или съедобных растений, но ничего не заметил.

Мы наконец вышли из высокого леса и цветочных полян и вошли в лес, более для меня привычный. К таким деревьям я привык с самого детства. Пройдя совсем немного, мы увидели свежий след, оставленный оленем.

Гафия все не останавливалась. Я же утешил себя мыслью, что когда мы сделаем привал, у нас к тому времени появится свежее мясо, которое мы поджарим на костре. Заметив, что она идет так быстро, как только это возможно в лесу, я стал испытывать нетерпение и прервал молчание.

— У меня есть кое-какая еда, — сказал я. — Может, нам лучше поесть?

По-видимому, она так ушла в свои мысли, что слова мои стали для нее полной неожиданностью. Она остановилась, и рука ее потянулась к застежке на сумке. Она оглянулась по сторонам. Рядом лежал замшелый ствол дерева, который она выбрала в качестве сиденья. Я опустился рядом и вынул мешочек с зерном, на три четверти пустой, и маленькую порцию копченого мяса.

Она расстегнула застежку своей сумки, вынула горсть сушеных фруктов и два очень старых, засохших пирога. Чем она питалась те дни, которые мы провели врозь? Охотился ли для нее Груу, встречались ли ей по дороге ягодные кусты?

— Нет, не надо, — она покачала головой, когда я предложил ей мяса. — На этой земле я не ем много мяса. И тебе не советую. Лучше тебе его закопать, — она посмотрела на мясо с отвращением. — Хотя оно старое и сухое, запах может привлечь хищников.

Я обдумал ее слова. Вероятно, она знала гораздо больше меня об этой земле. Может быть, ей что-то рассказал невидимка. Наверное, благоразумнее будет послушаться ее совета.

Вздохнув, я вырыл в мягкой земле ямку, положил туда мясо и зарыл ее. Потом я съел кусок пирога и немного сушеных фруктов, которые она мне предложила, а муку грубого помола отложил на будущее. Здесь было спокойно, ничто не предвещало опасности. Я слышал тихие звуки. Должно быть, их издавала окружавшая нас местная фауна.

Вдруг на одно из деревьев опустилось создание с длинным хвостом-плюмажем, которым оно работало, как балансиром. У него была длинная узкая голова и очень живые глаза, которые оно устремило на нас. Создание тонко пискнуло. Видно было, что оно нас не боится.

Гафия издала тихий щебечущий звук. Создание прыгнуло чуть выше и оттуда уставилось на нее. По тому количеству зубов, которое оно продемонстрировало, я понял, что охотиться оно не боялось, и охота шла весьма удачно, так как тело его было упитанное, а мех — мягкий и блестящий.

Оно опять пискнуло. Мне почему-то показалось, что оно по-своему ответило моей спутнице. Затем оно спустилось вниз на землю и бесстрашно подбежало к девушке. Она протянула ему сухофрукт. Передняя лапка, которую оно протянуло, больше напоминала руку, чем лапу. Животное действовало ею так же ловко, как человек.

Оно пожевало и проглотило угощение. Затем село на корточки и, замахав хвостом из стороны в сторону, издало целую серию тонких писков. Совершенно очевидно, что оно говорило что-то на своем языке. Уровень его умственного развития сразу вырос в моих глазах.

Гафия в ответ пощебетала и потом опечаленно покачала головой. Видно, то, что сообщило животное, понять ей было не дано. Выходит, она не все знала об этой земле. В заключительном писке животного прозвучала тревожная нотка. Затем оно исчезло в ветвях дерева.

Лес стал спокойным, слишком спокойным. Гафия положила оставшуюся еду в сумку и застегнула ее. Затем наклонилась вперед и внимательно прислушалась. Я не слышал ничего. Мертвая тишина, но в самой тишине чувствовалось предупреждение. Сейчас мне хотелось бы увидеть серебристую голову Груу среди кустов. Я очень доверял способности кота чуять приближение врага. Я был уверен, что по лесу сейчас идет какая-то враждебная Сила.

Я поднялся на ноги как можно спокойнее, затем напрягся. Я услышал громкий крик. Такой крик я слышал раньше. Это было карканье тех отвратительных птиц, которые нападали на нас в долине Гарна. Они не могли проникнуть сюда, под густые кроны деревьев, и все же, я был уверен: они знали, где мы находимся. Они не ринулись в атаку, они выжидали, как собаки, которых пустил по следу охотник. Нас обнаружили. Мы должны были стать добычей какой-то Силы, а птицы были у этой Силы в подчинении.

XIII

Гафия, с высоко поднятой головой, стояла рядом со мной. Ноздри ее раздувались, словно она как Груу чуяла опасность. Я же ничего не ощущал. Я прислушивался к крику птиц. Потом стал смотреть в пространство между деревьями. Груу не было видно. Хотел бы я, чтобы он был сейчас с нами!

Как же нам защитить себя? Я повернулся к своей спутнице, надеясь получить от нее прямой ответ.

— Отчего они кричат? Я их знаю. Видел их раньше. Они ужасно злые.

Она встретила мой вопрошающий взгляд. Видно было, что она сильно взволнована.

— Это Крылья Орда, — голос ее был едва слышен в оглушающем птичьем крике.

— А этот Орд? — не отступал я.

Гафия покачала головой.

— Он, думаю, один из великих, из Древних ... я... — она посмотрела на лозу, которую она не выпускала из рук, а потом опять взглянула на меня. — Я могу сделать кое-что для своей безопасности, но смогу ли помочь тебе... Дай сюда этот кубок!

Приказание прозвучало так резко, что я, не раздумывая, тут же послушался. На меня глянуло лицо Рогатого Охотника. Свет, проникавший сквозь листву, создавал иллюзию движения. И мне на мгновение показалось, что серебряные глаза ожили и посмотрели на меня оценивающим взглядом.

— Нам нужно вино... — она оглянулась, как будто из воздуха к ней должен явиться бочонок с вином в ответ на ее просьбу. Потом она покопалась в своей сумке и вытащила несколько маленьких сушеных фруктов. Я узнал сушеный виноград, черный и твердый.

— Клади их в кубок! — она протянула руку, и я взял несколько сушеных шариков (как я заметил, их было семь) и бросил в кубок. — Теперь воду, нет, вода должна быть налита из твоей фляжки!

Я плеснул на черные шарики примерно три ложки воды, желая приберечь остальную воду. Кто знает, когда еще нам встретится источник.

Какое-то неясное чувство всколыхнулось во мне. Я держал кубок обеими руками на уровне подбородка. Потом я стал раскачивать его вперед и назад, чтобы вода как следует омыла виноград. Жалкое подобие вина. Хотя сильное желание в таких случаях может возместить недостачу.

— Смотри на него! — в голосе Гафии слышалось напряжение. — Думай о нем! Думай о вине, о тосте в честь Охотника. Его пиршественная чаша дана тебе. Возможно, теперь у тебя преимущество. Думай о вине, о его вкусе, произнеси тост в честь него. Делай это, и побыстрей!

Я смотрел на лицо, украшенное рогатым венцом. В нем было что-то нечеловеческое, но и человеческих черт в нем тоже было немало. Это давало мне надежду на то, что ее магия в соединении с магией кубка могут помочь нам. Хотя раньше я никогда не пробовал силой мысли управлять зрительными образами, теперь я верил, что это возможно, хотя и не учился магии.

Серебряное лицо смотрело на меня. Его странность, такая заметная поначалу, стала потихоньку исчезать. В этом кубке была Сила. Это было изображение великого лорда. Он поступал с людьми по справедливости и защищал их от зла. Любой человек из его рода мог чувствовать себя в безопасности.

Я приподнял кубок, закрыл глаза и постарался представить себе, что содержимое сосуда — не вода и кусочки сушеного винограда. Я представил себе вкус напитка, что был в кубке во время пира. Того вина, что левой рукой подала мне Гуннора. Поднеся кубок к губам, я выпил.

И, клянусь всем, что свято... то, что я выпил, было действительно вино, ароматное, нежное. Такого вина я не пил у нас ни на одном празднике. Мысленно я сообщил о своей готовности служить ему... я, без роду, без племени, отвергнутый людьми одной со мной крови.

Самые главные наши клановые клятвы — это клятва Кровью, Мечом и Огнем. Хотя последний обычно упоминают лишь барды да несколько адептов. Я поклялся скорее вином, которое пил. Оно сблизило меня с тем жившим когда-то лордом, на лицо которого я смотрел. Я перевернул кубок вверх дном, как это принято у нас, когда мы чествуем кого-то. Из него капнула (это так, я клянусь) не вода, а вино, светлое, как солнце, желтое и чистое. Капли эти упали на лесную почву и исчезли. Я откинул голову и прокричал слова, которых я не знал, но которые сами собой пришли мне на ум:

— Ха, Курнаус, Ха, Хай, Вентур!

Крик мой эхом прокатился между деревьев, повторяясь снова и снова. Вокруг нас посыпались листья под порывом ветра. Мы стояли невредимые, в то время как

ветки срывались и летели вокруг нас. Листья вихрем поднимались и разлетались по сторонам.

Я вдруг почувствовал необыкновенный прилив сил. В этот момент я был самым сильным человеком на свете. Меня переполняло то, чему я не мог дать определения, но ощутил я себя более живым, чем когда-либо в жизни. Я мог бы своим мечом отразить атаку целого клана, смеясь и уверенно побеждая. Да я бы голыми руками управился с котом, таким, как Груу!

Сквозь шум ветра мы слышали хриплые крики птиц. Они орали, призывая кого-то на помощь. Но помощь не пришла. Я видел, как ветер кидал ветви деревьев, которые ложились вокруг, защищая нас. А потом вниз посыпались комки потрепанных перьев, безвольные тела изодранных птиц. Некоторые еще слабо бились, падая на землю. Красные глаза их остекленели, но одна или две все еще смотрели на нас, и их бешеная ненависть была очевидна.

Ветер крутился. Сначала он как бы образовал широко раскинутую сеть, а потом смотал ее в клубок. Затем все исчезло. Остались лишь разодранные листья да мертвые тела птиц.

Экзальтация моя ушла вместе с ветром. Я глубоко вдохнул и еще раз взглянул на Рогатого Охотника. Лицо на кубке не подавало никаких признаков жизни. Более того, оно выглядело старым и усталым, как будто сила ушла от него. Я осторожно держал кубок. То, что я вызвал с его помощью, опустошило меня. Теперь мне захотелось убрать кубок подальше, обдумать, что я сделал, и почему оказался способен сделать это.

Убрав кубок в сумку, я взглянул на Гафию. Она сидела поодаль, прислонясь спиной к дереву. Глаза ее были широко открыты. Она поставила между нами свою лозу. Наверное, ей хотелось обезопасить себя от ударов, которые я мог ей нанести.

— Он пришел... — она говорила тихо, потрясенно. — Он явился по твоему зову. Но ведь ты мужчина, мужчина из клана, из рода Гарна, как же ты смог это сделать?

— Я не знаю, я даже не знаю, что я сделал. Но ведь ты этого ожидала. Ты же сама мне сказала...

Она покачала головой.

— Я лишь надеялась, потому что ты — владелец кубка. Ты сделал то, на что даже бард не смог бы решиться — ты позвал Его, Того, Кто Охотится, и был услышан! Я должна это обдумать! Теперь нам пора идти, не то тот, кто наслал на нас Темные Силы, опять нас разыщет.

Она пустилась бежать по тем участкам, которые не слишком пострадали от бурелома, перепрыгивая через поваленные стволы. Я последовал за ней, подхватив сумки. Вскоре мы вышли на открытое пространство.

Я думал, что часть злых птиц пережила смертоносный вихрь и теперь шпионит за нами. Но ничего не увидел, кроме крылатой твари (трудно определить, что это было — птица или что-то похуже), валявшейся на некотором расстоянии от леса. Успокоившись, оттого что нам не нужно действовать немедленно, я схватил Гафию за руку и силой удержал ее. Пришло наконец время ответить на мои вопросы.

— Кто это — Он, Кто Охотится? Темные Силы? Орд? Скажи мне то, что ты знаешь!

Гафия старалась вывернуться из моих рук. Она была сильной, сильнее, чем, по моим понятиям, может быть женщина. Все же я держал ее, и когда она стала приподнимать свою лозу, я быстрым движением выбил ее из ее руки. Я слишком хорошо знал, что она может сделать. Никогда еще я так грубо не обращался с женщиной, и мне самому не нравилось это наше противоборство. Однако мне осточертело быть слепым котенком. А у нее были знания, которые могли спасти нас обоих от новых неожиданных опасностей.

Гафия злобно смотрела на меня, хотя и прекратила сопротивление. Я видел, как шевелятся ее губы, хотя слов понять не мог. Я притянул ее к себе и зажал ладонью ей рот, так как опасался, что она наложит на меня заклятье.

— Ты заговоришь! — сказал я ей в ухо, не давая шевельнуться. — Слишком долго я шел у тебя на поводу. Ты

сама втянула меня в свои колдовские дела. Поэтому я жду ответа!

Она была как стальной клинок в моих руках, хотя не пыталась больше высвободиться. Я понятия не имел, как заставить ее отвечать.

— Ведь ты же не глупа, — настаивал я. — Пускаться в такую даль в незнакомой, полной опасностей стране, не зная, как себя защитить — полная бессмыслица. Мне твои секреты не нужны. Ты же знаешь, что я воин. Я не пойду вслепую туда, где у меня не будет возможности защититься. Понимаешь?

Я думал, что она по-прежнему будет упрямиться. В таком случае я не знал, что мне делать, не могу же я без конца ее удерживать. И тут мне пришла в голову одна мысль. Я заговорил с ней, и голос мой прозвучал требовательно:

— Именем Гунноры, прошу тебя! — я знал, что кубок в этот раз не поможет: не заставит ее заговорить. Гафия много говорила о мудрости женщин и о том, что мужчины не имеют права вторгаться в область, доступную лишь женщинам. Гуннора же, на мой взгляд, представляла сразу всех женщин, тем более что в свое время она пользовалась огромным влиянием.

Я убедился, что поступил правильно, так как Гафия сделала последнюю попытку вырваться на свободу. Я был во всеоружии и не оставил ей никаких шансов. Только повторил:

— Именем Гунноры, прошу тебя!

Тело ее вдруг стало совершенно безвольным, голова уткнулась в мою руку, которой я зажимал ей рот. Я отпустил ее и сделал шаг назад, не спуская, однако, взгляда с лозы. Она крепко сжимала ее, опустив обгоревший конец вниз. На меня она не смотрела даже сейчас. Голос ее прозвучал холодно и жестко:

— Ты по-прежнему суешься не в свое дело. Когда-нибудь ты зайдешь слишком далеко. Тогда ты узнаешь, что бывает с теми, кто призывает силы, о которых понятия не имеет. Ты просто дурак!

— Лучше уж я буду живым дураком, чем мертвым. Думаю, ты знаешь вполне достаточно для того, чтобы нам обоим остаться невредимыми. Ты знаешь, куда мы идем...

— Куда я иду! — поправила меня Гафия. Она все еще отворачивала от меня лицо. Похоже, ей было стыдно, оттого что я удерживал ее. Это роняло ее в собственных глазах. Я старался не выражать сочувствия. Я с самого начала проявлял в отношениях с ней справедливость, в отличие от нее, и был честен.

— Куда мы оба идем,— спокойно поправил я.— К тому же у тебя есть проводник-невидимка. Я видел, как ты с ним говорила. Она... или оно... сейчас здесь?

— Это тайны, о которых не говорят с посторонними,— отрезала она.

— Я уже вовсю причастен к этим тайнам. Я разговаривал с Гуннорой. Я вызывал Охотника. Разве он не ответил мне?

Она упорно не смотрела на меня. Глаза ее метались из стороны в сторону, как у загнанного в угол животного, который ищет спасительную нору:

— Я дала клятву. Ты не знаешь, о чем спрашиваешь...

На меня опять снизошло озарение:

— Вызови своего невидимку. Спроси, должен ли я оставаться слепым среди зрячих. Я требую это именем Гунноры!

Лоза дрогнула.

— Она... почему ты говоришь о ней? Ее голоса не слышит мужчина!

— Этот мужчина услышит. За пиршественным столом я сидел слева от нее. И разговаривала она со мной куда любезнее, чем ты можешь представить. Кубок — это ее подарок...

— Я не могу сказать...

— Тогда вызови того, кто может,— настаивал я.— Твою невидимку.

Теперь она смотрела на меня. В глазах ее пылало пламя — не то гнева, не то ненависти.

— Что ж, ты за все ответишь! — она со злостью воткнула лозу в землю возле своих ног, отступила на два шага и уселась, скрестив ноги, рядом с обгорелым прутом.

Я в этот момент схватился за сумку, в которую положил кубок, и мысленно представил себе Янтарную Богиню, полную жизни, такую же зрелую и плодоносную, как и символ, который она носила.

Меня охватил холод, хотя минуту назад солнце грело мою обнаженную голову. Мне показалось, что с обгорелой ветки, столь дорогой для моей спутницы, на меня дышит Ледяной Дракон. Холод становился все нестерпимее, словно Дракон вознамерился изгнать меня. Но я не отступал и думал о Гунноре и кубке. Я порылся в сумке и достал драгоценный лист. Возможно, когда-то это был настоящий, живой лист. Теперь же он станет для меня талисманом.

Гафия заговорила нараспев на непонятном языке. Должно быть, она читала одно из заклинаний бардов. Холод нарастал. Мне казалось, я погружен в лед с головы до ног, только под рукой, лежавшей на сумке и сжимавшей драгоценный лист, было тепло. Это тепло поднималось кверху и боролось с холодом, который, вероятно, мог быть смертельным. Может, Гафия преднамеренно причиняла мне вред? Возможно, сила, говорившая с ней, имела свои способы защиты от посторонних.

Голоса, отвечавшего ей, я не слышал. Гафия перестала петь и обратилась напрямую к источнику холода. Опять я постарался вообразить себе Гуннору. Вдруг лицо ее стало меркнуть, несмотря на все мои усилия. Вместо ее янтарно-золотой красоты появилось другое лицо. Это была женщина помоложе. Я никогда раньше ее не видел. Волосы ее были гладко зачесаны назад и перевязаны лентой с молодым месяцем в серебряной оправе. Лицо ее выражало суровую непреклонность, в отличие от Гунноры, которая готова была прощать человеческие слабости. Глаза этой незнакомки были серыми, как зимний лед, и тепла в них было не больше. Волосы черные, как зимнее ночное небо, а платье на стройной фигуре молоденькой девушки белое, как свет от горящей лозы.

Доброты в ней не было и в помине. Чувства полностью заморожены. Все же в гордой посадке головы, в выражении лица мне чудилось что-то знакомое. Я видел ее сущность, и у меня не было сомнения, что ее последователи, как и Гафия, просили у нее лишь чистого знания, которое позволило бы им еще больше отгородиться от остальных людей.

Мне некуда было деваться от ее испытующего взгляда. Я ощущал нечто вроде нетерпеливого презрения — не ко мне как к человеку, а как к одному из представителей мужского пола. Мужчины для нее просто не существовали.

— Гуннора! — не знаю, прокричал ли я это имя или только мысленно произнес.

Спокойствие было нарушено. Она не нахмурилась, не сделала шага назад, но каким-то шестым чувством я ощутил, что она встревожена. Возможно, в параллельном мире тоже существовала вражда: сила боролась с силой. Здесь, на земле, я был на стороне одной силы, Гафия — на стороне другой.

Мне не показалось. Изменения начались. Белое платье стало приобретать другой оттенок. Тело девушки соблазнительно округлилось. Луна в диадеме из ущербной стала полной. Неуловимое сходство, которое я заметил, проявилось с полной силой: это тоже была Гуннора. Но в другом обличье. Девушка, женщина — одно и то же лицо, но с разными характерами.

Холод, чуть не заморозивший меня до смерти, стал сменяться теплом. Я почувствовал запахи лета, спелых фруктов, пыльный аромат зерна, готового к жатве. Две природы. Та, что жила в Гафии, призывала одну силу. Та, что дремала во мне, призвала другую.

Всего лишь на мгновение явилась ко мне моя Янтарная Богиня. Затем исчезла. Хотя она и ушла, я почувствовал, что признан ею, что теперь передо мной открыты двери во многие земли, а не только в ту, по которой мы шли сейчас. Мне нужно только сильно пожелать, и желание мое постепенно исполнится.

— Гуннора! — воскликнул я, когда она исчезла. Мне так хотелось еще раз услышать ее звучный голос. Губы мои горели, как тогда, после подаренного ею поцелуя.

— Диана! — мое восклицание подхватило эхо. Гафия протянула руки в пространство, словно желала схватить и удержать нечто неосязаемое. Я знал, что мы сейчас не одни. Сила, которую вызвала она, ответила не только ей, но и мне.

В голосе ее прозвучала нота отчаяния, как будто она призывала близкого человека, навеки ее покидавшего. Затем руки ее упали на колени, голова опустилась.

Я не подошел к ней. Я знал, что в этот момент ей будет очень неприятно мое прикосновение. Но я заговорил:

— Это была Гуннора, девушка... жена...

— Это была Диана. Она никогда не знала мужчины! Она была...— Гафия подняла голову. Слезы в ее глазах изумили меня. Если бы одно из деревьев сейчас зарыдало, я удивился бы не больше.— Она — богиня Луны. Тогда... тогда...— опять в глазах ее сверкнула ярость ястреба. Она подняла голову и взглянула на меня.— Гуннора тоже для женщин, но для женщин, что потеряли девственность и подчинились мужчине.

— Подчинились? — переспросил я. У моей Янтарной Богини не было ни капли подчинения.— Я так не думаю... если только женщина сама этого захочет. Она — от урожая. Она из тех, кто создает новую жизнь. Она — тепло, а твоя Диана — холод...

Гафия медленно покачала головой.

— Гуннора и в самом деле ответила на твой призыв. Не знаю, почему она благоволит мужчинам. Ее загадки не для тебя. Но, кажется, как это ни странно, что она выбрала тебя по какой-то причине. Только... идем мы к святилищу Дианы, а это совсем другое дело.

Я заметил, что ее «я» превратилось в «мы». Однако счел благоразумным не заострять на этом внимание. Поднялась она медленно, как будто проведенный сеанс сильно утомил ее. Она вынула лозу из земли и положила на ладонь вытянутой руки.

Хотя ладонь совершенно не двигалась, лоза повернулась и указала в левую от нее сторону, на зеленую долину. Гафия кивнула.

— У нас есть проводник. Пойдем.

Я был уверен в том, что земля обитаема. Но желания встретить кого-то, пока мы не знаем, чего ожидать, у меня не было. Черные птицы явились достаточным предупреждением, побуждавшим нас соблюдать осторожность, держаться подальше от того, чего мы не понимаем, до тех пор, пока не выяснится окончательно, добро это или зло.

Прежние обитатели этой земли весьма отличались друг от друга. Мне вспоминалось пиршество в заброшенном замке. Я заметил там несколько особей, которых нельзя было назвать людьми. С тех пор, должно быть, прошло много времени. Я вырос среди людей, раздираемых клановой враждой. Вполне возможно, что и среди здешних жителей могли быть подобные распри.

— Ты говорила о птицах Орда, — разрушив воздвигнутый Гафией барьер молчания, я хотел воспользоваться благоприятной возможностью и узнать как можно больше. — Кто же в таком случае Орд?

— Не знаю. Знаю лишь что он Черный Мастер, а эти отвратительные создания охотятся за той добычей, какую пожелает их хозяин.

— А тот крылатый монстр, с которым я сражался в горах? — я рассказал ей еще немного о битве и о странной скульптуре, охранявшей вход в отвратительное логово чудовища.

— Да, это тоже сила зла, но произошла она из другого древнего источника. Здесь когда-то была война. Те, что выбрали Тьму, изменились. Те, что не сделали никакого выбора, изменились по-другому. Они не выбрали ни зла, ни добра и встали на нейтральную позицию. Их нельзя вызвать на ссору.

— Ты много узнала, — прокомментировал я.

— Неужели ты до сих пор не понимаешь? — возмутилась она. — Я родилась с сознанием, что у меня есть

способности, дар, который я не могу использовать, потому что потеряла ключ, который может дать ему раскрыться. Я пришла сюда, и здесь были ключи! Забина хотела, чтобы я двигалась к своей цели медленно, ползла бы, как младенец, которому пока не удается встать на ноги. Ну да, я молода. Но годы идут. Я не могу без конца ждать и довольствоваться крохами знаний, если мне известно, что тому, кто ищет, уготовано роскошное пиршество! святилище Луны — вот где был ключ. С его помощью я могла бы летать там, где сейчас я спотыкаюсь на каждом шагу. Не успела я воспользоваться ключом, откуда ни возьмись — твоя барышня. Думаю, она узнает, или уже узнала, что это значит — украсть чужие надежды!

У нее дергались губы, и я подумал, что ей очень хочется наслать проклятие на Айну.

— Я знаю, что Гуннора — другая фаза твоей богини Луны, хотя и предстает в виде солнечного тепла. Кто тот Охотник, что пришел на мой зов?

— Его имя говорит само за себя. Женщина закладывает семя, питает его, следит за его ростом, когда оно созреет, она убирает урожай. Мужчина же торопится, охотится за добычей, держит меч наготове, срезает то, что еще растет. Тот, что в Рогатом Венце, охотится... и убивает...

— Значит, он олицетворяет зло?

По выражению ее лица я понял, что она с этим согласна. Однако она неохотно ответила:

— В мире все должно быть уравновешено. Есть свет, и тьма, луна и солнце, жизнь и смерть. По большей части ни одна из этих противоположностей не лучше и не больше другой. Мать сеет, отец снимает урожай, она дает жизнь, он — смерть. Она собирает урожай того, что выросло из земли. В его власти все бегающие четвероногие, все летающие двукрылые. Поворачивается вечное колесо жизни. Все свершается в определенный час. И так происходит до тех пор, пока не появляется некто достаточно сильный, бросает вызов установленному порядку вещей и несет в мир чистое зло. В этом и заключается истин-

ная природа зла — это власть, сила, разрушающая плавное течение жизни.

— Значит, Охотник — это противоположность твоей Диане-Гунноре. Все же и ему нашлось место.

Выходит, она считает смерть главным занятием человека в Рогатом Венце. Мне это не понравилось. Несмотря на то что смерть — составляющая схемы жизни. Обычно люди моего клана смотрят на смерть с содроганием. Только если жизнь обойдется с ними очень жестоко, они приветствуют ее, как друга. Выходит, я призвал смерть к нам в помощь. От этой мысли мне стало неуютно. Мне даже захотелось выбросить этот несчастный кубок, а может, даже и лист, и никогда больше не иметь с ними дела. С другой стороны, этот кубок — подарок Гунноры. А Гуннора — это сама жизнь... Зачем же ей дарить мне то, что является олицетворением смерти? А лесная волшебница с драгоценным листом? Ведь в ней тоже билась жизнь, хотя и странная. Я не мог поверить, что этот лист был символом конца... если только в обоих подарках не было злого умысла.

Признаться Гафии в мучивших меня сомнениях я никак не мог. Меня воспитали как воина. Я не должен горевать из-за того, что призвал смерть на помощь. В этот момент я решил прожить только один день. Я должен встретить неизбежное, не дрогнув. Не может быть, чтобы Гуннора дала мне этот кубок как предупреждение. Она говорила о моем будущем, и я верю ее предсказанию.

Гафия не могла прочесть мои мысли. Она вдруг нахмурилась. Не оттого, что обвиняла меня. Она, скорее всего, задумалась над разрешением трудной задачи.

— Охотник в Рогатом Венце не антипод Дианы, — говорила она медленно, морщинка между бровями стала заметнее. Казалось, она говорила против воли. — Он почтен Девушкой и Матерью. Он, в свою очередь, брат и друг, и даже сын Древней...

— А эта Древняя?

— Мудрая женщина, она заканчивает жизнь, а Девушка начинает ее. Темную Луну мы видеть не можем. Да,

Охотник в Рогатом Венце обладает равными с ними правами. У него своя функция. И...

Она хотела сказать что-то еще, но в этот момент в воздухе мелькнула серебряная молния. Один прыжок, и Груу снова был рядом с нами. За котом мелькнуло что-то еще. Мне показалось, что это черная молния, если только можно представить себе молнию такого цвета. В воздухе раздался свист, как от удара хлыста.

Удар хлыста! Это и в самом деле был хлыст! Прямо на нас галопом неслись три всадника. Один из них, откинувшись назад, сжимал обеими руками хлыст и неистово им стегал. Лошадь его, с разверстой клыкастой пастью, летела вперед. Ноги ее двигались с такой скоростью, какой, по моим понятиям, ни одно живое существо достичь не может. И верно, всадники скакали на конях, которых в обычном мире не бывает. Похоже, лошади использовали только задние ноги, при этом передние, более короткие и тонкие, болтались в воздухе.

Я заметил, как черный хлыст свернулся в кольцо, готовый на нас обрушиться. Груу уже в который раз появился в безвыходном для нас положении. Он встал рядом с Гафией и, обнажив белые острые клыки, заревел. Я выхватил меч и заслонил собой девушку, понимая, что в лес убежать мы не успеем. И в самом деле — посланник смерти. Я вызвал Охотника и должен был теперь расплатиться за это: играть в игру, правила которой были мне неизвестны.

XIV

Нападавшие не делали попытки приблизиться к нам вплотную. На своих чудовищных лошадях они нас окружили, заперли. Я поворачивался, глядя вокруг себя. Груу старался встать так, чтобы загородить нас обоих. Он рычал и яростно бил хвостом. Ящероподобные лошади, шипя, высунули раздвоенные языки, как бы желая проткнуть нас. Странно, что это трио не растоптало нас сразу.

На заклятие времени уже не оставалось. К тому же я подозревал, что угрожающая нам опасность могла быть вызвана как раз тем, что я вызвал в лесу Силу, на что не имел права.

Всадники остановились. Лиц их я разглядеть не мог, так как на головах у них были капюшоны. Мои соплеменники одевались так зимой. Нападавшие же так надвинули капюшоны, что черты лица рассмотреть было невозможно. Временами я видел лишь бледнокожие острые подбородки. Тот всадник, что щелкал хлыстом, встал напротив нас, другие — слева и справа.

Говорят, что лучшая защита — это нападение. В этот момент я понимал, что такая тактика здесь не поможет. Отчего же они не поразили нас своими хлыстами-молниями?

Гафия отмела мою попытку защитить ее и встала рядом, плечом к плечу. Меча у нее не было, всего лишь обгорелая лоза. Мы ждали, слышно было лишь рычание Груу да шипение лошадей.

Я вспомнил, что, по словам моей спутницы, сама по себе сталь является угрозой для некоторых темных сил. Уж не боятся ли они моего меча? И не потому, что я умею ловко с ним обращаться, а просто потому, что он сделан из металла? Если это так, то, может, лучше атаковать их...

Вдруг откуда-то сверху раздался громоподобный голос. Это было так неожиданно, что я ненадолго забыл о захватчиках и посмотрел наверх, разыскивая источник звука.

И ничего не увидел.

Да нет! Это не так! Воздух колебался. Так колеблется вода в пруду от брошенного в него камешка. Если бы звуки можно было увидеть... А эти звуки увидеть было можно! От них оставались следы, похожие на тончайшие струйки дыма. Они не исчезали. Они кружили над нашими головами, заключая нас в круг, так же, как это сделали всадники. Мы вдруг задвигались, повинуясь этому почти невидимому воздушному кольцу.

Я изо всех сил пытался противиться принуждению, заставлявшему меня двигаться вперед. Даже пытался пустить в дело меч. Тело же отказывалось подчиняться. Я был пленником собственного тела. С Груу и Гафией происходило то же самое. Они шли, как те деревянные куклы, которых дергают за невидимые веревочки.

Тот, что стоял напротив нас, повернул лошадь, и мы безвольно последовали за ним. Два других всадника ехали по бокам. Несмотря на яркое солнце над головой и красивую зеленую землю, раскинувшуюся впереди, мы шли, заключенные в кокон, источавший зло.

Мы перешли дорогу. Возглавлявший процессию всадник ехал вдоль убранных полей. При этом слабый круг над нашими головами двигался вместе с нами.

— Что ты о них знаешь? — я не представлял, хорошо ли знает Гафия эту землю, но любое, пусть небольшое сведение могло бы нам чем-то помочь! Пока я был бессилен перед колдовством, но ведь мог быть и счастливый случай, шанс...

— Они от Тьмы,— прозвучал лаконичный ответ.— Их хозяин обладает огромной силой. Это его голос мы слышали. Кроме того, что они наши враги, мне ничего неизвестно.

Она прижала к груди лозу, по всей видимости, стараясь защитить ее. Меч я не зачехлил. На всякий случай надо быть во всеоружии.

Итак, нас взяли в плен. Какое-то время мы шли по красивой зеленой земле, а затем вошли в другую страну. Растительность была здесь еще роскошнее, но впечатление от нее оставалось неприятное. Цветы напоминали алчные ярко-красные рты, готовые жадно присосаться к тому, кто проходил мимо. Другие же, бледные, с уродливыми желто-зелеными тычинками, ловили отчаянно сопротивлявшихся насекомых. От этих цветов пахло склепом. Стволы деревьев изогнуты, с наростами, похожими на маски ужаса, или, вернее, на головы мужчин и женщин, умерших в агонии. Листьев мало, а зелень покрыта нездоровым пепельно-серым налетом.

Земля здесь тоже была темно-серая. С каждым шагом поднимался волной запах плесени и разложения. Грибы росли колониями и были похожи на разложившуюся плоть кого-то давно умершего, но не преданного земле.

Здесь кто-то жил. Мы слышали шелест в густой траве. То и дело ловили взгляд чьих-то глаз и замечали мелькнувшие в зелени низкорослые, бесформенные создания. Похоже, их изуродовали каким-то колдовским способом, изменив обычный облик. Что это? Животные?.. А может, что-то похуже!

На этой зараженной земле был лес. Деревья в нем переплелись так, что, по моему мнению, ни одно живое существо не могло бы туда протиснуться. Однако посредине над темными деревьями возвышалась башня. На безоблачном небе силуэт ее выделялся, как насилие над природой. Туда-то нас и вели за собой захватчики.

Всадник приблизился к деревьям, и лес отступил. Возможно, это был дым или просто иллюзия. Однако уверен: тем, кто не обладает властью, лес этот показался бы совершенно реальным.

Короче, всадник проехал без остановки, и мы трое последовали за ним. Ноги по-прежнему не подчинялись нашей воле. Мы вошли в темное зловонное место. Я огляделся по сторонам. На ветвях деревьев росли колючки величиной с мой поясной нож, в других местах серые цветы с красными жилками на лепестках, похожими на человеческие вены, медленно роняли желтые капли, скорее всего, ядовитые. Странное место, с устрашающей атмосферой зла. Я заставил себя побороть страх. Все вокруг было построено на том, чтобы его внушить: и зрелище, и запах, и звук. Колдовские силы пустили в ход весь свой арсенал. Но внутри я оставался самим собой. Пусть тело меня не слушается, зато мой мозг...

Зачем мне понадобилось тогда об этом подумать, не знаю. Ведь мысль оставалась тем единственным, что я мог противопоставить захватчикам.

Мы подошли к башне. Других зданий я не увидел. Настоящей крепости не было. Одна лишь черная башня.

Дверь открыта настежь. Никакого барьера, никакого запрета на вход, а сам вход, как черная зияющая пасть.

Всадник, ехавший впереди, остановился перед входом, поднял хлыст-молнию и отсалютовал им в знак приветствия. Он молчал, и даже шипение лошадей прекратилось. В темном провале башни было абсолютно тихо, жарко, невыносимо жарко, а воздух являл смесь разнообразных отвратительных запахов. Ни один вдох не приносил облегчения. Легкие алкали воздуха.

Всадник, получив приказ, которого мы не услышали, направил лошадь в сторону. Он не спешился, и я видел, как он повернул укрытую капюшоном голову, когда нечто управлявшее нами подтолкнуло нас вперед, в ожидающую открытую дверь.

Тьма схватила нас в крепкие объятия. Я бывал ранее в неосвещенных комнатах в темные штормовые ночи, но с таким полным и абсолютным отсутствием света ничто не могло сравниться.

Я пытался приказать своей руке, чтобы она дотянулась до Гафии или притронулась к коту. Но ни одна команда не доходила до мускулатуры. Ощущение, будто обе руки крепко привязаны к туловищу. К тому же темнота подействовала на меня так, что, слыша собственные неполноценные вдохи, я почувствовал, как меня охватывает паника.

Мы (по крайней мере, я) больше не двигались. Ни капли дневного света сюда не проникало. Я даже не мог понять, где мы в данный момент находимся. Странное ощущение, будто пройдя через дверь, я вошел не в зал, а в другой мир, что вокруг меня не было стен, лишь огромное невидимое пространство.

Сколько времени я так простоял? Я никогда этого не узнаю, ибо в этом месте не существовало измерения времени. Оно было подвешено. Было только здесь и сейчас да разрушительная темнота, медленно, с садистским удовольствием давящая на меня, превращающая искру моей жизни в ничто, уподобляющая меня насекомому, попавшему в липкую смолу фруктового дерева, запертому в ней и навеки там запечатанному.

Люди боятся темноты. Это чувство у нас врожденное. Но с младенчества мы понимаем, что с этим страхом необходимо бороться, иначе превратимся в ничто. Из наших кланов никто в такую передрягу не попадал. И я с радостью и изумлением обнаружил, что могу от этого страха дистанцироваться, могу заставить себя о нем не думать и в этот момент, и в следующий, считая при этом время по вдохам и выдохам. Если я могу это сделать в этот момент, значит, я могу сделать это и в следующий, и еще раз, и...

Воздух над головой немного изменился, влажное горячее зловоние перестало мучить наши ноздри. Вместо этого вплыла струя тяжелого мускусного запаха, со сладкой ноткой начинающегося разложения.

Это изменение сопровождало слабое, очень слабое разжижение абсолютной темноты. Появилось грязно-серое пятно. Медленно увеличиваясь в размере, оно повисло напротив наших голов. В кромешной темноте это бледное пятно горело болезненным светом.

Сначала это был маленький круг, потом пятно превратилось в овал. Овал рос сверху вниз. Серый цвет стал болезненно-белым с легким оттенком желтого, как цветы, которые мы видели в лесу. Потом пятно стало напоминать поверхность зеркала, хотя мы в этом зеркале не отражались. Когда рост пятна прекратился, образовалась вторая дверь. Однако сила, управлявшая нами, не стала нас к ней подталкивать. Наоборот, стало приближаться то, что находилось с другой стороны двери.

Сначала на овале появилась тень, затем, сгустившись, она превратилась в фигуру, похожую на человека. Однако в ней заметно было искажение формы. Потом мгновенно явилось все остальное. В мгновение ока изображение стало ясным и четким.

Я увидел женщину с бледной кожей и темными волосами. Волосы были распущены и спускались почти до колен. Тело ее было таким же соблазнительным, как тело Гунноры, и она осознанно выставляла его напоказ. Плоть моя отреагировала так же, как и при встрече с Гуннорой.

Только...

Не играет ли опять со мной мое воображение? Когда я подумал о Гунноре, сравнив ее с появившейся женщиной, прекрасное тело на мгновение изменилось. В желто-зеленых глазах, похожих на глаза Груу, вспыхнула красная искра. На мгновение в них мелькнула злоба.

Все же я бессознательно сделал шаг вперед. Во мне вспыхнуло желание. До этого момента я и не подозревал, что могу спокойно передвигаться. Я вложил меч в ножны. Мне нужно было освободить руки. Я хотел...

Рука моя задела сумку с бугром от кубка. Фигура, ожидавшая меня, манившая к себе, немного поблекла. Кубок...

Должно быть, она поняла мое замешательство. Она протянула ко мне руки, и меня охватила похоть. Я готов был пройти несколько шагов, разделявшие нас. Протянул руки, собираясь дотронуться до гладкой шелковистой кожи, ласкать, обладать... В ней было все, что мужчина хочет получить от женщины. И она ждала меня! Она была...

Что-то мелькнуло передо мной. Груу одним прыжком взмыл в воздух. Я закричал, бросился за котом. Фигура в светлом овале поблекла. Я выхватил оружие, собираясь сделать все, чтобы спасти ее от зверя. Рука моя опять задела сумку. Задела... нет, она так и прилипла к коже над бугром, над кубком, пристала к ней, несмотря на мои отчаянные усилия освободить ее. Но в тот же момент я увидел, что кот напал не на длинноволосую женщину, как я опасался. Он сцепился с другим котом, таким же, как он. Я услышал, как он заревел и навалился на пришельца. Женщины там не было. Были лишь два кота.

Затем Груу и другой кот исчезли. Передо мной опять стояла женщина. Она опять старалась соблазнить меня. Только в облике ее что-то изменилось. Изображение старалось принять прежний вид, но границы его постоянно менялись. Я наконец понял, что это всего лишь иллюзия. Никакой женщины там не было. Какая-то сила использовала колдовство, чтобы заманить добычу.

Я прижал руку к сумке. Если от нее исходила какая-то сила, сейчас она была нужна мне как никогда! Рогатый Венец! Гуннора! Я цеплялся за обрывочные воспоминания, стараясь создать из них щит.

Поверхность овала взволновалась, и там опять появилась темноволосая женщина. Возможно, она (или оно) сначала не знала, как слабо я защищен. Соблазн был все еще велик, плоть тянула меня вперед, похотливый огонь разгорался все сильнее. Я боролся с собой и с иллюзией, во мне пробудился невообразимый страх.

Я встал на колени и пополз, как животное, я и стал им больше, чем наполовину, и полз к той, что полностью материализовалась там, в светлом овале. Только на самом деле там не было никакой женщины. Уверен, если бы тело мое одержало надо мной победу, я умер бы самой ужасной смертью.

Рогатый Венец! Курнаус... Курнаус!.. У меня не было вина, чтобы призвать его. У меня не осталось ничего, лишь часть меня самого да память. Призвать мысленно Гуннору? Нет! Я поспешно отказался от этой мысли. Гуннора сама была частью этой магии. Думать о ней означало опять открыть дверь. Охотник — убийца...

Фигура в светлом овале изменилась. Там уже не было соблазнительной женщины. На этом месте стоял мужчина, высокий, с короной из рогов. У него было спокойное гордое лицо великого, горячо любимого лорда. Он поднял руку, приветствуя меня. Меня, человека без рода, без племени. Я больше не один. Стоит лишь прикоснуться к этой руке, и я уже не вассал, а брат-меченосец! Это не Гарн, там человек, во всем его превосходящий. Любой сочтет за счастье пойти за таким лордом, чтобы освободить землю от лежащей на ней тени, любой будет служить сму верой и правдой! Это тот, кого я осмелился вызвать в лесу, сейчас он сам пришел ко мне...

Не отрывая от него глаз, я возился с застежкой сумки. Я хотел вынуть кубок, доказать, что я связан с ним торжественным обещанием! Ведь он спас меня от темных сил!

Я открыл сумку. Прикоснулся к кубку, указательный палец скользнул внутрь чаши.

Человек в овале заколебался. Нет! Только не уходи! Я докажу... я...

Он опять заколебался. И я увидел ее... ту самую девушку. Она опять призывала меня. Тянулась ко мне руками...

Не было больше мужчины, воина в Рогатом Венце. Там была женщина, не та, что чуть не затащила меня в сеть. Нет, на этот раз это была девушка, стройная, тонкая, тело ее слегка было прикрыто туникой цвета серебристой луны. Туника застегивалась на плече и спадала вниз до середины бедра. На голове девушки было украшение в виде молодого месяца. Затем она пропала. Опять появился мужчина.

Я вынул кубок и неуклюже поднес его к своему подбородку. Что за древняя мудрость пришла мне на помощь и подсказала, что я должен делать? В кубке ничего не было, но в нос ударил чистый свежий запах, запах листьев какого-то дерева, согретого утренним солнцем, пряный запах трав под ногами.

Как будто спала пелена, и я прозрел!

В овале что-то забулькало, поверхность его очистилась, и я увидел Груу, лежащего неподвижно на боку. В темных тенях мелькали красные вспышки. Гафия шла к овалу, вытянув вперед руки. Она уже прошла мимо меня. Очевидно, та сила, которая на какое-то время лишила нас возможности двигаться, устроила передышку. Крепко прижимая к себе одной рукой кубок, я бросился вперед и, выставив другую руку, загородил ей дорогу. В этот момент она была уже совсем рядом с изображением свернувшегося в клубок кота.

Лицо ее выражало волнение, глаза устремлены на овал. Сначала она просто оттолкнула стоявшую на ее пути преграду, не зная даже, что ей помешало пройти. Одной рукой мне трудно было с ней справиться. Я просунул пальцы ей за пояс и шагнул назад, увлекая таким образом ее за собой.

Она покачнулась и упала, и я вместе с ней. Тело мое навалилось на нее. Она яростно старалась вырваться. Думаю, она даже не знала, кто я такой. Я был просто барьером между ней и тем, к чему она рвалась. Она пустила в ход кулаки, зубы и ногти. Мне пришлось применить силу, чтобы прижать ее к полу. Я понимал, что кубок — единственное мое спасение. Пока я держал его и вдыхал странный запах, исходивший из него, голова оставалась свежей и иллюзии были нестрашны.

Я держался и надеялся, что кубок поможет и ей. Я чувствовал себя более или менее безопасно, пока находился к овалу спиной. Я приблизил кубок к ее лицу. Она мотала головой из стороны в сторону и, обнажив зубы, пыталась вцепиться зубами в мою руку, совсем как Груу в пылу борьбы.

Мы все еще дрались, когда...

Я все сильнее удерживал Гафию, все крепче прижимал к себе кубок, но мы уже больше не лежали в темноте на полу. Нас охватил страшный холод: казалось, ни одно живое существо не может выдержать его в течение хотя бы одной минуты. Потом стало опять светло. Взвилось красное пламя. Сначала нас чуть не убил холод. Теперь жар грозил спалить наши тела.

Гафия лежала тихо, закрыв глаза. Но я чувствовал, как быстро поднимается и опускается ее грудь, ловя воздух. Я поднялся на колени и огляделся по сторонам. Жар был настолько сильным, что каждый вдох, казалось, готов был обуглить легкие. Скала под нами раскалилась докрасна. Я поспешил стащить с нее Гафию и прислонил ее к себе, чтобы она не сгорела. Пахло паленными волосами. Я повернул голову и увидел Груу, неподвижно лежавшего рядом.

Нас окружала стена желто-красного пламени. Ветер, которого мы не ощущали, то и дело раздувал пламя, и длинные языки огня тянулись к нам. В яркой стене пламени не было просветов, и я не мог разглядеть, что за ней находится. Возможно, наше неповиновение настолько разозлило силу, обитавшую в башне, что она бросила нас

в эту тюрьму, дабы быстрее закончить дело, обратив нас в груду горелых костей.

— Диана! — Гафия открыла глаза. Они все еще смотрели куда-то позади меня. Она наверняка искала видение, которое заманивало ее в башне. Она нахмурилась, когда к ней вернулась способность к нормальному восприятию действительности. Она посмотрела на меня с такой злостью, словно с удовольствием швырнула бы меня в огненное море. — Диана... Диана здесь была! Она наконец-то позвала меня! — Гафия покачала головой, словно до сих пор еще не очнулась от сна. — Я нашла святилище, я была... — она замолчала, руки ее продолжали гладить голову кота. — Ты ее не видел. Ты видел других... — Гафия посмотрела на пламя, которое тянулось языками к моей спине.

— Это тот, кто насылает иллюзии.

Она содрогнулась, и страх охладил ее, несмотря на окружавшее нас пламя.

— Он от Тьмы! Но почему?.. И Груу... — она посмотрела на спокойную голову, прижавшуюся к ней.

— Как мы сюда попали? — спросила она после долгого молчания. Голос ее был теперь спокоен. Похоже, она приняла то, что случилось, и была готова встретить неизбежное.

Я рассказал ей все о кубке и о запахе, разрушившим являвшиеся мне иллюзии; о том, как я не пустил ее в светлый овал, после чего мы перенеслись в новое место. Она слушала. По всей видимости, она не только поняла все, что я рассказал ей, но и, применив свои знания, составила собственное представление о случившемся.

— Все трое, — медленно произнесла она. — Всеми троими управляли в одно и то же время. Заклинание, которое наслали на нас вассалы, подействовало. Они управляли нашими телами. На нас одновременно воздействовала воля троих всадников. Но в башне этот контроль уже не работал. Там на нас влияли поодиночке. Бедный Груу, хотя он и мудрый зверь, но понятия не имеет об иллюзиях, поэтому он первый и попал в ло-

вушку. А ты... у тебя была защита, о которой они не подозревали.

— А ты не видела, что они показывали мне? — спросил я осторожно. Отчего она молчала и не вмешивалась, пока меня соблазняли видения? А может, в то же самое время ей являлась Диана?

— Я видела святилище — святилище Луны. Свет падал на алтарь. Я ждала, потому что знала, что она придет. Ведь это было место, которое я искала. Нет, я не видела то, что было уготовано тебе. Но в этом овале не могло находиться одновременно несколько изображений, для каждого из нас. Когда им не удалось завлечь тебя, появилась Диана, которую я ждала. Сила твоего кубка разрушила их планы. Ты освободился и смог освободить меня... Но,— она мельком взглянула на огненную стену,— куда они нас сейчас отправили?

— Туда, где еще хуже,— ответил я.— Не знаю. Если есть возможность выбраться отсюда, надо действовать, прежде чем изжаримся окончательно.

Гафия приложилась щекой к голове кота.

— У меня нет больше лозы,— сказала она.— Мои знания здесь не помогут. Мы находимся в самом центре Тьмы, и надежды на то, что мы доберемся до Света, нет никакой. Ведь между двумя мирами нет сообщения. Они встречаются на границе и борются друг с другом. Только мы от этой границы очень далеко, и лунная магия не придет мне на помощь.

Я не мог поверить в то, что она готова покориться судьбе. Я был твердо уверен в том, что она не сдастся ни при каких обстоятельствах, как бы безвыходны они ни казались. То, что нам частично все-таки удалось одержать победу над темными силами, внушало мне оптимизм.

Гафия в это время расстегивала застежку своей сумки. Она вынула пакет с сушеными листьями. Отобрав семь листочков, она положила их в рот и тщательно разжевала.

— Что?.. — хотел я спросить.

Она покачала головой и показала на свой рот, давая понять, что не может говорить. Затем она опять дотронулась до головы Груу, и я понял, что она занята лечением кота.

XV

Гафия вынула изо рта комок и, осторожно приложив его к векам кота, размазала мазь на закрытых глазах. Потом притронулась кончиками пальцев к его макушке. На пламя, полыхавшее вокруг, она не обращала никакого внимания. Жар, однако, становился сильнее. Как я ни пытался, ничего сквозь огненную занавеску разглядеть не удалось.

Испокон веков огонь служит человеку, и в то же самое время является его проклятием. Я почувствовал, что пламя в любой момент может сомкнуться и поглотить нас. Гафия положила голову кота себе на колени. Глаза ее были закрыты. Она, по всей видимости, старалась вернуть жизненную силу, которую враг из башни старался из нас выкачать.

Груу пошевелил лапой и издал звук, похожий на мяуканье растерянного котенка. При этом обнажились грозные клыки. Гафия погладила его между ушами, провела рукой по челюсти.

— Все хорошо. Он просыпается.

— Зачем? — усмехнулся я, показав на пламя, — зачем надо его пробуждать?

Во рту пересохло. Страшно хотелось сделать большой глоток из бутылки, прицепленной к поясу, но воды слишком мало. Ее нужно беречь. Мокрые от пота волосы пристали к черепу; по спине стекали струйки, одежда облепила тело.

— Иллюзия, — задумчиво сказала Гафия, поглаживая кота. — Похоже, оружие этой Силы — иллюзия. И...

Она посмотрела на огненную стену. Не было необходимости облекать в слова то, что пришло ей на ум.

— Да, может и это иллюзия, — подтвердил я. — Она такая плотная... не знаю, удастся ли нам ее разрушить...

— Как наверху, так и внизу.., — сказала она. Я не понял, что она хочет этим сказать.

— Иллюзия, — продолжила она, — это воспроизведение мысли, взятой из мозга врага или жертвы. Она основана либо на том, чего человек больше всего боится, либо на том, чего ему больше всего хочется.

— Ты хочешь сказать, что мы сами раздуваем огонь?

— Пока мы верим, что он существует, наша вера его питает, — подтвердила Гафия.

— А если ты не права? Если мы и в самом деле свалились в пекло?

— То, что можно призвать, можно и отозвать. Разве ты в этом еще не убедился?

По ее щеке стекала струйка пота. Груу поднял голову с ее колен, открыл глаза. Куски засохшей травяной пасты лопнули и отвалились. Кот посмотрел ей в лицо и не то промурлыкал, не то прорычал.

Да, действительно, я был свидетелем разрушения иллюзий, которые казались поначалу абсолютно правдоподобными. Но здесь что-то другое. Стоит мне протянуть руку к пламени, она сгорит до кости.

Гафия опять закрыла глаза, и кот казался вполне спокойным, он вроде даже задремал. В алом зареве я увидел, что губы девушки беззвучно шевелятся.

Ох уж этот обмен мыслями! Неудивительно, что мои соплеменники побаивались колдуний, хотя жизнь их во многом зависела от того, насколько успешно они познавали магический мир. Ну а мне в эту минуту хотелось одного: увидеть своего врага и сразиться с ним в честной и открытой борьбе.

Я даже не был уверен, в каком мире мы сейчас заперты. Нас, конечно же, перенесли через пространство каким-то неизвестным способом. Даже если с помощью Гафииного колдовства нам удастся одолеть пламя... что тогда? Мы все равно останемся не в нашем мире, а может, и не в нашем времени?

Она открыла глаза и посмотрела прямо мне в глаза.

— Ты сопротивляешься! Ты не веришь! Ох! — она ударила кулаком по горячей скале. — Если бы рядом был человек, способный выполнить задачу!

Ее возбуждение передалось коту. Впервые за это время он поднял тяжелую голову и зарычал на меня.

Я почувствовал себя оскорбленным. Она была мне кое-чем обязана. Разве я не задержал ее, когда она рвалась к фальшивой Диане? Я еще раз взял кубок и поднес к лицу, надеясь, что оттуда польется чистый прохладный воздух, который уже сослужил мне службу. Однако сейчас ничего не произошло. Гафия посмотрела на кубок, и глаза ее сузились, выражение лица изменилось. Она, должно быть, смотрела на какой-то предмет, которому нашла лучшее применение.

— Если бы только ты знал больше...

— Научи меня в таком случае! — языки пламени подбирались все ближе.

Гафия отвела волосы, прилипшие к ее лбу.

— То, чего я хочу, невозможно. Нельзя спрессовать знания, полученные за многие годы учебы, в несколько слов — здесь и сейчас!

Она дернулась, когда огненный язык едва не лизнул ей руку. В глазах ее мелькнул страх.

— У нас, возможно, не осталось времени и для нескольких слов, — мрачно заметил я.

— Говорят, те, кто обладает Силой, — торопливо сказала она, — способны переносить предметы из одного существования в другое. Они смотрят на предмет и видят его внутреннюю сущность. Дело в том, что каждая вещь, рожденная или сделанная, была когда-то лишь мыслью, поэтому частично она и остается мыслью. Эта мысль, которую мы видим облеченной в форму, существует в другом месте, в другом обличье. Колдунья может отыскать такую мысль, очистить предмет от формы, вернуть его к первоначальному виду. Вот этому нас учат...

— Ты видела, как это происходит?

Гафия медленно покачала головой.

— Для этого нужно знать много о сути предмета и воспользоваться этим.

— Но ведь ты хотела, чтобы я знал больше, — настаивал я, — ты можешь помочь. Что мне нужно знать?

Она опять медленно покачала головой:

— Мы не знаем сути той Силы, которая нас здесь заперла. И...

— Это, — указал я на пламя, подбирающееся к нам. Я был уверен, что оно совсем приблизилось, — огонь. Огонь рождается от топлива — дерева, некоторых жидкостей, которые быстро горят, если их поджигает искра. В чем тогда внутренняя суть огня, чем он питается?

В том огне, который окружал нас, я не видел ни дерева, ни масла, которое мы использовали для ламп.

— Чем он питается... — повторила в раздумье Гафия. Вдруг ее худое лицо выразило волнение. — Да, возможно, то, что питает этот огонь, находится в другом месте.

Эта мысль не показалась мне полезной, но она, кажется, вдохнула в нее новые силы.

— Ладно, — она поднялась и протянула ко мне руку. — Кубок... у тебя есть вода, которую можно в него налить?

— Очень мало.

— Неважно. Сама я этого сделать не могу, ведь кубок принадлежит тебе. Только ты можешь пробудить его силу. Наливай в него воду и держи крепко. Потом возьми меня за руку. Возможно, и Груу нам поможет, раз с него спало заклятие. Давай, делай это. Быть может, это наш единственный шанс! Моей Силы тут недостаточно.

Я пустил струйку воды. Она едва смочила дно кубка. Сжав его в руке, до ломоты в пальцах, я уселся на корточки и левой рукой взял за руку Гафию.

— Теперь закрой глаза. Представь огонь, он горит... горят дрова... как у нас в замке. А вот вода, ручей, вода поднимается, поднимается. Смотри! Ты должен видеть это!

В словах ее была настойчивость, сила. Но когда я закрыл глаза, мозг взбунтовался, я не мог вообразить себе этой картины. Я пытался, но передо мной возникало нечто бледное, которое тут же исчезало.

Где-то послышался голос, но очень далеко, я напрягал слух, чтобы расслышать его. Нет, был лишь огонь, а не голос, ничего, кроме огня, горевшего в лесу.

Вдруг я почувствовал, что воля моя крепнет. Я и не подозревал, что обладаю такой волей. Как будто сила воды и сила огня изменили свою сущность, и вся энергия, которой они обладали, влились в меня. Неясная, ускользающая картина огня проявилась, не исчезала. Я видел скалы и углубление, в которое стекала вода из ручья. Огонь и вода — старинные враги!

Ничего больше, только огонь, только резервуар с водой. Все остальное потеряло значение, я старался сохранить эту картину четкой и ясной. Огонь и вода!

Я чувствовал, как вливается в меня сила, придающая остроту зрению. Я не только видел огонь и поток воды. Я уже мог управлять этим потоком, поднимать уровень воды в бассейне все выше и выше. Теперь это был уже колодец, очень глубокий. Вода, наполнявшая его, перелилась через край и потекла к огню!

Огонь, ярко вспыхнув, исчез. Я постарался восстановить в мыслях картину. Она была там! Опять была. Теперь я сосредоточился на огне. Нет, вода... выше... выше... и вниз. Я видел, как она поднимается, подобно морской волне, перехлестывает через край колодца и тяжело с шумом падает. Опять картина заколебалась, и опять влилась в меня новая сила, и опять я удерживал картину перед собой.

Вода полилась вниз, залила дрова, накрыла их. Пламя зашипело, разбежалось по сторонам, туда, где еще было топливо, вода хлынула и туда. Картина моя опять заколебалась, как будто огонь, на который я смотрел, понял, что сила его убывает. Только я опять восстановил картину, и вода лилась неудержимым потоком. Пламя исчезло. Я отпустил поток. Он пропал. Но в последний момент мне показалось, что в нем, как в зеркале, отразилась голова с венцом из рогов. Было ли это? Не знаю, не уверен. Я открыл глаза. На моем кубке сияла голова. Вокруг же — темнота, огненная стена исчезла.

Я мигнул раз и другой. Единственный источник света — мерцание головы на кубке, да и тот быстро угасал. Если бы не твердый камень подо мной, мне показалось бы, что нас вышвырнуло из самой жизни. Так же, как и в башне, здесь была такая густая темнота, что чудилось, она нас поглотила. Я услышал вздох в темноте и понял, что это Гафия.

— Оно... оно сработало! — я еле-еле нашел слова. — Огонь ушел. Но мы еще не вернулись... или это все еще башня?

Самому мне в это почему-то не верилось. Здесь я ощущал себя по-другому. Огонь уже больше не занимал мои мысли, но я понимал, что это был лишь первый шаг, что мы на пороге новых испытаний. Из густой темноты раздался голос Гафии. Слова ее лишь подтвердили мои опасения.

— Мы все еще заперты, — сказала она. — Это не наше время и не наше место... и...

Что она еще хотела сказать, я уже никогда не узнаю, потому что в этот момент темнота изменилась. Нет, светлого овала не было. Нас как будто всосало, потянуло куда-то с такой скоростью, что, казалось вместе с дыханием наружу вырываются легкие. Я задыхался и ловил ртом воздух. Я изо всех сил держал за руку Гафию. Больше всего на свете я боялся потерять ее. Тогда каждому из нас будет уготована своя судьба.

Тело стало невесомым, хрупким, как лист на ветру. Я даже глаза закрыл, потому что давление темноты, через которую нас несло, было для них болезненно. Я боялся ослепнуть. То, что несло нас, казалось, набиралось сил. Чудилось: нас засовывают в клубок веревок и обматывают ими вдоль и поперек все крепче и плотнее.

Затем движение прекратилось. Мы повисли в темноте, так как я открыл глаза и ничего не увидел. В этом была какая-то непонятная цель. Я удивлялся тому, что стал способен чувствовать непонятное. Меня и в самом деле не обучали. Гафия была права. Тогда что же пробудило во мне эти способности?

Мы беспомощно повисли. С действительностью меня связывала лишь рука Гафии. Хотелось задать ей вопрос, но черная тьма, давившая на грудь и горло, не давала промолвить ни слова.

Я чувствовал себя на краю гибели, и даже хотел смерти как избавления от мучений. Слабое свечение лица на кубке исчезло, возможно, в результате сумасшедшего падения. Будь что будет, но я крепко держал и кубок, и руку Гафии.

Толчок — и мы опять понеслись куда-то. Опять я ощутил жуткий холод, опять нас пронесло через какой-то немыслимый барьер. Потом появился свет — слабый, мутный, тем не менее с непривычки я заморгал. Свет шел снизу, потом он стал разрастаться, становиться ярче, нас несло к нему под воздействием чьей-то воли. Чьей воли? И зачем?

Затем последовал удар такой силы, что меня оторвало от Гафии и унесло в сторону под другим углом. Я смотрел вниз с высоты птичьего полета и ощущал себя такой птицей.

Внизу я увидел круглую каменную площадку, отливающую ярким серебром, так как ее освещала луна. В центре ее было белое пятно, такое яркое, что если бы я мог, то прикрыл бы глаза рукой. Но тело опять отказывалось мне подчиняться. На камне кто-то лежал. Женщина. Длинные волосы ее были распущены. На ней не было одежды, и сначала я подумал, что она мертва, потому что она совершенно не шевелилась.

По углам площадки стояли четыре колонны, каждую из них венчал лунный знак, такой же, как и в святилище нашей долины. Возле каждой колонны колебались какие-то призрачные фигуры, очень похожие на человеческие. При моем приближении фигуры эти материализовались.

Это были мужчины. Все, как и женщина, обнажены. Каждый сжимал в руках палку. Они беспрерывно переминались с ноги на ногу, будто маршировали или танцевали, оставаясь на месте. Я ощутил царившее здесь возбуждение.

Из тени вышла еще одна фигура. Темное тело, как клякса, выделялось на фоне полированного серебра, созданного лунным светом. Кубок в моих руках ожил, потеплел, стал горячим. Он словно злился, наливался гневом.

Я должен был стать инструментом, орудием в руках Тьмы, чтобы подделать заклинание, исказить Свет. И я не в силах был противостоять им.

Эта черная фигура, вихляясь и покачиваясь в танце, пошла от одной мужской фигуры к другой, останавливаясь на мгновение перед каждой, высоко вздымала тощие, как у скелета, руки, совершая, по-видимому, какое-то заклинание. При этом каждая фигура у столба становилась все более и более реальной, словно в нее вливались свежие могучие силы. Женщина на алтаре то ли глубоко спала, то ли была зачарована, и, по всей видимости, не имела понятия о том, что происходит.

Я спустился уже так низко, что мог видеть лица всех находившихся на площадке, кроме темной фигуры, двигавшейся по кругу и раздававшей энергию. Я эту энергию ощущал. Она струилась возле меня быстрым потоком.

Если танцующие мужчины и заметили меня, то виду не подали. Я опустился на землю, ступил на площадку, на серебристые блоки возле алтаря, посмотрел вниз и увидел — Айну!

Это была уже не та девушка, что ехала в повозке Гарна. Она непонятным образом изменилась. Губы ее, темные на фоне бледного лица, были не красными, а черными в лунном свете. Они слегка улыбались. Ей что-то снилось. И во сне она была очень счастлива. Та робкая девушка, которую я знал, никогда не испытывала такого чувства. Она шарахалась от людей, возможно, из страха перед отцом, не смела поднять ни на кого глаз, беспрекословно ему подчиняясь.

Айна — жертвоприношение. Я знал это без подсказки. То, что происходило, совершалось по воле зла — Тьмы, такой же черной, как и место, из которого меня вырвали.

Я стоял с кубком в ладонях, ощущая, как он с каждым мгновением нагревается. В его металлическом сердце,

должно быть, полыхало пламя: пальцы мои обжигало. Он защищался от того, что здесь происходило. Серебряное лицо засветилось, из глаз брызнули серебряные пучки света — белые, как Луна над головой — но в чем-то другие.

Танцующая фигура, все еще бесформенная в многочисленных черных как ночь одеяниях, отошла от последнего мужчины и направилась ко мне, покачиваясь и подпрыгивая. Тень, падавшая от капюшона, мешала мне разглядеть ее лицо. Однако я знал, что ей о моем прибытии известно, и что она заодно с той Силой, которая меня сюда направила.

Опять поднялись руки, широкие рукава упали почти до плеч и обнажили кожу да кости — древнюю кожу, древние кости. Скрюченные пальцы тоже говорили о невероятном возрасте. Эти узловатые, искривленные пальцы потянулись через спящую девушку за кубком. Я яростно вцепился в него, понимая, что только в моих руках талисман в безопасности.

Я старался укрепить свою волю, но направить ее не против той Силы, что доставила меня сюда — я понимал, что против нее у меня нет ни малейшего шанса — все усилия мои были направлены на то, чтобы кубок оставался по-прежнему у меня.

Когти впились мне в руку, и я резко высвободился. Должно быть, мои оппоненты не ожидали сопротивления и были удивлены. Может, и кубок, который я продолжал держать, влил в меня силу, о которой я и сам не подозревал.

Черная фигура сделала вторую попытку схватить кубок. Ее капюшон при этом свалился с головы... это была женщина, вернее пародия на женщину. Она была очень стара и безобразна. Изборожденное глубокими морщинами лицо отражало ненависть и пороки. Грязные седые волосы пучками торчали на почти лысом черепе. Когда она открыла рот, чтобы плюнуть на меня и послать проклятие, я увидел в ее рту один или два желтых зуба, больше похожих на клыки Груу, чем на человеческие зубы.

Она была злой и очень сильной. Желание добиться своего придало ей больше сил, чем можно было бы подумать, глядя на ее костлявое тело. Когда первая попытка провалилась, она обошла алтарь со спящей Айной и подошла прямо ко мне. В горящих мрачной злобой глазах видны были хитрость и сумасшествие. Она намеревалась разодрать мне лицо своими скрюченными пальцами.

Бороться с Силой, пославшей меня сюда, все равно, что пробираться сквозь огромную массу песка. Она сумела запрыгнуть на меня, но кубок я не выронил. Я старался смягчить ее атаку, отодвинуть старуху плечом, загородиться от нее руками.

Она стала выкрикивать незнакомые слова, в углах рта запузырилась пена. К своему изумлению, я увидел эти слова. Они были дымными и красными, вертелись над моей головой и снижались. А вдруг они обожгут меня, как настоящее пламя?

Я вскинул голову и крикнул:

— Ха! Курнаус, во имя Рогов!

Она словно наткнулась с размаху на стену: отшатнулась и отступила на один шаг, а затем и на два, стараясь удержаться на ногах. Губы ее шевелились, слюна стекала по подбородку. Задвигала руками, рисуя какие-то знаки. В воздухе поплыли черно-красные знаки Тьмы.

Кубок нагрелся так, что я едва мог его держать, но все же поднес вровень со ртом, словно собирался выпить то, что было в него налито. Глаза Охотника испускали блестящие пучки света, похожие на пики, готовые поразить врага.

Лучи эти дотянулись до старухи, встретили сопротивление и разлетелись по сторонам, осветили алтарный камень и спящую девушку. Лучи перемешались с лунным светом и стали интенсивнее, ярче.

Старая карга с живостью, несвойственной возрасту, бросилась назад, спасаясь от потока света, и завопила. Звук ее голоса отозвался в моей голове такой болью, которую, мне казалось, я не выдержу.

Все же я терпел. Давление на меня закончилось, и я мог бы бросить в сторону кубок с мучившим меня огнем и бежать отсюда, бросить сопротивление. Но в душе знал, что этого не сделаю. Что за битва шла в эти минуты, я мог лишь догадываться. Но я держал кубок, а свет поливал все вокруг.

Карга отступала все дальше и дальше. Теперь она стояла на самом краю площадки. Похоже, она решила стоять до последнего. Сейчас уродина собирала силы. Хотя меня долго держали в каком-то непонятном плену, военного мастерства я все-таки не утратил. Я уловил короткий момент, пока старуха на меня не смотрела, и бросился к девушке.

Теперь была моя очередь атаковать. Мгновение — и я был между старухой и девушкой. Краем глаза посмотрел на ближайшего из мужчин: не бросятся ли эти четверо на помощь колдунье? Они были совершенно обнажены, и при них, сколько я мог видеть, не было оружия, только палки. Хотя кто знает, у них может быть оружие, о котором у меня нет ни малейшего представления.

Двое, как я заметил, не отреагировали. Они все так же стояли возле колонн, переминаясь с ноги на ногу. Они не смотрели ни на меня, ни на старуху. Они смотрели только на алтарь, хотя не уверен, видели они Айну или нет.

Меня осветил луч. Я повернул кубок. Не только глаза Рогатого Лорда испускали свет. Светился весь кубок. Лучи света образовали занавес, отделявший меня от старухи, и пошли гулять по всей площадке. Сначала они добрались до босых ног ближайшего мужчины. Он вдруг очнулся, дернулся и посмотрел на луч, дошедший до его щиколоток.

Красивое лицо его вдруг болезненно исказилось. Должно быть, его прекрасное тело попало в огненную печь, съежилось, уменьшилось в размере. Он закричал в агонии, как бессловесное животное. Палка его, вспыхнувшая от огня, превратилась в серебряное пламя. Он отшвырнул ее.

На этом месте стоял уже не высокий мужчина. Возле подножия колонны скорчилось волосатое кривое существо с лягушачьим ртом, смесь рептилии и млекопитающего. Он старался вырваться из окружившего его со всех сторон потока света.

Я посмотрел на другого мужчину. С ним тоже поработали. Теперь это была птица. Такую птицу я еще не встречал, хотя у нее и было сходство с черными тварями из долины Гарна. Быть может, это была их гигантская разновидность.

Старуха отошла еще на шаг, отступила от залитой лунным светом площадки. Свет от кубка остановился на краю камня, не дойдя до нее. Она нагнулась, пытаясь перепрыгнуть луч света. Ей хотелось добраться до меня. Хотя я и оглушил ее на какое-то мгновение, она была еще далеко не побеждена. Она собиралась доиграть игру, которую затеяла.

Губы ее двигались, как тогда, когда она обращала ко мне свои огненные проклятия. Только в этот раз слов не было видно. Вместо этого она хлопнула в ладоши, и звук, который раздался, был оглушителен, как удар грома.

Она исчезла!

Я попятился к алтарю. Два существа возле колонн не могли сдвинуться с места, как ни старались. Я обернулся и посмотрел на двоих других. В их сторону тоже шло излучение. Но оно их не достигло и не заперло в плен. Хотя они вроде бы и не заметили надвигавшейся опасности, но вдруг оба пропали, как и старуха.

Прислонившись к алтарному камню, я попытался осмотреть прилегающую к площадке территорию. Я был абсолютно уверен, что нахожусь уже не на той земле, на которой была черная башня. Это была моя земля... хотя, какая ее часть, гадать не стал. Но это, разумеется, было не горное святилище в земле Гарна. В то время, как Гафия и Груу... где они теперь? Остались ли они возле Черной башни? Если так, то как их вызволить оттуда?

Сзади послышался вздох. Я обернулся. Глаза Айны были открыты, она просыпалась. На губах ее все играла

прежняя улыбка, глаза томно смотрели, словно она очнулась от сна, который порядочным девушкам смотреть не рекомендуется.

XVI

— Айна!

Нужно как можно быстрее убраться отсюда — вот первое, что пришло мне на ум. Кубок остыл, света от него больше не было. Лицо Охотника потускнело.

Девушка на алтарном камне привстала. Движения ее были замедленными, как у человека, не вполне очнувшегося от глубокого сна. Она пока не понимала, где находится.

Руки ее скользнули по телу и в благоговении замерли на животе, как будто внутри было величайшее сокровище. Не поднимая глаз, она тихонько запела. Эта песня перенесла меня через годы и расстояние. Мои первые детские воспоминания: нянька Айны, баюкающая воспитанницу... колыбельная.

— Свершилось... — она все еще меня не видела. Взор ее был обращен внутрь себя. Иногда она рассеянно смотрела по сторонам, но видела будущее, более прекрасное, нежели лунный свет, одевший ее стройное тело. — Свершилось! Бог пришел ко мне, и я исполню его волю. Ребенок превзойдет любого лорда... он станет самым великим человеком на земле, самым великим... — она опять запела колыбельную.

Уж не рехнулась ли она? Я осторожно поставил кубок на землю, снял с плеча скатанный в валик и подложенный под лямку материал. Распустив валик, я укрыл ее плечи. Она неподвижно сидела на алтарном камне и нежно улыбалась. Руки ее защищали новую жизнь, которая, как она полагала, зародилась в ее теле.

— Сын, сын... со временем он станет во главе Великих Сил, возьмет власть в свои руки и распорядится ею по своему усмотрению. Мне выпала великая честь...

— Айна!

Я произнес ее имя как можно резче, стараясь обратить на себя внимание и вернуть в действительность. Она вздрогнула и повернулась ко мне. Глаза расширились, и я понял, что иллюзия, пришедшая к ней во сне, стала разрушаться.

— Элрон! — ну, наконец-то узнала. Руки ее схватились за материал, и она быстро обернула его вокруг тела. — Но... — она смотрела по сторонам, видимо, желая узнать, кто еще находится рядом. Потом она увидела монстров (все еще корчившихся, хотя и слабо, под воздействием кубка) и завизжала, пронзительно и тонко.

— Элрон! Кто это? — счастливое выражение лица сменилось гримасой страха и отвращения. — Здесь ... — ноздри ее раздулись, голова слегка приподнялась, — здесь зло! Мне нельзя с ним соприкасаться. Я понесла — во мне бог!

Она спустилась с алтаря, дабы отойти подальше от чудовищ, издававших гнусавые крики, выражавшие не мольбу, а скорее бессильный гнев. Я всматривался в темноту за пределами святилища Луны. Хотя карги не было видно, я вовсе не был уверен, что она так легко смирилась с поражением. Нужно быть начеку.

— Элрон! — Айна, плотно обернувшись материалом, придерживала его одной рукой, а другой вцепилась в меня. — Уведи меня отсюда!

— Обязательно. Но сначала я должен убедиться, что нам ничто не угрожает, — держа перед собой кубок, как меч, — в этих местах он, наверное, был лучшей защитой, чем сталь — я тихо отступал от алтаря, стараясь не терять из виду не только корчившихся монстров, но и двух других стражей, чтобы они не помешали нашему бегству.

Я ощущал легкость и пустоту. Значит ли это, что я завоевал свободу — пусть временную — свободу от колдовства? На это я мог лишь надеяться.

Хотя Айна так же крепко держалась за меня, подгонять ее было не надо. До края площадки дошли без помех. Я сделал шаг назад и осторожно выглянул в окружавшую нас ночь.

Выйдя из Святилища Луны, я минуту-другую моргал, прежде чем разглядел, что находится за его пределами: там, где луна свстила не столь ярко. Святилище это превосходило размерами то, что на земле Гарна, но деревьев рядом не было. Вокруг — мощение, но не серебристое. От площадки, как колесные спицы, расходились радиусами низкие каменные строения.

Я почти ждал, что сейчас вокруг площадки соберутся зрители, желающие присутствовать на церемонии, которую так нсожиданно оборвало мое появление. Но ничто не шевельнулось. Место было совершенно глухое, давно всеми покинутое. Жизнь сохранилась только в святилище.

Айна вдруг попятилась, стала вырывать руку. Пришла моя очередь ее удерживать.

— Рэйдхан! — воскликнула она. — Рэйдхан? Где она? Почему она ушла?

— Замолчи! — мне не понравилось, как молчаливые дома отозвались эхом на ее крик. Я не слишком был уверен в том, что мы здесь одни.

— Отпусти меня! Рэйдхан! — у меня не было другого способа заставить ее замолчать, как засунуть ей в рот конец накидки. Кубок приходилось постоянно держать в руке. Я стал доверять ему больше, чем оружию. Боялся, что если выпущу Айну, она тут же убежит. А гоняться за ней ночью по этим темным пустым зданиям у меня не было ни малейшего желания.

— Она ушла,— ответил я, как мог. Если так звали каргу, которую мне удалось прогнать с помощью кубка из святилища, то я сказал чистую правду. — Послушай, — я слегка встряхнул ее, чтобы привлечь ее внимание. — Ты ведь видела этих чудовищ возле колонн? Так вот, такие, как они, могут быть совсем рядом. Мы должны молчать, чтобы не привлечь их криком.

Последовал раздраженный ответ.

— Я тебя не понимаю. И вообще, что ты тут делаешь? Рэйдхан сказала, что бог возьмет меня, что сила его должна возродиться от моего тела. Для этого меня и призва-

ло святилище Луны, а не для чего-то другого. И это правда! Бог пришел и взял меня...

Я должен был решать, и быстро.

— Ты спала. Они, должно быть, дали тебе снотворного, и ты спала! Не было никакого бога, да и святилище Луны ему не принадлежит... — я мог лишь надеяться, что говорю правду. Что там случилось до того, как меня принесло сюда, я не имел понятия, но верил, что дело не зашло еще так далеко. Какая роль отводилась этим монстрам, временно принявшим человеческий образ? Для какой ужасной цели призвала их Тьма? Что должны были они сделать с девушкой?

— Отпусти меня! — она как змея извивалась в моих руках. — Ты не знаешь всей правды. Рэйдхан сказала мне...

К счастью, она была не такой сильной, как Гафия. Я мог удержать ее даже одной рукой.

— Если Рэйдхан — это тот черный мешок с костями, — ответил я, — то она ушла. И, надеюсь, далеко! Нам не мешает сделать то же самое...

Она стала отчаянно вырываться. Я вынужден был засунуть кубок за пояс, чтобы освободить руки. Мне удалось развернуть ее (хотя она плевалась и кричала на меня) и повести с собой, уповая лишь на то, что ее крики не привлекут к нам врагов.

Хотя идущая вверх дорога была вымощена, окаймляли ее одноэтажные и маленькие здания с открытыми настежь дверями, окон не было совсем. Мы прошли тринадцать таким домов и оказались на открытом пространстве.

Айна наконец-то замолчала, хотя и плакала, рыдания сотрясали ее тело. Она похудела с тех пор, как я видел ее последний раз. И ноги волочила уже не потому, что хотела остаться: она ослабела и устала. Потом споткнулась и упала на меня, уткнувшись головой мне в плечо.

Возможно, с ее стороны это была уловка. Непременно нужно уйти из этого зловещего места. Я схватил ее в охапку и пошел вверх по дороге, стараясь идти как можно быстрее. Мы дошли до края долины, где я был вынужден

сделать остановку. Выпустив Айну из рук, я прислонил ее к себе и оглянулся на это странное место.

Святилище Луны по-прежнему ярко сияло. Но я уже не видел тех двоих, скорчившихся возле колонн. Движения огней в городе я тоже не приметил. Приземистые темные и тяжелые здания и дорога между ними выглядели по-прежнему заброшенными. Никто и ничто не двигалось.

Громкие всхлипывания Айны сменились вздохами. Она висела в моих объятиях, словно силы и воля совершенно ее покинули. Я шел медленно и тащил ее на себе.

Белая лента дороги, петляя, уходила вдаль. Луна освещала нам дорогу. Глаза мои уже отдохнули от яркого света на лунной площадке, приспособились к более мягкому освещению, и я увидел, что нас окружает пышная растительность. Мы проходили мимо перелесков, встретились даже одна-две рощи. Были и кустарники, отбрасывавшие тень. Я смотрел на них с все возраставшим неудовольствием. Воображение мое рисовало картины, которые я не хотел бы увидеть наяву. Хотя за дорогой могли наблюдать, я решил, что по ней идти безопаснее, нежели по полям.

— Ты можешь идти? — спросил я свою подопечную. Ну разве не безумие нести ее и в случае опасности не быть готовым дать отпор противнику? К тому же у меня не было ни малейшего желания находиться так близко к святилищу.

— Ты не имел никакого права! — она ударила меня, и при этом покрывало ее наполовину соскочило. Она задохнулась, неуклюже подхватила его и завернулась в ткань. — Вот придет Рэйдхан... она не позволит тебе меня забрать.

— Ты можешь идти? — я проигнорировал ее предупреждение, потому что в душе такая перспектива меня сильно беспокоила.

— Да, — угрюмо призналась она. Но если Айна рассчитывала, что я отпущу ее, и она улизнет, то сильно ошибалась. Я положил ей руку на плечо и легонько подталкивал вперед.

Какое-то время мы шли молча. Так как мне стало легче, я уже обращал больше внимания на поля, тянувшиеся по обеим сторонам дороги. В случае чего я готов был отразить нападение. Я ничего не заметил, лишь ветер шелестел листвой.

— Зачем ты пришел? — такой вопрос меня слегка удивил. Я думал о ней как о грузе, который хочешь не хочешь приходилось нести, а не как о живом человеке.

Зачем я пришел? В эти края я никогда не стремился. И с непознанным я связался только потому, что должен был отдать долг лорду Гарну и ответить за собственное разгильдяйство. То, что я нашел Айну, не было моей заслугой. Не понимал я и того, зачем темные силы, о которых я и знать не знал, отправили меня сюда.

— Я человек без роду, без племени, — ответил я. — Лорд наказал меня совершенно справедливо. Если бы я предупредил его, что ты искала святилище, тебя бы сейчас здесь не было.

Довольно долго она молчала, а когда заговорила, голос ее звучал очень тихо:

— Стало быть, ты, как вассал, явился сюда, чтобы отмыть свою честь.

Речь ее не была похожа на речь Айны, которую я до сих пор знал. Она была быстрая, резкая, с лукавой насмешкой.

— Я больше не вассал. К тому же, как тебе известно, у безродного чести нет. Я был неосторожен, а этого уже не исправить.

— Ты хочешь вернуть меня домой, к тем, кто, кроме своей работы, ничего не знает, к тем, у кого нет власти, кто даже не подозревает, какие они все ничтожества!

Голос ее становился все громче, все пронзительнее.

— Я не рабыня, которой можно помыкать, у которой нет ни ума, ни воли. Я... — она замолчала, и я, захваченный ее протестом, не удержался от вопроса:

— Так кто же ты, леди Айна?

Она, к моему удивлению, рассмеялась, и в этом смехе снова прозвучала насмешливая, издевательская нотка.

— Подожди, и ты узнаешь, безродный. Тебе в такие дела вмешиваться не положено. Я... девственница... ношу в себе ребенка! Ребенка, обладающего властью и такой властью, которая сделает его властелином мира. Я избранница! Ты меня отсюда удалить не сможешь. Попробуй, и сам увидишь! Отныне я часть Великой Силы!»

Я вспомнил каргу с ее злобными проклятиями, двух чудовищ у колонн святилища. Сомнений не было: все они связаны — пусть и не напрямую, но общим настроем — с Силой из Черной Башни. Мысль о том, что Айна попала в их сети, была для меня невыносима. Ее околдовали, не могла же она в здравом уме выбрать Тьму.

Я замедлил шаги и вынул из-за пояса кубок. Затем повернул его так, чтобы ей было видно лицо Человека в Рогатом Венце. В лунном свете оно четко проступало, словно холодный металл чувствовал, что я хочу сделать, и помогал мне в этом.

— Ты знаешь его, Айна?

— Да, это Курнаус, Охотник. Но какое ты имеешь к нему отношение, Элрон? — я почувствовал удивление, сменившее насмешку.— Он ведь страж, защитник богини Луны. Ведь это она призвала меня, по ее воле я стала тем, что...

То, что она говорила, я понимал лишь частично. Но, конечно же, она говорила не о Диане Гафии, не о Гунноре, не о Рогатом Лорде. Кто-то извратил ритуал, чтобы заманить мою спутницу. Насколько сильно она запуталась в их сетях? Мне необходимо выяснить это в целях безопасности нас обоих.

— Диана призвала тебя?

— Диана? — она повторила это имя с недоумением, будто слышала его впервые.— Кто это — Диана? Меня призвала Рэйдхан, она же Старшая, правительница лунной тени, колдунья. Это она оживит Великого Лорда. Для этого она и призвала меня, чтобы создать тело, в которое он вселится.

— А Гуннора? — продолжил я расспросы.— Она тоже что-то говорила?

— Диана, Гуннора! — в ее голосе опять послышались капризные нотки. — Эти имена мне ни о чем не говорят. Где ты их слышал, безродный? И, самое главное, откуда у тебя кубок Охотника?

— Это подарок. Послушай, Айна, тебя используют темные Силы. Диана, Гуннора — это настоящие леди луны. Это их право узурпировала Рэйдхан. Когда ты увидела чудовищ на площадке, разве ты не поняла, что имеешь дело с Тьмой?

— У тебя мозги набекрень! — голос ее перешел в визг. — Это ты от Тьмы, а не я! Повторяю, я была призвана, я была избрана. Эту ночь я спала в объятиях Великого Лорда. Я его возлюбленная, его избранный сосуд...

Она почти что вырвалась, так как, развернувшись, расцарапала мне лицо, к чему я был совершенно не готов. В руках у меня остались лишь складки ее одежды. Я рванулся вперед, ухватил ее за руки и держал так близко к себе, что заметил выражение страха и ненависти на ее лице.

— Спорить с тобой я не собираюсь, — я знал, что сейчас ее не урезонить. Гафия, Груу... в этот момент я готов был отдать свой меч, лишь бы они были рядом. Мысль о том, что они до сих пор находятся в царстве тьмы, страшно угнетала меня. — Мы с тобой одни в этом колдовском мире, и нам нужно держаться друг дружки, иначе оба погибнем.

Руки ее, собиравшиеся оттолкнуть меня, безвольно опустились. Она посмотрела справа налево, и я заметил, что на нее упала тень Рогатого Охотника.

— Я была в безопасности, я и сейчас в безопасности. Рэйдхан найдет меня! — прозвучало это, однако, не так уверенно, как ей бы этого хотелось.

Она, похоже, больше не намерена была драться со мной, да и мне вовсе не хотелось вступать с ней в борьбу здесь, на дороге, откуда рукой подать до Лунного (или как там его) святилища, которое облюбовали злые силы. Мы двинулись вперед, рука моя, как и прежде, на ее плече. Больше она со мной не боролась.

Нужно было найти какое-то убежище. Все вокруг выглядело сонным и невинным, но силы мои убывали. Если я найду место для привала, могу ли быть уверенным, что Айна не убежит, пока я сплю? Может, следует пойти на крайние меры и связать ей руки и ноги? Судя по тому, чему я был свидетелем в святилище, такая мера предосторожности не была излишней.

Дорога впереди делала крутой поворот. Рядом возвышались холмы, неприятно напомнившие мне о могильных курганах. Такие курганы клан возводит в честь лорда, обеспечившего безопасность людям в годину бедствий. Если это и в самом деле мемориалы, то таких лордов у них действительно было много.

Ветер, постоянно шептавшийся с травой и листьями деревьев, изменил направление. Теперь он задул справа от меня. Я определил это направление как западное. Ветер принес с собой запах, который я воспринимал как освежающий. Такой запах источал кубок — острый, свежий и чистый. Инстинктивно я повернулся в ту сторону, отыскивая возможную связь с Лордом в Рогатом Венце (я находился под таким впечатлением от всего, со мной случившегося, что даже запах служил в какой-то степени проводником).

Слабый след вел от дороги, петляя между курганами, на запад. Не пойти ли нам этим путем? Мы остановились, и я посмотрел на уходящую вдаль дорогу. Курганы бросали на нее темные тени.

Айна опять оказала сопротивление.

— Куда ты идешь? — требовательно спросила она. Мне казалось, что в ней сейчас два человека. Временами я видел в ней прежнюю дочь Гарна, послушную и робкую, но чаще она была другой: враждебной ко мне, необузданной, жаждущей уйти от меня в какую-то другую жизнь.

Я был прав: запах, за которым я шел, ощущался намного сильнее между неясно выступавшими холмами. На мгновение сняв руку с плеча Айны, я вынул кубок и повернул его так, чтобы Рогатый Охотник смотрел по направлению тропы.

Я так привык получать ответы на вопросы, ставившие меня в тупик, что ничуть не удивился, когда увидел, что глаза Охотника загорелись. Слабые лучи указали направление — это был обширный мемориал давно исчезнувшим лордам, быть может, целым армиям, бившимся здесь когда-то и похороненным в земле, которую они защищали.

Я услышал, как вздохнула Айна, которая, однако, не стала возражать против того, что я свернул с гладкой дороги и вывел ее на неровную, избитую тропу. К таким тропам я, впрочем, был больше приучен.

Над нами мелькнула тень. Я притянул ее к себе и посмотрел на небо. Это был крылатый монстр — ворк. С таким я когда-то боролся, и знал, что убить его нельзя. Он пронесся над нами, не обратив внимания на землю. Я не смог его разглядеть во всех подробностях, но зловещая тень его указывала на то, что это не простая птица. Летел он прямо, но над курганом вдруг резко свернул и, быстро хлопая крыльями, полетел в северном направлении. Должно быть, попал на препятствие, невидимое для нас. Увидев это, я приободрился, хотя и не был уверен в том, что не ошибся в своих предположениях. Когда он отлетел подальше, я повел Айну с удвоенной скоростью, хотя она и жаловалась, что камни ранят ей ноги и что нам не стоит торопиться.

Было очевидно, что петляющую между могильниками тропу проложили уже после возведения курганов. Некоторые курганы были увенчаны большими каменными плитами, из-под которых струилось слабое голубоватое свечение, которое, впрочем, не слишком помогало разглядеть дорогу.

Я знал, что вскоре мы найдем убежище. Очень хотелось пить и есть. Я не знал, как чувствует себя Айна, но она стала спотыкаться, и мне пришлось напрягать силы, чтобы донести ее.

Мы наконец подошли к подножию самого высокого кургана. На нем тоже лежала темная каменная плита. С четырех углов плиты шло голубое сияние, словно там

стояли погребальные свечи. Посмотрев наверх, я не обнаружил другого места, где было бы безопаснее.

С этого места можно было хорошо рассмотреть землю. Тот, кто лежал здесь, умер уже давно, но от него все еще веяло надежностью. Он внушал чувство защищенности. В свое время люди смело могли на него положиться.

Айна возражала против моего предложения устроить здесь привал. Она говорила, что беспокойные души мертвых не терпят посягательства на место их последнего упокоения. Но кубок качнулся в моей руке, когда она попыталась вырваться, и два пучка света не только повернулись по направлению к кургану, но и стали ярче. Тогда она смирилась, запахнула свою накидку и, не сказав больше ни слова, стала карабкаться наверх.

Вершина кургана была выровнена в форме квадрата. В середине его лежала каменная плита наподобие низкого алтаря. Когда я подошел, курганные свечи нагнулись, как пламя на ветру, и обратились к кубку.

Айна воскликнула, упала на колени и спрятала лицо в ладонях, спутанные волосы окутали ее, как вторая накидка. Я стоял и прислушивался. Я услышал звуки в ночи. То был звон меча, ударявшегося о меч, бряцание лезвия, столкнувшегося со щитом, крики, очень отдаленные и слабые, то радостные, то отчаянные. Затем раздался звук горна, горна Охотника, не того рожка, каким наш обычный лорд подает сигнал к бою. Я чувствовал, как меня охватывает волнение. Усталость, голод, жажда — все было позабыто. В одной руке я держал кубок, в другой — меч, сам не зная, почему. Ведь я не готовился встретить врага. Нет, врагов здесь давно уже не было, осталось лишь ощущение победы, чистое и постоянное, как огни, горевшие на вершине. Я скорее салютовал мечом в честь лорда-победителя, после чего коснулся губами рукоятки.

Чему или кому я воздал почести, я и сам не знал. Только знал, что это было вполне уместно. Вокруг меня голубоватый свет описывал круги, а кубок ярко сиял.

Затем все кончилось. Возможно, все унес ветер, вместе с запахом вина из кубка Рогатого Лорда. Я ощутил чувство потери и жгучее желание разыскать тех, чьи крики я только что слышал, того, кто трубил в горн. Мне казалось, что меня все бросили.

Я медленно зачехлил свой меч. Голубой свет погребальных свечей ослабел, виден был лишь слабый след. Айна подняла голову и уставилась на меня. Глаза ее расширились, на лице был написан страх.

— Кто ты? — спросила она.

Я ответил ей правду.

— Я Элрон, безродный, хотя... — и замолчал. Горечь изгнанника за время путешествия улетучилась. Я смотрел на того Элрона, и он казался мне очень молодым и пустоголовым. Хотя с тех пор я узнал не намного больше, все же теперь я понимал собственное невежество, а это уже был шаг вперед.

Айна отвела волосы от лица, и когда я уселся рядом, подала мне мою бутылку с водой и немного еды, остававшейся в сумке. Сама она ела жадно, не обращая внимания на то, что еда была затхлой, а вода несвежей. Мы ели, а Луна и погребальные свечи дарили нам тусклый свет. Каждый думал о своем. Мои мысли опять обратились к Гафии и Груу.

После еды я опять взял кубок и, установив его на уровень груди, посмотрел внутрь, как в окно, или как в зеркало. Я сосредоточился на мыслях о девушке, которая была со мной в Черной Башне. Я старался мысленно представить ее, как делал это с водой и огнем в том, другом мире.

Очень трудно было представить ее лицо. Какой-то миг она была здесь, а потом изображение потускнело, и она пропала. Я бросил это занятие. Со мной была Айна. Гафия выбрала свой путь добровольно. Я не имел на нее никаких прав, так же, как и она на меня. «Нет! Это не так! — это кричала другая половина моей души. — Ты не успокоишься, пока не узнаешь, что она снова в этом мире. Не успокоишься, да, и в этом вся правда».

XVII

— Элрон!

Голос Айны звучал как-то странно. Она стояла на коленях и смотрела вниз, на курганы, с их едва заметным погребальным светом.

Луна спустилась, и свет ее стал мутным. Айна указывала на запад. Через мгновение и я их увидел. Между курганами мелькали тени. Заметить их можно было, когда они перебежками двигались от одной тени к другой. Я напрягся: их, пожалуй, было не меньше, чем в войске лорда. И они нас явно окружали.

Разглядеть их было почти невозможно. Поэтому я не мог сказать с уверенностью, кто они такие. Это могла быть и стая больших хищных животных, и люди, а может, и другие опасные существа, которых напустила на нас Тьма.

— Вижу, — ответил я шепотом. Хотя ближайшая тень была далеко от нашего кургана, я не хотел привлекать их внимание. Могло статься, что они обладают куда более острым слухом, чем мы можем представить.

Девушка пододвинулась ко мне ближе. Плечо ее упиралось в мое бедро. Она же стояла на коленях возле большого камня. В этом тусклом свете она казалась старше. Лицо ее было бледным и усталым. За последние часы она утратила свой невинный девичий облик.

— Ну что, видишь теперь... — глаза ее злорадно блеснули. — Они пришли за мной. Я ... — руки ее легли на живот, защищая, укрывая то, что, как она заявила, она в себе носила. — Я вынашиваю будущего лорда, и они знают это! Беги, безродный, спасайся, пока не поздно! Даже моя защита не сможет спасти тебя от их мести!

По всему видно, она верила, что настал час триумфа для сил, с которыми она так безрассудно себя связала. У меня и в мыслях не было бежать. К тому же я не был уверен в том, что в ночи крадутся миньоны Тьмы.

Кубок двинулся в моих руках. Готов поклясться: я держал его крепко и случайно двинуть не мог. Он отклонился назад, и внутренность его была не видна. Кубок опять был повернут лицом вверх. Глаза — смотрели! Они неотрывно смотрели мне в глаза, хотя я считал опасным отвлекаться от тех, кто пробирался сейчас между курганами.

Я сознавал, что за последнее время сильно изменился. Я больше не был зеленым, невежественным юнцом, опозорившим себя и изгнанным из клана. Нет, я уже становился...

Нет! Я пытался отрицать это вслух, хотел укрыться от взгляда этих глаз. Ведь это всего лишь металл. Просто их так искусно сделали, что они казались живыми. Глаза металлические, они не могут читать чужие мысли.

В меня вливалась сила. Но не только она, а что-то еще — чья-то личность, желающая, оттеснив меня, занять там место. Но я ведь не тот сосуд, в котором она нуждалась. Я выставил барьер. То, что оставалось во мне от Элрона, сопротивлялось, готовое скорее умереть, нежели уступить незнакомцу.

Воля, старавшаяся войти в меня, обнаружила, что не может осуществить этого в полной мере, но сделала все, что могла. Я ощутил, что во мне есть непонятная мне сила, желающая, чтобы я служил ее целям. А может, наоборот, она хотела служить мне? Этой мысли я не поверил. Скорее всего, это коварная вторая атака, предпринятая захватчиком.

Айна одним быстрым, гибким движением поднялась на ноги и отошла от меня. Прежде чем я успел шевельнуться, она воздела руки и повернувшись лицом к крадущимся теням, закричала:

— Эй, рожденные Луной, носители света, я здесь!

Я засунул за пояс ставший опасным кубок и двинулся за ней. В этот раз я не щадил ее. Я грубо схватил ее чуть пониже горла и подтащил к себе. Она же стала похожа на существо из клана Груу. Она кусалась, рычала, старалась вцепиться в меня ногтями. Это дикое побоище

закончилось, однако, моей победой. Накидка ее свалилась во время драки и попала нам под ноги. Я споткнулся о камень и упал назад, увлекая ее за собой. Тело ее было мокрым от пота. Я, однако, не выпускал ее, и она не могла выбраться из моих жестких объятий. Мне казалось, что я удерживаю сумасшедшую, ибо моя пленница была уже не Айна, которую я когда-то знал.

Подул ветер и нагнал тучи, так что свет шел только от погребальных свечей. Айна дважды пыталась звать на помощь, и оба раза я успевал схватить ее за горло.

Я, должно быть, довел ее до почти бесчувственного состояния, потому что под конец она совсем обмякла. Тогда я чуть ослабил хватку, чтобы проверить, не пытается ли она провести меня. Она не двигалась, и я встал на ноги, поднимая ее за собой. От ее разгоряченного тела исходил странный, опьяняющий аромат, словно кожа ее была умащена маслом. Она тяжело дышала, ловила ртом воздух.

В этот момент, кроме тяжких вздохов, я услышал кое-что еще. Вдалеке послышалось пение горна. Я слышал его, когда нас с Гафией пытались погубить темные силы. Тогда я впервые прибег к помощи кубка. Горн звучал чисто и красиво.

Тучи обрушили на нас холодный дождь. Я резким движением поставил Айну на ноги, наклонился и набросил на нее одной рукой покрывало.

— Прикройся! — хрипло скомандовал я. Мягкая и ароматная плоть в моих руках пробудила во мне соблазн, который, как оружие, пытались обратить против меня в Черной башне. Стоит мне утолить здесь свой мужской голод, и враги тотчас одержат победу.

Звук горна раздавался все ближе. Я попытался измерить расстояние, отделявшее нас от призрачного войска. Все, что можно было отсюда увидеть, — это голубые огни курганов, да и те не все сейчас горели. Сила, что влилась в меня в те минуты, когда я смотрел на кубок, оставила попытки стать мной, однако несколько меня просветила. Собравшиеся внизу не осмелятся забраться на Хар Рестс. На счастье или на горе, я сделал выбор, когда кубок ока-

зался в моих руках. У силы, с которой я безотчетно связал себя, были свои табу. Мы находились на земле, которая сама себя защищала.

Айна опять стала всхлипывать, больше от злости, чем по какой-либо другой причине. Она обернулась покрывалом и, отвернувшись от меня, скорчилась возле камня. Напряженно, с ожиданием она вглядывалась в темноту. Горн прозвучал в третий раз, звук опять шел издалека. Дождь яростно молотил нас.

Дочь Гарна погрузилась в угрюмое молчание. Я не мог разглядеть, что происходит в темноте между курганами, но почувствовал, что угроза уже частично отступила. Возможно, и она это поняла. Несмотря на тучи и дождь, небо становилось светлее. Наступало утро. Свечи становились все бледнее и наконец погасли. Я заметил на камне возле нашего привала глубоко вырезанные надписи — руны. Это были не те руны, которыми пользовались мы. С восточной стороны надгробной плиты — должно быть, чуть выше сердца того, кто был здесь похоронен — было вырезано очертание кубка. По форме он был похож на подарок Гунноры, с одним лишь исключением, что на нем не было головы. Однако повыше кубка было выполнено еще одно изображение — рога — это была корона какого-то древнего лорда.

— Дартиф Двойной Меч...

Я поднял руку ладонью вверх, словно приветствовал того, за кем отправился в сражение, хотя мы почти не знали друг друга.

— Ты называешь имя,— закутанная в накидку Айна взглянула на меня мрачно и язвительно.

— Я называю имя. Я приветствую великого лорда,— ответил я, зная, что и имя, и приветствие пришли от того, кто вошел в меня.— Это был Фарсфел,— я посмотрел на множество курганов.— Когда темные Силы, преследуя Архона, пришли сюда с севера и зазвучал военный горн, здесь произошла последняя битва. Они убили... они погибли... их мир кончился. Это сражение не принесло победы, лишь воспоминания о лучших временах...

Родившиеся у меня слова я сам не понял, пока не произнес их. Я склонил голову в глубокой печали, какой никогда еще не испытывал. Грусть, подобная той, какую пробуждает в нас искусный бард, когда поет о великих подвигах и великих поражениях, свершавшихся в прошлом, отчего кажется, что в иные времена люди были и сильнее, и лучше тех, кто живет сейчас. Он рассказывает нам о героях, на которых мы должны равняться, ставит перед нами цели, к которым нужно стремиться.

Ибо люди должны иметь таких героев, пусть они и видят возле себя людей несовершенных и жалких. Ведь если они поверят, что на земле когда-то было величие, многим захочется, чтобы все повторилось. Вот почему мы слушаем бардов, и некоторые из нас тайно проливают слезы, а некоторые гневаются оттого, что жизнь сейчас не та, что прежде. Но память о прошлом вливает силу в наши руки, держащие мечи, готовит к сражению в случае опасности. Вот в чем заключается талант барда. Он связывает нас с прошлым, дает надежду. Я бардом не был, но глядя на изображение Рогатого Венца, сознавал, что я неизмеримо ниже того, кто лежал тут. Однако я не был совершенно подавлен им, ведь я был другим человеком, и в меня были посеяны семена того маленького таланта, который принадлежал только мне.

Утро мрачно нависло над нами тяжелыми облаками, но мы видели Фарсфел. Возле курганов никого не было. То, что пробиралось к нам под покровом ночи, исчезло. Я подал Айне руку и помог ей подняться.

Куда теперь нам надо было идти, я и сам не знал. Горн звучал на западе, и чутье подсказывало мне двигаться в том направлении, хотя следовало бы вернуть Айну на восток, в долины.

— Куда ты идешь? — требовательно спросила она, отказываясь идти.

— На запад...

Она посмотрела за мое плечо, оглядывая землю вокруг Фарсфела. В основном это было открытое пространство, хотя встречались и рощи.

— Ты бросил перед дорогой камешки на счастье? — спросила она.

— Я не слышал, чтобы имя мое выкрикнули в утренней битве, — напомнил я ей о другой народной примете. — Так что не думаю, что умру сегодня. А пока человек жив, все возможно.

— То, что ты удерживаешь меня, ни к чему хорошему не приведет. Меня ведь ждут, меня и моего ребенка. Отпусти меня. Я больше Гарну не дочь. Я стану матерью самому великому человеку на свете.

Я лишь пожал плечами. Было ясно, что колдунья обманула ее, внушив какую-то иллюзию. Может статься, она и в самом деле уже не девственница. Я знал только, что судьбы наши на какое-то время переплелись, и я обязан защитить ее от темных сил, что непременно и сделаю.

Когда мы спустились с места упокоения Дартифа, я обнаружил глубокие следы вдоль всей тропы, по которой мы поднялись на курган. Это были и следы копыт, и огромных лап, и следы, похожие на человечьи, у которых, однако, имелись длинные когти, некоторые следы были оставлены обутой ногой. Все они были очень глубокими и, казалось, служили предупреждением или угрозой, оскорбительной в своей неприкрытости.

Мы дошли до ручья, где остановились, наполнили бутылку водой и немного поели. Запасы мои подходили к концу. В этот день непременно надо было поохотиться, иначе нас замучит голод.

Фарсфел раскинулся между двумя горными хребтами. Я подумал, что прежде чем попасть в Черную Башню, я переходил через восточный хребет. На запад меня звала лишь интуиция.

Ливень кончился, и теперь лишь слегка моросило. Одежда прилипала к телу, зато не лупило по непокрытой голове. Хотя попадавшиеся нам рощи гостеприимно предлагали укрыться под развесистыми кронами, я предпочитал оставаться на открытом пространстве. Горький опыт приучил меня не доверять таким рощам.

Когда я пристроил к плечу бутылку с водой и поднялся на ноги, Айна не проявила особого жслания пускаться в путь. Мокрые волосы длинными плстями спускались по ее плечам и спине. Она была похожа на привидение из старой сказки. Я и был бы рад предложить ей что-нибудь из одежды, но из травы да кустарника платье не сошьешь.

— Какая глупость! — она с размаху сдвинула крепко сжатые кулаки.— Отпусти меня! Ты ничего этим не добьешься. Я только возненавижу тебя еще сильнее...

— Я тебя больше не держу. — ответил я устало. Я так устал с ней бороться, что с радостью повернулся бы и ушел, однако сделать этого не имел права.

— Ты меня держишь морально! — возвысила она голос.

Она медленно поднялась и пошла, с трудом переставляя ноги. На белом лице ее застыла гримаса человека, которого тащат против воли.

Не успели мы отойти от ручья, как согнутые плечи ее выпрямились, голова приподнялась и обратилась на север. Я буквально почувствовал, как в нее вливается энергия. Сбросив на землю накидку, будто одежда для нее ничего не значит, Айна бросилась бежать, стройные ноги ее мелькали, как у лошади, перешедшей в галоп.

Я остановился лишь для того, чтобы подхватить накидку, и помчался вслед. Не знаю, какова была ее цель, только она придала ей энергию, превышающую мою. К тому же на мне были кольчуга и тяжелый меч. Однако из виду я ее не упускал и потихоньку сокращал расстояние между нами. К счастью, она бежала по открытой местности, а не углублялась в рощи, иначе я наверняка потерял бы ее. Похоже, она совсем обо мне позабыла. Возможно, она попала в очередную ловушку, которая и увлекла ее.

Дорога пошла вверх. Айна бежала легко, перепрыгивая препятствия, добежала до вершины скалы и двинулась дальше. Когда я тоже достиг вершины, то остановился, так как увидел, что ожидало нас чуть ниже.

Это была та самая карга в черной одежде, которая произносила заклятия в Святилище Луны. Она была не одна. Слева от нее стояло пернатое чудище, на этот раз женского пола. Она была намного выше ведьмы. Лениво взмахивая крыльями, она стояла, упираясь когтистыми лапами в землю. Справа от ведьмы стояла еще одна фигура. При виде ее я сбавил скорость.

Это был получеловек-полузверь, причем смешано в нем было самое худшее от обоих. Нижняя часть туловища покрыта густой шерстью. Ноги с копытами, как у быка. Огромный детородный орган его тоже как у быка. Похоже, он пользовался им в некоторых случаях как оружием.

В верхней части туловища шерсти было поменьше, на груди, плечах и верхней части рук она была погуще. Сами руки чрезвычайно длинны, огромные ладони болтались где-то внизу. Но больше всего меня удивили его голова, и в особенности лицо.

Я заметил сходство, ужасное и страшное сходство с лицом на моем кубке. В то время как лицо на кубке дышало благородством, лицо полузверя выражало подлость. Как будто одно существо разрубили надвое: все хорошее поместили в одну сторону, а все плохое — в другую. Этот человек-животное являлся полной противоположностью Рогатого Лорда. Короны на его густой кудрявой шевелюре не было.

Он откинул голову назад и не то заревел, как животное, не то торжествующе захохотал. Колдунья подняла руки и задвигала пальцами, как ткачиха челноком. Крылатая женщина осклабилась, продемонстрировав желтые клыки.

Айна, не заметив никакой угрозы, радостно бежала навстречу к этой троице, но вдруг запнулась о камень, лежавший в траве. Я был далеко и дотянуться до нее не мог. Воспользовавшись случаем, я кинул в ее сторону сырое покрывало, свернутое в клубок.

Покрывало развернулось в воздухе, и я увидел, что задуманное удалось лучше, чем я ожидал. Покрывало шлепнулось ей на голову и обмоталось вокруг. Она сделала лишь один шаг, а затем, ослепленная и испуганная,

упала, растянувшись на земле. До ожидавшей ее троицы было еще довольно далеко. Я подбежал к ней, пока она боролось с покрывалом.

Смех получеловека замер. Колдунья завопила, и каждое слово ее будто разрывало небо над нашими головами. Насколько я понял, она призывала какие-то силы.

Полузверь стоял улыбаясь. Огромные кулаки покоились на волосатых бедрах. Весь вид его говорил об уверенности быка, победителя во многих сражениях. В глазах горел красный огонь. Казалось, мир он видит другим способом, а огненные отверстия нужны ему для каких-то других целей.

Крылатая женщина раскачивалась взад и вперед, приподнимаясь так, что до земли доставали лишь пальцы, крылья ее двигались все с большей амплитудой. Чувствуя, что она готова спланировать прямо на меня, я выхватил меч.

Увидев обнаженный клинок, получеловек расхохотался. Левой рукой я обхватил Айну и держал ее так крепко, как мог. Если она пойдет к ним, если попадет в руки к ведьме, то неминуемо погибнет. Даже если я призову Силу, ей ничто уже не поможет. Все, что есть в ней хорошего, чистого и человечного, погибнет, а тому, что останется, лучше умереть. Смерть для нее сейчас будет лучшим подарком, какой я могу ей дать. Лучше уж полоснуть сейчас мечом ей по горлу...

— Ну давай, дурачок, делай это!

Я увидел, как полыхнуло пламя в глазницах получеловека: «Отдай нам ее в крови. Такая она нам еще больше по душе!»

Значит, их власть может простираться и за порогом чистой и скоропостижной смерти. Меня это неприятно поразило. Я продолжал смотреть на него против воли. Он был так похож на Рогатого Охотника, и в то же время темен и порочен. Такая смесь свойственна человеческой натуре — смесь хорошего и плохого. Возможно, то, что было во мне хорошего, было удалено накануне изображением на кубке. Во мне взыграли низкие чувства.

— Ты сейчас правильно мыслишь, дурак. Ты мой, стоит мне только этого пожелать, — он сделал жест.

Во мне вспыхнул огонь. На меня хлынула такая же волна похоти, какую мне довелось испытать в Черной Башне. Сдернуть покрывало и взять эту девушку!.. Я так сжал рукоять меча, что руку пронзила сильная боль. Это меня спасло. Мне удалось отвести взгляд от получеловека.

Тут меня что-то потянуло. Карга с помощью колдовства свила сеть и окутала ею нас обоих. В результате, если бы мне повезло, я просто бы погиб, Айну бы ждала худшая участь.

Затем та сила, которая влилась в меня среди курганов, двинулась. Я мог либо принять ее, либо отвергнуть. Я должен был сделать выбор, и в случае согласия, принять ее целиком. Но я человек. И как человек я пошел своим путем. Я не мог позволить никакой силе — хорошей или плохой — сделать меня ее орудием. Разве я не защищал в себе все то, чем я был?

Время, мне нужно было время! Но времени не оставалось. Я поднял голову и посмотрел в затянутое облаками небо. Казалось, мы стояли в темнице замка. Даже земля вокруг нас стала серой, будто и она отрицала зеленую поросль, означавшую для меня жизнь.

Я облизал губы. Еще одно мгновение... еще миг... я держался за того Элрона, которого знал, Элрона, которым я был. Затем я воскликнул:

— Эй, Курнаус!

Мне почудилось, будто меня схватила и перекрутила могучая рука. Кровь моя потекла в другом направлении. Поменялись местами кости. Меня подхватило и бросало из стороны в сторону, словно я попал в эпицентр чудовищной бури. Все же я не упал. Голову пронзила острая боль. Я почему-то подумал о месте с множеством дверей, долгое время запертых или припертых изнутри или снаружи. Все то, что было спрятано за этими дверями, вдруг освободилось и выскочило наружу.

Чем был я? Не знаю. Я видел и слышал вещи, для которых ни один человек из моего окружения не знал

определений. Боль, охватившая меня, пошла на убыль. Сколько времени это продолжалось? Моей измученной душе показалось, что прошли дни, многие дни.

Я обнаружил, что стою на том же месте. Айна, скорчившись рядом, смотрит на меня изумленными глазами. Из ее безвольно открытого рта течет струйка слюны. Троица стоит напротив. Однако крылатая женщина больше не улыбается, а получеловек не смеется. Напротив, он оскалил клыки, и огонь полыхает не только из глаз, а от всего его тела. Кажется, вот-вот трава под ним загорится, однако она не загорается.

В это время та, кого Айна называла Рэйдхан, стоит с поднятыми руками, но пальцы ее прекратили челночное движение, безвольно опустились, словно вся сила ушла из них. Что эти трое увидели во мне, не знаю. Только сердце мое согрелось. Я думал, что, защищаясь, я все потеряю. Наоборот, оказалось, все вернулось ко мне. Теперь мне нужно торопиться. Еще будет время разобраться, что я приобрел.

Я еще раз взглянул в нахмуренное небо и позвал:

— Эй, Курнаус! — те таланты, которые влились в меня, отозвались в моем голосе, прокатившемся по земле.

В ответ мне раздалась песня горна. В этой песне звучала радость победы, словно враг был не только обнаружен, но и приперт к стене. Я чувствовал себя мечом охотника.

Затем...

Он пришел из ниоткуда. Нет, не из ниоткуда, а из другого измерения, в котором со временем окажусь и я. Он был высок, как Гарн, но кольчуга его была соткана из движущегося света, который окрашивал его тело в зеленый, коричневый, голубой цвет. Я оказался прав: хотя голова на кубке была лишь слабым изображением того, чем был лорд в Рогатом Венце, все же черты его не слишком отличались от черт получеловека. Это были Свет и Тьма. И я вдруг вспомнил то, что однажды сказала Гафия: «Как наверху, так и внизу. Каждая Сила должна иметь светлую и темную стороны. Они сбалансированы. Когда же

баланс нарушается, и одна сторона становится больше, тогда судьба берет все в свои руки. Колебание сил может стоить крови, но со временем баланс опять установится».

Троица не уступала. Напротив, они начали увеличиваться в размере, уплотняться, желая даже сейчас, перед Рогатым Охотником, обрести утерянное равновесие.

Воздух снова заколебался.

Третье пришествие. Еще одно крылатое существо. От ее блеска слепли глаза. Я не мог смотреть на нее прямо. Воздух вздымал ее крылья. От нее исходил чистый запах маленьких весенних цветов наряду с запахом пожелтевшей листвы.

Один взгляд на нее вызвал во мне непреодолимое желание. Она встала перед каргой в своем янтарно-золотом наряде, как гордая повелительница. И все же в сморщенной Рэйдхан я заметил остатки той же соблазнительности, которой она, должно быть, когда-то обладала.

— Как наверху, так и внизу, — повторил я тихо. Возле меня послышалось движение. Айна поднялась, она вытянула вперед руку, словно искала опору. Я взял ее пальцы в свои. Они были холодные. И она дрожала, как человек, внезапно застигнутый выпавшим снегом.

XVIII

Они стояли друг против друга — Свет и Тьма. Хотя мы с Айной были лишь сторонними наблюдателями, я по наитию понял, что это далеко не первое их единоборство. С незапамятных времен на этой земле удерживалось неустойчивое равновесие, при котором судьба благоволила то Свету, то Тьме. Я знал, что мои соплеменники, придя сюда, снова могут нарушить это равновесие, и начнется война, о какой они и не помышляли.

Гуннора... Я всегда буду предан ей: ведь душа моя пробудилась к жизни частично благодаря ей. Частично... другая ее часть отдана была Курнаусу, Лорду в Рогатом Венце. Я поклялся служить ему по собственной воле и

об этом выборе не пожалел. В нем слились качества, которыми я восхищался в открывшем Врата барде Аусе и братьях-меченосцах. В этот момент я задумался: действительно ли путешествие на север было нашим выбором, или же нас призвали в этот мир с тем, чтобы равновесие бессмертных весов было восстановлено.

В чем проявлялись таланты конфликтующих сторон? Действительно ли они нуждались в других людях, не имевших с ними общих корней, не обладавших знаниями? Выбрали ли они специально время и место для балансировки? Земля эта была заброшена. Людей старой расы осталось слишком мало. И что же, теперь они боролись друг с другом за обладание нами, пришедшими сюда людьми?

Пока мысли эти бродили в моей голове, противники заговорили. Я обхватил рукой Айну: она почти упала на меня. Ослабевшие ноги ее не держали. Должно быть, обитавшие здесь темные силы, высосали из нее жизненные соки. Костлявые руки Рэйдхан висели вдоль туловища, спрятавшись в черных рукавах одеяния. Крылатая женщина гримасничала и плевалась. Слюна ее отлетала к ногам сияющей фигуры, стоявшей напротив нее. Сияние это ослепляло простого смертного.

— И опять настал час...

Услышал я эти слова или воспринял их на уровне мышления? Курнаус сделал шаг вперед и обратился к получеловеку.

— Ты меня вызвал, Кунтиф, и я здесь. Врата твои откроются не скоро!

Противник его прорычал в ответ:

— Но ты, носитель рогов, не слишком ли много их открыл? Теперь ты и других втягиваешь в свою игру. А ведь это запрещено! — он указал на меня. — Оттого, что кровь стала жидкой, герои поумирали, ты призываешь всякую мелочь и стараешься создать новых вассалов. А это — нарушение клятвы...

— Нарушение клятвы? Уж не хочешь ли ты сам его использовать? А может, твоя напарница? Кто с помо-

щью кубка пытался его совратить? Мы в Авроне не допустим рождения ребенка-дьявола! — это вмешалась Гуннора, обратившаяся потом к ведьме: — А твоя, Рэйдхан, ловушка захлопнулась. Жертва выскочила из сети, которую ты для нее сплела. Она до сих пор девственница, несмотря на все твои заклинания. И сосудом для зла она никогда не станет.

Сияющая женщина-птица издала веселые трели, от которых сделалось радостно на сердце. Та же, что была на нее пародией, сгорбила плечи и заскребла концами крыльев в высокой траве.

— Да, Врата открылись, — спокойно промолвил лорд в Рогатом Венце. — Когда настает время для перегруппировки сил, мы призываем тех, кто этого пожелает. Они могут стать новым началом. Мы долго были одни на заброшенной земле. Не всей землей можно воспользоваться, но всегда есть плодородная почва, ждущая доброго семени. Им нужно предоставить выбор, и этот выбор должен быть добровольным. Это право всех живущих на земле.

— Эта девушка выбрала! — Рэйдхан указала костлявым пальцем на Айну.

Я прижал дочь Гарна к себе покрепче. Она не пойдет к этой страшной троице!

— Этот выбор был не свободный, неосознанный, — возразила Гуннора. — Ты думаешь, мне неизвестно, как ты заманила ее в ловушку? Сама по себе искра в ней не загорится. Без чужого вмешательства она выбор не сделает. Посмотри. Разве это не так? — она слегка повернулась к нам обоим и протянула руку.

Во мне вспыхнуло тотчас такое сильное желание, что я даже покачнулся. Айна же вскрикнула, как от сильного удара, обмякла и уткнулась лицом в мое плечо. Она, должно быть, отворачивалась от зрелища, на которое не в силах была смотреть.

— Ты собиралась использовать ее без ее на то согласия! — в глазах Гунноры заметна была жалость. — Ты собиралась совершить тайное спаривание с твоими злыми силами!

Она опять посмотрела на каргу.

— Нас трое, и этого не изменить. Но мы — ты, я и Диана — связаны клятвой: хранить веру, иначе наступит расплата.

— Однажды, — снова заговорил Курнаус, — произошла битва между Светом и Тьмой, и мы потерпели поражение, несмотря на великие подвиги. По всей земле прошли мор и разрушения. Мы почти погибли. Но свобода выбора должна оставаться.

— Я занимаю свое место, у меня власть, ты не можешь отрицать меня! — прорычал получеловек.

— Да я и не отрицаю! Свобода выбора. Те, кого ты привлечешь в честной борьбе, будут твоими вассалами. Только те из них, кто откликнется на твой зов. Эти двое уже сделали выбор...

— Она еще не сделала! Ты сама это сказала! — завопила Рэйдхан, обращаясь к Гунноре.

— По-своему она сделала. Она не из тех, к кому мы всегда можем обращаться. Такие, как она, не открывают для нас свой разум. Колдовство запрещено. Те же, кто приходит к нам, хотят этого больше самой жизни. Позови ее к себе без всяких твоих заклинаний! — приказала Гуннора.

В глазах ведьмы запылало бешенство. Руки ее вздернулись, рукава упали, но ритуальных жестов не последовало. Видимо, ей пришлось признать справедливость слов Янтарной Богини.

— Видишь? — голос Гунноры странно зазвенел. В нем я почувствовал оттенок жалости. Неужели она сочувствовала этой кривой, испитой старухе? — Что сделано, того не переделать. Ну!

Во всем облике ее была сила, теплый золотой свет окружал ее фигуру. Частица этого света выскочила, как точно направленная стрела. Карга, споткнувшись, сделала шаг назад. Рот на ее злобном лице скривился, словно она хотела в ответ плюнуть ядом. Затем плечи ее опустились. На глазах она постарела еще на много лет, хотя за минуту до того мне трудно было это представить. Руки ее дер-

нулись. Я видел, как она тщетно старается побороть другую Силу.

Она произнесла четыре слова. Они прокатились, как раскаты грома. Земля и небо содрогнулись, будто два мира столкнулись друг с другом. Затем мы снова оказались в едином времени и месте.

В руках у меня никого не было! Айна исчезла. Я закричал, и Гуннора быстро взглянула на меня.

— Не бойся за нее, она вернулась домой и забудет обо всем, что с ней случилось. И ребенка-дьявола она не родит, а все потому, что ты выстоял. Радуйся!

— Ты не победил! — зарычал получеловек. В голосе его послышалось обещание крови и ужасной смерти. — Это еще не конец...

Курнаус покачал своей коронованной головой.

— Никто из нас не победит. Ты будешь вечно стараться навязать свою волю, но тебе все время будет кто-то противостоять, и равновесие сохранится.

— Не навсегда! — получеловек яростно взмахнул рукой.

Он пропал!

Колдунья, ядовито усмехнувшись, продемонстрировала несколько желтых зубов.

— Не навсегда! — повторила она в свою очередь. Черные рукава обмотались вокруг ее тела, как от сильного порыва ветра, хотя я этого ветра не ощущал, да и трава, на которой она стояла, не шелохнулась. Обернувшись в черноту, она взметнулась, как сухой лист, и унеслась в ничто.

За ней и крылатая женщина, издав хриплый крик, оторвалась от земли и взмыла высоко в воздух. Как ракета, она промчалась по небу, за ней полетела и сияющая женщина-птица.

Двое других внимательно посмотрели на меня. Так как во мне оставалось еще немало от раннего, юного, зеленого Элрона, то я спросил:

— Значит, Тьма будет продолжать свое черное дело? Как же в таком случае сложится судьба людей?

— Света на земле без Тьмы не бывает. Ведь если не будет темноты, как же можно будет тогда судить о свете? Кто тогда его пожелает? — ответил Курнаус вопросом на вопрос. — Как мы уже говорили, земля эта почти пустая. На этой земле среди тех, кто пришел вместе с тобой, родятся люди, открытые для нас, Света и для Тьмы. Выбор будет за ними. Другие же будут пребывать в незнании. Это будет другой вид людей — не искатели...

Я вспомнил о силе, обитавшей в Черной Башне, и подумал, что добро легко обратится в свою противоположность, если его обманут и введут в соблазн, без вмешательства тех, кто сможет помочь.

— Не без вмешательства...

Я уже понял, что нам не требуется слов. Это тот лорд, которого я выбрал, и с этого часа и до конца я буду ему верен. Все же могут настать минуты беспокойства, когда мне покажется, что добро могло бы вмешаться, но почему-то не сделало этого.

— Сила... она должна быть уравновешена, — продолжил Курнаус. — Разве тебе не понятно, что кто бы ни забрал слишком много власти — будь то Свет или Тьма — тот перевешивает чашу весов, а от этого на земле возникает хаос? Этот урок мы усвоили давно, хотя смириться с ним было трудно. Земля эта когда-то была великой и могучей, но потом равновесие было нарушено. Пройдет очень много времени, пока все здесь будет восстановлено. Тем, кто будет занят этим строительством, много раз покажется, что труд этот им не по силам. Но они будут стараться, ибо в твоих людях заложено доброе зерно. Они достигнут цели, невзирая на все сомнения.

В какой-то степени я сознавал справедливость его рассуждений. Но нетерпение тем не менее оставалось.

— Миледи Айна в самом деле в безопасности?

— Она проснется в том самом месте, из которого ее забрали, — сказала Гуннора. Она в чем-то изменилась. То необычайное впечатление, которое она производила на меня, потускнело. Я смотрел на нее и чувствовал себя при этом довольным и счастливым, но безумное влече-

ние больше не мучило меня. Я заметил, что она улыбнулась.

— Не сейчас... ты еще ощутишь голод, но в нужное время и с той, кто разделит его.

— А что же Гафия и Груу?

Лицо Курнауса было серьезно. Он смотрел на меня, как бы прикидывая, можно ли его вассала отпускать в битву, можно ли на него положиться, готов ли он к бою.

— Кубок — твой. Все остальное зависит только от тебя. Свободный выбор для вас обоих. Что ты выберешь — испытание с неизвестным для тебя результатом? Или ты решишь не делать ничего, а там — будь что будет?

Я не понял, что он имеет в виду. Но я высказал самое сильное свое желание.

— Гафия, Груу... они могут нуждаться во мне. Я пойду к ним.

— Очень хорошо, ты сделал выбор. Иди же, и пусть сердце подскажет тебе, что делать!

Меня не унес прочь вихрь, и крыльев за спиной тоже не выросло. Вместо этого наступила полная темнота, и мне почудилось, будто я снова в Черной башне. Затем пришел свет — лунный свет.

Передо мной предстало Святилище Луны. Не то, что в долине, и не то, где Рэйдхан совершала колдовские заклинания. На меня лился чистый яркий свет. Должно быть, это была другая чаша бессмертных весов, в противоположность той, где Айну ожидала духовная смерть.

Та, что я искал, стояла перед алтарным камнем. Тело ее отливало серебром, потому что она сбросила одежду и, купаясь в лунном свете, вбирала в себя живую энергию. В воздухе над алтарем возвышался столб яркого света, скрывавшего фигуру, которую едва можно было разглядеть.

Воздев руки и закрыв глаза, Гафия молилась перед алтарем. В лице ее было благоговение. Пальцы мои схватились за пряжки и застежки. Сначала я снял с себя все военные атрибуты, а затем и все остальное. Меня одевал лишь лунный свет, в руках был кубок. В мозгу мелькнуло воспоминание, и я взял с собой лист лесной волшебницы.

Подойдя к святилищу, я почувствовал, что яркий свет передо мной сгустился. Я ощутил протест, сопротивление, как физическое, так и духовное. Из светлого облака между двумя колоннами вышла серебристая фигура Груу. Губы его сморщились в беззвучном предупреждении.

Глаза его, блеск которых не уступал драгоценным камням, обратились на кубок, а потом заглянули в мои. Я обнаружил, что во мне пробудилась способность к передаче мыслей. Я разговаривал с ним, убеждая кота — который был больше, чем кот — в том, что отныне и навсегда он займет подобающее место в моей жизни.

«Это мое право и ее выбор».

Груу посторонился и я вошел в Святилище Луны.

Такая энергия! Она ударяла по мне. Я чувствовал ее холодное прикосновение к коже. Тело покалывало, как иголками. Мне хотелось броситься вперед, но я шел медленно, шаг за шагом. Кубок я держал рядом с сердцем, в другой руке зажал теплый лист.

Гафия медленно повернулась, словно ей был подан предупреждающий знак, нарушивший безмятежное волшебство царившей здесь атмосферы. Глаза ее расширились. Жестом она отстранила меня.

Но я знал, что надо делать. Ведь я уже сделал выбор. Теперь очередь была за ней. Я положил лист в кубок. Он лежал там всего лишь несколько мгновений, а потом растаял. В кубке что-то закружилось, поднялось и наполнило чашу до краев. Щедрая природа отпраздновала и благословила этот час.

Как рыцарь во время торжественной церемонии перед прекрасной дамой, так я опустился перед Гафией на одно колено. Мне показалось, что на мою голову что-то легонько надавило. Вероятно, свет, хотя я готов был принять венец, который я, правда, не заказывал.

Гафия указала на меня пальцем.

— Уйди! — она произнесла это властно, но в то же время заметен был оттенок страха. Давление на меня усилилось. Если она не уступит, меня изгонят отсюда, и мы оба утратим цельность.

— Диана! — когда я не подчинился, Гафия опять повернулась к алтарю, к светлой колонне, висящей над ним.

Я видел, но неясно... Не думаю, чтобы какой-то мужчина увидел ее, но в светлом столбе угадывалась тень стройной девушки. Смутно различимое лицо имело неуловимое сходство с лицом Гафии — скрытное, гордое, преданное данным ею клятвам, отрицающее полноту жизни.

— Диана! — снова воскликнула Гафия.

Лицо стало холоднее, с оттенком враждебности. Приобретенные знания подсказали мне, что Диана способна убить мужчину, соблазнившего девушку или тем более совершившего над ней насилие.

Я позвал на помощь, но мне не ответили. В этой борьбе я должен победить сам.

— Диана! — в голосе Гафии послышался вопрос.

Из кубка спиралью поднялось облачко цвета золотого платья Гунноры. Потом оно стало янтарным, и пьянящий аромат заполнил пространство между нами.

— Диана... — Гафия уже не звала, она бормотала. Слегка отвернувшись от серебристой фигуры, она взглянула на меня. Я заговорил, и это были слова ритуала, такого древнего, что, люди из нашего клана, пожалуй, его и не вспомнят.

— Поле ждет зерна, сила женщины открывает поле для зерна. Вот пришел тот, кому дано право пробуждать, за пробуждением последует жатва — пища для тела, ума и духа.

Гафия нерешительно шагнула ко мне — один шаг, другой... Лицо ее выражало борьбу. Я ждал, сжимая в руке кубок. Выбор... выбор был за ней. Я не буду настаивать. Она сама должна прийти ко мне, по своей воле.

Долгое мгновение она стояла так близко, что я мог протянуть руку и дотронуться до ее мягкой плоти. Только этого делать было нельзя. Да, энергия переходила от мужчины к девушке, от только что состоявшейся женщины — назад, к мужчине. Когда это произойдет, целое будет больше, чем составляющие его части. Все же выбор должна была сделать Гафия.

— Диана... — чуть слышный шепот. Вокруг нас пульсировал серебристый свет — то горячий, то холодный, как та борьба, что шла в душе Гафии.

Она заглянула в мои глаза. Ничего не произошло. Не знаю, что она хотела увидеть, или могла ли она и в самом деле найти то, что искала. Руки ее, висевшие вдоль туловища, медленно поднялись, и... отшвырнет ли она кубок? Или сделает другой выбор?

Пальцы ее над моими обхватили чашу. Затем она вынула ее из моих рук. Когда она взяла ее, я склонился еще ниже и коснулся ее белых ступней. Старинные слова сами слетели с языка:

— Те, кто ищут, найдут, и богатым будет это сокровище. В девушке скрывается королева, и во имя Госпожи я приветствую ее, и я приветствую тебя.

Я поднял руки и положил их на ее стройные бедра.

— Девушка ждет жатвы. Во имя Госпожи я приветствую тебя.

Поднявшись на ноги, я прикоснулся к ее маленькой твердой груди.

— В девушке скрывается другой, кто приходит, когда настанет время. Во имя Госпожи я приветствую тебя.

Гафия держала кубок между нашими губами. В глазах ее было удивленное ожидание.

Я отпил из кубка, а потом выпила она. Чаша была пуста, и она отбросила ее в сторону. Кубок не упал на площадку, он пронесся по воздуху и встал на алтарь. Серебряный столб, сгущаясь, менял цвет и стал ярко-золотым. Я обнял Гафию, и наш поцелуй — как и обещала Гуннора — решил мою судьбу и сломал последний барьер.

Золотой свет, тепло... мы забыли обо всем. Остались жрица и Госпожа, мужчина и лорд в Рогатом Венце. От их союза придет сила и много свершений. Я держал в своих объятиях ту, которая никогда уже не пойдет вслед за Дианой, и ощутил тяжесть на своей голове — корону. Я был вассалом теперь, с этой минуты я стал лордом.

Без роду, без племени... и коронован!

ЧЕТЫРЕ ПОВЕСТИ
О КОЛДОВСКОМ МИРЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Потихоньку Колдовской мир подрастает. Точные границы его не определены и на карте не зафиксированы. Подробной истории тоже не существует. Иными словами, мир этот открыт всем, желающим совершать открытия. Карта все же имеется, но она не дает ясного представления ни о севере и юге, ни о Западном континенте, путь к которому преграждает Пустыня.

Колдовской мир открыт не только для исторических и географических исследований. Представляют интерес его разнообразные обитатели. В этом мире есть много странных народов, затерянных в горах, живущих на неоткрытых еще островах, на болотах, пользующихся дурной славой.

Опереться можно лишь на один постоянный факт: Врата. Разумеется, адепты, открывшие их из любопытства, а может, из желания развлечься, и не подозревали (пока на обратном пути не обнаружили, что проглотили огромный кусок истории), что Врата работают в двух направлениях. Адепты входили в них, как на прогулку, или бежали, спасаясь от мира, где натворили много бед. Возможно, в эти Врата через пространственно-временные отрезки входили несчастные, увлекаемые силой той или другой по-

тайной двери, беженцы, верившие в то, что мир, лежащий за Вратами, даст им пусть небольшую перемену к лучшему. Через Врата, вероятно, шли и дилетанты в магии, которых непреодолимо влекли Эсткарп, Верхний Холлек, Арвон и Эскор: они хотели встретить там нечто странное, а заодно испытать собственные силу и мужество.

Колдовской мир можно сравнить с ковром, который до сих пор находится в работе. Узор ковра чрезвычайно сложен. И меняется, когда за работу садится то один, то другой ткач, когда за челнок берется еще одна рука, а ткацкий станок продолжает свое деловитое щелк-щелк. Возможно, оттого что работа эта никогда не кончается, она и привлекает тех, кто видит новые перспективы, кто подбирает то одну, то другую нить и садится за работу. Прибавляет кусочек там, краешек — здесь...

Думаю, у меня впереди еще есть открытия. Не сказала бы, что мир, созданный мною, сам по себе является Вратами. В одном его краю скачет сокольничий по какому-то, неизвестному мне пока, делу, в море корабль сулкаров борется с волнами, отправившись в поисках нового порта, не нанесенного еще на карту. А в порту этом госпожа из Долин твердой рукой осуществляет правление, и при этом найденный фрагмент чего-то старинного в один миг меняет всю ее жизнь.

Поэтому созданный мной мир так и остается открытым пространством, о котором можно рассказать множество историй. Я попросила нескольких писательниц заполнить ряд белых мест, создать образы людей, творящих как зло, так и добро, прояснить некоторые моменты истории или осветить уголки непознанного и таинственного.

Мне необычайно повезло. Те, к кому я обратилась, с готовностью вызвались расцветить мой мир новыми красками. Я благодарна вратам, которые они открыли. Колдовской мир расширился. Столько камешков, содержащих магию людей (а они к тому времени создали собственные таинственные миры), было брошено в пруд, что он уже превратился в море. От камешков этих разош-

лись круги, и море дошло до берегов, о существовании которых я и не подозревала. Теперь я верю — пусть Сила, которой обладаю, и невелика — в то, что могу привлечь новых адептов для открывания Врат. Пространство и время не являются преградой для тех, кто ищет ключи. То, что они нашли их и вошли с их помощью в Колдовской мир, наполняет меня гордостью и радостью.

Надеюсь, что вход в Эсткарп и Эскор, Верхний Холлек и Арвон никогда не будет закрыт, Врата не будут забыты, и Колдовской мир обогатят новые хроникеры.

Итак, предлагаю следующие повести для старых и новых друзей Колдовского мира.

Андрэ Нортон.

Элизабет Бойе

Мертворожденное наследие

I

Мэл ужом ввернул худенькое тело в узкую щель между холодной сырой стеной и выцветшим ковром. В эту половину замка, где жили три незамужние тетушки, он раньше не захаживал, но сейчас здесь происходило нечто необычное и волнующее. Расковыряв пошире дыру в ковре, прогрызенную мышами, затаив дыхание, он смотрел во все глаза. Стоны не прекращались уже несколько часов. Все мужчины удалились вниз, в большой зал, а сурово нахмурившиеся женщины Малмгарта управлялись с кризисом, знакомым женскому роду. Служанки без устали бегали от буфетной к спальне и приносили то, чего требовала от них акушерка.

Увидев Изу со свежими пирожками, которые испекла утром старая повариха, и с чайником, испускавшим горячий аромат, Мэл нахмурился. Пирожки она понесла акушерке и даже не оглянулась и не предложила хотя бы один Мэлу. Иза была самой доброй и самой пухленькой из всех служанок. Она принадлежала Мэлу, ему одному. В хлопотах по случаю преждевременных родов леди Айрины все совершенно забыли о том, что Мэлу пора ужинать и спать. В отместку он вытащил еще несколько ниток из старого ковра и злобно посмотрел вслед Изе.

Она вошла в комнату и тут же вышла. Взглянув на нее, Мэл понял, что она и думать о нем забыла.

Теперь, с появлением незнакомца, о нем забудет и дядя, лорд Руфус. Мэл подслушал, как об этом говорили леди Фэйрона и леди Эльга, сестры госпожи Айрины. Мэлу мало было известно о причине, по которой его забрали из дома на юге Бэркхолма. Знал лишь, что мать его умерла от той самой болезни, из-за которой мучилась сейчас госпожа Айрина. Поэтому его отправили в Малмгарт, а дядя, лорд Руфус, стал его опекуном.

У самого лорда Руфуса и госпожи Вирид детей не было, следовательно, по линии Руфуса наследника Малмгарта уже не будет. Ребенок Айрины, старшей сестры Руфуса, имел предпочтение перед маленьким Мэлом, племянником Руфуса. Госпожа Айрина не сочла нужным узаконить свой союз браком, и она имела на это право. Случись у лорда Руфуса незаконный ребенок, он не имел бы права на наследство. Ребенок же Айрины, мальчик или девочка, выживший и здоровый, должен был стать наследником Малмгарта.

Мэл был еще слишком мал, чтобы беспокоиться об унаследовании Малмгарта, с его зелеными пастбищами и прекрасными лесами, загораживавшими его от северных ветров. В летнюю пору Малмгарт охлаждали бризы, дувшие с расположенного неподалеку моря. На лугах Малмгарта пасся породистый крупный и мелкий скот, а кроме того, отличные скаковые лошади.

Потребовалось несколько поколений для выведения малмгартской породы лошади. Она соединила в себе ум и силу легендарных торгинских с красотой и резвостью серебристо-серых в яблоках уэрских скакунов. В результате получилась совершенно черная лошадь, масть которой позднее приобрела серебристый оттенок в области брюха и ляжек, хотя прославленные призовые лошади цвет так и не поменяли. Гордая посадка великолепных голов на тонких изогнутых шеях, летящие по ветру шелковистые хвосты. В больших блестящих глазах и раздувавшихся ноздрях торгинско-уэрской лошади угадывалась

чертовщинка, но уж если малмгартская кобыла признавала всадника, он никогда не смог бы пожелать более верной и послушной подруги, покрывавшей большие расстояния между замками. В сражении, которое теперь случалось редко, малмгартская лошадь защищала своего хозяина зубами и копытами.

До сих пор сохранились воспоминания о временах, когда Гончие Ализона напали на Долины и оставили крепости и фермы в полном запустении, пока туда не явились великие люди, такие, как лорд Тристан. Они вырвали страну из беззакония и навели порядок. Среди этих людей был и отец лорда Руфуса. Они с отцом привезли пару уэрских лошадей в разоренный замок Малмгарта. Люди поглядывали на лорда Тирела с удивлением, недоумевая, на какой ярмарке в военное время мог он сделать такое приобретение, но обрадовались тому, что он вернул мир на их землю. Они даже забыли о том, что он не урожденный лорд, и простили ему тягости военного времени.

Мэл обожал своего толстого серого пони по имени Болдхир да лакомые кусочки, которые кухарка подсовывала ему в первую очередь. Впрочем, более дюжины служанок тоже ни в чем ему не отказывали. Но больше всего ему нравились вечера возле камина в большом зале. Он сидел подле своего дяди Руфуса и забрасывал его вопросами, когда тот бывал в благодушном настроении, либо с восхищением смотрел на него, когда лорд Руфус был в гневе и широкими шагами ходил взад и вперед, громко отчитывая нерадивого пастуха или мальчика-землепашца.

В Руфусе было все, что привело бы в восхищение любого мальчика — он был шумный, красивый, щедрый на подарки. Он него пахло лошадьми, кожей, полынью. Руфус часто сажал Мэла впереди себя на быструю малмгартскую лошадь, и они с бешеной скоростью неслись по лугам и холмам, а Мэл радостно визжал. Ветер, казалось, вырывал изо рта слова, а из глаз — слезы.

Ничем этим Мэл не желал делиться с беспокойным незнакомцем, который в эти минуты появлялся на свет в

комнате напротив. Он уже замерз, а руки и ноги его задеревенели от долгого и неподвижного стояния, но в то же время ему было приятно, оттого что он делает нечто запретное. Женщины приходили и уходили, и ни одна из них не заподозрила, что он здесь, шпионит за тем, чего мужчинам видеть не следовало.

Вдруг вопли резко оборвались, но шум в комнате не прекратился. Из комнаты торопливо выбежала служанка. В коридоре она встретила Изу.

— Ребенок родился мертвым, — быстро проговорила служанка. — Пошли человека в аббатство за госпожой Авериль. То, что нельзя вернуть к жизни, нужно, по крайней мере, благословить. Кто знает, какое зло может поселиться на место духа.

— Бедный малютка, — пробормотала Иза, повернувшись и торопливо ступая рядом с первой служанкой. — Слишком поторопился вступить в этот жестокий мир.

— К тому же это девочка, что еще печальнее, — ответила женщина.

Не успели они скрыться из виду, как из тени в другом конце коридора, там, где ступени спускались к тяжелой двери, открывавшейся во двор, выскользнула темная фигура в капюшоне. Мэл стоял тихо, сдерживая дыхание, так как он увидел, что появившаяся фигура ведет себя так же осторожно, как и он сам.

Он догадался, что эта женщина, но не из тех, кто прислуживал в доме. Заметно было, что она из простых, тех, что работали в поле, а таким в доме было не место. Мэл весь раздулся от высокородного возмущения и уже готов был покинуть свое укрытие и покарать преступницу, как вдруг взгляд его упал на узелок в руке женщины. Это был кусок старого ковра, сложенный в виде сумки, и по одному только запаху он понял, что это такое. Это был резкий запах пряных трав, и принадлежал он Мердис, знахарке. Мэл боялся теперь даже моргнуть: вдруг ее кошачьи уши услышат звук, и он точно знал: если он пошевелится, змеиные глаза Мердис обязательно его заметят.

Мердис подозрительно огляделась, словно она чувствовала его присутствие. Он страшно ее боялся с того самого первого зимнего дня, когда она впервые появилась в Малмгарте. Руфус и его люди сожгли соломенные колеса, чтобы отпугнуть злых духов, но Мердис почему-то не испугалась. Она была бездомная, оборванная попрошайка и просила милостыню у порога кухни, но никакой униженности в ней не ощущалось. Она поводила вокруг своими темными глазами, подмечая каждую деталь, и вдруг спросила, не нужна ли лорду Руфусу в кладовой женщина, разбирающаяся в травах. По странному совпадению, старая женщина, которая занималась такой работой в доме лорда Руфуса, недавно умерла, и все в доме — хозяева, слуги и живность — нуждались в настоях и порошках, помогающих при ранениях и болезнях. Слуги шептались между собой о том, что у Мердис нехороший глаз, что она разговаривала с мертвыми в развалинах на другом берегу ручья, что она могла внушить человеку какие-то мысли или, наоборот, заставить его забыть о чем-то, но все были одного мнения: Мердис решительно отличалась от других людей.

Мэл думал, что Мердис, скорее всего, жарит детей, и в первую очередь, непослушных маленьких мальчиков. Когда он подглядывал за ней в кладовой, то обратил внимание, что она, приготавливая лекарства, разговаривала сама с собой, а может, она обращалась к невидимым духам. Один раз он застал ее сидящей очень прямо, с застывшим взглядом, словно в трансе. Обычно она сердито на него набрасывалась, когда обнаруживала, что он за ней шпионит, и выгоняла прочь, грозя кулаком. Мэлу она казалась невероятно старой и сморщенной, хотя седина в ее волосах едва пробивалась, и ходила она быстро, а угловатая высокая фигура сохраняла чрезвычайно прямую осанку. Проницательные темные глаза ее горели орлиным блеском.

В этот момент Мердис повернулась и подозрительно посмотрела на ковер. Мэл решил, что жизнь его кончилась. Она похлопала по ковру, пригляделась к узкому пространству, отделявшему ковер от стены. Спрятаться

здесь взрослому мужчине или женщине было немыслимо. Пожав плечами, Мердис сердито взглянула на ковер еще раз и, покопавшись в сумке, извлекла из нее маленький хрустальный флакон. Затем на секунду поднесла его к свету горевшего фонаря. Внутри флакона, как облачко, крутилось что-то живое. К прозрачной поверхности на миг прижалось крошечное личико, обрамленное двумя похожими на цветы ручками, затем видение отлетело прочь, мелькнули лишь светлые волосы. Казалось, маленькое существо искало выход, поднималось наверх и маленькими ручонками старалось приподнять деревянную пробку и опять без устали скользило и крутилось внутри бутылки.

Такой замечательной игрушки Мэлу видеть еще не приходилось. Он страстно хотел завладеть маленькой леди в стеклянном флаконе. Чистое, прозрачное стекло уже само по себе было чудом. И все же Мэл в своем укрытии не двинул ни одним мускулом, лишь глаза его расширились от зависти.

Мердис быстро сунула флакон в складки своей одежды и повернулась к спешащей к ней фигуре.

— Что тебе нужно здесь, Мердис? — спросила Иза. В тоне ее голоса не было ничего обидного. — За тобой не посылали.

— Ребенок, — сказала Мердис. — У меня есть средства для оживления мертворожденных. Я хочу взглянуть на ребенка, прежде чем все оставят надежду на спасение.

Мердис открытым взглядом смотрела на Изу, которая готова была ей отказать. Голова Изы уже отрицательно качнулась, но потом вдруг девушка замерла, и глаза ее, не мигая, уставились на знахарку.

— Очень хорошо, — ответила Иза, и рука ее легла на дверную защелку. Когда она открыла дверь, Мэл увидел комнату, в которой несколько женщин суетились возле госпожи Айрины. Она лежала бледная и что-то невнятно бормотала. Акушерка держала завернутое в белую пеленку крошечное синеватое существо. Все они возмущенно и с недоумением посмотрели на Мердис. Тут заговорила Иза:

— Пришла Мудрая женщина со средством для оживления ребенка, — она произносила эти слова, будто по подсказке.

Акушерка силилась поднять свое грузное тело из кресла, а другие женщины негодующе обернулись, но тут Мердис подняла руку, и все они разом остановились.

— Хорошо, — удовлетворенно сказала Мердис. — Вот так-то оно намного лучше.

Войдя в комнату, она взяла у акушерки ребенка. Одной рукой она вынула флакон из кармана и зубами ослабила пробку. Удерживая бутылку под крошечным носиком младенца, она вытащила пробку, и жидкое облачко внутри бутылки моментально исчезло. Почти в то же мгновение младенец сделал вдох и закашлял, забрызгал слюной, раздался громкий недовольный вопль.

Мердис вернула младенца акушерке и быстро вышла в коридор. На все это ушло несколько минут. Иза вспомнила, что забыла затворить дверь за Мердис, и Мэл услышал, как она закричала: «Ребенок жив!»

Госпожа Айрина устало сказала: «Ее зовут Эйслин».

Мэл опять оказался рядом с Мердис. Она остановилась возле его укрытия и подозрительно осмотрела ковер. Как только Мердис разглядела дыру, которую проделал в ковре Мэл, она бросилась вперед, как кошка. Мэл удирал от нее, пробегая за ковром, она неслась за ним, запаздывая на какую-то долю секунды. Он не мог кричать о помощи — и не только потому, что горло его парализовало от страха — а потому что он был незваным гостем госпожи Айрины. Спасать его было некому, и он на полной скорости вылетел из-за ковра.

За выступающим контрфорсом он угодил в темный коридор и скатился по узким ступеням короткого лестничного марша. Там, внизу, будут и свет, и голоса, поэтому он перестал испуганно всхлипывать и, крадучись, прижимаясь к стене, стал спускаться по лестнице — так быстро, как только мог, ощупывая коротенькими ногами каждую ступеньку. Каждую минуту он ждал, что его схватит клешнеобразная рука. А что, если Мердис умеет ме-

нять обличье и превратится в волка или огромную крысу, или даже в паука?

Лестница привела его к узкой двери, которую Мэл и открыл, задыхаясь от ужаса. Очутившись в комнате, похожей на каморку, он моментально сообразил, что она примыкает к кухне, где царствуют замечательные добрые богини. Из буфетной он попал в ароматное убежище, где горел яркий огонь и жарилось мясо. Кухонные богини столпились вокруг него, а кухарка усадила его на свои гостеприимные колени и утешила сладким пирогом, а потом приложила холодный нож к раздувавшейся на лбу шишке.

— Он, должно быть, был в пыльной женской половине, — заметила кухарка, снимая паутину из его волос. — Не иначе как подглядывал за родами. Правильно я говорю, маленький лордик?

— Если бы они узнали, они бы ему задали, — нервно хихикнув, сказала одна из женщин.

— Теперь это неважно, — сказала кухарка. — Мы им ничего не скажем, и они об этом никогда не узнают. Жаль, что бедное дитя так ни разу и не вздохнуло. И госпожа Айрина продешевила. Столько мучилась, чтобы родить этого ребенка. Выходит, в конце концов нашим лордом станет маленький Мэл. По мне, оно и лучше, чем Айринино отродье.

Мэл посмотрел на них и, сидя на коленях кухарки, важно выпрямился. Он знал, что ему есть, что сказать им.

— Ребенок не умер, — сказал он торжественно. — Пришла Мердис, и маленькая леди в бутылке вошла ребенку в нос.

— Мердис? — переспросила кухарка, и все женщины встревожено посмотрели друг на друга при упоминании этого имени. — Что за странная история. Может, мальчик просто перепугался. Послушай, Мэл, старая Мердис никогда не ходит в дом. Все двери заперты, а сюда ее никто не впустит. Тебе незачем ее бояться.

Мэл опять свернулся клубочком на полных коленях кухарки и вонзил зубы в другой пирожок. Крошки при

этом упали на ее жирный передник. Ему захотелось спать. Он постучал пятками по коленям кухарки, стараясь таким образом не дать себе заснуть, но через несколько минут он уже спал, сжимая в грязной руке надкушенный пирожок.

II

Мэл видел Эйслин нечасто, когда нянька носила ее, плачущую, взад и вперед по двору, и потом, когда она, став побольше, пошатываясь, ковыляла по грубым плитам большого зала, а нянька неотступно следовала за ней, готовая подхватить ее, чтобы она не упала и не расшиблась. Но нянька не всегда оказывалась столь бдительной, и Мэл в глубине души был доволен, когда Эйслин падала, или же когда она, приласкав большую грязную гончую, пачкала красивое платьице. Мэла постоянно мучил тайный страх, что Руфус теперь, когда появилась Эйслин, выгонит его из дома. Он слышал, как об этом говорили служанки.

По общим отзывам, Эйслин была хорошеньким ребенком, и все женщины ворковали над ней, как только им выдавалась такая возможность. У Мэла это вызывало припадки ревности. Она доставляла много хлопот, а став побольше, чрезвычайно привязалась к Мэлу и повсюду увязывалась за ним. Он же не знал, как от нее избавиться. Ни дождь, ни грязь не являлись для нее преградой. Она ковыляла за ним, не обращая внимания на подол своего вышитого платья и тонкие, расшитые бисером туфельки. Он садился на пони и уезжал от нее. Она же неизменно ждала его возвращения, и когда он оглядывался на нее, то у него появлялось неясное чувство вины.

Когда ей исполнилось шесть, а ему десять, госпожа Айрина бросила тщетные попытки перевоспитать Эйслин. Если Эйслин отправлялась утром в дорогом, украшенном бисером платье из тонкого красивого материала, то она снимала это тяжелое одеяние где-нибудь на лужайке или в хлеву и оставалась в нижнем платьице, не

мешавшем ей бегать, взбираться на стены и ездить верхом. Тесную обувь постигла та же участь. Ее либо было не отыскать, либо она дарила ее другому ребенку. К тому же прелестные шлепанцы после шумных игр за день превращались в обноски. К вечеру она сама выглядела, как лесная нимфа, в коротком платьице, опоясанная виноградной лозой. Ее распущенные светлые волосы, украшенные цветами, спутанной гривой спадали на плечи.

Мэл не знал, в какой день он попал под ее влияние. Возможно, это случилось в тот день, когда он разрешил ей сесть сзади него на лошадь — старого Болдхира уже давно сменила спокойная высокая кобыла. Они носились так, что ветер свистел в ушах, и смеялись, когда кобыла перескакивала через ручьи, а ветер уносил вдаль их крики. А может, это случилось в тот день, когда Мэл подкрался к ней в лесу, желая отпугнуть ее и навсегда от нее отвязаться. Он увидел, что она лежит на траве, окруженная мышами-полевками, и другие маленькие пушные зверьки спешили к ней из своих нор, откликаясь на ее зов. Голос ее звучал странно и тихо, а слова, что она произносила, были абсолютно непонятны Мэлу. Когда она заметила, что он подглядывает, то рассмеялась и произнесла одно короткое слово, отчего все зверьки тотчас же скрылись. Потом она опять что-то сказала, и на ее вытянутый палец уселась бабочка, а потом еще одна, пока ее рука не была полностью покрыта бабочками, а целое облачко других кружило над ее головой.

Мэл, покинув свое укрытие, приблизился, чтобы получше рассмотреть яркокрылые создания.

— Как ты это делаешь? — подозрительно спросил он.

Эйслин улыбнулась и взмахнула рукой. Бабочки разлетелись.

— Я называю их по именам, и они прилетают ко мне. Мэл, покажи мне место, где Тэвис видел большого кота. А может, ты боишься, что кот еще там?

Мэл, разумеется, не боялся, и они провели целый день в развалинах, пока наконец не увидели промелькнувшего большого серебристого кота, удалявшегося в темное

место между поваленными каменными глыбами. Эйлин обратилась к нему со странной монотонной речью, и кот откликнулся так же монотонно и вышел опять на солнце, помаргивая с ленивым любопытством. Он поворачивал голову из стороны в сторону, стараясь отыскать источник звука.

— Стой! — быстро прошептал Мэл. Волосы его встали дыбом от ужаса, когда кот, медленно переступая мягкими огромными лапами, двинулся к ним.

— В чем дело? Ты что же, боишься? — в изумлении спросила Эйслин. В ее глазах мелькнула веселая чертовщинка.

— Да! — выпалил Мэл. Снежный барс уже увидел их. Кончик его длинного языка заинтересованно высунулся, а узкие золотые глаза уставились на Мэла.

— Хорошо, я отошлю его, если ты пообещаешь мне, что будешь всегда брать меня с собой,— заявила Эйслин.— Если же не согласишься, я расскажу всем, как ты испугался, когда увидел снежного барса.

— Ну что ж, расскажи, и все будут только смеяться.

— Ладно, не буду. Ты сам можешь рассказать им, что потрогал снежного кота.

Она взяла руку Мэла в свою и повела его за собой. Большой кот пошел к ним, низко свесив огромную голову. Мэл посмотрел на него, и вдруг весь страх, который внушили ему с детства, пропал. Он видел перед собой необыкновенно сильное животное, царя среди животных. Он улегся возле ног Эйслин и смотрел на нее с ленивым добродушием. Мэл почувствовал любопытство животного, когда она дотронулась до его широкой пушистой головы, почувствовал его желание покориться девочке. По настоянию Эйслин Мэл тоже дотронулся до головы снежного кота, при этом он крепко держался за руку Эйслин. На короткое мгновение он испытал досаду оттого, что люди Долины были разлучены со столь могучей и старинной, как сама земля, силой. Ведь когда-то все люди и животные были связаны друг с другом единым знанием. Теперь же Мэл и его сородичи были этого знания лишены.

Эйслин сказала еще одно слово снежному коту. Он поднялся на ноги и, не торопясь, пошел прочь, приостановившись, чтобы взглянуть на огороженные дворы и хлев, а затем скрылся в гроте.

— Теперь ты можешь сказать пастухам, что гладил снежного кота, — сказала Эйслин.

Мэл покачал головой.

— Они все равно не поверят. Да и тебе лучше никому не рассказывать, а то они подумают, что ты просто хвастаешься. Откуда ты узнала, как его зовут?

Эйслин встала на колени среди цветов и, разговаривая с ними, сорвала несколько штук.

— У всего есть свое имя, — сказала она с некоторым раздражением. — Ведь это же просто. Ты смотришь на них и просто знаешь. Даже у людей есть имена, но они хранят их в тайне.

— Меня зовут Мэл, и я не делаю из этого никакой тайны.

— Это не единственное твое имя. Но ты никому не должен говорить другое имя. Ты должен это знать! А животные и растения не прячут от меня свои имена. — она посмотрела на Мэла. Ее личико с узким подбородком стало вдруг серьезным. — А они говорят тебе свои имена, Мэл?

— Нет, конечно же нет, — ответил он презрительно. — Это девчачье дело — знать имена.

Ему уже не казалось странным, что Эйслин разговаривала с растениями, вызывала ягоды из их укрытий, так что ветки свешивались прямо перед ней, а фрукты и орехи сыпались с деревьев, когда она была голодна. Называя имя, Эйслин даже усмиряла боль от порезов и царапин, а раны затягивались и больше не кровоточили.

Будучи детьми, они смотрели на все это, как на самое обычное дело. Так же воспринимали они и ту часть мира, которая называлась Малмгартом, с его огромным красным солнцем, поднимавшимся на рассвете, с росой, каждое утро появлявшейся неведомо откуда на траве и цветах, с новорожденными блестящими телятами и жеребятами,

чудесным образом оказывавшимися возле своих матерей, юными созданиями вроде них самих.

Эйслин любила до рассвета бегать босиком по траве. Госпожа Айрина и слуги давно оставили надежду удержать ее на женской половине замка и обучать полезным вещам, вроде шитья и вышивания. К сплетням у нее интереса тоже не было. Если Мэл не выходил из дома, Эйслин посылала птичку, которая щебетала возле его окна, или гончую: та прыгала к нему на кровать, лизала лицо и переступала по нему огромными лапами.

Затем они пробирались в кухню, где повара принимались за работу, и они давали Мэлу пирога или хлеба. Потом заходили на ферму, где им наливали парного молока. Следующий визит они наносили в конюшню, где, лежа на сене и наблюдая за тем, как запрягают тягловых лошадей, они съедали свой завтрак. Они уезжали в повозке на целый день то в одном, то в другом направлении, воображая себя при этом разбойниками, вознамерившимися ограбить Малмгарт или разведчиками, впервые обследующими Долины.

Руфус относился к этому с одобрением, а госпожа Айрина была недовольна.

— Этот мальчишка не получает никакого образования, — частенько говорила она за ужином в большом зале. Мэл и Эйслин давно должны были спать, однако они не упускали возможности пошпионить за совершенно не подозревавшими о том взрослыми.

— Этот мальчишка, — продолжала госпожа Айрина, — носится, как бешеный, и учит Эйслин разным гадостям. Она ходит босиком, ездит на лошади, задрав юбку выше колен. Постоянно среди слуг и животных и ведет себя так, будто она ничуть не лучше других. А мальчишка — настоящий дикарь, он не подходящая компания для юной леди, наследницы замка!

Руфус улыбнулся.

— Тебе следует купить ей одежду для верховой езды. А мальчик узнает о земле больше, нежели его водил бы за собой егерь. Надо дать ему больше свободы, и он, обу-

чаясь самостоятельно, станет со временем настоящим ленд-лордом. Леди Эйслин не пожалеет об этом, когда станет здесь хозяйкой. Ей нужен такой лорд, который знает в Малмгарте каждый камень и каждую тропинку.

— Лордом здесь станет ее муж, а не твой подопечный, — ядовито заметила госпожа Айрина. — Хотя, думаю, — заметила она, неуклюже стараясь загладить свои слова, — раз уж он приходится сыном нашему брату, то он может оставаться здесь столько, сколько пожелает.

— Малмгартом не может управлять посторонний, — сказал Руфус. — Лендлорд должен вкладывать в землю душу, иначе она не принесет урожай. А это врожденный талант.

— Чепуха, — возразила госпожа Айрина. — Ты говоришь о земле, словно она живая.

— Но это так оно и есть, дорогая сестра, — убежденно ответил Руфус.

Разговор о будущем муже Эйслин только позабавил детей. Они-то знали, что сделают с незваным пришельцем. Эйслин позовет виноградную лозу, и она свяжет его по рукам и ногам, вызовет тучи, и они промочат его до нитки, кликнет волков, и они прогонят его прочь. В мыслях они неразрывно связывали этого незваного незнакомца (по имени Хрок из далекого Бретфорда) с профессиональным сватом, Члодвигом, тоненьким маленьким пожилым человеком. Члодвиг колебался, как сухой лист, под порывами юмора большого и шумного Руфуса. На помолвке он едва поклевал еду, положенную на тарелку. Эту пищу он должен был разделить с невестой, Эйслин. Содрогнувшись, Эйслин придвинула мясо поближе к нему, — мясо она обычно не ела, — зато сделала большой глоток из стакана, из которого он только пригубил. Он был похож на озабоченного старого петуха, которого обычно клевали другие петухи. Эйслин во время церемонии тихонько посмеивалась и переглядывалась с Мэлом, изнывавшим в неудобной новой одежде.

Об этой помолвке Мэл и Эйслин тут же забыли. Через восемь лет явится жених и заявит права на невесту

и ее землю, но для детей восемь лет — целая вечность. Над похожим на птицу Члодвиком и женихом посмеялись, и они как бы перестали существовать.

Никакие запугивания госпожи Айрины не могли заставить Эйслин и Мэла вести себя, как подобает приличным детям. Трудно сказать, что она знала о детях, их поведении и способах влияния на ребенка. Лучшей попыткой ее было внушить детям страх, однако, несмотря на успех, способ этот имел лишь кратковременное действие. Когда Эйслин на коротеньких ножках еще только начинала повсюду ходить за Мэлом, госпожа Айрина рассказала ей страшную историю о черной повозке. Мэл и сам часто слышал этот ужастик. Во время рассказа острые ногти госпожи Айрины вонзались ему в руку, она буравила его глазами, стараясь тем самым подчеркнуть весь ужас судьбы, которую предвидела для обоих, если только они не исправятся.

— Это большая черная повозка. Вся она покрыта надписями, которые оставили люди Древней Расы. У повозки два больших колеса. Когда они поворачиваются, раздается грохот, подобный грому. Тащит повозку огромный вол с содранной шкурой. Вообще-то, он уже давно умер, но ему приходится ходить из дома в дом, потому что на свете еще очень много нехороших маленьких детей, которые доводят до отчаяния своих мам. А погоняет этого вола вурдалак в длинном сером плаще. Он останавливается у дома и большущими вилами хватает детей и укладывает их в черную повозку. И сколько бы дети ни плакали и ни кричали, ничто не помогает. Он отвозит их в лес, а там их съедают волки и вороны, и другие злые звери, которым непослушные дети очень нравятся на вкус. Так что, маленькие негодники, не хотите ли и вы, чтобы за вами в Малмгарт приехала черная повозка?

От этой истории у Мэла каждый раз по телу бегали мурашки, даже и тогда, когда он подрос, и думал, что ему в такие сказки верить стыдно. Эйслин же всегда слушала, открыв рот. Сколько бы раз ни повторяла Айрина свой рассказ, внимание дочери не ослабевало.

Вдохновленная, Эйслин старалась выкинуть что-то новенькое, что-нибудь такое, что было строго-настрого ей запрещено. И чем это было страшнее, тем больше ей это нравилось.

— Пойдем, посмотрим на развалины Древних, — предложила она сразу после того, как ей была устроена суровая взбучка за потерю еще одного красивого платья (в этот раз его унесло течением реки). — На те развалины, где я показала тебе снежного кота.

— Туда запрещено ходить, — возразил Мэл. — Старая раса оставила там духа, который изгоняет людей.

— Нет, это хорошее место, — твердо сказала Эйслин. — А если ты не хочешь, я пойду туда одна.

Возразить на это Мэлу было нечего. Более тяжким преступлением, нежели сопровождение Эйслин в запретное место, было бы разрешение отправиться ей туда совсем одной. Выйдя из ворот крепости, они прошли по мосту, поднимавшемуся в случае нападения врагов. Возле опушки леса стояли хижины слуг и рабочих, которые в те мирные времена жили вне стен замка. Хибарка старой Мердис стояла в самом лесу. Деревья там были старые, с замшелыми стволами. Камни, из которых был сложен домик Мердис, казалось, соединялись друг с другом с помощью мха. Во всяком случае, строительного раствора в щелях видно не было. От ее дома к замку бежала извилистая тропинка. Она каждый день ходила по ней в кладовую, чтобы приготовить необходимые лекарства.

Мэл простонал. Подглядывание за Мердис считалось еще одним запретным занятием. К счастью, на этот раз дверь в домик была заперта, и дым из дыры в крыше не поднимался. На камне, что служил порогом, сидел, умывая мордочку, большой пестрый кот. Услышав их шаги, он с застывшей в воздухе лапой устало поднял голову и внимательно посмотрел на незваных гостей. Эйслин шагнула вперед и произнесла успокаивающие кошачьи слова, с которыми Мэл был знаком. Кот повернулся и исчез в зарослях кустарника.

— Он пошел рассказать о нас Мердис, — сказал Мэл. — Она всегда знает обо всем, что мы делаем. У нее ведь дурной глаз.

— Да ничего она не знает, — возразила Эйслин. — Она простая старушка. Я ее ничуть не боюсь.

— Неправда, боишься. Ты всегда стараешься пробежать мимо кладовой как можно быстрее.

— Уже не бегаю. Я хотела бы с ней поговорить. Ты ведь ее не боишься?

— Ее? Боюсь? Да я скорее боюсь старого Члодвика.

Но, несмотря на браваду, в душе у него сохранились неясные воспоминания, окрашенные страхом и непониманием, а Мердис и Эйслин были каким-то образом тесно связаны друг с другом. Мэл мало что помнил, за исключением разве ковра, да того, как Мердис охотилась за ним. И было чего бояться! Не зря же Эйслин всегда пробегала мимо кладовой.

Развалины они посещали нечасто. Это случалось, когда они отправлялись в длительную поездку верхом. Руины находились на вершине холма. Стены разрушились, и камни упали вниз, некоторые достигли подножия, другие лежали на склоне, и надо было преодолеть полосу препятствий, чтобы добраться до вершины. Осталось так мало, что представить себе, какими были стоявшие здесь когда-то здания, было невозможно. Им, правда, попадались богато украшенные дверные косяки и перемычки, колонны с тонкой резьбой. Все это было выполнено из голубоватого камня, выдержавшего природные катаклизмы настолько, что до сих пор можно было разглядеть загадочные символы.

Символы и знаки прежних жителей земли, называемой ныне Малмгартом, беспокоили Мэла. Они давали ему почувствовать, что они здесь пришельцы, может, еще и временные. Если уж строители таких монументальных зданий закончили здесь свое существование, то, может быть, и Малмгарт когда-нибудь опустеет.

Эйслин таких приступов малодушия не испытывала. Она с какой-то яростной целеустремленностью пробира-

лась среди развалин, словно разыскивала то, что лишь она одна могла узнать. Мэл карабкался за ней, стараясь не выпустить ее из виду. Он опасался, что она свалится в одну из многочисленных темных дыр, вызывавших у нее безрассудное любопытство. Он не забыл снежного барса, который два года назад устроил здесь себе логово.

Эйслин не довольствовалась обследованием легкодоступных мест. Она подозвала Мэла и вскарабкалась на вершину холма. Оттуда они посмотрели вниз. Здесь когда-то, вероятно, был двор при небольшом замке.

— Очень странно, что здесь построили замок,— заметил Мэл.— Слишком далеко и от лугов, и от пахотной земли.

— Это не замок,— возразила Эйслин, пристально глядя вниз.— Сюда люди приходили и уходили, набравшись сил. Постой, что там такое внизу?

Они обошли поваленные камни и посмотрели вниз с другой стороны. Там они увидели столбы, образующие круг. Некоторые столбы разрушились до основания, другие, скособочившись, пока еще стояли. Внутри круга находилась вымощенная разноцветными плитами площадка. Плиты эти составляли узор в виде большой пятиконечной звезды. Кто-то здесь поработал: убрал мелкие камни, а из камней побольше соорудил низкую стену, окружившую всю площадку вместе со столбами. Вдруг они увидели темную фигуру, пробиравшуюся среди валунов. Она приблизилась к звезде и положила к одной из ее вершин небольшую охапку валежника, потом целенаправленно двинулась к следующей вершине.

— Это же старая Мердис,— прошептала Эйслин, и они, сжавшись и затаив дыхание, стали наблюдать.

С первого же взгляда на это место Мэл осознал, что это нечто недоступное его пониманию, и сердце его сжал страх. Эйслин же, напротив, преисполнилась восторга. Ей казалась, что она видит нечто прекрасное и притягивающее.

Мердис передвигалась от одной вершины звезды к другой, а потом встала в центр и поставила туда серебряный сосуд. Из неопрятного узла она вынула оголенный

прут. К ужасу Мэла, Эйслин встала и начала спускаться вниз по склону.

— Нет, Эйслин! — у него перехватило дыхание. — Ведь это старая Мердис! Она, наверное, занимается здесь колдовством! Эту звезду сделали люди Древней Расы!..

Но Эйслин не слушала. Босые ноги ее, как бы инстинктивно, находили едва заметную тропинку, и Мэлу ничего больше не оставалось, как следовать за ней. Казалось, ей было все равно, идет он за ней или нет. Все внимание ее было сосредоточено на Мердис и на звезде. Мэл добрался до самого низа и спрятался за большим камнем, чтобы посмотреть, что Эйслин намерена делать. Мердис, конечно же, доложит обо всем госпоже Айрине, и тогда всю вину свалят на Мэла: ведь он обязан был беречь Эйслин.

Мердис, как всегда хмуро, подняла голову, оторвавшись от своего таинственного занятия. Эйслин бесстрашно подошла к ней и стояла, глядя на нее, словно парализованная собственным безрассудством.

— Что ты делаешь здесь, дитя, без опекуна? — строго спросила ее Мердис.

— Ты мой опекун, — ответила Эйслин.

Мердис энергично кивнула и сделала к ней один шаг.

— А ты одна из мертворожденных, кому не нужно никакое учение. Все, что нужно тебе знать, приходит к тебе в нужное время. Мой долг — защитить тебя от всякого зла.

— У меня есть Мэл. Он меня защитит, — возразила Эйслин.

Мердис покачала головой.

— Когда тебе понадобится защита, Мэл ничем тебе не поможет. Он покинет тебя из-за страха и глупой гордости.

Самолюбие Мэла было жестоко уязвлено. Он вышел из своего укрытия, стараясь не растерять чувство собственного достоинства и удержать в рамках свой гнев, настолько, насколько на это способен тринадцатилетний мальчик.

— Эйслин! — скомандовал он. — Пошли отсюда! Нам пора домой!

Мердис повела на него глазом и хмыкнула.

— Я тебя помню. Твое дело подглядывать да соваться, куда тебя не просят. Я тебя предупреждаю: не вмешивайся в то, в чем ты не смыслишь, маленький смертный. А эта девочка и ее судьба — как раз то, во что ты мешаться не имеешь права.

— Она только хочет напугать нас, — сказал Мэл Эйслин. — Пусть остается тут со своей Древней Расой. Может, здесь ее поймает снежный кот и закусит ее старыми иссохшими костями. Пойдем отсюда.

Мердис лишь на мгновение удостоила его взглядом и повернулась к Эйслин.

— Не надо слушать его, моя красавица. Он не имеет права тобой командовать.

В темных глазах ее мелькнула торжествующая искра, но Эйслин повернулась к Мэлу.

— Мэл — мой друг, — сказала она, — и я люблю его больше, чем тебя, хотя ты и мой опекун. Мэл всегда защищал меня, и будет защищать и впредь.

Быстро повернувшись, она подошла к Мэлу. Мэл и Мердис молча и долго смотрели друг на друга с выражением обоюдной неприязни и недоверия. Затем Мердис отвернулась, взяла серебряный сосуд, сунула его в сумку, что-то сердито бормоча.

После этого случая Мэл начал более внимательно наблюдать за приходами и уходами Мердис и, к своему удивлению, заметил, что она часто ухаживала за больными или собирала целебные растения на виду у Эйслин. Из окон ее кладовой хорошо были видны как окно Эйслин в женской половине замка, так и дверь во двор.

Когда Эйслин, взрослея, превратилась в высокую гибкую молодую девушку с длинными ногами и спокойными серыми глазами, которые часто и надолго, не мигая, устремлялись в пустоту, госпожа Айрина стала тревожиться. Эйслин, казалось, обдумывает какие-то важные дела. А о чем таком важном может думать барышня? Что

сделать, чтобы как можно лучше выглядеть, да какой цвет шерсти выбрать для ковра или для вышивания.

Вместо того чтобы молчать и не забивать себе голову, Эйслин задавала вопросы.

— Мама, откуда мы пришли? До того, как оказались здесь, в Долинах?

— До Долин? До Долин ничего и не было, деточка. Наши предки пришли сюда задолго до войны с Ализоном. И они посадили здесь сады, построили замки. А раньше здесь ничего и не было. Кто внушил тебе такие мысли? Мэл или Мердис?

— Мэл ничего не знает, да и Мердис тоже. Во всяком случае, если она и знает, то все равно ничего мне не говорит. Но я думаю, что она и в самом деле не знает. Она просто служанка.

— Конечно, служанка, и тебе не стоит подолгу с ней разговаривать. Благородной леди это не положено. Если бы это зависело от меня, Мердис давно бы здесь не было.

— Мердис — опекун. Она должна остаться. Лучше ее никто не знает леса и поля, и места, где растут лечебные травы. Тебе незачем бояться Мердис, мама. От нее никому нет вреда.

— Какие странные у тебя обо всем понятия, детка. Через три года у тебя не будет времени на то, чтобы думать обо всех этих глупостях: о разных магических силах и заклинаниях. У тебя будет муж, о котором тебе надо будет заботиться, а потом и дети. Надо было мне, пока ты была маленькой, взять тебя в руки и запретить тебе бегать, как сумасшедшей, да еще и с Мэлом...

— Ты не смогла бы остановить меня тогда, мама, как и сейчас ты не можешь мне запретить делать то, что я считаю нужным.

— Как ты разговариваешь! Неужели ты хочешь разбить мое сердце после всего того, что я для тебя сделала?

— Есть вещи, которые я должна делать, мама.

— Глупости. Ты молодая леди благородного происхождения. И делать ты ничего не можешь, кроме замужества. И еще ты должна родить наследника Малмгарта.

— Нет, мама. У меня другие планы.

— В самом деле! А с чего это ты взяла, что тебе позволено быть такой важной и надменной? Ты просто девчонка, моя дорогая, и когда-нибудь поймешь, что ты, в сущности, не такая уж важная птица.

Эйслин улыбнулась, таинственно, со скрытой печалью.

— Мама, никто из нас не является важной птицей.

Теперь, когда Мэлу исполнилось семнадцать, Руфус стал серьезно обучать его обязанностям лендлорда, так что Эйслин не могла проводить с ним много времени. Осенью Руфус брал его на ярмарки продавать или покупать зерно и скот, лен для ткачества, красивую одежду для женщин и бесчисленное количество других товаров, разложенных на прилавках под тентами для продажи или бартера.

Все, кто только мог отлучиться от хозяйства, схали на ярмарку в длинной процессии из повозок. На повозках везли товар для бартера, а в экипажах ехали женщины. У Эйслин с матерью и двух ее теток была собственная карета, но Эйслин при первой возможности старалась улизнуть. Она седлала лошадь и ехала рядом с Мэлом и Руфусом посмотреть на животных и сельскохозяйственные инструменты. Ей было тринадцать, и ее можно было принять за молодую леди, но она все еще не привыкла к длинным удушливым платьям, не гнущимся из-за огромного количества вышивки. Не дружила она и с другими женщинами из замка и с дочерьми их — тоже. Однако теперь она больше не сбрасывала свои платья на лужайке: госпожа Айрина снизошла до того, что позволила ей носить более короткие юбки-брюки для верховой езды и высокие ботинки. Эйслин, однако, не упускала случая пробежаться босиком по росе. Светлые волосы ее, не забранные в сетку и не сдерживаемые гребнями и шпильками (а женщинам в те времена положено было носить такие прически), летели за ней по ветру. Мэлу тоже не нравилось, когда она надевала парадные платья, а волосы заплетала в тугие косички и закалывала на голове.

В компании с Мэлом она ходила вдоль рядов, оглядывая не только товары, выставленные на продажу, но и других людей. Одетая в простую одежду для верховой езды, она смотрела на других молодых девушек в элегантных нарядах, специально сшитых для такого случая и желающих понравиться молодым людям.

На нее тоже многие посматривали с любопытством, и Мэл видел, как люди перешептываются, прикрывая рот рукой или веером. В нем закипало раздражение, Эйслин же интересовали лишь товары на прилавках — серебряные шпоры, уздечки с украшениями, колокольчики для упряжи и красивые чепраки ярких расцветок.

— Вон идет леди Эйслин, та, что помолвлена с Хроком из Бретфорда, — сказала одна из перешептывавшихся женщин, собравшихся возле прилавков с тканями. — Какая некрасивая, бледная, правда? Тот молодой лорд, что женится на ней, больше будет рад земле, чем такой жене!

— А Бретфорд приедет нынче на ярмарку? — спросила другая женщина. — Если они приедут, то старый лорд сможет посмотреть на будущую невестку. Никто не знает, кто отец этой девушки. Госпожа Айрина никогда его никому не показывала.

— Тсс! Она идет. Тише!

Если Эйслин и слышала, то виду не подала, Мэл же, проходя мимо сплетничающих женщин, бросил на них разъяренный взгляд.

— От этих гусынь слишком много шуму, — громогласно заявил он, поторапливая ее вперед.

Но Эйслин, если она хотела что-то посмотреть, не намерена была торопиться. Отойдя от торговых палаток, она поспешила к оборванной палатке, где фокусник развлекал немногочисленную публику. Черноглазый мальчик аккомпанировал на струнном инструменте фокуснику, забавлявшему болтовней народ. К этому-то мальчику Эйслин и направилась. Она прошла через маленькую толпу и встала прямо перед ним. Движения ее были быстрыми, а по телу пробегала дрожь. Между Эйслин и юным

оборванным менестрелем пробежала волна узнавания. Он был примерно ее возраста. На его загорелом лице быстро мелькнула и исчезла белозубая улыбка, словно он не был уверен в том, что имеет право на внимание девушки, занимающей высокое положение в обществе.

Мэл потянул Эйслин прочь.

— На той стороне есть кое-что поинтереснее, — сказал он. — Эти парни просто странствующие попрошайки, да к тому же грубияны. Девушкам с ними лучше дела не иметь.

— Ой, подожди, Мэл! — она остановилась возле палатки. Лицо ее внезапно омрачилось. — У него в клетках птицы! Я хочу купить их и выпустить на волю! Купи, Мэл!

Мэл крепко взял ее за руку и хотел увести от щебечущих пленников.

— Пошли, Эйслин! Пусть он продает своих птиц. У барышень они проживут дольше, чем на воле.

— Разве можно обменять свободу на жизнь в неволе? — сердито воскликнула Эйслин, глаза ее гневно сверкали. Она не сдвинулась с места и возмущенно смотрела на продавца птиц, не обращая внимания на собравшихся вокруг любопытных и развеселившихся зрителей.

Уступать она не собиралась. Мэл это ясно видел. Он глубоко вздохнул и полез за кошельком. Кошелек его не был толст, но, возможно, ему удастся уговорить продавца освободить птиц за те деньги, что он мог предложить.

— Маленькие птицы — хорошая компания для девушек, — возмущался продавец. — Зачем волноваться из-за того, что их держат в клетках? Птички совсем не против. Каждый день их кормят. Им не страшны ни хищные птицы, ни ласки. Да многие из нас не отказались бы от такой жизни, — тем не менее, он взял кошелек и стал открывать клетки.

Мужчины, ожидавшие своих жен, захихикали. Мэл стал пунцовым и бросил убийственный взгляд на Эйслин. Вернее на то место, где она только что стояла. Она ушла. Возможно, ее привлекло еще какое-то ярмарочное зрелище.

А может, ее выследил и похитил тот оборванец, что был у палатки фокусника. Он мог это сделать в надежде получить в обмен у Руфуса изрядный куш золота. Любой похотливый парень, высмотрев Эйслин в толпе, мог ее соблазнить. Да без его защиты Эйслин могут подстерегать тысячи несчастий. Мэл пошел сквозь сгущавшуюся толпу, проклиная нахмурившееся небо. Он пошел к палатке фокусника, но фокусник и его сын продолжали забавлять толпу. Мэл походил вокруг их тента и вагончика, но Эйслин нигде не было видно. Жена фокусника сидела с ребенком на руках и замолчала от испуга, когда он яростно на нее накинулся.

Мэл продолжал допытываться:

— Вы не видели молодую девушку? На ней красный жакет и одежда для верховой езды!

Женщина, испугавшись еще больше, смотрела на него.

— Я видела ее, — прошептала она. — Она одна из них, из тех, что и мальчик. Мать его умерла, когда он родился. Лучше бы и он умер, да и тот фокусник — тоже. Ваша леди такая же, как и мальчик. Я сразу таких узнаю, как только увижу...

— А фокусник? Он ваш муж? — не унимался Мэл.

— Да. В этом-то и горе. Держись подальше от этого фокусника, парень. Он не... — она замолчала, потому что на нее вдруг упала тень. В полумраке Мэл узнал Мердис. По нему пробежали мурашки. У него было чувство, что встретить ее в такой момент было нехорошим предзнаменованием.

— От длинных языков слишком много треску, — сказала Мердис, и женщина, подхватив ребенка, тут же скрылась. А Мэлу сказала: — Пойдем, и я покажу тебе, что ты ищешь. Хороший же из тебя защитник.

— Ты знаешь, где она?

Мердис указала подбородком в направлении соседней палатки.

— Я всегда знаю, где она находится.

— А что ты здесь делаешь? — грозно спросил Мэл. — Зачем таким, как ты, нужна ярмарка?

— Ничего не делаю, — ответила Мердис.

В палатке Мэл обнаружил Эйслин в компании четырех других молодых девушек в сопровождении матерей и продавцов. Они щебетали, как птичья стая, довольные друг другом. Разговор шел об их домах, находившихся вдали от Малмгарта. Мэл заглянул, но входить не стал. Мердис остановилась возле палатки. Видимо, она собиралась там ждать Эйслин.

— Ну, доволен теперь? — поинтересовалась Мердис.

— Нет, — ответил Мэл. — Откуда она знает этих девушек? Ей почему-то нравится разговаривать с ними, а ведь до сих пор она с девушками не общалась. Она думает, что девушки глупы, и с ними не о чем говорить.

— Она правильно говорит, они действительно глупы, — злорадно ответила Мердис. — А ты не встречал еще ее будущего мужа? Он сейчас здесь, на ярмарке, и Айрина хочет устроить им встречу.

— Это не мое дело, — отрезал Мэл.

— Отчего же ты ревнуешь? Ведь ты всегда знал, что она не для тебя.

Мэл в раздражении отошел на несколько шагов, но потом вернулся и вошел в палатку.

— Уже поздно, миледи, — вежливо сказал он. — Твоя мать будет беспокоиться.

На обратном пути к палаткам Малмгарта она продела свою руку в его и счастливо вздохнула:

— Никогда еще не было мне так весело, — сказала она, радостно глядя на товары, мимо которых они проходили. — Нам обязательно нужно приезжать сюда каждый год и устраивать встречи.

— Кто эти девушки, с которыми ты разговаривала? — спросил Мэл. — Ведь ты до сего дня их не видела.

— О! Это Мирр и Лилия, и Ана! — она шла вприпрыжку. — У меня такое чувство, словно я их давно знаю. Они мои друзья. У тебя так не бывало, что ты встречаешь человека и сразу понимаешь, что он твой друг? А вот с другими этого не получается. У меня теперь три подруги — Мирр, Лилия, Ана и друг — это ты. Да, и еще

Мердис. Я думаю, она мой пятый друг. Ведь она прошла пешком всю дорогу на ярмарку, чтобы охранять меня. Сходи, пожалуйста, к палатке фокусника и скажи ей, что она может прийти в палатку к моей матери.

— Она не пойдет, — сказал Мэл. — Да и твоей матери это не понравится. От Мердис пахнет.

Эйслин задумалась.

— Возможно, ты прав. Моя мать не понравится Мердис. Но я постараюсь завоевать Мердис на свою сторону, вот увидишь.

Мэл тайком облегченно вздохнул, но самые большие испытания ждали его впереди. На следующее утро госпожа Айрина устроила наконец встречу Эйслин с ее официальным женихом, Хроком из Бретфорда.

Хрок вовсе не был таким засушенным стручком, как многажды осмсиваемый Члодвик. Мэл заранее был уверен, что возненавидит его с первого взгляда, и оказался прав, когда увидел Хрока со свитой, подъехавших к месту, где разбил свои палатки Руфус. Хрок ехал на мелко переступавшем белом жеребце в великолепной сбруе, и у Мэла яростно застучало сердце, когда он вспомнил о прекрасной серебристой малмгартской лошади, которую Руфус послал молодому негодяю в качестве свадебного подарка. Рядом с Хроком ехал его отец, лорд Бретфорд, на гнедой лошади, а позади — дамы, тоже верхом. Бретфорд жил слишком далеко, в экипажах добираться на ярмарку было затруднительно, поэтому все ехали верхом и везли свои товары на продажу на вереницах вьючных лошадей.

Лорд Бретфорд и госпожа Айрина с лордом Руфусом опять обменялись дорогими подарками, а Эйслин с Хроком напряженно ожидали окончания формальностей и официального представления невесты жениху. Если бы церемония происходила в Малмгарте, Мэл уже давно бы ушел, чтобы не показать своей ревности. Здесь же, на открытых пространствах ярмарки, он вынужден был смирно стоять среди одиннадцати ратников лорда Руфуса и молча, с ненавистью смотреть на соперника.

Эйслин сделала реверанс и, побледнев, погрузилась в молчание, стараясь выглядеть как можно более безразличной и вялой. Мэл знал, что она изнывает в жестком платье, которое ее заставили надеть. Это платье могло стоять само по себе, без юной девушки, которая сейчас была в него насильно заключена. Госпожа Айрина придумала для Эйслин прическу, и ее волосы выглядели сейчас неестественно, лишая тоненькую девушку ее природной свежей красоты и даже придавая ей нечто коварное.

На лице Хрока застыла притворная улыбка. Это был юноша приблизительно одного возраста с Мэлом. Когда их представили друг другу, он едва обратил на Мэла внимание, хотя тот не скрывал мрачного выражения лица. Мэлу было все равно, заметил ли Хрок его ненависть. Если бы взгляды действовали, как ножи, он убил бы Хрока наповал.

До окончания ярмарки Мэл слышал разговоры, что молодой лорд Хрок не был разочарован в своей невесте, но если бы даже она ему не понравилась, это ничего бы не изменило. Он был младшим сыном в семье, и должен был довольствоваться тем, что приготовит ему судьба. Они намекали, что не отказались бы от приглашения в Малмгарт, но Руфус такого приглашения не сделал. Всю дорогу домой госпожа Айрина кипела от возмущения из-за грубости брата.

III

Эйслин теперь не так явно искала общества Мэла, она проявляла куда большую застенчивость, чем раньше. Мэл, к ее горькому недоумению, казался холодным и даже недружелюбным. А ведь раньше они относились друг к другу с безраздельным доверием и любовью. Его обращение с ней стало таким холодным и неестественным, что ей показалось, она как-нибудь ненароком обидела его. В компании он обращался к ней с подчеркнуто холодной вежливостью. Когда же она оставалась с ним наедине, он

фактически давал ей резкий отпор, угрюмо замолкая или односложно отвечая на ее вопросы.

А началось это все, как думала Эйслин, с ярмарки, когда Хрока объявили будущим лордом Малмгарта. А может, причиной враждебного поведения Мэла явилось то, что она услышала голоса, принесенные ветром. Это произошло на следующий день после возвращения с ярмарки, когда они с Мэлом ехали верхом возле руин. Она так явно услышала чью-то речь, что даже повернулась к Мэлу, думая, что это он что-то ей сказал.

— Нет, не я, — сказал он сердито. — Я ничего не слышал. Это что, преступление, если мужчина хочет помолчать?

— Да, если так называемому мужчине только семнадцать, — пошутила она. — Ну правда, Мэл, я слышала голос.

— Это был, наверное, голос твоего мужа, Хрока, — съязвил Мэл.

Сердце Эйслин тоскливо сжалось при упоминании имени Хрока. Ведь осталось всего каких-нибудь коротких три года, и он появится в Малмгарте, чтобы предъявить на нее свои права как на жену, и на Малмгарт как на свой дом. Вся ее радость вмиг пропала, да тут еще и Мэл на нее неизвестно отчего сердится.

— Отчего ты злишься? Если я сказала что-то не то, так я не хотела тебя обидеть. Ты же знаешь, я никого на свете так не люблю, как тебя, Мэл.

— Не будь ребенком, Эйслин. Ведь ты уже помолвлена с Хроком, и я сомневаюсь в том, что нам можно теперь вместе проводить время, — и он отъехал от нее на некоторое расстояние, а она смотрела на него, бледная и потрясенная.

— Разве мы больше не друзья? — голос Эйслин дрожал, и горло ее сжал комок. А сердце ее так сжалось от боли, что она еле дышала.

Мэл пожал плечами и глубоко вздохнул:

— Да, но уже не те, что прежде. Ты принадлежишь ему, и никому больше.

— Я принадлежу сама себе и Малмгарту, — вспылила Эйслин, смаргивая злые слезы. — Хрок не является ни нашим другом, ни врагом. Кто ты такой, чтобы говорить мне, кому я принадлежу? Я сама выбираю, кому принадлежать!

Но она не приняла во внимание гордость Мэла. Она могла привязаться к нему и выезжать с ним, и следовать за ним, как всегда, но Мэл старался избегать ее. Он большую часть времени проводил с Руфусом в полях и лугах, и Эйслин осознала, каким одиноким может быть замок без дружеского тепла Мэла. Раньше он всегда находил время для совместных поездок верхом или просто разговоров у кухонного очага. Теперь же в сердце Эйслин вместо радужных надежд застыло одиночество.

Мердис занималась своим делом: разыскивала целебные растения, пополняла запасы, готовила препараты для лечения людей и животных. Она с удовлетворением отметила, что Мэл, вечно сующий нос не в свое дело, большую часть времени проводит с Руфусом, который обучает его хозяйственным делам, готовит из него лендлорда. Поначалу Мердис нервничала, когда замечала, что Мэл шпионит за ней, но никто не верил россказням ребенка, и она вздохнула с облегчением. Сейчас же, по прошествии более двенадцати лет, он совершенно забудет то, что видел.

Когда пришло время, маленькая дерзкая девчонка начала шнырять повсюду. Мердис, впрочем, знала наперед, что так и будет. С того самого дня, на развалинах, Мердис угадала ее любопытство и втайне обрадовалась. Она надеялась, что Эйслин станет такой, какой ее задумала Старая раса.

В своих одиноких странствиях Эйслин стала подбирать некоторые предметы, которые ей попадались на пути: кожу змеи, зубы и щетину кабана, убитого охотником. Мердис выжидала, понимая, что происходит в душе девушки. Иногда она шла следом, о чем Эйслин и не подозревала. Она видела, что девушка до сих пор называет животных и растения по имени. Значит, она не забыла их, став старше.

Некоторые мертворожденные, как стало известно Мердис от их опекунов, когда им становилось известно, что они не совсем обычные дети, забывали со временем то, что знали с рождения. Мудрые дети предвидели, что использование тел смертных может иметь странные и иногда нежелательные последствия. Из рукописей Мердис узнавала, что некоторые дети выдавали себя по незнанию, и их считали безумными. Некоторые дети и в самом деле страдали раздвоением личности, надеяться на них было нельзя. Некоторые умерли в результате болезни или несчастного случая. Только десять из двадцати развивались нормально, окруженные ни о чем не подозревающими родными. Они жадно тянулись к знаниям, которые постепенно попадали к ним в руки. Именно им надлежало восстановить и нести ответственность за сохранение древнего знания.

Когда Эйслин осталась одна, любопытство ее и интерес к Мердис все возрастали. Эйслин не интересно было общество матери и теток, с двоюродными братьями и сестрами, приезжавшими погостить в Малмгарт, она тоже не находила общего языка. Отсутствие компании часто являлось для Эйслин предлогом, чтобы уйти из дома, и она все чаще посещала кладовую. Сначала она молча наблюдала за тем, как работает Мердис. Мердис проверяла, насколько хорошо она знает секретные имена, не подозревая, что не пройдет и года, и она сама превратится в ученицу, а Эйслин — в учительницу.

— Маленькая краснотравка укрепляет сердечную мышцу лучше, чем ведьмин наперсток,— Эйслин внимательно слушала и смотрела,— но ее труднее найти. Я покажу тебе, где она растет. Мы выкопаем ее корень и посадим у тебя в саду.

Она не всегда открывала Мердис секретные имена.

— В этом имени слишком много Силы,— говорила она.

— Ты думаешь, я неосторожно буду его использовать? — возмущалась Мердис, когда получала отказ.— Разве я не была опекуном Силы всю свою жизнь? А этот

драгоценный камень я что же, ношу для того, чтобы оттенить свою красоту?

Эйслин, несмотря на молодость, смотрела в лицо Мердис без страха.

— Это запрещено, а другого ответа я не знаю. Кто я такая, Мердис, что меня почему-то поставили выше тебя, такой мудрой и старой?

Мердис вздохнула, забыв о своей вспышке.

— Милая моя, не знаю, что тебе и сказать. Это внутри тебя и выйдет, когда Старая Раса посчитает, что ты готова к знанию. До тех пор я буду твоим опекуном, а ты сосудом Силы, более великой, чем что-либо, созданное смертным. Тебе тогда надо будет исполнить свое предназначение, о котором ты сейчас и не подозреваешь. А сейчас ты готовишься. Ты знаешь имена всех предметов, и больших, и маленьких. Ты можешь лечить раны, я видела это. Ты слышишь голоса и понимаешь их, и однажды ты сумеешь говорить с теми, кто находится от тебя вдали.

Эйслин провела Мердис в Обиталище голосов. Такое название она дала развалинам Древних. И произнесла это так уверенно, что обе они не сомневались: это и есть настоящее имя разрушенной крепости.

— Чьи это голоса? — нетерпеливо спросила Эйслин. Она сидела в круге, образованном поваленными столбами, и поворачивала голову в разные стороны. Ветер доносил до нее лишь неясные обрывки разговоров, пока Мердис не подсказала, где лучше сесть. Эйслин сразу ощутила, что каким-то образом связана с разговаривавшими, и сидела, не сходя с места, до изнеможения.

— Там разговаривают такие же, как ты, — прокомментировала Мердис. — Тебе нужно научиться выделять один голос, и слушать только его.

— А ты можешь их понимать, Мердис? — спросила Эйслин.

— Только когда кто-то обращается ко мне. У меня нет такой силы, какая со временем будет у тебя.

Наконец пришел день, когда Эйслин, напрягавшая слух, вдруг воскликнула:

— Это Мирр! Я ее слышу! Она разговаривает с сыном фокусника. Его зовут Хвитан!

Она оставалась сидеть до заката, а Мердис наблюдала за ней неподалеку, сдерживая беспокойных лошадей. Мердис несколько раз делала слабые попытки увести Эйслин, но она эти попытки проигнорировала.

— Есть люди вроде меня! — сделала заключение Эйслин, когда наконец увидела, что стало совсем темно, и им пора в замок. — Нас десять человек, Мердис. И это все, что осталось.

Заметив печаль в голосе девушки, Мердис ответила: Возможно, когда-нибудь и у других мертворожденных появится такая возможность, и таких, как ты, будет на свете больше. Мы не знаем, какую цель преследовали люди Древней Расы, когда помещали своих духов в бренные человеческие тела.

Эйслин ехала в молчании, ее волосы под луной отливали серебром.

—Я стараюсь сейчас больше узнать о своем пути, — медленно сказала она. — Мертворожденные говорят о Пустыне и о том, что в ней находится. Мы пока не знаем, что именно там такое, знаем только, что это имеет большое значение для людей Древней Расы и для нас, раз уж мы от них произошли. Мердис... — она помедлила, прежде чем продолжить свою речь, — я раньше и не подозревала, как я одинока.

— Ничего, детка. Я все время буду с тобой, что бы ни случилось. И ведь есть еще девятеро таких, как ты.

— А как же Мэл? А моя мама, а Руфус? Я не такая, как они. Я отдалена ото всех, кроме других мертворожденных.

— Ты им ничего не должна. Если бы не вмешательство Древней Расы, у них был бы лишь мертвый ребенок. Если бы не дух в бутылке, тебя бы не было. Тебя создала Сила, и только она будет тебя хранить. Те, другие, скоро отвернутся от тебя, как только узнают, кто ты такая. Для тебя нет будущего, кроме Силы.

— Мэл не оставит меня, — сказала Эйслин.

Мердис фыркнула.

— Мэл ничем не отличается от других. Он отвернется от тебя, как только обнаружит, что ты другая. Ни один человек не захочет иметь жену с душой от людей Древней Расы. Молодой лорд Хрок хочет иметь здоровых детей, без каких бы то ни было отклонений, без связей с потусторонними силами. Ему нужна жена, которая будет всегда дома, возле очага. Такая жизнь не для тебя. Неизвестно к тому же, что будет с твоим даром при союзе со смертным человеком. Все может пропасть.

— А может, и ничего не произойдет,— сказала Эйслин.— Я не слишком-то хочу прожить такую жизнь, о которой ты говоришь, с твоей Силой. Не хочу, чтобы меня боялись и презирали. А ты, Мердис, разве не чувствуешь себя одинокой? Разве не хочешь, чтобы рядом с тобой был другой человек, настоящий друг, на всю жизнь?

— Тьфу,— фыркнула Мердис.— Это все девичьи глупости. Ты поступаешь как обычный человек.

— Я и чувствую по-человечески,— призналась Эйслин.— Это, конечно, хорошо — прожить всю жизнь в служении Силе, но я не хочу одиночества.

— Тогда будь с такими, как ты, с теми, кто тебя понимает.

— Но ведь даже мертворожденные не могут заменить мне маму и Руфуса и... Мэла. Неужели ты никого не любила, Мердис?

— Меня забрали от матери и от всей семьи, когда мне исполнилось шесть лет. С тех пор я их больше не видела. Любовь к смертным людям принесет тебе одни страдания. Люди по своей природе непреклонны, непоследовательны, непостоянны. Так что не горюй и посвяти себя Силе. Она тебя никогда не предаст.

— Неужели я должна умертвить свои человеческие чувства? Разве я буду счастлива после этого?

— Людям свойственно слишком много думать о счастье. Но что-то я не видела счастливых семей.

— Но навсегда остается надежда, воспоминания и представление о том, каким должно быть счастье,— сказала

Эйслин. — Не думаю, что Сила имеет много общего со счастьем.

— Разумеется, нет, в том тривиальном смысле, какой ты вкладываешь в это понятие. Ты обретешь совершенство только в Силе, и в этом совершенстве и будет твое счастье. Выбор сделан за тебя, Эйслин. Ты уже не сможешь изменить свою судьбу.

— Мы еще посмотрим, — упрямо заявила Эйслин. — Это человеческая черта — верить, что ты можешь сам устроить свою судьбу?

— Очень человеческая, — раздраженно ответила Мердис. — Если бы я не была уверена, то решила бы, что ты одна из них. Боюсь, мне следует обсудить это с другими опекунами. Надеюсь, что другие подопечные не заразились человеческими эмоциями.

Эйслин нравилось общаться с другими мертворожденными, но вдруг тон их сообщений резко изменился. С юга Мирр сообщила, что из-за моря на кораблях явились чужеземцы. Несмотря на располагающие манеры и увлекательные рассказы о приключениях, Мирр не почувствовала к ним доверия. Они задавали слишком много вопросов, и особенно их интересовало количество воинов, охранявших крепость.

Лилия тоже сообщила о чужеземцах, а за ней и Ана, и остальные мертворожденные в разбросанных по южным землям замках. Хвитан и фокусник видели еще больше приезжих и путешественников, чем всегда, на дорогах Долин, и все они задавали много вопросов о землях, располагавшихся между побережьем и Пустыней.

— Не в этом ли заключается цель? — спросила Эйслин у Мердис. — Известна ли чужеземцам тайна Пустыни?

— Даже ты, со своими знаниями, не можешь ответить на это, — сказала Мердис. — Откуда же я могу это знать?

Эйслин нервно рассмеялась и стала мерить шагами кладовую, останавливаясь, чтобы посмотреть на ту или другую настойку или экстракт. Блестящими глазами она посмотрела на Мердис, все ее тело напряглось.

— Это та самая цель, ради которой мы посланы,— прошептала она.— Момент близится. Знаешь,— добавила она, неестественно смеясь,— прошлую ночь мне снилась черная повозка, которой мать в детстве пыталась меня напугать. Я видела ее так ясно, как будто она действительно существует. И я в нее села и уехала. Я всегда думала, что эта повозка — смерть, идущая за мной.

— Это всего лишь сон,— утешила ее Мердис.— У тебя слишком живое воображение, а это еще одна из твоих неудачных человеческих черт. У других опекунов те же проблемы. Если у тебя есть Цель, то ведь она направлена на успех. Тебе нужно лишь отбросить свои человеческие страхи и фантазии.

— Это не страх и не фантазия, а чужая сила, которая идет в Долины, и уже пересекла море,— Эйслин невидящим взором смотрела в залитый солнцем двор из окна прохладной кладовой.— А я не успокоюсь, пока не узнаю, зачем они здесь. Они не должны попасть в Пустыню, Мердис.

— А что там такое в Пустыне? — спросила Мердис.

Эйслин покачала головой и пошла во двор.

— Я не могу сказать, Мердис, но ее необходимо защитить.

Когда они наконец прибыли в Малмгарт, пришельцы были такими, какими их показала магическая чаша Мердис. Их было четверо, одеты они были хорошо: в дорожную одежду и кольчугу, но Эйслин показалось, что это наемники, работавшие за деньги. Лорду Руфусу и остальным незнакомцы показались людьми порядочными и вежливыми. Они поверили их рассказу о том, что они ищут незанятые земли и хотят на них поселиться. Действовали они весьма разумно: надо же выяснить, какую защиту может предоставить Малмгарт, и нет ли угрозы со стороны Пустыни.

В Малмгарте они гостили три дня. К началу третьего дня Эйслин разыскала Мэла. В это туманное утро она ожидала его на холме, зная, что Мэл должен проехать мимо.

Завидев его, направила лошадь навстречу.

— Мэл, к нам в Долины из-за моря движется враг, — начала она без предисловия. — Чужеземцы, что нашли у нас приют, явились к нам не с дружескими намерениями. Это предвестники войны и смерти. Да ведь когда-то Долины уже захватывали люди, приплывшие из-за моря. У них было незнакомое вооружение и повозки, которые передвигались сами по себе, без лошадей. Сейчас нас ждет еще большее кровопролитие, и они уже здесь, в Долинах.

— Откуда тебе это известно? Может, это Мердис внушила тебе такие идеи? Она каркает, как старая ворона. Она нечистая. Удивляюсь, что лорд Руфус терпит ее столько лет.

— Тебя не удивит, если я скажу, что я такая же нечистая, как Мердис? А может, еще и грязнее? Ты ведь должен был это заметить, когда видел, как я называю животных и растения по именам. Я не такая, как ты, Мэл. То, чем я была при рождении, погибло в мертворожденном ребенке. Люди Древней Расы вложили жизнь в тело, созданное госпожой Айриной. Ты уже давно должен был об этом догадаться. Ведь ты был там и видел, что сделала Мердис.

— Я думал, что мне это приснилось.

— Это был не сон. И то, что Долины опять собираются уничтожить, тоже не сон. Чужеземцы из Ализона хотят найти то, что спрятано в Пустыне. В этот самый час шпионы находятся под нашей крышей.

— Чего же хотят от нас Древние? Убить их?

— Это то, чего они заслуживают. Мы не убиваем гостей, значит, их надо захватить и отправить назад, на их корабли. Если все это будет сделано по всем Долинам, с севера на юг, захватчики поймут, что мы готовы защитить то, что спрятано. И в этот раз они не придут на нас с огнем и мечом так же легко, как в прошлый раз.

Мэл молчал, в молчании его была угроза. Возможно, ей не следовало открывать ему, кто она такая.

— Отчего ты так уверена, что они идут с юга, через все наши укрепления?

— Есть десять таких же, как я, мертворожденных. Мирр на юге говорит с нами всеми, и Хвитан, сын фокусника, много раз путешествовал с юга на север. То, что они видели, дает уверенность в том, что положение очень серьезное. Пожалуйста, верь мне, Мэл. Каждый человек в Долинах находится сейчас в опасности.

— Чего хотят от нас люди Древние? Созвать армию?

— Да, но это нужно делать немедленно, иначе будет поздно. В прошлый раз, когда захватчики пришли с разведкой, жители Долин долго препирались друг с другом. В этот раз нам нельзя повторить их ошибку.

— Нам? Уж не собираешься ли, миледи, и себя включить в число защитников? Если то, что ты говоришь, правда, так ты и не имеешь отношения к людям Долин, ты, скорее одна из Древних.

— Прежде всего, я жительница Долин, я родилась здесь, и это моя родина! — выпалила Эйслин.

— Значит, ты, как женщина Долин, собираешься жить в Малмгарте с Хроком и до конца жизни растить его детей? Тебе такая судьба уготована?

Эйслин помолчала.

— Я не могу сказать. Судьбу человека предсказывать запрещается.

— Так я и думал. Ты уедешь из Малмгарта и присоединишься к таким, как ты. Зачем тебе эта серенькая жизнь, раз люди Древней Расы могут о тебе позаботиться?

— Мэл, ты и я, мы должны быть вместе. Либо я последую за тобой, либо ты за мной, когда придет время. Я не могу без тебя жить, даже когда ты сердишься на меня. Ты мой единственный верный друг, другого такого у меня никогда не будет.

— У тебя будет муж, Хрок.

— Не будь дурачком. Кроме лица и имени, я ничего о нем не знаю. И ни то, ни другое мне неинтересно. Без тебя мне будет одиноко до конца жизни. Ведь ты, Мэл, вторая половина моей души.

— Твоя душа вышла из бутылки, что была в старой сумке Мердис, — сказал Мэл. — Чего хочешь ты от меня, обычного жителя Долины? Чего ради вы, Древние, беспокоитесь о людях Долины? Мы нужны вам лишь для защиты того, что спрятано в Пустыне?

— Я не принадлежу к Древней Расе, — возразила Эйслин.

— Неправда, принадлежишь. Ты знаешь настоящие имена всех вещей на свете. Лечишь раны. Управляешь тучами. Разговариваешь с людьми, что находятся в сотнях миль отсюда. Да, река, которая нас разделяет, так широка и глубока, что мы никогда не увидим ее берегов и не узнаем глубины. Ты из тех, других. И никогда не станешь одной из нас. Но к твоему предупреждению прислушаются. Уж что-что, а поднять людей на борьбу Старая Раса умеет.

Развернув коня, он направился к Малмгарту, оставив Эйслин позади. Она же послала лошадь вперед, позволив ей ехать, куда вздумается. Боль в ее сердце напоминала описанную Мэлом реку: она была так велика, что угрожала поглотить ее. Она ощущала безнадежность и пустоту, а Мэл казался ей незнакомцем.

Лошадь по привычке принесла ее к Обиталищу голосов. Эйслин спешилась и пошла к месту прослушивания. Сразу же услышала голос Мирр: «В чем причина твоего горя?»

— Я люблю смертного человека, — призналась Эйслин, — но такая любовь обречена.

— А разве мы не смертные? — спросила Мирр. — Наши тела такие же, как и у них, с теми же страхами и желаниями. Отчего бы нам тогда не любить смертных мужчин?

— Сила разделяет нас, — с горечью ответила Эйслин. — Мы никогда не станем обыкновенными женщинами Долины. Нам мешают наши знания и голоса, шепчущие в уши. Мы созданы для определенной цели — для защиты того, что спрятано в Пустыне. Как же можем мы быть обыкновенными с такой ответственностью?

— В зависимости от потребности в нас ответственность наша будет либо увеличиваться, либо уменьшаться, — ответила Мирр. — Когда потребность станет минимальной, мы будем почти обыкновенными.

— Но будет ли Мэл смотреть на меня как на обыкновенного человека или он всегда будет ощущать расстояние между нами? Если мы такие великие и мудрые, отчего же мы так страдаем?

— Мы ведь тоже люди, сестра, и природа наша человеческая. Заранее предсказать ничего нельзя. В нас все смешано. Даже Древние не могут предсказать нашу судьбу.

— Отчего же не могут? Выходит, люди Древней Расы тоже не такие великие и мудрые! Отчего мы должны страдать?

Мирр замолчала, и Эйслин услышала голоса других мертворожденных. Ана повредила ногу, упав с лошади еще ребенком, и с тех пор боль ее не отпускала. И другие мертворожденные чувствовали боль, сходную с болью Эйслин. В уши к ней ворвалась буря жалоб, и она сошла со своего места. Сделав шаг в сторону, Эйслин вдруг услышала один-единственный голос, прорвавшийся сквозь громкий хор голосов. Он произнес одно слово, пронзившее ее, как боль.

— Асмериллион!

Каждый раз, когда к Эйслин приходило новое знание, она на какое-то мгновение ощущала дрожь и слабость. В этот раз она пошатнулась и, задыхаясь, упала на колени на зеленый мох. Сердце стучало так сильно, что, казалось, оно разорвется. Ей было сообщено имя, в котором заключалось столько силы, как в ее собственном имени. Она дрожала от страха и смирения, с новой силой осознав тяжесть Силы и ответственность за ее достойное применение. Имя, которое ей сообщили, было именем Мэла, и она могла теперь при желании командовать им, как марионеткой.

В душе ей хотелось воспользоваться своим преимуществом, но в то же время она понимала, что негоже использовать свою Силу таким образом, и что это навлечет на нее несчастье.

— Мердис! — позвала она, и опекунша ответила ей мысленно с вершины холма, с которого она за ней наблюдала. Она спустилась к Эйслин и размяла в ладонях пряное растение.

— Понюхай. Это прояснит твой мозг.

— Мердис, я знаю имя Мэла.

— Ни в коем случае не пользуйся своим знанием, или ты разрушишь его любовь к тебе.

— Я знаю это, но боюсь его потерять.

— Так ты что, хочешь держать его в клетке? Ты забыла про птиц в клетке на ярмарке, забыла, как больно тебе было видеть их в заточении?

Эйслин перестала расхаживать взад и вперед и остановилась, погрузившись в свои воспоминания. На губах ее мелькнула слабая улыбка, смягчив выражение лица. Более спокойным, хотя и печальным голосом она произнесла:

— Что ж, пусть будет так. Я никогда не произнесу его имя для того, чтобы привязать его к себе. Пусть уйдет, если захочет. Мэл не птица, живущая в клетке. Он сокол, которого не заковать в кандалы.

Был вечер, на землю легла обильная роса, и к тому времени, как Эйслин и Мердис добрались до замка, ноги и подол девушки промокли: она заставил Мердис ехать на лошади, а сама шла пешком. На утро у Эйслин поднялась температура, и она осталась в постели. Ухаживали за ней госпожа Айрина и Мердис, странноватая пара, однако судьбе угодно было соединить их в совместном уходе за больной.

Эйслин расстраивалась из-за того, что попусту теряет время. Она послала Мердис, чтобы та приготовила ей отвар для снижения температуры, но жар очень скоро вернулся. Ночью Эйслин металась на кровати, одолеваемая сном, в котором ей являлась черная повозка и бык с ободранной шкурой.

— Где Мэл? — спросила она на третий день. Лицо ее побледнело, глаза ввалились от измучившей ее лихорадки. — Я должна видеть Мэла, прежде чем уйду.

Госпожа Айрина попыталась успокоить ее, но Эйслин продолжала звать Мэла.

— Мэл ушел, — со страхом призналась госпожа Айрина. — Ушел вместе с Руфусом. Они хотят объединиться с людьми лорда Бретфорда.

— Бретфорд! — прошептала Эйслин, закрывая глаза и откидываясь на подушку. Видимо, силы покинули ее. — Злополучный Бретфорд! Он должен быть остановлен, прежде чем черная повозка...

Госпожа Айрина и Мердис переглянулись. Они никогда не любили друг друга, но сейчас об этом забыли.

— Неужели ты ничего не можешь сделать? — прошептала госпожа Айрина. — Моя дочь умирает!

— Эта лихорадка не обычного свойства, — медленно сказала Мердис. — Миледи, этот ребенок не совсем ваша дочь. Есть силы, которые воздействуют на нее. Вы это вряд ли поймете. Ее дали вам для определенной цели, после того, как жизнь вашего ребенка закончилась. Древние не хотят, чтобы их знание пропало. В Пустыне они спрятали нечто, и оно должно быть защищено от неправильного использования. Этот ребенок — один из десяти, цель которых — защитить этот секрет. Если она решится выполнить свою миссию, она должна будет покинуть и вас, и Мэла, и все то, что она любит. Сейчас в ней борются два начала — земное и древнее. Вот эта-то борьба и вызывает лихорадку. Ведь она еще ребенок, а перед ней поставлен великий выбор.

Госпожа Айрина упала на колени подле кровати Эйслин, глядя ей в лицо.

— Была ли я слишком горда, слишком жадна? Я хотела, чтобы ей достался Малмгарт и богатый муж, который добавил бы ей славы. Мне надо было согласиться на то, чтобы она выбрала Мэла. Мэл был бы здесь, рядом с ней. Ведь ей никто никогда не нравился, кроме Мэла, а я ревновала. Неужели, Мердис, я потеряю теперь ее окончательно?

— Не знаю, миледи. Такая, как я, не может знать будущее.

— Доченька, ты меня слышишь? — госпожа Айрина придвинулась ближе. — Я разорву твой брачный контракт с Хроком. Ты опять будешь сильной. Есть что-то, что ты должна сделать, цель, для которой тебя послали. Если Мэл — твоя судьба, иди за ним. Никто не будет тебе мешать. Ты все еще моя дочь, кем бы еще ты ни была. Пусть дураки и трусы говорят, что хотят. Я горжусь тем, что ты моя дочь.

Сон Эйслин становился спокойнее. Обе женщины смотрели за ней почти до рассвета, и тут бдительная Мердис слегка задремала. Эйслин проснулась и тихонько встала. Мать ее спала, неловко устроившись в кресле, подложив под щеку руку. Эйслин легонько поцеловала ее, а затем тронула Мердис за плечо.

— Пора, — прошептала она, взяла туфли и плащ. — Черная повозка подходит.

Мердис проснулась, вышла за ней из комнаты и спустилась по лестнице во двор. Дверь была надежно закрыта на засов и на тяжелые замки, но они беззвучно открыли ее и вышли. Затем так же осторожно закрыли ее за собой.

Эйслин остановилась в центре двора. Распущенные волосы ее в свете луны нимбом окружали лицо. Она поворачивала голову, прислушиваясь к звукам, которых Мердис не слышала.

— Дитя, ты больна... — начала Мердис.

— Идет! — прошептала вдруг Эйслин.

Послышался отдаленный грохот деревянных колес, похожий на гром. Звук становился все громче, слышался свист кнута. Эйслин повернулась к большим воротам замка. Они были заперты и должны были оставаться запертыми до возвращения лорда Руфуса. Через этот вход ничто не могло пройти, однако закрутилось облако, через него пробились крутящиеся потоки света, и постепенно облако приняло форму огромной черной повозки с двумя высокими колесами. На ней были символы, знакомые Мердис. Повозку тянул гигантский бык. Его лишенное кожи тело с кровавыми полосками было серого цвета и

блестело. Он неумолимо двигался к ним, как в ночном кошмаре. Возница в капюшоне поднял кнут и, щелкнув им, произвел звук, подобный грому. При этом на Мердис и Эйслин взметнулась одежда и разлетелись волосы.

Мердис схватилась за руку Эйслин, стараясь оттащить ее, но Эйслин не двигалась. Повозка остановилась, и возница поманил кнутом. Вилы были засунуты в специальное гнездо, острые концы их блестели голубым огнем. Эйслин потянула Мердис вперед, не обращая внимания на ее протесты. Скоро все стихло в порывах ветра.

IV

В повозке сидели остальные мертворожденные. Все девять человек со своими опекунами радостно приветствовали девушку, когда Эйслин заняла свое место. Они общались друг с другом, не произнося ни слова, но Мердис казалось, что ее захлестывают волны возбужденной болтовни. Она не почувствовала, что покидает Малмгарт, сопровождаемая мощными порывами ветра, громом и яростными стрелами молний. Повозка ехала не так, как обычные повозки. Вместо того чтобы громыхать по избитой дороге Долин, она парила в воздухе среди густых облаков.

Эйслин напрягала все органы чувств, чтобы определить направление, по которому они двигались.

— Мы, Мердис, движемся на север, в Пустыню, это в другой стороне от битвы при Бретфорде. У Мэла и Руфуса не хватит времени, чтобы договориться с другими лордами, прежде чем захватчики высадятся на наш берег. Почему мы движемся на север, когда битва происходит на юге? — она говорила громко, так чтобы все слышали, не обращая внимания на попытки Мердис заставить ее замолчать.

Одетый в серую одежду возница обернулся. Лица его в падавшей на него тени от капюшона не было видно. Он ответил:

— Если люди Долины не согласятся на их лидерство, Долины опять будут уничтожены. Их вооружение и войска не идут ни в какое сравнение с Ализоном.

— Вместо того, чтобы схать в Пустыню, мы могли бы им помочь, — настаивала Эйслин.

— Это их судьба, раз уж они так глупо заупрямились. Они могут сражаться друг с другом из гордости и недоверия. Смертные люди так устроены: дерутся и умирают, когда не надо. Так они и захватчиков пропустят. Нам сейчас надо защитить то, что спрятано.

Эйслин подумала о Мэле, и ее чувства разом отозвались в душах остальных: так листья поднимаются под сильным порывом ветра. Все они не захотели слепо подчиниться воле возницы.

— Мои родители и мои братья погибнут, если я ничего для них не сделаю, — сказала Мирр. — Они бы ни за что от меня не отвернулись.

Все остальные вторили ей.

Эйслин велела вознице:

— Поворачивайте повозку и езжайте на юг.

— Вы что же, выступаете против воли Древней Расы? Я не могу развернуться. Мне приказано привезти вас на место, и я должен это сделать.

— Я велю вам повернуть на юг, или я назову ваше имя, — приказала Эйслин. — Я вас знаю, и я не боюсь.

Опекуны в страхе съежились от такой дерзости, а Мердис попыталась усадить ее на место.

— Эйслин! Это бунт! Никто не смеет выступать против Древних! Ты не сможешь изменить то, что решено ими.

— Разве Старая Раса решает судьбу смертных людей? — гневно спросила Эйслин. — Разве люди не вольны решать сами за себя и выбирать дорогу, которая ведет их к цели? Даже люди Древней Расы не имеют право приказать людям Долин, что они должны умереть, чтобы спасти то, что спрятано. Они не умрут, если мы повернем назад и придем им на помощь, а мы обязаны им помочь. Мы такие же смертные, как и они, мы такие же, за

исключением того, что нас разделяет. Отвернувшись от них, мы предадим сами себя!

— Эйслин! — закричала Мердис. — Ты не можешь этого сделать! Ты сама не знаешь, что делаешь! Ты можешь погубить и себя, и всех остальных мертворожденных! Вся долгая, терпеливая и планомерная работа людей Древней Расы пойдет насмарку!

Еще один опекун промолвил:

— Возможно, так и произойдет! Они допустили ошибку, вложив свои души в тела смертных людей! Какое отвратительное сочетание Силы и чувства!

— Замолчите! — воскликнула Эйслин. — Мы повернем повозку назад. Все мы знаем имя возницы, и я назову его первая.

— Ты просто пародия на Силу Древних! — прошипел возница. — Ты не имеешь права командовать этой повозкой!

— А я скомандую, — спокойно сказала Эйслин. — Твое имя — Виард, и я командую тебе повернуть назад.

— Раскомандовалась, — сказал Виард мрачно.

— Поворачивай, Виард! — воскликнули мертворожденные, в то время как опекуны их сжались от страха.

Виард вспорол воздух кнутом, послышались оглушающие удары грома. Повозка дернулась, закачалась, как корабль на волнах, заскрежетав, почти остановилась и развернулась. Гигантский вол пошел вперед, на губах его вскипела обильная пена.

— Мы повернули на юг, Мердис! — Эйслин радостно встряхнула своего опекуна.

— Такого раньше никогда еще не бывало! — Мердис даже задохнулась. — Ты ослушалась Древних!

— Нет, — возразила Мирр. — Мы ведь сами новые люди Древней Расы. И решили по-своему.

Они поехали вперед. Настал рассвет, но они ничего не видели: вокруг крутились сплошные облака. Наконец Виард обернулся и бросил Эйслин через плечо:

— Мы уже почти там, куда ты так стремилась. Сейчас я вас покину, и вы сможете испытать свои силы,

бросить, так сказать, вызов судьбе, управляющей этими смертными.

— Найди укромное место и жди нашего возвращения, — приказала Эйслин.

Место, что выбрал Виард, находилось возле развалин на вершине холма возле долины Бретфорда. Невдалеке было море. Замок окружали зеленые поля и луга, защищенные рвами и земляными валами. На лугах паслись коровы и овцы. О решительных событиях можно было догадаться по единственному признаку — ярким знаменам, развевавшимся над крепостью. Это означало, что в данный момент там находятся лорды из других Долин. Вассалы лорда Бретфорда верхом, в полном боевом облачении, сопровождали делегацию иноземцев, направлявшихся в замок.

— Бретфорд ведет переговоры с врагом, — тревожно пробормотали мертворожденные.

Эйслин быстро оглядела окружавшие холмы. Жители Долин держались поодаль, в горах, ожидали распоряжений от своих лордов, находившихся в замке. В это время враги сходили на берег и выносили вооружение.

В гавани стояли четыре корабля. Они были совершенно не похожи на те, что когда-либо видели мертворожденные. Все были серого цвета, с низкой осадкой. Вместо обычных парусов и мачт они были оснащены какими-то непонятными устройствами. В мелководье сбрасывали сходни, и по ним на берег спускались большие отряды людей. Эйслин увидела четыре маленьких судна, вынырнувших из воды и очутившихся на берегу. Громыхая, они пошли по земле. Непонятно было, за счет чего они движутся. Эйслин показалось, что она их узнала. Она почувствовала исходящую от них угрозу. Древнее зло затаилось где-то здесь, в рядах иноземцев. Эйслин осторожно пыталась отыскать его, так чтобы зло это не заметило ее присутствия.

— Они вызвали Силу, — прошептала она. — Там есть холод, то, чему я не могу дать имя. Что-то не от смертного человека, не от людей из кораблей.

Она дотронулась до Мердис, и та тихонько вскрикнула, так как ей передалось то, что увидела Эйслин. Это было старинное зло, зло было живое, и оно вдруг почувствовало их. Так медведь, учуяв нечто подозрительное, просыпается в своей берлоге. Оно стало осторожно озираться, но тут Эйслин мысленно отключила с ним контакт.

— Нам нужно вернуться,— прошептала Мердис.— Мы одни не можем на него смотреть! Оно древнее и злое!

— Мы тоже древние, но мы не злые,— ответила Эйслин.— Хвитан,— она обратилась к сыну фокусника.— Ты знаешь имена штормов — воздушных и морских?

Темные глаза Хвитана оглядели гавань и корабли. Он что-то мысленно прикинул.

— Да, конечно, знаю имена моря и морских ветров,— сказал он.— Пора бы им проснуться и защитить нас от непрошеных гостей.

— Пока не надо, Хвитан. Возьми с собой Хаган и Ирен,— распорядилась Эйслин.— Мирр, Ана, Адалия, пойдите на берег и разыщите военные лагеря иноземцев. Лилия, Энраик, Кининг, ступайте к гавани и перехватите тех, кто уже идет в Долины. Мы знаем наперечет имена всех животных и всех предметов, что имеются в наших Долинах. Мы можем все то, что живет в воздухе, на земле, на море, обратить против захватчиков. Можем наслать на врагов болезни и поддержать наших людей в сражении. Мы заставим их вернуться на корабли, и пусть они плывут от наших берегов как можно дальше. Мы с Мердис отправимся в Бретфорд и станем добровольцами объединенных сил Долин.

— Миледи,— Мердис впервые так официально обратилась к Эйслин.— Я не хочу, чтобы хоть один из мертворожденных попал в руки Ализона. Они будут рады схватить в плен и воспользоваться Силой, заключенной в тебе.

— Ты что же, боишься, Мердис? Если хочешь, можешь пойти с остальными, но я должна быть в Бретфорде. Там сейчас Мэл и Руфус. Их нужно предупредить, что с иноземцами перемирия быть не может.

— Мой долг — охранять тебя, идти за тобой, куда бы ты ни направлялась, — ответила преданная Мердис. — Если идешь туда ты, значит и я — тоже, хотя, скорее всего, мы обе погибнем, — она засунула в рукав острый кинжал. — Живыми они нас не захватят.

Эйслин не стала слушаться настойчивых уговоров Мердис и дожидаться темноты. Они, не скрываясь, подошли к замку, ловя на себе злобные взгляды врагов, державших наготове оружие, словно каждую минуту ожидая нападения. Мердис тихонько с презрением фыркнула, и Эйслин без труда прочитала мысли своего опекуна. Это были самые обычные подонки, готовые за хорошую цену убить кого угодно.

— А вон и парочка гусынь, ждущих, чтобы их ощипали, — усмехнулся один из Гончих Ализона. Злой смех подхватили и другие. Своими лошадьми они преградили дорогу Эйслин и Мердис.

— Пошли прочь! — парировала Мердис. — Это леди Эйслин из Малмгарта. Вам будет плохо, если вы попытаетесь ее обидеть.

Гончие грубо расхохотались, и один из них попробовал грязной рукой дотронуться до волос Эйслин.

Эйслин уклонилась от оскорбительного прикосновения и назвала общее имя лошадей: «Хестурфиджот!»

Лошади тут же начали вставать на дыбы и беспокойно кружиться, а их седоки попытались криками и ударами хлыста взять их под контроль.

— Да это колдовство! — прорычал вожак Гончих. — Мы пришли на мирные переговоры, а нам противопоставили колдовство!

— Хестурфиджот! Стрюка! — воскликнула Эйслин, добавив команду бежать, и лошади рванулись прочь, дико всхрапывая, выкатывая белки глаз.

Зная, что Гончие не вернутся, пока она не обратится к лошадям, Эйслин направилась к земляным укреплениям, окружавшим крепость.

Возле главных ворот, простодушно открытых, они обнаружили объединенную охрану Ализона и жителей

Долин, находившихся на подозрительном расстоянии друг от друга. Двое Гончих загородили пиками тропу. Их бородатые лица, похожие на мордочки ласок, подозрительно щурились.

— Станьте в сторону,— приказала Мердис.— Это леди Эйслин, нареченная невеста молодого лорда Хрока. Вы не имеете права не впускать ее.

— Сюда нельзя,— грубо сказал тот, что стоял впереди.— Никому не позволено входить, пока здесь вождь Беорг и священники. Откуда мы знаем, что вы замышляете.

Гончие неприятно рассмеялись, бросая на Эйслин отвратительные плотоядные взгляды.

Люди Бретфорда прислушивались. Лица их выражали неодобрение. Переглянувшись, они приблизились, держа наготове оружие.

— Позвольте леди пройти,— сказал их лидер.— Мы возьмем ответственность на себя, если она замыслила недоброе против вашего вождя и его волшебников. Опасаться ее не следует.

— Сюда не пройдет никто,— рявкнул Гончий, преграждая путь пикой.— Я нахожу подозрительным ваше желание пропустить ее. Мне это не нравится.

— Мы пока соблюдаем перемирие,— ответил житель Долины.— Вы обвиняете нас в том, что мы его нарушили?

Гончие схватились за оружие и приняли оборонительную позу. Эйслин знала, из какого металла изготовлено их оружие и обратилась к нему. Оружие выпало из рук их владельцев, рассыпав по сторонам искры.

— Ведьмы! — взвизгнул один из Гончих, схватившись за обожженную руку.

Четверо Гончих схватили большие луки, но Эйслин назвала имя деревьев, из которых они были изготовлены, и стрелы рассыпались по сторонам. Некоторые даже попали в самих стрелков. Эйслин хотела выдать еще команду, но Мердис схватила ее за рукав.

Гончие отошли на безопасное расстояние, бородатые лица их выражали недоумение. Люди Бретфорда молча

открыли перед Эйслин ворота, глядя на нее изумленными глазами.

Перед дверьми главного зала шестеро Гончих Ализона преградили Эйслин дорогу. Одна из створок приоткрылась, а затем и другая. Ализонский стражник выглянул из-за щита. Эйслин назвала имя дерева, из которого были изготовлены двери, и они с грохотом отворились, словно их распахнула рука великана. Четверо Гончих, стоявших за дверьми, поспешно отступили, не веря своим глазам: враг предстал в виде тоненькой девушки со светлыми локонами, падавшими ей на плечи и трепетавшими, словно они были живыми. Облик ее менял очертания, смешивался с мириадом других лиц и форм, так что оппоненты не могли ее разглядеть. Они пятились, а она шла вперед и вошла в большой зал.

Среди собравшихся за большим столом она увидела лорда Бретфорда, Хрока, Руфуса и Мэла. Они поднялись, пораженные ее появлением.

Эйслин заговорила, и каменные стены отвечали эхом.

— *Лорд Бретфорд, лорд Руфус и другие лорды Долин, вы не должны подписывать мирный договор с пришельцами. Как могли вы так легко забыть то, что произошло с вашими отцами, когда Гончие истерзали и опустошили Долины?*

Первыми с обвинениями набросились Хрок и его отец.

— Что это за женщина? Разве среди нас колдунья?

— У нее дар!

Ализонский вождь и трое волшебников в серых одеждах хмуро уставились на Эйслин. Она совершила мысленную разведку и наткнулась на крадущуюся темноту, источающую сильный запах зла.

— Эти волшебники пользуются нечистой силой, — заявила Эйслин, — они замышляют недоброе против Долин.

— Мы не будем руководствоваться магией, откуда бы она ни исходила, — лорд Бретфорд поднялся из-за стола и сделал знак своим людям, — выведите людей Малм-

гарта и их волшебницу за ворота и проследите, чтобы они опять сюда не вошли. Я разрываю с Малмгартом всякие отношения, освобождаю их от всех обязательств и отказываюсь от союза с ними в будущем. Отныне Малмгарт для Бретфорда не существует.

Мэл повернулся к обидчикам Эйслин, как загнанный волк.

— Глупцы,— выкрикнул он.— Леди Эйслин говорит вам правду, да в душе вы и сами это знаете. Мы не можем заключать перемирия с Ализоном и этими моряками. Ведь они хотят нашей погибели. Так знайте же, все присутствующие, что я на стороне леди Эйслин, и тот, кто нападет на нее, будет иметь дело со мной.

— Уберите ее отсюда,— распорядился Бретфорд.— Она здесь чужая. Своим колдовством она может навлечь беду на невинных людей. Подумать только, что мой сын чуть было не связал с ней свою судьбу!

— Колдовство ей досталось от Древних,— сказал Хрок.— Говорят, мертворожденные — сосуд для неведомых сил.

— Эйслин — это подарок всем нам от людей Древней Расы,— вмешался Мэл.— Ей суждено спасти нас всех от врагов и от нашей собственной глупости.

— Нам никаких подарков от Древних не надо,— сказал лорд Бретфорд.— Забирай свою ведьму и отправляйся с ней в Малмгарт. Мы не будем вступать в союз с теми, кто якшается со злыми силами.

— Злые силы! — взорвался лорд Руфус.— В леди Эйслин нет ни капли зла. Она от рождения — наследница Малмгарта. Я знаю ее с самого рождения, и за всю жизнь она не совершила ни одного дурного поступка. Если вы так понимаете зло, то Малмгарт никогда не выступит под вашим флагом!

— Я тоже присоединяюсь! — эхом откликнулся лорд Вилдмар.— Присоединяюсь к Малмгарту и леди Эйслин.

— И я,— добавили лорд Трэдвис, выступая вперед. Он стукнул об пол топором, и тот зазвенел. Шестеро

других лордов со своими вассалами вышли вперед и заявили о своей верности Эйслин.

Это составило почти половину собравшихся на совет лордов. Атмосфера накалилась еще больше, когда Беорг и его соратники с мрачным и угрожающим выражением на лицах вышли из зала. Главный волшебник Дуру остановился на миг перед Эйслин, стараясь мысленно испытать ее силу. Она содрогнулась от этого нечистого зондирования и отразила атаку.

— Мы еще встретимся, — пробормотал он, проходя мимо нее.

Эйслин выступила вперед и сердито осмотрела собравшихся за столом.

— И вы еще ссоритесь, — воскликнула она. — Захватчики ломятся в ваши двери. Вам необходимо объединиться! Есть еще мертворожденные, но их всего лишь девять. Часть из них в горах пытается известным им способом повернуть врага назад, другие стараются не допустить выхода воинов с кораблей на берег.

— Да ведь их совсем немного, — с презрением произнес Бретфорд. — И у них мало лошадей. Что они смогут сделать, когда за каждым из нас стоит по пятьдесят человек?

— Их немного, зато у них есть оружие, какого мы никогда не видели, — возразила Эйслин. — Вы все должны призвать ваших людей. Пусть они спустятся с гор, нока чужеземцы, с их самоходными кораблями, не двинулись на нашу землю. Неужели вы забыли о своих отцах? Ведь в их время Ализон спустился в наши Долины и убивал, и грабил, и довел земли почти до полного уничтожения.

— Пока вы спорите, — присоединилась Мердис, — Беорг собирает своих людей, чтобы напасть на нас. Сколько времени, Бретфорд, вы еще будете сидеть здесь и попусту трепать языками?

Руфус мрачно сказал:

— Половина из нас готовы защищать наши земли. Те из вас, кто не боится бороться за свои жизни и свободу,

вставайте под ваши флаги, и Малмгарт поведет вас к победе!

Вилдмар, Трэдвис, Ульфмайер, Фэрволд и их вассалы подняли на плечо свое оружие и вышли во двор за Руфусом и Мэлом, призвав часть своих воинов седлать и выводить лошадей.

Крик, раздавшийся с крепостной стены, остановил кавалькаду.

— Они уже идут! Беорг и его Гончие, и военная машина!

У Мердис перехватило дыхание.

— Слишком поздно! Мы в ловушке!

— Пока нет, — ответил Мэл. — Их меньше, чем нас. Мы прогоним их в море. Врагу не достанется ни пяди земли Долин.

Эйслин подозвала лошадь и вскочила в седло, прежде чем Мердис или кто-либо успел возразить. Тихонько шепнув ей в ухо одно слово, она послала ее за Мэлом в легкий галоп. Никто из воинов не сделал движения, чтобы остановить ее. Лишь Мэл проворчал что-то с неудовольствием, но и он знал, что пытаться повлиять на нее, раз уже она решилась на что-то, было бессмысленно. Он, стараясь защитить ее, поскакал рядом, зорко наблюдая при этом за приближением врага.

Темная толпа людей и незнакомая военная машина двигались по направлению к главным воротам Бретфорда. Впереди скакали десять ализонских воинов. Щиты и гербы их были украшены символом — ящероподобным существом. За ними шли десять пехотинцев, а замыкала шествие странная машина. Устройство ее было непонятно, но понятно назначение — сеять смерть. Она двигалась, как маленький беспарусный корабль, со зловещим скрежетом и грохотом.

Малмгарт и его союзники выехали из ворот и остановились, наблюдая за продвижением врага к первому земляному укреплению. При наличии в крепости достаточно воинов отряд стрелков устроил бы им засаду и быстро одолел бы столь незначительные силы противника.

Эйслин наблюдала за приближавшимся врагом. Ветер без устали трепал ее волосы. В уши ее постоянно поступали донесения.

— Враг высадился в Арнвольде,— сказала она, движением головы показывая на юг,— и банда из двадцати человек движется в глубь страны. На востоке нападающих еще больше, они дошли до Уэйлеса.

— А что можно сказать о нападающих? — осведомился Мэл.

— Вполне обычные люди, лошади тоже обыкновенные. Но их военная машина, что катится на колесах сама по себе, необычна. Мне неизвестно название металла, из которого она сделана. Он для меня безымянный. Внутри машины два человека,— мысленно она обратилась с вопросом к двум умам. Они среагировали сначала с любопытством, потом внезапно разозлились и перестали отвечать. Эйслин охватило холодом. Холод этот был не от окружавшего ее реального мира. В этом холоде таилась такая же угроза, как в темноте, исходившей от волшебников Беорга.

Военная машина остановилась, от нее отходил хобот, конец которого был направлен в сторону всадников. Ализонские воины расступились, и вперед выехал Беорг. Он с самоуверенным видом подъехал к Руфусу и Мэлу.

— Эта крепость будет нашей до наступления темноты,— усмехнулся Беорг.— Лучше убирайтесь с вашей ведьмой в горы, а не то сегодня же готовьтесь к смерти. Куда бы вы ни направились, мы выследим вас, как крыс на току.

— Думаю, это вас отсеют сегодня, и высевки Ализона развеет ветром! — возразил Руфус.

— Ты пожалеешь о своем решении,— сказал Беорг, натянул поводья и отъехал в сторону, уступая дорогу военной машине.

Настала долгая пауза. Ничто не двигалось. Внутри машины люди тихонько чем-то щелкали.

Вдруг Эйслин произнесла одно слово, и боевые лошади, как одна — позади и рядом с ней — соскочили с

дороги, по которой двигалась военная машина. Машина выпустила дымное облако, и раздался оглушительный взрыв. Каменный воротный столб позади них разлетелся на куски. Лошади более не нуждались в предупреждении Эйслин. Всхрапывая, выкатив от ужаса глаза, они неслись, куда глаза глядят, а всадники старались их усмирить.

Лошадь Эйслин рванула в сторону, сокрушила земляное укрепление и упала на колени. В результате сильного удара Эйслин вылетела из седла, перелетела через голову лошади и жестко приземлилась в груду каменных обломков. Оглушенная, она лежала, задыхаясь от боли, и слышала лишь бессмысленный рев в ушах. Она старалась встать на четвереньки, но земля плыла перед ее глазами.

— Мэл! — в отчаянии позвала она, пытаясь узнать его среди смутных фигур, крутящихся вокруг нее.

Мэл и другие всадники постепенно перегруппировали своих испуганных лошадей и направили их под укрытие, когда Мэл услышал ее зов. Услышав ее, он направил к ней лошадь. В это время военная машина опять устремилась вперед. Затем остановилась, направив дуло на ворота, на этот раз надежно запертые. Раздался еще один страшный взрыв, и ворота разлетелись на мелкие кусочки, еще раз напугав лошадей. Мэл спрыгнул с вставшей на дыбы лошади и побежал к Эйслин. Ализонские воины угадали его намерение и встретили его с обнаженными мечами и топорами. Соратники Мэла понудили своих сопротивляющихся лошадей идти вперед, но не успели изменить конец короткой яростной битвы. Меч, ударивший Мэла по шлему, свалил его на землю. Ализонские воины двинулись на людей Долин, оттеснили их назад и погнали бы их еще дальше, если бы не команда одного из троих одетых в серое волшебников, находившихся за военной машиной.

— Беорг! Отпусти их,— скомандовал Дуру.— Лучше посмотрим здесь нашу добычу,— позвякивая целой коллекцией символов и кошельков, прикрепленных на поясе, волшебник остановился возле Эйслин. Та сидела

уже вполне уверенно и с вызовом смотрела на него. Шишка на ее лбу росла с каждым мгновением.

Волшебник сделал насы руками, отчего на его красное лицо упал свет, делавший его еще более непривлекательным. Эйслин видела, что он неразумно использовал запрещенные тайны земли.

— Меня зовут Дуру. Что ты здесь делаешь, женщина Древней Расы? — притворно улыбаясь, спросил волшебник. — Да еще и будучи такой слабой? Разве ты не знаешь, как страдают смертные, а потом и умирают? Или тебе было любопытно испытать боль?

Эйслин, сделав невероятное волевое усилие, поднялась на ноги, подавляя страшную боль во всем теле, и посмотрела прямо на врага. Он был врагом Малмгарту и всему тому, что было ей так дорого, он был врагом людям Древней Расы, дух которых жил в ее хрупкой бренной оболочке. Она наконец распознала суть Дуру и узнала те силы, которые им руководили. Он обслуживал темные силы, так же, как Мердис обслуживала Старую Расу, но чистой Силой, той, что была у Эйслин, он не обладал.

— Ты нечист, Дуру, — сказала она с презрением. — У тебя нет власти надо мной.

— Разве? Разве ты не смертна? — Дуру сделал знак воинам. — Возьмите се, да не дайте ей обмануть вас своими трюками, не то она убежит.

Двое мужчин схватили Эйслин за руки и поволокли, не понимая, что ее сопротивление объяснялось царапинами и шишками, вызванными падением с лошади. Закусив губы, она ни разу не вскрикнула, чтобы не проявить перед ними свою слабость.

— А что делать с тем? — спросил один из воинов, толкая инертное тело Мэла ногой.

— Несите его, — ответил волшебник, оторвав взгляд от бледного лица Эйслин. — Он явился на помощь леди. Похоже, он ей очень дорог. Слабые смертные часто по глупости придают слишком большое значение другим смертным.

Эйслин ни жестом, ни взглядом не подтвердила его подозрений. Бесчувственное тело Мэла погрузили на лошадь, а Эйслин посадили на другую. Дуру ехал рядом с ней и держал поводья, чтобы не дать ей сбежать, преодолев небольшое расстояние до крепости.

Военная машина грохотала впереди. Ализонские воины следовали за ней, сотрясая воздух дикими криками триумфа. Машина вломилась в остатки дверей. Створки окончательно слетели с петель. Несколько защитников крепости выпустили в нее град стрел, но они отскакивали от нее, не причинив ни малейшего вреда. Как только военная машина заехала во двор, послышались новые взрывы, с коротким перерывом следующие друг за другом, и снова крики.

Руфус с оставшимися воинами кружил вокруг крепости. Его раздирало желание спасти своих товарищей, и в то же время он знал, что нужно все-таки ждать подкрепления.

— Некоторым из вас придется биться с врагом на мечах, — Руфус поднял вверх меч, украшенный разноцветными лентами. — Скажите им: пришло время осады и боя. Беорг и его воины могут удерживать крепость, но им это ничего не даст. Никто теперь из нее не выйдет, и туда никто не войдет. Фактически мы будем держать Беорга и его волшебников в плену. Пробраться в глубь страны им не удастся, если мы их не выпустим отсюда.

Через три дня Вилдмар, Трэдвис, Улфмайер, Фэерволд и Малмгарт, объединившись, держали крепость Бретфорда в осаде. Спустились они с горных вершин с предосторожностями, напуганные рассказами о землетрясениях, наводнениях, снежных лавинах и пожарах, о которых доложили им их разведчики. На вершинах горных хребтов горели по ночам огненные преграды, днем сверкали молнии. Казалось, восстала вся природа, преграждая путь захватчикам, куда бы они ни поворачивали, за исключением моря, откуда они и пришли на эту землю.

V

Эйслин мерила шагами узкое пространство своей тюрьмы в замке Бретфорда. На полу комнаты была выложена пятиконечная звезда. На каждой ее вершине стояла свеча, распространявшая отвратительный запах. Когда Эйслин пыталась пересечь невидимую линию, неведомая сила останавливала ее, словно она упиралась в стену. Дуру со злорадством смотрел на узницу. Радость омрачали лишь неблагоприятные сводки с поля сражения.

— Ваши люди окружили нас,— сказал он с иронией.— Ну да это пустяки, все их потуги бесполезны. Никакого сравнения с нашими превосходящими силами они не выдержат. У нас имеется двести обученных воинов и четыре военные машины. Одну из них ты уже видела в работе. Каждая машина может заменить сотню воинов с луками и мечами.

— Их сила ничего не значит. Против них восстала вся природа,— ответила Эйслин.— Скалы, деревья, вода, воздух и сама земля — она раскрылась, чтобы поглотить их. Землетрясение — это предупреждение захватчикам. Море и гиганты, что живут в нем, ждут нашей команды. Мы, мертворожденные, явились защитить то, что спрятано в Пустыне. Теперь мы защищаем то, что любим. Захватчики на этот раз не пройдут.

Дуру сердито фыркнул, уязвленный правдой ее слов. Он слышал, как грохотала земля, и собственными глазами видел пожары и молнии в горах. Гавань, обычно спокойная, вздыбилась и закрутила вихри. Люди не могли сойти с кораблей, чтобы добраться до берега. Гигантские спины с острыми плавниками вспарывали поверхность воды. Что-то огромное и незнакомое кружило возле кораблей.

Дуру запальчиво сказал:

— Немедленно пошли к другим мертворожденным и прикажи пропустить нас, иначе вы оба умрете. И очень много жителей Долин умрет при освобождении Брет-

форда нашими войсками. Так вот: кровь их будет на тебе, если не скомандуешь им сдаться.

— Да лучше я умру, чем отдам такую команду, — ответила Эйслин.

— Посмотрю, как ты запоешь, когда прикажу замучить до смерти того, которого захватили вместе с тобой.

— Делай, что хочешь, своего ты не добьешься, — в глазах ее вспыхнул опасный огонек, и Дуру дернулся, словно невидимая сила ударила его. Эйслин не выказала удивления, а он поспешил скрыть свою реакцию, отвернувшись, словно в нетерпении.

— Нам нужно всего лишь пройти через ваши земли по пути на север, — продолжил Дуру, овладев собой. — Быть может, нам удастся прийти к соглашению. Обеспечьте нам безопасный проход в Пустыню, а мы обещаем не проливать больше крови. Я думаю, мы это можем гарантировать даже без твоего содействия. А тебе не мешает проявить благоразумие и согласиться провести нас туда. В этом случае мы не причиним вреда тем, кого ты любишь.

— А после того, как вы найдете то, что спрятано? — спросила Эйслин.

— Вы, разумеется, будете освобождены. Ты и твой приятель. И все те, кого захватили в Бретфорде, тоже будут освобождены, — добавил он великодушно. — В темнице они сидят из-за твоей глупой нерешительности.

Эйслин медленно заговорила, внимательно прислушиваясь к предупреждающему ее голосу.

— Эти люди, что сидят в военных машинах, и люди с кораблей, не такие, как мы. Они пришли из далекой страны, через незнакомые врата. Они ищут еще одни врата для того, чтобы привести с собой сюда таких же, как они, людей. Разве ты не знаешь, что вас всех уничтожат, когда матросы сойдут на берег? Они другие, они сильные, потому что у них есть незнакомое оружие. Они не дадут нам жить рядом с ними в мире, даже если мы и захотим этого.

Дуру коротко засмеялся.

— Такими разговорами ты никого из нас не испугаешь.

— Разумнее было бы,— сказал другой волшебник, пощипывая седую бородку,— продемонстрировать людям с кораблей вашу добрую волю и гостеприимно провести их к Вратам в Пустыне. И если уж вам не слишком захочется это сделать, то, по крайней мере, надо сделать вид, что вы делаете это охотно.

— Это место я вам не покажу,— отрезала Эйслин.— Запрещено показывать его нечистым.

— Если у тебя достаточно Силы, ничего не запрещено,— ответил Дуру и дал знак другим волшебникам.— Мы пойдем в большой зал. Приведите леди Эйслин, пусть убедится, что все ее протесты напрасны.

Стена, воздвигнутая вокруг нее неизвестной силой, рухнула от произнесенного слова. Слова этого Эйслин не знала. Волшебники помахали палками из неизвестного Эйслин дерева, и она почувствовала, что ее подталкивают вперед. Ощущение собственной беспомощности ей не понравилось, однако ей не удалось проникнуть в природу той Силы, что ее связала.

Дуру отворил двери зала и вошел, жестом пригласив других следовать за ним. Эйслин сразу же почувствовала, что она вошла в царство Силы, не уступающей по величине ее собственной. В зале было почти темно, лишь из окон под потолком пробивались узкие полосы света. На полу, на пяти вершинах звезды, горели коптящие свечи, распространявшие отвратительный запах. Она обвела взглядом собравшихся в зале, отыскивая источник злой Силы, бьющей по ней, изучающей ее, ищущей слабое место в ее обороне. Право ее в силу рождения инстинктивно ее защищало. Чужие голоса, пришедшие из темноты, из бесформенного центра звезды, жужжали вокруг, но не могли уязвить ее.

Трое волшебников объединили свои усилия. Седобородые, с красными лицами, они сгорали от желания найти Величайшую из Сил. Эйслин чувствовала, как они стараются проникнуть в ее мысли, прочитать секрет, которым,

как они чувствовали, она обладает — секрет того, что спрятано в Пустыне.

Один из них отошел и вернулся с Мердис, грубо подталкивая ее сзади.

— Это жалкое подношение, — заметил другой. — На ее костях так мало мяса, что не о чем и говорить.

— Голос не интересуется мясом, — ответил Дуру. Глаза его горели лихорадочным огнем. — Ему нужна суть жизни, которой обладают все живые создания. Ему нужна сила, высвобождающаяся с приходом смерти.

Он вытащил длинный острый нож и стоял, глядя на центр звезды, повторяя слова заклинания. Эйслин пыталась войти в сознание Мердис, но была резко одернута: «Не надо подпитывать собственный страх!»

Темнота сконцентрировалась и приняла почти узнаваемую форму. Дуру сделал знак, и Мердис вытолкнули вперед.

Эйслин откинула голову и скомандовала так громко, как могла:

— Стойте! Освободите эту женщину! Этим бессмысленным убийством вы преступаете все законы, и сейчас все силы восстанут против вас.

Под воздействием ее голоса пламя всех свечей одновременно отшатнулось, однако не погасло.

Волшебник, тот, что стоял в центре, сделал шаг вперед. Разлепив увядшие губы, он заговорил голосом, который ему не принадлежал. Заметно было, что горло его сдавило, и он прохрипел:

— Кто ты такая, что осмеливаешься бросать вызов моим слугам?

— Имя свое я сохраню в тайне. Вы здесь чужие. Я приказываю вам покинуть нашу землю силою Девяти Великих Имен!

— Меня призвали, — из темноты, из самого центра, прозвучал голос через посредство медиума.

Эйслин бросила взгляд на Мердис. Отыскивая запрещенное знание, Дуру сумел открыть имя древнего зла, поэтому приобрел над ним власть, хотя и небольшую.

— Что за глупость, — вырвалось у Мердис. — Дуру, да ты просто глуп, раз надумал вывести его из спячки!

Дуру холодно улыбнулся.

— Подчинись мне и живи. Будешь сопротивляться — погибнешь: тебя поглотит Голос.

Эйслин подтолкнули вперед на два шага, но ей удалось остановить Силу, что ее толкала.

— Я не твоя, чтобы ты мной командовал, — с презрением сказала она. — Этот сброд, что тебя пригласил, — твои слуги. Командуй ими, если хочешь. Я же тебе не подчиняюсь.

Она обвела взглядом волшебников в серых одеяниях, чувствуя, как из глаз их, лишенных души, изливается зло. Они были в полном подчинении у Голоса, который они призвали.

Голос сказал:

— Схватите ее и подведите ко мне.

Они протянули к ней клешнеобразные руки. Волны чудовищной Силы били по ней. Какое-то мгновение Эйслин пыталась пробиться в их сознание, отыскать то, чему могла дать имя. Они отчаянно сопротивлялись, но Эйслин удалось отыскать в мозгу слабейшего из них единственную испуганную мысль: «Сила и чувство! Она знает?».

— Я не боюсь подойти к этому существу по собственной воле, — сказала Эйслин, отстраняясь от прикосновения желтых рук.

Повернувшись спиной к волшебникам, она двинулась в черную пустоту, сгустившуюся в центре звезды. Сделав жест рукой, она создала светящийся голубой знак, повисший перед ней в воздухе.

— Здесь это тебе не поможет, — злобно бросил медиум, сотрясаясь от силы, говорившей с его помощью. — Либо ты откроешь Врата, спрятанные в Пустыне, либо тебя постигнет та же участь, что и тех, кто пытался мне противостоять.

Темная сила дала ей на миг увидеть других пленников, собранных в темноте. Среди них она увидела Мэла,

и мысль ее, словно искра от отскочившей в сторону горящей головни, влетела в его мозг, с просьбой о помощи. Ей удалось на долю секунды заметить его изумленное лицо и прошептать его тайное имя: «Асмериллион!».

И Голос вдруг загремел подобно грому. В нем слышались боль и ярость. Волшебники затряслись, схватились за головы, скорчились от боли, Голос хлестал Эйслин, стараясь уничтожить. Мердис схватила ее за руку и прошептала:

— Используй свой гнев как оружие! Чувства этому существу незнакомы! В нем никогда не было ничего человеческого!

Эйслин собрала всю свою ярость и желание жить, и темнота отступила. Она опять мысленно обратилась к Мэлу, отыскала его в темном углу крепости. Он уже поднялся на ноги и ломился в дверь, отделявшую его и других от свободы.

— Асмериллион, вперед! — призвала в гневе Эйслин.

Медиумы дернулись, как марионетки, споткнулись и упали навзничь под натиском ярости Эйслин.

— Освободи своих узников и убирайся! — прошипела она, гнев ее стал острым, как бритва. — Я мертворожденная, Древняя, дважды защищенная от всех Безымянных!

Голос зарычал, отыскал Дуру и затряс его так, как собака треплет крысу. Эйслин почувствовала физически, как страх изливается из него сильной струей, и Голос с жадностью набросился на эту струю. Таинственное существо расширилось. Теперь оно приобрело форму, много форм, по большей части звериных и искаженных.

— Асмериллион! Иди же! Говори! — приказала опять Эйслин, молча сообщая Мэлу настоящее имя дерева.

Внизу, в подземелье, в самой старой части замка, стоял потрясенный Мэл. Он обратился к двери, и деревянные створки соскочили с металлических петель. Бретфорд, Хрок и остальные узники стояли, прижавшись к стене, не шевелясь. Они оторопело смотрели то на него, то на дверь.

— Асмериллион! — снова прозвучал дрожащий призыв, и душа Мэла встрепенулась, откликаясь. Он рванулся в разрушенную дверь и встретил ализонского воина, стоявшего на страже. Охранник был оглушен взрывом и замешкался с оружием. Мэл бросился на него, как кошка. Ему показалось, что исполнились мечты его детства, Сила его была безгранична, ни один враг не мог даже прикоснуться к нему: так велика была его мощь и молниеносна реакция. Вырвав оружие из рук стражника, он скомандовал лорду Бретфорду и остальным:

— Следуйте за мной, если вам дорога жизнь.

В голосе его была такая сила, что все они разом вышли из оцепенения и поторопились за ним, вдохновленные на подвиги, которых ранее от самих себя не ожидали. Они одолели Гончих Ализона в коридорах замка, захватили их оружие. Поднявшись из темницы, они встретили и разбили вдвое большее количество Гончих. Мэл шел впереди, яростно и без устали размахивая мечом.

В ушах его все время звучал голос Эйслин: «Асмериллион! Призываю тебя!»

Когда короткая ожесточенная схватка на лестнице была закончена, восемь Гончих лежали мертвыми, а трое бежали, предупреждая об опасности.

— За ними! — тяжело дыша крикнул Хрок, опьяненный кровью, и посмотрел на Мэла, ожидая его команды.

— Пусть идут, — сказал Мэл. — Нам теперь нужно взять зал. Ведь там Эйслин!

Им нужно было сначала пройти через двор. Во дворе было полно Гончих, занимавших оборонительные позиции. Мэл сосчитал. Их было пятнадцать, не считая двоих в военной машине. Машина неожиданно пришла в движение, башня на ней закрутилась. Внизу у башни имелась щель, из которой торчало гладкое черное оружие, выпускавшее залп огня. За каждым залпом следовал взрыв и смерть одного из людей Бретфорда. Люди запрокидывались назад, хватаясь за грудь, и кровь хлестала из-под их пальцев. А машина все издавала резкие щелчки, и там, куда наносились невидимые удары, разлетались по сто-

ронам камни и образовывались дыры в дверях и колоннах. Мэл со своим отрядом прятался за стенами и контрфорсами, отчаянно стараясь не попасть под выстрелы машины, башня которой с каждым поворотом сеяла смерть во дворе крепости. Гончис Ализона радостно приветствовали каждый выстрел, но тем не менее прятались тоже, так как опасность угрожала им в равной степени.

Маленький отряд Мэла отступил. Гнев их быстро улетучился, уступив место растерянности и страху.

Собравшиеся в зале, Эйслин в том числе, слышали шум сражения.

— Твои варвары отступили,— доложил Дуру.— Прикажи им немедленно сдаться, иначе все они будут уничтожены!

— Я пришла сюда, чтобы освободить своих людей!

— Твои люди! — повторил Голос через одного из медиумов.— Если они тебе не слуги, то, значит, они и не твои люди. Ведь ты из древнего рода, как и я, пусть даже ты и в человеческом теле.

— Я тоже человек,— с гордостью заявила Эйслин.

— Твои люди — ничто,— настаивал Голос.

— Я уничтожу тебя, чтобы спасти их,— ответила Эйслин, еще раз направляя свою мысль в темноту в центре звезды. В гнезде она призвала Имена разных предметов, находившихся в зале, и создала целую бурю из летающих кубков, стульев, скамеек, дров и мелкого оружия. Даже обивочная ткань на стенах неистово захлопала. Зазвучала дикая музыка. Это взвыли нестройным хором арфы, лютни и флейты, выражая тем свой протест. Сама Эйслин замерцала, у нее появилась сотня лиц и форм, менявшихся ежеминутно.

Голос загрохотал:

— Мы старые враги, ты и я! Не пытайся обмануть меня расхожими трюками! Человеческая натура ослабляет твою Силу! Это отвратительно!

— Убирайся в свой темный колодец,— скомандовала Эйслин.— Только самые мудрые знают, где находятся Врата, а самые мудрые — вовсе не самые злые.

Темнота всколыхнулась, как черный дым, наливаясь злобой.

— Ты умрешь, и твои люди из Долин, и твои братья и сестры в бренной оболочке, — прошипел Голос. — Все, чем ты обладаешь, будет мое, а ты больше не будешь чувствовать боли.

Как от удара кнута, все синяки и болячки Эйслин слились в одну агонизирующую боль. Она лишь закусила губу и с нечеловеческим усилием воли приказала себе и виду не показывать, будто ей больно. Нимб вокруг нее сделался красным с прожилками извивающегося черного цвета.

Потом Голос показал ей на миг двор, где Мэл с жителями Долины были в буквальном смысле загнаны в угол торжествующими Гончими, а машина рычала, как взбесившийся зверь над своею добычей.

— Если ты не спасешь их, они умрут, — прошептал Голос. — Скажи только слово, и они будут освобождены. Если промедлишь, все будет кончено.

На глазах Эйслин еще одного жителя Долин взяла на мушку военная машина, и он испустил дух, после чего Голос убрал картину.

— Не падай духом! — воскликнула Мердис. — Дай волю гневу! Плачь по погибшим! Они — твое оружие. Используй их!

— Асмериллион! — мысли Эйслин с осторожностью обратились к этому Имени, и она тотчас была вознаграждена неожиданной вспышкой в мозгу, когда сознание ее соприкоснулось с сознанием Мэла. Она ощутила его гнев, направленный против Гончих и их машины, ярость, вызванную гибелью товарищей, и страстное желание подавить страх и сомнения. Услышав свое настоящее имя, он опять вскочил на ноги, излучая непобедимую силу и уверенность, которые тут же передались его соратникам.

Голос ее словно прошептал ему на ухо:

— Возьми стрелу и беги к военной машине. Скажи имя Джуртспренгер!

Мэл схватил стрелу и, назвав ее по имени, ощутил, как она откликнулась, испустив огромный энергетический заряд. В его руке она двигалась, как живая. Пока он бежал по двору, стрела дважды прицельно поразила Гончих. Ни одна рука, ни одно оружие не смогли достать его. Он прицелился и запустил стрелу с острым металлическим наконечником в щель машины, прокричав название дерева, из которого она была изготовлена: «Джурт-спренгер!»

Раздался взрыв, полетели осколки, все заволокло зеленоватой дымкой. Мэл отпрыгнул в сторону, глаза заслезились, дыхание перехватило. Воздух наполнился ядовитыми испарениями. Военная машина продолжала движение вперед, давя Гончих и слепо натыкаясь на препятствия. Казалось, она сошла с ума. Затем ткнулась в стену, частично обрушив ее, вскарабкалась, как пьяная, на булыжник и тяжело опрокинулась вверх колесами. Колеса эти продолжали крутиться, издавая скрежещущий звук, но выстрелов больше не последовало.

Оставшиеся в живых Гончие, увидев, что защитник их повержен, заняли оборонительную позицию в главном зале. Мэл едва видел своих противников, они лишь на несколько мгновений представали перед ним и тут же, смертельно раненые, падали под его мечом. Приблизившись к дверям, он вспомнил слово, открывшее дверь их темницы. Он опять произнес его. Тут же раздался оглушительный взрыв, и щепки полетели в разные стороны. Он ворвался в темный зал, в котором, правда, стало светлее, оттого что двух тяжелых дверей больше не было.

— Эйслин! — заорал он.

— Асмериллион! Мэл!

— Хорошо! — шепнула Мердис.— Думай о Мэле, девочка! Ведь ты его любишь, да?

Сила Эйслин победно излилась. В ней смешались и гнев на врагов, и любовь, и страсть, и воля. Чувства захлестнули ее. Вокруг нее собрались бесформенные существа. Все они, дрожа, окрашивались в свой цвет: злобный черный, мужественный красный, яркий желтый, голубой,

чистый мерцающий, и зловредный зеленый. Эйслин призвала их, собрала, обточила и сделав из них дротики, выстрелила ими в черноту, собравшуюся в самом центре звезды.

Голос увернулся от бомбардировки безымянными силами. Когда стрелы стали попадать в центр звезды, медиумы, в унисон, завизжали от ужаса. Они падали, как пустые мешки, и дергались в конвульсиях.

— Это анафема! — выл Голос, уже издалека.— Это силы безымянные!

Дуру задохнулся:

—Голос уходит!

Идя по следу разноцветных аур, Эйслин, не глядя, проходила мимо них и разбивала пламя ближайшей свечи. Свеча с шипением гасла. Взвыв, Голос бежал в свое укрытие в отдаленном темном месте.

Воины, собравшиеся в крепости, ожидали новой атаки. Один из кораблей в гавани выгрузил еще одну военную машину, но она упала во вспенившиеся волны, и моряки лишь увидели, как огромная зеленая волна перевернула ее и уволокла на дно. Некоторые свидетели утверждали, что ее утащило огромное морское чудовище с острыми блестящими плавниками.

— Хвитан свое дело делает хорошо,— вот и все, что сказала Эйслин.

Кажется, все силы природы объединились в сражении при Бретфорде. Крепость была окружена осаждавшей ее стороной. На третий день, к ночи, когда темнота должна была способствовать взятию крепости, небо не стало темнеть. Всю ночь на небе крепость омывал мертвенно-бледный свет. Осаждавшие пришли в сильное недоумение и предприняли серию неэффективных атак на защитников крепости. Каждый раз по неизвестной причине вспыхивал пожар, либо наплывал туман, и дробил вражеские войска на небольшие группы. Молнии внезапно освещали врага, пытавшегося застать людей из крепости врасплох, а море в гавани грозило утопить пришвартованные здесь корабли.

Ближе к рассвету один из кораблей попытался подойти ближе к скалистому берегу, но разбился в щепки. Затем последовали взрывы, и в воздух поднялись черные клубы дыма. Воины Ализона поняли, что находятся в отчаянном положении, и решили отказаться от амбициозных намерений захватить крепость. Еще одна военная машина зарычала и довольно резво двинулась уже по направлению к морю, что выглядело как трусливое отступление. Она оставила за собой ализонских воинов, которые ранее так доверчиво следовали за ней. Некоторые из них, рискуя жизнью, прыгали в воду, чтобы скорее добраться до кораблей, однако сердитые волны и гиганты — обитатели глубин сильно уменьшили их количество. Другим все же удалось благополучно выбраться из воды и попасть на корабль.

Очутившись в воде, военная машина стала легкой добычей другой зеленой волны, с высовывающимися из нее чудовищными плавниками. Волна эта несколько раз шаловливо перекатила ее с боку на бок и уволокла на дно. Под водой много раз что-то взрывалось, но военная машина так больше и не появилась на поверхности.

Три оставшихся корабля подняли якорь и пошли мимо обломков четвертого, оставив за собой остатки Ализонского войска, которому некуда было ступить, так как вся земля стала для них враждебной. В соседних горах звучали боевые горны. Руфус и Мэл вели объединенные силы Долин в атаку, заканчивая войну, развязанную Ализоном с его странными союзниками. Мертвых сложили в штабеля и сожгли. Кремация длилась семь дней и ночей.

По распоряжению Эйслин черная повозка усхала пустой, за исключением одетого в серое одеяние Виарды, угрюмо щелкавшего кнутом. Отъезд ее видели лишь несколько избранных — мертворожденные со своими опекунами, включая Мердис, а также Мэл и Руфус. Они смотрели на исчезавшую в тумане повозку, как на прерванный кошмарный сон.

— Никогда не верил, что она существует,— сказал Мэл, поеживаясь, когда повозка благополучно скрылась.—

Даже когда госпожа Айрина пыталась нас ею напугать. Откуда она знала?

— Никакого труда не составило внушить ей этот сон. Надо же было подготовить Эйслин к тому дню, когда эта повозка появится, — ответила ему Мердис.

— Она теперь не вернется, — продолжила Эйслин мысль Мэла, — до тех пор, пока не наступит угроза новой войны из-за того, что спрятано в Пустыне.

— И тогда ты опять в нее сядешь? — спросил Мэл.

— Да, мы все должны, — ответила Эйслин. — Но пройдет еще много лет, прежде чем кто-либо из нас навсегда вернется в место, где хранится Лоза. Я долго буду леди Малмгарта, если ты согласишься стать его лордом.

— Но как же твоя мама, госпожа Айрина, и Хрок...

— Все препятствия убраны, Мэл, за исключением, твоего страха и недоверия к моему мертворожденному наследию.

— Пусть этого боятся другие, — ответил Мэл. Он поднял Эйслин на лошадь и посадил перед собой. — Мы пошлем гонца в Малмгарт, чтобы там готовились принять невесту. Будет устроен праздничный пир, на который пригласим всех.

Отвернувшись, Мердис почти улыбалась, прикрыв рот рукой. Она вспомнила, как четырнадцать лет назад маленький мальчик прятался от нее за ковром. Теперь все сожаления, что ему удалось ускользнуть от нее, окончательно растаяли. У Эйслин теперь новый опекун. Она не будет нуждаться в ее защите, а скоро на свет явятся новые малыши с мертворожденным наследием, и Мердис надо будет учить их. Союз Силы и чувства оказался прочным и обещал светлое будущее.

Кэролайн Дж. Черри

Буревестники

Сухая трава, заросли дрока, одинаковые холмы, известняк, местами выходящий на поверхность, одинокое небо, широко раскинувшееся над головой — вот и вся земля, что была вокруг. Джерик ехал по ней, то оглядываясь назад, то посматривая на горы — Джерик из замка Палтен, что в Долинах. Но Палтендейл пал: ализонские Гончие отпраздновали там победу, как, впрочем, и везде. Война шла повсюду. Управляемые колдерами Гончие переплыли море и атаковали Долины. Сами же колдеры окружили Эсткарп. Эсткарп не давал о себе знать, и в Долинах не знали о сложившейся там обстановке. Не было никакой уверенности в благоденствии человечества. Неизвестно было даже, удастся ли ему пережить эти годы. Так, во всяком случае, казалось Джерику. Он, однако, слышал, что юг пока держался. Там жили родственники по материнской линии, и если верить слухам, они были в окружении. В высоких горах он отпустил свою старую лошадь, забрал все имущество — а это было его военное снаряжение да гнедая лошадь, которую отдал ему его лорд — и отправился налегке в сторону моря. Тамошнее захолустье да редкие поселения не слишком привлекали захватчиков, и по этому чрезвычайно узкому коридору он надеялся пройти между вражескими отрядами по пути

на юг. Шансов осуществить задуманное было крайне мало, но шанс выжить там, где он в это время находился, равнялся нулю. Итак, он тронулся в путь из срединной части Долин. Там, вдали, он видел белые крылья чаек. Они предвещали ему перемену места, ему и его коню. Они оба были тем немногим, что осталось от дома.

Санел — это имя дали лошади на конном заводе. Этот гнедой жеребец был самым крупным среди лошадей, выращенных в крепости Палтен. Санел, боевой конь, служил своему хозяину до самой его смерти. На войну забрали абсолютно всех лошадей, даже тех, что принадлежали семье лорда. Но теперь Фортал, лорд замка Палтен, был мертв... он погиб не в сражении, а спокойно, в горах. Он был уже стар и болен, и раны его гноились.

— Возьми Санела, — сказал Фортал. — Поезжай.

— Куда, милорд? — спросил Джерик на последнем их привале.

— Поезжай, — прошептал во второй раз Фортал.

И это было все. Последний глоток воздуха, и тело его тотчас уменьшилось и стало очень спокойным. Спокойный этот сон Джерику приходилось видеть много раз за годы сражений и отступлений, атак и новых отступлений. Палтендейл обратился в пепел, а их маленький отряд все уменьшался и уменьшался, пока наконец от него не остались Фортал, да молодой Нет, да двое близнецов, да он сам. Потом стрела угодила Нету прямо в легкие, умерли близнецы — один в сражении при Пети, другой — при Грейволде. В том сражении и Фортал получил свои последние ранения.

— Поезжай, — повторил Фортал.

— А это означало: все кончено. Палтендейл пал. Война Фортала закончена. Все прошло.

Что делать человеку в подобных обстоятельствах? Искать своих родных? У него оставались немногочисленные родные с материнской стороны. Джерик их никогда не видел. Но ведь это были люди, в рушившемся мире, где человек мог надеяться лишь на тепло домашнего очага да на звук человеческого голоса, пока мир не

рухнул окончательно. Ему было тридцать восемь. Было неизвестно, есть ли за ним погоня, кроме колдеров.

— Мне жаль тебя, — сказал ему его лорд, пока сознание его еще не угасло. — Ох, именно тебя мне жаль больше всего.

Тогда он его не понял. Одиночества не ощущал, пока Фортал не умер. Теперь же ветер, дувший с гор, шелестел сухой травой да листьями дрока. Со своим гнедым конем он обращался бережно. Разговаривал с ним и благодарил богов за то, что рядом есть живое существо, к которому можно притронуться и дружески поговорить. Он продвигался вперед с такой скоростью, какая была возможна. В основном ехал ночью, а если обстоятельства тому способствовали, то и днем. Ориентиром ему служили и чайки, прилетавшие вг лубь Долин, когда ожидался шторм.

— И вы тоже? — бормотал он, обращаясь к птицам, белые крылья которых четко выделялись на фонс туч. — Теперь и мы тянемся к морю, — говорил он негромко. Слышал его только Санел.

Гпедой конь вдруг стал прядать ушами и трясти головой. Потом коротко заржал. Джерику стало ясно, что такое поведение коня не имеет ничего общего с чайками. Мускулы лошади напряглись, и уши прижались к голове. Сердце Джерика сначала приостановилось, а потом сильно забилось. Он похлопал Санела по шее, чтобы успокоить.

— Где? — прошептал он, слегка натянув поводья и едва-едва притронувшись к коню. Санел, к тому времени уже замедливший ход, стал двигаться еще медленнее, уши его клонились то в одну, то в другую сторону, он поднимал и поворачивал голову, чтобы определить направление ветра. Затем так же коротко и озабоченно заржал во второй раз, каждый мускул в нем был напряжен до предела. Джерик, почувствовав это, выдернул шлем, что был закреплен на плече ремнем, и схватил щит, висевший на боку коня. Все это он проделал на ходу, не медля ни минуты.

Порывистый ветер с гор дул теперь ему в спину. Стоял облачный хмурый день. Низкие кусты дрока и отложения известняка не могли служить настоящим укрытием. «Ошибка», — шептал ему внутренний голос. Теперь он ясно понимал, что вместо того чтобы следить за чайками, ему нужно было обращать больше внимания на облака, и на ветер, который пробегал по траве. Его охватили страх и злость на самого себя: «Дурак». Сколько людей погибло из-за минутной небрежности. Он по глупости обращал внимание лишь на верховой ветер и не заметил тот, что порывисто обдул ему щеку, а затем прошелся по спине.

«Дурак, дурак, трижды дурак», — он направил Санела в сторону и горестно посмотрел на четкий след, тянувшийся за ним по земле. Правда, держись он ближе к горам, было бы еще хуже: там его след заметили бы с первого взгляда. К тому же полный дневной свет, отсутствие укрытия да предательский ветер, переносящий запахи в любом направлении... Рядом кто-то был.

Он укрылся за известняковой скалой и дожидался *либо* устойчивого ветра, *либо* начала бури. Гончие, возможно, были небрежны. Они рассчитывали на террор, грубую силу и колдеровское оружие. Преимуществом жителей Долин было знание земли, на которой они родились. Это некоторым образом уравнивало шансы.

Джерик ждал. Первые брызги холодного дождя упали на траву и в пыль, которая, взметнувшись, яркими оспинами облепила его доспехи. «Этот дождь, — думал он, — прогонит Гончих в укрытие, если они уже не спрятались в лагере». Богам известно: в пути его застало немало бурь. Он знает, что после дождя врагам вряд ли удастся почуять его запах или отыскать след в траве. Штормовой ветер, который чуть не выдал его поначалу, разразившись дождем, дал ему шанс спастись. Хорошо бы дождь не кончился дотемна, а судя по грозовым облакам, это так и будет.

Да, так и будет...

Но тут Санел коротко заржал и тряхнул головой. Джерик поднялся на ноги, чтобы успокоить лошадь и увидеть, в чем дело.

Патруль Гончих, там, на дороге! Джерик похлопал Санела по щеке и потянул вниз за уздечку, потянул сильно, нажимая одновременно коленом на передние ноги лошади: «Вниз, вниз, приятель». Дело в том, что остававшиеся в живых немногочисленные ратники Палтендейла выучились новому способу ведения боя, а их лошади выучились тактике, исключавшей неожиданное нападение на противника, когда воины рубились в рукопашной схватке. Санел всхрапнул и распластался по земле. Джерик сделал то же самое. Они находились под ненадежным прикрытием редких кустов дрока. В отчаянии он держал Санела за шею, их обоих обстреливали тяжелые дождевые капли.

— Тихо, — шепнул он лошади. Хотя конь и был осторожен, голова его может приподняться при шуме, и он выдаст себя. То, чего он просил, было неестественно, и он повторил еще раз, — тихо, тихо, мой мальчик. — Он держал его изо всех сил, похлопывая Санела по морде, ибо всадники были совсем рядом. Джерик слышал, как они шли по его следу.

«Господи, хоть бы они не разбили здесь палатки». Ведь дождь хлестал все сильнее, и поблизости не было лучшего места для ночлега, чем эта седловина в горах, рядом с известняковой скалой.

Теперь он их увидел... четверо Гончих, едущих под дождем на темно-гнедых лошадях...

Да нет, трое. Тот, что посредине, не мужчина. При нем не было вооружения, и на лошади не было плюмажа. Всадница была стройна, одета в желтое с белым одеяние, руки связаны, юбки подняты, так как она ехала в мужском седле. Голова ее была опущена, и поэтому лица он не видел, но выглядела она совсем ребенком, малюткой, среди высоченных темных вооруженных мужчин. Джерик, глянув на них сквозь кусты, задрожал, Санел заворочался под его рукой.

— О боги, — прошептал он, уткнувшись в шею Санелу. — О боги.

Значит так: их трое. И вооружены отменно.

«Трус, — шепнул ему внутренний голос, когда он лежал, плотно прижавшись к земле. Он ощутил, что самолюбие его уязвлено. — Черт их подери», — выругался он мысленно, сжимая одной рукой меч, а другой нажимая на тело коня, чтобы он не поднял голову. Он отыскал свой щит и продел руку в ремни. В эту проклятую погоду луком ему не воспользоваться: ведь дует сильный ветер, к тому же среди Гончих пленная, да он к тому же не отличается меткостью в стрельбе.

Он набросил поводья на шею Санела, сунул одну ногу в стремя, схватился за седло и шепотом дал сигнал лошади. Санел поднялся под ним на ноги, дернул головой, натянув поводья, и обрушился вниз по склону на вражеский отряд.

— Ййаааааааааиииииииии! — завопил он, словно за ним шел весь Палтендейл, словно тысяча демонов одновременно атаковала Гончих. Он скакал не специально на какого-то человека, он насквозь прорывал их защиту и, оттолкнув человека, державшего пленницу, завопил: «Скачи отсюда!», а сам завертелся, прикрываясь щитом. Он услышал, что второй всадник за его спиной, и увидел, как приближается к нему третий.

И тут он заметил остальной патруль... это были пешие солдаты, шедшие по дороге.

Он яростно взмахнул мечом, ударил левой пяткой в ребра Санелу и развернулся, громко лязгнув щитом о щит. Лучники. Человек двадцать. Девушка к тому моменту отъехала в сторону, выбралась из самого пекла. Лошадь нервно, боком, уносила ее подальше от опасности. Волчий щит — знакомая банда, старый враг!

— Палтендейл! — завопил он, чтобы враги знали, кого им потом благодарить, и нанес удар, в который вложил всю свою силу, после чего ткнул обеими пятками лошадь и отскочил от третьего всадника.

— Девушка! — заорал он, подлетев к всаднице, и ударил плоской стороной меча по крестцу ее лошади, скакавшей в сторону гор. Обе лошади столкнулись, и это было то, что требовалось. Он слегка придержал Санела, вложил

меч в ножны и попытался ухватить поводья, свободно свисавшие с лошади пленницы, при этом перегнулся с седла. Над головами их свистели стрелы. Звук этот в те времена не мог забыть ни один житель Долин.

Лошадь девушки споткнулась, зашаталась: из ее бока торчала стрела. Джерик натянул поводья, схватил девушку за одежду и волосы и потянул со всей силы. Девушка слетела с седла, и он боялся, что уронит ее, не сможет выдержать вес, управляясь одной рукой.

Он откинулся на другую сторону и в почти разрывающем мышцы усилии перекинул ее тело поперек своего седла, под прикрытие щита. Она была для него просто весом, сорокакилограммовым ворохом юбок и распущенных волос. Взглянуть на нее было некогда. На его пути выстраивалась стена пехотинцев, а лучники бежали, чтобы отрезать ему дорогу в горы. Там он может укрыться, если не свернет, а они хотели повернуть его, что было бы для него губительно. Следовательно, он мчался вперед, не сворачивая, прикрывая щитом и себя, и девушку. Меч он вынул во второй раз.

— Вперед! — заорал он Санелу и, ударив коня пятками, постарался вырваться из вражеской толпы, пытавшейся перегородить ему дорогу. Пехотинцы попятились; он достал одного из них мечом, ответный удар пришелся по щиту. Санел сбил с ног солдата и выскочил из окружения.

Они мчались, мчались под усиливавшимся дождем, заливавшим лицо и глаза и смывавшим кровь, низвергавшуюся потоком с его руки и меча.

Девушка ворочалась и стонала, а значит, была жива. У него же болело в боку. Эту боль он ощутил только сейчас. Время от времени накатывали приступы головокружения, которые не имели ничего общего с бешеным стуком сердца и дрожью в ногах, следствием яростной борьбы. Он был ранен и боялся посмотреть, насколько серьезно. Когда же почувствовал, что Санел замедлил ход и перешел на рысь, а потом и захромал, то понял, что состояние лошади было намного серьезнее, чем рана в его боку.

Он еще немного проехал вперед. Думал, что Санелу удастся добраться до почти непроходимой территории. Раскаты грома и проливной дождь тоже были на руку. Дождь, как плотный занавес, отделял его от врага, который, как он хотел верить, считал, что не найдется такого сумасшедшего жителя Долин, который вздумал бы в одиночку атаковать патруль. Они знали, что у жителей Долин имелась привычка небольшими силами атаковать патруль и заманивать его в ловушку. Они приучили Гончих с подозрением относиться к подаркам от богов и людей Долин, прикидывавшихся дураками.

Таким образом, подозрение Гончих защищало человека, бывшего непроходимым дураком. Так, силы Долин спасли блудного сына и девочку-сиротку.

— У тебя все в порядке? — спросил он девочку, разрезав связывавшие ее веревки и сунув меч в ножны. Он помог ей сесть, стараясь не поцарапать нежную кожу своими пряжками, отвел светлые волосы от бледного испуганного лица.

— Житель Долин, — пробормотала она, стуча зубами. — Житель Долин.

— Джерик, — сказал он, — из Палтендейла.

Ей было лет двенадцать. Во всяком случае, не больше тринадцати. На нее находили приступы дрожи, сменявшиеся слабостью. — Ты не ранена? Они не ранили тебя?

Она опять сильно задрожала и закрыла глаза.

— Дурак, — упрекнул он себя, и крепко прижал ее к себе, прислонившись щекой к ее виску. Дождь лупил по ним; голова его кружилась от потери крови и страха за сложившееся положение.

— Никто тебя больше не обидит, — пообещал он. — Клянусь госпожой и лордом — тебя никто не обидит.

Она приникла к нему, как потерянный ребенок, каким она, в сущности, и была. А он остановил лошадь, соскочил вниз и, усадив девочку в седле, пошел осмотреть коня.

Рана под ребрами натянулась, словно его полоснули ножом. Он, потеряв равновесие, привалился к боку Санела с ощущением дурноты.

— Да, мой мальчик, — пробормотал он, похлопывая огромное теплое плечо, — ну и попал же я в переделку.

Гнедой конь повесил голову и переступил с ноги на ногу. Не сходя с места, Джерик увидел рваную рану, тянувшуюся вдоль бока и спускавшуюся на брюхо — красное полотнище на мокрой коричневой шкуре.

— Да еще в какую переделку, — подтвердил Джерик, поглаживая по плечу боевого коня, и почувствовал комок в горле. Он посмотрел на девочку и, взяв в панике поводья, повел лошадь.

Тихо, очень тихо... лишь неверный топот копыт гнедого коня да шепот ветра в траве, подсушенной солнцем. «День ясный, безоблачный, и если поблизости от этой ложбины, проложенной горной речкой, есть Гончие, — думал Джерик, — то в такой тишине они станут легкой добычей для врагов». У тела, однако, были свои законы: он умирал, и гнедой конь тоже умирал, вот такое совпадение. Если бы еще девочка не была больна... но у нее был жар и бред. Ему пришлось привязать ее к седлу, но это вызвало у нее ночные кошмары: ей казалось, что она находится в плену у Гончих.

«Поезжай», — сказал ему Фортал. И что же теперь? Раненый мужчина, раненая лошадь и бедный беспризорный ребенок. Он оставит его без защиты в этом вражеском мире.

Он похоронил Фортала. Это было последнее, что он мог для него сделать. Он притащил на место его упокоения самые тяжелые камни, чтобы уберечь его от хищников, и даже от Гончих. Он натрудил себе руки и разодрал их в кровь, пока устраивал пирамиду из камней, зато она будет стоять прочно. Никто из глупого любопытства не потревожит сон Фортала.

Закончив работу, он долго сидел в темноте. Что дальше? «Куда, милорд?» Ответа не было. Сразиться с Гончими? Взять Санела, пойти напролом и погибнуть?

Так ответил бы юнец. Он и сам мог ответить так в юности, когда был преисполнен надежд. Но за свою жизнь он в избытке насмотрелся на такое самоуничтожение и по

большей части считал его глупым. Ни одна такая гибель не остановила Гончих и не спасла никого, и это в то время, когда Форталу отчаянно нужна была помощь.

Нет, Фортал не уважал героев. «Поезжай. Сам выбирай свой путь. Живи». Чего еще хозяин Палтендейла мог хотеть от него, последнего оставшегося в живых человека из своего отряда? Фортал хотел, чтобы хоть кто-нибудь выжил, вот и все. Он хотел, чтобы здравствовал его любимый Санел и хотел, чтобы хоть один человек из Палтендэйла сумел выбраться из окружения. Не большой человек, не герой, просто последний его солдат, тот — который, он знал — похоронит его.

И каков же итог? Горная речка, тишина, нетвердая походка раненого коня, и его собственная кровь, темным пятном расплывающаяся на его кожаных доспехах — от ребер и до колена. Когда он спотыкался, рана раскрывалась, и яркая кровь, пропитывая повязку, вытекала наружу. В такие минуты горы и небо начинали качаться и плыть перед его глазами, скалы заволакивались пеленой.

Он шел и время от времени закрывал глаза, целиком уйдя в свою боль. Поднимал голову, когда оступался, или когда оступался Санел. В последнем случае сердце его сжималось от страха. Он смазал рану целебной мазью и заклеил ее, когда дождь прекратился.

— Тихонько, тихонько, — шептал он, когда конь спотыкался в очередной раз. Он гладил Санела по шее. Нужно остановиться, думал он, нужно дать лошади отдохнуть. Но враги — Гончие — они оправятся, вышлют вперед разведчиков, раз дождя больше нет. Нет, отдыхать было не время. Голова его кружилась, он не мог нести девочку, да тут еще и боль... Все же конь, если они его слишком замучат...

— Стой, — сказал он и, опустив поводья, остановил Санела плечом, похлопал по опущенной шее. — Тпру, мой мальчик, отдохни пока.

Санел переступил с ноги на ногу и пошел, раздраженно оттолкнув его в сторону. Он сделал несколько шагов. «Там, видимо, более ровный участок», — подумал

Джерик. И тут он увидел, что задние ноги коня подламываются.

— О господи, — пробормотал он и рванулся за Санелом, чтобы остановить его, но конь дернул головой, сделал, пошатываясь, шаг и еще три, прежде чем его правая нога не вильнула и не согнулась. Привязанная к лошади девочка изо всех сил старалась удержаться в седле. Джерик пополз за ней, когда конь упал и задергал ногами. Он вытащил нож и обрезал веревки, которыми она была привязана к седлу. Он попытался оттащить ее от лошади, старавшейся встать на ноги. Неожиданно хлынуло много крови, лошадь заржала от боли. От упавшего ребенка он кинулся к бившейся на земле лошади. Он обхватил Санела за шею, чтобы он не раскрыл еще больше свою рану. Лошадь затихла, и Джерик, который не плакал, когда хоронил товарищей и своего лорда, прижался к плечу Санела, гладил его шею и чувствовал, что сердце его разорвалось, как и сердце коня, и не только из-за него, но из-за всего остального, из-за выбора, который он сделал. Ведь из-за этого погибло последнее существо, которое он любил.

«О господи, — думал он мрачно, — ведь дальше уже некуда».

Потом он подумал, что сдаются только дураки, что ему, возможно, удастся как-нибудь зафиксировать повязку на ране, может ему удастся спасти лошадь, и если Гончие их не найдут...

Но Санел опять стал биться, поднимать голову и бессмысленно стучать челюстью по камням. Джерик выругался, крепко ухватил его за шею и сжал зубы от боли, которую причиняло ему сопротивление коня. Он старался утихомирить его, разговаривал с ним, поглаживал в спокойные минуты, и когда наконец понял, что сомнений нет — Санел умирает, он сделал ему единственное благодеяние, какое мог оказать в эту минуту.

Он сидел, залитый кровью, и когда поднял запачканное лицо, то встретил глаза девочки, с ужасом смотревшей на него.

— У меня не было выбора, — сказал он и убрал нож. — У меня не было выбора.

Она издала полузадушенный звук, покачала головой и попятилась.

— Подойди, — сказал он и, потянувшись к ней, опять выругался, так как боль в боку опять пронзила его. — О господи! Ну подойди же!

Он встал на колени, потом на четвереньки и попытался схватить ее, но она вскочила и ударила его. Он все же схватил ее, прижал к себе и не отпускал, пока боль не утихла и он мог вздохнуть. Потом он потрепал ее по щеке окровавленной рукой.

— Послушай, — сказал он быстро, стараясь убедить ее, — они идут, понимаешь? Они близко, тебе придется теперь идти пешком. Я не могу тебя нести.

Она задохнулась и вцепилась в рукава его кожаной куртки. Слезы текли по ее лицу градом. Он держал ее за руку, боясь, что от испуга она может убежать, но она повернулась и послушно пошла по каменистой тропе, примеряясь к его шагу.

Отойдя на значительное расстояние от того места, где оставил коня, он вымыл руки и лицо в маленьком ручейке, вымыл подол ее верхней юбки, а потом умыл ей лицо, пригладил мокрыми руками ей волосы и постарался холодными руками остудить ее горячий лоб. У него снова открылось кровотечение. Когда он осмотрел рану и увидел, что повязка насквозь промокла, его опять охватил страх.

Он ей об этом ничего не сказал. Не сказал и о том, что когда оглянулся назад, на тропу, по которой они шли, то увидел кружившихся над ней черных птиц. Было совершенно ясно, что ализонским Гончим ничего не стоило выйти на их след.

— Пойдем, — молвил он, встал и широко расставил ноги, чтобы удержать равновесие. Он протянул ей руку и удивился тому, что она взяла ее и оперлась, чтобы встать на ноги. Руки его она больше не выпускала. Шаги их то сближались, то расходились. Они шли, как два пьяных

солдата: — он — в боевом вооружении, она — в рваном платье, бормоча что-то в бреду, временами вырываясь вперед. Шла в туфельках, превратившихся в сплошные обноски.

«Дурак», — думал он, пока они долго шли по низменности. Он взял с собой меч, и щит болтался у него за спиной, а остальное вооружение и флягу он в горячке оставил рядом с Санелом. Он шел по вражеской территории с больным ребенком, а при нем не было ни фляги, ни еды, ни части вооружения, но он, правда, и не смог бы унести такой вес. Меч болтался на боку и ударял по ногам, ремни перекосились, а шлем давил голову. Его надо бы снять да повесить вместе со щитом, но не было сил поправить что-либо, не было ничего, одна боль, то ослабевавшая, то усиливавшаяся. Он шел, закрыв глаза от слепящего солнца, и вставал на колени, и прислонялся к какой-нибудь скале или к одинокому кривому дереву, а потом, опираясь на них, опять поднимался на ноги.

«Нет фляги.

Не отходи от ручья.

Останься возле воды.

Продолжай идти».

В моменты возвращения сознания он замстил, что небо стало темнеть, потом вроде бы засверкали звезды. Один раз он упал и поднялся, опираясь на скалу. Упал и во второй раз. Девочка трясла его и плакала над ним. Он опять поднялся. Ничего больше он не помнил, одна только боль да дорога, шедшая куда-то вниз, да девочка, державшая его под руку. Потом она, взяв его за пальцы, как ребенок, тащила его куда-то, словно знала, куда им надо идти.

Потом мир опять закружился вокруг него, потом опять были звезды над головой, и опять скалистая местность и палящее солнце, и чайки, кружащие над ними.

Теперь внизу было море. Он шел по течению реки, и она привела его к краю земли, к краю мира. Побережье — это, как он думал — дорога, которая выведет его к югу, в Джорби. В голове у него после сна немного прояснилось.

Лежа на траве, он сделал вдох. Девочка, свернувшись клубочком, лежала у него под боком. Он похлопал ее по плечу.

— Маленький кролик. Проснись. Проснись, — это что, его голос, такой слабый? — Нам пора идти.

Она подняла голову и, опершись на руку, посмотрела вниз. Челюсть ее безвольно отвисла, большими глазами она смотрела на пробуждающийся день. Потом она встала и пошла без него, пошла, как лунатик.

Она не помогла ему. Ему было трудно. Он поднимался на ноги постепенно. Боль ослепляла его, голова кружилась. Шатаясь, он последовал за ней. Он уже не думал, куда он шел, он лишь чувствовал, что шел в правильном направлении, к морю. «Иди за чайками», — думал он. Птицы выдали его, и птицы же вели его. Черные и белые. Иди за рекой, иди, пока она не впадет в море, соленую воду за горами.

Должно быть, он опять упал. Он уже не помнил. Ребенок опять был рядом, хватал его за пальцы, тянул его, заставлял идти. Он стоял на ветру, в коридоре между двумя горами, и смотрел на море, раскинувшееся перед ним, заметил лодку на берегу, сети, вывешенные на просушку, старый деревянный дом.

— Люди, — пробормотал он, обращаясь к ребенку. — Обычные люди. Рыбачья семья.

Их соединила вода. Людей, живших у моря, и дурака, растерявшего продукты, и умного ребенка, сумевшего правильно выбрать дорогу, несмотря на бредовое состояние. Вода привела их к безопасности, к убежищу, на которое он уже и не надеялся. Он нуждался в честных людях. За их помощь он отплатит им сполна...

Справа от него послышались шаги, тяжелые и быстрые шаги по песку, заросшему травой. Он повернулся в испуге, ребенок вскрикнул. Он увидел темного человека, на солнце сверкнуло лезвие, враг...

Свой меч он вытащил слишком поздно, вражеский клинок уже взметнулся и ударил его в руку и в раненый бок. Он упал, раскинув руки, оглушенный болью. Гончая? Человек уперся коленом ему в живот. Он потерял

сознание. Он знал, что умирает, и не мог защитить ни свою жизнь, ни ребенка. Сил на то, чтобы оторвать руку, схватившую его за горло, у него не оставалось, а его собственная рука с мечом была намертво прижата к земле.

Меньше всего он предполагал проснуться раздетым, под одеялом; поблизости в сумерках плескалось море, а рядом — неясная фигура, сидящая между ним и костром. Блики от огня падали на темные женские волосы, щеку, одежду и руку. Женщина сидела возле стойки для рыбацких сетей. Море теряло цвет и лениво гнало за ее спиной на берег волну.

Не надо бы ему так открыто смотреть на нее и тем самым выдать факт своего пробуждения. Но поправить было уже нельзя. Свет костра освещал его лицо. Боль прошла, в голове ощущалась странная легкость, а в ногах — слабость.

И тут он подумал о ребенке, о темном человеке на холме и похолодел от страха.

— Ну, — сказала женщина, — проснулся?

Он вместо ответа только моргнул. Говорить было слишком трудно.

Она склонилась над ним, задев его одеждой, и провела рукой по лбу. Пальцы ее были прохладными. Ему не хотелось, чтобы до него дотрагивались, но протестовать не было сил.

Он провалился в темноту. Вроде бы она говорила с ним, но он не был уверен. Возможно, он и в самом деле умирает.

Однако через некоторое время он опять услышал рокот моря, а когда пробудился, над головой светили звезды. В этот раз он уже точно знал, что проснулся. Плечи болели, и руки онемели — они были безжалостно связаны у него над головой. Другой боли он не чувствовал. Он обнаружил, что ему связали не только запястья, но и щиколотки.

Проявив благоразумие, он подавил паническое настроение — прежде чем что-то делать, надо подумать. В голове прояснилось. Он вспомнил все: Гончих, ребенка, Санела,

нападение на патруль, пробуждение и женщину. Куда ушел тут мужчина, из Гончих? Какая связь между ним и женщиной? Где ребенок?

Откуда эта женщина, из Ализона? Из вражеского лагеря? А кто его принес сюда, мужчина? А ребенок?

Или...

Он лежал очень тихо и время от времени слышал, как, заглушая шум моря, шевелится и фыркает лошадь, стоящая в конюшне. «По всей видимости, это с другой стороны дома», — подумал он. Можно, стало быть, отсюда убежать. Есть способ уйти от погони даже ослабленному человеку. Сердце его забилось сильнее, дыхание участилось. Но как же девочка?

Он вспомнил, каким было ее лицо, перед тем как ему потерять сознание. Вспомнил, как она закричала. Выходит, он опять привел ее к Гончим.

— Дурак.

Глаза его увлажнились. Он успокоил дыхание, поморгал глазами, стряхивая навернувшиеся слезы. Осторожно огляделся, посмотрел на море, на берег, на хижину. Хижина под лунным светом стояла, словно облитая серебром. Ни женщины, ни мужчины видно не было.

А что если эту рыбачью хижину заняли Гончие? Жили здесь. Может, отсюда и выезжали патрули. И богам лишь известно, кто такая эта женщина — темноволосая, в дорогой одежде. Слишком уж благородная, чтобы быть женой рыбака. Нет, не похоже, что местная. Пожалуй, что и не из Долин.

Скорее всего, она спит сейчас там, в хижине. Кто там еще, он не знал, но догадывался, и хватит об этом. Хозяева удалились на покой, а пленника своего, чтобы спать спокойно, связали по рукам и ногам. Странно и подозрительно, что у него болят лишь спина и плечи, а раны не дают о себе знать. По всей видимости, они хотят, чтобы он был жив и здоров, с целью допроса.

Быть может, они проявят неосторожность, и он получит доступ к оружию. Если мужчины уйдут докладывать о нем соратникам, хорошо бы с ним осталась одна жен-

щина. Об этом можно только мечтать. Если она жительница Долин, то может и помочь ему, если же нет, то скорее допустит ошибку, которой мужчины не сделают. Она могла бы, к тому же, проявить женскую солидарность, помочь девочке, отогнать от нее мужчин... если вообще там есть девочка.

— О господи.

Лучше быть мягким и спокойным. Притвориться испуганным нетрудно. Валять дурака... такой опыт у него уже был. Вежливо разговаривать с ними и воспользоваться первой же возможностью для побега, когда он настолько окрепнет физически, что сумеет опередить их в скорости. Вот тактика, которой он должен придерживаться.

Итак, он тихо лежал и ждал наступления рассвета. В перерывах между сном смотрел на звезды, и сердце его охватывала тоска. Наконец над морем из-за горизонта показался край солнца, звезды потускнели, и в хижине зашевелились.

Вышел к нему мужчина, Гончая, огромный, широкий силуэт, неясно различимый в полумраке. Не говоря ни слова, склонился к нему, повернул его лицо к свету и ударил по щеке. Джерик дернулся, у него перехватило дыхание. Так же молча Гончая развязал ему руки. Уж не хочет ли он освободить его, подумал Джерик в безумной надежде, но тут же напомнил себе: что бы ни случилось, он не имеет права не исполнить задуманного. Сейчас, с онемевшими ногами и руками, он этого сделать не в состоянии.

Ждать, ждать и еще раз ждать. Что бы они с ним ни сделали. Он должен быть способен к побегу. Дождаться лучшей возможности и быть уверенным, что она лучшая.

— Хассал позаботится о твоих потребностях,— сказала из темноты женщина. Он повернул голову в направлении голоса. Она вышла из дверей, кутаясь в плащ.— Он не говорит. Вреда он тебе не причинит.

— Со мной ребенок... девочка... — быть может, с его стороны это было неосторожно. Поняв, что он привязан к ней, они могут учинить что-нибудь нехорошее.

— Лейсия, — сказала женщина. Имя. А ведь девочка не называла ему своего имени. Его это слегка опечалило, да и тот легкий тон, который послышался ему в заявлении женщины. — Она спит. Не беспокойтесь о ней.

Веревки упали. Руки его лежали возле головы, как мертвые. Гончая стал развязывать ему ноги. Он испытывал унижение, оттого что лежал вот так распростертый перед женщиной, совершенно голый под чужим одеялом. Ему надо было опустить вниз руки, которые казались ему чем-то чужеродным, прикрепленным к плечам. Он подсунул под себя локоть и перекатился на него, проверяя, не будет ли ему больно, и полное отсутствие боли поразило и озадачило его.

Раны не было. Он подтянул занемевшую кисть под ребра и сдвинул вниз одеяло: раны не было совсем, лишь нежная полоска шрама.

Тогда он догадался, кем был, по крайней мере, один из них. Опершись на дрожавшую руку, он поднял глаза на женщину, с ужасом поняв, что именно она здесь главная.

Они, жители Долин, долго думали, кто направил к ним Гончих. Были ли это колдеры или те, кто вел головорезов, являлись наемниками.

— Меня зовут Джевэйн, — сказала она, но он почему-то не поверил, что она назвала ему свое истинное имя.

— Меня — Эслен, — сказал он. Так как Эслен из Палтендейла был давно похоронен, то, стало быть, выдумка зла ему не принесет. Он пошевелил ступнями и постарался сбросить напряжение с дрожавшей руки. Ощущая полную свою беспомощность, решил немного схитрить. — Я бы уже умер, — сказал он монотонно, и в то же время с удивлением. — Если бы вы не нашли меня, я был бы мертв. Я вам обязан, — и он поднял на нее глаза с выражением преданности. Так он мог бы смотреть на своего лорда. — Я благодарен вам, миледи.

— Так, — спокойно молвила она. — Так из какого вы рода, житель Долин?

— Из Палтендейла, — он вытянулся и зашевелился под одеялом, обнаружив, что в правую кисть возвращает-

ся болезненное ощущение. Неожиданно он почувствовал нахлынувшую на него естественную потребность организма, к тому же еще к горлу подступила тошнота. — О господи, — пробормотал он, будучи не в силах скрыть столь несвоевременное явление. Он протянул руку к Гончей, так как в столь щекотливом положении обратиться ему было не к кому. — Помоги мне...

— Хассал, — сказала женщина и ушла в хижину. Гончий поволок его как есть, голого, в сторону от хижины, за песчаный холмик. Он стоял со сложенными на груди руками, пока пленный не очистил свои внутренности. Он не предложил помощи и не бил его, лишь терпеливо ждал. Когда же Джерик в полубессознательном состоянии свалился на песок, ткнул его ногой и промычал что-то.

Джерик двинулся, очистил себя пригоршнями песка и посидел с минуту, опустив голову на колено. Гончая опять ткнул его ногой. «А раны-то нет, — подумал Джерик, хотя море и небо плыли перед его глазами в мутной пелене. — Нет раны». И нет шрама там, куда, как ему показалось, ударил его Хассал. Один только заживающий красный рубец в боку. Он потерял много крови, о боги, сколько крови он потерял. Эта рана должна была его погубить, но Мудрая женщина вернула его к жизни.

Да нет, не просто Мудрая женщина. Колдунья. Колдунья из Эсткарпа.

С Гончим за компанию? Эсткарп и Ализон? Такую пару трудно было вообразить.

За исключением Колдера...

Гончая схватил огромной лапой его за волосы и потащил вверх. Другая лапища ухватила его за руку и, выворачивая в суставе, поставила на ноги. Он пошел. Он не стал сопротивляться, и Гончая отпустил его, лишь слегка поддерживал за локоть. Они подошли к хижине.

Женщина ждала возле дверей. Взгляд ее был холоден и безразличен. Ей не было никакого дела до его позора. Джерик сжал зубы и хотел посмотреть ей прямо в глаза, но нет, такая игра была не для него, и голову он поднять не мог, лишь чувствовал, как пылает лицо. Она указала

ему на ведро с водой и полотенце, да на его одежду, сложенную и повешенную на забор. Рядом на земле стояли ботинки.

Он опустился на колени и сделал, что приказано, Хассал при этом не спускал с него глаз. Одежда его была чистой и сухой, и это в то утро, когда от морского воздуха одеяло его стало влажным.

Это был маленький неожиданный подарок, и он с любопытством посмотрел в сторону женщины. Но на пороге уже никого не было. В выражении лица Гончей было лишь неприятие и презрение. «Беги,— сказал ему этот убийственно-насмешливый взгляд,— и посмотришь, что будет».

Он опустил голову и покорно надел коричневые бриджи и рубашку, на которой остался слабый ореол от кровавого пятна. Ведьме не удалось это маленькое житейское дело, хотя с самой раной она справилась отлично. Выходит, она была не всесильна. И это обстоятельство его почему-то утешило. Одежда была сухой, оттого что она, по всей видимости, висела возле очага, горевшего в хижине всю ночь. Так что проявлением доброты это не назовешь. Гончая — вот кто олицетворяет истинное положение дел. Глупо надеяться на то, что у Гончих могут быть добрые поступки.

Он потихоньку приблизился к порогу, чтобы заглянуть внутрь, посмотреть, там ли ребенок, но Гончая грубо схватил его за плечо и развернул спиной к деревянной стене.

Сопротивляться он не стал. Не сопротивлялся и когда Гончий потащил его в сторону моря, мимо подставок с сохнувшими рыбачьими сетями. Сердце его в страхе забилось. «Нет, дурак, слабый ты дурак с трясущимися ногами, нет для тебя надежды, нет надежды в этом мире».

Они прошли мимо рыбачьих судов, поставленных на чурбаны. Корпуса лодок были ободраны, многие дощечки выломаны, далее шли рамы для сетей, висели канаты. Гончая толкнул его к одной из подпорок, напротив старой лодки, и надавил на плечо, заставляя сесть. Там его Хассал и привязал, использовав для этого сеть и веревку.

Затем Гончая подошел к лодке и взял струг. Джерика бросило в пот: он опасался, что Хассал использует инструмент не по назначению. Но Хассал взял доску, положил на опору и умело, по-хозяйски принялся за работу. Из-под струга полетели яркие завитки.

Виданное ли это дело — Гончая столяр? Нет, мир положительно сошел с ума. Житель Долины сидел на морском берегу, привязанный к раме для рыбачьих сетей, а Гончая из Ализона работал как рыбак, чинил лодку. Солнце поднялось и встало в зенит.

В полдень Гончая дал ему воды. Принес из хижины. Вечером он его наконец-то развязал и привел в дом, откуда доносились запахи приготавливаемой пищи. И тут Джерик увидел девочку. Оборванное желтое платье ее было чистым, волосы причесаны. Она остановилась в дверях. Широко раскрытые глаза ее и рот выражали ужас. За ее спиной появилась женщина. Она положила ребенку на плечо руку и сказала что-то, чего Джерик не расслышал.

Потом Гончая отпустил его, и он пошел один. Девочка побежала к нему навстречу и крепко обхватила руками.

Он был потрясен таким проявлением чувств. Бросив взгляд на женщину, в ее дорогом одеянии, он взял девочку за лицо.

— Лейсия? — спросил он. Таким именем ее назвала женщина. Девочка моргнула и уставилась на него, не возражая. — У тебя все в порядке? — спросил он.

— А у тебя, лорд? — губы Лейсии дрогнули. Она на мгновение отвела от него взгляд в сторону Гончей и опять стала смотреть на него. Жара у нее не было. Это была разумная девочка тринадцати лет, выросшая в Долинах. Она держала его за руки и задавала вопросы глазами.

— Конечно, — ответил он. И не стал смотреть на женщину. — У них слишком хорошие манеры для Гончих.

— Лейсия, — это прозвучал женский голос.

И опять светлые глаза девочки, казалось, проникли сквозь него, увидев что-то далекое и непростое.

— Лейсия. Подойди.

— Лейсия! — сказал он, когда руки ее безжизненно выпали из его рук, и она, отвернувшись, направилась к двери. — Лейсия! — закричал он, позабыв о своих намерениях, но она не слышала. Тяжелая рука Гончей опустилась на его плечо, и он дернул рукой, чтобы освободиться.

Гончая развернул его и, выворачивая руку, зажал ее мертвой хваткой. Рана в боку отозвалась резкой болью. Тут Джерик вспомнил о своем решении и готов был послушно опуститься на колени под нажимом Гончей. Но тут в дверях, за которыми исчезла Лейсия, появилась колдунья и сделала знак Гончей. Гончая выпустил его.

— Ради ее безопасности, — сказала женщина, — не делай необдуманных поступков. Твой обед готов.

Была ночь как ночь, только уснуть он не мог. Гончая уложил его в кровать, стоявшую на улице, и позволил завернуться в одеяло, а потом он опять связал ему руки и ноги. Джерик прикусил губы: до сих пор с предыдущей такой же ночи плечи и спина его были, как деревянные.

Все же он чувствовал, что к нему возвращаются силы. До рассвета он считал часы. Вынужденная неподвижность прожигала огнем позвоночник и плечи, стоило лишь пошевелиться; но голова была ясной, и в мышцах появилось чуть больше силы, и приступы боли в боку приходили все реже. Все это внушало ему некоторую надежду.

Но вот лицо девочки... Безжизненность, отрешенность в глазах были, как лихорадка...

Как лихорадка, которая мучила ее в пути и с которой она пришла сюда... в это место... к ведьме...

Он отбросил эту мысль. Но она опять возвращалась. Говорят, колдеры имеют власть над умами. Колдеры превратили людей из Ализона в Гончих. В жилах людей из

Эсткарпа текла колдовская кровь, так ведь их соседи не кто иной, как колдеры. Если ведьм брали в плен, то девственность их могла быть нарушена, а их дети — девочки — вероятно, тоже становились ведьмами?

Могли ли Гончие без помощи совершить нападение на Долины, и не было ли у колдеров пособников на этой стороне?

Гуннора, спаси их. Детей. Детей, захваченных колдерами и Гончими. Невинные души, не знающие, с кем они имеют дело.

Она стала пленницей Гончих. И ее сразу стали обрабатывать. Его они пока не трогают, до тех пор пока не вернутся патрули. А может, они спасли его, чтобы успокоить ребенка? Кто знает этих колдеров и Гончих? По неизвестной причине они не сделали ему вреда, и по той же самой причине Гончая проявляет о нем заботу.

Сколько дней пройдет, пока патруль, устав от погони за ним в горах, придет сюда и отомстит ему?

А потом...

Он так и пролежал до утра. Пока не пришел Гончая и не отвел его за песчаный холмик. Он хромал и застонал, когда Гончая взял его за руку.

— Больно, — сказал он разбитым, усталым голосом. — Чтоб тебя боги покарали, больно. Отстань от меня. Дай мне идти. Ты когда-нибудь спал ночь со связанными руками?

Гончая лишь промычал. Но не вымолвил ни слова.

«Гончая. Хассал. Все это время со мной, как тень. Чтоб его покарали боги, ни разу не упустил меня из виду».

Джерик сполз вниз по сыпучему песку дюны, опустился на колено и, задохнувшись, непритворно застонал от боли, когда Гончий поднял его вверх за локоть. Отряхнув песок, он захромал к дому. Завтрак его был выставлен возле дверей. Лохматый коричневый пони тоже завтракал в загоне, а Лейсия стояла рядом, босая, и, перегнувшись через ограду, гладила его пыльный бок.

Вполне домашняя сцена. Это могла быть фермерская дочка рядом с пони. Оттого, что это и в самом деле могло

быть в жизни, сердце Джерика застучало, как кузнечный молот.

Под внимательным взглядом Гончей он прохромал мимо к забору, где был сложен штабель топляка. Им растапливали кухонную плиту. Пошатнулся и прислонился к штабелю. Рука отыскала палку.

Развернувшись, он ударил Гончую, вложив в этот удар всю силу, что у него была. Палка сломалась о голову.

Он даже удивился, увидев, что Гончая упал. Упал, как обыкновенный враг, несмотря на то, что его сообщница обладала колдовской силой. Джерик присел и обыскал Гончую, чтобы выяснить, есть ли у него оружие. Оружия не нашел. Затем вскочил на ноги и схватил пораженную случившимся девочку за руку. Рот ее открылся. Он прикрыл ей его пальцами.

— Тихо,— сказал он,— послушай. Пойдем со мной. Быстро.

Он низко нагнулся и протащил ее через дыру в заборе. Лохматая лошадь испуганно отскочила. Он оглядел загон и нашел веревку. Подняв ее, схватил пони за гриву и, сделав петлю, набросил веревку ему на шею.

— Ап,— прошептал он и, ухватив Лейсию за талию, посадил ее верхом. От этого усилия боль прожгла ему бок. Он дал ей оба конца веревки в качестве поводьев и, лихорадочно торопясь, откинул петлю с ворот маленького загона, а затем вернулся и взгромоздился на пони позади девочки, животом вниз. Потом развернулся и с усилием (ведь он не ездил на пони с тех пор, как был мальчиком) перегнулся через Лейсию и ухватил пони за гриву, несмотря на сопротивление животного, не привыкшего к такому обращению. Другой рукой он схватил веревку, так что Лейсия находилась между его рук.

Он сильно ударил пятками в бока пони, и тот рванулся вперед, распахнув ворота. После третьего удара пятками животное пустилось в галоп, а потом и в карьер, через дюны. Пони крепко стоял на ногах. Таких лошадок выращивали Гончие для своей кавалерии. Джерик сел поудобнее и ударил животное пяткой в манере, свойствен-

ной ратнику, в той манере, к которой привык пони. Он с готовностью откликнулся на эту команду и отправился в сторону гор. Пони обогнул песчаный берег и выбрался на более твердую почву. Свободен! Джерик увидел впереди горы. Пусть там даже полно Гончих и других врагов, у него есть пони, и ему открыт путь на южное побережье, в Джорби.

Вдруг пони, бежавший галопом, припал на задние ноги, опустил плечи и без всякой подготовки резко затормозил. Из-под копыт полетели камни, мир дико завертелся. Джерик, схватив за гриву лошадь, попытался удержать Лейсию, но пони встал на дыбы и в панике отскочил в сторону. Каменистая земля встретила Джерика недружелюбно. К тому же он чуть не попал под копыта, мелькнувшие в опасной от него близости. Джерик подобрался и в ужасе отскочил, а лохматое животное все-таки ударило его плечом. Он закричал на пони, закричал на Лейсию; та встала, шатаясь, на ноги и стояла, словно в трансе. Он замахал руками на пони, желая испугать его и отогнать от девочки, но тут же отскочил, увидев, как животное повернулось и пошло на него, обнажив зубы. Да это не простой пони, что же это за пони, который не боится ни криков, ни побоев?! Он побежал от его зубов, поскользнулся на камнях и прокатился по ним, спасаясь от животного, но тут почувствовал, как сначала одно, а потом и другое острое копыто топчут его по ногам.

Раздался свист. Лошадь отскочила и встряхнулась. Джерик перевел дыхание и поднял голову. К нему шел человек. Это был Хассал, не только живой, но и весьма быстро передвигающийся. Джерик лежал с ног до головы засыпанный песком и никак не мог отдышаться. Он дважды проклял себя за то, что не проломил Хассалу череп.

Но ведь это не Хассал остановил их и привел в бешенство пони. И пони сейчас вертелся возле него, топал ногами и злобно пыхтел не оттого, что его науськал Хассал. Это все колдунья. Это она остановила его, а Гончая, который шел к нему сейчас с кровожадным выражением лица, лишь ее слуга.

Он поднялся сначала на колени, а потом и во весь рост. Расставил пошире ноги для защиты, но это и все, на что он был способен. У него перехватывало дыхание, раненая нога дрожала.

— Во всем виноват я, — сказал он, заслонив собой напуганную девочку.

Но Хассал остановился, не дойдя до него нескольких шагов, и лишь показал в сторону хижины. Джерик посмотрел в мрачное лицо с налитыми кровью глазами и не стал говорить, что пони повредил ему ногу, и теперь он не сможет сделать и десяти шагов.

— Лейсия, — сказал он и указал ей в сторону дома. Лейсия вздрогнула, словно выйдя из транса, и подошла к нему.

— Нет, — сказал он. Он отвел ее руку, повернулся к ней спиной и, собрав силы, медленно пошел по песку, превозмогая боль в дважды раненой ноге. Он шел, а Гончая забрался на пони и ехал позади него, гоня его, как ребенок гонит домой отставшую овцу.

Джерик свалился перед домом, на вершине холма. Он думал, что Гончий хочет остановить его именно там. Это место он наметил себе издалека и дал себе слово дойти до него. Гончий может теперь затоптать его здесь, если захочет. Он уже перестал вникать в мотивы поведения Гончего и только смотрел на него глазами, которые заливал пот. Гончий спокойно проехал мимо на лошади без поводьев и не причинил ему никакого вреда. Лейсия подошла к нему, попыталась поднять его и успокоить.

— Уйди, — сказал он.

— Лейсия.

В этот момент появилась хозяйка. Она стояла рядом с домом, в тени рам для рыбачьих сетей. Джерик поднял голову и посмотрел сначала на нее, а потом на Лейсию.

— Иди к ней. Понимаешь? Иди сейчас к ней. Только сейчас.

Нежная рука соскользнула с его плеча. Лейсия пошла к дому. Он снова поднял голову и проводил ее глазами, пока она не исчезла в хижине. Колдунья пошла следом.

Затем он повернулся на спину и стал смотреть в небо, пока его не заслонила черная фигура Гончей.

Джерик спокойно и рассудительно выругал его и перекатился на живот, чтобы встать. Не успел он встать на одно колено, как Гончая схватил его за шиворот и за руку и грубо потащил куда-то.

Перед домом Хассал выпустил его и вошел внутрь.

Джерик, задыхаясь, постоял с минуту, а потом, хромая, сделал несколько шажков к штабелю дров. Пони, стоя в загоне, недобро смотрел на него.

Идти теперь было некуда. Не было надежды украсть лошадь. Не было надежды даже пройти сотню шагов по берегу: Хассал опять нападет на него и искалечит. Ему хотелось пойти к морю и обмыть соленой водой синяки и царапины, но дул холодный ветер, а до воды был неблизкий путь. Ему хотелось тепла, тепла очага, дружеского тепла, тепла родного дома. Осознание такого тепла давало ему прикосновение девочки. Только она была там, с ними, с Ведьмой и Гончей. Одним богам известно, что они с ней сделают, с какой целью держат ее, он же бессилен был помочь ей, да и себе тоже.

Гончая предоставил ему свободу, демонстрируя тем самым свое к нему презрение. Он знал, что это так, и Гончая знал, что он знал. Он остался таким же пленным, как и раньше.

А может, и того хуже. Во всяком случае, сейчас он сам так о себе думал.

Он ударил кулаком по полену и пошел к забору, положил на него руки и уставился на пони.

Тоже пленный. Они оба пленные. Один в загоне, потому что ничего не понимает. Другой — снаружи, потому что понял свое положение.

Но колдунья, управлявшая пони, влияла только на Лейсию. Зачем ей понадобилось останавливать пони и ребенка, а не виновного человека?

Разве она не могла?

Разве не могла она набросить на него сеть и забрать то, что ей нужно, и безо всяких мучений? Если она могла...

Может, есть какая-то разница в мозгу ребенка и мозгу мужчины? Или существует какой-то предел, и ведьме труднее справиться со взрослым человеком?

Если это было так, возможно ли было вообще освободить девочку, если колдунья имеет на нее такое влияние?

Прислонясь спиной и затылком к ограде загона, Джерик сидел, страдая от боли в ноге. Уж не сломаны ли у него кости, думал он, и страшился перелома. Башмак с больной ноги он попытался, скрипя зубами, снять другой ногой. В глазах потемнело. Башмак начал поддаваться. В конце концов ему это удалось. Он старался пошевелить пальцами, отчего щиколотку прожгло молниями. Шевелятся ли пальцы, он так и не понял. Прислонившись опять затылком к ограде, он сидел, смертельно напуганный. С тех пор как не стало его лорда, он уже многое перепробовал. Слишком многое. А Хассал, думал он, не упустит случая отомстить ему, как бы ни относилась к этому колдунья.

Наконец Гончая вышел из дома и остановился, посмотрев на него, и хотя Джерик не шевельнулся, все мускулы его напряглись. Этот факт он не стал скрывать, не стал прятать и страх, отразившийся на лице. Если Гончая собирается отплатить ему за удар, то пусть поступает, как хочет. «Не будь дураком, — говорил себе Джерик. — Будь что будет. Старайся остаться в живых».

Гончий поманил его. Джерик стянул другой башмак, раз уж не мог надеть первый. Потом с трудом поднялся на ноги. Они стояли лицом друг к другу, если можно так сказать о нем рядом с человеком, равным по габаритам Хассалу. Гончая сделал движение, Джерик вздрогнул. Хассал торжественно положил руку ему на спину пониже шеи и тихонько похлопал, а затем схватил за руку.

Гончая потащил его мимо хижины. Джерик плелся, спотыкаясь и хромая, вниз по склону, по направлению к лодке. Там, возле сетей, Хассал посадил его, не привязав на сей раз. Потом отошел к лодке, снял рубашку, взял струг, валявшийся под чурбаком, и приступил к своей работе.

Джерик, прислонившись затылком к столбу, осторожно дышал, пока боль не отпустила и сердце не перестало бешено колотиться, и земля не перестала шататься под ним. Из-под полуприкрытых век он наблюдал за Хассалом.

«В следующий раз, — думал он, глядя на завитки, вылетавшие из-под металлического лезвия, — в следующий раз я сделаю это здесь... Пусть он даст мне работу. Рыбачья лодка. Господи, что за безумный каприз движет им? Что случилось с лодкой? Зачем она им? Ведь у колдеров полно судов, зачем им эта старая калоша?»

Все вокруг, казалось, сошли с ума, а больше всех — хозяйка и Гончая. А он? Он всего лишь прохожий, пойманный в ловушку в этом месте, самом сумасшедшем месте гибнущего мира, мира, где зло ценится намного больше добра, а боги не желают восстанавливать справедливость.

Богохульство опасно мертвому человеку. Он не хотел об этом думать. Он не знал, как удавалось колдерам побеждать, и был ли какой-нибудь из всего этого выход. Видимо, он так и умрет, не узнав этого. Никто из Палтендейла этого не узнает.

Солнце передвигалось по небу, и тень покинула место, на котором сидел Джерик. Солнце стало припекать, и по бокам его заструился пот, разъедая порезы. Но все это не могло сравниться с болью в распухшей ноге, в растянутых мышцах и содранной коже. Кроме того, он хотел пить. И колени, и локти его болели, когда он задевал ими землю. Он старался вообще не шевелиться. Он думал, что Хассал ждет от него извинений.

Хассал вытер лоб и отправился вверх по склону, к дому, будто ему не надо было сторожить пленного. Он пошел пить. Джерик высунулся из-за столба и, увидев, что Хассал подошел к бочонку с водой, снова принял прежнюю позу. Теперь он смотрел на остро наточенный струг и молоток, лежавшие возле лодки.

Он смотрел на них и думал, что Хассал не грубое животное, за которое он его поначалу принял. Он подозревал,

что Хассал с умыслом оставил его рядом с инструментами. Гончая прекрасно понимает, что ему, охромевшему, уже ничего не сделать, и Хассал сейчас только потешается над ним.

Отчаяние сжало ему горло, увлажнило глаза, солнце и море заволокло пеленой. «Нет надежды, — сказал ему внутренний голос. — Нет надежды, надежды нет; когда сумеешь их достать, их здесь уже не будет, если ты вообще когда-нибудь сможешь дойти до них, или если доживешь до того времени, когда поправишься...»

Хассал вернулся с холма. Он принес глиняную чашку. Заслонив Джерика от солнца, он присел на корточки и предложил ему питье. Лицо его было сурово, но в глазах что-то светилось, чего Джерик раньше не замечал.

Джерик взял чашку, выпил и отдал назад.

— Спасибо, — сказал он. Это была самодисциплина.

Губы Гончей дрогнули. Он похлопал Джерика по плечу и предложил ему небольшой кусок рыбы и хлеб в обтрепанной салфетке. Джерик взял еду, стыдясь того, что руки его дрожат. Гончая встал и вернулся к своей работе, а Джерик отламывал куски безвкусной рыбы и глотал. Пища царапала сжатое от гнева горло.

Он видел во всем этом насмешку. «Будь сильным, враг мой. Сразись со мной». Но он ел, и терпел. Он думал о хижине и Лейсии. Что она сейчас делает — спит или бодрствует под присмотром Ведьмы? Что произойдет, когда остальные Гончие вернутся и обнаружат его здесь, зная, что это он атаковал их на дороге?

Ему приходилось видеть месть Гончих. Это воспоминание не улучшило его аппетит.

Дощечки заполняли прорехи, через которые просвечивали солнечные лучи в корпусе лодки. У Гончей был хороший глаз. Его дощечки свет не пропускали.

На закате Хассал отвел его на холм, бережно поддерживая под руку. Нога к тому времени так распухла, что наступать на нее было почти невозможно, а уж подняться в гору без помощи — немыслимо.

В дверях его поджидала колдунья с тарелкой тушеной рыбы и буханкой хлеба. Джерик сел есть, вытянув вперед ноги, прислонясь спиной к стене дома. Хассал сел рядом, скрестив ноги. Он ел с большим аппетитом. Джерик старался на него не смотреть.

Из дверей робко вышла Лейсия и села рядом с ним. Лицо ее было встревожено.

— Милорд,— сказала она,— Джевэйн говорит, что она вам поможет.

— В самом деле?— он проглотил кусок, который показался ему вдруг очень большим.— Но я не "милорд". Я вообще никому не лорд,— быть может, ему не следовало признавать это. Быть может, они его с кем-то путали. И поэтому оставили в живых. Он отломил еще кусочек хлеба и бросил его в похлебку, а потом взглянул на девочку, лицо которой выражало сочувствие.— Ты спала сегодня?

— Да, немного,— губы Лейсии задрожали.— Джерик...

Он ободряюще кивнул, ожидая, что она скажет, и вздрогнул, услышав свое подлинное имя.

— Я тебя люблю,— сказала она.

Этого он никак не ожидал. Он был потрясен. Шевельнув плечами, коротко рассмеялся. Что еще мог сказать ребенок взрослому человеку, который единственный в этом мире хотел сделать ему добро? Даже если и не преуспел в этом.

— Ты смелая девочка,— сказал он.— Будь всегда такой.

Личико Лейсии на миг вспыхнуло, глаза засияли. Надежда. Он словно ощутил глухой удар.

— Я хочу, чтобы леди помогла тебе. Я хочу...— голос ее замер, а с ним и надежда.— Я хочу, чтобы ты был в безопасности.

Он рассмеялся. Такое желание показалось ему нелепым.

— Я тоже этого хочу,— ему хотелось дотянуться до нее, но этим он боялся выдать себя людям, намерения

которых относительно их обоих были не самые добрые. Он спокойно закончил обед.

— Когда лодка будет готова, — сказала Лейсия, — мы уплывем отсюда туда, где нет войны.

Он поставил тарелку и не посмотрел на Гончую, уши которого, казалось, работали намного лучше, чем его язык.

— Как ты это узнала?

— Мне показала колдунья. Во сне. Я могу увидеть это место.

— А я поеду?

Лейсия качнула головой. Глаза ее налились слезами.

— Я пытаюсь. Я хочу, чтобы ты поехал. Пожалуйста, делай то, что говорит Мудрая. Делай все, что она говорит. Тогда она, возможно, и разрешит тебе, — слезы потекли по щекам. — Колдунья говорит, что ты мужчина, и можешь сам о себе позаботиться. Но они убивают всех. Они убили м-м-мо...

Он схватил ее и прижал к себе — слабое, худенькое, маленькое тельце, сотрясавшееся от рыданий. Гладил и укачивал, пока плечи ее не перестали трястись. Крепко зажмурив глаза, он старался не выпустить слезы, рвавшиеся наружу.

— Ну, ну, — сказал он, откашлявшись. Вздохнул и услышал, как вздохнула она. Затем отпустил ее, чтобы она не почувствовала его страх.

Пальцы ее дотронулись до его ресниц, до кожи под глазами.

— Мужчины плачут, — признался он.

— Я знаю, — сказала она.

Все это время Гончая не сводил с них глаз. Джерик легко оттолкнул ее от себя, взяв сначала за плечи, а потом за кисти рук. Сказать было нечего. Обещаний не было.

Он подумал и вспомнил об одном.

— Я постараюсь прийти, — сказал он.

Казалось, это ее утешило. Он улыбнулся ей и взял за подбородок.

— Там могут быть ракушки, — продолжил Джерик, — на берегу. Я однажды видел такую. И неважно, далеко ли

ты от моря. Когда прикладываешь ее к уху, слышишь шум волн. Сначала думал, что это колдовство, но Мудрые женщины сказали, что такой шум издают все ракушки. Как думаешь, можешь ты найти мне такую ракушку? Этот огромный воин вряд ли разрешит искать мне ее самому.

Она обратила тревожный взгляд на Гончую. Тот не шевельнулся. Потом снова посмотрела на Джерика, внимательно вглядываясь в его глаза, желая понять, не хочет ли он сказать ей тем самым что-то секретное. Умная девочка.

— Оставь меня с колдуньей, — сказал он.

Она испугалась. Видно было, что она хочет что-то сказать, но не решается. Возможно, предупредить о чем-то.

— Иди, — сказал он одними губами.

Рука ее выскользнула из его ладони. Она взглянула на Хассала. Тот сидел с пустой тарелкой в одной руке, другая рука лежала на колене. Девочка поднялась и пошла вниз, к берегу.

— Я хочу поговорить с Мудрой, — сказал Джерик Хассалу. И когда Хассал остался неподвижен, он, упершись руками в стену хижины и в землю, поднялся на ноги. Его бросило в пот. Быть может, виной тому была еда, свинцом лежавшая в отвергавшем ее желудке. А может, маленькая косточка в ноге, которая резко отозвалась на его движение. Боль на мгновение ослепила его, и он прислонился плечом к стене.

Хассал махнул пустой миской в сторону хижины. И встал, следуя за Джериком.

Так он и думал.

Лейсии сейчас не было, и на сей раз он надеялся услышать правду. Доковыляв до двери и схватившись за нее, оглянулся на дюну.

Лейсии не было. Она ушла, попросту исчезла.

— О боги! — закричал он и дернулся в ту сторону, но Хассал подхватил его в тот самый момент, как распухшая нога его подвернулась под ним. Он тем не менее толкнул Гончую, но на берегу не было ничего, лишь догоравшее солнце, да наступавшие сумерки. — О боги, верните ее!

Гончая огромными сильными руками развернул его лицом к двери. Там, завернувшись в красные одежды, стояла колдунья.

— С ней все в порядке, — спокойно промолвила Джевэйн. — Тихо, успокойся.

Железная хватка Хассала привела его в чувство. Он вздохнул и подумал, что о местонахождении Лейсии может узнать лишь от Ведьмы, от самой Джевэйн. Потом он вздохнул второй раз и третий и затих в объятиях Гончей. Потом Гончая подтолкнул его вперед, в хижину, и подволок от дверей к очагу. Огонь освещал бедную комнату. Джевэйн медленно подошла к очагу и сделала знак пальцами.

Хассал осторожно отпустил его и, взяв за воротник, прислонил к каменной стене. Джерик, задыхаясь, схватился рукой за грубые камни.

— Где она? — спросил он.

— Она в такой же безопасности, как и я, — сказала Джевэйн. — Это для тебя достаточное предупреждение, житель Долины?

Достаточное. Он прислонился затылком к камням. Правую руку его все еще сжимал Хассал. На правую ногу наступить он не мог.

— Она ваша? — спросил он. Он подумал, что если это так, ему более нет смысла за нее сражаться. Возможно, колдунья солжет ему по какой-то причине. Но он испытает ее совесть и собственный здравый смысл.

— Нет, — сказала колдунья. — Она та, чем кажется. Садись. Сядь!

Гончая отпустил его. Он упал на очаг, потеряв опору. Ему нужна была помощь Гончей, чтобы усесться, не тряхнув ногу. От боли в глазах его вспыхивали звезды, на кожу выступил холодный пот. Задыхаясь, он прислонился головой к выступавшему камню и посмотрел искоса на Ведьму. Она, как крестьянка, уселась, сложив руки на коленях. Дорогая одежда ее опустилась в пыль. Огонь очага придавал светлым глазам тревожащую переливчатость.

Гончий улегся на полу напротив очага. Колдунья поискала что-то среди беспорядочно стоявших возле пыльного очага предметов, передвинула несколько горшочков. Затем зачерпнула жестяной кружкой воды и поставила рядом с горшками. Было заметно, что она неукоснительно соблюдает порядок в своих приготовлениях.

— Где она? — хрипло и настойчиво спросил Джерик. Притворяться было уже ни к чему.

— Ты мне солгал, — сказала она. — Как тебя зовут?

— Эслен.

— Это неправда. Джерик из Палтендэйла.

Его охватила паника. Он не двигался.

— Лейсия мне сказала, — объяснила колдунья. Да ведь это же очевидно.

Было обидно. Но, с другой стороны, он доверил свое имя ребенку, а потом этого же ребенка отдал в руки врага. Разве он заслуживал лучшего? Она ведь выдала его без всякой задней мысли.

— Ну так что, — сказал он и пожал плечами. — Может, это и так. А может, и нет.

— Джерик, — уверенно назвала она его имя. — Куда ты направляешься?

Он опять пожал плечами.

— И с какой целью? — спросила она.

— А ты, — спросил он ядовитым тоном, — ты из Эсткарпа или ты от колдеров?

— Я не из Долин, — сказала она. Она помешала пальцем воду, делая круги. Потом сунула руку в круг. Он посмотрел на ее шею, чтобы увидеть какой-нибудь колдовской талисман, но ничего не заметил, лишь серебряное кольцо на красивой руке. Камень в этом кольце был бесцветным и безвкусным, как стеклышко у коробейника.

— Тогда откуда же? — настаивал он. — Тебя вырастили колдеры?

— Ты направлялся к своим родственникам, — ответила она. Голос ее был тихим и настойчивым, как шум моря за окном. — Но там нет надежды. Гончие идут и с юга, и с севера. Из Ульмспорта и Джорби. Надежды нет.

Настойчивый голос ее был полон уверенности. Он бил по костям, как еще одна боль. Значит, она не могла выяснить его намерения у ребенка. Но он никому и не рассказывал о своих планах. Он наконец нарушил молчание.

— Колдеры когда-нибудь говорят правду?

— Я могу показать тебе правду, — сказала она.

Магические чашки и колдовство. Он снова покачал головой. Рядом с собой он постоянно ощущал присутствие Гончей и знал, что никуда не сможет уйти против их воли.

— Ведь ты можешь показать мне все, что захочешь, — сказал он. — Вот в чем правда, госпожа. А твоих трюков мне не надо.

— Да ты не дурак, — сказала колдунья Джевэйн. Или как там ее зовут на самом деле. Затем: — Я не буду тебе мешать. Ты потерял свою лошадь. Ты украл лошадь Хассала. Больше того, ты хотел украсть ребенка, если бы я не вмешалась. В следующий раз тебе будет плохо. Тогда уже не проси меня о помощи.

— Доброта? — он этому не поверил. Сначала колдунья сказала, что для него и для таких, как он, нет надежды, а уже в следующий момент намекнула, что собирается помочь ему.

— Хассал подарит тебе лошадь. Твои доспехи там, в углу. Тебе нужно сделать выбор.

— Где она?

Наступило долгое молчание. Потом Джевэйн сняла кольцо и бросила его в кружку с водой. Поверхность замерцала в свете огня, потом успокоилась. Появился солнечный закат, море и дети, играющие на берегу.

— Лейсия, — позвала Джевэйн, и один ребенок остановился и вышел из игры. Лицо Лейсии мерцало внутри чашки, глаза ее выражали удивление, словно она прислушивалась к чему-то далекому и странному.

Рука Джевэйн погрузилась в воду и нарушила картину. Потом вынула кольцо. Джерик приподнялся на руках, но тут же остановился, когда рука Хассала ткнулась ему в грудь.

«Ответы. Лорд и госпожа, ответы. Что она сделала?»

— Ну что, где горе? — спросила Джевэйн. — Где слезы? Нет, житель Долины. Они счастливы.

— Что ты с ними сделала?

— Защитила их. Дала им убежище. Разве я не сказала, что привела тебя сюда Лейсия? Иначе ты бы уже ничего не увидел.

— Ты и твой воин...

— Хассал не просто Гончая. — Джевэйн надела кольцо на палец и положила эту руку на колено Хассала. — Колдеры терпят пораженис... иногда. Редко. Но бывает. Он не может говорить. Я могла бы это исправить, но для него это будет опасно. А мы и так понимаем друг друга.

Хассал наклонил голову. Миндалевидные глаза, глянувшие на него из-под нечесаной гривы, вдруг слегка утратили свойственную им мрачность, и в них отразился ум, что обеспокоило Джерика.

— Дети... — сказал Джерик.

— Такие дети представляют большую ценность, — сказала Джевэйн. — Такие, кто слышит меня, такие, кто может прийти на этот берег, такие, у кого от рождения есть дар...

— Мудрые дети.

— Но их не десять тысяч. Их всего семнадцать.

— С этим... — Джерик махнул рукой в сторону Гончей. — Колдунья из Эсткарпа с человеком из Ализона...

— Удивительным человеком, надо сказать.

— Колдеровские проделки! — но он не хотел этому верить. Он прислонился к камню и надеялся на ответы. — Колдунья, — сказал он не своим голосом. — Колдерская колдунья... — говорили, что Эсткарп боролся за свою жизнь; Ализон отошел колдерам и теперь казалось, что колдеры взяли больше, чем Ализон, и более того, что продали сами Гончие. — На чем же вы сошлись?

— На общей границе. В старых ссорах. Я не колдер. Мы оба поссорились с колдерами... — в глазах Джевэйн на мгновение мелькнуло нечто запрещающее. — Но это старая история. Она касается Долин. Понимаешь? Эти дети,

у которых дар, слишком малы, чтобы управлять им. Среди них есть те, кто обладает внутренним зрением, другие — даром исцеления. К ним относится Лейсия. Эта лодка их увезет, — когда наступит утро, а оно наступит, житель Долин! — эта лодка вернется. Их не тронет ни один меч. Ни один из них не погибнет. И все они увидят сон. Это то, что ты видел. Вот там сейчас твоя Лейсия, а ты там быть не можешь.

Он медленно и глубоко дышал. Держась рукой за выступающий камень, он ощущал его тепло. Угли со звоном падали в огонь. Каждую минуту происходили какие-то незначительные события, хотя весь мир сдвинулся. И это казалось странным.

— Вы доставили мне много хлопот, — сказала Джевэйн, — тем, что пришли сюда. Лучше было бы вас никогда не видеть. Но Хассалу лошадь не нужна. Поэтому могу отдать ее тебе. Могу залечить твои болячки. Не думай, что мне это ничего не стоит, что мне не грозит опасность. Это только кажется, что место наше защищено. На самом деле все очень хрупко. Но мы справимся — Хассал и я. Скоро мы здесь все закончим. А ты поезжай, куда хочешь. На юг, а мой совет — на запад. Я не лгала тебе насчет Джорби.

— Враг скрывается в горах, — сказал он. Правда выскочила из него. Возможно, он находился под магическим воздействием. Он боялся не за себя, а за молодые жизни.

Она сказала:

— Гончие, Волчьи щиты, люди Сервина. Я знаю его с севера.

Хассал издал грубый звук, от которого поднялись волоски на шее.

— Много их? — спросила Джевэйн.

— Достаточно. Ты получаешь свои сведения от ребенка. Лейсия не знает. Я напал на них. Они отстали. Но это значит, что Сервин не придет по нашему следу с маленьким отрядом. Мы уже в Палтендейле дали ему хороший урок. Но мы оставили мертвую лошадь, и по этому следу им ничего не стоит нас найти...

Хассал посмотрел на Джевэйн долгим-долгим взглядом. Джевэйн кивнула, открыла свои крошечные горшочки и насыпала в воду растения. Довольно часто Джерику приходилось видеть, как Мудрые женщины проводят лечение. Несколько раз его лечили самого. Еще в детстве, когда он падал, и потом, когда во время войны его ударяли мечом, или когда он вывихивал ноги. Но она не была похожа на палтендейлскую Мудрую женщину. Если бы он вздумал их сравнить, то ее он уподобил бы лесному пожару, а ту, свою,— пламени свечи. Тут была ловушка. Да, тут наверняка была ловушка. И готовила она ее для него. Он знал это по тому, что она сейчас делала. Да еще Гончий сидел здесь, молчаливый, неподвижный.

— Они идут сюда,— повторил Джерик.— У тебя есть магия против них?

— Нет,— ответила она.— Подвинь его ногу, Хассал.

Джерик осторожно подвинулся и вздрогнул от боли.

— Нет. Тогда дай мне лошадь. Не надо мне твоей помощи. Я уеду отсюда.

— Значит, ты мне веришь?

Он верил и он не верил. Он тяжко вздохнул, так как в ноге у него пульсировало, а в голове шумело, и покачал головой.

— Нет. Но я верю в то, что они сделают. Дай мне мои доспехи. И дай лошадь.

— И ты пойдешь сражаться? Ты не можешь сидеть даже на полу, где уж тебе сидеть на лошади. Что ж, мы им тебя отдадим? Подвинь его, Хассал.

Джерик поднял руку, защищаясь, но Хассал бережно обхватил его и очень осторожно уложил на камни очага. Ногу его он положил на сложенное одеяло.

Джевэйн провела рукой по его голени, и в ногу полилось тепло. Опухоль, казалось, вот-вот прорвет кожу. Потом она сделала то же самое со всем его телом, при этом тепло пошло из царапин, которые он не принимал во внимание. Потом, отойдя на шаг, она опустила пальцы в сосуд, что-то бормоча.

«Наверное, какое-то заклинание, — подумал Джерик, — да не простое, наши знахарки такого наверняка не знают. А может, — голова его кружилась, и странные мысли лезли в голову, — может, все это бесполезное занятие».

Ему казалось, что он плывет. Он потерялся, через его раны проходили то жара, то холод.

— Хассал, — произнес голос Джевэйн откуда-то со дна колодца, и он ощутил более твердое, жесткое прикосновение к ноге. Он думал, что за этим последует боль, и стиснул челюсти, и стиснул руки, страстно желая потерять сознание, в тот момент как Хассал тянул и поворачивал ногу. Кость хрустнула и встала на место, горячая боль обратилась в тепло, а потом — в холод. Огни бежали, оставляя тонкий след. Звезды вспыхивали и пахли травами и серой. Руки ее, как ветер, летали над ним, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону, и тут же в вены устремлялась жизнь. Он полностью утратил контроль над своими чувствами. Воля была подорвана. Он словно стоял на рассыпающейся скале. Джерика больше не было. Вернее он был таким, каким она хотела его видеть. А если прежний Джерик и вернется, то лишь по ее желанию.

«Правда, правда, правда». В тот момент он, сам того не желая, знал все: и размеры катастрофы в Верхнем Холлеке, и количество врага, и гибель деревень и замков, и крепостей во всех Долинах. Видел мертвых и умирающих, огромное количество беженцев, подгоняемых Гончими, мертвые лица близких, Фортала, умершего на его руках, родителей, окровавленную сестру, братьев...

Он дернулся. Горшки разлетелись, посыпались травы, вода пролилась в огонь и зашипела. Хассал успел подхватить его: схватил и крепко держал.

— Сделано, — сказала колдунья.

Видение не исчезало. Он видел все своими глазами. Видел его там и не там, а в темном помещении хижины, в ночи, в тени, падавшей от ее одежды. Он слышал его в хриплом дыхании Хассала и в собственном дыхании — топот ног и шелест знамен.

— Мой совет — поезжай сегодня,— сказала Джевэйн.

— Они идут,— он чувствовал их присутствие, как ночной кошмар. Он узнал дорогу, явившуюся ему в его видении, хотя в темноте он ее никогда не видел. У мужчины Дара не бывает. Он взмахнул рукой, чтобы освободиться, избавиться от иллюзий. Это ее рук дело. Все то, что он видел, показала ему она. Это был трюк. Она хотела, чтобы он увидел это, и он тут же увидел стоявшую на берегу незаконченную лодку: — Черт возьми!

— Продукты. Фляга с водой. Тебе нужно спешить. Я обладаю способностью далеко видеть, и только. Будущее — это ловушка, а прошлое — клубок различных мнений,— на лбу Ведьмы выступила испарина. Кожа у нее была белая, и на ней выступил лихорадочный румянец.— Сейчас в способности видеть кроется опасность. Они нас не видят. Завеса, что закрывает это место, не может помочь при случайном вторжении.

— Эта забытая лодка — развалина, гнилая посудина. Ради богов, женщина, они находятся отсюда на расстоянии, которое можно преодолеть за день...— видение исчезло. Он опять отчетливо видел перед собой хижину, со всеми ее недостатками, уродством и дряхлостью.— Они на тропе. Там, в горах.

— Да, я увидела это с твоей помощью.

— Да вы просто дураки! Уходите отсюда!

Она покачала головой и посмотрела на него — колдунья из Эсткарпа. С почти дюжиной молодых жизней, окруживших ее палец, с Силой, способной создавать образы и проклинать врагов, но только если их было не слишком много.

С Силой, способной создавать правду.

Он выругался. Проверил ногу, может ли она сгибаться. Встал на ноги. И тут же вскочил Хассал и встал между ним и сидящей Ведьмой. Человек, абсолютно преданный.

— Я житель Долин,— сказал Джерик.— Черт вас побери, спросите меня о лошадях, а не о том, как строить лодку.

— Это дело Хассала,— сказала Джевэйн слабым, усталым голосом. Она лишь подняла на него глаза.— Я дала тебе силу, житель Долины. Ничего больше дать я тебе не могу. Могу предложить лишь выбор.

Они уснули, доведя себя до изнеможения, он и Хассал, растянулись возле своих инструментов на песке, рядом с чурбаками. Проснувшись, они работали при самом слабом свете факела: Джевэйн предупредила их, что шум и огонь были опасны. Огонь, чтобы освещать их рабочее место, огонь, чтобы разогреть смолу, и тихий звук деревянного молотка в руках Джерика, прокладывавшего шов за швом в корпусе лодки. Более громкие звуки, которые издавал струг и молоток в руках Хассала. Так проходила их совместная ночная работа.

— Она это сделала,— пробормотал Джерик, уверенный в том, что Хассал слышит его.— Задумала это с самого начала. Однако несправедливо изводить человека, когда у него нет голоса, чтобы тебе ответить,— стук, стук — звучит киянка.— Мы встретили Сервина в Палтендейле. Мы ранили его. Мы ранили его дважды. Ты знаешь его?

В ответ лишь мычание. Джерик посмотрел на вымазанный смолой корпус лодки, а потом — на лицо Хассала, освещенное факелом. Рот Хассала скривился в гримасе. Он сделал жест, общий для людей с обоих берегов моря, и мотнул головой в сторону гор, откуда должны были прийти враги.

— Не твой друг,— сказал Джерик.

Нет. Не его.

Джерик взял еще кусок материала и приложил к шву, ругая жару и липкую смолу, превращавшую их обоих в нечто гротескное. Да тут еще пот, заливавший лицо и грудь, который они смахивали перепачканной в смоле рукой. При свете факела они казались настоящими демонами.

— Колдунья сейчас спит,— предположил Джерик.— А когда спит, она прикрывает нас или нет? Лицо Хассала было непроницаемо.— Или они нас тут и схватят, пока она спит? Ты не знаешь?

Если Хассал и знал, то предпочел промолчать.

Шов за швом. Руки онемели, и киянка слишком часто бьет по пальцам. Джерик закусил губу и склонился над корпусом. Прилив подошел к ним совсем близко.

— Как же мы — да славится имя Мудрой, — спустим эту штуку на воду? — спохватился Джерик. — Потащим ее на наших спинах? Столкнем ее вдвоем?

Взгляд и, схватившись за корпус обеими руками, Хассал потряс лодку. Джерик сплюнул смолу и пот и сморгнул соль, саднившую глаза.

Лейсия, уплывшая вдаль, под пальцами Ведьмы. Фонтан крови из шеи Санела, из смертельной раны, полученной от брата; лужи крови в грязной, истоптанной земле. Он все работал, пока боль от удара по костяшкам не заставила его согнуться пополам. Выругался, когда дыхание вернулось снова. Потом, пошатываясь, добрался до одеяла, взятого из хижины, и рухнул на него лицом вниз, укачивая раненую руку, и закрыл глаза. Так он лежал, пока чайки не закричали над его головой и не зашумело море.

Теперь море было дальше. Раньше он не замечал разницы между приливом и отливом. Он вспомнил, как спускают суда, дождавшись прилива, и они седлают отправляющуюся в дальнее плавание волну.

И ветер на земле, и ветер на море, и луну, и погоду — Хассал, по всей видимости, знал все это. Человек, который строит лодку, знает об этом все.

Спускать лодку на воду когда вздумается, нельзя. Раньше он этого не понимал. Джерик встал, поставил банку со смолой на угли и стал помешивать в ней палкой, когда появилась пена. Потом он удовлетворил естественную потребность и вернулся к работе, не думая о завтраке. Но Джевэйн сама спустилась к ним, сопровождаемая облаком налетевших чаек, и принесла им лепешек и немного вина, которые тоже пахли смолой.

Установили еще три дощечки. Они были последними. Джерик утер пот, который успело выбить у него утреннее солнце, и продолжил смолить. Хассал, стуча

молотком, занимался румпелем — железо, обернутое кожей, — выбор-то небольшой. Джерик не знал, что хуже: работа при факелах ночью или при полном дневном свете, когда враг уже совсем близко.

Джевэйн не было видно. Чем она занималась дома, Джерик не знал, но воображал себе ее возле очага, размешивающей магические жидкости, подглядывающей за тем, что можно увидеть, в общем, занимающейся делами, в которые у него не было никакого желания вникать. Возможно, она могла управлять не только зрением, но и слухом. Быть может, ей отлично было известно, где сейчас находится враг. Его сводило с ума то, что человек, обладавший знанием, был недоступен, а тот, кто знал ее мысли, не мог рассказать ему то, что знал. Только взгляд, гримаса, мычание.

Он перестал жевать лепешки, оставшиеся от завтрака (они положили их, защищая от чаек, под парусом), выпил глоток теплой воды и сделал гримасу, взглянув на свои волдыри.

Над головой послышался глухой удар. Он посмотрел наверх и увидел, что Хассал перелез через борт на качавшиеся подмостки. Гончая спрыгнул вниз еще раз, потом подошел к нему и нетерпеливо указал на доски, лежавшие возле рам для рыбачьих сетей.

Вверх и вниз с грузом, по шатавшимся под их весом подмосткам... Мастеря палубу и приколачивая дощечки, оба орошали кровью и потом старые и новые доски.

— Палуба, — бормотал Джерик. — Этой забытой богом посудине нужна палуба. Враг уже на пороге. Вы что же, собираетесь прогуливаться по этой палубе? Достаточно того, что галоша поплывет. Быть может, женщина желает подушки и всякие медные причиндалы?

Хассал вместо ответа указал на квадрат в трюме.

По настоянию Гончей для опалубки были использованы самые большие бревна. Бревна эти они тащили по тем же лесам и, перекидывая через борт, сбрасывали в трюм. Солнце тем временем опускалось все ниже, но жара не спешила уходить.

Теперь дело было за мачтой. Для этого надо было поднять огромное бревно, лежавшее на чурбаках. Хассал обвязал его трелевочными канатами, закрепив узлами собственного изобретения, и взвалил тяжелое основание бревна на плечи. Джерик подвел под него подпорки. Хассал поднялся по лесам и опять поднял. Казалось, что опора не выдержит и бревно рухнет. Наконец бревно добралось до кромки борта. Тут они оба вскарабкались и стали тянуть, поднимать, напрягая спины, и вставлять его в паз. Оно встало с таким грохотом, что эхо откликнулось в лесу и в горах. Джерик прислонился к нему, тяжело дыша, глаза его заливал пот, а Хассал взял самую тяжелую из трелевочных веревок и пошел к носу.

— Шест для палатки, — пробормотал Джерик. Взглянув на большое количество канатов, которые надо было еще натянуть, он взял тот, что подходил к переднему штагу, пошел к корме и обмотал им ахтерштевень. Хассал подошел, чтобы проследить за его действиями.

Солнце было уже низко на западе. А они все поднимали и завязывали, натягивали и обматывали и на носу, и на корме, и на бортах.

Вдруг Хассал остановился, поднял голову, словно услышал отдаленный голос. Перелез через борт, словно голос этот сказал то, чего он слышать не хотел.

— Что такое? — Джерик пошел следом и перегнулся через борт, но Хассал смотрел в сторону гор. — Что, они там? Она их видит?

Хассал яростным жестом приказал ему спуститься, повернулся и побежал, насколько позволял ему песок, к тому месту, где лежал парус. Джерик спустился по лесам, спрыгнул на землю и бросился помогать. Он потащил к лодке тяжелые тали и канаты. Во всем этом он ничего не смыслил, знал лишь, что это такелаж. Хассал носил другие предметы, они бегали взад и вперед, а потом вверх и вниз, балансируя на трясущихся лесах, пока у Джерика не заболели внутренности, а колени не превратились в желе.

Затем надо было поднять огромный утлегарь, и наконец настала очередь громоздкого паруса. И опять надо

было выдержать сражение с песком, многократно кидавшим их на колени. А потом и леса обвалились. Джерик, лежа на земле, увидел, как свернутый в рулон парус, похожий на огромную белую змею, исчез за бортом. Затем над бортом появились голова и плечи Хассала.

Джерик помахал рукой — дал понять, что он невредим, и опять на минуту упал на песок, чтобы восстановить дыхание, а затем поднялся и пошел приводить в порядок леса. Сам того не замечая, он непрерывно ругался, как обреченный, и то и дело поглядывал в сторону гор. Ему хотелось узнать у Хассала, не следует ли оседлать пони и привести его на берег, если в случае чего он им понадобится. Правда, зачем бы пони им понадобился, он и сам не мог объяснить.

Вместо этого он пошел прочь, взял с собой меч и обрезал крепление на ближайшей к нему раме для просушки сетей. Он бросил ее, а потом подтащил ее вместе с прогнившими сетями поближе к носу лодки. Он не знал, понял ли Хассал, что он задумал, в этот момент Джерик вспомнил, что у Хассала есть хороший лук и большое количество стрел, которые он принес сюда вместе с мечом и воинским облачением. Он опрокинул еще одну раму и подтащил ее чуть дальше от первой, путаясь в гнилых сетях и увязая в песке. Затем, обливаясь потом, схватил третью и засадил при этом в ладонь занозу. Тут он услышал свист и поднял голову. Гончая соскочил с лесов на песок, махнул рукой в сторону гор.

Джерик обернулся. Он пока ничего не видел. Напрягая зрение, старался разглядеть место, там, где заканчивались горы, и начиналось морское побережье, припоминал ландшафт и прикидывал, как распределятся воинские силы, выйдя из гор на длинный склон.

Хассал встал рядом, и Джерик опять оглянулся назад, в сгущающиеся сумерки, и видел, что море отходит от берега, а ветер дует с моря.

«Боже! Прилив начнется завтра утром. Они придут слишком рано. Мы опоздали на день».

— Госпожа... — он махнул рукой в сторону гор.

Хассал схватил его за руку и потащил в сторону оружия.

— Тебе известно, что она знает? — спросил Джерик. Он не то шел, не то бежал рядом с Гончей. — Старина, ты рассчитываешь, что колдунья их задержит?

Гончий ничего не ответил, он пробежал вперед него и взял свое облачение и оружие.

Джерик взял свое и снова посмотрел туда, откуда должны были появиться враги. В такое обманчивое время дня все краски выцветают, будь то на море или в горах, а небо ясное и свинцовое. Он привычно затянул все свои пряжки. Палец попал на дыру в кольчуге. Он так и не нашел время, чтобы ее залатать. Он увидел, что Хассал идет к лодке, и его снова охватило паническое настроение: он ничего не знал о море — о приливах, плавании, о том, как надлежит управлять парусом... Все это ускользало от его понимания.

Тут он увидел, что Джевэйн спускается с холма, обвешенная узлами и корзинами, беженка, такая же, как тысячи его соплеменниц. Колдунья из Эсткарпа, бегущая, как простая смертная...

Волосы непокрыты, платье билось на ветру. Под лучами закатного солнца это выглядело, как дым в ночи.

— Там лошадь, — воскликнула она, стараясь перекричать ветер, приглаживая растрепавшиеся волосы. — Еще есть время. Время есть. Уезжай отсюда!

— И на кого я вас оставлю?

— Защиты больше нет! Защиты не стало с сегодняшнего утра! Уезжай, говорю тебе, уезжай.

— Пока еще не все кончено! — проорал он в ответ. — О господи, женщина, не все еще кончено. Может твоя Сила связать канаты и веревки? Если есть у тебя Сила, используй ее!

— Вот она, моя Сила, — сказала она, указывая рукой на небеса. Лицо ее было очень бледным. — Погода. Я могу управлять ею. А ты хочешь, чтобы я управляла еще и горами, и врагами? Лучше уходи поскорей отсюда! Уже дважды, нет, трижды спасла я тебе жизнь. Не разбрасывайся же

ею понапрасну, а с морем мы как-нибудь и сами справимся!

— Черт бы тебя подрал, глупая женщина! Лучше займись врагами. Они будут здесь до прилива. Даже я, ничего не понимающий в море, могу сказать, что...

— Значит, так... я должна заняться врагами и что мне нужно сделать с приливом? Повторяю тебе! Защиты больше нет. Я не могу делать все одновременно. А Силу свою я истратила на тебя. Ты свой долг отплатил, теперь уезжай. Убирайся с побережья. Я теперь сама во всем разберусь!

Она засунула узлы под мышку, убрала с глаз волосы и бросилась бежать. Открыв рот, он смотрел ей вслед. Что еще он мог ей сказать? Что она не знает врага, не знает, с какой скоростью может двигаться кавалерия... Ну чего еще можно ждать от женщины? В тактике они разбираются так же, как рыбы в перьях. Женщины только и делают, что машут рукой на мужчин и делают все по-своему.

Вот колдеры — другое дело. Пусть вспомнит, что они сделали с такими, как она, в Эскарпе. Ну а Гончие? Да если бы у нее и в самом деле была Сила, она со своим компаньоном не была бы сейчас здесь, на побережье, а сама бы их вытеснила с нашей земли и отправила назад, за море.

Силы у нее хватает лишь на то, чтобы заманивать детей да отправлять их прочь, из Долин, по дорогам, где идет война, где опасности, о которых Лейсия знает не понаслышке.

— Чертова дура! — закричал он, обращаясь к ветру и к сгущавшейся темноте.

И, схватив шлем и щит, побежал к загону, где ализонский пони, растревоженный ветром, нетерпеливо перебирал ногами и мотал головой.

Упряжь была на месте. Слава богу, хоть на это у Джевэйн хватило ума. Она висела на заборе. Джерик, постаравшись успокоить животное, запряг его, подложил на

спину одеяло, укрепил седло. Пони выкатывал глаза и принюхивался к ветру. Пританцовывал, пока Джерик открывал ворота. Джерик вставил ногу в стремя, и пони пулей выскочил наружу.

Поводья, пятки... но не на юг. Он ехал в горы. Сначала дорога шла под уклон. Джерик издал дикий крик, который обычно, предупреждая о приходе Гончих, испускали все жители Долин. Крик подхватил ветер.

Прошлый раз это сработало: они не пошли за ним, потому что им и во сне не снилось, что на их отряд напал один человек. Крик его, громкий и звонкий, несся по широкому пространству и поднимался к заросшим травой горным склонам.

— Хаааааааиииииииииййййййиииии, Сервин! Выходи, сразись со мной. Или кишка тонка?

Вверху, на склоне, что-то потемнело. Тонкая темная полоска, словно из-за гор вставало огромное черное солнце. Она росла, росла в полумраке и превратилась в линию всадников — от горизонта до горизонта. Он услышал их, эти пронзительные повизгивания, за что и получили Гончие свое имя. Услышал гром, летевший из-под копыт их лошадей. Он заглушал вой ветра.

— Хаааааайиииииии! — завопил он и, подняв меч, натянул поводья.

Он услышал звон пущенных стрел, увидел, как они исполосовали небо.

— Хаааайиииии! — заорал он на пони и очертя голову устремился вниз.

Ни одна стрела до него не долетала: ветер дул стрелкам в лицо. Склон холма добавлял скорости пони. Полубезумное, но крепко стоящее на ногах животное мчалось в темноте.

Они устремились следом. Они делали то, о чем он в душе молился. Они и раньше уже много раз поступали подобным образом. И теперь, и теперь мерзавцы бездумно пустились в погоню. Перед ними расстилалось морское побережье. Они были уверены, что на этом широком пространстве, где стояла жалкая лачуга и виднелась лодка

на берегу, их не подстерегала никакая опасность. Перед ними была добыча.

Да ведь это же были Гончие. Некоторые из них остановились. Это были мародеры. И им было неважно, удастся ли поживиться чем-то стоящим. Многие готовы были свернуть в сторону, лишь бы ухватить более легкую добычу.

Он, как всегда, нарушил свои планы. Опять. «Дурак, что и говорить». Ведь он не был в опасности. Он мог отправиться на юг, а потом снова подняться в горы, и там, в кустах, на звериных тропах, в темноте... Да его не нашли бы там лучшие следопыты.

Но за глупость надо было расплачиваться. И он знал это.

Они должны его видеть — Хассал и госпожа Джевэйн. Они обязательно увидят его, обалдуя, на берегу, прямо перед ними. Он, возможно, выиграет им время, и колдунья успеет что-нибудь придумать, чтобы спасти себя. И Лейсию.

Лейсию. И других, таких, как она.

Он присмотрелся к преследователям. Гончие... они ехали без всякой дисциплины. Самые быстрые уже выскочили на побережье, и стрелки не могли уже делать свое дело: не могли же они стрелять по своим. Из небольшой группы самых быстрых, что преследовали его, двое угодили в этой темноте в болото и погибли.

Теперь он не подгонял пони. Он дал им к себе приблизиться. Когда услышал топот копыт рядом с собой, он развернул пони и встретил всадника с мечом и щитом и сбросил ошеломленного врага с седла. В этот момент подлетел, визжа, другой всадник и перегнулся с седла.

Молодая Гончая. Несмышленыш против ветерана. Джерик повернулся, и конец его меча воткнулся в чужую плоть. Меч врага отлетел в одну сторону, а сам всадник и его лошадь полетели в двух противоположных направлениях.

— Хайя! — крикнул он на пони, увидев, что число приближающихся всадников увеличивается с каждым

мгновением. Он выехал из простреливаемого стрелами сектора и устремился вперед, в центр бури. А ветер к этому моменту стал уже штормовым. Лошадь старалась спрятаться от ветра, обрызгала всего его пеной, а он изо всех сил гнал ее вперед, по полосе песчаного побережья. Он увидел черный силуэт лодки. Вода стала ближе, чем была. Она уже блестела под чурбаками, на которых стояла лодка.

— Джевэйн! — закричал он, стараясь перекричать колдовской ветер. Он видел, что у них есть шанс спастись, если вода пропитает песок перед лодкой и сделает его непроходимым для лошадей. Колдунья, оказывается, кое-что понимала в своем деле. Вот и сейчас копье солдата-ветерана не долетело до цели. Он желал им спастись. Ведь расстояние между Гончими и побережьем сокращалось. Вот сейчас всадники окажутся за его спиной. Он поднял в знак приветствия свой меч, обращаясь к Ведьме и Хассалу:

— Удачи вам! — заорал он и, натянув поводья, развернул тяжело дышащего пони лицом к врагу.

Амуонец, собиравшийся напасть на него, вдруг вылетел из седла, и лошадь, оставшаяся без седока, понеслась в сторону от ветра. Еще одно седло опустело...

«От их же собственного огня», — подумал он презрительно.

И услышал за своей спиной пронзительный свист.

Хассал!

Все стрелы уносило ветром с волшебной точностью. С пронзительным свистом, с каждым порывом ветра.

— Эх ты, дурак! — закричал он и, натянув поводья, направил пони в самое темное и ветреное место, прямиком к лодке. Мимо кубарем неслись огромные хлопающие монстры. Приглядевшись к их черным силуэтам, он узнал, что это рамы для рыбачьих сетей. Пони впал в панику. Джерик отпустил поводья и соскочил с него. Перепуганное животное побежало куда-то в темноту. В эту ночь много прибавилось таких беспризорных пони. Сеть от пролетавшей мимо рамы свалилась на него. Он

стряхнул ее со своего щита и побежал, увертываясь от летевших мимо предметов, а щит несся за ним по ветру.

Впереди неясно вырисовывалась лодка. Она покачивалась на волне. Подпорок под ней уже не было. На носу ее горел свет, как маяк. Он был повернут к нему, в то время, как он пробирался, оступаясь и с трудом вытягивая ноги из предательского песка.

Он засунул меч за пояс. Одной рукой он ухватился за освещенную веревку, и его сбило с ног, когда лодка подвинулась к нему и всколыхнула под ним песок.

Но веревка тянула его наверх. Он изо всех сил держался за нее, а его маленькими толчками чья-то сильная рука тянула наверх и подняла к борту. Он схватился за него рукой, а лодка кренилась и качалась, и тут сильная рука ухватила его за пояс и перетащила через борт.

В темноте он встретился лицом к лицу с Хассалом. Джевэйн, вцепившись в веревку, стояла рядом. Волосы ее летели по ветру.

— Ну что я тебе говорила, житель Долины? — закричала она на него.— Отчего ты меня не послушал?

— Ну я могу и к ним вернуться! — закричал он, махнув рукой в сторону врага.

Рука Гончей тяжело опустилась на его плечо. Она удерживала его на месте, так как лодку сильно качало. Под ними было море. Море устремилось к преследовавшим их врагам. Он увидел, как ряды их смешались, услышал панические вопли.

Джевэйн вскинула руки, и вокруг борта лодки, веревки, мачты вспыхнул иллюзорный огонь. Ветер вдруг утих.

А потом вдруг подул новый ветер, с земли, отчего волосы на затылке Джерика зашевелились. Ветер был совсем слабый.

— Поднимай парус,— сказала Джевэйн.— При таком ветре мы можем плыть.

Мередит Энн Пирс

Рампион

Сиф

В замке Ван больше всего мне запомнился женский сад, устроенный в маленькой нише главного двора. Этот кусок земли в форме квадрата был засажен рампионом. Во всяком случае, мы его так называли, так как он был похож на растение, росшее на материке. Так вот, цветок этот на нашем острове никогда раньше не рос. Да и вообще в этом мире его никогда не было. Привезла его в замок за пять лет до моего рождения Зара, колдунья. Чужестранка. Сумасшедшая. Женщина, которая прошла через Врата.

Наш маленький остров назывался Улис. Это между Джорби и Куейтом. Иногда в хороший ясный день можно увидеть за дымкой горы Верхнего Холлека. Но, по большей части дни у нас хорошими назвать было никак нельзя. Остров на семи ветрах, да к тому же бурные приливы и отливы, да остроконечные полузатопленные скалы. Одним словом, магнит для каждого шквала. В нашем крошечном порту редко швартовались корабли. Мы держались в стороне от всех.

Отец мой, Халс, лорд Улиса — родом из Долин, будучи вторым сыном второго сына, оставил свой клан

и отправился путешествовать. А судьбу свою встретил по чистой случайности. Он был пассажиром на торговом судне сулкаров, когда корабль получил течь, и вынужден был пристать к берегу в том месте, где это произошло. А случилось это возле невзрачного островка Улис.

Какой, должно быть, переполох вызвал он среди рыбаков, жителей острова. Им случалось видеть сулкаров, но высокородного господина из Холлека встречать не доводилось. Не сомневаюсь, что в то время он был неотразим. Даже спустя годы, когда я подросла и стала более-менее разбираться в подобных вещах, я замечала, как мог он быть великолепен со своими рыжевато-русыми волосами и белой кожей со здоровым румянцем. С годами, однако, дали о себе знать его чрезмерные увлечения женщинами и выпивкой, а потом пришли и большие невзгоды. Все это вместе взятое испортило, огрубило его внешность.

Тогдашний лорд Улиса сразу же принял его и поместил в лучшую гостевую комнату, в то время как капитану и команде сулкарского судна пришлось самим подыскивать себе жилье в городе. У лорда был в то время единственный ребенок, моя тезка, Алия, и была она невестой на выданье. Когда сулкарский корабль продолжил плавание, отец мой остался на острове в качестве жениха.

Приданое ее, должно быть, показалось счастливым даром судьбы. Мне рассказывали, что погода в тот год была необычайно хорошей. Буквально ни одного шторма. Зима же выдалась очень холодной и сухой, и на свет народилось много морских лисичек (так мы их у себя на острове называли), маленьких животных с густым мехом, облюбовавших наши скалы. Зимой все люди из крепости шли с дубинками и убивали, сколько хотели. Шкурки их мы продаем торговцам из Долин, на материк.

Весной отец женился на дочери лорда Улиса, а когда спустя год старый лорд умер, стал регентом госпожи Алии. Но она, будучи бездетной, тоже умерла — от чахотки — через три года. Отец оказался в затруднительном положении.

Он мог бы уехать тогда с острова, вернуться в Верхний Холлек, но он не стал этого делать. Не знаю, что им руководило — стыд или гордость. Возможно, сила инерции. Или жадность. Морские лисички приносили неплохой доход. Родные оставили его без денег, когда услышали о его женитьбе на островитянке.

Вдовствующий лорд Халс провел четыре года в хозяйственных хлопотах. Он организовал небольшой отряд, охранявший замок, и создал рыболовную «флотилию», починил лодки рыбаков и перестроил полуразрушенные стены, окружавшие замок. Он даже протянул цепь в море через узкую гавань в качестве защиты от пиратов. Хотя наш остров был бедным, находились охотники до грабежа, но войти в наши воды они могли лишь со стороны гавани. Остальное побережье надежно защищали рифы.

В эти годы Улис процветал. Как раз тогда на острове появилась заморская женщина, Зара. Помню ее смутно. Она была очень высокой, смуглой, с темно-рыжими волосами. Родом была не из сулкаров, но и не из Долин. Она никому не говорила, откуда приехала. Кто-то называл ее сумасшедшей, а кто-то — ведьмой. Кажется, отец был увлечен ею.

Но женился он в конце концов на Бенис. Она была кузиной госпожи Алии. Теперь его опять по праву можно было назвать лордом Улиса. Это был брак не по любви. Я родилась через год после свадьбы, и нарекли меня Алией, хотя домашние называли Элис. Отец был разочарован: он ждал сыновей. Госпожа Бенис занималась работой по замку, рукодельничала, распоряжалась слугами и была вполне довольна.

Отец ни по рождению, ни по склонности не был моряком. У него была единственная дочь и не было сыновей. Оказалось, что, женившись, он заключил сам себя в маленькую тюрьму, из которой не было выхода. Как ненавидел он рампион! Я помню эти приземистые кусты, с зубчатыми мясистыми листьями. Весной на верхушках появлялись цветы в форме колокольчика, от них исходил

острый запах, похожий на запах черемши. Отец считал, что они смердят, мне же их запах казался восхитительным.

Милорду хотелось перекопать сад, выбросить рампион и посадить вместо него что-нибудь полезное. Зачем ему женские растения? Но мать сказала свое твердое «нет» прямо ему в лицо. На моей памяти это был единственный раз, когда она так открыто возразила ему и настояла на своем.

— Я не позволю тебе уничтожить сад. Мне безразлично, откуда пришло это растение. Это единственное растение, которое мне помогает. Раз в месяц я прошу девочку нарвать для меня листьев и приготовить салат.

Она имела в виду не меня. Она упомянула свою горничную Имму. Я тогда не знала, для чего ей рампион. Все, что было мне известно, это то, что иногда, когда мать плохо себя чувствовала, она запирала дверь и не желала меня видеть. Ее служанки начинали быстро ходить туда-сюда, а меня отправляли прочь.

Однажды, когда меня донимала зубная боль и у меня поднялась температура, я попробовала съесть лист рампиона. Вкус был пряный и острый, почти горький. У меня даже выступили слезы, но от зубной боли я не избавилась. Позднее мне стало известно, что это растение помогает при другой болезни. А в то время я была еще слишком мала, чтобы болеть такой болезнью.

Первое ясное воспоминание о сестре — встреча с ней в женском саду. Стояло лето, но небо затянули облака, а воздух был горячий и влажный. Мать моя заболела и послала Имму за растением. Я тайком последовала за ней и остановилась среди маленьких кустиков рампиона, усыпанных фиолетовыми и голубоватыми цветами. Каждый стебель возвышался, как жезл, посреди блестящих темно-зеленых листьев. Я уставилась на свою сестру. В то время я, разумеется, не знала, что она моя сестра. Мне, должно быть, было тогда года четыре.

Для меня она была тогда просто Сиф, дочь сумасшедшей Зары. Со зрением у меня было неважно. Я узнавала

людей скорее по фигуре и цвету волос, а черты лица разглядеть в подробностях не могла. Сиф была долговязой девочкой с прямыми, длинными, светлыми волосами, не знавшими расчески. Лицо ее было вечно перепачкано сажей, так же, как и ее кое-как залатанная одежда. Я разглядела лишь, что у нее был длинный упрямый подбородок с глубокой ямочкой, а цвет глаз — нечто среднее между серо-голубым и зеленым. День был облачный, надвигался шторм. Никогда еще не подходила я к ней так близко.

— Что ты делаешь? — воскликнула я, топая туфелькой и собирая на боках в сборки пышную юбку. — Сейчас же прекрати.

Я заметила, как она только что из корзины опрокинула прямо на цветы кухонные очистки.

— Ты бросила мусор на рампион моей мамы, — визжала я. — А ну-ка подбери его!

Сиф вздрогнула и оглянулась, но тут же расправила плечи. Видно было, что я застала ее врасплох, однако она не убежала и ничего мне не ответила. Я была нахальным, избалованным ребенком и, видя свое преимущество, продолжала наступать.

— Сейчас же все подбери, — сказала я тоном, которым моя мать разговаривала с судомойками, но Сиф молча смотрела на меня. Я, сжав кулаки, в ярости налетела на нее и завизжала: — Я скажу! Скажу! Мама пошлет за лодочником, и он надерет тебе уши!

Сиф не стала давать мне сдачи, хотя я и кулаками ее молотила, и ногами пинала. Вместо этого она ухватила меня за запястье и яростно прошептала:

— Очень хорошо, малявка, скажи. Мне плевать. Хуже, чем есть, он мне уже не сделает.

Я перестала драться и подняла глаза. Теперь мне удалось лучше разглядеть ее лицо, и я обнаружила, что пятно на ее щеке, которое я принимала за сажу, было на самом деле синяком. С этой же стороны у нее был и еще один синяк, возле подбородка. Пальцы ее слишком больно сжимали мое запястье. Я вырвала руку и отступила

на шаг. Некоторое время мы, запыхавшись, смотрели друг на друга.

— К тому же это вовсе не твоей матери сад, — сказала Сиф все еще сердито, но уже без прежней ярости. — Это сад моей матери. Она его здесь устроила.

Я прищурилась, стараясь разглядеть ее получше.

— Да ведь твоя мать умерла, — сказала я, стараясь сделать свою интонацию как можно более презрительной. Сказать по правде, синяк на лице Сиф меня потряс.

Она ответила, не кивнув.

— Да.

— Она умерла на скалах, — добавила я, помолчав.

— Да.

За полгода до описываемого эпизода сумасшедшая Зара украла лодку и направилась в Арвон. С ее стороны это было очень глупо. Ведь женщины не приучены к плаванию в лодках. Она налетела на риф, и ее смыло волной. Тело ее и обломки лодки были вынесены на берег спустя два дня.

Я слышала, как мать говорила об этом со служанками. В голосе ее слышны были и презрение, и ужас, и торжество. Когда нашли тело Зары, отец заперся в комнате на два дня и отказывался выйти. Я была тогда слишком мала, чтобы разбираться в таких вещах. Теперь старый лодочник Сул опекал Сиф.

Я смотрела на нее через кусты рампиона. В этом сумрачном свете, да с плохим зрением, я не могла рассмотреть выражения ее лица. Мне показалось, что оно не выражало ничего. Просто белое как мел пятно.

— А это вовсе не мусор, — сказала она, ткнув ногой между мясистых растений. Для маленькой девочки голос ее был слишком низким. Он был похож на звучание горна. — Посмотри сама. Это же рыбьи кости.

Я присела и посмотрела на маленькие белые скелетики. От них пахло.

— Зачем ты бросила их сюда? — сурово вопросила я, все еще пылая праведным гневом, и сморщила нос. — Отчего ты не отнесла их на помойку, как все делают?

Сиф сидела на корточках напротив меня.

— Я их не бросила, — возразила она, уже спокойнее. — Я положила их сюда специально. Для рампиона. Ему это полезно. Разве ты не видишь, что растения гибнут?

Я, прищурившись, посмотрела на цветущие кустики. На мой взгляд, они выглядели вполне прилично.

— Им требуются кости, — сказала Сиф. — В костях есть что-то такое, что их питает. А еще им нужны ракушки от устриц. Когда я их найду, то измельчу и тоже положу сюда.

Я потерла запястье и посмотрела на нее. Платье мое запачкалось. Тут уж ничего не поделаешь. Мама, правда, сейчас так больна, что служанки не обратят внимания, а если и заметят, то вряд ли устроят скандал. Уже пора было домой, но, как ни странно, мне не хотелось уходить от Сиф.

— А почему? — спросила я. — Кто тебе об этом рассказал?

— Я же тебе сказала, — ответила она. — Моя мама устроила этот сад, когда она приехала в Улис десять лет назад. Она мне и рассказала.

Я родилась в год Саламандры; Сиф — тремя годами раньше. Значит, в год нашей первой встречи ей было около восьми лет. Если она говорила правду, ее мать приехала в Улис за три года до рождения Сиф. Еще до того, как скончалась леди Алия. Я и не знала этого.

А Зара какое-то время жила в замке. Я где-то это слышала, кто-то об этом шептался. Моя мать даже слышать не хотела ее имя. Мать Сиф привезли на наш остров сулкары. Они нашли ее в море, и так как у нее при себе не было денег — лишь один непромокаемый мешок с лечебными травами — они высадили ее на первой же пристани. Уехать куда-нибудь с острова она не могла: мой отец ее бы не выпустил.

Из замка она ушла, когда он женился на Бенис. Отправилась на побережье и построила там себе маленькую лачугу. Жила она тем, что убирала мусор да лечила людей травами. Некоторые называли ее ведьмой, но рыбаки

и даже иногда дворовые ходили к ней лечиться. Мать моя не разрешала ей и ногой ступить в наш двор, и даже приблизиться к воротам. Да она и не попыталась ни разу. А потом она сошла с ума. Улис уже многих свел с ума. Мать Сиф замуж так и не вышла.

Мне хотелось расспросить Сиф о ее матери. Откуда она родом и почему она украла лодку? Зачем она хотела уехать в Верхний Холлек или куда там еще она хотела уехать; была ли она на самом деле ведьмой, как те безымянные женщины с драгоценными камнями, что живут за морем?

Мне, разумеется, и в голову не могло прийти, что она вообще не из нашего мира, и даже не из нашего времени, что пришла она через Врата. В этот момент я услышала, что меня зовет няня, и так как мне не хотелось, чтобы она увидела меня рядом с грязной Сиф, я убежала.

С тех пор мы перестали быть врагами. Я старалась при первой возможности улизнуть от няни и встретиться с Сиф. У меня еще не было подруг. Сиф брала меня с собой на широкую пустынную песчаную полосу за замком Ван. Море выбрасывало на берег разные обломки, ничего ценного, лишь обломки дерева да ракушки. Однажды мы нашли лопасть от сулкарского весла, частично обгоревшую, а еще раз — наконечник от гарпуна, сделанного из кости. Сиф это все нравилось. Она продела в наконечник нитку и носила его на шее.

Сиф научила меня находить под песком разных панцирных животных, а еще научила кидать в волны плоские камешки. При этом сама я не видела, как они долетают до воды, но рука моя вскоре почувствовала, удачен ли бросок. В свою очередь я показала ей свое секретное место на самом верху башни. Башня эта была построена очень давно. Она была сторожевой. Из нее высматривали боевые корабли и пиратские лодки, но Верхний Холлек уже давно жил с нами в мире, да к тому же с тех пор, как отец установил в море цепь, пираты нас больше не тревожили. Короче говоря, башней этой больше не пользовались.

Кроме Сиф и меня. Всякий раз, как Сиф удавалось отделаться от лодочника, мы проводили время на верхнем этаже башни. Сул заставлял ее делать самую тяжелую работу: она соскребала тину, приставшую к корпусу лодок, подносила улов к рыбным прилавкам. Меня же мать и служанки учили чинить одежду и рукодельничать.

Сиф рассказывала мне истории, те, что слышала от матери, о земле по ту сторону Врат. Это были невероятные, сумасшедшие рассказы. Они становились с каждым разом все чудеснее. В этой земле у людей до самой их смерти не было возраста. Все там были волшебниками и ведьмами. У каждого был дом, такой же большой, как наш замок. Там стояли бок о бок сотни замков. Они образовывали города из мерцающего камня. Люди перемещались в лодках, летавших по воздуху. Повозки ездили сами по себе. Иногда, мне думается, она фантазировала.

— Если твоя мать жила в таком замечательном месте, — сказала я однажды насмешливо, — в то время мне было уже лет семь или восемь, а Сиф — около одиннадцати, — зачем ей понадобилась ехать сюда?

Темное осеннее небо. Мы стоим на скалистом склоне над маяком. Чтобы удержать равновесие, вытянули в стороны руки, как чайки крылья, и перепрыгиваем с камня на камень, посматривая вокруг в поисках яиц. Опершись на руку Сиф, я прыгнула на лежавший слишком далеко от меня камень. Я все еще была много меньше ее ростом, да к тому же мешало длинное платье, бившееся вокруг меня, словно крылья на ветру.

— Она сказала, что мир ее был очень старым, перенаселенным, — ответила Сиф и, наклонившись, достала из расщелины голубое яйцо величиной с два моих больших пальца. Положила его в маленькую корзинку рядом с остальными. — У ведьм было слишком много детей. К тому же некоторые из них устали от своего ремесла, от дворцов, от карет. Они хотели увидеть новые места, хотели обойтись без всего этого.

Она выпрямилась. Я смотрела на нее в изумлении:

— Они хотели приехать сюда, в Улис?

Сиф рассмеялась и покачала головой:

— Не сюда. Куда-нибудь на север. Там, где Врата. Ее люди, как она сказала, в течение нескольких лет проходили через Врата небольшими группами.

Все еще не сводя с нее изумленных глаз, я потеряла равновесие и схватила Сиф за руку, чтобы удержаться на ногах. Мы слышали легенды о Вратах, даже здесь, даже в Улисе. Но рассказы эти были отрывочные, неясные. Было какое-то место в Арвоне, ужасное место. Там пропадали люди и водились чудовища. В общем, там происходили такие страшные события, описать которые невозможно. Это место не существовало. То есть нет, оно существовало, но не одно. Оно передвигалось с одного места на другое. Найти его было невозможно. Попасть туда можно было лишь по несчастному стечению обстоятельств.

— Зачем же твоя мать приехала в Улис? — не отставала я.

Сиф в изнеможении вздохнула.

— Она сюда не собиралась. Она плыла в Верхний Холлек, когда ее застала буря. Она была в море три дня, когда ее обнаружили сулкары.

— Зачем? — спросила я. Мы теперь шли осторожно.

— Просто посмотреть! — воскликнула Сиф.— Она говорила, что ее люди сидели на одном месте в течение четырех поколений и никуда не двигались. Матери захотелось посмотреть мир. Она была великой путешественницей. Она рассказывала мне, что пересекла море, чтобы побывать в Колдовской земле, когда ее лодка пошла на дно.

Я опять усмехнулась и тут же схватилась за руку Сиф, так как меня чуть не сдуло ветром. Сиф была сильной.

— Женщины не путешествуют,— заявила я.— Если только замуж выходят. Иногда девушки с нашего острова находили себе мужей на материке. Но такие случаи были редкой удачей. В дорогу матери давали им корень какого-то растения, чтобы они спали, сажали в свадебную лодку и переправляли на материк.— Женщины не путешествуют,— повторила я твердо.

— А моя мама путешествовала, — сказала Сиф. В тот день на лице ее не было синяков. Накануне старый Сул не выпивал.

— В лодках от них никакого проку, — упорствовала я, идя следом.

— А моя мама не такая, — ответила Сиф и прыгнула.

«Твоя мать умерла на скалах», — подумала я, но промолчала. Я прыгнула, и высокая девочка поймала меня на лету.

— И я тоже не такая!

Я подняла на нее глаза:

— Что ты хочешь сказать?

Сиф улыбнулась. Сейчас она была похожа на мальчика больше, чем всегда. Она выдвинула вперед свой длинный подбородок с ямочкой. Зубы у нее были длинные и ровные, а брови темнее золотых волос и сходились на переносице. Нос был тоже длинный и прямой. Я настаивала:

— Что ты этим хочешь сказать?

Она помогла мне спуститься со скалы. Мы вышли на берег.

— Старый Сул учит меня управлять лодкой, — прощептала она и сжала мою руку.

— Этого не может быть! — закричала я. — Женщины не могут управлять лодкой. Это... плохо, — женщины, управлявшие лодкой, приносили болезни и бури. Это было известно всем.

Сиф пошла по берегу и потащила меня за собой. За ее длинными ногами трудно было угнаться.

— А вот он учит. Он вынужден меня учить! — голос ее дрожал от волнения. — Полгода назад он крючком распорол себе руку, и с тех пор у него онемели три пальца. Ему нужна помощь, а кроме меня у него никого нет. Он обращается со мной, как с мальчишкой. Так что ничего страшного тут нет.

Я остановилась и уставилась на нее. Прямо над нашими головами кружили моевки и топорики. Сиф сделала вид, будто хочет схватить одну. Птица отлетела. Сиф проводила ее взглядом и расхохоталась.

Женская доля

Мы с Сиф не жалели времени, ухаживая за рампионом. Она по-прежнему приносила рыбные кости и ракушки. Я тоже собирала кости и приносила, когда могла, яичную скорлупу из кухни. Рампион старался, как мог, хотя почва у нас песчаная и рыхлая. Растение было упрямое, но со временем Улис убивает все вокруг.

Однажды Сиф принесла лист рампиона в наше убежище — в башню. Мы все еще были маленькими, слишком маленькими, чтобы понимать назначение этого растения. У нас было лишь слабое ощущение, что цветок может сделать нас женщинами. Сиф вытащила из рукава длинный, темно-зеленый, с зазубринами лист и стряхнула с него грязь. Мы некоторое время смотрели на него, а потом Сиф очень осторожно согнула его вдоль жилки и разорвала пополам. Сок был чистый и бесцветный.

Мы молча ели. Я, правда, пробовала его однажды, до того как впервые увидела Сиф. Я протянула кожистый лист между зубами. Вкус был острый, запах — как от лука. Глаза налились слезами. Мы ждали, что с нами будет, в течение месяца, ощущая при этом гордость и тайный ужас. Но ничего не произошло. Мы были еще слишком малы.

Однажды в башне Сиф рассказала мне больше о своей матери, рыжеволосой Заре. Она коротко стригла волосы и носила брюки, как мужчина.

— Она и вправду была ведьмой? — спросила я.

Сиф потерла руки и пожала плечами. Была ночь, за окном, возле которого она сидела, — кромешная тьма. Я пристроилась на ступеньках. Свечи оплывали на холодном ветру. Сиф оторвала горбушку от хлеба, который я ей принесла. Было лето, так что сегодня ночью она в башне не замерзнет. Старый Сул опять напился и оставил ей на плече красный след, который не пройдет еще несколько дней. Она мне его показала. Придется ей провести

одну или две ночи в башне. Потом она вернется к Сулу, и некоторое время у них все будет спокойно.

— Не знаю,— сказала она наконец и я не сразу догадалась, что она отвечает на мой вопрос. Какое-то время она молчала. Она всегда была молчалива, после того как Сул поднимал на нее руку. Потом она спокойно сказала:

— Но я знаю место, из которого приехала моя мать. Это к северу отсюда. Это я точно знаю. Если бы у меня была лодка, я смогла бы найти его.

Она посмотрела на меня.

— Я настояла, чтобы мать рассказала мне, каким путем нам надо туда добраться.

— Добраться? — переспросила я. Пламя свечи заставляло каменные стены подпрыгивать и пританцовывать.— Да ведь она же оставила тебя, когда отправилась в Арвон.

Сиф, дернув плечом, покачала головой и откусила хлеб:

— Она вовсе не в Арвон собиралась. И она взяла меня с собой.

Свеча оплыла.

— Взяла с собой на берег, чтобы попрощаться,— сказала я, не веря тому, что она мне только что сказала.

Сиф опять покачала головой.

— Взяла в лодку. Посадила меня в лодку и оттолкнула от берега. Вода дошла ей до бедер. Было раннее утро. Облака стояли над Верхним Холлеком, серые, как дыхание дракона.

Говорила она спокойно, в своей обычной манере. Сиф редко давала волю своим чувствам, в отличие от меня. Я поднялась на последние две ступеньки и встала возле окна, глядя на далекое черное море. Луны в ту ночь не было. Море освещалось звездами. Мое зрение воспринимало этот свет как белое пятно. Зато я слышала, как разбиваются волны, слышала шум моря, ощущала его запах.

— Это была легкая лодка, никакой осадки,— продолжила Сиф.— Она надеялась, что она сможет подняться достаточно высоко, чтобы пройти над рифами. В то время я ничего в лодках не смыслила. Ведь мне тогда было

около шести лет. Она прошла по воде, толкая лодку вместе со мной, и, когда вода дошла ей до пояса, забралась сама. Я хотела помочь, но она приказала, чтобы я оставалась на месте, иначе лодка перевернется. Потом она взяла весла и начала грести.

Сиф снова куснула хлеб.

— Я никогда не видела, как гребет женщина. Гребки у нее были длинные и ровные. Это было очень красиво. Я тогда подумала, что моя мама — самая сильная женщина на свете. Мы подплыли к рифу. Вставало солнце. Вокруг Улиса на фоне серого неба образовался белый нимб. Прилив был еще высоким, но уже начал идти на убыль. В рифе было отверстие, к которому она направляла лодку. Маленькое отверстие.

Я видела, как рука Сиф сжалась, обхватив колени.

— Но она либо неправильно определила глубину, либо не угадала с лодкой, а может, надо было раньше выйти в море. Думаю, она могла бы осуществить задуманное, если бы отправилась на лодке меньшего размера, рассчитанной на одного человека, если бы в этой лодке не было меня. Ведь я добавляла вес...

Голос ее теперь был очень спокойным, горьким и глубоким.

— Наше судно село на остроконечную скалу. Мать попыталась веслом приподнять, снять лодку. Я стала вставать, но она приказала мне сидеть и крепко держаться за планшир*. Под дном лодки слышался скрежет. Мать со всей силы нажала на весло. Нас приподняло. Казалось, мы освободились, но тут пришла перекрестная волна, перевернула лодку и бросила на риф.

Сиф не отрывала взгляда от пламени свечи. Я не знала, что сказать.

— Мама перелетела через скалы, а может, ее о них ударило, не знаю. С тех пор я ее не видела. Меня в тот момент выбросило к берегу. Течения вокруг рифа стран-

* Брус, проходящий по верхнему краю бортов шлюпки или поверх фальшборта у больших судов (мор.). — *Примеч. пер.*

ные, очень сильные на глубине, во время прилива. Но я была очень легкая. Течение высоко подбросило меня вверх и несло какое-то время параллельно земле, а потом вынесло еще ближе. Старый Сул шел в то время по берегу, он меня и выловил.

Даже при этом слабом освещении видно было, как побледнела Сиф. Я притронулась к ее руке. Она была холодной.

— Я этого не знала, — сказала я тихонько, снова обретя способность говорить. — Я не знала, что она взяла тебя с собой в лодку.

Сиф завернулась в морское одеяло, которое мы держали в башне, спасаясь от ветра.

— Никто не знает, — ответила она, — за исключением, может, Сула. Думаю, он догадывается.

Она доела хлеб и оглянулась по сторонам, вероятно, в поисках еще одного кусочка. Больше хлеба не было. Кухарка была в тот вечер в дурном настроении, и мне удалось выпросить лишь полбуханки.

— Твою маму выбросило на берег через два дня, — добавила я.

Сиф кивнула и плотнее закуталась в одеяло:

— Да.

Прошло несколько лет. Сиф стала еще выше, я же едва прибавила дюйм. Она рассказывала мне истории, которые слышала от рыбаков: о людях и королевствах, что находятся на морском дне. Сиф была хорошей рассказчицей, не то что я. Я же рассказывала ей о том, о чем на рынке говорили жены рыбаков, да кухонные сплетни, да сплетни служанок моей матери. В волосах у матери появилась первая седина. У нее родился еще один сын, который опять вскоре умер.

Однажды я пришла в башню и увидела, что Сиф скорчилась, согнулась вдвое, но не на верхней площадке, а на нижних ступеньках лестницы. Она стояла на коленях, нагнувшись вперед, прижимаясь лбом к дереву.

— Сиф, Сиф, — закричала я, уронив салфетку с пресной лепешки, которую принесла к нашему ужину. Подбежала к ней и наклонилась.

Когда она подняла лицо, я увидела, что она очень бледна. Под глазами темные круги, а сами глаза — дикие и беспомощные. Она отдувалась и тряслась, и видно было, что она кусала губы. Ей было в это время двенадцать, мне — девять.

— Что случилось, Сул тебя избил? — спросила я. Но синяков не было.

Она посмотрела на меня без выражения, а потом отвернулась и опять опустила голову.

— Нет, не в этом дело.

Я наклонилась поближе.

— Ты заболела? У тебя жар? — я дотронулась до ее руки, но кожа была прохладная и влажная. Сиф дернулась.

— Я... нет, не трогай меня, — сле дыша, сказала она. — Я не переношу, когда до меня дотрагиваются, — зубы ее были сжаты. Озадаченная, я не знала, что делать.

— Может, ты съела что-нибудь не то? — пытала я. Мы были морской народ и знали, что рыбу надо есть свежей или не есть совсем. Но Сул был неряшлив и ленив. Кто знает, что он ей мог приготовить?

Она покачала головой.

— Нет, нет, — руки ее, лежавшие на деревянной ступеньке, сжались в кулаки. Помолчав еще минуту, она тихо сказала: — Уйди.

Я уселась, глядя на нее в изумлении. Такого я от нее еще ни разу не слышала. Нахмурившись, я водила пальцем по деревянной ступеньке и думала. Уходить я не собиралась. Еще чего! Ведь Сиф нужна была помощь, и мне необходимо было понять, что я должна сделать. Я смотрела на ее согнутую фигуру, прислушивалась к поверхностному дыханию и внезапно все поняла.

— Да ведь это женская болезнь, да? — спросила я ее. Сиф тяжко вздохнула и ничего не сказала. — Старый Сул сказал тебе, что надо делать?

Сиф издала полузадушенный звук. Я не поняла, плачет она или нет. Он ничего не знает, старый дурак. Да и не сказал бы, если бы даже и знал.

«Странно», — подумала я. Впервые о чем-то важном мне было известно больше, чем Сифу. По ступеньке мимо моей руки пробежал блеклый паук, подпрыгнул и спустился вниз по шелковой нитке.

— У тебя ничего нет при себе?

— Нет! — выдохнула Сиф. Зубы ее были сжаты. — Я ненавижу это, — прошептала она. Она плакала. — Лучше бы я была мальчиком.

Я поднялась.

— Оставайся здесь, — выдала я идиотское распоряжение. Сиф и не собиралась никуда идти. Я сняла свою накидку и набросила на нее. Она не двинулась и не повернулась ко мне. Я поставила рядом с ней на ступеньку салфетку с едой и ушла.

Вернувшись домой, я зашла в комнату матери и стащила несколько ее прокладок. Никто меня не видел. Должно быть, она со служанками была в кухне или в мастерской ткала ковер, а может, ее и вообще не было в замке, и она пошла на деревенский рынок. Неважно. Я пошла в женский сад и сорвала горсть жирных темно-зеленых листьев. Прижав их и мешочек с прокладками к груди, я вернулась к Сиф в башню.

Сиф за это время не только не притронулась к еде, но даже и не пошевелилась. Накидка моя сползла с ее плеч, но она ее даже не поправила.

— Сиф, — сказала я, присев рядом. — Это я, Элис. Съешь это.

Она подняла голову. Лицо ее было мучнисто-белым.

— Я не могу есть, — прошептала она. — У меня морская болезнь.

— Да ведь это рампион, — сказала я. — Моя мама в таких случаях ест его. Ешь. Обещаю тебе, он поможет.

Она тупо посмотрела на протянутый ей лист, словно видела его впервые, словно понятия не имела, что это такое. Потом медленно протянула к нему руку и остановилась:

— У меня онемели пальцы.

Голос ее был чуть слышен. Я скормила ей лист кусок за куском. Губы ее были сухими и потрескавшимися. Потом я заставила ее съесть еще два листа. Потом мы стали ждать. В башне пахло пылью и ракушками. Летний воздух был теплым. Я играла с муравьями, тащившими мелкие кусочки соломы вниз по стене башни. Чуть шелестел ветер. Примерно через час Сиф медленно выпрямилась. Она все еще казалась слабой, но дыхание ее стало ровнее, и щеки чуть порозовели.

— Мне теперь лучше, — сказала она спокойно. — Болит, но терпимо.

Я дала ей остатки рампиона, который она послушно съела. Потом я дала ей прокладки. Она уставилась на них.

— Это моей матери, — сказала я ей. — Возьми.

Сиф все смотрела, потом взглянула на меня.

— Как? — спросила она, с таким недоумением, что я расхохоталась. Я показала ей. Мы повозились, но справились. Мне это все было еще рано, но я видела, как это делает мама.

— Когда это началось?.. — начала я.

Сиф покраснела до корней волос.

— Прошлой ночью. В это утро я почувствовала себя так плохо, что не могла тащить сети. Сул хотел надрать мне уши, но я убежала, — она пожала плечами. Теперь, когда боль прошла, она уже больше была похожа сама на себя. — Но когда я побежала, мне стало еще хуже.

Я вздохнула и произнесла фразу, которую неоднократно слышала от матери:

— Мы рождены, чтобы страдать.

Сил фыркнула и собрала крошки от лепешки, которую я принесла, в салфетку.

— Моя мать никогда этого не говорила, — она опять пожала плечами и отдала мне мою накидку. — Держу пари, что за Вратами все по-другому.

Зимой мне исполнилось десять, и мать надела на меня платье, как у взрослой женщины: оно волочилось по зем-

ле. Я была еще маленькой, чтобы считаться женщиной. Платье было настолько тяжелым, словно свинец, что я даже ходила медленнее. Она заставляла меня сидеть вместе с женщинами, чтобы научиться ткать, плести кружева, а также обслуживать за столом мужа. Все это мне казалось глупым. Кто захочет жениться на десятилетней дочери лорда крошечного острова, хотела бы я знать?

— Да тот, кто захочет поблизости заняться торговлей мехом, — смеялся отец. Он стряхнул снег с сапог и поднес руки поближе к огню, горевшему в очаге большого зала. Мать счистила кровь с его рук мягкой мокрой салфеткой. — В этом году хорошая охота, мех густой и мягкий. Весной получим неплохую прибыль, когда к нам съедутся торговцы с материка, отец опять рассмеялся. — Один бог знает, зачем я женился. А уж сказать по правде, за красоту на тебе никто не женится.

Не знаю, шутил он тогда или нет. Он хлопнул меня по спине, когда я проходила мимо, довольно сильно так, что я чуть не выронила кувшин. От него пахло элем и кровью лисичек. Мать не промолвила ни слова. Она публично никогда не ругала отца, да и наедине — тоже.

Теперь мпе запрещали гулять, я потеряла свободу, ветер, запах волны, пробежки вместе с Сиф по морскому берегу. Видела теперь ее редко. Старый Сул заставлял ее тяжко работать и с сетями, и с лодками. Он теперь и пальцем не хотел шевельнуть. Всю работу выполняла Сиф.

В башне мы встречались теперь очень редко. Сиф загорела, как мальчик. Узкая рубашка была ей мала в плечах. Я сшила ей новую. Грудь у нее всегда была маленькой — не то что у меня. Мать мне ее даже перетягивала, чтобы я не выглядела старше своих лет. А грудь Сиф в просторной блузке вообще была незаметна. Когда она закатывала рукава, на натруженных руках ее резко выступали вены. Говорила она теперь, как рыбаки. Я едва ее узнавала. Встречались мы редко, но она всегда старалась оставить для меня какой-нибудь подарок в зарослях рампиона: яркую ракушку, морскую звезду, пятнистую клешню огромного рака.

Мне было почти одиннадцать, а Сиф — около четырнадцати лет. Зима закончилась, наступало полнолуние. Погода стояла теплой для этого времени года. Я увидела длинную прядь водорослей, повешенных на воротах, ведущих к морю. Это был знак: встречаемся в башне. Стало смеркаться, и мне надлежало вовремя явиться к ужину. Мать всегда ругала меня за опоздания, иногда даже щипала. Но Сиф повесила водоросли, и я пошла.

Она не сидела, как обычно, а расхаживала по площадке. Рубашка была разорвана на плече, и она придерживала ее рукой, а сама все ходила, ходила по узкому пространству. Она была выше меня на ширину двух ладоней, и это меня поразило. Дело в том, что, когда мы встречались с ней в прошлом году, то вечно сидели где-нибудь, скорчившись, а не бегали и не гуляли по берегу, как раньше.

Увидев выражение ее глаз, я замерла на последней ступеньке. Оно было дикое, полубезумное. Такой я ее никогда раньше не видела. Лицо ее было красным и исцарапанным.

— Сиф, — выдохнула я.

Она тут же меня прервала.

— Я уезжаю. У меня есть лодка.

Я потеряла дар речи. Свечка в моей руке горела и оплывала; стены в ее свете подпрыгивали и танцевали. Я в недоумении покачала головой. Сердце колотилось от быстрого подъема по ступенькам.

— Сул разрешил мне взять ее. Он сказал, что она никуда не годится. Но я отремонтировала ее. Она выдержит. Во всяком случае, я как-нибудь доберусь до Джорби.

— О чем ты говоришь? Что ты имеешь в виду? — начала я, но она опять не дала мне говорить. Рука ее сжалась, и костяшки на пальцах побелели.

— Сул опять пил. Начал в полдень. Утром он нашел на берегу выброшенный морем бочонок с красным вином. Совершенно целый, неиспорченный. Только не говори об этом милорду. Забрал весь себе. И мне ни капли.

Слова ее шипели и взрывались, как пламя свечи.

— А два часа назад он стал говорить, что я очень хорошенькая, что ему всегда нравились высокие и светловолосые девушки. Он сказал, что я напоминаю ему одну девушку, которую он когда-то знал, только она не была такой худой. А потом спросил, не хотела бы я, чтобы он меня обнял. Мол, я так давно живу с ним под одной крышей, что он уже и позабыл, мальчик я или девочка, так вот, не покажу ли я ему, кто я такая.

Она потрогала рубашку в том месте, где она была разорвана. От ярости ее всю трясло.

— Я ударила его острогой. Потекла кровь. Он упал. Может, я и убила его. Выяснять не стала, — она потерла руку. По коже у меня побежали мурашки.

— Не может быть, чтобы он умер, Сиф, — прошептала я. — Ты не могла ударить его так сильно.

— Могла, и ударила бы еще раз, — пробормотала она и пронзила меня своими серо-зелено-синими глазами. — Даже если он и не умер, здесь я больше не останусь. Уеду из Улиса, иначе сойду с ума.

Теперь меня всю охватило холодом. Я стала трястись.

— Не надо, не уезжай, — воскликнула я. — Я скажу отцу. Он накажет Сула, прикажет ему оставить тебя в покое. Я попрошу кухарку, чтобы она дала тебе место в кухне...

Я замолчала. Сиф перестала ходить. Прислонилась спиной к каменному простенку и посмотрела на меня. Потом недоверчиво рассмеялась.

— Ты думаешь, что твоего отца хоть сколько-нибудь волнует, что со мной будет? — спросила она. — Если бы у него было хоть чуточку совести, он взял бы меня к себе, когда Зара умерла.

— Не понимаю, о чем ты говоришь, — запинаясь, проговорила я. — Мой отец — справедливый и благородный человек...

— Ради бога, не рассказывай мне о твоем «справедливом и благородном» лорде, — опять взъярилась Сиф. Она выпрямилась и отодвинулась от стены. — Это он, такой справедливый и благородный, оставил меня на

попечение Сула на все эти годы, — она готова была закричать. — Да твой прекрасный благородный отец женился бы на моей матери, если бы родилась не я, а мальчик!

Я нащупала за спиной стену и прислонилась к ней. Мне нужна была сейчас опора. Я не сводила глаз с Сиф. Она не подошла ко мне.

— Я не понимаю, что ты имеешь в виду, — прошептала я наконец.

— Во имя Гунноры, — задохнулась Сиф, — Кто же, ты думаешь, был моим отцом?

Я не ответила. Не могла. Я почувствовала, что бледнею. Ни за что в жизни, ни на один миг не могла я предположить такое. Но если бы я даже озадачилась этим вопросом, то уж решила бы, что это Сул.

— Он обещал, что поможет ей благополучно добраться до Верхнего Холлека, — говорила Сиф, — и даст денег на дорогу. Он обещал сам ее отвезти на север, но позже, после того как его положение лорда на острове станет более прочным, — Сиф прислонилась затылком к стене. — Она со временем полюбила его. Он был к ней добр. Она мне об этом говорила. Но она не родила ему наследника. Родила меня. Поэтому он женился на твоей матери, а моей пришлось самостоятельно искать путь домой.

— Этого не может быть, — прошептала я. Голос мой дрожал. Я готова была расплакаться. — Мой отец никогда...

— Не был так бесчестен? — закончила она за меня и устало вздохнула. Теперь она говорила негромко, но в словах ее звучала ярость. — Радуйся тому, что он был бесчестен. Тебе это пошло на пользу. Иначе это я ходила бы в твоих красивых платьях, а ты бы никогда не родилась.

Мы молча смотрели друг на друга. Весенний вечерний воздух был холоден. Глаза ее наконец обратились на меня с мольбой.

— Мне нужна еда, Элис. Лодка у меня уже есть.

Я зарыдала. Удержаться я не могла. Неужели она и в самом деле задумала это. Не могла же Сиф и в самом деле уехать от меня.

— Куда ты поедешь? — выговорила я наконец.

Сиф повернулась и опять зашагала взад и вперед.

— Не знаю. Сначала — в Верхний Холлек. Наймусь в моряки. Они подумают, что я мальчик.

— Да нет, — сказала я. — Они скоро узнают правду.

— Прежде чем узнают, поеду дальше, — проворчала Сиф. — Поеду на север. И найду Врата моей матери.

Все это было ужасно глупо, начиная с того, что она вообще уедет с острова.

— Они никогда тебя отсюда не выпустят, — сказала я. — Даже если Сул и не умер, они не поднимут для тебя цепь в гавани.

— А я оттуда и не поплыву, — отрезала моя сестра.

Меня охватила паника.

— Да ведь ты утонешь, как когда-то твоя мать. Умрешь на скалах!

Она перестала ходить и подошла ко мне. Она стояла на площадке, а я — на ступеньках. Сиф протянула руку и дотронулась до моего плеча.

— Сейчас середина месяца, Элис, — прошептала она и удивленно посмотрела на меня. — Через два дня полнолуние. Весенний прилив. Вода глубока. Разве тебе это неизвестно?

Я покачала головой. Прожив на острове всю свою жизнь, я ни разу не садилась в лодку и ничегошеньки не знала о приливах. Сиф крепче сжала мое плечо.

— Ты должна мне помочь, — сказала она. — У Сула нет никаких припасов, а у меня не было времени делать их. Я думала, что у меня впереди еще один год. Но придется ехать сейчас, сегодня ночью. Сама я не могу пойти в кухню, а ты можешь.

Я и в самом деле могла, но не хотела. Я не хотела помогать ей меня бросить. И в то же самое время знала, что Сиф сделает то, что задумала. Она всегда все делала по-своему. И она сделает это в любом случае — с моей помощью или без нее. Тут я подумала, что она могла бы и вовсе ничего мне не говорить. В действительности она во мне вовсе не нуждалась. Она скорее поехала бы голодной

до своего Верхнего Холлека. Она просто пришла со мной попрощаться.

В какой-то безумный момент я хотела отправиться вместе с ней, хотела умолять ее, чтобы она взяла меня с собой, только бы не оставаться здесь без нее. Но тут я вспомнила ее рассказ о материнской лодке, наскочившей на риф, оттого что она была тяжелее, чем требовалось. Я стану для нее лишним весом, обузой. Я была просто девочкой. Женщины в лодках, как утверждают, к несчастью. Всем это известно. Я была просто девочкой, а Сиф... была Сиф.

По этой причине я не стала ее просить, лишь молча стояла перед ней, а она держала руку на моем плече. Другая же причина заключалась в том, что я знала, совершенно была уверена, что — будь там полнолуние, высокий прилив, или, нет, весенний прилив, что бы ни было — ей не удастся исполнить задуманное. Сиф умрет на скалах.

Я принесла ей все, о чем она просила, и даже больше, хотя мне пришлось дожидаться удобного момента после ужина. Во время еды я обслуживала стол отца. Я смотрела, как он ест, смеялась вместе с его охранниками и принимала участие в азартных играх, пока мать не ущипнула меня и не спросила, отчего я веду себя так развязно. Оба они казались мне чужими. Я их не знала.

После того как меня отпустили, я еще долго крутилась в кухне, пока кухарка с помощницами не удалилась ужинать в соседнюю комнату. Я схватила все, что можно, и завернула в салфетку. Там была и жареная птица, и печенье, и две бутылочки вина.

Я принесла все этой ей в башню, вместе с мешочком для рукоделия. Я починила ей рубашку при свете свечи и помогла отнести вещи к морским воротам. Никто нас не видел. Охранники у моего отца были важными и нерадивыми. На нашем острове и не надо было никакой охраны. Острые рифы с одной стороны и цепь с другой — вот и все, что требовалось.

Я отдала ей дорогой зеленый плащ — он был связан из шерсти, не пропускавшей влагу, — и золотую брошь, которую мать подарила мне годом раньше (тогда она впервые надела на меня «взрослое» платье). Через месяц я сказала матери, что потеряла брошь. Она ударила меня по лицу так, что из носа пошла кровь.

Луна на небе почти достигла полнолуния. Возле морских ворот Сиф нагнулась и поцеловала меня в щеку, чего она раньше никогда не делала. Потом протянула мне наконечник от гарпуна — тот, что постоянно носила на шее. Последний раз я как следует всмотрелась в ее лицо. Она улыбалась.

— А ты не боишься? — спросила я.

Она покачала головой.

— Я знаю дорогу до Джорби. Я часто расспрашивала о ней моряков в трактире.

Я стиснула ее в объятиях. Гарпунный наконечник, который я держала в руке, оцарапал мне ладонь. Мне не хотелось отпускать ее, но пришлось, когда я услышала, как она нетерпеливо вздыхает. Она и в самом деле не боялась. Я отпустила ее и сделала шаг назад.

Она наклонилась, подобрала все вещи, что я дала ей в дорогу, и пошла по крутой, узкой, залитой лунным светом тропинке вниз, к морю. Глаза у нее в темноте видели не хуже кошки. Я же была слепая, как крот. Я не стала смотреть ей вслед. Все равно я бы ее не увидела. Я заперла ворота и вернулась в замок Ван. Я знала: больше я ее уже не увижу.

Морской певец

Странно, когда чей-то запах сохраняется в комнате, когда человека уже давно там нет. Это похоже на запах дыма от свечи, когда она догорела. Присутствие Сиф я ощущала еще несколько месяцев. Я все надеялась увидеть ее вновь и ходила по морскому берегу, или забиралась в башню, или смотрела на ворота — не висит ли там плеть водорослей. Но водорослей не было.

Тела ее так и не нашли. Иногда море не отдает назад своих мертвых. Старый Сул, оказывается, тогда не умер. И я даже жалела, что он до сих пор жив. Это означало, что сестра моя умерла понапрасну. Она и сейчас была бы со мной.

С той весны, когда исчезла Сиф, настали нескончаемые невзгоды Улиса. Словно всю его удачу смыло морем. Погода испортилась. Бесконечный унылый влажный ветер, такой холодный, что он, казалось, промораживал насквозь. Зимой, при большой влажности, не было снега. С рыбалкой не ладилось. Лихорадка скосила многих рыбаков, но только не старого Сула. Он прожил еще три года, пока не скончался от апоплексического удара. В душе я даже этому обрадовалась.

Но самый страшный удар — пропали морские лисички. Возможно, они нашли другое место для зимовки. Во всяком случае, я на это надеялась. Каждый год охотники приносили в замок все меньше тушек, притом среди них почти не было белых, пятнистых или серебристых, лишь черные да коричневые, да и то маленькие, с низкокачественным мехом. За второсортный мех жители Долин платили мало.

Замок Ван залез в долги к торговцам из Холлека. Мы у них покупали многие товары. Из замка мало-помалу исчезали ценные фамильные вещи. Думаю, их продавали на материк. Отец не один раз ездил за кредитами. Каждый раз он получал все меньше и под заоблачные проценты. Большую часть этих денег он проиграл и, возможно, много истратил на женщин.

Мать моя была в гневе и шептала — но не ему — что он должен обратиться к своим родственникам из Долин с просьбой о помощи. Но он для этого был слишком горд. Много лет назад они лишили его всякого наследства. Пришло время, когда кредиты ему давать перестали. Отец слонялся по маленькому замку и крошечному острову и начинал сходить с ума.

Мать упрямо отказывалась приходить в отчаяние. Все будет в порядке, твердила она, когда я выйду замуж. Она

вместе со служанками в буквальном смысле схватили меня за волосы и начали приводить меня в порядок. Она жалела, что не занялась мной раньше.

Повторюсь, что, схватив в буквальном смысле меня за волосы, она не разрешала мне больше их стричь. Начав с уровня плеч, она заставляла бедные волосы расти и расти. Этот рыже-золотистый водопад был очень тяжел, а летом из-за них было еще и жарко вдвойне.

— Почему я не могла их остричь? — не понимала я. — Зачем они должны быть такими длинными?

— Потому что для этого и существуют женские волосы, — говорила мать, разделяя пряди прямым пробором. — На взгляд мужа, в этом и красота.

— Но ведь у меня не было мужа, — протестовала я.

— Пока, — возражала она, водя и водя щеткой. Это произойдет скорее, чем я думаю. Разве мне не хочется мужа?

«Нет, не хочется,» — отвечала я мысленно. Я хотела вернуть свое детство. Я хотела вернуть Сиф.

Когда мне исполнилось тринадцать, отец устроил мне помолвку с незнатным лордом маленького клана из Верхнего Холлека, неким Олсаном. Отец, однако, назвал это блестящей удачей. Прошло уже шестьдесят лет с тех пор, как дочь лорда Улиса выходила замуж на материк, в Долины.

Я должна была оставаться на Улисе до тех пор, пока мне не исполнится пятнадцать, а потом ехать к своему лорду. Он писал мне письма, которые я не могла читать. Читала их мне мать (а может, делала вид) и комментировала. У меня сложилось впечатление, что жених старше моего отца. Никто мне в точности не мог сказать, но у него уже были дети, сыновья. Первая жена его умерла.

Когда мне сказали, что к помолвке делаются приготовления и что сваты уже в дороге, я пошла к берегу и посмотрела на скалы. Я подумала, что неплохо было бы спрыгнуть с них и утонуть. Хорошо бы, чтобы меня разорвало на части это серое, вздымающееся море, хорошо бы умереть на остром гребне скалы. «Хватило бы у меня

смелости,— думала я,— последовать за Сиф, встретить смерть, нежели выйти замуж за старика и жить с ним в доме, где, вероятно, все домочадцы будут издеваться надо мной?»

Нет, смелости у меня не было. В душе я была трусихой. А может, я была просто практичной? Я знала, что свобода не для меня. Передо мной стоял выбор между жизнью и смертью. А я хотела жить. Пусть даже это будет жизнь некрасивой, невежественной, провинциальной жены чужого человека. Отвернувшись от скал, от грозового моря, я пошла в замок, к своей судьбе.

После помолвки меня научили, как надо причесываться, ходить, говорить, носить одежду. Мать посылала на материк разведать, как одеваются сейчас в Долинах. Заставляли разучивать стихи (от пения отказались: у меня не было голоса). Танцевать я немного могла. Мать изо всех сил старалась вложить в меня все, что, по ее мнению, должна была знать и уметь дама из Верхнего Холлека.

Мой будущий муж даже прислал женщину, одну из тех религиозных женщин Долин, которые живут без мужчин в священных домах и поклоняются Огню. Эта женщина должна была приобщить меня религии мужа (клан отца поклонялся другим богам). Я весьма мало поняла из того, что она мне рассказала, но готова была отбарабанить наизусть нужные фразы.

Полагаю, госпожа Элит заметила мое нерасположение. Надолго она не задержалась, лишь на два месяца. Унылая наша погода действовала на нее не лучшим образом. Потрепав меня по щеке, она сказала матери, что продолжит наши занятия позднее, когда милорд пошлет за мной. Затем спустилась к бухте и села в лодку, шедшую на материк. Мать рвала и метала. Она говорила, что я отпугнула учительницу своей глупостью.

Рампион умер. Когда Сиф не стало, у меня пропало всякое желание ухаживать за ним. Я вступила в период половой зрелости вскоре после помолвки и присоединилась к числу страждущих женщин. Облегчения теперь

нам не было: в саду больше ничего не росло. С тех пор регулярно, как только луна становилась темной, все повторялось сызнова. Я вспоминала Сиф и мечтала о темно-зеленых листьях и горьком вкусе.

Когда мне исполнилось четырнадцать, умер мой нареченный, лорд Олсан из Верхнего Холлека. Он был убит на меже в результате спора за землю. У нас был траур. В течение трех месяцев мать вплетала черные ленты в мои волосы. Мне было приказано иметь печальный вид. В душе я, по правде, и не думала горевать.

Потом я узнала, что отец, даже не дождавшись окончания траура, предложил меня одному из сыновей Олсана, но получил резкий отказ. Все сыновья Олсана, кроме одного, были уже женаты на хороших женщинах из Долин. Для их старого отца я была бы лишь игрушкой. Сыновья же хотели иметь наследников, и в нищих из Улиса не нуждались.

Тогда отец потребовал, чтобы они вернули часть моего приданого, которая была выслана в Долины заранее, и был осмеян. Сыновья Олсана знали, что у нас нет ни друзей, ни военной силы, которые могли бы настоять на восстановлении справедливости. Мать страшно гневалась. Отец страдал от нестерпимых головных болей и приступов бешенства. Я тихонько ходила по дому, как побитый пес, пока не поняла: то, что произошло между отцом и жителями Долин, не имеет ко мне никакого отношения.

Когда над замком нависли долги, он стал предлагать меня всему Верхнему Холлеку. Несколько лордов даже не снизошли до ответа. Частично их насмешка относилась ко мне как к дочери нищего, но по большей части они смеялись над ним — сумасшедшим, вздумавшим открыто предлагать родную дочь. В бартере дочерьми полагалось соблюдать такт, а он пренебрег условностями. Теперь смеялись над всем Улисом, и рыбаки даже стали думать, что остров кто-то проклял, поэтому морские лисички исчезли, а лорд сошел с ума.

Отец слишком часто заглядывал в рюмку, а по вечерам играл со своими охранниками в азартные игры. Когда

продуктовые запасы в замке почти истощились, он посылал охранников отбирать у рыбаков их улов. Приказывал людям собирать ракушки и искать жемчуг, хотя в наших ракушках редко можно его найти. Головная боль мучила его все сильнее. По вечерам ворота в замок стали запирать на засов, чего никогда еще не было в истории Улиса.

Со временем он начал оскорблять маму. Помню, как после ужина мы сидели в комнате, что рядом с кухней — отец, мать, я и несколько охранников и служанок. В этой комнате был затоплен очаг, и все собрались там, чтобы согреться. Стояла зима, а топлива у нас было мало. Милорд и госпожа заспорили о какой-то мелочи, а потом замолчали, как вдруг отец поднял голову от бокала и прорычал:

— Что там у тебя не в порядке, женщина, что ты никак не родишь мне сыновей? Сыновья занялись бы торговлей, сели бы в лодки да выяснили, куда подевались проклятые лисы, — он поднял бокал и посмотрел на темное вино. — Только и смогла, что родить девчонку.

Мать, с плотно сжатыми губами обрубавшая носовой платок перед очагом, многое могла принять от моего отца и многого натерпелась от него за все годы, но стерпеть то, что она, оказывается, не могла исполнить своего женского назначения и не подарила мужу лордов-наследников... это было для нее уже слишком. Не успела я моргнуть, как мама вскочила на ноги и закричала:

— Да я родила тебе четверых сыновей, живых, — все они родились после того, как мне исполнилось два года и до моих девяти лет. — Все они произошли от твоего семени, милорд, но они умерли, — она уколола палец иголкой, и на платке расплылось красное пятно. — Так что не обвиняй меня в том, что у тебя нет сыновей.

Услышав это, отец с криком отшвырнул бокал и нанес ей такой удар, что она свалилась на пол. В то время его мучили тяжелейшие приступы головной боли, и к нему лучше было не подходить. Он был воистину сумасшедшим. Мы все его боялись.

Мать видеть меня не хотела, как, впрочем, и отец. Я, как тень, крадучись ходила между ними. Да тут еще и мое слабое зрение. Я не могла разобрать выражение их лиц и старалась поменьше попадаться им на глаза. Я вспоминала, как Сиф пряталась от старого Сула. Теперь я ее хорошо понимала.

На Улисе для меня не находилось никого ни богатого, ни знатного, а в Верхнем Холлеке я никому не была нужна. Мать один раз предложила отправить меня пожить с женщинами в Норстеде, но отец поклялся Рогатым Охотником, что никогда не пошлет даже самую никудышную девчонку к трижды проклятым жителям Долины. Не хватает ей еще перенять их религиозные воззрения и поклоняться Огню.

Вряд ли, думаю, он забыл, что сам был выходцем из Долин. Именно потому он так и злился, что знал: никогда ему больше не вернуться в Долины. Улис и его схватил за волосы. Назад ему пути нет.

Мне стукнуло семнадцать. Я была не замужем и не просватана, когда у нас на острове появился морской певец. Наши девушки выходили замуж в тринадцать и в четырнадцать лет. Я же была аномалией, вывертом. Некоторые говорили, что я приношу несчастье. Ни одному мужчине я не была нужна. На рынок я уже больше не ходила, даже со служанками матери. Мне было тошно от взглядов женщин, жен рыбаков.

Быть может, они думали, что я и была причиной тому, что на острове почти не осталось морских лис. А может, они так смотрели просто потому, что я была дочь своего отца. Он забирал их улов, называя это данью, он не делился с ними продуктовыми запасами, даже когда они голодали. Думаю, они начали ненавидеть нас.

Но с появлением морского певца все переменилось. Он приехал на корабле вместе с торговцами из Холлека, чтобы посмотреть на тех лис, которые у нас еще оставались. Была весна. Сам он не был торговцем, это было видно сразу. Говорил он как житель Долин, но причесан по-другому:

на лбу челка, а на затылке волосы спускаются на шею. Волосы светлые, темно-золотые, а борода — рыжеватая. Борода красивая, густая. Должно быть, ему уже под тридцать. Лицо, правда, гладкое, загорелое и ухоженное.

Быть может, это не простой торговец? Быть может, он более знатного происхождения? Об этом разговаривали между собой служанки. Я всю информацию получала от них. Они придумывали повод, чтобы сходить на рынок и посмотреть на него, узнать о нем что-либо новое.

В тавернах возле причала он пел песни Верхнего Холлека, а также другие песни, которых никто из нас никогда не слышал, хотя рыбачьи песни Улиса ему тоже были известны. Дикция у него была хорошая. Он быстро усвоил нашу манеру речи.

Все материнские служанки с ума по нему сходили. Он был любезен со всеми, и только. Они же бесстыдно увивались за ним и вздыхали. Он же, никого из них не обижая, все же не отдавал ни одной предпочтения, не бросал ни на кого из них страстных, многозначительных взглядов, не приглашал на свидания за таверной или в коровнике, или на берегу.

Когда в конце недели торговцы пушниной вернулись в Верхний Холлек, он остался. Это обстоятельство вызвало живейший интерес у рыбаков и, разумеется, у служанок матери. Прошло четыре дня, но никто так и не понял, что за дела у чужестранца в Улисе. Сам он не говорил.

Прошла неделя с тех пор, как незнакомец появился на нашем острове. Ко мне пришла одна из служанок матери. Звали ее Данна. Это была веселая девушка с темно-каштановыми кудрями. Она была моложе меня на год, тоже не замужем, но зато помолвлена. Помолвка не помешала ей флиртовать. В это время я сидела возле окна и ткала ковер, низко склонившись над работой, чтобы считать нити. Данна была хорошей девушкой. Я была к ней расположена.

— Сегодня он о тебе спрашивал, — сказала она, заговорщицки понизив голос.

Я вздохнула.

— Может, он послал тебя за мной? — спросила я, привыкнув к капризам своего отца, но не особенно желая появляться ему на глаза, так как это было небезопасно. — А где мама?

Данна рассмеялась и хлопнула себя по бедру.

— Твоя мать внизу, с кухаркой, иначе я бы тебе этого не стала говорить. И спрашивал о тебе вовсе не отец. Я имею в виду чужестранца, того, что в таверне. Певца — он спрашивал.

Я нахмурилась и подняла глаза.

— Что ты имеешь в виду?

Данна стояла не так близко ко мне, и я не могла рассмотреть как следует выражение ее лица. Поэтому не знала, смеется она надо мной или нет. Как выяснилось, она говорила правду.

— Я ходила на рынок, — сказала она, — покупала пятнистую зубатку — твоя мать обсуждает сейчас с кухаркой, как ее приготовить. И видела его. Он стоял на площади возле стены и ел хурму. Отрезал от нее кусочки кинжалом. Ну, я бойко так его окликнула: «Эй, певец, отчего ты не поешь в таверне как положено?»

Она нервно хихикнула, удивляясь собственной смелости.

— А он мне кусок хурмы на кинжале поднес и говорит: «Не все же время мне петь. Человек должен иногда и поесть».

Я смотрела на нее. Она прикрывала рот руками и краснела. Но я прекрасно видела, что ей вовсе не стыдно, а наоборот, она пребывает в восторге.

— А потом он сказал, — прошептала Данна, — потом он сказал: «Ты ведь Данна, дочь Ульдинны?» Когда я это услышала, то так и подпрыгнула. Я и говорю: «А откуда ты это знаешь?» А он от стены отодвинулся и улыбается. Ой, у него улыбка, как у лисы: все зубы ровные, все на месте. Честно говорю, теперь я буду с ним осторожна. Но он ответил, тихо так и вежливо, как лорд: «Да я много чего узнал, Данна, за то время, что нахожусь здесь. И о тебе, и об этом месте. Мне, например, известно,

что ты работаешь в замке лорда Улиса». «Да,— отвечаю.— Я горничная леди Бенис». «А,— говорит он,— я слышал, что у госпожи Бенис есть дочь, знаменитая дочь, о которой говорит весь Холлек...» И тут я говорю, позабыв обо всем: «Давай-ка поосторожнее. Не вина леди Алии, что ее нареченный лорд из Долин умер, а мой лорд весь в долгах. Она хорошая, хорошая девушка, а все эти разговоры о проклятии ничего не...» Но тут он как засмеется! «Нет, нет. Ты меня не поняла. Я вовсе не об этом слышал», — говорит он.— Там, откуда я приехал, говорят, что она красивая девушка, светлая, как утренний свет, что у нее все достоинства, какими должна обладать высокородная девушка. Но она горда, потому что отец у нее богат, и она отказала лорду, с которым была помолвлена. Поэтому тот с горя и умер. Потом она отказала и всем другим поклонникам, которые добивались ее руки,— тут он мне улыбнулся.— Во всяком случае, так сложили песню в тех местах, откуда я родом». «А откуда вы родом, сэр?» — спрашиваю я, но он только смеется. «Но вот этого я тебе, милая, пока не скажу»,— тут он опять заговорил как житель Долин. Но не как торговец, а скорее как твой отец, как лорд. Я уверена: он знатного происхождения, из Верхнего Холлека, а то, что он поет в таверне, это все притворство.

Данна смотрела теперь на меня серьезно. Я не знала, что стояло за ее рассказом. Неужели она меня разыгрывает? В смятении я вернулась к рукоделию, но нити путались. Горничная тем временем продолжала:

— «Но как же так,— говорит он,— за все те дни, что я здесь, все леди из замка лорда Халсса,— представляешь, он служанок называет леди,— все они пришли послушать мое пение, а эту знаменитую девушку я так ни разу и не видел?» «Да, из замка она никогда не выходит»,— говорю я.— «Как же это, никогда? — спрашивает он. Он и вправду удивился.— Разве она по утрам не выходит на берег и на рынке днем никогда не бывает?» «Нет, сэр. Милорд и леди строго за ней следят. Они не хотят, чтобы она общалась с простым народом», я ему это

говорю, и пристально так на него смотрю. И сама уже не знаю, кто он такой: обыкновенный морской певец или высокородный лорд из Долин, а ведь за минуту до этого я была уверена. А он и глазом не моргнул.

Я посмотрела в окно. Слова Данны некоторое время текли как вода мимо меня, совсем ничего не означая. «Строго следят» — и верно! Я и в самом деле была узницей в замке отца и матери, каждый день подсыхая и умирая, как рампион. Я чувствовала себя замерзшей и старой.

— Он, похоже, уже обо всем подумал, — сказала Данна, и я опять прислушалась к ней. — А потом он и говорит: «А может, молодая леди хочет, чтобы ей дали уроки музыки? Все прекрасные дочери высокородных лордов непременно должны...» «Да нет, что вы, сэр, это бесполезно, — говорю я. — Госпожа Бенис уж старалась-старалась...»

Я посмотрела на Данну, и темноволосая девушка запнулась и покраснела. Я опять вздохнула и вернулась к рукоделию, удовлетворенная тем, что поняла наконец, кто такой чужестранец. Он просто охотник за приданым. Он думал, что отец мой богат. Золота у нас нет, чтобы тратить его на такие безделушки, как музыка. Но даже мой взгляд не заставил Данну замолчать.

— «Ну что поделаешь, — вот и все, что он сказал, — доложи обо мне молодой леди Алии и передай, что я всегда к ее услугам», а я сказала, что не буду этого делать. Слишком уж красиво он говорит. Вот я лучше скажу лорду Халсу, что дерзкий музыкант расспрашивал меня о его дочери.

— Но, — вот это самое странное, миледи, — он лишь улыбнулся мне. Он не выглядел ни рассерженным, ни испуганным, а ведь любой простой человек на его месте наверняка бы испугался. И он вдруг заговорил как высокородный человек из Верхнего Холлека. Улыбнувшись, он сказал, что я не сделаю ничего подобного, и лучше уж мне доесть фрукт, а то он закапал мне руку. И это правда. Я не собиралась говорить об этом милорду или еще кому-то,

только тебе. А фрукт этот я съела с превеликим удовольствием. Такой сладкий!

Последние слова Данны немало меня удивили. Может, и в самом деле чужестранец не обычный охотник за приданым? Служанки матери продолжали высказывать глупые догадки о том, что он, дескать, принц с материка, и скрывает это, а ездит в поисках приключений или — здесь они вздыхали, — может, даже в поисках невесты.

Чем больше раздумывала я над рассказом Данны, особенно над тем, что, улыбнувшись и сказав ей лишь слово, чужестранец заставил ее позабыть о намерении пожаловаться милорду, да еще и фрукт съесть, который она не хотела, тем больше боялась, что он, должно быть, волшебник и затевает игру, цель которой была мне неясна. Я решила держаться от него подальше, хотя это было нетрудно: я — заключенная в замке, а ворота всегда на засове.

К своему удивлению, я обнаружила, что решение держаться подальше от незнакомца и в самом деле надо было выполнять. На следующий день морской певец появился у ворот замка. У отца в это время был приступ головной боли, и он никого не принимал, тогда чужестранец спросил о матери. Она была возмущена наглостью актеришки и заставила ждать себя целый час. Нарядившись в красивое, отороченное лисой платье, она спустилась в зал. Толпа служанок и компаньонок крутилась вокруг нее, как спутники вокруг планеты.

Мне было приказано не высовываться и ни в коем случае не появляться в зале. Я была только рада. У меня не было ни малейшего желания надевать официальное платье, слишком тесное в груди, так что в нем было не вздохнуть, и слишком широкое внизу, так что трудно было сделать шаг. Я была в кухне: помогала кухарке печь торты. Морского певца я видеть не хотела. Я лишь надеялась, что мать поскорее от него избавится.

Но этого не случилось. Она два часа провела с ним в зале, с восторгом слушая его песни и рассказы. Дважды

посылала в кухню — сначала за пирогами и засахаренными угрями, а потом — за хорошим желтым вином из личных запасов лорда.

Кухарка была изумлена. Я пошла в комнаты матери и стала с большим беспокойством ожидать ее возвращения. Наконец она вернулась, вместе со служанками. Они были возбуждены, лица раскраснелись от выпитого крепкого желтого вина.

— Ох,— сказала мать, хватаясь за Имму, чтобы удержать равновесие, в то время как другая служанка стягивала с нее туфли.— Ох, этот молодой человек производит сильное впечатление.

Третья служанка помогала снять верхнее платье. Все они не слишком уверенно стояли на ногах.

— Такой умный. Такой любезный. На Улисе такого еще никогда не было, ну, кроме милорда, конечно. Она икнула и неожиданно села. Другие служанки тоже икали и хихикали. Мать тоже засмеялась.

— А разве не умно я поступила,— продолжила она,— разве не умно было послать за вином? Он стал таким разговорчивым, правда?

— Он был в прекрасном настроении, миледи,— подтвердила Имма. Я заметила, что Данна, присев на стул, тут же задремала.

— А после второго бокала он раз или два сболтнул лишнего! — засмеялась мать, стараясь вытащить шпильки. Имма, встав с трудом, поспешила помочь ей.

— А как он говорит, миледи. Я не удивлюсь, если он и в самом деле переодетый принц. Принц из Верхнего Холлека, отправившийся в поисках приключений.

По моей коже побежали мурашки. Он их всех заставил в это поверить. Они даже говорят об этом перед матерью. Я быстро взглянула на Данну, но она уже спала глубоким сном. Мать кивнула.

— Я уверена, что он из клана Харила,— откликнулась она.— Он упомянул их Долину.

Я покраснела. Запах желтого вина наполнял комнату, словно пролитый сидр. Имма и другие служанки

бесконечно жужжали, как пчелы. После второго бокала они явно выпили еще несколько. Представляю, как глупо они себя вели перед этим колдуном. Мать опять весело рассмеялась.

— Убсждена в том, что он богат.

Я резко подняла голову. Что она хочет сказать? Морской певец — богат? Похоже, мать впервые обратила на меня внимание.

— Посмотри, Алия, посмотри, — воскликнула она. — Видишь, что подарил мне молодой человек?

Она сделала знак другой служанке, Ролле. Девушка держала какой-то прямоугольный предмет, завернутый в грубую мешковину. Она положила его на кровать. Мать неуклюже развернула его, и я увидела отрез ткани. Такую ткань видеть мне еще не приходилось.

Нити были очень тонкие и гладкие, переплетение плотное. Я провела по ткани рукой. Она была мягкой, но в то же время, как ни странно, твердой. Она складывалась в мелкие морщинки, которые тут же расправлялись от прикосновения. Я была уверена, что вода на ткани образует каплю. Ткань шелестела, шептала. Но самым странным был ее цвет. Он переливался — от жемчужного серо-голубого или серебристого до разных оттенков розового.

Я не могла отвести от нее глаз. Одно лишь прикосновение к ней производило волшебное впечатление. Даже пушок на моей руке вдруг приподнялся. Мать прикладывала к себе отрез и гладила его.

— О, мы должны его отблагодарить, обязательно, — ликовала она. — Если он скажет, где изготавливают такие ткани, он нас обогатит! Алия, ты видела что-нибудь подобное? Стоит нам продать хотя бы ярд такой ткани в Верхнем Холлеке, и мы тут же разбогатеем!

Волосы на моей голове зарядились и ожили, как это бывало со мной перед грозой. Я ощутила странную тревогу и не знала, что сказать. Мать вдруг уронила отрез на кровать и слегка нахмурилась.

— Как жаль, что он отклонил мое приглашение остаться в крепости.

Она посмотрела на меня.

— Ладно, неважно,— сказала она.— Алия, детка,— теперь она говорила очень четко, несмотря на выпитое вино,— мы должны тебя подготовить. Я пригласила этого молодого человека через два дня, на праздник полнолуния. К тому времени у твоего отца закончится приступ, и мы должны постараться, чтобы ты выглядела как можно лучше.

Я попятилась. На сердце словно свалился тяжелый камень. Горло перехватило. Ткань на кровати переливалась и сверкала под материнской рукой. Я испугалась того, что на мать, очевидно, подействовали не одна только лесть и вино. Ее околдовали, раз она стала приглашать к столу незнакомцев и называть их лордами. Волшебник, колдун! Я не хочу иметь с ним дела.

— Должна ли я, мама? — заикаясь, проговорила я.— Эта фаза луны мне не подходит. Я в этот день буду нездорова. Я знаю это,— я говорила неправду. Мое время наступало при заходе луны, а не при полнолунии. Но это была единственная отговорка, которую я могла придумать. Мать сжала губы.

— Здоровая ты или больная,— отчеканила она,— изволь хорошо подготовиться, и будь счастлива. Молодой джентльмен — он сказал, что его зовут Джирек — выразил особое желание познакомиться с тобой,— она отвернулась, глаза ее были не в фокусе.— Имма, подай мне мои выкройки. Мы должны сшить моей дочери новое платье.

Я содрогнулась и чуть не заплакала. Выходит, теперь они стали предлагать меня морским певцам. Кто же следующий? Сулкары? Капитаны? А я было решила, что от меня уже отстали. Ведь отец слишком болен, и весь в долгах, а мать уже перепробовала все средства и не в силах начать с начала. Глупо было с моей стороны надеяться. Я вспомнила о Сиф, выброшенной на скалы, и позавидовала ей.

Праздник полнолуния

К празднику полнолуния я была готова: вымыта, надушена и засунута в пышное, отороченное мехом лисы платье в красновато-коричневых и оливковых тонах. До сих пор у меня еще не было ни одного платья с меховой отделкой. Сначала мать хотела нарядить меня в платье, сшитое из ткани, подаренной чужестранцем, но отец, прослышав о подарке, тут же завладел им, несмотря на протесты матери, и тут же отослал его на материк для продажи.

За ткань была выручена ошеломляющая сумма. Можно было сразу же заплатить долги за полгода и даже больше. Отец был в прекрасном настроении, трепал мать по щеке и говорил, что она умница, раз пригласила этого превосходного молодого человека, жителя Долин, к нашему столу. Глядишь, они и выдадут меня замуж.

Ну и стол же они устроили! Мы, должно быть, истратили на этот обед все свои месячные запасы: отборная мука, лучший сахар, мед, орехи для пирогов и пирожных. Отварная рыба и жареная птица, жареные угри, приготовленные семью способами. Крабы под красным соусом и сочная рыба под шубой, морская смородина и океанские сливы, яблоки со специями, запеченные в сидре. Свежее масло, привезенное в бочонках с материка. Кухарка была, как сумасшедшая, и била кухонных мальчишек за кражи.

Стол наконец был накрыт, и гости в сборе. Отец восседал на стуле с высокой спинкой в центре стола. На нем был наряд, который он приобрел в Верхнем Холлеке. Наряд этот был стар и немного поношен, на животе он еле сходился, даже швы слегка разошлись.

Но он держался в нем так гордо и непринужденно, что, приблизившись к нему, я почувствовала, как он, должно быть, хорош был в молодости. Мать сидела слева от него. Она никогда не отличалась красотой. Волосы ее уже сильно поседели, глаза окружали тонкие морщин-

ки, но в тот вечер она производила очень сильное впечатление.

Чужестранец сидел справа от отца. Среднего роста для мужчины, но пропорционально сложен, с длинными ногами. На нем был плащ и бриджи синего и темно-красного цветов. Золотые украшения, намного превосходившие украшения присутствовавших в зале, подкрепляли слухи о том, что он — переодетый лорд из Верхнего Холлека. Без сомнения, думала я, что он на это и рассчитывал.

Волосы у него, как и рассказывали, были темно-золотистого цвета. На лбу челка, а на затылке волосы намного длиннее, чем у любого мужчины с нашего острова. К тому же, в отличие от наших мужчин, он носил бороду и усы. Густая, кудрявая рыжеватая борода скрывала его подбородок, щеки же он гладко брил. Внешность его производила на меня странное впечатление: она и притягивала, и отталкивала одновременно.

Приблизившись, я опустила глаза (об этом меня заранее проинструктировала мать), хотя меня разбирало сильное любопытство. За столом я, разумеется, сидеть не могла: ведь я была незамужняя девица. В мои обязанности входило подавать вино и разные закуски. Говорить я не могла, пока ко мне не обратятся. Отвечать надо было тихим голосом, делая при этом реверанс. Любой другой ответ означал бы недостаток девичьей скромности.

Я наполнила бокал отца, потом матери, а когда склонилась, чтобы налить вино чужестранцу, сразу ощутила неловкость, заметив, что он за мной наблюдает. Я знала, что мне не положено смотреть на гостя, но взгляд его на меня был столь настойчив, что по моей коже словно иголки побежали.

Я не выдержала и взглянула на него. Наши глаза встретились. Глаза у него были серые, темные в пламени свечей. Зал в тот вечер был освещен сверху донизу: и факелы, и свечи. Решив не ударить в грязь, мы, должно быть, истратили в тот вечер многодневный запас. Глаза

морского певца, словно ровное пламя свечи, не дрогнули. Он ничего не сказал.

Я попятилась и опустила глаза. Исполнив первую обязанность, я в смятении ретировалась на кухню. Взгляд его будто хотел проникнуть в самую душу, словно он хотел сообщить мне что-то важное. Должно быть, так он смотрел на Данну, заставив ее тем самым съесть фрукт.

Меня охватил страх, и я скрывалась в кухне, пока не была выпита гостевая чаша, и надо было подавать следующую перемену. Каждый раз, когда я появлялась в зале, я ощущала на себе его взгляд. Милорд и миледи никак этому не противились. Между выходами я сидела в кухне и тряслась. Есть я не могла.

Вскоре родители мои начали открыто нахваливать ему меня, расписывая необыкновенные достоинства своей прекрасной дочери, сущего ребенка. Они сообщили, что воспитывали меня для жизни в Верхнем Холлеке, пока не случилась нежданная кончина жениха-лорда. Они рассказывали об этом так, словно произошло это всего несколько месяцев назад, а не несколько лет, как было на самом деле, словно я была все еще убита горем. Молодой человек, Джирек, разговаривал с ними остроумно, хотя и рассеянно, и по-прежнему не сводил с меня глаз.

У него был красивый голос, высоковатый, но зато он хорошо им владел. Выговор его отличался от нашего, островного, но сама манера речи была очень близка нашей. Звучало в ней еще что-то такое, что я слышала раньше. Речь сулкаров? Не знаю, но меня это почему-то тревожило. Мне одновременно хотелось и слушать его, и поскорее скрыться.

Родители стали перечислять мои достоинства одно за другим. Лорд Халс восхвалял мою юность, красоту, скромность, послушание, хороший характер. Мне казалось, он говорит о ком-то незнакомом. Затем выступила мать и рассказала о моих успехах во всех женских занятиях: как хорошо я шью и готовлю, и могу починить чулки. Она рассказала, что я знаю наизусть религиозные обряды, посвященные Огню, а пою, прямо как соловей весной.

Чужестранец вдруг рассмеялся. Смех у него был очень приятный и заразительный. Он загладил свою оплошность комплиментом. Сказал, что если голос ее дочери так же хорош, как у нее, то, дочь, должно быть, настоящее сокровище. Родители постарались улыбнуться. Я же была уверена: певцу прекрасно известно, что голоса у меня нет. Данна рассказала ему об этом на рыночной площади. А ему, кажется, было это безразлично.

Когда я принесла следующую закуску, что шла между супом и мясом, пальцы певца притронулись к моей руке. Я отпрянула и поскорее вышла. Когда же я принесла мясо и стала убирать суповые тарелки, он уже просто взял меня за запястье, но не грубо. Тем не менее я была настолько поражена, что вырвала руку и чуть не выронила тарелку.

Похоже, он не рассердился, только несколько смутился, и когда я в следующий раз вошла в зал, он уже не смотрел в мою сторону. Родителям моим, однако, это не понравилось. Мать тихонько прошипела мне:

— Не будь такой букой, дурочка. Улыбнись молодому человеку, обращайся с ним любезнее. Если он заговорит с тобой, отвечай ему.

Услышав это, я напугалась еще больше. Отчаяние сделало меня смелой.

— Не буду! — прошептала я. Никакой он не лорд из Холлека. Это я знала. — Он — колдун...

— Никакой он не колдун, а ты будешь делать, как я скажу, — отрезала мать и ущипнула меня так сильно, что у меня даже слезы выступили на глаза.

— Я не могу, — задохнулась я, почти уже плача. Бросив осторожный взгляд, я увидела, что отец и длинноволосый волшебник углубились в конфиденциальный разговор. — Мне он не нравится!

— Неважно, — тихонько и яростно прошептала мать. Она слегка меня тряхнула. — Делай, как тебе говорят.

На меня вдруг сошло странное спокойствие, сродни тупости, и слезы высохли. Я поняла, что никогда и ни за что не выйду замуж по приказу родителей. Буду жить

в замке Ван всю жизнь, увяну в старых девах, но не подчинюсь. Скорее выброшусь из башни и умру на скалах.

Как мне только сегодняшний вечер пережить, мучилась я. Опять пошла в кухню и вернулась с очередным блюдом. В этот раз я увидела, что отец с чужестранцем играют в кости. Мать в полном восторге следила за их игрой.

Играть она не умела. Кости — не та игра, в которую играют леди. А я играть умела. Меня выучила в свое время Сиф. Отец был хорошим игроком, но гость играл лучше. Тем не менее в течение нескольких раундов я заметила, что наш гость исподтишка идет на поддавки, с тем чтобы остаться в проигрыше.

— Ну, — сказал отец, растирая кости между ладонями на удачу, — скажите, где вы раздобыли эту чудную ткань, которую вы подарили моей жене? Где-то на севере, может, в Арвоне?

Он бросил кости, а чужестранец рассмеялся.

— Ах, милорд, да если человек начнет раскрывать свои секреты, монополию он надолго не удержит, — он потряс в руках кости. — Нет, милорд, я не ищу наперсника. Я ищу порт, а желательно — остров вдали от побережья Верхнего Холлека. Я уже побывал у ваших соседей и к северу от вас, и к югу.

Он бросил, но неудачно. Отец выиграл раунд.

— Зачем вам нужен такой остров? — спросил отец, записывая счет и собирая фишки.

— Мне нужно место, где я смогу показать свои товары лордам из Долин, — ответил морской певец.

Отец бросил.

— Почему бы вам не сразу привезти товары в их порты?

Морской певец улыбнулся и собрал свои фишки.

— Потому что они возьмут с меня налог, милорд.

Он подышал на фишки. Отец взял бокал с вином и в раздумье посмотрел на собеседника. Большинство людей чувствовали себя неуверенно в присутствии отца, если он того желал. Но морской певец и глазом не моргнул.

Рука его была так же тверда, манеры так же спокойны. Отец потирал ножку своего бокала.

— А если я не соглашусь?

Певец бросил.

— Подумайте, милорд,— пробормотал он, глядя за полетом фишек.— Подумайте о богатых кораблях из Холлека, которые станут приставать к вашей гавани, да и сулкары тоже. Берите с них налоги, милорд, когда они придут покупать мою ткань.

Отец громко захохотал и поставил на стол пустой бокал. Раунд опять был за ним. Мать пропускала между пальцами полотняную салфетку и смотрела, смотрела. Золото, которое бородач отсчитал отцу, было только что отлито в Верхнем Холлеке. «Тинг, тенг»,— пело оно. Глаза отца заблестели.

Но я поймала взгляд, который чужестранец украдкой бросил на него, отдавая ему золото. В сузившихся глазах, в приценивающемся взоре не было и тени улыбки. Я почувствовала вдруг, что отец мой ему не нравится, нет, больше того: он его ненавидит. Что за причина тому была, понять я не могла. Родители же нисколько этого не почувствовали, а выражение глаз певца моментально изменилось, словно мне все это привиделось.

Я несколько помедлила, приглядываясь и прислушиваясь к тому, о чем говорили два игрока. Я даже, сама того не замечая, поближе подошла к гостю. В этот раз он не только поймал меня за запястье, но и схватил за рукав. Милорд и миледи в это время изучали игровое положение.

— Ну, нежная девушка,— пробормотал чужестранец, и опять устремил на меня пытливый взор,— постойте рядом со мной и принесите мне удачу.

Он сунул исподтишка что-то маленькое и скомканное мне в ладонь и притянул меня поближе к себе, но я в тревоге отскочила, покраснев до корней волос, и решила отныне к нему не приближаться.

— Оставьте меня в покое,— пробормотала я, но так тихо, чтобы не услышали родители.

Спасшись в кухню, я посмотрела на то, что он мне всучил. Это был маленький кусок коричневого пергамента, покрытого мелкими значками. Мне они ничего не говорили. Наверное, какое-нибудь колдовское заклинание. Я бросила его в горевший очаг и оттерла руку солью.

Мне не хотелось идти в зал, но кухарка меня заставила. Это было последнее блюдо. Потом улизну. В открытое окно зала заглядывала полная луна. Вечер затянулся допоздна.

Войдя в зал, я сразу опустила глаза. Я не хотела на него смотреть. Волшебник, колдун... он, наверное, думает, что его колдовское заклинание сделало меня податливой. Гордо расправив плечи, я внесла корзину золотых фруктов. Кожица на них была без единого пятнышка. Они были такими сладкими и зрелыми, что, казалось, один только вздох мог их поранить. Опустив глаза, я подошла сначала к отцу. Он обнял меня за талию с притворной лаской.

— Не так быстро, не так быстро, — засмеялся он, хотя в его голосе я уловила нотку раздражения. Я приучилась улавливать нюансы его настроения. — Задержись на минутку, ласточка. Не спеши. Ты так торопишься. Могут подумать, что тебе не терпится закончить этот вечер.

Улыбка, смех, и не слишком нежное пожатие руки. Он был на меня страшно зол и, конечно, не упустит случая в следующие несколько дней надрать мне уши. Мне все равно. Потом я подошла к матери. Та злобно посмотрела на меня. Она не говорила, но я как будто слышала, что она думает: «Подними подбородок, девочка. Он на тебя смотрит. Тряхни волосами и слегка покрути юбкой. Покажи покупателю свои жалкие достоинства в лучшем виде».

Я опустила подбородок и, не двигая шеей, приняла свирепый вид, но чужестранец все так же не сводил с меня глаз. Отец поднялся с бокалом в руке и предложил тост, стараясь предоставить гостю возможность поговорить со мной. В этот момент я ненавидела отца. Думаю даже, что я ненавидела его всю жизнь. Ведь, устраивая мою жизнь,

он ни разу не советовался со мной о моей судьбе. В этот момент я готова была всадить ему в сердце кинжал.

Чужестранец понял уловку отца и наклонился ко мне, когда я проходила мимо. В этот раз он задержал меня не за запястье и не за рукав, а за край корзины под предлогом изучить ее содержимое. Я встала перед ним, дрожа от ярости. Колдун он или нет, мне надоело все время бояться.

— Вы прочитали записку? — спросил он очень тихо и, взяв из корзины фрукт, повернул его к свету.

— Я бросила ваше колдовское заклинание в огонь, — прошипела я.

Он в изумлении поднял на меня глаза и чуть не выронил фрукт. Я увидела, как в гладкой золотой кожице плода образовались яркие красные раны, следы от его пальцев.

— Как... почему? — даже задохнулся он в изумлении. Я втайне восторжествовала.

— Я не стала бы читать ваше заклинание, если бы даже умела, — сказала я тихо. — Я не умею читать.

— Не умеете?.. — вздрогнул он. — Но ваша мать...

— Она солгала, — пробормотала я радостно. — Я и петь не умею. Да вы, наверное, и сами это знаете от Данны, на рынке.

— Прекрасная Гуннора... — он замял остальную часть ругательства. — Сейчас уже нет времени. Давайте встретимся на берегу около полуночи, я должен...

Но я прервала его и вырвала от него корзинку.

— Я не приду. Я никуда не пойду с тобой, колдун.

— Элис, — сказала он, и я раскрыла рот. Откуда ему известно мое домашнее имя? Ведь родители весь этот вечер называли меня Алия. Ну, разумеется, он волшебник, раз ему известны такие вещи.

Я забрала от него корзинку и, попятившись, наткнулась на отца. Вино выплеснулось из его бокала и замочило рукав, а фрукты выпали и покатились, сминаясь по дороге, между тарелок по белой скатерти.

— Глупая!.. — вырвалось у отца, и он поднял руку, словно желая при всех ударить меня. Это, кстати, бывало,

и не однажды. Чужестранец вдруг вскочил и встал между нами, как бы желая поднять бокал отца. Он был одного с ним роста, но более изящного сложения.

— Милорд, — добродушно воскликнул он. В его голосе не слышно было ни тревоги, ни гнева. При этом он даже не взглянул на меня. — Милорд, вы сегодня оказали мне роскошный прием. Примите мою сердечную благодарность. Ресурсы мои в настоящий момент весьма невелики, но позвольте мне отплатить за ваше гостеприимство так, как смогу.

Милорд перевел на него взгляд, и я, воспользовавшись моментом, отошла на несколько шагов, подальше от отца. Дальше я отойти не посмела. Взор отца, устремленный на молодого человека, все еще дышал гневом. Если бы я не знала, как обстоит дело, то решила бы, что певец меня защищает. Нет. Эту мысль я подавила. Наверняка это часть его игры.

— Пришло время, милорд, открыть бочонок, который я преподнес вам в начале вечера.

Голос его звенел, и внимание всех присутствовавших в зале обратилось на него. Отец слегка смягчился. Видимо, певец смог и его околдовать. Он уже стал забывать обо мне. Прошло мгновение, и отец улыбнулся.

— И в самом деле, — воскликнул он и сделал знак двум своим людям, стоявшим в другом конце зала. — Внесите его.

Солдаты отца присели и подняли что-то стоявшее между ними. Они принесли это и поставили перед столом. Это был винный бочонок. Один из охранников вынул из него пробку. Чужестранец заговорил.

— Милорд, леди и все собравшиеся в этом зале! Я морской певец. Изъездил океан вдоль и поперек, повидал много стран, пил много прекрасных вин, но нет на земле лучше вина, чем то, что называют морским молоком. Его изготавливают на севере, далеко отсюда. Там я недавно торговал.

Он протянул свой бокал, и жидкость вылилась в него. Вино было цвета янтаря, с сильным ароматом. Я стояла

близко и разглядела, что в глубине золотистого напитка видна была темнота, голубизна, как дым или тень. Поверхность же сверкала и сияла, как огонь.

— Ну а теперь по глотку, по одному глотку каждому в зале — за удачу,— продолжил чужестранец, и я обратила внимание, что он заговорил быстрее. Это был не страх, а нетерпение, чего раньше я у него не замечала. Протянув бокал моему отцу, он и солдатам плеснул немного в их кубки, смешав с тем, что они не успели допить.

Отец стоял в некоторой растерянности, словно не зная, как ему следует отнестись к предложению гостя. Охранники подошли к столу и налили немного вина в бокал матери. Она встала с бокалом в руке и растерянно посмотрела на отца. Он даже не взглянул в ее сторону, но когда охранники остановились в нерешительности, он кивнул им, и они пошли обносить вином присутствовавших.

— Пейте, пейте, миледи, лорд,— уговаривал чужестранец. Тон его был весело-приказным. Улыбаясь, он приветственно поднял бокал. Отец поднес к губам свой бокал и сделал глоток. Брови его удивленно поднялись, а лицо разгладилось.

— Клянусь Рогатым Охотником, это вино превосходно,— воскликнул он и осушил кубок одним глотком.— Налейте-ка мне еще. Пусть все в зале выпьют!

Чужестранец отдал отцу свой, нетронутый, бокал. Я видела, что и мать пригубила. Лицо ее также выразило удивление и удовольствие.

— Так как, вы говорите, оно называется? — спросил отец, с восторгом принимая бокал из рук чужестранца. Мать с сожалением смотрела на дно своего кубка.

— Морское молоко, милорд.

— С севера, а откуда с севера?

— Оттуда же, откуда и шелковая ткань, но вы обещали мне за это бартер,— засмеялся гость. При этом он глянул на меня. Отец, проследив за его взглядом, громко расхохотался.

— А еще у вас с собой есть такое вино?

— Сейчас нет. Пейте! Пусть пьет весь зал! — воскликнул певец. Солдаты к тому времени обошли четверть зала, и я слышала вздохи и тихие восклицания. Я видела, как прислуга и кухонные мальчики тоже протягивают свои кубки. Никому не было отказа, даже слугам.

А зал был полон, переполнен. Я только сейчас обратила на это внимание. Все пришли посмотреть на морского певца, а может, стащить что-нибудь с пиршественного стола. Скорее всего, в крепости не осталось ни одного мальчика с конюшни или горничной, кто бы не пришел. Все они протягивали свои кубки, а охранники обходили их с морским молоком. Певец тем временем говорил:

— Но, милорд, миледи, выпьем за ваше здоровье. Морское молоко — это мой первый подарок. Теперь вас ожидает второй.

Человек-лис

Нагнувшись, певец достал маленькую арфу — чуть больше моей ладони — я даже и не поняла, где он ее держал. Казалось, он вынул ее из воздуха. Затем одним прыжком обогнул стол и оказался в середине зала, в пространстве между другими столами.

— Позвольте мне, милорд, рассказать вам историю морских лисичек — песню, что поют весной в отдаленных местах на севере. Оттуда я сейчас и приехал. Вам это будет небезынтересно.

Отец опять рассмеялся, а с ним и весь зал, хотя мне показалась, что шутка чужестранца, если это и была шутка, не отличалась особым остроумием. Солдаты образовали полукруг, и мне показалось, что половина зала была очень весела. Певец прикоснулся к струнам, и маленькая арфа, несмотря на крошечный размер, вдруг откликнулась сильным, полным звуком. Солдаты продолжали обносить угощеньем гостей, зал наполнился сильным ароматом морского молока.

— Жил да был, добрые люди, на крошечном острове, к северу отсюда принц, предводитель морских лисичек. На

земле он был человеком, а на воде — серебристым лисом...

Он рассказал историю о принце-лисе и о его прекрасной сестре, которая однажды уплыла на юг и пропала. Ее захватил жестокий лорд. Он заточил ее в своей крепости, и она утратила способность превращаться в морскую лисичку. Она попыталась уплыть от него и утонула.

История была захватывающая и исполнение прекрасное. У певца был красивый звучный тенор. Высокие ноты он брал безо всякого труда. Охранники закончили обносить гостей, но в бочонке еще оставалось немного вина. Мне вина никто не предложил, и я отчего-то была рада.

Я заметила, как служанка несла в кухню кубок, полный вина. Видимо, для кухарки и ее помощниц. Мне хотелось потихоньку выскользнуть из зала, но мне трудно было это сделать, не привлекая внимания отца. Он, правда, сидя рядом с матерью, был поглощен пением, но все же надо было соблюдать осторожность. Два охранника, крадучись, покинули зал, унося с собой бочонок. По всей видимости, они хотели закончить его со своими товарищами.

— Принц этот долгие годы ждал возвращения сестры, — пел гость. — Но наконец он сказал: «Боюсь, случилось самое худшее. Я продам свое человечье обличье в обмен на лисью шкуру и пойду искать ее».

Людям следовало бы из уважения к певцу сидеть очень тихо, но нет. Слышался постоянный негромкий смех, видны были улыбки, иногда кто-то даже, не сдерживаясь, громко хохотал, хотя в странной этой песне не было ничего веселого. Певцу, очевидно, было это безразлично. Находясь поодаль, я не могла разглядеть выражения его лица, но он, похоже, улыбался.

— Прошло много времени, пробежали долгие годы, когда принц наконец нашел остров, где скрылась его сестра. Он опять принял человеческое обличье и появился в городе как морской певец. Так он и узнал ее судьбу.

Сейчас смеялась половина зала. Казалось, они сошли с ума, как люди, увидевшие землю после долгого

путешествия или бури. В их смехе звучала дикая веселость. Видно было, что смешил их не рассказ. Они попросту не могли ничего с собой поделать. Меня вдруг охватил озноб.

— Затем, неделю спустя, лорд острова пригласил его в свой замок, — пел чужестранец. — Приди, спой моим людям, посиди за моим столом, — и принц спел им песню и дал лорду два подарка: бочонок морского молока, слаще меда, и отрез шелковой ткани, мерцавшей, как рыбья чешуя, как жемчужина или масло.

Рукам и ногам моим стало вдруг очень холодно. Я стояла и смотрела на морского певца, не в силах пошевельнуться. Он отвернулся от зала и посмотрел на моего отца. Притворная улыбка сошла с его лица. Тон его голоса тоже изменился.

— Лорд предложил ему руку своей дочери и сказал: — «Возьми ее, господин. Ты вроде бы неплохой молодой человек. А мне нужен наследник».

В зале стало тише, но тревоги никто не испытывал. Та половина, что пила морское вино во вторую очередь, очень громко смеялась. Первая же половина кивала головами и зевала, даже охрана. Я заметила, как мать склонилась над своим бокалом, а отец, придерживая подбородок одной рукой, тер глаза другой.

— «Я возьму твою дочь, — ответил морской певец, — и твое богатство, и богатство всех людей, что собрались здесь, потому что я узнал, что не только моя сестра погибла здесь. Огромное количество моего народа потеряло жизнь на этих скалах. Зимой ты и твои люди выходите на охоту, бьете морских лисичек по голове и крадете их шкуры...»

Голос его совершенно изменился. Он уже не пел. Остановившись на полуслове, он оглядел зал.

— Довольно песен, — прорычал чужестранец и опять посмотрел на отца.

Потом подошел к столу и так небрежно бросил на него арфу, что я испугалась и попятилась к стене. Пронзительные глаза его опять глянули на меня и словно

пришпилили к тому месту, где я стояла. Отец совершенно не обращал ни на что внимания, и только тер глаза.

— Милорд, морское молоко и песня лишь первая половина дела, что привела меня в ваш дом. Есть и вторая половина. Как вы думаете, что это могло быть?

Отец поднял на него мутные глаза и облизал губы:

— Э?

Я хотела выкрикнуть предупреждение или броситься бежать, но глаза колдуна парализовали меня.

— Так знаете ли вы вторую половину моего дела, милорд? — сурово повторил певец. Мать всхрапнула над своим кубком. Голова отца, дернувшись было, быстро поникла.

— Ох... моя дочь,— пробормотал он.— Бенис говорит... нельзя терять время, надо заключить контракт и выдать ее замуж... пока вы не уехали с нашего острова.

У меня перехватило дыхание. Морской певец засмеялся.

— Можете не беспокоиться. Ваша дочь поедет со мной,— ответил он, казалось бы, легкомысленно, но в то же время с каким-то мрачным намеком.— После сегодняшнего вечера вы ее больше никогда не увидите. Но уедет она отсюда не в качестве невесты, милорд.

Сердце чуть не выскочило из моей груди. Я прислонилась к стене. Камень был твердым и холодным, но я почти не чувствовала этого.

— Что? — воскликнул отец, приподнимаясь, но ногам его, казалось, трудно было удержать туловище, и он оперся одной рукой о стол. Другой рукой он взялся за спинку стула.— Девушка... девчонка не поедет никуда, пока не выйдет замуж и не родит наследника,— он прищурился и уставился на бородатого молодого человека.— Ты не лорд из Холлека...

— А я и не говорил, что я из Холлека,— отрезал гость.— Но я и не морской певец. Вы что же, решили, что я исполнил вам песню из репертуара простого морского певца? Я рассказал вам всю правду. Я тот самый принц-лис. А ваш остров — это место, где погибла женщина из

моего племени. А вы — тот самый жестокий лорд, что держали ее здесь в заточении.

Он опять оглядел зал. В зале стало тихо. Люди свалились там, где сидели. Некоторые, правда, были еще на ногах, но передвигались как во сне, с бессмысленным взором. Я увидел, как мальчик-слуга широко зевнул и лег прямо на пол. Солдат пошатнулся и привалился к стене. Отец шлепнулся в кресло и с глупым видом смотрел на чужестранца, словно тот говорил с ним на иностранном языке.

— Женщина из племени? — бормотал отец. — Женщина из племени?

Чужестранец опять злобно рассмеялся.

— Разве вы забыли ее имя, милорд. Ведь прошло не так много времени. Зара.

Отец закашлялся и покачал головой, чтобы очистить горло. Он прошептал: «Зара».

Я увидела, как двое охранников отца попытались подняться из кресел и упали. Рука певца метнулась к рукаву, словно он хотел что-то вытащить из него. Оружие? Кинжал? Но он, по-видимому, передумал, увидев, что охранники упали. И опять повернулся к милорду.

— Да, Зара, — голос его был очень тихим и яростным. — Вы десять лет держали ее в заточении на этом острове.

Отец опять затряс головой. Язык его еле ворочался, речь почти неразборчивая:

— Нет, — бормотал он. — Нет, — потом: — Зара.

— Вы обещали забрать ее на материк и оплатить дорогу на север, — наступал чужестранец на отца.

— Как тебе стало об этом известно? — прошептал отец. — Колдун.

Морской певец улыбнулся и придвинулся ближе. Глаза у отца закатились. Никогда еще я не видела его испуганным.

— Вы нарушили обещание, — очень тихо сказал он.

— Я сказал ей... сказал ей, что я должен...

— Должны?

— Держать ее. Держать ее при себе! — простонал отец.

Я еще больше напугалась. Кроме гнева, я никогда не замечала проявления с его стороны сильных эмоций.

— Она больше не хотела иметь с вами дело, — почти закричал певец.

На какой-то миг гримаса исчезла с лица отца. Голова его откинулась. Он неловко улыбнулся, припоминая.

— Нет, нет, после. Но первые годы, первые годы она любила меня.

— Почему же вы на ней не женились? — потребовал ответа чужестранец. Он взял себя в руки и говорил спокойно.

Отец сжал зубы. Лицо выразило боль. — Я хотел. Если бы она родила мне сына...!

— Но она не родила. И вы женились на Бенис.

— Должен был! Они никогда не сделали бы меня лордом без наследника. Пришлось жениться. Это все Бенис... Она племянница старого лорда, и она хотела выйти за меня. Она настояла. Ну а если бы она вышла замуж за кого-то другого, то он стал бы лордом.

Он все говорил и говорил, никак не мог остановиться. Видимо, на него так действовал колдун. Отец положил голову на руки, и они сжались в кулаки. Голос его дрожал.

— Если бы у меня был сын, сын от Зары, я бы еще оказал сопротивление. Если бы у меня появился наследник, то никто не стал бы настаивать, чтобы я женился на Бенис. Я держался, надеялся... — голос его зазвучал мрачно, но уже не дрожал. Челюсть напряглась. — Но все, что мне досталось, — девчонка, Сива.

— Сиф, — голос бородача стал совсем тихим и опасным. — Тоже моя родня. Отчего ты не отпустил женщину моего племени?

Стон:

— Я хотел... я думал, она ко мне вернется.

— В то время, как вы женились на другой?

Отец вздернул голову. Голос его поднялся до визга.

— Я не думал, что моя корова будет жить вечно! Ее кузина, Алия, первая моя жена, умерла молодой, — помолчав с минуту, сказал уже тише: — Я думал, что дождусь сына от Бенис, а Зара опять позовет меня к себе.

— Десять лет, — прошептал певец. — А что стало с этой девчонкой Сиф?

Отец покачал головой и махнул рукой по воздуху, словно отгоняя надоедливую муху.

— Умерла. Умерла.

— Вы оставили ее на попечение старого лодочника Сула. Да он бы заморил ее, если бы она от него не убежала. Или сделал бы что-нибудь похуже. Почти уже сделал.

Отец смотрел перед собой невидящим взором.

— Пойман, — пробормотал он что-то невразумительное. — Узник.

— Вы могли бы воспитать ее в замке, — настаивал певец. — Ведь она была вашей дочерью. Неужели трудно было это сделать?

Отец раздраженно пожал плечами. Его все больше развозило.

— Бенис бы ее убила. Спустила бы ее с лестницы. Или отравила на кухне, — он вздохнул, нахмурился, почесал руку, оглядываясь по сторонам, словно потерял что-то. — Если бы у Бенис был сын, — бормотал он, — она бы и внимания не обратила на девчонку. Или на Зару.

— А вам безразлично было, что будет с девочкой?

— Мне нужен был сын.

Это была последняя вспышка отца, которая тут же и погасла. Певец стал очень спокоен и все трогал что-то в своем рукаве.

— А вы?.. — начал он и запнулся, словно у него перехватило горло. — Вы когда-нибудь любили ее, лорд?

Отец медленно, в замешательстве, моргал.

— Алию? Женился на ней из-за замка.

— Нет, не Алию, — сказал певец.

— Бенис. Должен был жениться. Чтобы сохранить титул. Это все, что у меня оставалось. А еще — из-за сыновей.

— Сиф?

— Девчонку?

— Зару,— сказал певец, и отец снова пробормотал:

— Зара.

Я подумала, что больше он уже ничего не скажет. Но он сделал вдох и с трудом произнес:

— Ее одну только и любил. Единственную. Никогда ничего не делал ей во вред. Полюбил ее сразу... как только увидел. И первые годы... она меня тоже любила.

Слова его замерли. В глазах отца не было никакого выражения. Голова слегка склонилась набок. Чужестранец что-то обдумывал, но потом выпрямился, и выражение лица его — хотя и гневное, и решительное — стало чуть мягче. Он перестал трогать то, что было у него в рукаве.

— Я не стану убивать тебя, старик.

Он отвернулся в сторону и дотронулся до щеки. Не знаю, что он хотел сделать, но вдруг передумал и, выйдя из-за стола, стал осматривать других гостей.

Я все стояла, как приклеенная, возле стены и смотрела, как он оглядывает гостей, иногда трясет одного, или легонько хлопает другого по щеке. Все гости оставались как были, с отсутствующим выражением в глазах. Лишь одна девушка из кухни стонала. Чужестранец поднес кубок к ее губам и дал допить остальное вино. Больше она уже не шевелилась.

Охранников он осматривал особенно придирчиво и сильно тряс их за плечи. Одного хлопнул со всей силы, но никто из них даже не шевельнулся. Должно быть, они как следует приложились к вину. Что ж, другого от них и ждать нечего. Они, как и все остальные в зале, либо стояли, прислонившись к стене, либо лежали неподвижно, как мешки, на полу. Певец взял их мечи и швырнул в огонь. Во всем зале не пили лишь сам чужестранец да я.

Я, как дурочка, стояла и наблюдала за колдуном. А потом вдруг поняла: не должна я так стоять. Вот так я всю жизнь и прождала, ожидая, что другие будут со мной делать. Мне хотелось закричать, взывать о помощи, но я боялась привлечь к себе внимание колдуна. Я стояла так

тихо. Быть может, он и не понял, что я здесь, под его колдовским влиянием. Надежда на это была, конечно, слабая, но я все равно ухватилась за нее, как утопающий за соломинку. Быть может, он позабыл обо мне.

Я старалась заставить себя думать. Что я должна делать? Где-то я слышала, что колдовство похоже на круг или цепь. Если одно звено нарушено, если один человек очнется, то вся магия ослабеет, и других людей уже легче освободить. Я решила разбудить кого-нибудь, вывести из этого волшебного сна. Пригнувшись, я стала потихоньку пробираться вдоль стола, так, чтобы он меня не видел. Все еще согнувшись, я схватила отца за рукав и потянула за него.

— Отец,— прошептала я, боясь говорить слишком громко,— отец, проснись.

Он сидел, как в трансе. Тело его сохраняло устойчивое положение, но глаза были пустые, челюсть отвисла. Я потрясла сильнее.

— Отец,— прошептала я.— Очнись. Певец околдовал тебя. Проснись!

Он не шевельнулся. Я отпустила рукав, и рука его упала с подлокотника кресла и безжизненно повисла. Я опять его схватила, в этот раз за плечи, и потрясла так сильно, что даже запыхалась. Певец был в другом конце комнаты, спиной ко мне. Держа в руках пустую тарелку, он накладывал в нее со стола еду. Я смотрела на него в изумлении. Отец не двигался.

— Поднимитесь же, милорд!

Певец повернулся и пошел по залу. Я нырнула за отцовское кресло. Сердце билось у меня в горле. Я испугалась того, что он услышал меня и теперь разыскивает. Нет, он увидел на другом столе графин с вином и пошел за ним. Опять он повернулся ко мне спиной. Крадучись, я приблизилась к материнскому креслу.

— Мама,— в отчаянии прошептала я.— Мама! — она не двигалась и лишь похрапывала, уткнувшись головой в сложенные на столе руки.— Проснись и помоги мне поднять остальных, помоги мне! — умоляла я, голос

мой переходил в вопль. Опомнившись, я перешла на шепот и трясла ее так сильно, что голова ее сползла с рук и легла на стол, где и осталась. Я была в панике.

— Элис!

Услышав призыв, я тут же нырнула под стол. Морской певец, с графином в одной руке и с тарелкой еды в другой, ходил по комнате. Звал меня он негромко.

— Элис, где ты? — у меня даже мурашки бегали по коже: так странно было мне слышать от незнакомого человека свое домашнее имя. Я не шевелилась.— Элис, я знаю, что ты здесь,— воскликнул он негромко.— Не прячься от меня.

И тут он меня увидел. Я попыталась нагнуться, выйти из поля его зрения, но напрасно. Напряжение в его взгляде ослабло. Мне это показалось странным. Он двинулся ко мне, а я вскочила, стала яростно трясти отца и уже не шептала больше.

— Отец. Помоги! Слышишь меня? Ну, пожалуйста!

Чужестранец в удивлении остановился.

— Оставь его,— сказал он.— Ты что, хочешь разбудить его? Да ведь он продал мне тебя за отрез лисьего шелка да за бочонок вина.

В ужасе я попятилась от него, однако смотрел он не на меня. Все его внимание было приковано к отцу. С омрачившимся лицом он встал перед милордом.

— Да будет тебе известно, лорд,— сказал он спокойно, но ясно, как человек, старающийся войти в сон спящего.— У меня есть причина ненавидеть тебя, но я сохраню тебе жизнь и жизни всего острова, но при одном условии. На острове и в самом деле лежит проклятие, оттого что вы убиваете морских лис. Так вот, отныне и навсегда убивать вы их не должны.

Он поставил графин.

— Морские лисички восстановят свою прежнюю численность, так как они поедают коралловые полипы, разрушающие места обитания крабов. Когда крабы вернутся, они уничтожат токсины, скопившиеся в воде вокруг острова. Рыба покинула ваши воды из-за этих токсинов.

Говорил он спокойно, но настойчиво. Потом лицо его просветлело, и он слегка откинулся назад, как человек, достигший цели.

— В обмен на женщину из моего племени я заберу у тебя, — он кивнул в мою сторону, — твою дочь. Одна женщина за другую. Это справедливый обмен. Наследников у тебя так и не будет, а на Улисе больше не будет лордов.

Он придвинул ко мне тарелку с едой, все так же не глядя в мою сторону. Потом заговорил со мной, не отрывая при этом глаз от отца.

— На, съешь это. У нас впереди долгая дорога, а ты до сих пор не притронулась к еде, — потом бросил через плечо: — Вон тот мальчик, что работает в кухне, примерно твоих габаритов. Возьми его одежду. Потом я обрежу тебе волосы.

Я не в силах была пошевелиться. Чужестранец взглянул на меня с неудовольствием.

— Элис, — сказал он. — У нас мало времени.

Он потянулся через стол, видимо, чтобы взять мою руку. Я схватила кинжал отца. Вне себя я завизжала и нанесла удар, не целясь. Лезвие лишь оцарапало руку певца.

Вскрикнув, он отпрянул, а потом схватил кувшин и опустил его на мою руку так сильно, что кинжал выскользнул из нее и покатился по полу. На секунду я испытала торжество. Колдун он там или нет, но холодного оружия боится, как любой человек из плоти и крови. Оттолкнув его, так что он потерял равновесие, я выбежала через кухонную дверь.

Скалы

Через долю мгновения он помчался за мной, перепрыгнув через стол, вместо того чтобы обойти его. Этого я не ожидала. Я едва успела закрыть за собой тяжелую дубовую дверь, как почувствовала, что он напирает на нее с другой стороны. Дрожащими руками я успела накинуть засов. Он бешено барабанил в дверь.

— Элис, — кричал он, стараясь вломиться, и раз, и другой. Голос его из-за двери звучал приглушенно. — Элис, впусти меня. Я не отщепенец! — на дверь обрушился дождь ударов. — У нас нет времени. Опьянение долго не продержится. А нам нужно отправляться, пока луна высоко. В течение часа!

Он еще что-то говорил, но я заткнула уши пальцами: боялась, что он пустит в ход колдовство. Я слышала, что такое бывает. Дверь держалась, и я опять возликовала. Данна однажды рассказывала мне, что колдуны могут пройти сквозь двери, как сквозь туман. Этот, во всяком случае, не может. Я прислонилась к дверям, отдуваясь, а потом оглянулась.

Я вскрикнула от неожиданности. Кухарка лежала возле большого очага, а с нею две ее служанки. Другая стояла с недопитой чаркой в руке. Я выбежала из кухни и понеслась по длинному коридору. Вокруг никого не было. Мне хотелось кричать, но голоса не было.

Добежав до лестницы, я взлетела по ней, задыхаясь, в свои комнаты. Войдя, нервно оглянулась, ожидая в каждом углу увидеть колдуна. Комнаты были пусты. Где же служанки? Неужели все внизу, на пире? Ну конечно, где же им еще быть? Там были все. А если уж кому-то и не нашлось места в зале, то, скорее всего, тот пошел в городскую таверну.

Всюду было очень тихо. Маленькая квадратная комната казалась мне чужой. У меня было одно-единственное желание: стоять и ничего не делать. На полу танцевал паук. Наткнувшись на стол, я вздрогнула. Щетка для волос упала на каменные плиты пола со стуком. Через мгновение я опять была снаружи и спускалась по длинной узкой лестнице, потом побежала по другому залу.

Повсюду меня окружали темные и пустые комнаты. Я подбежала к двери, ведущей во двор. Ночь была тихой и теплой, небо чистым. Прямо над моей головой висела новая полная луна, окруженная ясными звездами. Я побежала к главным воротам. Там на часах стоял отцовский охранник.

Я окликнула его, подбегая, но он не шевельнулся, не ответил, не дал знак, что слышит меня. Подбежав поближе, я замерла: в руке его был кубок. Потрясла его, хотя заранее знала, что это бесполезно. Кубок упал на брусчатку и громко зазвенел. Я оглянулась через плечо. Из открытых окон большого зала лился свет.

Движения внутри не было никакого, но и колдуна я не заметила. Как ни странно, это напугало меня еще больше. Мне необходимо было знать, где он. Обойдя часового, попробовала открыть ворота. Ворота, разумеется, были на засове. На закате их всегда запирали на засов. Отец боялся, что жители острова стащат продуктовые запасы. Засов был очень тяжелым и к тому же находился слишком для меня высоко.

Тогда я подумала о морских воротах. На них был только замок, а засова не было. Их-то я открою. На береговой полосе не было построек, а до деревни далеко, но все же это лучше, чем быть здесь. Я пошла по двору, но вдруг встала как вкопанная.

Колдун появился в дверях, совсем близко ко мне. У него был факел. Должно быть, он прошел в кухню другим путем и искал меня там. Он меня не видел, но теперь мне было не пройти к морским воротам. Я встала в тень и стояла неподвижно. Чужестранец, повернувшись ко мне спиной, стал осматривать двор

— Где ты? — воскликнул он негромко, но озабоченно.

Я вспомнила, что, по его словам, в нашем распоряжении оставался час. Если его заклятие длилось так недолго, то, возможно, мне удастся не попасться ему на глаза все это время. Я начала надеяться. Он со вздохом отчаяния переложил факел в другую руку и пошел по двору к морским воротам.

Факел отбрасывает свет, но в то же время не дает факелоносцу возможности увидеть то, что находится за ним, в тени. Я пробиралась вдоль стены, находясь вне поля его зрения. Если бы он оглянулся, то увидел бы меня. Через мгновение я добралась до своей новой цели и шмыгнула в открытые двери башни.

Я не была в башне уже много лет, с тех самых пор, как пропала Сиф. Туда с тех пор не ходил и никто другой. Башня была в ужасном состоянии, но света мне было не нужно. Я отлично знала путь наверх по винтовой деревянной лесенке. Гнилая ступенька хрустнула под моим весом, и я упала, сильно ушибив колено. Подобрав подол и задыхаясь, я стала карабкаться наверх.

Я добралась до площадки. Через окно струился лунный свет и отливал серебром на полу. Что-то там лежало, маленькое и темное. Не разобравшись, что это могло быть, я наклонилась и подняла его. Это был мой мешочек для рукоделия. Шесть лет назад, когда Сиф уехала, я взяла его с собой в башню, а дома, схватившись о пропаже, даже и не вспомнила, где его оставила.

Ткань мешочка стала совсем тонкой, как паутина. Она рассыпалась в моих руках. Оттуда выпал маленький моток выцветших ниток и иголки, блестевшие в лунном свете. Они дождем просыпались на пол, некоторые из них закатились в щели между досками.

Меня охватили воспоминания и тоска по Сиф. Она, во всяком случае, прожила свою жизнь, а не чужую. Никогда не делала того, что ей приказывал Сул, если считала, что делать этого не следует. Вот поэтому он так часто ее бил. Она не была счастлива, и никто, кроме меня, ее не любил, но она была свободна. Свободнее меня. И за это она умерла. И сейчас я поняла, что лучше умру, но не дам всяким лордам и колдунам запереть себя в каменную ловушку.

Я услышала грохот и ругательства. Осторожно я выглянула из окна. Внизу, во дворе, певец обнаружил, что морские ворота заперты, и, следовательно, я через них не проходила. Он глянул наверх, но не туда, где я стояла. Он глянул в сторону окон моей комнаты. Я занервничала, оттого что он правильно угадал расположение моих комнат. Может, все дело в колдовстве?

Потом он взглянул на луну. Очевидно, определял точное время. Затем побежал через двор к входу, ведущему в мои комнаты. Отвернувшись от окна, я прислонилась к стене. Ноги дрожали. Я села, надеясь, что в этот раз он

отступится и оставит меня в покое. Бросит все и уедет прочь! Я вдруг обнаружила, что рыдаю без слез.

Лучше пойти сейчас к морским воротам, подумалось вдруг. Сейчас, пока он ищет меня в доме. К воротам он больше не пойдет — он там был, и перепроверять не станет. Но окна моей комнаты выходят во двор, значит, я иду на риск. Не знаю, сколько времени я просидела так, трясясь и раздумывая.

Дыхание мое успокоилось, я поднялась на ноги и вдруг замерла. Внизу в башне кто-то был. Я услышала шаги. Дрожа, посмотрела через перила и увидела факел. Чужестранец стоял внизу с факелом в руке. Он посмотрел наверх и увидел меня. Я нырнула в тень... слишком поздно.

— Вот ты где, — воскликнул он.

Я услышала, как он шагает через две ступеньки. Свет факела приближался. Сердце колотилось, я вскочила и посмотрела из окна вниз. Земля была очень далеко. Мгновенно я приняла решение. Я схватилась за ветхий серый ставень, жалобно скрипнувший под моей рукой, и вскочила на каменный подоконник. Держась за ставень, я оглянулась через плечо. Чужестранец, увидев меня, изумленно вскрикнул.

— Элис! Не надо... — он бежал наверх.

Я не ждала. Я была совершенно спокойна. Он был быстрее, чем я думала, но у меня было в запасе еще много времени. Я подумала, что он остановится, пустится в переговоры, попробует обмануть меня, а может, станет приказывать или угрожать. А может, пустит в ход колдовство, если я дам ему на это время. Но ничего этого он делать не стал, а просто поднимался по ступеням, называя меня по имени.

Отвернувшись, я смотрела вниз, на камни. Свет из банкетного зала все так же освещал двор, ворота, запертые на засов, и неподвижного часового, а за стеной, со стороны моря, волны вздымались, разбрызгивая пену, и выплескивались на берег. Я подумала о Сиф, умершей на скалах, и отпустила руку.

Небо закрутилось. Ветер, ударивший меня по щекам, был холоден. Я услышала, как закричал, вернее, застонал, чужестранец. Этот крик раздался рядом со мной, очень близко... и потом меня что-то сильно дернуло. Платье очень сильно натянулось на груди и под мышками. Я не могла вздохнуть.

Чужестранец тащил меня за платье. Как я была зла на свое женское одеяние! Ноги мои даже не успели покинуть подоконник. Я боролась, пыталась соскочить вниз, но я была наполовину прижата, наполовину висела под таким неудобным углом, что оказалась совершенно беспомощной. Потом меня неприятно качнуло, и чужестранец втащил меня обратно в окно.

Певец бросил свой факел. Он лежал на ступеньке под площадкой, горящий конец его свешивался над пустым пространством. Свет в башне был желтовато-янтарным. Я рвалась к окну, но он держал меня сзади за платье. Он оказался намного сильнее меня. Сопротивление было бесполезно.

Он отдувался, тихонько ругался, но не отпускал меня. Я заметила, как он шарит другой рукой в поисках факела. Ему пришлось на одном колене спуститься за ним, и он при этом тащил меня за собой. Взяв факел, он выпрямился, перегнулся через меня, чтобы поставить его в нишу возле окна.

Я расцарапала ему лицо. Он опустил голову, прикусил губу от боли и выпустил факел, но не меня. Древко в нише покачнулось, но не упало. Я схватилась за что-то и потянула, потом опять потянула. Борода его осталась в моих руках. Я уставилась на темно рыжие завитки, которые сжимала в руке. Крови на их кончиках не было. Они были без корней. Они были приклеены.

Я покачала головой, не в силах ничего понять. Разве мужские бороды могут быть такими слабыми? Морской певец зашипел от боли и схватился за мое запястье.

— Именем Гунноры, маленькая идиотка,— в голосе его звучала злость.— Элис, остановись. Прекрати, ты что же, до сих пор меня не узнала? Это же я. Я, Сиф.

Я остановилась, прекратила молотить его и бороться, перестала пинать его ногами. Я ничего не соображала, пока не остановилась. Я уже почти перестала дышать. Сердце, казалось, перестало биться. Морской певец выпустил меня. Я отлетела к стене, глядя во все глаза. Из моих сжатых кулаков торчали пучки волос. Стоявший передо мною человек поднял руки к лицу, дернул и соскреб с него рыжие завитки и... передо мной предстала Сиф. Даже со своим плохим зрением я видела это. Сиф, с ее подбородком, выступающим, с ямочкой. Челюсть и верхняя губа ее были красными и воспаленными.

— Рогатый Охотник, до чего же саднит,— выдохнула она, яростно расчесывая подбородок.— Мне пришлось посадить ее на рыбий клей.

Я попыталась глотнуть и не смогла.

— Сиф,— сказала я. Голос мой был больше похож на писк.— Сиф.

Она, прислонившись к стене и сложив на груди руки, посмотрела на меня и кивнула.

— Это я,— подтвердила она.— Не оборотень и не привидение.

С тех пор, как я ее видела последний раз, она выросла еще на два дюйма. Наверно, ей было уже около двадцати лет.

— Зачем же ты, дурочка, хотела выскочить из окна? Здесь высоко. Ты сломала бы себе ногу.

«Или умерла». Она этого не сказала. Я опять глотнула и в этот раз мне это удалось — и постаралась наладить дыхание. Она осторожно потрогала исцарапанную щеку.

— Неужели ты меня не узнала? Я думала: если на острове кто-нибудь догадается, то это будешь ты.

Я поднялась на ноги, чувствуя одновременно и облегчение, и злость.

— Как же мне догадаться? — заикаясь, проговорила я.— У тебя же все лицо укрыто волосами. Почему ты мне не сказала?..

Сиф тоже поднялась. Она посмотрела на меня, а потом откинула голову и расхохоталась.

— Гуннора! Как я старалась. Я думала, что встречу тебя на рынке или на побережье. Потом я узнала, что они держат тебя взаперти в замке. Мне некому было довериться и прислать тебе весточку. Я думала, что увижу тебя, когда приду в крепость, но мне сказали, что наедине ты не можешь видеться с мужчиной. Банкетный зал — единственное, что оставалось, да и время поджимало...

Я прислонилась к стене, кровь моя вдруг похолодела.

— А ты колдунья?

Сиф опять рассмеялась.

— Нет!

— А что же ты рассказывала в банкетном зале, история... которую ты всем рассказала...

Она фыркнула.

— Да это просто рассказ. Я сама его сочинила. Я ведь и в самом деле морской певец.

Я вздрогнула, не желая ей верить.

— А это зелье, которое ты дала моим родителям и всем остальным гостям в зале...

Сиф покачала головой.

— Это всего лишь морское молоко. Клянусь.

Я подумала о кухарке и Имме, стоявших в кухне с отсутствующим выражением на лице. Обо всех остальных я и в самом деле не тревожилась.

— А им это не повредит? — воскликнула я, подходя к Сиф. Руки мои все еще были сжаты в кулаки.— Если ты им причинила зло?!

Сиф тихонько взяла меня за плечи. Она возвышалась надо мной. Я едва подросла с тех пор, как она уехала.

— Ничуть,— ответила она спокойно, и я наконец ей поверила,— они так и простоят во сне час-другой, а потом проснутся. Обещаю тебе.

Что-то зазвенело в ее рукаве. Я потрогала его. Нет, это был не кинжал, скорее какая-то трубка. Я не могла понять, что это было.

— Ты собиралась убить моего отца... там, в банкетном зале?

Сиф опустила руки и отвернулась. Лицо порозовело.

— Сначала нет. Сначала я просто хотела увезти тебя. Но потом... потом... не знаю, — замялась она. — Я и сама не знаю, что хотела сделать.

Я догадалась.

— Ты сделала бы это, — спросила я, — если бы меня там не было?

Сиф сильно покраснела.

— Я хотела, — прошептала она, — но не смогла.

Я стояла неподвижно, ощущая холод и скованность, вспоминая собственные мысли в банкетном зале. Кто я такая, чтобы осуждать Сиф? Я содрогнулась.

— Неважно. Он все равно скоро умрет. У него постоянно болит голова.

Сиф посмотрела на меня большими глазами. Этого она, конечно, не знала. На лице ее читалась неуверенность.

— Ты его любишь?

Я покачала головой.

Сиф опять отвернулась.

— Я раньше завидовала тебе, — пробормотала она, — завидовала тому, что ты живешь в замке, в тепле и в заботе, завидовала тому, что у тебя всегда много еды, много платьев, а не обносков. А потом я услышала песни, которые пели о тебе в Верхнем Холлеке.

Сама себе удивляясь, я рассмеялась. Руки и ноги мои расслабились.

— Я привыкла завидовать тебе.

Я осторожно протянула к ней руку. Несмотря на тени, я знала, что она настоящая. — Ты не умерла, — прошептала я. — Ты не умерла на скалах.

— Я благополучно добралась до Верхнего Холлека, — ответила она, откидывая с глаз волосы. Теперь я увидела ее брови, сходящиеся над переносицей. — Починенная мной лодка всю дорогу черпала воду. Брошку твою я продала за еду и одежду, потом нанялась юнгой на судно сулкаров. Я много плавала, Элис, и повидала восточные земли: Эсткарп и Карстен, и Ализон.

У меня перехватило дыхание.

— Не может быть.

Я слышала эти названия лишь в рассказах и песнях. Я думала, что они выдуманы. Сиф опять села. Мы теперь обе сидели.

— Эсткарпом управляет племя ведьм. В горах, к югу от Эскарпа, живет раса сокольничьих. Они навещают женщин один раз в год. Карстен и Ализон,— она тут пожала плечами,— мало чем отличаются от нас.

Она вздохнула и, не глядя на меня, слегка нахмурилась.

— Сулкары — хорошие люди. Они не сделали мне ничего плохого, но на острове Горм, рядом с крепостью сулкаров, есть какое-то волшебство. Что-то там нехорошее. Мне не понравился запах ветра в Эсткарпе. Так что через два года я от сулкаров уехала и вернулась в Верхний Холлек.

Я смотрела на нее. Все еще глядя вниз, она заметила одну из моих иголок и, подняв ее, вертела в пальцах. Она блестела. Огонь от факела, мерцая, отбрасывал тени на ее лицо.

— К тому времени я скопила на собственную лодку, маленькую, двухмачтовую. Поплыла вдоль побережья Холлека, торговала, а когда не смогла содержать себя торговлей, пела и рассказывала истории в тавернах. Голос у меня неплохой.

Она глянула на меня.

— Вот там я и услышала, как жители Долин поют о тебе,— она поскребла иголкой сухую доску в полу и подняла пыль.— Я и сама придумала несколько песен о тебе и пела их. Если они что-то изменили в головах людей, то я этому рада,— на лице ее промелькнула и исчезла улыбка.— Потом я отправилась на север,— отложив мою иголку, она пошевелила плечами, разминая их, и потерла руки.

— Ты нашла Врата своей матери? — спросила я, когда она замолчала.

Она невесело рассмеялась.

— Я нашла какие-то Врата в Арвоне. Через них уже давно никто не проходил. Они обгорели и никуда не ведут. Это не те Врата, о которых говорила мне мать.

Она тяжело вздохнула.

— Я почти уже была дома. Этот Арвон — странное место, к тому же я очень устала. Я там провела в размышлениях несколько месяцев, а потом разразилась буря, и отогнала меня от земли далеко на север, даже дальше, чем это изображено на морских картах. Мое судно чуть не утонуло.

— Но наконец я пристала к архипелагу из крошечных островов. Жители называют его Веллас. Они говорят на языке, похожем на язык моей матери, и они ничего не слышали о Вратах. Но, Элис, какое это место! В большой бухте между островами проводят лето морские лисички, а детенышей выводят на берегу.

Она наклонилась вперед и смотрела на серый пол, словно это была та самая бухта.

— Жители Велласа не убивают морских лис, Элис, но собирают шерсть во время линьки. Ее прибивает к берегу, она похожа на серебро, разбросанное по волнам. А весенними вечерами жители выходят на побережье и поют: «Илилй илй илй. Улулулй улй улй». Долгое, странное, мелодичное пение, и лисы, слушая его, выходят на побережье.

Они выходят и черные, и пятнистые, и серебристые, они выходят и цвета известняка, и цвета жженого янтаря, и белоснежные. Они подходят к певцам совершенно ручные, как маленькие дети, ибо знают, что эти люди не причинят им никакого вреда, они лишь вычешут их густой мех, а потом соберут его в длинные мешки. Из этой-то шерсти, Элис, они и ткут лисий шелк. Они все это мне показали: и пение, и вычесывание, и ткачество, все. Тот отрез, что я подарила твоей матери, я сделала сама.

Я сидела и тихо удивлялась. Никогда еще Сиф не говорила с такой гордостью и уважением о женских ремеслах.

— Там, на островах, они не делят работу, — сказала она. — Женщины ходят на лодках и рыбачат. Мужчины не чураются ухаживать за детьми. Они поют, приманивая лис, и вычесывают их шерсть и прядут. Дети учатся тем ремеслам, которые им нравятся. Ткать шелк меня научил

мальчик. Там очень странно. Так странно,— она вздрогнула и слегка покачала головой.— Они почти ничего не знают о нас, южанах, да и не хотят ничего знать. И мне это нравится.

— Если там так хорошо,— сказала я тихо,— зачем же ты оттуда уехала?

Она улыбнулась и глянула на меня.

— Я приехала за тобой,— сказала она. — Я была там счастлива и думала о тебе. Я решила обязательно вернуться и рассказать тебе обо всем. И забрать тебя с собой.

Она говорила, и глаза ее сияли. Так они сияли у нее прежде, когда она рассказывала мне материнские истории о сказочной стране за Вратами. Но сейчас она говорила не об этой стране. Сейчас она говорила о крошечном архипелаге, находящемся в нашем мире далеко на севере. Я сидела и не знала, что сказать и о чем подумать. Мне никогда не приходило в голову оставить Улис. Если только в случае замужества сменить свою тюрьму на тюрьму в Верхнем Холлеке. О побеге здесь нечего было и думать, поэтому я ни о чем и не мечтала. Теперь же я должна была принять решение.

Я медленно сказала:

— Как же ты сможешь увезти меня отсюда? У тебя нет своей лодки, да и даже если бы она у тебя была, в море проложена цепь.

Сиф улыбнулась мне.

— Я и не собираюсь плыть из гавани,— должно быть, она увидела, как я широко раскрыла глаза, потому что взяла меня за руку.— У меня есть маленькая лодка. Она спрятана на берегу. Но мы должны ехать, пока луна высоко. Сейчас.

Она поднялась и потянула меня за руку, но я упиралась.

— Мы никогда не сможем миновать скалы,— воскликнула я.

— Но я же смогла однажды.

— Но сейчас нас будет двое в лодке! Твоя мать уже пыталась это сделать.

— Сейчас у меня другая лодка, — ответила Сиф. В голосе ее звучало нетерпение. — Ты должна поехать, Элис. Поехали сейчас. Он выдаст тебя замуж за первого встречного, лишь бы получить наследников.

— Но... но что же будут делать здесь люди? — заикалась я, цепляясь за соломинку. Слишком уж все быстро решалось. — Когда умрет отец, у них не останется лорда.

— А что хорошего им сделали твои лорды? — вспылила Сиф. — Забирали у них половину улова и заставляли работать на себя два дня из трех. Разве не лорд Улиса уничтожил их рыбалку, тем, что убивал морских лисичек? Ведь лисички поедают коралловые полипы. То, что я говорила об этом в банкетном зале, чистая правда.

Она смотрела мне в глаза.

— Когда морские лисички вернутся, они будут есть полипы, и тогда сюда вернутся крабы. А когда вернутся крабы, то очистят воду, и здесь опять будет водиться рыба. На это уйдут годы, но это так и будет.

Я не знала, можно ли ей верить. Все это звучало так же фантастически, сказочно, как и те рассказы ее матери о сияющих городах и самодвижущихся повозках. Сиф фыркнула.

— У людей с Велласа нет лорда, и они этому рады.

Она подняла меня на ноги и потащила вниз по лестнице. Я все еще сопротивлялась.

— Но Сиф, — кричала я. — А вдруг ты не найдешь этот Веллас? Ты сама говорила, что его нет на картах...

— Мы его найдем, — заявила она тоном, не терпящим возражения.

— А если не найдем? — настаивала я. — Что со мной будет? Ты высокая и сильная, у тебя прекрасный голос и бесстрашное сердце. Ты даже сойдешь за мужчину, если захочешь. А что же будет со мной? Любой человек примет меня только за то, чем я являюсь. Я не могу стать ни моряком, ни морским певцом.

В голосе моем уже звучало отчаяние. Она собиралась рисковать моей жизнью, всем, что у меня было.

— Я не могу притвориться мужчиной, — кричала я. — Не могу. Я не похожа на тебя, Сиф. Я никогда не стану такой, как ты. Я не надену мужские бриджи и не обрежу волосы!

Сиф остановилась и впервые оглядела меня. Она меня изучала, и я поняла, что никогда еще не была с ней так откровенна, а уж тем более с кем-то другим. Даже Сиф не могла мне подсказать, что же мне делать. Если уж мне придется оставить Улис, то не потому, что этого хочет Сиф, но потому, что этого хочу я. Сиф дотронулась до моей щеки и выпустила мое запястье. Она улыбнулась усталой и грустной улыбкой.

— Тогда тебе придется ехать в том, в чем ты есть.

Я посмотрела на нее и почувствовала, что страх мой начал рассеиваться. Я могла ехать. Мне не надо было менять себя, становиться кем-то другим. Мои родители всю мою жизнь старались сделать из меня кого-то другого. И я им это позволяла. «Моя свобода, — подумала я, — не яйцо моевки, легко сваливающееся мне в руку, но сама моевка, птица, на которую можно охотиться и через очень долгое время поймать, а может быть, и не поймать совсем. Однажды я уже держала такую моевку и дала ей улететь. Теперь, спустя годы, она ко мне снова вернулась. Если я отпущу ее в этот раз, то она уже не вернется».

— Хорошо, я поеду, — сказала я Сиф.

Она кивнула и облегченно вздохнула. Потом она вынула что-то из рукава. Глаза мои расширились. Я никогда не видела такой вещи. Она была похожа на полую трубку.

— Что это? — прошептала я.

— Метательное оружие, — ответила она. — Я приобрела его в Эсткарпе. Это если охрана проснется.

Она протянула мне руку, и я крепко за нее схватилась. Она говорила, что она не колдунья, но она за то время, что мы не виделись, столько всего узнала... Я вздрогнула и отбросила все сомнения. Больше ничего не имело значения. Она же ведь Сиф. Мы поспешили вниз по прогнившим ступеням и вышли из башни. Факел остался гореть в верхнем окне.

Мы пересекли залитый луной двор к морским воротам. Сиф отперла их. Охранников было не видно. Каменные ступени спускались по скалистому крутому склону. Они были скользкими, так как их занесло песком. Внизу расстилалось плоское побережье. Мы пробежали по сухой серебристой гальке. Начинался отлив. Я слышала, как по рифу бьет волна.

Сиф опять сунула в рукав ружье и присела возле большой груды морских водорослей. Она сбросила их в сторону — там была лодка. Такой лодки я раньше не видела. Она была сделана не из досок, а из шкур (или, быть может, из какой-то ткани... не знаю). Шкуры эти были натянуты на деревянную раму. Я молча уставилась на нее.

Она казалась слишком легкой, слишком уязвимой, чтобы считаться настоящей лодкой. Она скорее была похожа на детскую игрушку. Сиф взяла ее под мышку и понесла в волны. Лодка поднялась так высоко, что я изумилась. Потом Сиф подала мне руку, помогая забраться на борт. Я взяла руку, но медлила, оглядываясь через плечо на замок Ван. Тот стоял под луной тихий и молчаливый, будто привидение.

— Люди, — сказала я, — гости отца в банкетном зале, и кухарка, и охрана... ты им в самом деле не причинила вреда? — я глянула на Сиф. — Они проснутся?

Она сжала мне руку.

— Не беспокойся. Они проснутся очень скоро.

Я отвернулась от крепости.

— Они будут помнить?

Она улыбнулась.

— Очень смутно. Что-то насчет принца-лиса, который пришел за дочерью лорда Улиса. Поехали.

Она взяла мою руку. Волны лизали мне ноги, подол платья намок. Я подняла его.

— А ты так и не нашла Врата своей матери.

Сиф засмеялась.

— Нет, но, возможно, мы их еще найдем.

Я дала ей руку, и она подняла меня в лодку. Она закачалась подо мной, и я ухватилась за борта. Сиф оттолк-

нула ее, сначала вода ей была по колено, потом дошла до талии. Волны отступали от побережья. Я чувствовала их движение. Сиф взобралась в лодку, и утлое суденышко затряслось и завертелось. Сиф села на корму и вынула весла. Они были намного короче и шире, чем те, которыми пользовались наши рыбаки. Лодка пошла вперед, подчиняясь ее сильным ровным гребкам.

Я скорчилась и приникла к ахтерштевню. Волны, поднимаясь, вздымали лодку и толкались под дном. Плавать я не умела. Если мы перевернемся, то в своем тяжелом платье я наверняка утону. Я старалась не думать об этом. Я слышала от других, что движение моря вызывает у людей болезнь и тошноту, но тошноты я не чувствовала. Тем более что за весь тот вечер я не притронулась к еде. Мне было легко. Улис становился все меньше, отдалялся с каждым гребком моей сестры.

Я вспомнила о матери Сиф, Заре, и ее чудесной земле за Вратами, которую мне не суждено увидеть, а потом — об островах Веллас, которые, быть может, увижу, если минуем риф. Я видела, как Сиф налегает на весла, закусывает губу, слышала ее тяжелое дыхание. Она, полуобернувшись, смотрела через плечо, ноги ее упирались в днище, и она маневрировала лодкой, направляя ее, по всей видимости, в какой-то зазор, которого я не видела. Я сидела спокойно, доверяя ей. Вокруг нас, отсвечивая под луной, вздымались и опадали волны, такие же дикие и зеленые, как рампион.

Джудит Тарр

Закон Сокола

I

Шэдоу лежит лицом к стене на узкой твердой полке, служащей кроватью, и старается не слушать, не обращать внимания и даже не помнить о том, что в комнате есть и другие люди. Комната холодная, вся из камня, без освещения. Сейчас, ночью, в ней перешептываются, шуршат и храпят еще семеро. Это все мальчики, и имен у них нет, лишь прозвища, которые они сами дали друг другу. Одни прозвища звучат, как оскорбление, другие выражают восхищение, а некоторые одновременно и то, и другое. Шэдоу* — прозвище, полученное за быстроту, молчаливость и умение держаться в тени. Все-таки это лучше, чем Граб**, или Дауничик***, или бедный Мэйд****, который никогда не получил бы настоящего имени, если бы сейчас были старые времена и старое Соколиное Гнездо. А уничтожили то гнездо ведьмы. Ради спасения земли и мира (даже наиболее радикально на-

---

* Shadow — тень *(англ.)*.
** Grub — неряха *(англ.)*.
*** Downychik — пушистый цыпленок *(англ.)*.
**** Maid — девица *(англ.)*.

строенные братья вынуждены были это признать), но тем не менее ведьм здесь проклинали. И Мэйду, которого в старые времена непременно бы забраковали, представилась возможность побороться за обретение и собственного имени, и сокола.

Было их теперь слишком мало. Многие погибли в сражениях и во время Великой Перемены, остальные рассеялись по Долинам, подыскав себе там работу. Они, правда, ненавидели жару и плоский ландшафт, и даже само небо над равниной, другие, обзаведясь женой и ребенком, а то и двумя, сели на корабли и поплыли через море. Только сейчас они, откликнувшись на призыв Командующего, опять стали съезжаться в новое Соколиное Гнездо, в древнюю крепость. Возможно, она когда-то принадлежала людям Древней Расы. Но Сила их, если даже она и была здесь когда-то, уже давно пропала. Теперь здесь были соколы и сокольничьи. Возможно, когда-нибудь крепость снова станет неприступной.

Тонкое одеяло не грело, и Шэдоу лежит, свернувшись в клубок. Морской ребенок, один из тех, кто плавал и вернулся. Когда сон долго не идет, в воображении подкатываются волны.

Но только не сегодня.

— Завтра, — прошептал кто-то. Это Сноукэт*, со светлыми глазами и ставшим уже мужским голосом. Даже разговаривая шепотом, он старался сохранить в голосе басовые нотки, — завтра я получу своего сокола.

— Завтра твой сокол получит тебя, — это был Айэс**, и у Шэдоу потеплело на сердце, потому что это был Айэс. Еще один морской ребенок. Друг. Почти. Шэдоу не требовалось освещения, чтобы знать, что тот лежит на боку и брови его сходятся на переносице. Быть может, по этой причине он получил свое прозвище. А может, потому, что всегда говорит в глаза правду, даже жестокому, высокомерному Сноукэту.

---

* Снежный барс *(англ.)*.

** Молодой сокол *(англ.)*.

— Выбор за соколами. Иногда они отказываются от выбора. И тут ты уже ничего не можешь поделать.

Сноукэт что-то прорычал. Если бы это был кто-то другой, а не Айэс, он вскочил бы с постели. Но за эти годы он кое-что осознал. В драке он был для Айэса не соперник, хотя Айэс был и ростом его ниже, и уже в плечах, и моложе. Сноукэту хотелось верховодить подростками, ожидавшими в конце года своей участи. Айэс же вожаком быть не хотел, но фактически им являлся.

— Женщины, — сказал Дансер в наступившей тишине. Шэдоу вздрагивает. Никто не обратил внимания. Остальные мальчики громко хмыкнули — кто издевательски, а кто с отвращением. Кто-то призвал к тишине. Дансер засмеялся, — чего вы испугались? Никто не слушает. Мы в полной безопасности. Послушайте. Женщины, женщины, женщины! — он хрюкнул. Кто-то завопил: — Ой! Убери колено с моего живота, идиот. Что в этом слове такого ужасного?

— Дело не в слове, — пробормотал Сноукэт. — Дело в сути.

Голоса хором выразили согласие.

— Животные, — сказал Кольт. Он всегда говорил это, задыхаясь от волнения.

— Как вы думаете, когда мы получим наши имена, мы должны будем?..

— Нет, до тех пор пока мы не примем участие в кровопролитном бою и пока Командующий не решит, что мы готовы, — казалось, что Дансера вовсе не страшит такая перспектива. — Ну до этого еще долго, не бойтесь. Ну а кроме того, не так уж это и страшно. Скот же с этим как-то справляется, да и лошади тоже. К тому же я слышал, что у женщины мозгов чуть побольше, чем у кобылы.

— И мозги эти злобные, — прошипел Кольт. — Все дело в колдовстве. Они заманивают души. Нам нужно держаться от них подальше, не разговаривать с ними, не прикасаться к ним, если уж только нам прикажет это Командующий. Мы даже думать о них не должны. Иначе они нас уничтожат.

Дансер хмыкнул.

— Глупости! Они другие, в этом все дело. Непохожи на нас. Ну вроде Древней Расы. Ими управляет Луна. Разве вы этого не знали? Кровь движется в них приливами, как в море.

— Ты богохульствуешь, — возмутился Кольт.

Дансер рассмеялся. Тут в разговор вступил Айэс. Голос его был тих, но отчетлив.

— Насчет приливов это верно. Я знаю это, помню. А все остальное — ерунда. Она мертва, и вам это известно. Та, которой мы должны остерегаться. Колдунья, крадущая души, Йонкара, — услышав это имя, все содрогнулись. Даже он запнулся, произнося его. — Женщины такие же люди, как и мужчины, только слабее. Вот эта их слабость и была оружием Джонкары. Она управляла нашими женщинами, а через них — всеми нами. И все же именно женщина помогла ее уничтожить.

— Да, — подтвердил Сноукэт. — Колдунья из сулкаров. Вспомните, что она сделала с Ривери. Заманила его, превратила в тряпку, увела из братства. Теперь он с ней и с соколом скитается по миру и как только встречает брата, тут же старается обратить его в свою веру. «Освободите женщин, — говорит он, — Живите с ними. Учите их. Заставьте их любить мужчин». К чему это все приведет? Женщины ездят верхом, носят оружие, приручают соколов.

Все задохнулись от возмущения. Сноукэт перешел все границы дозволенного.

— Да если бы тебя сейчас услышали братья... — закричал Кольт.

— Тебя-то они точно услышат, — громко зевнул Дансер. — Не будьте же смешными. Соколы никогда не выберут женщину. Мне жаль бедного Ривери. Если он не будет осторожен, то сделается парией, а этого я не пожелаю никому. Даже сокольничему с сулкарской женщиной в придачу.

Шэдоу старается не слушать. Рука скользнула под грубую рубашку. Пока маленькая, но растет, так же, как

и ее сестра-близнец. И Луна откликается на ее приливы. Детская магия уходит и дает дорогу взрослой магии. Магии женщины.

Соколы знают. Когда Шэдоу будет проходить испытание, они поднимутся все разом и станут рвать ее на мелкие кусочки. Потому что ее избрали. Потому что с помощью магии, хитрости, лжи и умолчания, с помощью заклинаний, обращений к Луне и к другим Силам женщина пробралась в ряды молодых кандидатов в братство.

— Нет,— беззвучно произнесли ее губы. В мозгу зазвучали голоса. Появились таинственные лица. Они то утрачивали выражение, когда думали, что их могут увидеть мужчины, то не скрывали страсти и ума, когда высокомерные и трусливые мужчины были далеко.

Одно лицо она видела отчетливее других. Годы и боль, вызванная жестокостью Поворота, оставили на нем глубокий след. Иверна, предводительница женщин из рода сокольничьих:

— Джонкара умерла,— сказала она.— Мы ждали, страдали, скрывали ото всех, кто мы такие и что делаем, чтобы не знали мужчины, а через мужчин — Йонкара. Теперь мы свободны. Она не может больше влиять на нас, подчинять своей воле, соблазнять обещаниями власти. Это все пустые обещания. Она ничего бы нам не дала. Напротив, мы стали бы ее слугами.

— Почему? — одними губами спросила Шэдоу.

— Сила. Все дело в Силе. У ведьм из Эсткарпа была Сила: они не только знали магию, они управляли странами. У лордов есть эта Сила. Колдеры хотели ее заполучить. Вот и наши мужчины думают завладеть ею, хотя бы через нас.

— И вы хотите ее получить. А меня избрали, чтобы я для вас ее добыла. Приказали скрываться под видом мальчика. Быть скромной, но в случае нужды произносить заклинание. Пройти испытание. Быть избранной соколом. Но,— сказала Шэдоу,— соколы все знают. Они знают.

— А разве они ненавидят?

Шэдоу легла лицом вниз. Грудям это не понравилось, но поблажки она им не дала. Иверна была не сновидением, и не воплощением ее страха. Она и в самом деле была там, в мозгу Шэдоу. И ждала.

— Нет, — прошептала Шэдоу. — Нет. Они не ненавидят меня. Иногда... кое-кто разрешает к нему прикоснуться и даже, когда он в полете, дает тайком способность видеть его глазами. Когда никто не смотрит. Чтобы нас обоих не наказали. Но быть не может, чтобы меня избрали. У соколов сохранились прежние страхи. Они никогда не отдадут брата женщине.

— Ты должна попросить.

— Да разве у меня когда-нибудь был выбор? — горько рассмеялась Шэдоу. — Я всегда была твоим послушным орудием. Я позволила тебе выковать себя по твоему образцу, а братьям — обточить. Ну а сейчас разрешила тебе собой владеть. И даже не могу спросить, по какому праву.

— Потому что настало время. Потому что мы уже достаточно настрадались. Потому что ты не первая, но зато единственная, кто зашла так далеко и нигде себя не уронила — ни в испытаниях, ни в обучении, ни в силе духа.

У Шэдоу оставалось мало сил. Она могла убежать. Ей были известны один-два магических приема, с помощью которых можно ослепить даже сокола. Шэдоу владела оружием, ездила верхом, знала военное дело. У нее была Сила. Только за одно это ведьмы приняли бы ее в свои ряды. Какое бы это было торжество. Колдунья из рода сокольничьих, Сила из Соколиного Гнезда. Это было бы сильным ударом по самолюбию братьев, даже и без избрания.

Шэдоу вздохнула. Пусть она женщина, и колдунья, и шпионка, и будущая предательница, но она из сокольничьих. Эсткарп не ее земля, и люди в нем чужие.

Она перестала думать об Иверне. Думать о будущем и бояться его тоже не стала. Весь свой страх она приберегла для избрания.

Ночь тянулась целую вечность, но все же и ей пришел конец. Прозвучал гонг, и все вскочили на ноги, даже Граб, который, если ему не мешать, готов был спать и после восхода. Кто-то по привычке потянулся за обычной одеждой, но, вспомнив, обрядился в кожу и хлопок, как полагалось настоящему брату. Для них все было впервые. Вполне возможно, что для некоторых из них это был первый и последний раз. Такая одежда возбуждала в них гордость, и в то же время они чувствовали себя в ней скованно — кто от напряжения, а кто и от страха. В центре комнаты они образовали волнистую линию. Айэс шикнул, и линия тут же выпрямилась.

Оказалось — не зря. Тут же появились братья. По описаниям чужестранцев, сокольничьи носили шлемы с украшением в виде сокола, лиц под маской не было видно. Крылатые братья сидели у них на плече. Но соколы видели все. Шэдоу чувствовала, как глаза их, точно острые иглы, вонзаются ей прямо в душу.

Она не сможет. Полные семь лет она прожила во лжи. Слишком долго. Она провалится и умрет. Нет, не сможет.

Кто-то к ней притронулся. Она вздрогнула, как кошка. Айэс, стоя рядом с ней, плечо к плечу, слегка ей улыбнулся.

— Удачи, — прошептал он. Он всегда был ей другом, и она даже не знала, почему. Возможно, потому что она перед ним никогда не заискивала, но и не заносилась. Иногда в практических упражнениях и на уроках она его превосходила. Однажды он попросил ее стать ему братом по оружию. Она отказалась. Он не стал спрашивать о причине отказа, но отношения к ней не изменил. Чувствовал себя он с ней легко, по-братски.

Мэйд начал потихоньку хныкать. Шэдоу выпрямила спину. Она не была трусливой девчонкой, ужас которой виден каждому.

— Удачи, — откликнулась она и пошла на испытания.

Они состояли из трех этапов. Первый этап — испытание тела. Борьба с оружием или рукопашная. Второй — испытание ума. Его надо было сдать Командующему или старшим братьям. И, наконец, прошедшие успешно первые

два этапа должны были сдать последний экзамен — избрание. О том, как этот экзамен будет проходить, никто не говорил. Шэдоу знала, что кандидаты заходили на последнее испытание поодиночке и возвращались с соколом, но некоторые уже не возвращались.

Три испытания, три площадки. Первая площадка, там, где сходились плоть и сталь, была приятно знакомой. В этом каменном дворе они всегда тренировались. Над воротами — выточенный из камня спящий сокол. Стоя навытяжку между Айэсом и бледным одеревеневшим Мэйдом, Шэдоу не сводила глаз с каменного изваяния. Слова молитвы окатывали ее, словно волны. Братья, как камни, неподвижно застыли вдоль периметра двора. У каждого — сокол, неотлучная тень. Молитва звучала то громче, то тише. Знакомый голос — пусть и приглушенный маской, — с приятной хрипотцой, как медовое пиво. Слепой Вериан, видевший восемь питомцев на всех тренировках, досмотрит их до конца. Голос его возвысился последний раз: «Пусть Крылатый лорд благословит ваши руки!»

Не успело отзвучать эхо, как в центр двора легло оружие. Семь видов. Меч, копье, арбалет, топор, дубина, кинжал. Экзаменующиеся устремились к оружию. В тот же момент возле них сомкнулся круг братьев. Их было восемь. Без соколов. Семеро вооружены, один — безоружный.

Мысль Шэдоу работала быстрее, чем ее тело. Она выбрала уже давно. Так же, как и другие. Сноукэт встретился с ней взглядом. Рука ее опередила его руку и схватила меч, а потом отбросила. Меч взял Айэс. Сноукэту досталось копье. Ей — ничего. Все было разобрано. Это было испытание, но в то же время и ритуал, шедший по заведенному порядку. Точно, как в танце.

Сноукэт должен был метать первым. Он стал против копьеметателя, быстрым, плавным движением поднял стрелу и пустил ее в полет.

Она улетела в сторону. Стрела брата не отклонилась. Сноукэт успел отскочить, иначе она впилась бы ему в

тело. Споткнувшись, он упал на колено. Брат насел на него, злобный, как враг.

Они и были враги. Они могли убить друг друга. Они были противниками. В их рядах слабым не было места. Вероятно, Сноукэт не мог до конца в это поверить. Это знание давалось ему с трудом.

Руку Шэдоу оцарапало копье брата, но она и виду не подала, что ей больно. Если ее тактика и удивила партнера, то он этого тоже не показал. Он не двигался. Она не знала, кто ей противостоит. Копье она не метала, не двигалась, а лишь выжидала. Вокруг них свистели стрелы.

Безоружный человек двинулся, сделал легкий шаг вперед и чуть в сторону. Она, закрутив, метнула стрелу. Он поймал ее. Она беззвучно засмеялась и позволила ему перебросить себя через голову. Потом пнула ногой. В ноге вспыхнула боль. Она упала на землю, прокатилась, увернулась от тени и подскочила, как пружина. Сверкнул металл. Нож. Ладонь ее сжала рукоятку. Тело ее знало, что делать: согнуться, подготовиться, выжидать. Она увидела лицо человека. Нога у нее болела не зря: шлем она с него скинуть сумела. Она его, кажется, знала. И знала, что должна испытать благоговейный ужас, а может быть, почувствовать, что ей оказали великую честь. Элмери считался самым сильным бойцом в Соколином гнезде. В братстве, возможно, было один или два человека, равных ему. Он выжидал, как и она, был осторожен, как и она. Глаза его были спокойны, и в них не было снисходительности, что само по себе было для нее честью.

И это ее почти сломило. Будь она даже мальчиком, а не молоденькой девушкой, она не смогла бы ему быть соперником. Она могла бы даже и не стараться.

Ей не нужно было стараться победить. Просто не поддаваться.

Она не могла.

Она должна.

И она терпеливо выжидала. Ждала, когда он начнет. Она знала, что Айэс сейчас успешно управляется с мечом,

а Дансер — с дубиной. И Мэйд превзошел сам себя. У него была пика. Других она не видела.

Она бросила нож. Пусть сталь состязается со сталью. У тела другие законы.

Дрогнули ли глаза Элмери?

Тело се не стало мешкать в ожидании ответа. Оно, как в танце, двинулось вперед и в сторону, сделало полный оборот. Запястье ее сжало тисками. Она инстинктивно попятилась; воля и тренировка заставили ее расслабить мышцы, позволили его силе бороться за нее. Элмери придвинул ее к себе. Он был на голову выше ее и твердый, как камень, но холодным, как камень, он не был. Колено ее взметнулось вверх. Он отскочил в сторону, но запястья не выпустил и схватил ее за другое. Она ударила его головой в лицо.

Опять он увернулся. Сейчас он завладел обеими ее руками. Дважды она вступала в борьбу, теперь она собирала все свои силы для третьей атаки. Если только он помедлит, если не будет двигаться...

Ответ... и боль, темнота, но не полная, пока еще не полная, ну ударь же ногами, призови всю свою волю и мозги, поднимись и прокатись, и отскочи в сторону. А небо ясное, и руки свободны, а тень заслонила свет. Теперь он упадет на нее, и все будет кончено. Она лежала и старалась дышать, и больше уже не волновалась.

— Вставай, воин, — обращение было теплое, веселое, и в нем чудилось... что? Уважение? — Ну хватит, вставай. Так ты и день проспишь.

Это был Элмери. Она и не знала, что он может улыбнуться новичку. Элмери поднял ее на ноги. Она не сопротивлялась. Положил руку ей на плечи. Она с изумлением огляделась по сторонам. У Айэса на лице была кровь, но он улыбался. Мэйд, Дансер, Дауничик — все в восторге. Сноукэт что-то рычал, но держался прямо. Граба и Кольта не было видно. Тел на камнях она тоже не приметила.

Испытания не выдержали двое, но впереди были еще два экзамена. Результат был не худший, но и далеко не блестящий. Времени осталось лишь на то, чтобы вымыться,

прополоскать горло да наложить Айэсу пластырь на щеку. Отдыхать нельзя: их ждал Командующий.

Этот зал не был им абсолютно чужим, однако и своим они его назвать не могли. До этого дня они были здесь раза два, во время больших праздников. Им, как старшим ученикам, полагалось обслуживать столы. Зал пустовал, как, впрочем, и остальные помещения Соколиного гнезда. Сейчас в нем не было ни столов, ни огня в каминах, лишь черный сокол на алом знамени за спиной Командующего. Тот ожидал их вместе с четырьмя экзаменаторами. На этот раз масок не было, знаков различия — тоже, правда, на плече у каждого — значок: у капитанов — сокол камнем падает на добычу, у Командующего — сокол в полете. Лица их, пусть и открытые, были не выразительнее масок, а позы полны величия. Осанка и манеры — как у людей, рожденных и выученных повелевать.

Атака развивалась в трех направлениях: глаза, язык и мозг. Она пришла без предупреждения, без подготовки. Набросившись на Мэйда, как самого слабого, они отхлестали его быстрыми словами:

— Каждый сокольничий неразрывно связан со своим соколом. Зачем к его путам привешены побрякушки?

Мэйд побледнел. Это стало заметно даже под синяками, сплошь покрывшими его лицо после боя. Он открыл и тут же закрыл рот. Дансер сделал движение. Возможно, пытался прийти на помощь. Одно слово тут же превратило его в соляной столб.

— Я... — пропищал Мэйд. — Я... я не... — наступила страшная тишина. Мэйд в отчаянии заполнил ее потоком слов. — По... побрякушки придуманы для посторонних. Скрыть связь. В этом состоит наш величайший секрет. В случае необходимости мы переговариваемся с союзниками, подаем команды во время сражения и предупреждаем об опасности.

Он остановился, запыхавшись, словно пробежал дистанцию. Они тут же накинулись на другого. На Дансера. По-видимому, за его самонадеянность.

— Соколиное Гнездо раньше было известно всем. Отчего сейчас оно спрятано?

Дансер был и увереннее, и быстрее на язык.

— Старое Соколиное Гнездо пало по вине ведьм во времена Великой Перемены. Местоположение новой крепости должно храниться в тайне, пока мы не обеспечим ей должную защиту. Немало на свете тех, кто с радостью бы нас уничтожил и захватил богатые земли, которые мы охраняем. Или просто избавил бы мир от нашего племени, потому что мы живем по закону Сокола.

— А что это за закон? — они обратились к Айэсу. Несмотря на кажущуюся простоту вопроса, ответил он не сразу.

— Этот закон установили люди и их пернатые братья. Жить в союзе; заботиться друг о друге; слушаться командиров; в случае войны честно сражаться; убивать только в целях самозащиты или защищая жизнь брата или жизнь союзника. Хранить тайны братства, блюсти веру и уничтожать Тьму, где бы она ни появилась. И никогда не подчинять себя женщине или колдунье, или любому другому врагу братства.

— Ты. Сколько Командующих побывало до меня на моем месте? Назови их по порядку. Опиши достоинства каждого.

И так далее. Простые вопросы, вопросы не такие простые, вопросы, которые требовалось обдумать... но времени на обдумывание не было. Нужно было отвечать сразу. И не важно, успел ты подготовить ответ или нет. Односложный ответ «да» и «нет» не принимался, вопросы обрушивались один за другим на новую жертву.

Во всех этих вопросах, однако, можно было усмотреть порядок, некий шаблон. Шэдоу научилась такой шаблон выявлять. В магии все обстояло намного тоньше. В данном случае экзаменаторы, заметив слабость, сразу же на нее набрасывались. К силе они придирались тоже. Шэдоу хорошо разбиралась в морских вопросах и в стратегии боя; историю братства знала назубок, зато вычисления ей не слишком давались, да и с лошадьми чувствовала

себя не очень уверенно. И когда она изнемогла под градом вопросов, на которые только успевала отвечать, Командующий задал ей последний вопрос:

— Расскажи нам о женщинах и их Силе.

Вот, значит, как. Ее вычислили. Она была почти рада тому, что скоро настанет конец.

Они молча ждали. Она постаралась напрячь мозги. Сокольничьих обучали цветам магии, учили избегать их; они знали кое-что о ведьмах и их искусстве: каждый мужчина должен знать своего врага. Но ведь об этом уже кто-то только что рассказывал. Дансер осторожно попытался изобразить должную ненависть к женщинам в целом и к ведьмам в частности.

— Женщины, — медленно начала она со скованностью, которую можно было при желании принять за отвращение, — не стоят того, чтобы о них думать. В давние времена нас по их вине заманили в ловушку и управляли нами. Эсткарп до сих пор платит за эту глупость. Мы заплатили и теперь вознаграждены. Та, проклятая, мертва... Йонкара. Имя ее лишний раз трудно произнести. Женщины ее племени рассеяны по разным местам, чтобы она с их помощью не воскресла. Она — враг, о котором мы не должны забывать. Нам необходимо засеять поле смерти, чтобы на нем поднялась и расцвела жизнь братства. Через эту тень мы должны выйти к свету. Говорят, — добавила она осторожно, — что ни один мужчина не будет сильным, если доверит свою силу женщине; и все же без женщины он не появился бы на свет. Нас не учат ненавидеть и презирать женщин. Нас учат ненавидеть и презирать то, за что они воюют. Вот против этого нам и нужно вести вечный бой. Так учат нас учителя. И так должно быть.

Она замолчала. Горло ее болело от усилия, оттого, что она говорила чужие, заученные слова. Она жила во лжи, но так и не выучилась лгать, даже перед угрозой смерти.

Командующий молчал. Молчали и капитаны. Сокол расправил крылья, прошипел и тут же замолк. Никто не встал. Никто не обнажил меч, не обличил самозванку, не

объявил громогласно правду. Учащиеся, несмотря на многолетнюю тренировку, чуть не падали от изнеможения. Айэс легонько прислонился к Шэдоу, делая вид, что просто стоит рядом, плечо к плечу. Фокус, которому все обучились за это время. И она, в свою очередь, оперлась на него, давая отдых уставшим ногам. Не глядя на него прямо, заметила боковым зрением, что лицо его было страшно бледно. Шрам на щеке так и останется у него на всю жизнь. И тут она неуместно подумала, что внешность его это не испортит.

Командующий поднял руку.

— Ты.

Мэйд вздрогнул и чуть не упал. Но вышел вперед, пошатываясь. Затем Дансер и Сноукэт. Потом повисла долгая пауза. Шэдоу стояла с остальными, слишком усталая, чтобы прийти в отчаяние, но достаточная сильная, чтобы разгневаться. Ладно, пусть эти старые дураки исключат ее и Дауничика (тот не смог выдержать безжалостного испытания). Но ведь Айэс был среди них лучшим. Как они посмели исключить его?

Командующий легонько наклонил голову. Айэс неохотно вышел вперед, оглядываясь назад. Шэдоу натянуто улыбнулась. Ну, теперь не так все плохо. До сих пор ни одна женщина так далеко не прошла.

— Ты.

Она моргнула. Дауничик выглядел так же, как всегда: чуть перекошенный, немного замкнутый и ничуть не удивленный. Он не двинулся. Глаза пронзили ее. И тут ноги ее шевельнулись и вынесли ее вперед. Отупевший мозг ее вдруг окатила дикая смесь разнообразных чувств — и облегчения, и протеста, и ужаса. Не прошедшего испытание учащегося вывели из зала. Заговорил Командующий. Сам порядок перечисления имен означал оценку их ответов. Названный последним имел высший балл.

И опять ее охватил гнев. Лучшим был Айэс. Она же — лгунья. С ее стороны все было ложью. Теперь помощи ждать было не от кого. Соколы снимут с нее маску. Она всегда знала, что это так и будет.

Последнее, самое правдивое испытание было абсолютно простым по форме. Каждый испытуемый в сопровождении брата уходил в маленькую комнату без окон. В каморке этой стоял табурет и горела лампа. Там и надо было, замирая от страха, ожидать своей участи... если у испытуемого оставался еще страх после первых двух этапов. У Шэдоу страха не было. Она отнеслась к последнему экзамену с терпением, к которому приучена с колыбели каждая женщина. Сила ее была подобна ножнам. Шэдоу могла потерпеть поражение, но бороться собиралась до конца, дабы не посрамить чести своего пола.

И вот она стоит в одиночестве под безжалостным небом. Ей припомнилась улыбка брата Элмери. Он дал ей тогда перчатку сокольничьего и алые ленты пут. Как он тогда сказал?..

— Будь сильным, воин, и лети высоко. Крылатый лорд да благословит твою охоту.

В этом состоял весь ритуал, и этого было достаточно. Шэдоу была сейчас в святом месте, сердце Соколиного гнезда. Она стояла на вершине горы, в Храме Крыльев. Крыша храма — небо, стены — бескрайние воздушные пространства, пол — живой камень, сформированный и выточенный ветром. В том месте, где полагалось быть алтарю, возносился к небу каменный зубец. А на нем — соколы.

Настоящие соколы. Не черные самцы с белой грудью, прекрасные крупные и мудрые птицы, боевые братья воинов братства. Нет, это были самки, в полтора раза крупнее своих братьев-соколов, мудрее их и во много раз опаснее. Они были белыми, как облака, и перья на крыльях, хвосте и груди отливали серебром, как облака. Глаза их горели золотым огнем.

Шэдоу, как кролик, замерла под их взглядом. Этого она никак не ожидала. Говорят, что соколы либо изберут, либо откажут. Но сейчас она стояла перед большими птицами, королевами, неприрученными и не желающими приручаться. Они слыли полулегендарными птицами даже здесь, в Соколином гнезде, хотя именно они и на-

шли, и облюбовали это место. Чужакам они не показывались и редко снисходили до братьев. Места их гнездования хранились в секрете. Никто не знал, как они спариваются и растят птенцов. Сокольничьи знали, что самцы и самки живут отдельно, и не удивлялись этому. Молодые самцы, только что покинувшие гнездо, и те, что не избрали себе брата, охотились в компаниях, как люди. Как учили Шэдоу, в таких компаниях они являлись на избрание.

В мозгу Шэдоу прозвучал смех. Смеялись соколы. Смех был дикий и холодный. Она разобрала слова: «Невежество! Да ведь это только неизбранные собираются в стаи, как скворцы».

Кто это говорил, она не поняла. Возможно, это не имело значения. Они смотрели на нее, не мигая. Их было столько, сколько пальцев на обеих руках, сосчитала она, да еще один.

«Не избранные, — продолжал беззвучный голос, — нами. Те, что похуже, находят себе товарищей среди бескрылых мужчин, — в словах их не было издевки, простая констатация факта. Самка избирала себе самца. Самец, не избранный самкой, выбирал себе человека».

Шэдоу почти рассмеялась. Какая ирония. Интересно, знали ли об этом братья? А если знали, то, значит, волей-неволей жили с этим: признавали, что по значению они ниже женщины, даже если эта женщина — самка сокола.

— И прежде чем самцы изберут, — сказала она, стараясь вникнуть в услышанное, — вы изучаете человека, которого надо избрать.

Опять смех. В ледяном этом смехе на этот раз проскакивали горячие искры нетерпения. «На это хватит ума и невылупившемуся соколу». Одна из птиц расправила крылья. Она сидела на самой вершине. Шэдоу встретилась с ней глазами. Птица мысленно обратилась к ней, по всей видимости, не желая тратить время на вежливое предисловие: «Эй, ты, новичок. Ты не похож на остальных. Подойди-ка поближе и дай нам разглядеть себя».

Шэдоу стало холодно, но вовсе не от ветра. Ни одному соколу не требовалось еще приближаться к предмету, чтобы лучше его разглядеть. Но она тем не менее послушно шагнула вперед. Страха она пока не чувствовала, только любопытство. Однако и приятного было мало. Соколы убивали не со зла, просто такова была их природа.

Сверкающие и твердые, как драгоценные камни, глаза уставились на нее. Шэдоу чувствовала, что они разговаривают друг с другом. Они опустились до самого дна ее души, и сделали это уже давно, прежде чем она успела заметить. Испытание закончилось, и началось обсуждение. Приговор был заранее известен. Ни один сокол не подлетел к ее руке и не подлетит.

Она обнаружила, что молит о смерти. Пусть лучше смерть. Смерть менее жестокое наказание, чем жизнь. Вернуться назад, к женщинам, искалеченной или ослепленной, стать такой же рабыней, как они? Соколы отберут ее дар. У них была Сила. Она билась в их теле сильнее, чем Сила самого Гнезда.

Наступила мертвая тишина. Даже ветер стих. Шэдоу стояла прямо, закрыв свой мозг на все замки. Если и потерпит поражение, то по-своему, не уронив себя.

«Женщина, — сказала птица, свободно пройдя через все ее засовы, рассыпав собранную ею защиту, — мужчины боятся таких, как ты. Они боятся Силы, что летает неоперенной».

— Но ведь она умерла! — в отчаянии воскликнула Шэдоу. — Она прошла.

«Твоя не прошла,» — королева широко раскинула крылья, а потом тщательно сложила их. Слегка склонила голову набок. «Мы знали, как только ты пришла. Твоя магия тогда была еще маленькой. С тех пор она очень выросла».

— Тогда, — сказала Шэдоу с легкой горечью, — к чему тогда было все затевать. Вы уже давно могли вонзить в меня когти.

Тут заговорила другая птица. Она была моложе и меньше всех, но очень горда: «Разумеется, могли! И сам-

цы нас к этому побуждали. Они думают, как мужчины и боятся, как мужчины».

— Вы позволили мне жить. Так делает кошка. Вы хотели посмотреть, как я буду бегать.

Соколы возмущенно закричали. Двое даже взлетели со своих насестов. Королева моргнула нижним веком. Молодая птица сказала: « Когда мы охотимся, то убиваем».

Птицы уселись одна за другой. Шэдоу перевела дыхание. Она глотнула воздух и сказала:

— Чего вы хотите от меня? Почему вы так долго меня не убиваете?

«А заслуживаешь ли ты смерти?» — поинтересовалась королева.

— Братья наверняка сказали бы, что я ее заслужила.

«Мы не принадлежим братьям».

Молодая птица взмыла вверх и со свистом рассекла воздух. Шэдоу окаменела, но храбро встретила ее взгляд. Соколица протянула к ней когти. Рука Шэдоу поднялась сама по себе.

Когти сжали ей руку. Белые крылья сложились. Птица тщательно огладила перья.

«Меня зовут, — сказала она, — Северный Ветер». Имя это ей подходило. В мозгу Шэдоу раздавался ее чистый и холодный голос с чуть заметным сладким оттенком. Такое же впечатление производила она сама. Ветер из заснеженных полян, с легчайшим намеком на приближение весны.

Шэдоу с трудом глотнула: в горле пересохло. Птица на руке весила не так уж мало, да и когти кололи даже через перчатку. Но в мозгу прикосновение когтей казалось еще сильнее. Она ощущала в себе присутствие чего-то нового — Силу. Это одновременно было и странно, и не странно. Словно до сих пор в ее сердце была пустота, о которой она и не подозревала, а теперь она заполнилась. Она и не знала, что была до этого момента неполной. Теперь она стала полной.

Однако нельзя было назвать это избранием. Самки соколов не выбирали. Они были выше этого.

Северный Ветер согнула когти, твердые, как сталь, и громко заговорила на соколином языке.

«Назови себя, ученица».

Это было избрание. Невероятно, невозможно, но это было.

Птицы стали терять терпение. Шэдоу почувствовала, что они начинают презирать ее. Даже самый последний из мужчин вел себя в этой ситуации достойнее.

У самого последнего из мужчин была хоть какая-то надежда на избрание. Шэдоу взяла себя в руки.

— Джованна, — сказала она хрипло, а потом еще раз, уже ясно: — Меня зовут Джованна.

«Джованна». Соколы повторили это хором. Когда все голоса затихли, голос королевы продолжил: «Джованна — наша сестра. Наша гордая птица выбрала тебя. Она выберет не всякого. Но тебе нужно заплатить цену».

Так избрание обычно не проходило. Шэдоу, настоящее имя которой было Джованна, это, по меньшей мере, знала. Связь должна быть свободной, ведь это встреча двух умов, двух жизней. Она открыла рот, чтобы сказать об этом.

Королева опередила ее: «Это твоя собственная цена, назначенная тобой. Ты избрана, и по праву. Но ты пришла во лжи. За это должна заплатить».

Джованна сжала зубы. В словах королевы была правда... правда Сокола, стремительная, безжалостная и неизбежная.

— Как только меня изберут, я тут же прекращу обман. Я готова к этому, готова к любому исходу.

«Нет, — сказала королева. — Ты этого не сделаешь. Вот какую цену ты должна заплатить. Тебе придется жить во лжи до тех пор, пока другой тебя не освободит».

Джованна постаралась скрыть нахлынувшую на нее сумасшедшую радость. Значит, ей не придется разоблачать себя перед всеми, к чему она заранее готовилась. Значит, на нее не обрушатся ненависть, горькое отторжение, а потом и смерть — от руки ли, от клинка, а может, от клюва. Значит, теперь ей не нужно... и все же...

Она не должна проиграть. Северный Ветер не допустит этого. Она была не в силах пошевельнуться. Продолжать. Жить во лжи. Поклясться в зале на мече. Быть мужчиной среди мужчин. Заслоняться от них своей магией, когда она стала сейчас более чем женщиной...

До тех пор, пока другой не освободит ее. Другой мужчина? Другая женщина? Еще одна ложь?

Она произнесла клятву воина. Соколы даже не моргнули. Похоже, им было весело.

— Да ведь я собиралась здесь все закончить! — взъярилась Джованна.— Я готовилась умереть!

«Ничего подобного,— с полным спокойствием молвила Северный Встер.— Ты должна принадлежать мне. Еще в яйце я выбрала тебя».

— Но только самцы...

«Самка делает так, как ей захочется,— Северный Ветер вспрыгнула на плечо к Джованне и ущипнула за ухо, не слишком-то нежно.— Они избраны, твои товарищи. Они тебя ждут. Разве тебе хочется, чтобы они посчитали тебя проигравшей?»

Джованна гордо вскинула голову. Она заставила колени не дрожать и привела в порядок свои порядком потрепанные мозги. Если она выбирала, как только что выбрали ее соколихи, то она должна быть Джованом. Братом братьев соколов. Выбранным королевой. Как у них, должно быть, раскроются глаза, только от одного этого.

— По меньшей мере,— заметила Джованна, обращаясь к Северному Ветру, как, впрочем, и к остальным соколицам,— погибну я не от скуки.

«Пока я жива,— сказала Северный Встер,— ничего подобного не произойдет».

Джованна жадно вдохнула холодный чистый воздух. Солнце садилось, братья ждали. Элмери и Айэс, и Сноукэт, и Дансер, и Мэйд... У всех них теперь были настоящие имена и соколы в придачу. Они вступили в ряды воинов. Как и она, сейчас, а там... будь, что будет. Она поприветствовала королеву. Так меченосец приветствует

того, кто является для него одновременно и хозяином, и оппонентом. Подняла кулак. Северный Встер снова опустилась на него. Сознание ее подключилось к сознанию Джованны, а Джованна вобрала в себя сознание птицы.

Девушка попыталась улыбнуться. Все сложилось на удивление удачно. С высоко поднятой головой, выпрямив спину и торжествующе улыбаясь, она пошла к братьям.

II

Сон всегда был один и тот же. Сокол в полете — то черный, то серебристо-белый: замерев в вышине, он занимает нужную позицию и ныряет вниз и еще раз вниз, и еще. Со свистом разрывается воздух. Жертва мечется в отчаянии. Затем — удар. Треск костей, тихий отвратительный звук. Тело жертвы содрогается — всего лишь раз — и затихает. В одно мгновение пушистое тело зверька превращается в лишенный меха длинноногий предмет с широко раскрытыми глазами на вялом лице. Они жили, эти глаза. Они горели. Они были всех цветов. Они были на всех лицах. Но каждый раз лица эти превращались в одно: лицо женщины из рода сокольничьих, глядевшей с тупой покорностью на своих мужчин, но за спиной ее поднималось белое пламя Силы. «Иверна». Так называла ее Джованна. Когда она называла это имя, изображение менялось. И перед ней оказывался лишь забитый на охоте кролик, а сокол был просто соколом.

И вот в этом-то и заключалось самое ужасное. Просто сокол. Это была Северный Встер, вся белая и серебристая, до боли прекрасная. А там, где должна была находиться связь, та, что больше жизни — ничего. Ни соприкосновения умов, ни присутствия в душе, лишь черная и болезненная пустота.

Джованна, дрожа и задыхаясь, лежала под знакомым грубым одеялом. Мозг ее в отчаянии вышел на связь. «Здесь, — сказала Северный Ветер, — я здесь». Это был именно ее, соколиный голос. В нем чувствовалось раздражение, вызванное человеческой глупостью. Где же ей еще

быть, как не в душе Джованны, в полной безопасности, так же, как Джованне — в ее собственной?

Джованна приникла к этому спасательному средству. Оно возвращало ей назад мир целым и невредимым. Караульная в крепости Равенхольд: огонь в очаге, братья в постелях и соколы на шестках. Все глубоко спали. А совсем рядом с ней — Северный Ветер, белое мерцание и сильное присутствие.

Ночной кошмар медленно растаял. Джованна поднялась, надела рубашку, бриджи и ботинки, прошлась пальцами по стриженым волосам. Северный Ветер уселась на ее кулак без намека на раздражение.

Лорик нес у ворот предрассветную вахту. Хотя в этой укрытой со всех сторон долине следить было особенно не за чем, он был бдителен. На фоне неба, усеянного звездами, рисовался его силуэт в шлеме, украшенном изваянием сокола. Оседлавший Бурю легонько дремал на его плече. Чувствуя себя непринужденно рядом с молчавшим Лориком, Джованна уселась на парапет и подставила лицо под звездный душ. Ее узкое лицо с острым подбородком, для женщины сильное, было уж слишком хорошо для мужчины. Керрек иногда называл ее красоткой. Когда у Керрека бывало плохое настроение, он мог и нагрубить. К тому же он не мог ей простить, что ее избрала королева.

Перед закрытыми глазами проходили картины. Длинный спуск с вершины, из Храма Крыльев. Солнце светит прямо ей в лицо, ветер старается сорвать со склона, а Северный Ветер, как изваяние, неподвижно сидит на плече. Но ощущает она ее не как камень. Теплое тело, покрытое перьями, широко раскрытые глаза горят золотым огнем, и в сознании Джованны отражается это пламя. Возле Соколиного Гнезда ее ждут братья, каждый со своим соколом. Соколы смотрят на Северный Ветер с подобающим уважением, но без удивления. Мужчины же забыли все, что хотели сказать и сделать. Один из них даже громко воскликнул. Это был Элмери. Впрочем, он тут же опомнился и совершил ритуал: полный салют и выверенные слова.

— Приветствую тебя, брат. Хороша ли была охота?

Джованна слегка запнулась. Она не ожидала такого вопроса.

— Охота... да, охота была хорошей. А как очаг? Растоплен?

— Огонь пылает, — ответил Элмери, — и стол накрыт. Не пожелает ли брат мой отдохнуть среди остальных моих братьев?

— Отдохнул бы с превеликим удовольствием, — ответила она, и это была чистейшая правда.

Зал, бывший таким мрачным и холодным во время экзамена, встретил теплом и светом. Там собрались все братья из Соколиного Гнезда со своими соколами, и теперь к ним присоединились еще четверо, только что Избранные: Сноукэт, Дансер, Мэйд и Айэс. Теперь они показались ей незнакомцами. Все они были в полной форме сокольничих, строгие, очень прямые молодые люди. Ей надо было запомнить их настоящие имена. Керрек, Хендин, Джори, Лорик. В первый момент, когда она, одинокая и маленькая, вошла и остановилась в дверях, перед нею были только глаза. Глаза эти были удивленные, широко раскрытые. Все они смотрели на ее второе «я». Она распростерла крылья и отчетливо сказала на своем соколином языке: «Я, Северный Ветер, выбрала его, по имени Джован, чтобы он был мне родичем по душе».

Дисциплина тут же нарушилась. Джованна услышала обрывки фраз.

— Королева?

— Но ведь они никогда еще...

— Никогда не могут...

И отчетливо, и по-сумасшедшему беспочвенно:

— Святотатство!

— Как может святость сама себя осквернить? — это был Лорик, сумевший быть одновременно и скромным, и нетерпеливым. — Ведь это королева выбрала. Глупо было бы отрицать это.

— Королевы не выбирают, — рявкнул морщинистый, покрытый шрамами брат.

— А королева выбрала,— сказал Элмери. Он встал рядом с Джованной. Он был спокоен, слегка улыбался. Шлем держал в руке. Поприветствовав Северный Ветер, он обратился к ней на ее языке:

«Позволено ли будет спросить, почему?»

Птица моргнула два раза нижним веком и зашипела. Это шипение означало у соколов смех. Ответ ее был кратким и твердым: «Нет».

Элмери поклонился и изумил Джованну внезапной озорной улыбкой. Впрочем, она так же быстро исчезла, как и появилась. Он сделал ей знак.

Она пошла за ним, ощущая на себе взгляды всех собравшихся в зале. Кто-то начинал завидовать, кто-то — восхищаться. А некоторые стали ненавидеть. Перед возвышением она остановилась. На возвышении стоял Командующий, одетый в ту же форму, что и остальные братья: в кожу и изношенную кольчугу. Глаза его были, как у сокола: в них мерцал дикий, холодный огонь, ничего человеческого, отчего Джованне стало не по себе.

Она взяла себя в руки. Ведь с ней была Северный Ветер. А больше ей никто не нужен.

Голова его чуть-чуть наклонилась. Тепла в глазах не прибавилось. Они смотрели на нее так, будто знали, что она скрывает и почему. Все это имело для него значение, и он будет сражаться, когда придет время, но сейчас он будет играть в ту игру, которую предложили соколы.

— Ты, выбранный королевой, принеси клятву на мече.

— Если ты примешь ее,— уверенно ответила Джованна.

Тут же появился меч. Это был меч Элмери. Она догадалась, что это значит. Позже она узнает, что первая из пяти новообращенных принесла клятву. Встав на колени, она вложила ладони в руки Командующего и произнесла все те слова, что узаконили братья из Соколиного Гнезда. И снова, теперь уже перед Элмери, поклялась, что будет служить ему верой и правдой, даже не поняв, что чувствовала в этот момент. Пожалуй, лишь отупение, при котором не было места ни для радости, ни даже для страха.

Ложь будет продолжаться, а соколы эту ложь подтвердят. С теми, кто направил ее в Гнездо, ее разлучили. Она поняла это после долгого и недоуменного молчания, пытаясь наладить связь с Иверно́й, и встретила стену, составленную из соколиных глаз. Стену эту преодолеть ей не удалось.

Время чуть сгладило трудности. Дисциплина Соколиного Гнезда запрещала выделять ее среди других, и Элмери, ее капитан, требовал от нее и птицы ровно столько, сколько от любой другой пары новичков. Северный Ветер была крупнее своих братьев, быстрее и яростнее, но она была еще слишком молода, поэтому прислушивалась к мудрым советам, там, где это было необходимо. Даже если эти советы исходили от недостойных самцов. Теперь, после двух лет усердных тренировок в Гнезде и среди воинов Эсткарпа белая соколица и ее избранница вызывали интерес только у посторонних.

Никто не знал ее секрета. Никто даже не догадывался. Она и не предполагала, что мужчины могут быть так слепы. Ей даже почти не требовались заклинания, которыми по привычке она ограждала свою женственность. Все считали молодого Джована страшно скромным, застенчивым и скрытным и приписывали это обыкновенной эксцентричности. Разве он не прожил семь лет в ученических казармах, где друг от друга вряд ли осталось много секретов? Разве не прошел избрание, где секретов вообще не должно было быть? Даже если его выбрала самка сокола, что само по себе было чудом и, возможно, скандалом, дело-то уже было сделано, и переделать его было нельзя. Джован был теперь принят как брат соколихиных братьев. Она жила, ездила, сражалась наравне со всеми. Природа наградила ее высокой и тонкой фигурой. Все ее природные изгибы ушли в худобу. Она выучилась мужской походке, старалась говорить низким голосом, хотя горлу это не нравилось. Остальное было в глазах и в уме того, кто ее видел.

Она чувствовала себя в такой безопасности, на которую даже и не надеялась. Но все же потихоньку лома-

лась. И сны были доказательством этому. Мозг не удовлетворялся подкидыванием ей простеньких снов вроде разоблачения и изгнания. Нет, ей предлагалось испытать ужас отлучения от птицы.

«Никогда,— сказала Северный Ветер откуда-то с задворок ее сна. И более явственно: — Я охраняю тебя. Никто к тебе не притронется».

— Скажи это моим снам,— с горечью молвила Джованна.

«Я говорю им»,— сказала Северный Встер.

Джованна вздохнула и вздрогнула. Шея ее затекла. Она что же, задремала? Звезды бледнели, на востоке посветлело. Лорик из тени превратился в более плотную форму.

Она не вспомнит, что привлекло ее внимание наверху. Крепость в Равенхольде славилась больше своей мощью, а не изяществом. Правда, с одной ее стороны поднималась стройная каменная башня. Это, конечно же, недостаток, решила Джованна, придерживаясь логики сокольничьих: тонкие стены, резные балконы, да еще зачем-то много окон. Занимали эту башню и торец замка, к которому она примыкала, женщины лорда Имрика. Братья, особенно те десять, которым выпало сторожить ее, ворчали, остальные же охраняли половину лорда. Охранять было нетрудно, но постыдно. У лорда Имрика всегда были про запас люди для выполнения такой функции, даже если бы в это время отряду Элмери пришлось очищать земли от недобитых врагов прежней войны и Всликой Перемены. Но он настаивал на том, чтобы охрану его замка осуществляли сокольничьи.

— Я не смогу спокойно спать,— сказал он в своей манере, вроде бы легкомысленной и чуть умоляющей, но по сути жесткой.— Я потерял жену из-за предательства вассала. Хочу, чтобы этого не повторилось с сестрой. От сокольничьих я, по крайней мере, не жду предательства.

Элмери согласился с небольшими колебаниями. Госпожа Гвенлиан со своими женщинами не выходила из башни. Братья несли охрану без радости, но с солдатской

покорностью. Им всем была известна история о предательстве по отношению к лорду Имрику. Муж ушел на войну, а женщина осталась одна. Тут же появился капитан с красивым лицом и белоснежной улыбкой. А там одно за другим, и в прекрасное ясное утро эти двое исчезли. Люди говорили, отправились на восток. Тогда лорд Имрик доверил оставшихся женщин единственным на свете мужчинам, которым и в голову бы не пришло не оправдать его доверие.

Джованна смотрела на женскую башню, освещенную рассветными лучами, и в душе была рада, что ей там не жить. Рассказывали, что в Эсткарпе женщины так же свободны, как мужчины. В городах Джованна видела, что это вроде бы так и есть. Такое положение возмущало до глубины души братьев-ветеранов. Все же в Равенхольде — то ли по их собственному выбору, то ли по приказу лорда Имрика — женщины жили почти как узницы.

Она слышала, как шепчутся слуги. И дело было не только в измене леди Вианны. Что-то странное было и в поведении госпожи Гвенлиан. Говорили, она должна была стать ведьмой. А потом пришла Великая Перемена, и власть колдуний в Эсткарпе закончилась. Леди явилась домой, не успев принять посвящения, без камня, приехала одна, через территорию, на которой проходили военные действия. Свою историю она никому не поведала, если только брату. Она заперлась в башне и с тех пор не выходила оттуда, если только ненадолго посещала сад с лекарственными растениями или на лошади уезжала в пустынные поля. Очень редко она спускалась в столовую. С тех пор как брат ее уехал из замка, она вообще никуда не выходила.

Но, конечно же, это она сейчас стояла там наверху, опершись на подоконник, когда Джованна подняла голову к рассветным лучам солнца. Волосы ее были распущены по плечам. Одета она была во что-то светлое. На плечи небрежно наброшена шаль. Она, видимо, не думала, что ее кто-то увидит. Была она почти до помрачения хороша.

— Не думаю, что нам следует смотреть.

Джованна вздрогнула. Лорик стоял позади нее. В голосе его слышалось отвращение, и сказал он это чуть громче, чем нужно.

— Интересно,— пробормотала Джованна, не отрывая глаз от прекрасного лица. И чуть тише и быстрее прошептала: — Она не колдунья!

— Конечно, нет. Ведьмы не бывают красавицами.

— Она очень красива,— Джованна повернулась к нему.— Выходит, и ты смотрел.

— Я не мог не смотреть,— признался он.— Быть может, поэтому она и не получила свой камень. Ей помешала внешность.

— Может быть,— согласилась Джованна, хотя в душе с этим не согласилась. Ей было очень холодно. Наверное, от ветра, подумала она, и рассвет холодный. Не могло это иметь отношения к женщине в окне. Как бы ни была она прекрасна и странна, и грустна, как белая птица, запертая в клетку. Ее заботы не касались Джованны. Джовану из братства не было до нее никакого дела.

Джованна опять посмотрела наверх. Глаза леди опустились, и взгляды их встретились. Глаза были спокойные и в этом полумраке казались очень темными. Леди слегка, почти застенчиво, улыбнулась. «Как же так,— подумала Джованна,— она молода». Она была не намного старше самой Джованны и подобно ей — пленница, с тайной, о которой никому нельзя было рассказать.

Лицо Джованны осталось бесстрастно. Она отвела взгляд. Ни в коем случае нельзя поддаваться чувству родства. Это опасно.

Послышался звон встретившихся клинков. Это Хендин пришел сменить Лорика. Джованна поспешила скрыться.

Северный Ветер оседлала живой воздух, позволив ему нести себя. Солнце пригревало ей спину, и она почти забыла о серых стенах Равенхольда, оставшихся внизу. Скоро она проголодается и тогда убьет. А сейчас она была просто свободна.

Оседлавший Бурю лениво кружил под ней. Он, как это было принято, угождал ее прихотям. Крылья его были чернее, чем у ворона, с мерцанием полночи. Глаза — цвета крови, омывающей сердце. Изгиб клюва отличался дикой красотой, когти сильные и уверенные, когда надо было убивать. Возможно, когда придет ее время...

Джованна благодарила богов за шлем, скрывший ее пылающие щеки. Северный Ветер не была леди, она была королевой. Когда она думала о любви, то не тратила время на девичьи глупости. Последнее время она часто об этом думала. Зима уходила из гор, все меньше птиц оставалось в гнезде. Скоро Северный Ветер выберет себе друга жизни и начнет растить птенцов.

Возможно, Элмери знал, что делает, когда послал Джованну охранять Равенхольд. Соколице, сидящей на гнезде, не место среди боевых сородичей.

«Я не сяду на гнездо,— сказала сердито Северный Ветер,— до тех пор, пока не выберу. Я не какая-нибудь пустоголовая птица, чтобы находиться в подчинении у собственного тела».

— Ну, а если твое тело настаивает?..— начала Джованна.

«Мое тело у меня в служанках», — подытожила разговор Северный Ветер. Внизу на вспаханном поле кормилась стая голубей. Она испустила высокий дикий крик. Голуби бросились врассыпную. Она весело рассмеялась, выбрала самого жирного и одним ударом справилась с ним.

Джованна постаралась отвлечься от возбуждения, вызванного убийством. Собственное тело показалось ей на миг чужим: неуклюжим, бескрылым, закованным в кожу и кольчугу. Пони ее слегка нервничал и тряс головой. На земле лежали три голубя, ставшие добычей Северного Ветра. Еще один, отчаянно махая крыльями, старался удрать, но она спокойно ждала нужного момента. Оседлавший Бурю записал на свой счет двух. Лорик уложил их в мешок, но сокол принес и третьего, а потом неохотно уселся на шесток, что был на седле Лорика. Но быстро

соскочил, когда Лорик выпотрошил последнюю птицу и накормил его потрохами.

— Какие свирепые у вас птицы,— сказал незнакомый голос,— и какие великолепные.

Джованна сразу поняла, что приблизившаяся к ним лошадь принадлежала замку, потому что одетый в кожу всадник не был братом. Она мельком отметила красоту лошади и искусство верховой езды и тут же отвлеклась. Но низкий приятный голос вернул ее в действительность. Даже костюм для верховой езды не мог скрыть пола подъехавшего к ним наездника. И ее имени. В Равенхольде не было второго такого лица.

Джованна не поздоровалась. Она спешилась, подозвала к себе Северный Ветер, выставив кулак. Затем свистнула и произнесла одно слово — как они обычно делали перед чужаками — и все добытые птицы были собраны, а она уложила их в мешок. Повернувшись, она увидела, что госпожа Гвенлиан стоит между ней и ее пони. Джованна молча обошла ее и усадила Северный Ветер на шесток, пристроенный сбоку.

Леди это совершенно не обескуражило.

— Как прекрасна эта птица,— сказала она.

Джованна сжала зубы и начала потрошить голубя. Леди не побледнела и не удалилась, как на это надеялась Джованна. Напротив, она с интересом смотрела, как Северный Ветер приняла как заслуженную награду сердце и печень.— Ваш сокол прекрасен. Это что, новая порода? Я никогда такого не видела.

Джованна выругалась. Но не Лорик.

— Она,— сказал он, холодно указывая на ее ошибку,— самка сокола. Те, кого вы видели, самцы. Соколы,— он чуть помолчал.— Быть может, миледи хочет, чтобы ее проводили до апартаментов?

Джованна бы рассмеялась, если бы чувствовала себя свободнее. Ей казалось, что эта женщина, будучи женщиной, да к тому же ведьмой, могла тотчас обо всем догадаться. Как будто она могла видеть, что находится за кожей и сталью.

Все дело в том, что она одинока. Джованне не надо было обладать познаниями в магии, чтобы понимать это. Все было написано на лице госпожи Гвенлиан. Возможно, она испытывала отвращение к башне, а здесь для нее представился удобный случай — проявить ум и женственность, показать красоту двум сокольничьим, охотящимся за дичью.

Она улыбнулась Лорику. В улыбке этой не было ни капли жеманства. Улыбка была красивой.

— Миледи может только приветствовать желание проводить ее.

— Мы охотимся, — без обиняков сказал Лорик.

— Тогда, быть может, вы поедете вперед, а я за вами. Давно уже я не выезжала с соколом.

Лорик явно колебался. Леди была очень красива, а он — очень молод, и в душе он вовсе не был таким женоненавистником, каким хотел казаться.

— Охоться, — быстро вмешалась Джованна, прежде чем он успел что-то сказать. — Я провожу леди домой.

— Я что же, отбившаяся от стада телка, что меня надо сопровождать до хлева? — вспылила леди Гвенлиан. Оскорбленная, со сверкающими глазами и дрожащим от волнения голосом она выглядела уже не глупенькой красавицей, а земной женщиной. Тем более опасной она казалась.

— Да вы ведь женщина, — говоря это, Джованна испытывала бессмысленный ужас, а прозвучало так, словно она выплеснула ненависть, смешанную с презрением.

Лорик был несколько мягче.

— Когда соколы охотятся, им лучше не отвлекаться.

Оседлавший Бурю расправил крылья и зашипел. Это он так смеялся.

У Северного Ветра терпения было меньше. Она слетела со своего шестка и запустила когти в крестец милединого жеребца. Животное всхрапнуло, рванулось и понеслось опрометью.

Джованна хотела было помчаться вслед, но соколица, установив с ней мысленную связь, заставила ее остаться

на месте. Тропа, по которой мчался жеребец, вела прямо к замку, а всадница твердо сидела в седле. К тому же он уже сбавил скорость под ее рукой.

Северный Ветер преспокойно вернулась на свой шесток и пригладила растрепавшиеся перья.

«Ну, а теперь, — сказала она по-соколиному, — мы, наконец, можем охотиться?»

Оба шлема повернулись лицом друг к другу. Джованне очень хотелось рассмеяться, а, может, завыть. Лорик поднял руку, отдав сигнал воина «Вперед».

— Вперед, — согласилась Джованна. Потом разберемся с соколиной откровенностью. День шел, а у них пока недостаточно было дичи, чтобы наполнить общий котел. Она подстегнула пони, и он перешел на рысь.

Санкции за то, что от нее так бесцеремонно и унизительно избавились, госпожа Гвенлиан, казалось, не намерена была требовать. Больше она к Джованне не подходила. Раз или два Джованна видела ее в окне башни, но она ее не окликала, а Джованна и не давала ей к тому повода. Постепенно инцидент начал терять остроту, хотя Джованна все еще не могла спокойно посмеяться над случившимся. Она об этом никому не рассказала. Лорик, как она заметила, тоже промолчал. То ли это был слишком мелкий эпизод, а может, наоборот, слишком крупный, чтобы обсуждать его в караульной.

А потом Джованна совсем позабыла об этом. Ей опять каждую ночь снился все тот же сон: сокол, охота, убийство, и ужасная внезапная пустота в лучистых глазах. Однажды она с криком проснулась. Лорик, оказавшись рядом, пытался успокоить ее. Первым инстинктивным желанием Джованны было приникнуть к нему. Но, опомнившись, она изо всех сил отпихнула его от себя, так что он, отлетев, свалился на кровать Хендина, вызвав переполох у спящих в комнате мужчин и соколов. Не выспавшись, они не намерены были простить Джованне ее вину. Она же была почти рада наказанию: трехдневной работе на конюшне. Она могла спать на сеновале, на последнем

в этом сезоне сене, видеть сны и не бояться потревожить кого-нибудь, кроме самой себя.

На третий день наказания Джованна стояла на верху навозной кучи. Солнце било ей в глаза, тачка оттягивала руки. Так как она уже перестала беспокоиться, что ее кто-то увидит, то отпустила тачку. Та закувыркалась вниз по склону. На Джованну нашло маленькое сумасшествие, и она прыгнула вслед за тачкой. Внизу ее ноги коснулись не только чистой земли, но и угодили во что-то живое. Она испуганно отшатнулась и чуть не упала. Чья-то рука схватила ее.

Лорик тут же отпустил ее. Он старался быть по-сокольничьи строгим, но губы невольно дрогнули.

Она постаралась спрятать собственную улыбку.

— Я не хотел ударить тебя,— сказала она.— Той ночью.

Они замолчали.

— Я... — начали они оба. И опять замолчали. А потом оба засмеялись.

Джованна первая взяла себя в руки. Она подняла тачку и взялась за ручки. Лорик остановил ее. Он мгновенно посерьезнел. У него была такая особенность.

— Подожди. Я действительно хотел прийти сразу, но Гэвин запретил мне.

— Да, декуриона* надо слушаться,— вежливо согласилась Джованна.

— Я сказал ему, что я начал это.

— А он сказал, что я применил насилие,— Джованна привела тачку в вертикальное положение и облокотилась на нее. Она невольно зевнула.— Да ладно, Лорик. Все прошло.

— Да вряд ли,— он оглядел конюшню, пахучий холм, тачку.

— А сны тебя все еще мучают.

---

* decurio лат.— начальник отряда из 10 всадников. *Примеч. переводчика.*

Джованна очень медленно распрямилась.

— Да у меня был всего один такой сон.

— Да, как же,— выпалил он.— Это у тебя каждую ночь, без счета. Я смотрю, ты вообще стараешься не спать, если только дремота тебя не одолеет, а потом ходишь, как привидение, с синяками под глазами. Ты так и в самом деле превратишься в привидение, если будешь есть по ложке в день, да и то, пока кто-нибудь ее в тебя не запихает.

Джованна смотрела на него во все глаза, а он — на нее. В его темных глазах вспыхивали золотые огоньки. Она могла понять гнев или нетерпение. Но не это взволнованное красноречие.

Он сжал челюсти. Брови сошлись над переносицей.

— Черт возьми, Джован,— воскликнул он.— Что у тебя внутри, если ты не можешь доверять своим братьям?

— Мужчина должен быть сильным,— спокойно ответила она.— Он не ходит плакаться к мамочке после каждого кошмарного сна.

— Но он и не нянчится со своими неприятностями до тех пор, пока они его не добьют.

— Отчего ты решил, что можешь мне помочь?

Она рассчитывала, что ее вопрос вызовет у него ненависть. Но ведь это же был Лорик.

— Может, и не смогу,— сказал он с абсолютным спокойствием.— А вот Оседлавший Бурю думает, что мне следует попытаться.

— Оседлавший Бурю просто курица-наседка.

Он свалил ее и уселся сверху. Сделал он это беззлобно и без особых усилий.

— Никогда,— сказал он мягко,— никогда не говори плохо о моем соколе. Ты нарушаешь его сон. Он требует, чтобы я тебя излечил. Потому, говорит он, что у тебя соколиная душа, и королева выбрала тебя.

Джованна положила его на спину, оседлала и сердито посмотрела сверху.

— С чего ты взял, что можешь мной распоряжаться?

Лорик пожал плечами.

— Разве я могу понять логику сокола? Я и тебя-то не могу понять. Что-то тебя убивает, день за днем. А ты отказываешься и слово сказать.

— Да уж соколы-то наверняка знают, — горько сказала она.

— Они говорят лишь, что ты спишь, а сны у тебя мрачные.

Она сошла с него и замкнулась. Секреты. Так много секретов. И никто... никто...

Она мотнула головой. Голова болела.

— Да, сны мрачные, — подтвердила она. Голос ее охрип и казался чужим. У нее даже царапало в горле. — Правда, у меня только один сон. Моя птица охотится. Убивает. И между нами нет связи. Никакой, — она посмотрела наверх. Лицо ее было спокойно, а губы растянуты в деланной улыбке. — Понимаешь? Вот и весь сон. Так что твоему соколу не о чем беспокоиться, да и... — она помедлила. Слово все-таки выскочило, — да и другу — тоже.

Она замкнулась. Он долго молчал, даже не смотрел на нее. Он сел и обхватил колени. Слегка нахмурился. Когда же заговорил, поначалу казалось, что разговор этот не имеет никакого отношения ни к сну, ни к дружбе.

— Сегодня утром Гэвин разослал сообщение через побрякушки. Было сражение. Элмери с братьями были в авангарде. На них устроили засаду. И их... их здорово побили.

Джованна сидела, не произнося ни слова. Лорик внимательно рассматривал слой пыли на своих бриджах.

— Здорово, — повторил он, как бы самому себе. — Нападавшие были не какие-то бандиты. Нет, их было много, и они были очень искусными воинами. Элмери считает, что это перебежчики из Карстена. Нацелились на нашу долину. Мы заплатили слишком большую цену. Потеряли половину братьев убитыми или ранеными. И соколы... — голос его прервался. Такого с ним не случалось с самого избрания. Он сердито мотнул головой, разозлившись на собственную слабость. — Врагу нужны

были соколы. Это было неожиданно, жутко. Без всякого предупреждения, наши люди были взяты врасплох. Как только началась стрельба, соколы стали неуправляемы. Связь с ними нарушилась. Как будто ее ножом обрезало. Неожиданно и полностью.

— Колдовство,— Джованна даже сама не заметила, как произнесла это слово.

Лорик кивнул.

— Да, колдовство. Сильное, но не настолько, чтобы иметь долгое воздействие. Только первые моменты. Но большего им и не надо было. К тому времени, когда подоспели люди лорда Имрика, дело было сделано, а враги скрылись. Никто не замешкался. Остались лежать только наши мертвые, с крыльями и без крыльев.

— Элмери? — прошептала она.

— Жив. Стрела оцарапала ему руку. Яда не было. Соколы, что остались в живых, остаются со своими избранниками. Но связь, говорят, уже не та, что была раньше. Вроде разбитого горшка. На склеенном горшке все равно остаются следы.

Джованна долго молчала. Потом осмелилась задать вопрос: — Сколько?

— Тридцать соколов. Десять человек.

Джованна закрыла глаза. Тридцать. А было пятьдесят. В Равенхольде бездельничали десять. Остались только десять. Из пятидесяти соколов только десять. Двадцать мужчин остались в живых, десять душ отлетели, подстреленные чужеземными стрелами.

Она считала себя ветераном, испытанным в сражениях, приученным к ужасам войны. Дурой же она была. Ребенком. Ей еще не приходилось видеть, чтобы сокол погиб, а его товарищ остался в живых. Мужчины... да. Но их пернатые братья всегда умирали вместе с ними. Это было для нее большим горем, но необычного в том не было. Она могла его пережить.

В данном же случае произошло нечто невероятное. Она, почувствовав дурноту, сложила руки на животе, стараясь удержать ее там любой ценой.

— Мертвые — счастливцы, — сказал Лорик. — Живые — калеки, большинство. Некоторые сошли с ума. Риван покончил с собой.

Он сказал это спокойно, холодно, как если бы он и в самом деле был таким, каким считали их иноземцы: холодным и бессердечным, человеком из кожи и стали. Но такова была манера сокольничих. Глаза его горели сухим огнем, лицо словно изваяно изо льда, только шрам, полученный им при избрании, был живым на этом мертвом лице. А ведь он только что смеялся с Джованной, сносил от нее грубость, переживал из-за ее мелких неприятностей.

Он словно угадал ее мысли.

— Так что, видишь, Джован, тебе снился верный сон.

Она медленно покачала головой. Не отрицая его слов, она отказывалась от толкования сна, как бы ни была раздираема, перекошена ложью, в которой ей приходилось жить. У нее был дар. Она знала это. Джованна стала бы ведьмой, живи она в Эсткарпе и надумай посвятить себя этой древней науке; впрочем, и закон Сокола был не менее древним. Но ведь она обладала даром предвидения, она видела, что произойдет, и не обратила внимания, хранила в тайне, как и все остальное. Из-за ее преступного недомыслия столько погибло...

Она все качала головой, не думая, как выглядит со стороны, пока Лорик не схватил и не потряс ее. Она взглянула на него и подумала, что он смелый и странный брат. Ему всегда хотелось дотронуться до нее, и хотелось, чтобы и до него дотронулись. У этих сокольничих было сердце. Они могли любить, и любили, часто и свободно, по-своему, сурово. Человек и сокол, брат и брат, солдат и капитан, иногда мужчина и мужчина, хотя все это было не так просто, как могли бы подумать посторонние. Но они не часто соприкасались плоть с плотью. Как их соколы, они соприкасались на расстоянии.

Джованне стало больно. Лорик тут же снял пальцы с ее плеч, но боль все еще оставалась.

— Ради всего святого, — воскликнул он, — прекрати!

Она с трудом глотнула. Горло болело. Но в голове неожиданно прояснилось. Она услышала свой голос, доносившийся издалека.

— Что будет делать Гэвин?

— Отправит пятерых братьев, чтобы они сделали все, что смогут. Но не... — с горечью добавил Лорик, — не нас, пятерых младенцев. Мы остаемся с Гэвином и продолжаем защищать добродетель миледи.

— Шоу, — повторила Джованна. Она стала смеяться.

В этот раз Лорику пришлось ударить ее. Она его пугала. Никогда еще он не видел ее в таком состоянии. В этот раз она была настоящей. Женщиной и ведьмой, но он и не догадывался об этом. Она уже подумывала о том, чтобы признаться ему, думала раздеться перед ним. Но эта сумасшедшая мысль быстро прошла, и она обрела прежнюю сдержанность. Она уселась, и лицо ее приняло нормальное выражение.

— И в самом деле шоу. Мы обязаны его продолжить.

Что-то было не так. Возможно, она была слишком спокойна.

— Что ты говоришь? — быстро и яростно спросил Лорик.

Она ничего не ответила. В ее мире, так плохо связанном, все время что-то распускалось, оттого что она была женщиной, оттого что она могла бы стать ведьмой...

— Нет, — услышала она вдруг слова Лорика. — Не может быть. Не мог же ты сй позволить запустить в себя когти.

Это была молитва. Он хотел поверить в это. Он страшно боялся того, что это не так. Он ждал, когда она сознается в том, что делила ложе с миледи.

На дне души ее, под истерией, еще оставался запас полного спокойствия. Она сказала:

— Она никогда не смогла бы соблазнить меня.

— Как бы не так, — возмутился он. — Ведь она красавица. Она ездит на лошади как мужчина; знает, как управляться с мечом, она...

— А откуда тебе все это известно?

Он замолчал. Даже под густым загаром было видно, как покраснели его обветренные щеки. Тонкая полоска шрама заалела.

— Но я же ведь не слепой и не глухой. И я мужчина не менее тебя.

Джованна так прикусила губу, что брызнула кровь.

— Лорик, я никогда не пожелаю ее, я не могу, — глаза его недоверчиво блестели. Она сказала правду ему в лицо.

— Я не могу! Я не... я не испытываю склонности к женщине.

Наступило молчание. Лорик побледнел. Рука его протянулась и отдернулась.

— Я... — он проглотил. Мотнул головой. Брови его сдвинулись, как от боли. — Поэтому ты и отказался стать моим братом по оружию?

Чуть подумав, она кивнула. Она не могла смотреть на него. Щекам ее было жарко; внутри все корчилось.

Он не сказал ничего насмешливого. Некоторое время он вообще молчал. Затем легонько тронул ее за плечо.

— Ты знаешь, кем я являюсь, — сказал он. — И кем я не являюсь, — он помолчал. — Согласись стать моим братом по оружию.

Она подняла голову. Это было больше, чем извинение. Она знала, о чем он просил, и о чем не просил. Однажды она ему отказала, потому что думала, что провалится на избрании. Теперь она уже была избрана. И теперь она была уже более женщина, чем тогда. Он же был... очень...

Молод. Слеп. Глуп. И дорог ей. «Да!» — кричала она в запертой крепости своего сердца. Она была совершенно одурманена своим братом, и это было всегда, с тех самых пор, как она его увидела стоящим в ученической казарме, неуклюжего, запачканного и уродливо-прекрасного, похожего на неоперившегося сокола. Это был ее первый ужасный день в Соколином Гнезде, когда она каждую минуту ожидала разоблачения и гибели. А он перед этим только что подрался с Керреком. Тот сидел, скорчившись в углу, и обтирал окровавленное лицо. Но Лорик обошелся очень мягко с невеньким, морским ребенком, по-

здно поступившим в братство. Он сказал, что и сам тоже морской ребенок, и сказал, что будет ее другом. Ее братом. Защитником и защищаемым, готовым поделиться с ней всем, что имеет.

Он не был мужчиной для мужчин. Он мог быть мужчиной для женщин. В то время как она...

— Да,— сказала она, бросая вызов судьбе и своему телу.— Да, я буду твоим братом по оружию.

Увидев, как осветилось его лицо, она захотела бросить все и бежать. Она вынула из ножен меч, он сделал то же самое. Потом они сделали разрезы и прижали запястье к запястью, кровь к крови. Он был спокоен. Она старалась не шататься. Происходило нечто большее, чем кровь и обещание вечной дружбы. Что-то могущественное, чему она не могла дать определения.

— Меч и щит,— сказал он медленно и торжественно,— кровь и хлеб и Крылатый лорд над нами: будь моим братом, и сердцем, и рукой, в жизни и в смерти, до конца света.

— Меч и щит,— повторила она спокойно, потому что ею управляла гордость,— кровь и хлеб, и соколиные королевы, будьте моими свидетелями: будь моим братом, и сердцем, и рукой, в жизни и в смерти, до конца света.

— Да будет так,— сказал он, вкладывая свой меч в ее руку.

Она вложила свой меч в его руку.

— Силами Воздуха, да будет так.

Воздух стал неподвижен. Запах Силы медленно растаял. Лорик, кажется, ничего этого не почувствовал. Ее меч лег в его ножны, и он улыбнулся ей чуть смущенно, чуть озорно. Но слова его были весьма деловиты.

— Братьям нужны будут лошади. Ты здесь уже все закончил?

— Да, все в порядке,— ответила Джованна. Он повернулся, и она последовала за ним в пахучую темноту конюшни.

С высоких пастбищ Равенхольда земля казалась совершенно мирной. Ни войн, ни Великой Перемены, ни

грабителей в горах. Ни убийства соколов. Даже здесь, даже через столько дней, сколько пальцев у нее на руке, память не могла задерживаться на этом событии и обходила острые углы. Она пыталась увидеть закономерность. Замысел, план, в центре которого было уничтожение сокольничьих.

— Но почему? — громко восклицала она.

Почему? Эхом откликались горы. Почемучемучемучемучему?

Северный Ветер оттащила ее от края пропасти, имя которой отчаяние. Она летала слишком высоко даже для сокольничьего. Серебристо-белое тело сливалось с облаками. «Приближается всадник», — сказала она.

Пони Джованны пасся на лугу, пощипывая молодую траву. Она не стала его подзывать. С камня, на котором она сидела, виден был длинный склон, катившийся к узкой горловине долины. Солнечные лучи, просачиваясь через облака, отбрасывали на нее тени.

Среди зелени появилась новая тень. Привязанная к земле, она двигалась со скоростью лошади. Джованна разглядела ее, когда она стала ближе.

Это была госпожа Гвенлиан в женском костюме для верховой езды. Юбка ее, специально разделенная надвое, свисала на бока серого жеребца. Он очень точно остановился на краю тени, падавшей от Джованны. Всадница глянула вниз на лицо, не скрытое маской.

Джованна не стала отворачиваться. Пусть смотрит. Теперь ей было все равно, раз какая-то Сила пожелала уничтожить соколов.

— Вы, — сказала медленно леди. — Вы не...

Джованна не дала ей продолжить.

— Они убивают соколов, — сказала она. — Вы понимаете, что это значит для нас? Вы хоть можете это представить?

Гвенлиан соскользнула с седла. Из-под прекрасных нахмуренных бровей пристально смотрели глаза.

— Я думала, вы все... — она запнулась, резко качнула головой, будто желая отогнать тяжелую мысль. — Кому

понадобилось уничтожить ваших птиц? Кому это выгодно?

— Если бы я знал это, то не сидел бы здесь без дела, оплакивая своих братьев, — в мозгу Джованны начало слегка проясняться. Такой разговор был опасен. К тому же опасно так близко подходить к женщине, которая не так слепа, как мужчины. И все же находиться рядом с ней было как-то уютнее. Она испытывала почти облегчение: расслабление всех стяжек, что связывали ее мозг и тело.

Леди уселась на траву. Она обладала искусством красоты, как Элмери — искусством воина. Это было заложено в нее природой и происходило бессознательно.

— Существуют способы узнать, кто угрожает вашим людям, — сказала она.

Джованна встретилась с ней взглядом.

— А вы, госпожа, не колдунья?

— Сестринская община не может обладать всей мировой силой.

Джованна неожиданно для самой себя весело рассмеялась.

— Разумеется, нет! Хотя им бы хотелось, чтобы ваши люди думали по-другому. Они ведь вас учили, да? И потерпели поражение, прежде чем вы успели в полной мере овладеть Силой.

— Я оставила их, — сказала Гвенлиан. — Я не хотела связывать себя, а они хотели меня связать.

— Я слышал, что удовольствия тела приятны.

Леди слегка покраснела, но решила не обижаться.

— Дело не только в этом.

— Разумеется, нет, — Джованна провела рукой в перчатке по траве. — Я был бы глуп, если бы вам доверился. Вы женщина, вы готовились стать ведьмой. То, чем дорожите вы, и то, чем дорожу я, все равно что волк и снежный барс. Непримиримые враги.

— Нужно ли им быть врагами?

Джованна глянула на нее. Непохоже, что она притворяется.

— Допустим, я вам поверил. Что вы можете сделать?

— Возможно, больше, чем вы думаете. А что требуется сделать?

— Что-то убивает соколов. Что-то такое, обладающее Силой. Нам необходимо найти его, назвать и, если возможно, уничтожить.

— Довольно просто, — слегка развеселилась леди. — Я не обладаю Силой подлинной ведьмы, но искать и находить я умею неплохо. Если я найду, то вы, смелые воины-меченосцы, сможете и уничтожить.

— Зачем вам беспокоиться?

Гвенлиан пожала плечами. Она казалась совсем юной.

— Жизнь моя весьма тосклива. Брата моего в некоторых отношениях трудно назвать нормальным. Я ему потакаю, потому что люблю. Но что бы он там себе ни думал, он мне не хозяин, — в голосе ее послышался металл. Джованна согласилась, кивнув головой. Леди тоже ей кивнула в свою очередь. — Я привыкла верить не ушам, а глазам, и тут уж ничего не поделаешь. Ваши соколы, как мне подсказывает сердце, не просто тренированные птицы.

— Они намного больше этого, — подтвердила Джованна. Она подняла кулак. Северный Ветер тут же уселась на него. Леди сидела очень тихо: должно быть, она помнила, что случилось в прошлый раз. Джованна слегка улыбнулась. — Если уж вы хотите войти со мной в союз, придется вам также поладить и с моей сестрой.

Гвенлиан смотрела на белого сокола больше с удивлением, нежели с недоверием. Северный Ветер удостоила ее единственным взглядом и переместилась к Джованне на плечо.

«Она нужна нам, — сказала соколица без всякого, впрочем, удовольствия. — Она может охотиться там, где не можем мы; ее небольшая Сила может незаметно искать там, где наша большая сила спугнет добычу. Скажи ей то, что я говорю тебе».

Джованна передала слова птицы. Леди не понравилось такое суждение о ее способностях, но она все же сумела улыбнуться.

— Белая королева так же пряма в разговоре, как и в манере охотиться. Если она будет обижать меня, я обижу ее, — она встала и встряхнула юбки с видом человека, готового к битве. Потом протянула руку. — Ну, сокольничий. Решено?

Джованна помедлила. Северный Ветер мудра, она намного дальновиднее любого человеческого пророка. Но все же это все казалось ей сумасшедствием. Что могут они предпринять против Силы, которая сумела погубить целый отряд сокольничих?

Они могли отыскать ее, посмотреть ей в лицо, а там... будь что будет. Она взяла леди за руку. Рука была мягкой, ухоженной, и в то же время сильной.

— Решено, — откликнулась она. Потом, к изумлению Гвенлиан, улыбнулась. — Братья будут напуганы.

— А вы?

Джованна рассмеялась и ничего не ответила.

— Есть место, — сказала Гвенлиан, — где мы должны искать особенно тщательно.

Джованна, поколебавшись вначале, теперь уже не сожалела о своем намерении. Она уселась на пони, а Северный Ветер снова взмыла в воздух. Солнце заходило. Они следовали за Гвенлиан по столь крутым тропам, что даже пони, привыкшему к горам, было трудно. Военные действия развертывались на востоке. Леди Вианна бежала тоже на восток. На востоке происходили разные таинственные истории. Восток ассоциировался со старыми, старыми страхами.

Джованна натянула вожжи и повернула пони обратно. Что она делала? Ведь у нее был приказ: патрулировать и защищать землю. Она не имела права уходить с дежурства.

Пони заскользил, споткнулся. Пальцы ее ослабили вожжи. Впереди нее трусила собственная тень, а перед тенью — ее гид. Она заставила себя следовать за ними.

Восхождение наконец-то закончилось. Они вышли на высокую каменистую поверхность. Колдовства там никакого не ощущалось, за исключением магии, которая

всегда живет в горах: магия ветра и воздуха, дикая магия, магия земли, встречающейся с небом. Магия соколов. Издав высокий восторженный крик, Северный Ветер набрала неимоверную высоту и камнем полетела вниз. Над головой Джованны, на высоте, не превышающей человеческого роста, она остановила падение и скромно уселась на шесток в седле. Широко раскрытые от изумления глаза Гвенлиан она проигнорировала.

«Начинай», — сказала она на соколином наречии.

Миледи не потребовалась подсказка. Она оставила свое седло, прихватив с собой седельные сумки. Поставив их на землю, она порылась в них, пока не нашла то, что искала: лозу, пакет с травами, низку бус цвета летнего неба. Она слегка улыбалась, хотя была не столь уверена, сколь могла бы.

— Все просто. Это сделает даже ребенок, если его научить.

Джованна медленно кивнула. У женщин сокольничих магия была скорее внутреннего свойства. Много украшений им не требовалось, в многочисленных ритуалах они не нуждались. Она наблюдала за Гвенлиан, которая кружила со своей лозой по горной вершине. Она запечатывала магический круг травами и шептала какие-то слова. Джованна почувствовала, как маленькое пространство стало наполняться древней Силой. Жеребец заржал, и она, вздрогнув, стала успокаивать его. Он пошел в сторону, отыскивая жидкую травку, росшую среди камней.

Гвенлиан сошла с края круга и, дойдя до центра, опустилась на колени. Движения ее стали медленнее, на лбу выступил пот. Она отмахнулась от Джованны.

— Нет, нет, пустяки. За Силу надо платить. Сейчас — совсем немного. Оставайтесь поблизости, присматривайте за мной. Если я не поднимусь, когда выйдет луна, заставьте меня. А до этого момента до меня не дотрагивайтесь и не пугайтесь, что бы вы ни увидели.

Джованна опять кивнула, более резко. Губы ее плотно сжались. Чуть не с младенчества Джованну заставили верить в Силу другого. И Сила эта исходила даже не от ее

рода. Заклятия, колдовство, бусы и порошки, и шарлатанство, а заправляла всем этим враг сокольничьих — колдунья, которая к тому же струсила и сбежала с испытания.

Да нет. Не струсила. Просто она очень хотела быть свободной.

Гвенлиан стояла, повернувшись спиной к высокому камню, а лицом — к восточному небу. Она не только сформировала свое тело, она и мозг свой сформировала. Обернув голубые четки вокруг пальцев, она поглаживала их, концентрируя на них свое внимание. Лицо ее с закрытыми глазами ничего не выражало.

Она собирала Силу. Процесс шел медленно, много медленнее того, чем хотелось Джованне. В нем была и сладость, и твердость стали, и яростная сосредоточенность на себе, напомнившие Джованне о кошках. Это не было недостатком волшебницы, главное, чтобы она смогла управлять этим процессом.

Сила Гвенлиан сняла барьеры в душе Джованны. Она и не подозревала, что Джованна сама призвала ее. Заглушки поднял призрачный кот с глазами-лунами. Он шел вперед, вслед за стеной света. Открылись ворота, кот вошел в них, и свет вместе с ним. Кот постоял, подняв голову, словно прислушиваясь. Мир стал совсем странным. По затемненной земле ходили сны, воспоминания, призраки, демоны, мерцания чужой Силы. Кот не обращал на все это внимания. Он искал нечто более существенное. Палача соколов. Того, кто порвал связь; он разыскивал врага братства.

Джованна вместе с тенями ходила следом за котом. Частично она все еще находилась во внешнем мире, глаза и мозг стояли на страже против опасностей, угрожавших телу. Она видела, как садилось солнце. Ощутила поднявшийся вдруг ветер, резкий и холодный. И она ходила за леди и наблюдала, загораживаясь от любой Силы, которая могла выйти на охоту.

Хвост кота дрогнул: колдунья напряглась. Джованна нырнула в глубокую тень. Кот напал на запах. Джованна сосредоточила все свое внимание. Ей не следует тут же

кидаться на предложение. Она должна доверять союзу и своему союзнику. В таком союзе было мало логики: при соблюдении его она должна была по меньшей мере проявить благоразумие.

Даже когда она подумала об этом, голова у нее закружилась. Что-то вышло из тумана, огромное и древнее. С человеческой душой у него не было ничего общего. Оно было связанное, но и несвободным назвать его было нельзя. Как молодой сокол, оно летело так далеко, как могло, и делало то, что хотело, но лишь в пределах, заданных связью. И ему хотелось порвать эту связь. Это была Сила воздуха, крылатое создание, пойманное сетью, подчиненное чужой воле.

Человеческая воля.

Выпущены огромные когти. Гвенлиан рванулась бежать. Слишком поздно, слишком медленно. Джованна подхватила ее мозг и тело. Двое — это слишком много. Ей не выдержать...

Земля провалилась под ними. Они за что-то зацепились: мозг запутался в теле, а тело — в пустоте, рвущейся, как древний шелк.

Джованна задыхалась. Она была слепа, глуха, мертва.

Что-то шевельнулось рядом. Бледное пятно приняло ясные очертания и превратилось в слабо освещенное лицо. Она глупо уставилась на него. Лорик. Какое отношение имеет ко всему этому Лорик?

Потом обзор ее расширился. Гвенлиан шевелилась на расстоянии вытянутой руки. Северный Ветер и Оседлавшего Бурю она не видела. Но белая птица была у нее на уме, и она схватилась за нее в панике, не предлагая ничего, кроме присутствия.

Этого оказалось достаточно. Она села, проглотив горечь, скопившуюся во рту. Голова кружилась. Это была уже не вершина горы близ Равенхольда. На той вершине осталась лишь Сила, вызванная Гвенлиан. А здесь было место настоящей Силы. Она ощущала это всем телом.

Все было довольно просто: камни, уложенные в кольцо, а в центре — еще один камень. Он был старше других,

хотя и те были древними. Им придала форму и обточила чья-то искусная рука. Цвет у камней был какой-то неопределенный. Возможно, синий. Или зеленый. Или цвет молодой луны. Главный камень на первый взгляд был таким, каким его создала природа. Но нет, и ему тоже была придана форма. А как давно это было, Джованна не стала и докапываться, но форма эта показалась ей странно знакомой. Вроде бы... ну да... похож на крылатое существо. На птицу, с клювом, с когтями... крылья наполовину расправлены, словно она хочет вырваться из своей тюрьмы. Камень светился. Пожалуй, для цвета этого свечения человек пока определения не нашел.

Сила была не от Тьмы. Но и не от Света. Она была где-то за, а может, и под ними. И была она огромной.

Тем временем начали подниматься и остальные. Лорик встал на ноги еще прежде, чем глаза его раскрылись. Рука Джованны помогала ему держаться прямо. Они поддерживали друг друга и смотрели, как Гвенлиан медленно приходит в себя. Увидев двоих, стоявших над ней, она открыла рот, словно желая что-то сказать, и с трудом снова его закрыла.

Колени Джованны подогнулись, и она повалилась наземь, увлекая за собой Лорика. Тот не стал сопротивляться. Взгляд его, однако, не отрывался от ее лица.

— Надеюсь,— сказал он,— что ты знаешь, что делаешь.

Гнев или ужас она еще могла бы перенести. Но недоверие... ей захотелось откинуть назад голову и завыть.

— Что ты здесь делаешь? — гневно спросила она.

— Я шел за тобой,— ответил он.

— Зачем?

— Я думал, что можешь во мне нуждаться.

— Дурак. Ты непроходимый дурак.

— А кто же тогда ты? — парировал он.— Как ты это называешь? Детской игрой?

Глаза ее сузились.

— Ты думал, что я солгал. После всего, что я сказал, после клятвы, ты решил, что я влюбился в женщину.

— Я думал, что ты замыслил что-то не совсем разумное.

Как он изящно уходит от ответа. Джованна уставилась на землю. Правда была для него не такой горькой, как он мог думать, но сознаться в ней она не могла. Это было бы почти предательством. Или, по меньшей мере, сумасшествием.

Леди Гвенлиан нарушила ее малодушное молчание.

— Мы заключили союз, — сказала она, — с тем, чтобы найти Силу, убивающую соколов. И, кажется, мы ее нашли.

— Или, скорее, она нашла нас, — спокойная реакция Лорика удивила и устыдила Джованну. Но, во всяком случае, об этом ему сказала женщина, да еще из Эсткарпа, а у них всякое сумасшествие может оказаться правдой. Он встал и постарался занять устойчивое положение. Потом приблизился к центральному камню. Медленно обошел его. Если бы не светящийся в нем огонь, его можно было бы принять за любой другой камень, безжизненный и Бессильный. Он пошел вдоль окружавших его камней.

При его приближении камни становились ярче. Он пошел медленнее. Потом протянул руку.

Яркая вспышка света бросила его наземь.

Джованна, сама не зная, как, оказалась рядом с ним. В мозгу ее не было и не могло быть ни одной мысли, пока она не дотронулась до него и не узнала, что он жив. Он был контужен, оглушен, но постепенно приходил в себя.

— Стража, — сказал он. — Тюремщики. Но то, что они охраняют, сильнее их. Меня ударило. Если бы не стража...

Если бы не стража, он бы умер.

— Эта Сила хочет, чтобы мы были здесь, — сказала Джованна.

— Для того, чтобы ее освободить, — он сел, держась за голову, будто боясь, что она разобьется. Дыхание его вырывалось с шумом. — Силы! Неудивительно, что нас учат остерегаться колдовства. Я чувствую себя, как вабик, которого клюнул коршун.

— Но, похоже, на красноречии твоем это никак не отразилось.

Повернувшись, они увидели тень за сторожевыми камнями. Говоривший медленно шел мимо них, словно преодолевая сопротивление воздуха. Камни пылали. Он заслонил глаза рукой. Все же он улыбался.

— Какая приятная встреча. Надеюсь, ваше путешествие было не слишком скучным.

Теперь они уже все поднялись на ноги, покачиваясь и моргая.

— Вы, — сказала Джованна, прищуриваясь, чтобы лучше рассмотреть незнакомую тень. — Так это от вашего имени действовала Сила.

Он сделал еще шаг. Теперь она узнала его лицо и его легкомысленный холодный голос.

— В самом деле, сокольничий, — сказал лорд Имрик, — от меня. Я вас тут поджидал.

Собрав волю в кулак, она старалась казаться спокойной. Старалась не смотреть в сторону леди. Что за мысли сейчас у Лорика, она не знала. Учение опять оказалось правильным. Никогда, никогда брат не должен доверять женщине.

Голос Гвенлиан, который раздался за ее спиной, был резок.

— Поджидал нас? Что ты имеешь в виду?

— Сестричка, — молвил лорд Имрик. В улыбке сверкнули зубы. — Ты хорошо сделала. Но мне хотелось бы, чтобы ты сделала еще лучше. Здесь их только двое, да и сокола нет ни одного. Где же остальные?

Гвенлиан встала рядом с Джованной. Джованна, не удержавшись, взглянула на нее. Лицо леди было белым и напряженным, руки сжались в кулаки. Она промурлыкала:

— Ну уж нет, братец. Я не фишка в твоей игре.

— Разве? Ты пришла, когда я того пожелал. Ты оказала большую услугу моему союзнику.

— Да ты сошел с ума.

Она засмеялся.

— Сестренка! Сестренка! Разве это поступок сумасшедшего — искать помощи большей Силы, чтобы укрепить наш дом? Эсткарп уже не тот, что прежде. Ведьмы потерпели поражение; границы открыты; на востоке открылось то, о чем уже давно забыли. Наша земля умоляет, чтобы ею правил сильный лорд.

— Ну а какое, — спросил Лорик с опасной мягкостью в голосе, — какое это все имеет отношение к убийству соколов?

Имрик безо всякого страха посмотрел на Лорика. Он, в конце концов, был всего лишь мальчишкой, да к тому же при нем не было сейчас сокола, его защитника.

— Соколы — это цена, — ответил лорд, — за помощь моего союзника. Он очень привередлив. Ему нужна лишь кровь соколов.

— С чего бы это?

Имрик пожал плечами.

— Он находит в этом удовольствие. Ведь он — Сила Воздуха. И требует дань от своих соплеменников. А цена не маленькая, можешь мне поверить, сокольничий. Пятьдесят твоих братьев, пусть даже это зеленые мальчишки, — не так дешево. Надо было купить фальшивых грабителей, и надо было сражаться с настоящими грабителями. Война наполовину была настоящей, а наполовину ложной... Нет, все было не так легко и просто.

Лорик порывисто шагнул вперед. Джованна попыталась его удержать. Но он уже успел овладеть собой. Он стоял, дрожа, как стрела, попавшая в цель, тонкие ноздри его раздувались.

Лорд Имрик развел руками.

— В самом деле, сокольничий, это было необходимо. Я сделал все, что было в моих силах, чтобы сохранить жизнь ваших людей. Птиц, увы, я спасти не мог. Они редкие, я знаю, и обучение дорого обходится, но мой союзник настаивал. Оно не поможет мне, если я не компенсирую это ему кровью.

— Оно? — спросил Лорик. — Может, это все-таки она?

— Оно,— повторил Имрик и вскинул в изумлении брови.— А, понимаю. Вашим племенем до сих пор руководит этот бессмысленный страх. А я тем не менее вижу вас в компании моей сестры.

Несмотря на легкость тона, Джованна почувствовала, как у нее дыбом поднялись волосы. Этот человек был совершенно равнодушен к гибели ее пернатых братьев. Но проявлять равнодушие к тому, что сестра его, возможно, делила ложе с кем-то из сокольничьих, он никак не мог. Он в этом случае был не благоразумнее бешеного волка. То, что он считал своим, должно было целиком принадлежать только ему. Иное, по его мнению, являлось страшным предательством.

Джованна сложила руки, чтобы пальцы не дрожали и чтобы ненароком не схватить лорда Имрика за горло.

— Никакого отношения к вашей сестре мы не имеем,— сказала она.— Мы просто воспользовались ее Силой, чтобы выяснить, кто ответствен за убийство соколов. Она была очень добра и предоставила нам свою помощь, но, к несчастью, ее в этот момент обнаружили. Если вы освободите ее, то мы, возможно, уладим вопрос о смерти соколов.

— Что! — воскликнул лорд Имрик.— Любезность по отношению к сокольничьему? Потрясающе! Все это сплошное вранье. Сколько ваших людей с ней переспало? Все? Как это все происходило, одновременно? Или по одному?

Гвенлиан стояла вся белая, больше от ярости, чем от страха. Джованна не осмелилась притронуться к ней. Лорд только и ждал от них этого. Тогда бы он пролил кровь сокольничьего с чистой совестью. Джованна встретила его пылающий взор.

— Милорд, ваши страхи беспочвенны. Нам и в голову не приходило позорить вашу сестру. У нас и в мыслях этого не было.

Лорик схватил ее руку. Эта боль, как ни странно, подействовала успокаивающе. Она улыбнулась ему так, чтобы лорд Имрик заметил это.

Казалось, он обратил внимание. Сумасшествие во взоре растаяло. Рот его дернулся в отвращении. Он повернулся на каблуках и подал команду.

В воротах, через которые он прошел, появились вооруженные люди. Они вели пленника. Он казался совсем юным, подростком, маленьким, слабым и бессильным. Но так выглядели все братья на фоне чужестранцев. Сила их происходила не от топора или булавы, а от меча. Стражники затолкнули его в круг, а сами распределились внутри каменного круга.

Он неуклюже упал, бережно прижимая что-то к груди. Когда он перекатился на спину, Джованна увидела клюв, высовывающийся из воротника его рубашки, и безумные алые глаза сокола. Неужели они надеялись, что духовный брат его растерзает?

Джованна упала на колени возле своего брата и капитана. Элмери был связан, как курица для обжаривания на вертеле. Он был неподвижен и находился в полубессознательном состоянии. Возможно, ему дали какой-то наркотик или избили до потери чувств. Лицо его, когда-то гордое, соколиное, как у Лорика, превратилось в месиво.

Она вытащила кинжал, чтобы разрезать веревки. Она почувствовала на себе чьи-то грубые руки, увидела злобные глаза. Они были слишком сильны для нее, как она ни сопротивлялась. С нее стащили воинские доспехи и кольчугу. Потом руки их потянулись к кожаной куртке. Она стала драться по-настоящему.

Она дралась, как сумасшедшая, и у нее, как у сумасшедшей, произошло раздвоение личности. Одна из них билась, охраняя свой секрет, другая в это же время с холодным интересом наблюдала, как растет Сила в центральном камне. Лорика уложили на землю и раздели до трусов. Кожа у него была очень белая там, где его не касалось солнце, и очень гладкая. Как у девушки. Ее кожа, во всяком случае, была не намного нежнее. Он прекратил сопротивление: видимо, больше не видел в этом смысла.

Удар почти лишил ее способности соображать. Она все же старалась не отключаться от действительности. Лорд Имрик, стоя перед камнем, кланялся ему. Он говорил какие-то слова на неизвестном ей языке, однако ей почему-то казалось, что это соколиная речь. Звучала она резко, монотонно, в ней слышалась странная, дикая музыка: ветер, рев бури и упоение убийством.

И все же это была чужая речь. В ней не было любви к соколиному племени. Напротив, она жаждала их крови. Эта Сила не была чистым дарителем смерти, таким как ворон, гриф, черная ворона.

Она была чужой, рожденной не человеком, она не была братом ее пернатых братьев. Родня ее, хозяева и хозяйки Силы, вступили на эту землю задолго до человека. Они и приговорили своего врага к вечному заточению. Но по прошествии многих лет сами они то ли умерли, то ли перешли в состояние, более страшное, чем смерть. Охрана без них ослабела, раз уже в этот круг смог войти человек, обладавший сильной волей. Возможно, им двигало любопытство. А может, заточенная Сила возбудила в нем это любопытство и призвала его. Стоило ему оказаться внутри круга, он стал легкой добычей темной силы. Она пообещала ему все, чего он хотел. Ведь обещания ничего не стоят, зато цена, что она запросила, равнялась освобождению ее из заточения. За это она научила его способу разрушить сковавшие ее оковы. Она уговорила его дать ей то, что было для нее одновременно и пищей, и способом отомстить. Человеческая кровь тоже годилась, но кровь их соколов была намного слаще, и с ее помощью можно было быстрее добиться освобождения.

Джованна осела в схвативших ее грубых руках. Дело было не в одной крови. Связь между человеком и соколом заключала в себе великую Силу. Когда же связь перерезали, Сила эта переливалась в захватчика. Так должно было произойти и с Элмери: разлучить его с соколом, осушить их души, выпить кровь. А что до Лорика и ее самой... раз уж их соколам удалось избежать сетей, ей придется довольствоваться лишь человеческими душами

и кровью. И только потом черная сила наконец, освободится.

В рукс Имрика блеснул нож. Он присел рядом с Лориком. Охранники распластали ее брата по оружию.

— Начнем с тебя, — сказал лорд. — Птица твоя скрывается, ну и пусть. Если уж она не будет нашей, так и твоей она тоже не будет.

Лорик закричал. Высоко в небе эхом откликнулся соколиный голос. Лорик дернулся, лицо его исказила болезненная гримаса. Все его тело словно превратилось в стон. Лорд Имрик поднял нож и прицелился.

Джованна плюнула на свой секрет, на облачение, на все то, чем была до сих пор. Сила ее вырвалась наружу. Имрик отпрянул, охранники побелели. Она же почти засмеялась. Лунная магия. Ну конечно, это она. А луна, хотя и слегка ущербная, еще имела в себе немного силы. Она пила ее, как вино.

Выпустив наружу Силу, она прочитала мысли союзника, который до сих не знал, кем она была на самом деле. Леди Гвенлиан не очень удивилась: «Колдунья, — сказала она, передавая на расстоянии ей свои мысли, как это делают соколы. Я и не догадывалась. Но женщина, да, конечно. С первого момента, как я увидела твое лицо».

Джованна помолчала: «Как?»

«Мальчики редко бывают такими красивыми, — Гвенлиан смеялась. — Да ты не можешь этого отрицать. А женщина узнает сестру, даже в кольчуге сокольничего».

«Сестра, — сказала Джованна, словно пробуя на вкус это слово. И, прежде чем ее покинула смелость: — Ты поможешь мне?»

Ответ Гвенлиан не требовал слов. Сила ее рванулась вперед, и словно твердая рука взяла за руку Джованну.

Сила в камне достигла уже апогея. Она выглядела в глазах Джованны, как огромная ворона. Ворона эта потягивалась и расправляла крылья. В темноте замерцала нить, тонкая, как паутина, и не менее прочная. Свет, падавший на нее, был лунным светом, освещавшим крылья белого сокола.

Нить избежала вороньих когтей. Северный Ветер не приближалась. Джованна хотела, чтобы она вообще улетела, но та не послушалась.

Джованна ударила ворону по месту, оставленному незащищенным. Ворона не то злобно закаркала, не то засмеялась металлическим смехом.

«Посмотри! — вопила она.— Посмотри, что ты наделала».

Тело Джованны охватило холодом. С нее содрали рубашку, слетела повязка, стягивавшая грудь. Небу открылась правда, когда же спустили и бриджи, все увидели полную правду. Охранники улыбались. Радости же лорда Имрика не было предела.

— Клянусь всеми Силами Воздуха! Что у нас здесь такое?— глаза его сузились.— Или в этом и есть секрет сокольничьих?

— Разденьте их догола,— распорядился он.

Она могла перенести свою наготу. Смешки и комментарии ее тоже не удивили. Но то, что братья узнают о ее лжи... этого она не в силах была перенести. Не было в мире милосердия. Они оба были в сознании и все видели. Взгляд Элмери был холодно непроницаем. Лорик...

Лорик... вот чего ей было не перенести. Она даже не могла посмотреть в его сторону.

— Только одна,— сказал Имрик, посмотрев внимательно на каждого и даже потрогав рукой, нет ли обмана. Джованну он обследовал с особенным удовольствием. Вздрогнув, она попятилась от него.

— Ну, ну,— запел он, словно она была пугливой лошадью.— Значит, только ты. Что же я тогда открыл? Чудо? Секрет? Быть может, заговор?

Сила была ее убежищем. Она нырнула в нее с головой.

Гвенлиан уже была там, удерживая их объединенную мощь: «Сила поднимается,— сказала она.— Будь готова».

Ворона выступила против белого сокола, Силы Джованны. Лорд Имрик протянул руки к ее телу. (В Эсткарпе всем было известно, как следует отлучать женщину

от колдовства.) И отлетел, шатаясь. Союзница его распростерла вокруг Джованны крылья Силы: «Моя, — предупредила она его. — Она моя».

— Я никому не принадлежу! — собственным ушам ее показалось, что голос ее прозвучал пронзительно. Голос освободился сам по себе, без ее участия, и был он теперь бесспорно женским.

Свободна. Да. Это странное ощущение развернулось в ней еще сильнее, чем ее Сила или союз с Гвенлиан или сознание опасности. Тот узел, что сидел у нее внутри, несвобода в доспехах сокольничьего, все это ушло. Гвенлиан это заметила, а лорд Имрик, обнажив ее, показал это всем.

Теперь уже не имело значения, что она делала. Жизнь, душа, здравомыслие — все обратилось в ничто. С нее сняли маску. Ей нечего было бояться, и не для чего жить.

Разве только для того, чтобы доказать то, что хотела и начала доказывать. То, что женщина может быть всем, чем является мужчина, и что мужчина может быть таким же предателем, как женщина. У братьев, не признававших никакой Силы, кроме той, что привязывала их к соколу, не было оружия, чтобы сразиться с этим врагом. Это могла сделать только она, хотя бы и плохо обученная.

Этого они ей никогда не простят.

Она давно уже утратила малейшую надежду на прощение, с того самого дня, как она поступила в школу при Соколином Гнезде. Она подтянулась и как бы со стороны услышала собственный смех: легкий, свободный, почти восторженный. Северный Ветер наконец спустилась, а вслед за ней прострелил темноту Оседлавший Бурю, переполненный соколиным гневом. Стражники, удерживавшие Джованну, в панике побежали, спасаясь от смертоносных когтей. Лорд Имрик закричал от поразившей его внезапной боли.

Джованна схватила перчатку, которую они у нее отняли. Северный Ветер немедленно уселась на нее. Оседлавший Бурю кружил над ее головой, а потом спустился к своему духовному брату.

— Ну, — сказала Джованна, — а теперь нам надо покончить с этим.

Она смотрела на камень. Форма его менялась. Сомнений не было: происхождение его было искусственное. Крылья расправлялись, сквозь камень заблестели перья. В глазных впадинах зажегся слабый свет. Ворона оставила пока намерение полакомиться соколиной кровью. Сейчас ей нужна была Сила, ну а потом, на досуге, она свое возьмет.

Сила набросилась на Джованну, так что та упала на колени. Она вонзила когти в ее волю: «Давай. Давай, освободи меня».

Она не просила. Она приказывала. Мозг Джованны наполнился видениями. Воспоминаниями. Снами. Свободой, из далеких-далеких времен. Бескрайнее небо и вольный ветер, и крылья, распростертые надо всем этим. То был лорд великого царства, а воля его — мировой закон.

Но у него имелись враги: быстрые, яростные, с острыми когтями. Воле его они подчиняться не желали. Дерзали летать там, где хотели, охотиться там, где нравилось, осмеливались выражать открытое неповиновение своему законному лорду.

«Нет, не законному, — сказала Северный Ветер чистым, холодным и презрительным голосом, — в нашем роду такого закона нет. С твоей тиранией у нас нет ничего общего».

«Я правил, — ответила ей Темная Сила (подозрительно, что он это терпел), потому что я был самым сильным. Вас время уменьшило, а меня сделало крупнее».

«В злобе, — ответила соколица, — да, не спорю. Ты был маленьким лордом с маленьким мозгом. Таким ты и остаешься».

«Освободи меня, — приказала Темная Сила Джованне. — Верни мне мою Силу. Освободи».

Сила Джованны кровоточила от ран, нанесенных ей древней Темной Силой. Она пила этот поток, медленный, но сильный. Когти Силы готовы были вцепиться и рвать еще и еще.

— Нет! — гневно воскликнул лорд Имрик. — Ты моя. Ты принадлежишь мне. Ты моя!

Огромное создание живо к нему повернулось

— Я твой, — согласился он с большой охотой. — Освободи меня.

— Ты моя, — повторил Имрик.

— Полностью, — ответил он. — Освободи меня.

Имрик сжал челюсти. В руках его билась жизнь, дикая, как сокол, связанная и беспомощная. Нож его, блеснув, разрезал связывавшие ее веревки.

Сокол Элмери, Парящий-на-Ветру, вспорол руку, его удерживавшую, и освободился. Имрик в ярости завопил. Капля крови — неясно, человеческой или соколиной, — дымясь, упала на место заточения Темной Силы. Камень зашатался. Темные крылья ударили по небу. Клюв рубил, словно сабля. Жертва боролась и визжала. Человек в этом ужасном клюве казался жалким насекомым, мошкой, способной лишь частично удовлетворить голод птицы.

Джованна подняла всю Силу, которой обладала. Земля стонала, так как Темная Сила старалась выйти из нее. В душе Джованны царила тишина. Все собрались вокруг нее. Где-то на краю слышно было горе Гвенлиан, яростный гнев ее, яркий, как кровь, смешивался со спокойствием, которому она выучилась в процессе обучения на ведьму. Она была более сильной и умелой, чем думала. Над Джованной парили, словно белый костер, Оседлавший Бурю, Парящий на Ветру и Северный Ветер, самая крупная из троих.

Элмери смутно представлял то, что с ним произошло. Лорик был, словно камень, в когтях Оседлавшего Бурю. Но уже не разлучен с ним. Темная Сила выпустила это из виду, так как всю свою мощь бросила на Джованну. Под влиянием шока Лорик ушел в себя. Бессознательно, подчиняясь только собственной Силе, Джованна притронулась к камню-Лорику. Он сопротивлялся. Она притронулась еще раз. Очень медленно он превратился в тень, а из тени — в свет. Голубой свет, символизировавший Силу заключенного и стражника. Свет слепил, разрастался, до-

тянулся до круга камней-стражников и стал одним из них. Она ощутила на языке сладковатый вкус — их радость, к которой тут же прибавилась горчинка. Стражники, обладавшие Силой и во сне, проснулись. Но медленно, так медленно. Темная Сила освобождалась от их оков. Земля дрожала. Воздух стал едким от молний, и у Джованны запершило в горле.

Ужас отделил ее от собственной Силы. Враг тем временем становился все могущественнее. Он подпитывался ее же энергией и объединенной Силой ее союзников. Сам порыв, объединивший их, служил врагу питательной почвой. Темная Сила намеревалась таким путем высосать Силу своих тюремщиков.

— Вот почему, — прошептала она. — Вот почему они ее заковали. Потому что где бы она ни была, она присваивала себе чужую Силу.

А заманить ее в ловушку, связать, заковать на столетия... какими же сильными были эти соколиные племена. Как много их, должно быть, погибло, как много пожертвовало своей Силой, чтобы заковать врага и заточить его в камне.

Она взяла себя в руки. Постепенно, нить за нитью, она распускала связанные друг с другом Силы и отбрасывала эти нити в сторону. Гвенлиан в недоумении отскочила. Парящий в Воздухе с Элмери вынуждены были удалиться. Камни-охранники вместе с Лориком и его соколом снова воздвигли стену света: так они освобождали Джованну и в то же время, как щитом, загораживали ее от врага. Темная Сила не могла больше питаться ее энергией, так как Джованна отделила себя от союзников.

Только Северный Ветер никак не хотела улетать. Джованна резко осудила ее за это. Она была обузой, от нее исходила опасность. Темная Сила могла увеличить свою мощь за ее счет. Ей следует быть благоразумной. Пусть она оставит Джованну. Ей хватит силы для осуществления задачи.

Возможно.

Северный Ветер, королева соколов, одновременно и сознавала разумность доводов, и ненавидела их, однако в конце концов ей пришлось уступить. Ярость птичьего гнева добавила Джованне смелости. Нить, связывавшая их, осталась. Джованна не могла, не смела оборвать ее.

Врагу же угрызения совести были незнакомы. Она ударила по нити. Нить прогнулась, обтрепалась, но устояла. Джованна навалилась на врага всей своей ослабленной Силой.

Быстрая и безумная Борьба. Черные крылья окружили Джованну со всех сторон. Еще мгновение, и упадут последние, сдерживающие ее врага оковы. Черная Сила освободится.

Сделав усилие воли, Джованна сформулировала мысль и не выпускала ее. И когда Черная Сила собралась праздновать победу, мысль Джованны вышла наружу. Разрослась. Расцвела. И взорвалась огненной бурей.

III

Джованна умерла.

Но тело ее этого не знало. Из темноты оно снова вернулось к жизни и посмотрело на последствия. Камень, заточавший узника, рассыпался в пыль. Заключенный пропал, поглощенный ее Силой. Охранники пали в бою. Лорд Имрик лежал на земле, истерзанный, мертвый. Его смерть пощадила: она подарила ему забвение.

Джованне прощения не было, но ей, мертвой, было все равно. Она ехала верхом рядом с оставшимися братьями. Ее братьями они уже больше не были. На ней была форма сокольничьего, потому что должна же быть на ней какая-то одежда, а ничего другого у нее не было. Доспехов и кольчуги на ней, конечно, уже не было, не было и шлема. То, что впереди нее на шестке сидела Северный Ветер, так это был выбор птицы и ее право. И права этого не мог оспорить самый суровый из братьев.

Гвенлиан попыталась остановить ее.

— Останься со мной, — упрашивала ее леди. — Брат мой никогда не был мне братом. А ты мне — настоящая сестра. Останься и будь свободна со мной. Мы усовершенствуем с тобой Силу, которую мы создавали вместе.

— Сила умерла, — сказала Джованна.

Она имела в виду, что умерла она сама, а с ней — всякая надежда на дружбу и на совершенствование в магии. Гвенлиан не захотела ее понять.

— Я никогда не свяжу себя с кем-то из Древней Расы. Но ты... ты похожа на меня. Брат заплатил за свою глупость смертью; Честь Ворона теперь мой. С другой женщиной, сильной физически и обладающей высшей Силой, я могу управлять им, как он того заслуживает. Ты поможешь мне, сестра?

Джованна, припоминая, покачала головой. Губы ее беззвучно шевелились, повторяя слова, которые она тогда сказала: «Я из рода сокольничих. Душой я привержена нашему закону. По этому закону меня и нужно судить. Только этот закон может дать мне свободу».

— Свободу умереть! — воскликнула Гвенлиан, дико, как сокол.

Джованна подняла лицо к небу. Оно плакало, роняя редкие дождевые слезы. Джованна прожила дольше, чем надеялась, и прожила она ее хорошо. Она убила убийцу соколов. Даже Командующий из Соколиного Гнезда не может этого отрицать.

Она закрыла глаза: «Хватит», — приказала она своим идущим по кругу мыслям. Не надо больше. Лучше помнить то, чего удалось добиться.

Она ехала, окруженная со всех сторон молчанием. Ни один брат не сказал ей ни слова, с тех пор как она вошла в круг охранников. Ни один из них не прикоснулся к ней, не дал ей ни еды, ни питья. Она была хуже предателя. Для нее и слова не нашлось, чтобы определить, кто же она такая.

На Лорика она ни разу не взглянула. Она не хотела знать, смотрел ли он на нее. Но она шестым чувством ощущала его присутствие. Когда она просыпалась, то находила

рядом с собой еду и фляжку с водой. Его присутствие было ей тяжело. Когда она ехала верхом, он по большей части оказывался сзади нее. Когда ложилась спать, он расстилал свое одеяло на расстоянии вытянутой руки.

Он заставлял ее забыть, что она мертва. А это казалось ей еще более жестоким, чем откровенная вражда братьев.

Ехали они медленно, чтобы не потревожить раненых. Без соколов людей больше не было. Те, что были, умерли или бежали. И все же, как ни медленно они продвигались, Соколиное Гнездо неумолимо становилось все ближе.

Настало солнечное утро, прогнавшее дождь. Всадники выехали с освещенной территории и вошли в расщелину, похожую на рваную ножевую рану, нанесенную земле. В самую глубину ее никогда не заглядывало солнце, а небо выглядело как черное лезвие с одинокой звездой.

Они подъехали к стене, высокой, как небо, и повели своих лошадей, по одной, в потайные ворота. Опытные братья прикрыли накидками глаза. Джованна не последовала их примеру. Неожиданное солнечное пламя кинуло ее на землю.

Руки подняли ее и усадили в седло. Медленно, постепенно слепота ее прошла. Лорик садился на лошадь последним. В ее сторону он не смотрел. Она проехала мимо него в Соколиную долину, и там, на горных склонах, их ждало Соколиное Гнездо. Она вздрогнула. Но потом вскинула подбородок и выпрямилась. Когда братья прибавили скорость, она ехала в первых рядах. Глаза ее были устремлены на серую мрачную крепость.

Джованна лежала в крошечной комнате, без чувств, без мыслей. Она не была заключенной, с точки зрения чужестранца. Комната эта принадлежала старшему брату, капитану. Его ранг позволял ему не жить в казарме. В комнате стоял соломенный тюфяк на раме из бечевок и кожи — настоящая роскошь, по сравнению с простой каменной полкой воина. Шерстяное одеяло, выношенное до мягкости; шесток, на котором Северный Ветер видела соколиные сны. Дверь не закрывалась и не охранялась.

Да в охране и не было нужды. По сути, все Соколиное Гнездо ее охраняло.

Ее дважды накормили. Или, пожалуй, трижды. Она не считала. Она ела только для того, чтобы Северный Ветер не отказалась от приема пищи. Она вымылась. Была чистой. Походную одежду убрали. Другой не принесли. В душе ее рождался протест, но гордость не позволяла его высказывать.

Дверь открылась. Она не слышала, как пришли братья. Она бы их и не увидела, если бы ее лицо не было повернуто в ту сторону.

Этих двоих она не слишком хорошо знала: они давали клятву другому командиру. Один, постарше, с лицом, сильно обезображенным шрамами, молча поднял ее и одел, как одевают ребенка или идиота. Другой искоса на нее взглядывал. Он казался совсем молоденьким. Возможно, до сих пор он не видел обнаженной женщины.

Это он обратил внимание на то, о чем ей не хотелось говорить.

— Аларн. Женщина. Она поранилась.

«Женщина». Как будто они не называли ее раньше Джованом, Избранником белой королевы.

Шрамы Аларна дернулись. Она не думала, что это улыбка. Он посмотрел на руку товарища. Выбранился.

— Аларн... — повторил мальчик.

— Бинты, — рявкнул он, — принеси.

Мальчик исчез. Джованна стала тихонько беспомощно смеяться, хотя ей этого вовсе не хотелось.

Аларн не прикоснулся к ней. Внутри у нее все сжалось. Смех ее затих; она смотрела на него с первыми проблесками симпатии.

Мальчик вернулся. В памяти всплыло его имя.

— Ривал, — сказала она, принимая от него бинты, — тебе нечего бояться. Это всего лишь месячные.

Он сжался и повернулся к ней спиной. Кроме бинтов, он принес тазик с водой, чуть теплее ледяной. Она поблагодарила его повернутую к ней спину, вымылась и оделась. Они ей принесли форму сокольничьего. Потому

что у них не было другой одежды? Или потому, что пока ее не осудили, она оставалась братом?

Она помедлила, стараясь справиться с охватившим ее потрясением. Она пробуждалась. Начинала думать, чувствовать. Но лучше бы этого не было, потому что это означало сознание, память и боль.

В мозгах наступила ясность. А вместе с прояснением пришла ее Сила. В прошлый раз она растратила ее полностью, а теперь она вернулась к ней еще в большем объеме.

— Черт бы тебя побрал! — разгневалась она. — Я хотела умереть.

Братья воззрились. Она не была животным, ведь животное можно понять. Печально покачала головой.

— Бедные мужчинки. Я вас что, совсем сбила с толку?

Обнаженный меч Аларна был его ответом.

— На выход, — скомандовал куда-то в окружавшее ее пространство.

Северный Ветер уселась на ее кулак. Вдвоем они вывели братьев и покинули место заточения.

Братья-сокольничьи расселись по периметру большого зала. Там были все: рядовые и капитаны со своими соколами и даже учащиеся, теснившиеся вдоль стены и старавшиеся держаться как можно тише, чтобы их не выгнали. Зрелище обещало стать наглядным уроком — доказательством женского вероломства.

Преодолевая страх и женское недомогание, она делала все, чтобы заглушить позывы к рвоте и не упасть на каменный пол. Гордость да Северный Ветер, неподвижно восседавшая на кулаке, заставляли ее держаться прямо, и со стороны казалось, что она, полная достоинства, идет к центру зала, месту суда. Там, на полу, перед креслом Командующего, лежал камень. Кроме нарушителей закона Сокола, на него не ступала ничья нога.

Правда, до сих пор и нарушений таких чудовищных не было. Так что теперь он заслужил черную славу.

Сила ее зашевелилась, возбуждаясь сама по себе. Кто-то выражал недовольство, что ей позволили остаться в

сокольничей форме. Слишком уж она была в ней похожа на брата, а не на женщину.

Легкая улыбка заиграла на ее губах. Она не стала ее прятать. Сама по себе одежда ее не беспокоила, а лицо ее было женственным, и теперь никто, узнав правду, не принял бы ее за мальчика. Но ни один человек не посмел возмутиться тем, что сжимало ее кулак с яростной и непоколебимой силой.

Последовали формальности. Джованна осталась к ним безучастна. Она смотрела на знамя позади Командующего, на черного сокола, под которым она столько лет жила, училась и сражалась. Сокол затуманился. Она сердито сморгнула набежавшие слезы. Как бы ни была она глупа, она всегда знала, что этот момент настанет. Как часто видела она этот черный сон. Ей следовало радоваться тому, что с ее долгой ложью покончено.

— Ты,— командующий даже не удостоил ее имени.— Ты отрицаешь выдвинутые против тебя обвинения?

По глупости она чуть было не спросила, в чем они заключаются. Но она знала.

— В том, что я женщина, нет, не отрицаю,— голос ее был чистый, звонкий. Ничего мужского в нем не было.— В том, что я изменила присяге и стала предателем братства, да. Клянусь всеми Силами Воздуха, я отрицаю это.

— Ты отрицаешь, что старалась ввести всех в заблуждение с помощью колдовства?

— В этом не было большой нужды,— сказала она,— мужчины и так знали, что увидят.

— Ты отрицаешь это?

Слова его прогремели, как железо. «Холодное железо»,— мелькнула случайная мысль, может быть смертельно для Силы. Она вскинула подбородок.

— Отрицать этого не могу.

По рядам прокатился шепот. В нем слышались ненависть, страх и отторжение. Суетливо забегали глаза. Если одной женщине удалось пробраться в их ряды, то сколько других могли сделать то же самое?

Северный Ветер расправила крылья. Теперь глаза обратились к ней. Все вдруг вспомнили о ее существовании и о духовной связи птицы с женщиной. Одна или две дошли до богохульства? Женщина и женщина. Насколько глубоко проросло предательство? Можно ли после этого доверять королевам-соколицам больше, чем их бескрылым сестрам?

По спине Джованны пробежали мурашки. В воздухе разлился яд, отвратительный, как гниющая рана, к тому же смертельный. Давно был потерян счет годам такого гниения. Ни Сила, ни простой удар меча не могли убрать этот яд.

— Убейте се, — сказал кто-то, а может, никто, а может, все вместе. — Убейте се. Убейте ее!

Соколы поднялись в воздух, сильно хлопая крыльями. Джованна смотрела на них почти с облегчением. Да, это будет славный конец — смерть, принятая от жестоких когтей. Северный Ветер даже и не пыталась вступить с ними в борьбу. Она смотрела, как и Джованна, на черный шквал тел, бешеные удары белых крыльев, кроваво-красные глаза.

Так же неожиданно, как грянула буря, все затихло. Джованна стояла в круге, образованном соколами. Все они, предупреждающе шипя, с распростертыми крыльями, смотрели наружу. Один гордый сокол уселся на ее плече. Оседлавший Бурю уважительно наклонил голову.

— Троньте наших сестер, — сказал он, — и мы посмотрим.

Джованна даже посочувствовала братьям. Они стояли словно голые, некоторые сжимали в руке оборванные путы и молча смотрели на величайшее из предательств. Она ограбила их: отняла их соколов.

Гнев, смешанный с сочувствием пронзил се.

— Я тут ни при чем, — проскрежетала сквозь зубы. Ей хотелось кричать на них: — Ведь вы-то уж должны знать, вы знаете о предательстве лорда Имрика.

Она увидела Элмери. Лицо его почти вернуло прежнее изящество, хотя нос уже не обретет той красивой

гордой горбинки, которая у него когда-то была. Он тоже посмотрел на нее, но она не успела расшифровать выражение его глаз.

— Ваш брат так и останется вашим братом. Не слугой, выполняющим любое ваше желание.

— И все же,— молвил Командующий (он и глазом не моргнул, хотя его собственный пернатый брат сидел среди прочих возле ног Джованны),— ты не наш брат. Кто тебя сюда послал и зачем?

— Это долгая история,— Джованна не отказывалась отвечать, лишь предупреждала.

— Расскажи.

— Она не расскажет,— голос зазвенел возле открытых ворот. У входа стояли какие-то фигуры. Братья замешкались и не узнали их. Они же стояли прямые и гордые, лица их светились, не было и намека на тупую покорность. Вместе с ними влетели белые самки соколов. Королевы. Самцы с почтением поднялись.

Джованна приросла к месту. Иверна привела женщин- сокольничих. В приходе их ощущалось торжество. За свою смелость они готовы были умереть. Белые королевы сопровождали их как сестры и как охрана. Джованна не понимала, как их могла пропустить наружная охрана.

Иверна прошла вперед и остановилась против Командующего. Они были равны и по возрасту, и по силе. Он это признал и чуть-чуть склонил голову. На лице его не отразилось ни малейшего изумления, в то время как рядовые братья находились в шоке из-за того, что женщины ступили ногой в Соколиное Гнездо.

— Предводительница,— сказал он.

— Крылатый Командир,— ответила она.

— Это все твоя затея,— он не был удивлен, хотя догадка пришла к нему только сейчас.

Не ответив ему сразу, она повернулась к Джованне и оглядела ее с головы до ног. Взгляд ее был таким же острым и проницательным, как у Командующего. Но мягче. Чуть-чуть мягче.

— Ты выросла, дочка, — сказала она.

Говорила она не о теле. Джованна подняла свою Силу, как меч, не то отдавая салют, не то предупреждая.

— Я такая, какой меня воспитали.

— Да, конечно, — ответила Иверна, глядя на нее не просто глазами. Женщина, колдунья, сестра соколих; охотник и воин, поклявшийся на верность братству. Тяжело было Джованне под этим проницательным взором. Она укрылась за своими засовами и постаралась выставить себя просто как Джованну.

Иверна снова повернулась к Командующему.

— Да, это была моя затея. Моя, моих сестер, и даже наших матерей. Ты, наверное, думал, что мы на веки вечные останемся безмолвными рабынями? Ты, наверное, лишь о сильных сыновьях помышлял, когда сводил нас, как скот, с твоими воинами, твоих лучших мужчин с нашими лучшими женщинами? Или ты полагал, что у нас и права нет высказать об этих случках свое мнение? Ты выращивал силу, волю и ум, мы выращивали то же самое, да к тому же еще и Силу, — она обвела глазами зал. Братья смотрели на нее, открыв рот, так и не отойдя от шока. Она покачала головой, словно перед ней были неразумные дети. — Многие годы мы не нарушали ваших иллюзий. Теперь настало время узнать правду.

— Вы учите других, и вас научили, что ваша жизнь навеки связана тем, что привело вас на эту землю: власть Джонкары, закрепощение ею всех женщин, а через них — всех мужчин-сокольничих; жертвоприношение короля Лангварда, кто, умирая от руки собственной жены-королевы, произнес заклятие, связавшее Джонкару и освободившее пятерых его людей. Вы испытываете постоянный страх, что Йонкара опять восстанет и вернет прежнюю силу, а потом и отомстит через нас, ее сестер во плоти.

— Так вы учите. И так верите. И это тоже было своего рода защитой.

— Потому что не только женщины попали под влияние Силы Джонкары, но и мужчины. А когда их жены и сестры восстали против них за все прошлые обиды, —

настоящие ли мнимые,— они возненавидели тех самых женщин, которых когда-то любили. И ненависть эта в конце концов обратилась на Джонкару.

— Несколько женщин, обладавших Силой, хотя и далеко не равной Силе их врага, предвидели, что может случиться, и сделали все для собственной защиты. С Лангвардом, адептом не из слабых, они задумали и осуществили нападение. Они не надеялись уничтожить Джонкару, но они могли ее заточить, могли перекрыть ей связь с ее сообщниками из Тьмы и миров, что лежат за Вратами. Они могли собрать тех соплеменников, которых можно было подчинить силой или с помощью королевского указа, или, в крайнем случае, с помощью обмана, и бежать через северные моря.

— Мы покорились, заплатив за это своей свободой. Это было необходимо. Если бы Йонкара освободилась и стала преследовать нас, она стала бы действовать прежде всего через мужчин, как это уже и было в Сальзарате. Она не должна знать, какие мы приняли защитные меры, скрываясь, как за щитом, за их ненавистью и презрением: стены и укрепления Силы, оборонительное оружие, выкованное за долгие годы терпеливого выжидания.

Иверна помолчала. Она обладала не только Силой, но и властью. Братья слушали ее. Против воли, с трудом, но не перебивали.

Опять она обвела взглядом собравшихся. «До чего же они похожи»,— подумала Джованна, следя за глазами женщины. Как и все люди Древней Расы, они старели почти незаметно: даже самые пожилые казались не многим старше Лорика, или Хендина, или Керрека. Многие лица были покрыты шрамами, полученными в сражениях, но под этими шрамами лица их были все те же. Лицо сокольничьего, порода, пущенная на поток, как Сила, которую ни один мужчина не может обрести.

— Теперь,— продолжила Иверна,— такой необходимости нет. Джонкаре пришел конец, да еще и на руках женщины из рода сулкаров. Но наследие Джонкары продлилось. Смерть ее не освободила нас. На это нечего

и рассчитывать. Ну что ж, что древнего врага не стало? На ее место может прийти другой.

— Уже пришел! — воскликнул кто-то, чье терпение кончилось.

Воинские ряды смешались. Заблестело оружие. Обнажать оружие в зале означало неслыханное нарушение законов Соколиного Гнезда. Но кто же теперь думал о законе? Женщины дерзнули войти в обиталище братьев. А одна из них зашла так далеко, что прошла избрание.

То здесь то там капитан усмирял волнение. Командующий даже и не пытался. Он просто наблюдал. Так смотрит на добычу сокол, перед тем как нанести смертельный удар.

Соколы поднялись ввысь, издав пронзительный боевой клич. Они всего лишь взмахнули крыльями, не выпуская когтей, но наступавшие попятились, остановленные их гневом.

Заговорила Северный Ветер.

— Мы не рабы. Я выбрала, как хотела. У нас здесь темные Врата никто не открывает.

Дисциплина обрушилась. Мужчины не доверяли словам сокола. Не все мечи вернулись в ножны.

Один прыжок — и Джованна оказалась на возвышении, рядом с Командующим. Соколы отправились за ней. Окруженная их крыльями, она возвысила голос и вложила в него свою Силу.

— Я не враг вам. Я из той же крови и плоти. Закон я блюла не меньше вашего. Призываю в свидетели соколов.

— Ты лгала, — сказал Командующий почти мягко.

— Другого пути не было.

Иверна и женщины стояли рядом, невредимые и смелые.

— Один из твоих людей, Ривери, сказал тебе правду. Ты же не обратил внимания на его слова. Трижды пытались и мы. Один раз, Ферон, ты меня выслушал. Сейчас я передам братьям твои слова: «Все началось так давно. Ненависть пустила слишком длинные корни. Никогда не придут к согласию мужчины и женщины из рода сокольничих».

— Никогда, — подтвердил Командующий.

— Поэтому, — продолжила Иверна, как если бы он ничего не сказал, — мы перестали действовать уговорами и выбрали этого ребенка в качестве доказательства. Мы заранее знали, что ее возьмут в Соколиное Гнездо. И всего лишь заставили вас думать, что она мальчик. С нашей стороны это был единственный обман. В ней есть все, чем вы хотели бы гордиться в ваших сыновьях.

— Да, это правда, — подтвердил Вериан, слепой наставник учеников. Он сказал это, как человек, вынужденный признать горькую правду. — Она была не из худших учеников моего выпуска.

— Колдовство, — пробормотали братья, стоявшие рядом с ним.

— Это не так, — возразил Вериан. — Она прошла все испытания. Ее избрала королева. Теперь я это понимаю.

У Джованны перехватило дыхание. То, что Вериан за нее вступился, было для нее неслыханным подарком. Никто не мог оспорить ни честь, ни смелость Вериана. Свои глаза он отдал за жизни всей своей рати многие годы назад, в войнах против колдеров.

— Это все колдовство, — настаивали братья. Правда, таких голосов стало меньше. А может, это только показалось. — Ведьмы способствовали нашему поражению.

— И вашему спасению! — Лорик протиснулся вперед и повернулся так, чтобы все его видели. — Помнит ли кто-нибудь из вас, почему ее разоблачили? Если бы не она, мы имели бы врага пострашнее Джонкары. Та настроила нас против наших женщин. Эта Темная Сила разлучила бы нас с нашими соколами.

Братья смотрели на него. Руки его дрожали, и он сжал их в кулаки.

— Она сразилась с этим врагом, — сказал он, осторожно выговаривая слова, словно хотел, чтобы голос его не дрогнул. — Она вступила в этот бой одна, зная, что может ее ожидать, что ее ждет смерть, а, может, и нечто хуже смерти. Зная, чего она может впоследствии ожидать от нас.

— Но мы обязаны, — прорычал Керрек. — Конечно, ты за нее вступишься. Ведь ты ее брат по оружию. А может, и больше того?

Рука в перчатке свалила Керрека на пол. Он вскочил, зажав в руке нож. Перед ним стоял Элмери, безоружный, со сложенными на груди руками, непроницаемым лицом. Очень медленно Керрек вложил кинжал в ножны. Даже он понимал, что ему не следует поднимать руку на своего командира.

Элмери повернулся к нему спиной и встал рядом с Лориком.

— Я скажу слово в защиту арестованной. Я был в числе тех, кто проводил испытания, и подтверждаю, что она прошла их достойно. Я был ее капитаном и заявляю, что она в сражениях была так же сильна, как любой брат ее возраста, так же искусно владела оружием, так же дальновидна в тактике боя и тверда в соблюдении наших законов. Я присутствовал при ее разоблачении. Она предлагала свою жизнь за мою и за жизнь брата по оружию. Она сделала это во имя чести и сохранности братства.

Возвысились голоса, сплетаясь в тяжелом воздухе.

— Ложь.

— Она соблазнила их.

— Она женщина.

Вот это и было главным.

— Да, — сказала Джованна. — Я женщина. Это и есть мой великий грех. Мне было дано все, чтобы сделать из меня брата. Кроме одного. То, что я сделала, ничего, по сравнению с тем, чем я являюсь.

Она вышла из соколиного круга, скинула Оседлавшего Бурю со своего плеча, а Северный Ветер — с кулака. Развела руки.

— Закон есть закон. Я подчиняюсь приговору.

— С какой целью? — спросил Командующий, словно он действительно хотел услышать ответ.

Она обратилась к ним ко всем.

— Вы меня замечательно воспитали. Милые мои люди. Вы дали мне честь, дали гордость. Вы знали, что я отпла-

чу вам за все, что вы для меня сделали. Вы бросили вызов природе, — она поставила ноги на ширину плеч, откинула голову: бравада молодости, и она сознавала это, но язык ее и тело действовали уже независимо от ее воли. — Чужестранцы представляют собой две ипостаси: женщина и мужчина, мать и отец. Мы же — три: женщина, мужчина и сокол. Йонкара нарушила это. Из-за одной женщины, обезумевшей от своей силы, мы разрушили собственные поколения. Неужели нам нужно отдать ей победу? Неужели мы должны доказывать, что мы не больше того, чем сделала нас ее ненависть? — все молчали. Соколы вернулись — каждый к своему брату. В этом воссоединении было что-то подчеркнутое, напряженное как в мужчинах, так и в соколах. Начало недоверия. Джованна сложила руки.

— Во имя всех Сил Воздуха! Убейте меня, и покончим с этим.

Братья шумно задвигались. Кто-то склонялся в ее пользу, кто-то выступал против.

— У нас нет выбора! — кричал кто-то. — Она женщина, лгунья, предательница. Она должна умереть. Таков закон.

Но соколы не жили по закону сокольничих. Высокая их королева заговорила, восседая на спинке стула Командующего. Голос ее был ровен и невозмутим.

«Мы убьем всякого, кто убьет ее».

— Что она тебе? — осмелился задать вопрос Командующий.

«Она наша сестра, — удостоила его ответом королева. — Она связывает то, что очень давно было развязано. Она вновь делает наших людей целыми».

После этих резких, монотонных звуков голос Иверны показался обворожительным, но и в нем слышна была непреклонность.

— Да, о братья. Так было в те времена, о которых вы забыли. Мужчина и сокол-самец, женщина и сокол-самка. Королевы выбирали, как и их братья, и свадьбы заключались сразу между четырьмя, а не между двумя, как в других странах.

— Мы... не можем... — Командующий обрел присутствие духа с быстротой, которой позавидовала Джованна. — Это то, чего вы хотите?

Женщина почти нетерпеливо качнула головой.

— До этого еще слишком далеко. Для нас, как и для вас. Мы тоже ненавидим, Крылатый лорд. Слишком много горьких лет прошло, чтобы мы забыли. Но мы очень хотим начать. Перемирие; открытие деревни и Соколиного Гнезда; встреча наших людей. Так и быть, пусть несколько мужчин поживут с нами некоторое время, просто как братья, чтобы узнать, что мы такие же люди, как они. Мы просим вашего позволения, чтобы вы разрешили и нашим сестрам пожить у вас, — она сделала знак рукой, чтобы предупредить возмущенные возгласы. — Не думайте, что мы вам доверяем! Вы смотрели на нас, как на скот, годный лишь на то, чтобы рожать сыновей. Вы забирали наших сыновей и уничтожали тех, кто оказывался негодным, и учили остальных ненавидеть нас, тех, кто дал им жизнь. Наши дочери — ваши дочери — для вас просто не существовали; мужчина, от которого рождалось более трех дочерей, признавался негодным, и его исключали из списков быков-производителей. На него уже ложилось пятно бесчестья, его освобождали от почетных обязанностей. А каково было матери трех дочерей... вот уже ей пощады не было. Вы осудили ее на смерть.

— А вы убили ее, — съязвил Командующий.

Иверна улыбнулась и с ледяной мягкостью в голосе продолжила.

— Мы позволили вам так думать, — она помолчала. Он тоже молчал с непроницаемым видом. Братья начали догадываться: она говорила для них. — Твой авторитет — только для мужчин.

— Узница, — сказал Лорик со смелостью, доходящей до безумия, — не колдунья.

Джованне хотелось сунуть ему в рот кляп. Он губил себя ради нее. Он выражал свою преданность, хотя, как ей казалось, она ее не заслужила. Благодарность...

— Я в распоряжении Командующего, — холодно сказала она, — я ему клялась. Ему меня и судить.

— А может ли он? — воскликнул Лорик.

Рука Элмери заставила его замолчать. Но сам он не успокоился. Сила ее испытывала его удары, постоянные, невероятно сильные. Она выставила защитную стену.

Командующий нахмурился.

— Меня просили судить, и в то же время запрещают.

«Мы не запрещаем, — ответила королева соколов. — Мы предупреждаем».

Смерть за смерть. Любой брат с радостью умрет за свой народ. Но один из них должен умереть за это, а число их так сократилось после войн, Великой Перемены и сумасшествия лорда Равенхольда...

Сознание Джованны было абсолютно ясным, что придало ее телу быстроту и четкость. В руках у нее оказался кинжал Командующего, прежде чем он заметил ее движение. Крошечная остановка: найти место. Под грудь, да. Движение вверх и внутрь. Мгновенная боль, не более. Так быстро. Так просто.

Ее охватило волнение. «Слишком поздно», — думала она. Колотившееся сердце уже ощущало прикосновение кончика кинжала. Она собрала исчезающее желание и направила нож в цель.

— Держите ее!

Мужские голоса. Женские. Соколиные. Она улыбнулась в подступавшей к ней темноте. Все же она объединила их всех, против их желания.

— Держите ее, черт побери!

— Бинты, быстро.

— Да не расшнуровывай. Режь их.

— Мы спасем ее. Если успеем. Если она позволит. Если, — ядовито, — нас избавят от вопросов.

Она им этого не позволит. Нет.

«Позволишь». Таких голосов было много. Особенно четко звучали соколиные. Она им отказывала. Им нужна была смерть. Жертва. Чтобы закрепить их союз. Великие чудеса всегда скреплялись кровавой печатью.

Нет! В их отрицании слышался гнев. Это Тьма. Как ты дошла до этого?

Правда. Она сама устранилась от них. Она должна умереть. Она не могла жить как женщина. А среди братьев ей места не было. Она уже отслужившее оружие. А такое оружие хранить опасно.

Кто-то постоянно ругал ее. Как странно. Словно... словно он рыдал.

Она слегка приостановила свое падение в ночь. Кто мог плакать о ней? Она ведь никому не была нужна. Она была вещью. Да, оружием, вложенным в ножны лжи. Северный Ветер не будет горевать: она всегда может посетить то место, куда отправилась Джованна. К тому же соколы не боялись смерти.

Ругань становилась все громче. Вокруг стало светлее. Боль усиливалась. Лица. Глаза соколов. Голова ее лежала на чем-то прямоугольном. Она слегка повернула голову.

Лицо Лорика было заключено в рамку из соколов, белых, черных. Свои ругательства он обращал в воздух. Казалось, он и сам не знал, что плачет, что держит голову ее на коленях и гладит, гладит ее волосы.

Собрав все силы, она ударила его, как можно больнее.

— Ты позоришь себя.

Удар этот оказался легким прикосновением пальцев к заплаканному лицу, а выговор прозвучал не громче шепота. Им обоим досталось от Иверны за то, что они сделали с раной. Джованна и не заметила этой вспышки.

Он смотрел на нее. Лицо его, умытое слезами, выражало ярость.

— Зачем ты это сделала, черт тебя подери? Зачем?

— Так было надо.

Он один услышал ее. Губа его дрогнула:

— Это трусость.

— Так было надо, — он должен понять. Должен.

Понимать он отказывался.:

— Ты сбежала. Оставила нас очищать поле. Оставила меня. Черт бы тебя побрал, женщина. Черт тебя побери.

Глаза ее открылись чуть шире. Она видела то, о чем у него не было слов сказать ей: в нем рождалась Сила. Это она была тому причиной, когда налаживала его связь с соколом, когда мысленно связывалась с ним впоследствии. Сила эта, прятавшаяся доныне, росла, увеличивалась в размерах и грозила вырваться наружу. Его необходимо было научить, и быстро. Она одна знала, как это сделать.

Она? Да ведь рядом с Иверной она была пустое место.

Она была его братом по оружию.

— Как мне быть? — спрашивала она с горечью. — Я ведь женщина.

— Ты мой брат по оружию.

Упрямый. Она опять его ударила. И опять в ударе этом было не больше силы, чем в ласке. В этот раз он поймал ее руку и прижал ее к щеке со шрамом. Сделал он это бессознательно, но это был, по сути, вызов. Пусть думают, что Керрек говорил правду, пусть считают, что ему было известно, кому он клялся верой и честью.

— Ты меня возмущаешь, — сказала она.

Он покачал головой. Он был слегка озадачен, и это ее успокоило.

— Ты не изменилась. А вот нам нужно учиться видеть по-новому.

Глаза ее закрылись. Если бы не он, рука бы ее упала. Она ощущала, как Сила вливается в ее бок, превращая боль металла в огненную агонию. И ведь рана-то такая маленькая. Она подумала о смерти. Она могла это сделать. В конце концов, жизнь-то ее. Ее дело — жить или умирать.

Лорик низко склонился над ней. Ей не нужно было открывать глаза, чтобы видеть его лицо.

— Ты нам нужна, — сказал он. — Только с тобой мы обретем цельность.

Нет. Голос ее погрузился в огненную темноту. Братья никогда этого не позволят.

— Они должны, — сказала Северный Ветер.

Джованна подняла ставшие невероятно тяжелыми веки. Сделав огромное усилие, она отыскала Командующего. Он

был рядом. Стоял на коленях. Держал тазик. Выглядел почти по-человечески.

— Судья, — прошептала она, собрав последние силы.

Он наклонил тазик. Маска колыхалась на его лице.

— Разве ты этого уже не сделала?

Она не могла ни двигаться, ни говорить. Иверна попятилась от нее, и подняла окровавленные руки в знак капитуляции.

— Я ничего не могу сделать, пока она сопротивляется. Суди ее, Крылатый Командир. Она умрет, если ты ей прикажешь.

— А если я не прикажу?

Иверна пожала плечами, но не равнодушно, а как человек, знающий и принимающий возможности Силы.

Командующий, понимавший лишь законы материального мира, продолжал сопротивляться. Он устремил взор на Джованну, на Лорика и на их птиц. Брови его сошлись на переносице. Затем он перевел взгляд на Иверну: смотреть на нее было легче. Она не так тревожила его представление о мире.

— Женщины. От них один беспорядок и горе нашим людям. Йонкара, ведьмы, а теперь еще и эта девчонка. Умрет она или будет жить, братья уже не будут прежними. Они узнали, что женщина может быть им ровней. Они видели, как все соколы стеной встали на ее защиту. И они... мы... остались ее должниками. Долг этот... мы никогда... не сможем оплатить.

Все молчали. Джованна вздохнула. Она очень устала. Проклянет ли он ее наконец и даст ей уйти?

Он взял ее за подбородок и повернул лицо к себе, чтобы лучше видеть. Говорил он так мягко, что в изумлении расширились не только ее глаза.

— Если я скомандую, чтобы ты поклялась на верность братству, ты подчинишься?

Она кивнула самую малость, но он почувствовал это.

— Даже если я прикажу тебе жить?

Она постаралась отодвинуться. Выходит, так сильно он ненавидел ее и всех женщин. Как жестоко. И еще при-

зывать ее к клятве, как он мог? Если она нарушит ее и умрет, то докажет неверность всех женщин. Если остается верна ей, проживет, как рабыня, как остальные женщины сокольничьих.

Он смотрел на нее. Ненависти в глазах его не было. Для этого он был слишком холоден.

— Слишком мудр, — сказала Иверна.

Взгляд его не дрогнул.

— Ты будешь жить. Останешься с нами. Твой капитан просил об этом. Потребовал. Твой брат по оружию... — он не хотел этого говорить, но заставил себя. — Твой брат по оружию сказал, что если я тебя уволю, он пойдет за тобой. И не он один, — мысли его были для нее открыты. Джори. Хендин. И другие: старшие братья, не все они были из ее отряда, но они знали или догадывались, что такое женщина.

— Время, — сказала Иверна, — мир меняется. Мы меняемся вместе с ним или погибаем.

Командующий напрягся, как если бы он сейчас вынес ей осуждающий приговор. Но он кивнул. В этом кивке были и гнев, и неохотное признание.

— Я даю тебе не подарок. Ты еще можешь заслужить смерть, и вместе с ней мою и всех сокольничих. Тебя будут ненавидеть, будут испытывать, снова и снова. От меня ты протекции не жди. Будешь подчиняться закону.

Джованна видела то, что он имел в виду. Длинная тяжелая дорога, в которой будет еще много боли, будут разногласия между братьями и много потерь.

Она вздрогнула. Но это был уже не холод приближающейся смерти. Она встретилась взглядом с Командующим. Он был не просто мудр, он был дальновиден. И он обладал мужеством, превосходящим мужество воина. Судить, как судил он, когда смерть ее была бы более простым выходом, смело смотреть в лицо неизбежному и не отступать, даже если придется погибнуть.

Он не предлагал ей прощения. Она его и не просила. Она была сокольничим, избранником королевы. Она была не слабее любого мужчины.

Лорик держал ее руки. Тело ее снова принадлежало ей. Она почувствовала, как крепко, до боли, сжимал он ее ладони. Она постаралась обрести прежний голос и обратилась к ним ко всем: к Командующему и Предводительнице женщин, братьям, сестрам, соколам, которые слышали в ее словах больше, чем она могла выразить словами. Но по большей части слова ее предназначались паре соколов и ее брату по оружию, на плечах которого они сидели.

— Я живу, — сказала она. Радость ее высоко взлетела. Ей захотелось смеяться. — Я живу, потому что вы этого хотите. Как я могу вам сопротивляться? Вы предлагаете мне сражение.

— И долгое, — Лорик слишком был счастлив, чтобы возмущаться. — Но в конце концов мы его выиграем. Мы не имеем права проиграть. У нас есть ты и Северный Ветер.

«И у вас есть я», — вмешался Оседлавший Бурю. Он передал эту мысль Джованне, быстро и гордо.

— И ты, — согласилась Джованна. Сила в ней росла. Иверна была лишь искрой, зажегшей ее пламя. Еще немного, и она поднимется, и не только тело ее будет излечено. Никогда еще она не чувствовала себя такой законченной, цельной, какой она стала сейчас. Теперь она шла в свете: женщина и колдунья, и сокольничий, не замутненный никакой ложью. Первая в своем роду, но если на то будет воля Сил, не последняя.

— Однажды, — сказала она, — таких, как я, будет много, и все наши горести будут позабыты. Клянусь Силами Воздуха, Кровью Сокола и Законом Сокола, так и будет.

«Это будет», — подтвердила Северный Ветер с соколиной уверенностью.

ИСТОРИЯ
КОЛДОВСКОГО МИРА

ДРЕВНЯЯ РАСА

Это *первоначальные* или вторые по возрасту жители Колдовского мира (после людей Тора из Торовых топей). По мере того как росло могущество Древней Расы и в ее среде появились адепты, некоторые из Древних изменились по сути или были изменены своими прародителями — так что они уже перестали походить на своих предков-людей.

1. Древняя Раса в Эскоре

Древняя Раса едва не уничтожила сама себя в великой войне древних адептов. Тогда существовало несколько городов и множество усадеб. Адепты стали крупными землевладельцами и построили множество крепостей и башен. Иные, вроде Лоскиты, просто создавали таким образом убежище для себя — там, где они могли жить среди существ, к которым чувствовали расположение. К тому времени, когда в Эскор прибыла семья Саймона Трегарта, там уже оставалось очень мало представителей Древней Расы (чистокровных). Даже люди Долины Зеленого Безмолвия (Зеленого Дола) отчасти смешали свою кровь с кровью других родов. Восстановление Хэй-Харка, вместе с иммиграцией ряда семей из Карстена, помогло оживить Древнюю Расу.

2. Древняя Раса в Эсткарпе

Похоже, большинство представителей Древней Расы Эскора ушли через горы, чтобы осесть в стране, известной ныне как Эсткарп. Многие из них вернулись к своему прежнему образу жизни, создав фермы и ранчо. Но они построили и несколько городов, крупнейшим из которых был Эс. Пожалуй, самым древним из городов Эсткарпа можно считать Лормт, расположенный поблизости от ныне забытой границы. Постепенно семьи Древней Расы мигрировали на юг, перебрались через горы и осели в землях, позже ставших Карстеном. Древняя Раса в Эсткарпе доброжелательно встретила новых людей, поселившихся в Горме и Карстене, — людей, не имевших в крови волшебного дара, и постепенно начавших бояться колдуний.

Именно колдуньи Эсткарпа спасли остатки Древней Расы. Первым великим деянием колдуний было возведение гор между Эсткарпом и Эскором. А при Великом Повороте, уничтожившем армию Пагара, герцога Карстена, выступившую на север, против Эсткарпа, многие из первых колдуний полностью истратили свою Силу. Но они создали Место Мудрости, убежище, где они могли жить в уединении и подготавливать новых колдуний. Старшая из колдуний правила в Эсткарпе как Верховная Владычица, командуя армией солдат, по мере надобности защищавших границы, в то время как колдуньи охраняли народ Эсткарпа от других опасностей.

Согласно «Магическому Камню», который представляет собой совместный труд с Мэри Х. Шауб, Лормт был основан адептами Эскора, постигшими Свет. Там не упоминаются колдуньи, но история, похоже, имеет целью объяснить, как адепты погубили себя в тщетной попытке открыть огромные врата, и таким образом оставили Эсткарп под защитой колдуний. Все это не согласуется с тем, что нам рассказано в «Трое против «Колдовского мира», где предполагается, что близкий друг Каттеи узнает всю историю возвышения и падения Эскора и рассказывает ее детям Трегарта.

Колдуньи утверждали, что для того чтобы владеть Силой, они должны совершенно отказаться от физических контактов. Поскольку они тщательно выявляли проявления дара у девушек Древней Расы, это естественным образом привело к тому, что даром перестали владеть люди Эсткарпа. И хотя мужчины Древней Расы тоже могли обладать даром, колдуньи, похоже, подавляли эти проявления в мужчинах Эсткарпа и Карстена, потому что адепты, погубившие Эскор, были в основном мужчинами.

Во время их путешествия через Карстен Саймон и Корис обсуждали историю Древней Расы (насколько Корис ее знал). Вырождение Древней Расы в Карстене ускорилось, поскольку колдуньи сохраняли чистоту рода, в то время как в Эсткарпе Древняя Раса отчасти смешалась с сулкарами,— сулкары оказались единственными в Колдовском мире, кто мог породить потомство в этих смешанных браках (без вмешательства магии). Конечно, отпрыски таких семей могли наследовать только кровь сулкаров, но об этом ничего не говорится.

3. Древняя Раса в Арвоне

Так же, как в Эскоре, люди Древней Расы в Арвоне глубоко исследовали возможности Силы, и некоторые из них избрали путь Тьмы, что привело к большим беспорядкам, едва не погубившим людей Древней Расы и их создания. Но до бегства людей Древней Расы из Арвона дело не дошло. В войне были свои выигравшие и проигравшие, и многие из потерпевших поражение были вынуждены отправиться в изгнание, в то время как Четыре Клана сохранили немалую власть над своими землями. Со временем некоторым из полукровок, вроде Всадников-Оборотней, было позволено вернуться, и постепенно в Арвоне стал устанавливаться новый общественный порядок, благодаря которому могущественные существа могли вернуться в свои прежние владения.

Сулкар

1. Сулкаркип — единственный город, о котором когда-либо упоминали сулкары. Он был построен с помощью и при благословении колдуний Эсткарпа примерно за сто лет до того, как Саймон Трегарт очутился в Колдовском мире. Сулкаркип был не просто городом, а крепостью, предназначенной защищать семьи морских торговцев и воинов в дни больших опасностей. Порт мог вместить множество кораблей, на которых обычно и жили сулкары. Сулкаркип был захвачен колдерами и уничтожен сулкарами, не желавшими попасть в руки врага.

Сулкары на своих кораблях пришли из другого мира. Они предпочли бежать от расы пришельцев, открывших ворота в их мир, чтобы избежать некой катастрофы. Сулкары, видимо, пытались изгнать пришельцев, но те оказались сильнее. Лишь нескольким кораблям с помощью адептов удалось бежать в Колдовской мир.

2. Морские рейдеры Эскора

Каттея Трегарт увидела сходство этих варваров с союзниками Эсткарпа, сулкарами, когда встретилась с ними на далеком восточном побережье Эскора. Сулкары поначалу проникли в Колдовской мир через Врата в дальних северных морях, но, похоже, отдельные их группы

растеряли друг друга. Морские рейдеры Эскора были куда примитивнее и воинственнее людей Магнуса Осберика, и при этом едва ли вообще обладали технологией Сулкаркипа.

Поскольку было совершенно неизвестно, откуда взялись эти морские разбойники, или какое они могут иметь отношение к сулкарам, можно предположить, что они произошли от тех, кто был изгнан из общества сулкаров, или же когда-то был унесен штормом и не сумел отыскать путь обратно, — конечно, это должно было случиться давно, когда в Колдовском Мире жило лишь первое или второе поколение сулкаров, проникших сюда через врата.

Сокольничьи

1. Люди Сальзарата

Эта раса тоже пришла в Колдовской мир через некие Врата, убегая от опасности. Они основали город или страну Сальзарат, где адепт или почти адепт, женщина, обладающая огромной Силой, поработила всех их. Некий мужчина сумел остановить действие ее чар на достаточно долгое время, и сокольничьи заточили эту женщину в темницу и бежали, оставив многих своих соратников под властью колдовства. Из страха перед женщиной-адептом сокольничьи превратили своих собственных женщин в рабынь, годных лишь для произведения потомства.

2. Соколиное Гнездо и женские деревни (буквально — «деревни размножения»)

Спасшиеся из Сальзарата бежали на кораблях сулкаров и осели в горах между Эсткарпом и Карстеном. Их женщины и дети поселились в надежно охраняемых деревнях. Каждый год тщательно отобранные мужчины отправлялись из крепости сокольничьих, Соколиного Гнезда, в эти деревни, чтобы зачать потомство, но они не могли за такое короткое время привязаться к женщинам. Дети, рожденные после этих встреч, тщательно обследовались, и если у них находили какие-то де-

фекты, их убивали. Когда мальчики подрастали, из забирали у матерей и растили в Соколином Гнезде, огромном сооружении внутри горы. Сокольничьи куда больше были привязаны к своим охотничьим птицам, чем к своим женщинам. Тем не менее они заключили договор с колдуньями Эсткарпа, и охраняли границы Эсткарпа, защищая колдуний от угрозы со стороны не владеющих магией врагов.

3. Сокольничьи в Верхнем Холлеке

После Великого Поворота, в результате которого между Эсткарпом и Карстеном встали горы, уничтожившие армию Пагара, сокольничьи вновь превратились в беженцев.

Общественный порядок в Эсткарпе рухнул из-за того, что колдуньи потеряли политическую власть и возникла угроза общественному строю сокольничьих. Часть их поселилась в Верхнем Холлеке, смешавшись с людьми из двух долин, которым угрожали их соседи. В результате смешения крови и культур возникла новая общность, и сокольничим пришлось пересмотреть их прежние страхи и предубеждения.

Люди (жители) Долин, Верхний Холлек

Люди Долин попали в Колдовской мир через свои Врата. Они явились целыми кланами, и им предшествовали воины, именуемые Братством Меча. Кланы некоторое время продвигались вдоль побережья на север, удаляясь от ворот, сквозь которые они прошли, и от всей горечи прошлой жизни. Братство Меча (в которое входило и несколько женщин) изучило Долины, составив карты и отметив районы, показавшиеся опасными, — в основном это были места, где располагались развалины поселений людей Арвона. Кланы договорились о разделе земель, но результат раздела удовлетворил не всех. Некоторые семьи стали обмениваться с другими. Кое-кто получил те участки, которые вполне соответствовали их нуждам.

Когда люди Долин устроились на новом месте, они построили города и монастыри. Их вера была сосредоточена на Свете, чем бы он ни был. Но постепенно эта вера смешалась с другими верованиями, так что лишь настоятельницы монастырей хранили старую традицию. «Язычество», должно быть, просачивалось благодаря тем познаниям, которые добывались в развалинах поселений

Древней Расы или благодаря встречам с представителями этой Расы.

1. Северные Долины.
2. Южные Долины.

3. Торговые города

Существовало по меньшей мере пять или шесть торговых городов, и три, видимо, располагались на побережье: Хэндельсбург, Веннеспорт и Джорби. Комм-Хай был торговым центром на севере Верхнего Холлека, неподалеку от Нордендейла, и, возможно, рядом с Гриммердейлом. Тревампер был городом на острове, неподалеку от Джорби (который также называли Джурби).

4. Монастыри

Один из монастырей находился в Литендейлс. Был также монастырь Норстед, расположенный на севере Верхнего Холлека. Настоятельница Вирта говорит Элис, что когда-то она служила в Доме Дважды Рожденной Кансы, но не упоминает название местности. Монастыри служили убежищем для жен и дочерей лордов Долин, — тех, что выжили после вторжения Ализона.

Настоятельница Вирта сказала Элис: «Еще Дважды Рожденная Канса в свое время обладала Древним Знанием, и ее дочери тоже, хотя теперь они находятся в разных монастырях».

Прочие

1. Охотничьи (Гончие) Псы Ализона

Охотничьи Псы пришли в Колдовской мир через врата, как и другие расы. Очевидно, их общественный строй походил на собачью стаю, если говорить о детях одних родителей как о детенышах одного собачьего помета, и их обычаи и структура семьи в своей основе были похожи на собачьи.

Из «Магического Камня» мы знаем, что ализонцы состояли в кланах, а управляли ими бароны, выбиравшие из своей среды Барона-Лорда, который председательствовал на советах и в той или иной мере правил всем народом. Каждый из баронов растил собственных охотничьих собак и уделял им большое внимание. Ализонцы тщательно следили за своим происхождением, и семьи (стаи) группировались по линиям, ведущим начало от тех, кто пришел с исконной родины (где предположительно осталась большая часть расы, которой предстояло пережить эпоху оледенения).

Одна из семей, род Кревонеля, на деле происходила от адепта Эскора, Эльсенара, и через его потомков ализонцы оказались генетически связанными с Древней Расой. Кое-кто из них унаследовал дар Эльсенара, хотя дар этот и дремал в течение многих поколений.

2. Люди Тора из Торовых топей

Это, возможно, старейшие обитатели земель к западу от Эскора, если не самые древние жители всего Колдовского мира.

3. Люди Горма и Карстена

Корис из Горма рассказывал Саймону Трегарту, что его народ пересек моря, чтобы поселиться на побережье, уже после того, как Древняя Раса основала то, что позже стало Эсткарпом. Упоминается и другая страна, Вар — к югу от Карстена.

Древняя Раса Карстена ушла к востоку, к горам, не столько из-за конфликта со вновь пришедшими людьми, сколько из нежелания иметь с ними дело. Через века среди карстенцев появились полководцы, сражавшиеся друг с другом до тех пор, пока не было наконец создано герцогство, возможно, благодаря победе одного из военачальников. Сила герцогов пошла на убыль, из-за того что стало расти могущество военачальников, либо уже завоевавших автономию, либо приближавшихся к этому.

Основные события истории Колдовского мира

Эскор, Эсткарп, Карстен, Горм, Ализон, Сальзарат, Тор

1. Золотой Век Эскора.
2. Эльсенар и Шоррош доставляют Ализ на вересковые пустоши на северо-западе Эскора.
3. Война адептов.
4. На западной границе Эскора заложен Лормт.
5. Поражение Древней Расы.
6. Бегство Древней Расы.
7. Возведение горного хребта между Эсткарпом и Эскором.
8. Адепты Света уничтожают себя в Лормте.
9. Колдуньи основывают Эсткарп.
10. В Эсткарпе основан город Эс.
11. Поселенцы из Эсткарпа переходят через южные горы и основывают Карстен.
12. В Эсткарп приходят первые корабли Сулкара.
13. Варвары создают королевство на острове Горм.
14. Варвары селятся вдоль побережий Карстена и Вара.
15. Герцоги варваров завладевают Карстеном.
16. Построен Сулкаркип — на северном берегу полуострова между Эсткарпом и Карстеном.
17. Сокольничьи покидают Сальзарат (далеко на юге) и устраиваются в Соколином Гнезде, находящемся в горах между Эсткарпом и Карстеном.

18. В Колдовском Мире впервые появляются колдеры.
19. Хильдер становится лордом Горма.
20. Рождается Корис, сын Хильдера, — наполовину тор.
21. Хильдер женится на Орне.
22. Рождается Урьян, сын Хильдера и Орны.
23. Ивьян, герцог Карстена, объединяет силы.
24. Смерть Хильдера.
25. По призыву Урьяна колдеры вторгаются в Горм. Бегство Кориса.
26. Колдеры строят город Айль — на южном берегу полуострова между Эсткарпом и Карстеном.
27. Колдеры нападают на Эсткарп. Корис принимает командование над Гвардией. Ализон атакует Эсткарп.
28. В Колдовской мир является Саймон Трегарт.

Арвон, Верхний Холлек

1. Золотой век Арвона.
2. Война адептов.
3. Малерон, маркграф Хайтса, вызван своей единокровной сестрой Сильвией, которая доказала, что он избрал темный путь. Начинается рост горных хребтов.
4. Четыре Клана захватывают власть над Арвоном.
5. «Средние» существа, включая Всадников-Оборотней, изгнаны из Арвона.
6. Древняя Раса уходит с побережий, кроме Куэйта.
7. Люди Долин приходят в Колдовской мир и основывают Верхний Холлек.
8. Приходят первые корабли сулкаров.
9. Ализон нападает на Верхний Холлек.
10. Труан и Альмондия, беженцы из Эсткарпа, поселяются в Верхнем Холлеке.
11. Четыре Лорда объединяют силы юга Верхнего Холлека.
12. Четыре Лорда призывают бывших Всадников на войну с Ализоном.
13. Ализон перестает получать помощь от колдеров.

Особые годы в истории Колдовского Мира

1. Синерогий Баран

Упоминание: «Магический камень».

Год рождения Мерета, почти за 70 лет до года Рогатой Гончей.

2. Плюющаяся Жаба

Упоминание: «Хрустальный Грифон».

В этом году Керован и Джойсана обручились на топоре. Возможно, в этом году родилась Джиллан.

3. Саламандра

Упоминание: «Заклятье Колдовского мира».

Труан и Альмондия прибыли в Варк (Верхний Холлек) после побега из Эсткарпа на корабле сулкаров. Это произошло через три года после года Плюющейся Жабы.

4. Морской Змей.

Упоминание: «Заклятие Колдовского мира».

Рождение у Труана и Альмондии близнецов, Элина и Элис.

Этот год следует за годом Саламандры.

5. Коронованный Лебедь

Упоминание: «Хрустальный Грифон».

Этого год наступил через три года после года Морского Змея, отмечая 14-й год жизни Джойсаны. Восстает единокровный брат Пагара из Джина (ныне герцога Карстена).

6. Мшанка

Этот год следует за годом Коронованного Лебедя.

7. Огненный Тролль

Упоминание: «Хрустальный Грифон».

Этот год следует за годом Моховой Женщины. В этом году Ализон нападает на Верхний Холлек.

8. Леопард

Упоминание: «Год Единорога».

Фриза и Джиллан добираются до монастыря Норстед. Этот год наступает через три года после года Огненного Тролля.

9. Грифон

Упоминание: «Хрустальный Грифон».

Битва за форт Ингра в Верхнем Холлеке — в этом сражении люди Долин были разбиты ализонцами. Взяты Итдейл и Ульмсдейл. Этот год наступает через два года после года Леопарда.

10. Огненный Селезень

Упоминание: «Трое против Колдовского мира».

Пагар покоряет Карстен. Битва за Милосердный перевал в Верхнем Холлеке — и в ней гибнет Дом Нордендейл. Ализон прекращает снабжение своих сил в Верхнем Холлеке. Этот год наступает через два или три года после года Грифона.

11. Шершень

Упоминание: «Год Единорога».

Война в Верхнем Холлеке заканчивается. Этот год наступает, видимо, через два года после года Огненного Селезня.

12. Единорог

Упоминание: «Год Единорога».

Джиллан и еще двенадцать девушек Долин становятся невестами Всадников-Оборотней и отправляются с ними в Арвон. Колдуньи из Эсткарпа забирают к себе Каттею. Этот год следует за годом Шершня.

13. Красный Хряк

Упоминание: «Оборотень».

Этот год наступает через два года (или больше) после года Единорога. В этом году родились Кетан и Айлинн, были подменены Урсиллой в Храме Нив.

14. Колдунья

Упоминание: «Оборотень».

15. Химера

Упоминание: «Оборотень».

16. Гарпия

Упоминание: «Оборотень».

17. Дельфин

Упоминание: «Оборотень»

18. Оборотень

Упоминание: «Оборотень».

Кетан говорит: «Я как раз подошел к возрасту возмужания, мое отрочество кончилось. Это тоже было в год Оборотня...»

Похоже, ему тогда было от двенадцати до шестнадцати лет.

19. Рогатый Кот

Упоминание: «Оборотень».
Этот год следует за годом Оборотня.

20. Гном

По свидетельству Мерет («Магический Камень»), это был год Великого Поворота, за два года до года Рогатой Гончей.

21. Рогатая Гончая

«Магический Камень» начинается именно в этом году.

22. Колдунья

Следует за годом Рогатой Гончей.

Календарь Колдовского мира

В «Магическом Камне», написанном совместно с Мэри Х. Шауб, упомянуты месяц Огненного Торна (по календарю Долин), а также месяц Махровой Фиалки и месяц Ивового Карпа. Есть также упоминание о месяце Ободранного Дерева (за два месяца до Огненного Торна). В целом похоже, что существуют два календаря, один в Эскоре-Эсткарпе, второй — в Долинах (возможно, включая Арвон).

Годы по порядку — в соответствии с основанием Эсткарпа

Подсчет приблизительный. Хронология Ализона начинается с *Предательства* — видимо, это тот момент, когда Эльсенар закрыл ворота.

Приблизительно 45: Эльсенар и Шоррош открыли ворота в Ализ. Основан Ализон.
1: Основан Эсткарп.
725: Герцоги варваров захватывают Карстен.
860: Построен Сулкаркип.
878: Сокольничьи основывают Соколиное Гнездо.

968: Ивьян становится герцогом Карстена.

978: Саймон Трегарт приходит в Колдовской мир. Разрушен Сулкаркип. Смерть Ивьяна.

979: Саймон женится на колдунье Джелите. Они уничтожают колдеров.

980: Рождение Киллана, Кемока и Каттеи Трегарт. Пагар из Джина наносит поражение объединившимся лордам Карстена.

981: Пагар становится герцогом Карстена и предпринимает приграничные набеги на Эскарп. Хосторвул ведет 20 кораблей сулкаров вверх по реке и нападает на Карс.

982: Единокровный брат Пагара восстает.

986: Киллан и Кемок начинают обучаться воинскому делу.

992: После массированного нападения Карстена на Эскарп (пятью соединениями) Киллан и Кемок присоединяются к Хранителям Границ.

994: Саймон и Джелита пропадают в море.

997: Киллан и Кемок сражаются на перевале. Каттею забирают колдуньи.

999: Кемок ранен и уходит с границы. Он отправляется в Лормт.

1000: Великий Поворот. Многие колдуньи Эскарпа умерли. Киллан, Кемок и Каттея являются в Эскор.

1001: Эскарп прекращает войну с Карстеном и Ализоном.

1002: Саймон, Джелита, Каттея и Хиларион возвращаются в Колдовской мир.

Арвон, Верхний Холлек

966: Рождение Керована, сына Ульрика, лорда Ульмсдейла.

968: Рождение Джойсаны, дочери лорда Итдейла.

975: Джойсана и Керован обручаются на топоре.

978: Труан и Альмондия прибывают в Варк.

979: Рождение Элина и Элис.

982: Четырнадцатый день рождения Джойсаны.

984: Ализон вторгается в Верхний Холлек.

987: Джиллан и Фриза прибывают в монастырь Норстед.

989: Битва за форт Ингра. Ульсдейл и Итдейл опустошены.

993: Сражение на Милосердном перевале. Ализон прекращает снабжение сил, вторгшихся в Верхний Холлек.

995: Конец войны в Верхнем Холлеке.

996: Всадники-Оборотни забирают своих невест и возвращаются в Арвон.

Адепты Колдовского мира

В «Трое против Колдовского мира» сказано, что Древней Расе предшествовали более древние и сильные существа, и что они практически были равны богам Колдовского мира,— в том смысле, что они были могущественнее Мастера адептов и тех адептов, которые в своих войнах едва не погубили Колдовской мир.

Адепты Эскора

1. Алон

Алон возникает перед нами в «Берегись ястреба»: там ему двенадцать, и он блуждает по Эскору в поисках судьбы, пока не встречается с Хиларионом и Каттеей, которые начинают воспитывать его и от которых он узнает о Силе столько, что к 18 годам становится полным адептом («Сказительница»).

2. Эльсенар

Эльсенар вместе с Шоррошем привел Ализ в Колдовской мир, чтобы сохранить их расу, но он слишком поздно обнаружил, что Шоррош был адептом Тьмы, желавшим использовать их в своих целях. Хотя он запечатал ворота

в родной мир Ализ, Эльсенар не сумел полностью объяснить им роль Шорроша, и они постепенно стали смертельными врагами Древней Расы, несмотря на то, что среди их баронов были потомки Кревонеля. Кревонель был сыном Эльсенара и знатной ализонки, Килайны. Эльсенар, похоже, оказался последним Мастером адептов Эскора, жившим в Эсткарпе. Но его там не было, когда другие погубили себя в попытке открыть широкие врата в Лормте.

3. Хиларион

Хиларион был тем самым адептом, который открыл врата в своей крепости на восточном побережье моря и прошел через них. Его захватил в плен и использовал как источник силы некий Зандур — человек, принадлежавший к расе, связанной с колдерами. Зандур участвовал в древней войне, опустошившей его мир и чуть не приведшей к полной гибели его собственной расы. Хилариона спасла Каттея Трегарт, вместе с которой (а также с Саймоном и Джелит) он через свои врата вернулся в Эскор. Узнав о том, что Эскор разрушен, Хиларион помог Трегартам и их союзникам уничтожить большую часть зла, все еще державшего Эскор под своей властью. После этого Хиларион и Каттея устроились в его крепости, где со временем вырастили Алона и научили его путям Силы.

4. Ючар, дух Хэй-Харка

В «Трех мечах» Урик и Йонан воззвали к этой древней Силе, чтобы развернуть время, — им нужно было вернуться назад, к моменту проигранной битвы за Хэй-Харк, и сразиться с Тарги, судьбой Урика.

5. Лоскита, охранительница Мшанок

Лоскита была то ли той, кто создал Мшанок, или, возможно, одной из них, овладевшей Силой и ставшей достаточно могущественной, чтобы защитить этих созданий от

слуг Тьмы в Эскоре. Она помогла Кемоку Трегарту в поисках Каттеи после того, как ту забрал в Тёмную башню Динзил — «Чародей Колдовского мира».

6. Нинутра, Госпожа Огня

Нинутра была первым адептом, открывшим Врата в другой мир и покинувшим Эскор, но она каким-то образом сохранила связь с Эскором через некую усыпальницу или храм, посвященный ею ей же самой. Лайдан называла ее «Госпожа Огня», но она ассоциируется с птицами. Нинутра то ли сама согласилась, то ли была призвана служить Крите, девушке Древней Расы из Карстена.

7. Шорош

Шорош начал понемногу осваивать методы Тьмы еще до того как он и Эльсенар открыли ворота, чтобы спасти Ализ, чей мир был погублен оледенением. Шорош, очевидно, заключил союз с другими адептами Тьмы из Эскора, погубившими Древнюю Расу, и их союзниками — на время недолгой стремительной кампании, в результате которой все оставшиеся в живых «добрые люди» Эскора бежали на запад. Самого Шорроша поймал в ловушку Эльсенар (в Ализе), после того как этот последний адепт узнал о подлинной натуре Шорроша.

8. Ситри

Я не совсем уверен в том, что это имя адепта. Кемок Трегарт нашел его меч в подземной пещере, и это оказался весьма мощный талисман Света. Орсия из Крогана обладала рогом единорога из хранилища Ситри. Ситри, похоже, был одним из тех, кто в древности открывал врата, и кто сохранил какую-то связь с Эскором — достаточную для того, чтобы не раз помочь Кемоку.

9. Вольт, учитель людей

Вольт, видимо, был одним из тех древних существ, которые учили Древнюю Расу. Он явно был радушно

принят варварами, осевшими на морских побережьях, и даровал им и защиту, и мудрость. Корис из Горма, Саймон Трегарт и несколько сулкаров и солдат Эсткарпа нашли останки Вольта (похоже, до тех пор охранявшиеся его духом), — в пещере в Верлейне. Корис взял огромный топор Вольта и много лет использовал его в сражениях. Вольту явно поклонялись жители Торовых топей, и, должно быть, с ними он был связан куда сильнее, чем с другими людьми.

Эскор

Хотя эта страница по замыслу посвящена адептам, было еще и несколько воинов, достаточно сильных и храбрых, чтобы бросить вызов адептам. Были также второстепенные маги, никогда не достигавшие того уровня Силы, которым обладали адепты. Этот список невелик.

1. Динзил

Динзил — отпрыск одного из немногих кланов Древней Расы, которые остались в Эскоре. Динзила обучал некий адепт или почти адепт, сохранивший верность Свету и желавший лишь защищать свой народ. Но Динзил сознательно разыскал тех, кто владел темной Силой и учился у них, желая стать адептом и мастером великой Силы. Динзил и его союзники были уничтожены, когда Кемок Трегарт призвал Ситри.

2. Лайдан

Лайдан была проявлением Тьмы, созданным Тарги с помощниками. У нее было некое убежище, где она могла прятаться, — но когда Тарги была убита Уриком и Йонаном, Лайдан стала слабеть. Со временем ее одолела Нинутра.

3. Тарги

Тарги, видимо, был военачальником древнего Эскора, приблизившимся к уровню адепта во владении Силой. Он руководил или направлял нападение на Хэй-Харк, при котором Урик был взят в плен, а Толар смертельно ранен. Тарги не сумел предотвратить смерть собственного тела, но его дух жил в сохранившемся сердце, пока Урик и Йонан не вернулись для нового сражения. Тарги вторично потерпел поражение, Урик убил его.

4. Толар

Толар был военачальником Эскора, связанным с Уриком. Он также был обладателем Ледяного Жала, — одного из четырех великих оружий, служивших Свету в древних битвах Эскора. Но Ледяное Жало изменилось от неправильного употребления и стало служить дурным предзнаменованием. Толар был смертельно ранен в битве за Хэй-Харк, и, сопротивляясь смерти, в последнем усилии сломал лезвие Ледяного Жала, чтобы оно не могло быть использовано слугами Тьмы. Дух Толара, похоже, был связан с Йонаном, наполовину сулкаром, наполовину представителем Древней Расы, воином Карстена, пришедшим в Эскор как солдат на службе Хервона, — это был первый глава клана Древней Расы, последовавший на восток за Килланом Трегартом.

5. Урик

Урик говорил Киллану, что когда-то он был «главой города: я вверг эти области в войну». Он, похоже, был лидером Братства Хэй-Харка, города-крепости Эскора, противостоявшего адептам Тьмы до тех пор, пока не был разрушен холм, на котором стоял Хэй-Харк. Урик упоминает о «Знаменах Эрка» и «Знаменах Эфта», когда говорит о союзниках, так же, как и о силах Клингхельда, — видимо, это те, кто откликнулся на его призыв защитить эти земли. Топор Урика назывался «Крушитель Шлемов», и он был способен отбивать вспышки Силы, которую Тарги использовал в сражении.

Адепты Арвона

1. Марелон

Марелон был маркграфом Хайтса в Арвоне, видимо, перед или во время великой войны адептов. Он свернул на пути Тьмы, и когда ему бросила вызов его единокровная сестра Сильвия, попытался убить ее, чтобы скрыть свой проступок. Он вызвал из другого мира четырех гончих, чтобы преследовать Сильвию, но Сильвия обратилась к Нив за защитой. Марелон, его гончие и Сильвия стали Теми, Которые Перешли Горы, и возвращались в свою крепость Кар Ре Доган каждую ночь, даже когда их семья исчезла, а сама крепость превратилась в руины. Со временем Марелона освободил от чар Нив шаман по имени Найду из кайогов. После того как Ландисл убедил Марелона в том, что тот подпал под влияние зла, Марелон добровольно сдался Гвардейцам и мирно умер, избежав окончательного падения.

2. Ландисл

Ландисл был одним из «Небесных» адептов, состоявших в некоем родстве с крылатыми существами. Ему служил грифон Телфер. Вместе с Матром, Йоэром и Рлленом Ландисл однажды сумел победить адепта Тьмы Галкура, однако Галкур, похоже, не погиб, зато Ландисл

был погружен в Долгий Сон, от которого его пробудили Керован и Джойсана. Во время сна Ландисл обнаружил и изменил чары Галкура, что привело к созданию Керована, нерожденного ребенка. После финальной схватки с Галкуром Ландисл ушел через свои Врата, но сохранил некую связь с Керованом, который отчасти был его духовным (и физическим) сыном.

Ландисл по материнской линии как-то сродни Сильвии, единокровной сестре Марелона.

3. Нивор

Нивор, видимо, является одним из последних оставшихся в живых адептов Арвона, тайно странствовавшим по разным краям после великой войны и присматривавшим за порядком, и, возможно, служившим советником выживших адептов и глав кланов,— в его намерения входило сохранение некоего равновесия между наличествующими силами. Свою подлинную силу он проявил в последней схватке с Галкуром.

4. Матр

Один из «Небесных», который помог в первом поражении Галкура; но ко времени пробуждения Ландисла он то ли уже умер, то ли находился очень далеко от Арвона, так что призвать адепта на помощь не удалось.

5. Йоер

Тоже из «Небесных», и тоже в первой схватке участвовал в поражении Галкура, но ко времени пробуждения Ландисла он то ли умер, то ли находился слишком далеко от Арвона, и призыва не услышал.

6. Ррлен

Один из «Небесных», помогших нанести поражение Галкуру, и тоже ко времени пробуждения Ландисла то ли умерший, то ли бывший вдали от Арвона.

7. Гуннора

Гуннора, наверное, была одной из наиболее могущественных среди адептов Арвона (и Эскора). Ее почитали как божество, и она явно могла взаимодействовать с людьми, призывавшими ее через века, и помогать им. Она была очень чувственной и преданной жизни, действуя ради сохранения всего живого. Мы встречаемся с Гунно-рой в «Рогатом Венце», но она упоминается и во многих других историях.

8. Нив

Нив была другим чрезвычайно могущественным адептом, и, как и Гуннора, посвятила себя жизни.

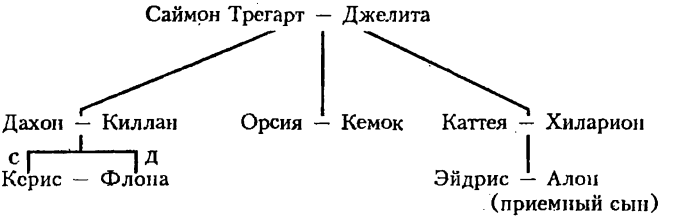
В Арвоне был храм Нив, куда женщины могли прийти рожать, если боялись трудных родов. Похоже, Нив в последующие века поклонялись как богине (как и Гуннорс).

9. Галкур

Возможно, это один из наиболее сильных адептов Тьмы. Во время войны адептов Галкур потерпел поражение от «Небесных», но не был уничтожен, и, похоже, должен был получить нечто вроде платы за это по условиям некоего Закона, признанного адептами. Восстанавливая свои силы, Галкур заключал сделку с матерью Керована, Тефаной из Палтендейла, — она надеялась благодаря этому договору обрести большую Силу, а Галкур рассчитывал приобрести инструмент, нужный для его собственных целей. Но Ландисл, несмотря на то, что был погружен в Долгий Сон, раскрыл план Галкура и изменил его. Годом позже, когда Галкур попытался заявить права на Керована, Ландисл и Нивор вмешались и в последний раз сразились с Галкуром, явно уничтожив его в титанической буре Первичной Силы.

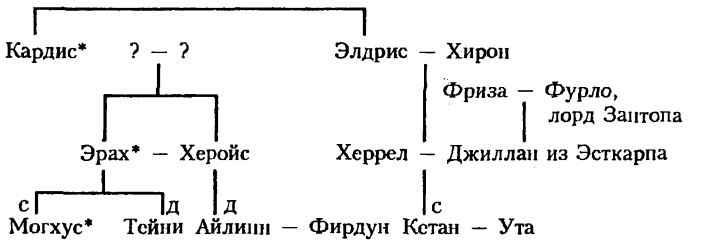
ГЕНЕАЛОГИЯ

Род Трегарта



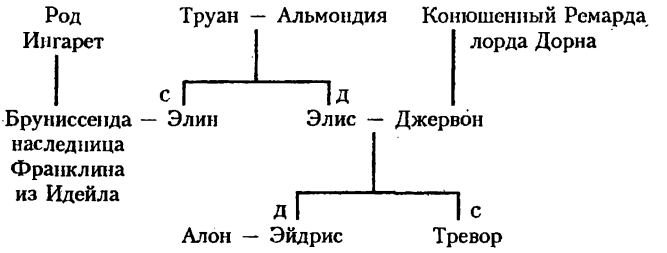
Семьи Верлейна и Горма

Потомки Госпожи Элдрис
из Кар До Праун клана Красных Плащей из Арвона

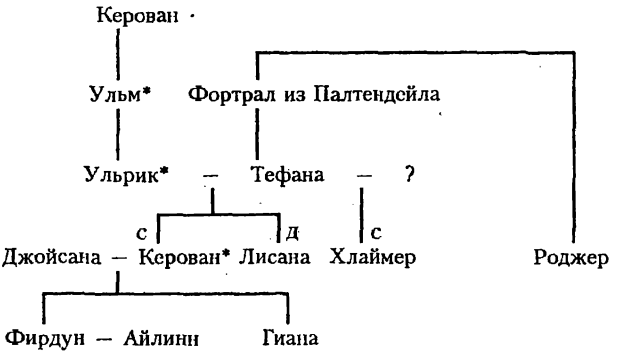


* Упомянутые лорды Кар До Прауна из клана Красных Плащей

Наследники Труана и Альмондии, бежавшие из Эсткарпа

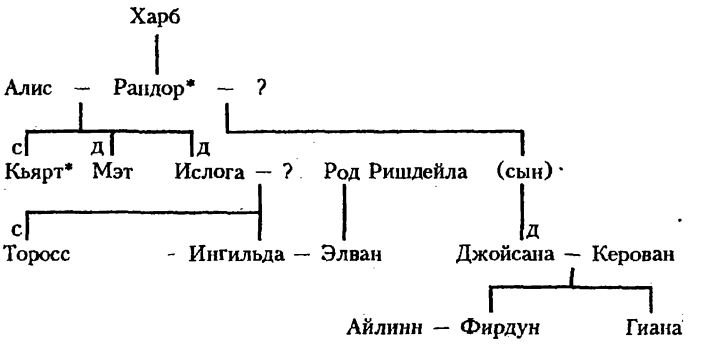


Дом Ульмсдейл



* *Упомянутые законные лорды Ульмсдейла*

Дом Харба, лорды Итдейла



* Упомянутые законные лорды Итдейла

Глоссарий

Алвин

Житель долин из Верхнего Холлека. Сын Алвина и Мартины, родившийся после того, как Мартина и другие бежали из разрушенного Итдейла («Хрустальный Грифон»).

Алдит

Женщина из Верхнего Холлека. Она была одной из невест Всадников-Оборотней, происходила из семьи с юга. Ее фамильным гербом была саламандра, извивающаяся среди языков пламени («Год Единорога»).

Алдис

Женщина из Карстена. Возлюбленная Ивьяна. Она пыталась оказать помощь Мудрым, чтобы обеспечить себе верность Ивьяна после его венчания на топоре, но стала при этом марионеткой в руках Джелиты. Она превратилась в агента Колдера и, сбежав из замка Карса с Лойз, организовала всеобщий хаос, ловко пустив слух, что кто-то из доверенных лиц герцога Ивьяна — предатель («Колдовской мир», «Паутина Колдовского мира»).

Ализ

Главный порт и город Ализона, столицы государства («Колдовской мир», «Магический Камень», «Стража Колдовского мира»).

Ализон

Страна на севере Эсткарпа, находящаяся на западном побережье. Холодная и суровая земля. Ализонцы были приведены через ворота двумя адептами Эскора, обнаружившими, что их собственный мир близок к гибели. Общество ализонцев организовано на манер стай их злобных гончих собак. Ализонская знать — люди, склонные к зависти и интригам; после того как ворота закрылись (прежде чем сквозь них успели пройти все), ализонцы стали сторониться тех, кто владеет Силой. Они начали войну с Эсткарпом, объединившись с колдерами. Используя машины колдеров, ализонцы вторглись в Верхний Холлек. Но когда они начали проигрывать в войне с Эсткарпом, им пришлось бросить на произвол судьбы экспедиционные силы. Потомок Эльсенара, один из адептов, приведших ализонцев в Колдовской мир, сумел установить контакт с Эсткарпом через Лормт и начал налаживать ситуацию. Ализ — крупнейший город Ализона, одновременно и столица, и морской порт («Колдовской мир», «Магический Камень», «Стража Колдовского мира» и другие книги).

Алис

Женщина из Верхнего Холлека, жена Рэндора. Она родила ему четверых детей, первый из которых оказался мертворожденным. Кьярт — их второй ребенок, Мэт — третий, четвертая — Ислога («Хрустальный Грифон»).

Алавин

Моряк, служащий на «Рассекающем волны» («Паутина Колдовского мира»).

Алоузан

Женщина из Верхнего Холлека, госпожа Норстеда. Она обладала даром исцеления и знанием трав («Год Единорога», «Хрустальный Грифон»).

Ангарл

Человек из Верхнего Холлека. Он был воином из долины Торосса и пришел в Итдейл с Тороссом, Ислогой и Ингильдой («Хрустальный Грифон»).

Аннет

Женщина долин из Верхнего Холлека, жена Джиерда. Она была дочерью Уриана из Лангсдейла. После войны с Ализоном Аннет стала владычицей имения Джиерда в Аппсдейле, заменив его сестру Исмэй, которой явно завидовала. Аннет не умела выращивать травы («Заклятие Колдовского мира»).

Ап-Як

Владение Зарстора в большем Арвоне, проклятое Бэйном. Когда Бриксия превратила Бэйн в талисман Силы, освободив духи Зарстора и Элдора, Марбон уничтожил проклятие, и бывшие земли Ан-Яка возродились («Сокровище Зарстора»).

Аппсдейл

Долина на севере Верхнего Холлека. За сорок лет до войны с Ализоном в Аппсдейле были разработки янтаря, но их закрыло оползнем. Рудник затем вошел в наследство дочерей дома Аппсдейла, хотя, казалось, он уже не представлял ценности. Хилле Узурпатор (из Куэйта) женился на Исмэй и снова открыл рудник. См. также Сарвон, Исмэй, Хилле, Куэйт, Лангсдейл («Заклятие Колдовского мира»).

Арнар

Человек из Верхнего Холлека. Старший сын Бросона, кузнец Гхилла («Заклятье Колдовского мира»).

Арчан

Человек из Верхнего Холлека. Помощник Кьярта в Итдейле. Он создал изображение Джойсаны, которое было послано Керовану («Хрустальный Грифон»).

Беженцы из Арвона

Представители Древней Расы, высланные из Арвона после Великой Битвы, в результате которой в исконных землях Древней Расы был восстановлен мир. Многие из беженцев перебрались в Варк, но некоторые задержались рядом с морем, в развалинах Мест Древних, где жили арвонцы до того, как отыскали Путь Памяти назад, в Арвон. Кое-кто из беженцев вступил в брак (или хотя бы просто завязал дружеские отношения) с людьми Долин Верхнего Холлека («Хрустальный Грифон», «Год Единорога», «Оборотень»).

Бертора

Женщина из Карстена. Агент колдеров в Карсе, заманившая Лойз в ловушку, расставленную колдерами («Паутина Колдовского мира»).

Бетрис

Женщина из Карстена. Возлюбленная Фалька. Она, похоже, явилась с побережья Верлейна и рыскала в поисках обломков кораблекрушений, пока не обратила на себя внимание Фалька и не попала к нему в постель («Колдовской мир»).

Болдре

Город в Верхнем Холлеке, возможно, управляемый Вескисом, до войны с Ализоном («Заклятие Колдовского мира»).

Борстал

Человек из Верхнего Холлека, лесничий Итдейла. Он вывел из долины одну группу выживших («Хрустальный Грифон»).

Брайант

Имя, которое взяла Лойз во время побега из Верлейна; она изображала из себя наемника («Колдовской мир»).

Братство

Религиозная организация в Карстене. Сирик явно состоял в ней («Колдовской мир»).

Бриксия

Женщина из Верхнего Холлека. Из рода Торгуса, на юге Верхнего Холлека; Бриксия избежала гибели во время войны с Ализоном, в отличие от своей семьи. Мать Бриксии умерла во время родов, а ее отец погиб в одном из первых сражений в войне с Ализоном («Сокровище Зарстора»).

Брок

Человек Древней Расы, лорд Куэйта. Брок был свергнут и взят в плен Хилле Узурпатором. Исмэй освободила Брока и Яал, его даму, и они вернули Куэйту прежнюю красоту. Брок пригласил Исмэй остаться с ним и Яал, когда Хилле был разбит («Заклятие Колдовского мира»).

Бросон

Житель Долин, из Верхнего Холлека. Он был кузнецом в Гхилле во времена Вескуса («Заклятие Колдовского мира»).

Валдис

Человек Древней Расы из Карстена. В юности он служил в доме Ингвальда, затем бежал из Карстена и стал пограничником под командой Саймона Трегарта. Он вместе с Саймоном Трегартом и Корисом отправился на Горм спасать Лойз («Колдовской мир», «Паутина Колдовского мира»).

Варк

Долина Верхнего Холлека, расположенная на побережье и подчиненная Вестдейлу. Труан и Альмондия поселились там после бегства из Эсткарпа («Заклятие Колдовского мира»).

Вар

Владение Элдора, расположенное в землях, покинутых Арвоном и ставших частью Пустыни («Проклятие Зарстора»).

Васскот-Кип

Владение Сольфинны, одной из тринадцати невест Всадников-Оборотней. Очевидно, долина Васскотов была расположена на севере Верхнего Холлека, поскольку для нее выйти замуж за южного лорда означало то же, что вообще покинуть Верхний Холлек: она могла никогда больше не увидеть своих родных («Год Единорога»).

Великая Звезда

Эмблема силы, используемая при обращении к одной из величайших Сил («Хрустальный Грифон»).

Верлейн

Прибрежная область Карстена, разбогатевшая за счет морских грабежей. Фальк посредством брака стал править Верлейном и решил распространить свою власть на

весь Карстен, выдав свою дочь Лойз за герцога Ивьяна («Колдовской мир», «Паутина Колдовского мира»).

Вескус

Лорд Верхнего Холлека. До войны с Ализоном он правил несколькими долинами. («Заклятие Колдовского мира»).

Вестдейл

Долина Верхнего Холлека. Видимо, располагалась в середине северного побережья. Вестдейл также называли Вастдейлом, и в нем находился Джорби (также — Джурби), один из главных торговых городов Верхнего Холлека. Вестдейл был захвачен ализонцами в числе первых. Варк был подчиненной долиной, им управляли лорды Вестдейла («Хрустальный Грифон», «Заклятие Колдовского мира»).

Владение Фалька

Это название в книгах не используется. Крепость Фалька упоминается как владение. Крепость стояла на вершине утеса. Между владением и краем утеса был выгон, где Фальк держал своих лошадей. Одна или несколько тропинок вели вниз, на каменистый берег, где люди Фалька после штормов подбирали обломки кораблекрушений («Колдовской мир»).

Волны Аспера

Моряки Сулкара ругаются этими словами. Возможно, это название их родного мира, давно забытого, и сохранившегося только в проклятиях и божбе («Паутина Колдовского мира»).

Вольт

Последний представитель дочеловеческой расы Колдовского мира. Он пожалел примитивных людей Древней

Расы и дал им мудрость и знания. Вольт обладал великой силой, и он воевал с теми человеческими племенами или народами, которых считал носителями зла. Местом его успокоения стала пещера на севере Верлейна, где его и нашли Саймон и Корис. Оружием Вольта был топор, и Корис, найдя сохранившееся оружие Вольта, взял его себе («Колдовской мир»).

Вортгин

Человек Древней Расы. Слуга или солдат лорда Вортимера, посла Эсткарпа в Карстене. Вортимер послал Вортгина предупредить Джелиту о том, что рог протрубил трижды. Вортгин присоединился к Джелите, Саймону, Корису и Лойз, отправившись с ними на север, в Карс. Он помог поднять Древнюю Расу на борьбу против Карстена («Колдовской мир»).

Вортимер

Человек Древней Расы, из Эсткарпа. Представитель древнего знатного рода, Вортимер был последним послом Эсткарпа в Карстене. Когда Ивьян узнал, что именно люди Эсткарпа лишили его невесты и убили его друзей, он приказал трижды протрубить в рог перед всеми представителями Древней Расы Эсткарпа в Карстене. Вортимер собрал всех, кого смог, в башне, служившей посольством, а потом взорвал башню («Колдовской мир»).

Высший Охранитель

Мистическая сила, упомянутая Джелит, когда она говорила Саймону: «...наши линии жизни сведены вместе Рукой Высшего Охранителя». Возможно, это эвфемизм обозначающий бога, высшее существо («Колдовской мир»).

Галера

Тип корабля, используемый колдерами или союзниками колдеров для походов в Карстен за рабами («Колдовской мир»).

Гвардия

Солдаты Эсткарпа, в основном из представителей Древней Расы. Хотя их главный штаб находился в Эсе, они также создали линию укреплений (фортов) вдоль границ с Ализоном и Карстеном. Особые подразделения Гвардии назывались пограничниками, и здесь в основном служили беженцы из Карстена — они патрулировали на приграничных с Эсткарпом и Карстеном землях. Гвардейцы были храбрыми воинами, зачастую сражавшимися с врагом до конца. Стратегию их действий определяли колдуньи, но командовал ими Капитан. И одним из последних Капитанов был Корис из Горма. Гвардейцы носили кольчуги и сражались мечами, но они также имели особые метательные ружья, чрезвычайно опасные. В схватках с врагами они нередко действовали вместе с сокольничими (которые обычно вели разведку) или сулкарами («Колдовской мир», «Паутина Колдовского мира», «Трое против Колдовского мира», «Чародей Колдовского мира»).

Горм

Остров в большом заливе, напротив Эсткарпа. Люди поселились там через несколько веков после того, как Древняя Раса основала Эсткарп. Это были моряки, рыбаки и торговцы. Сиппар — самый большой город и столица Горма. Там жил лорд-защитник, правивший народом. Когда Хильдер, последнийлоордзаащитник Горма, умер, его вдова Орна призвала колдеров, чтобы укрепить свою власть, но вместо этого они поработили всех жителей и использовали их как подобных зомби слуг и солдат в войне против Эсткарпа («Колдовской мир»).

Гралия

Женщина из Верхнего Холлека. Замужем за лордом Джерретом. Она была сестрой Килдас, одной из невест Всадников-Оборотней, и устроила так, что Килдас оказалась включенной в число невест, — чтобы Джеррет не флиртовал с ней («Год Единорога»).

Гратулда

Настоятельница Святыни — видимо, Аббатства Пламени (Огня, Света). Гратулда была подругой и наставницей Исмэй («Заклятие Колдовского мира»).

Грифон Прыгающий

Герб Ульмсдейла. В качестве герба Грифон изображался на зеленом поле («Хрустальный Грифон»).

Грэйфорд

Город или монастырь в Верхнем Холлеке — возможно, город в Лангсдейле или поблизости от него. Аннет говорит Джиреру, что госпожи из Грейфорда носят у сердца янтарные амулеты («Заклятие Колдовского мира»).

Гуннора

Госпожа Древней Расы, адепт Арвона. Ее также называют Рашонной, Матерью урожая и Дженнорой Урожайной. Гуннора — подательница жизни, и ей поклонялись девушки и матери. Мужчины боялись обнажать оружие в тех местах, где присутствовала ее Сила. Амулеты Гунноры часто использовались как талисманы. Женщины призывали Гуннору при трудных родах. Видимо, крестьяне просили Мудрых обращаться к Гунноре во время сева, и один из ее амулетов изготовлялся из зерен («Заклятье Колдовского мира», «Рогатый Венец», «Грифон», «Оборотень», «Заклятие Зарстора»).

Гунольд

Человек из Карстена. Наемник Ивьяна. Главнокомандующий Карстена, под руководством Ивьяна. Он был одним из трех посланников Ивьяна в Верлейн, для провсдения церемонии брака на топоре с Лойз. Джелита вынудила его покончить с собой, застрелиться из его собственного метательного ружья («Колдовской мир»).

Гутторм

Сокольничий, который командовал передовыми силами Эсткарпа во время атаки цитадели Карса со стороны северных ворот города («Паутина Колдовского мира»).

Гхилл

Город в одной из долин Вескиса («Заклятие Колдовского мира»).

Гьянтс Фист (Кулак титана, великана)

Скалистый утес на юге Ульмсдейла («Хрустальный Грифон»).

Дагэйл

Житель долин из Верхнего Холлека, командир мени Кьярта. Кьярт оставил его защищать Итдейл с небольшой горсткой людей, и он пожертвовал собой, чтобы спасти Джойсану и других беженцев, когда ализонцы атаковали Иткрипт («Хрустальный Грифон»).

Дайрини

Женщина из Верхнего Холлека, дочь лорда Марчпойнта. Она ненадолго подружилась с Исмэй из Аппсдейла, когда направлялась на ярмарку в Финдейле, через пять лет после войны с Ализоном. Родители Дайрини встретились на ярмарке в Ульмпспорте («Заклятье Колдовского мира»).

Дальновидение

Колдовской метод, которым не владели поклонники Огня, но который использовали Мудрые, колдуньи, адепты и другие, владеющие Силой («Хрустальный Грифон» и другие книги).

Дважды рожденная Канса

Некий персонаж, исторический или мифический, по имени которого назван один из монастырей Огня. Скорее всего это имя традиционное, принесенное людьми Долин из их родного мира.

Двед

Человек из Верхнего Холлека. Сын маршала Итсфорда. Его семья состояла в родстве с матерью Марбона, и они владели небольшой приграничной сторожевой башней. Двед был третьим сыном. Марбон взял его к себе на службу. После того, как Марбон лишился ума, Двед привел его обратно в Эггерсдейл («Сокровище Зарстора»).

Демоны

Существа, которых боятся жители Колдовского мира. Харб победил демона Ирр Васт. Джиллан объясняла Херрелу, как можно справиться с демонами. Когда созданный Джелитой иллюзорный флот растаял на берегу Верлейна, простые люди тех мест решили, что это был флот демонов («Колдовской мир», «Год Единорога», «Хрустальный Грифон»).

День Имени

Личный праздник в Верхнем Холлеке, видимо, отмечающий тот день, когда ребенку было дано имя. Было в обычае (по крайней мере, в знатных семьях) в этот день дарить любимым подарки («Хрустальный Грифон»).

Джаго

Человек из Верхнего Холлека, служивший у Ульрика из Ульмсдейла, до его ранения. На Джаго была возложена обязанность обучения и охраны Керована в годы его юности («Хрустальный Грифон»).

Джаппон

Человек из Карстена. Шеф-повар Ивьяна, владевший искусством приготовления борова в красном вине, любимого блюда Ивьяна («Паутина Колдовского мира»).

Джартар

Житель Долин, из Верхнего Холлека, сводный брат Марбона. Он пал в битве за перевал Унго. Возможно, он был смешанной крови, и явно был Мудрым («Сокровище Зарстора»).

Джасинда

Госпожа из Верхнего Холлека, дочь Вескиса («Заклятие Колдовского мира»).

Джелита Трегарт

Женщина Древней Расы, из Эсткарпа. Колдунья, в свое время одна из наиболее могущественных в Эсткарпе. Джелита предприняла опасную миссию против врагов Эсткарпа, и когда ее преследовали Гончие Ализона, встретила Саймона. Позже, когда колдуньи начали действия против Горма и колдеров, Джелита вместе с Саймоном отправилась в Карстен, Горм и в Гнездо Колдеров. Джелита со временем решила оставить колдовство и выйти замуж за Саймона. Колдуньи в ответ отказались от нее и лишили ее своего уважения.

Джелита родила тройню: Киллана, Кемока и Каттею, предсказав их судьбу (воин, чародей, колдунья). Прежде чем дети подросли, Джелита последовала за Саймоном в другой мир. Впоследствии они снова встретились с уже взрослой Каттеей, бежавшей от колдуний, и вернулись с ней и адептом Хиларионом в Колдовской мир. Джелита и Саймон ненадолго задержались в Эскоре, чтобы помочь в войне с восставшей Тьмой, а затем вернулись в Эсткарп. Там они участвовали в последней попытке закрыть все Врата.

Джслита была высокой, стройной, с длинными, шелковистыми черными волосами («Колдовской мир», «Паутина Колдовского мира», «Трое против Колдовского мира», «Заклятие Колдовского мира», «Магический Камень», «Стража Колдовского мира»).

Дживин

Гвардеец Эсткарпа. Корис называл его блестящим наездником. Он отправился вместе с Корисом в Сулкаркип и сражался там, а затем вместе с Корисом и Саймоном очутился в Соколином Гнезде. Оттуда он с Танстоном вернулся в Эсткарп. Дживин умел ловить рыбу голыми руками («Колдовской мир»).

Джиллан

Женщина Древней Расы, родом из Эсткарпа. В детстве была увезена из Эсткарпа Гончими Ализона; по неясной причине очутилась в главном порту Верхнего Холлека, куда Гончие Ализона доставляли свои припасы. Фурло из Зантопа обнаружил ее во время нападения на ализонцев, и под охраной отправил к своей жене, Фризе. Когда Зантоп был разгромлен, Фриза и Джиллан бежали в монастырь Норстед, в нижние долины. После смерти Фризы Джиллан осталась под присмотром монахинь, а затем согласилась стать одной из Тринадцати Невест Всадников-Оборотней. Она выбрала Херрела и последовала за ним в Арвон, где им пришлось сражаться за ее жизнь и свободу. Джиллан и Херрел затем поселились в Рисе, в Звездной Башне, стоящей среди лесов Арвона, неподалеку от земель клана Красных Плащей. Джиллан родила Херрелу сына, Кетана, которого забрали у нее сразу после рождения. Айлинн, девочка, рожденная сводной сестрой Херрела, заменила Кетана, и Джиллан с Херрелом вырастили ее, как свою дочь («Год Единорога», «Оборотень»).

Джойсана

Женщина из Верхнего Холлека и Арвона. Племянница Кьярта из Итдейла (дочь его младшего единокровного брата); Джойсана венчалась на топоре с Керованом из Ульмсдейла («Хрустальный Грифон», «Гнездо Грифона», «Стража Колдовского мира»).

Джокуль

Неизвестно, из какой страны этот человек. Это моряк, служивший на «Рассекающем волны». Маленького роста, сутулый (или горбатый), с темным, загорелым и обветренным лицом, — именно к нему обращался капитан Койтой Стимир, чтобы подтвердить направление, которым шел корабль («Паутина Колдовского мира»).

Джотен

Человек из Карстена. Один из воинов Гунольда. Он участвовал в захвате в плен Джелиты («Колдовской мир»).

Димдейл

Долина Верхнего Холлека. На севере граничит с Хокердейлом. Кастербрук располагался в северной части Димдейла («Год Единорога»).

Диски (круги) Вагера

Похожие на монетки предметы со светящимися метками, использовались в Карстене для игры. Если метка обращалась от того, кто бросал диск, это повышало цену. После того как игрок устанавливал стоимость своего диска, диск переходил к следующему игроку. Тот, кто набирал наибольшую сумму, выигрывал все ставки. Фальк и Гунольд использовали Диски Вагера, чтобы разыграть невинность Джелиты («Колдовской мир»).

Дом Дважды Рожденной Кансы, аббатство Огня в Верхнем Холлеке

Это аббатство было захвачено ализонцами во время войны. Госпожа Вирта — из этого монастыря (см. Ульрика) («Заклятие Колдовского мира»).

Дом Ингарета

Наследники (потомки) Ингарета, первого лорда Идейла. Франклин и его дочь Бруниссенда (жена Элина) принадлежали к дому Ингарета. Один из лордов Идейла был женат на женщине Древней Расы, но отверг ее. В отместку она прокляла его дом, и многие из этого рода из поколения в поколения были обречены на страшную гибель («Заклятье Колдовского мира»).

Дом Ришдейла

Лорды Ришдейла. Их эмблемой был змей («Хрустальный Грифон»).

Дом Торгуса

Потомки Торгуса. Лорды Мурачдейла, маленькой долины на юге Верхнего Холлека. Похоже, вся эта семья, кроме Бриксии, погибла в войне с Ализоном («Проклятие Зарстора»).

Дом Ульма

Лорды Ульмсдейла, основанного Ульмом, который, видимо, был младшим сыном древнего знатного рода. Их эмблемой был Грифон на зеленом поле («Хрустальный Грифон»).

Доннар

Человек из Карстена. Телохранитель госпожи Алдис («Колдовской мир»).

Дуарт

Человек из Карстена. Дуарт, принадлежащий к старой знатной семье, был одним из тех трех посланников, кото-

рые были направлены Ивьяном в Верлсйн для совершения церемонии венчания на топоре, когда он решил жениться на Лойз. Похоже, его род — старейший знатный род в Карстене. Дуарт, видимо, был убит Фальком после того, как Лойз сбежала вместе с Джелитой («Колдомской Мир»).

Дурстан

Человек Древней Расы, из Карстена. Пограничник, из подчиненных Саймона Трегарта. Его отряд, в котором состояло двадцать солдат, предположительно патрулировал в холмах поблизости от Саускипа в тот самый день, когда Лойз Верлейнская была похищена колдерами. Вместе с Саймоном Трегартом они поспешили ей на помощь, но смогли лишь выяснить, что ее посадили на корабль, отправившийся в Карс («Паутина Колдовского мира»).

Жители приграничной полосы (или пограничники, или приграничники)

Люди Долин с северо-запада Верхнего Холлека, о которых говорится, что они смешанной крови («Хрустальный Грифон»).

Житель Долин, из Верхнего Холлека, пастырь Итдейла

Он бежал, когда в долину вторглись враги, но был ранен («Хрустальный Грифон»).

Зантоп

Долина Верхнего Холлека. Зантоп был маленькой прибрежной долиной, перед войной с Ализоном управляемой Фурло. Он торговал с Сулкаром. Зантор, видимо, был захвачен ализонцами («Год Единорога»).

Зарстор

Житель долин, предок лордов Эггерсдейла. Прежде он был лордом Ан-Яка, но женился на женщине Древней

Расы и осел в Эггерсдейле. Но Зарстор вызвал гнев своего сводного брата Элдора, призвавшего проклятие Силы Тьмы на Зарстора и всех его потомков. Зарстор обладал могущественным мечом, который был против него же и использован. Когда Зарстор узнал, что Элдор интригует против него, он выступил против своего сводного брата. Ан-Як был проклят, и Зарстор, видимо, бежал в Верхний Холлек, но его дух оказался неразрывно связан с духом Элдора («Сокровище Зарстора»).

Зимний Пир (Праздник)

Праздник в Верхнем Холлеке. Иногда во время этого праздника заключались помолвки («Заклятие Колдовского мира»).

Ибикус

Человек Древней Расы, из Арвона. Обладатель Силы, адепт или почти адепт, служивший Голосам Арвона и старавшийся установить равновесие между силами Света и Тьмы, или добиться перевеса сил Света. В Верхнем Холлеке он был известен как Нивор, и именно там он встретился с Керованом и предостерег его («Хрустальный Грифон»).

Ивьян

Человек из Карстена. Видимо, сирота; он начал карьеру как наемник, а закончил тем, что захватил власть над Карстеном и провозгласил себя герцогом. В течение десяти лет Ивьян боролся с оскорбленной знатью, и наконец договорился о женитьбе на Лойз Верлейнской. Ее род по материнской линии был древним и уважаемым, и Ивьян надеялся посредством брака укрепить свое положение. Он также рассчитывал построить в Верлейне порт, чтобы начать тут самостоятельную торговлю на севере, в качестве конкурента сулкаров. Он был убит Корисом.

У Ивьяна был крупный выступающий подбородок и светлые густые брови («Колдовмкой Мир», «Паутина Колдомского Мира»).

Ингвальд

Человек Древней Расы, из Карстена. Он был вельможей, но ушел служить на границу, под началом Саймона Трегарта, став со временем помощником или лейтенантом Саймона. Благодаря сведениям Ингвальда Саймон обнаружил проникновение чужаков в среду командиров Карстена. Отец и брат Ингвальда были убиты в Карстене. Ингвальд вместе с Саймоном отправился спасать Лойз от герцога Ивьяна («Колдовской мир», «Паутина Колдовского мира»).

Иль

Город колдеров, расположенный в южной части полуострова, отделявшего Эсткарп от Карстена. После поражения Сиппара город был окружен силовым полем. Хотя он был построен из природного эсткарпианского камня, а не из металла, он каким-то образом был отделен от земли, на которой стоял,— это почувствовал Саймон Трегарт («Паутина Колдовского мира»).

Имгри

Житель Долин, из Верхнего Холлека. Один из Четырех Лордов с юга Верхнего Холлека, возглавивших сопротивление Долин Ализону. Имгри был честолюбив, и со временем, после войны, стал наиболее могущественным из лордов Долин. Узнав о хитрой уловке Джиллан с помощью которой она стала одной из невест Всадников-Оборотней, он согласился на это с большой неохотой (она выдала себя за Маримме, племянницу Имгри) («Год Единорога», «Хрустальный Грифон»).

Ингарет

Первый лорд Идейла («Заклятие Колдовского мира»).

Ингильда

Женщина из Верхнего Холлека. Дочь младшей сестры Кьярта, Ислоги. Она была замужем за Элваном из Ришдейла. После захвата Ришдейла ализонцами она впала в полную нищету («Хрустальный Грифон»).

Инглин

Человек из Сулкара. Молодой моряк, служивший на «Рассекающем волны», — он вместе с Сигродом участвовал в доставке Джелиты на островную базу колдеров («Паутина Колдовского мира»).

Инсфар Непобедимый

Прозвище Ивьяна, правителя Карстена («Паутина Колдовского мира»).

Ислога

Женщина из Верхнего Холлека. Младшая сестра Кьярта. Она вышла замуж за лорда Долин и родила ему двоих детей, Торосса и Ингильду. Хотя в книгах не названы ни муж Ислоги, ни его долина, они явно жили достаточно близко от Ульмсдейла, чтобы знать легенды, которые рассказывали о Доме Ульма («Хрустальный Грифон»).

Исмэй

Женщина из Верхнего Холлека, из Аппсдейла, сестра Джирерда и Эвальда. Исмэй наследовала янтарный амулет и янтарный рудник Аппсдейла. Она правила Аппсдейлом во время войны с Ализоном, но потом вернулся Джирерд вместе с женой Аннет, и Исмэй была низведена до роли незначительной помощницы Аннет. Исмэй занималась травным садом крепости, потому что только она умела правильно выращивать травы. Через пять лет она вышла замуж за Хилле Узурпатора из Куэйта, и уехала к нему, — но впоследствии освободила Брока и Яал,

законных правителей Куэйта. Исмэй осталась с Броком и Яал после того, как Хилле погиб («Заклятие Колдовского мира»).

Источник Силы

Источник света и тепла в Сулкаркипе, и то средство, благодаря которому Магнис Осберик полностью разрушил город. Очевидно, это был некий аккумулятор чистой энергии, или нечто, испускающее энергию («Колдовской мир»).

Итдейл

Долина Верхнего Холлека, расположенная в середине или в нижней части северных земель. Итдейл был основан Харбом; эта долина была милым и процветающим местом, пока в нее не вторглись ализонцы. Жители долины бежали и рассеялись по Верхнему Холлеку. Итдейл располагался близко к Тревамперу, и, видимо, выходил либо к морю, либо имел на своей территории судоходную реку. Видимо, Итдейл немного южнее Вестдейла, куда пришел Ульрик до того, как добрался до Кьярта, чтобы предупредить Верхний Холлек о подходе ализонцев («Хрустальный Грифон»).

Итондейл

Самая западная из долин, управляемая Вескисом («Заклятие Колдовского мира»).

Итсфорд

Долина Верхнего Холлека, захваченная во время войны ализонцами. Отец Дведа был маршалом Итсфорда («Сокровище Зарстора»).

Йонан

Лорд одной из южных долин Верхнего Холлека («Заклятие Колдовского мира»).

Калдер

Река на юге Верхнего Холлека. Керован именно неподалеку от нее обнаружил приближающихся ализонцев, когда выполнял последнее задание для лорда Имгри («Хрустальный Грифон»).

Калуф

Человек Древней Расы, из Карстена. Он после побега из Карстена присоединился к пограничникам, которыми командовал Саймон Трегарт («Колдовско ймир»).

Камень Энгиса

Талисман или древняя святыня, которую упоминает Калуф, когда клянется Саймону, что уверен в своих словах («Колмовской Мир»).

«Карго Боттом» (буквально — грузовое судно)

Корабль сулкаров, построенный для перевозки грузов или дальних плаваний («Колдовмкой мир»).

Карн

Человек Древней Расы, из Карстена. Он после бегства из Карстена присоединился к пограничникам, которыми командовал Саймон Трегарт, и стал одним из лучших разведчиков Саймона («Колдовской мир»).

Карпит

Человек из Карстена. Вельможа; он и его брат были кровными братьями Ренстона. Они пытались помочь ему бежать из Карстена, но были захвачены людьми Ивьяна. Карнит и его брат были проданы колдерам («Колдовской мир»).

Картхолм

Город в Карстене, стоящий на берегу реки, в двух днях плавания от Карса. Саймон и Корис проходили через

него по пути в Карс из Соколиного Гнезда («Колдовской мир»).

Карс

Самый крупный город и столица Карстена, расположенный на реке Карс. В городе имелся крупный порт для кораблей, поднимавшихся вверх по реке («Колдовской мир»).

Кастербрук

Город или долина Верхнего Холлека, похоже, на границе с Димдейлом, на севере. Северная часть Кастербрука лежит возле ущелья (теснины) Равенсвелл, отмечая северную границу Верхнего Холлека («Год Единорога»).

Катал

Город, крепость Элдора в Варе («Сокровище Зарстора»).

Керован

Житель Долин, из Верхнего Холлека, воин того рода, из которого произошли Ульм и его наследники. Он получил имя в честь Керована, сына Ульрика (или просто был тезкой) («Хрустальный Грифон»).

Керован

Житель Долин, из Верхнего Холлека и Арвона, последний законный лорд Ульмсдейла из дома Ульма. Он был проклят по обеим линиям, отцовской и материнской; у него были янтарные глаза и раздвоенные копыта (а может быть, раздвоенная ступня). Керован перед войной с Ализоном венчался на топоре с Джойсана из Иткрипта. Обучившись у искусного то ли оружейника, то ли воина Джаго, Керован подружился с Ривалом, авантюристом, связанным с главным лесником Ульрика, и тот часто брал Керована с собой в Васт. Керован участвовал в войне,

заслужив уважение лорда Имгри. Когда Ульрик умер, Керован вернулся в Ульмсдейл, но был свергнут Тефаной, Хлаймером и их кровным родственником Рождером из Палтендейла. Керован отправился спасать Джойсану, и поначалу делал вид, что он один из Древних. Со временем он завоевал ее любовь и открыл ей свое подлинное происхождение. Они поехали в Арвон, где встретили Элис и Джервона, оживили Ландисла и выступили с Ибикусом против Тьмы («Хрустальный Грифон», «Гнездо Грифона», «Стража Колдовского мира»).

Килдас

Женщина из Верхнего Холлека, сестра Гралии. Послана к Всадникам-Оборотням в качестве одной из невест. Она вышла замуж за Харла («Год Единорога»).

Клятва Меча и Щита, Крови и Хлеба

Клятва, которую произносит Корис, чтобы добиться гостеприимства сокольничих. Это, очевидно, клятва воинов-союзников или друзей («Колдовскоймиир»).

Койтой Стимир

Человек из Сулкара, капитан «Рассекающего волны». Высокий, хорошо сложенный, широкоплечий и светловолосый, он молод, но уже опытен в своем деле. Он согласился последовать за подводной лодкой колдеров, на которой увезли из Верлейна Саймона и Лойз («Паутина Колдовского мира»).

Колдуньи

Женщины, как правило из Древней Расы, обладающие даром. Колдуньи Эсткарпа объединились в древний орден, созданный после того, как адепты Эскора едва не уничтожили и самих себя, и всех остальных в своей безумной войне. Колдуньи обвинили адептов-мужчин в том, что они развязали войну, и запретили мужчинам развивать или использовать дар. Потом они использовали свою немалую

Силу для того, чтобы воздвигнуть горы между Эсткарпом и Эскором, а также наложить на память своего народа запрет, чтобы люди не могли думать о Востоке и о древности. Колдуньи создали убежище, Место Мудрости, где они обучали молодых девушек Древней Расы. Поскольку колдуньи были обязаны сохранять невинность, в Эсткарпе количество женщин Древней Расы, обладающих даром, постепенно уменьшалось. Они получили поддержку в лице беженцев из Карстена, но когда им начало грозить вторжение с юга, колдуньи использовали свою силу для того, чтобы еще раз поднять горы и уничтожить армию Пагара. Но это усилие истощило колдуний, многие из них умерли или потеряли способность использовать Силу. Лишенные дара, колдуньи потеряли власть над Эсткарпом, она перешла к Корису из Горма, их Сенешалю, который принял на себя обязанность заботиться об Эсткарпе. Колдуньи медленно восстанавливали свои ряды, и новое поколение владычиц собиралось в Месте Мудрости, чтобы вместе с Хиларионом, Саймоном и Джелитой Трегарт и другими обладателями Силы помочь закрыть врата. Колдуньи Эсткарпа считались грозным противником, и были прославлены по всему Колдовскому Миру благодаря их дару. Они заключили союз с сокольничими и сулкарами, что дало выгоды и Эсткарпу, и дружественным ему народам, в особенности когда выяснилось, что Древняя Раса лишь в браке с сулкарами может производить потомство («Колдовской мир», «Паутина Колдовского мира», «Трое против Колдовского мира», «Чародей Колдовского мира», «Заклятье Колдовского мира», «Колдовской мир: Великая Перемена, Магический Камень, Стража Колдовского мира»).

Коллард

Человек из Верхнего Холлека. Младший сын Бросона, кузнец Гхилла («Заклятье Колдовского мира»).

Комб Фром

Башня или крепость, возможно, в Эдейле («Заклятие Колдовского мира»).

Корис

Человек из Горма. Командир Гвардейцев, маршал и сенешаль Эсткарпа. Сын Хильдера от женщины из племени торов, Корис из-за мачехи Орны не смог стать наследником своего отца. Вместо этого он едва ушел живым из Горма, когда явились колдеры, чтобы захватить его землю. Корис добрался до Эсткарпа, поступил на службу в Гвардию и стал Капитаном. Он подружился с Саймоном Трегартом и взял Саймона с собой, когда отправился в Сулкаркип, чтобы защищать крепость от колдеров. После гибели Сулкаркипа Корис и его люди вместе с Саймоном и Джелит сели на корабль, но их судно попало в сильный шторм и было унесено к северному побережью Верлейна в Карстене. Там Корис нашел и взял Топор Вольта, могучее оружие и талисман. Он также встретился с Лойз, дочерью Фалька, лорда Верлейна. Лойз отправилась в путь вместе с Корисом, Саймоном и Джелитой, а впоследствии вышла замуж на Кориса. У них был один сын, Саймонд. После того как Саймон и Джелита исчезли из Эсткарпа, Корис и Лойз взяли на себя заботу об их детях, не позволив колдуньям увести Каттею в Место Мудрости. Но потом Корис был ранен, Лойз отправилась к нему — и колдуньи захватили Каттею. Корис оправился от ран, но он уже не мог носить Топор Вольта. В Эсткарпе верили, что Корис должен специально поехать в Верлейн и вернуть Топор на могилу Вольта. Корис затем возвратился в Эсткарп, снова стал командовать Гвардией, и постепенно восстановил порядок в Эсткарпе — после того как колдуньи едва не погубили себя, совершая Великую Перемену. Корис впоследствии стал хорошим правителем Эсткарпа, и он помог установить хорошие отношения с Эскором, Ализоном, Верхним Холлеком и Арвоном. Корис созвал большой Совет, который решил уничтожить все Врата, и он лично наблюдал за деятельностью всех посланников города Эса («Колдовской мир», «Паутина Колдовского мира», «Трое против Колдовского мира», «Стража Колдовского мира»).

Кроффкип

Горный форт Верхнего Холлека, находящийся возле границы с Пустыней; почти все люди из него ушли воевать с Ализоном. Кроффкип, возможно, находится в или рядом с Хокердейлом или Димдейлом («Год Единорога»).

Куниггод

Женщина из Верхнего Холлека, нянька Бриксии. После смерти матери Бриксии Куниггод управляла домом лорда Мурачдейла и правила всей долиной после смерти самого лорда. Когда Мурачдейл не устоял перед ализонцами, Куниггод была тяжело больна, но все же они с Бриксией бежали из крепости Торгуса до того, как она была разрушена. Куниггод, видимо, принадлежала к Мудрым, знавшим некоторые Места Древних в Мурачдейле или поблизости от него. Она умерла вскоре после того, как привела Бриксию в безопасное убежище («Сокровище Зарстора»).

Куэйт

Прибрежная область на севере Верхнего Холлека, очевидно, остатки древней культуры Арвона. Брок и Яал управляли Куэйтом до тех пор, пока Хилле не заманил их в ловушку и не завладел их Силой. После возвращения Исмэй Хилле был побежден Исмэй, Броком и Яалом (которых освободила Исмэй) («Заклятие Колдовского мира»).

Кьярт

Житель долин, лорд Итдейла до войны с Ализоном. Кьярт не имел прямых наследников и организовал брак своей племянницы Джойсаны с Керованом из Ульмсдейла. Кьярт явно с большим уважением относился к Ульрику из Ульмсдейла, — настолько, что поддерживал его политику, и при этом смотрел сквозь пальцы на родню Ульрика. Кьярт был убит во время войны с Ализоном.

Кьярт с самого младенчества обладал даром предвидения. Если его пророческие видения представали перед ним дважды, он еще мог обмануть судьбу, но если то же самое видение возникало в третий раз, он уже ничего не мог изменить. Кьярт предвидел смерть своей жены, но он находился тогда далеко на юге Итдейла, и, хотя загнал коня, пытаясь добраться до дома вовремя, он все же прибыл слишком поздно, и спасти жену не смог («Хрустальный Грифон»).

Мальвинна

Женщина из Верхнего Холлека. Прежде была настоятельницей Норстеда. Она знала пути Силы и продемонстрировала Джойсане Дальновидение. Она также дружила с Джилла, и догадывалась о наследии Джиллан, но умерла за три года до года Единорога («Хрустальный Грифон»).

Мамер

Житель Долин, из Верхнего Холлека, купец, продававший эль на ярмарке Финдейла через пять лет после войны с Ализоном («Заклятие Колдовского мира»).

Марбон

Житель Долин, из Верхнего Холлека, последний лорд Эггерсдейла. Марбон наследовал некоторую силу от Древней Расы и мог разговаривать с птицами, успокаивать лошадей и погружать в сон раненых («Сокровище Зарстора»).

Маримме

Женщина из Верхнего Холлека, племянница лорда Имгри. Она была включена в число тринадцати невест Всадников-Оборотней, но Сассия и Джиллан устроили так, что ее место заняла Джиллан («Год Единорога»).

Марк

Человек из Карстена. Один из воинов Гунольда. Он участвовал в захвате в плен Джелиты («Колдовской мир»).

Мартина

Женщина из Верхнего Холлека. Она была замужем за Алвином, сыном старосты деревни Иткрипта, — за год до вторжения в Итдейл. Она родила сына вскоре после бегства («Хрустальный Грифон»).

Марчпойнт

Город или долина на севере Верхнего Холлека, неподалеку от Аппсдейла и Финдейла, возможно, к западу от них («Заклятие Колдовского мира»).

Мастер Трейдер

Звание, принятое у сулкаров. Магнис Осберик носил этот титул, но возможно, что он был вообще единственным Торговым Главой («Колдовской мир»).

Матильда

Женщина из Верхнего Холлека, монахиня из Кхилла («Заклятие Колдовского мира»).

Медовуха

Это название в книгах не используется. Деревенские жители Верлейна варили ликер из меда и трав, настолько крепкий, что даже такие закаленные люди, как Фальк, засыпали после третьей кружки («Колдовмкой Мир»).

Метательное ружье

Оружие, видимо, двух размеров, большое и маленькое, используемое солдатами Колдовского мира. Спусковой механизм этого оружия, похоже, был достаточно мощным, чтобы выбрасывать стрелу или дротик с огромной силой.

Мидир

Человек из Горма, один из тех, кого знал Корис. Мидир стал одним из телохранителей Лорда-Защитника Горма, когда на остров вторглись колдеры. Он был превращен колдерами в воина-зомби и участвовал в нападении на Магниса, Кориса, Саймона и Джелиты на их пути в Сулкаркип. Корис добил его тело («Колдовской мир»).

Мир Торговым Путям

Обычай, благодаря которым купцы сулкаров свободно и без опасений проезжали через чужие земли. Мирные Пути пролегали в основном через такие государства, как Эсткарп и, возможно, Верхний Холлек, но относительно Ализона и Карстена в этом меньше уверенности («Колдовской мир»).

Мойкрофт

Долина на севере Верхнего Холлека. Мойкрофт был покинут жителями во время войны с Ализоном из-за недостатка воинов («Заклятие Колдовского мира»).

Мудрая из Карса

Так именовалась Джелита во время ее миссии в Карсе. Она сняла большой дом в старой части города, продавала любовное зелье и ворожила, чтобы иметь возможность встречаться с людьми, приносившими нужные ей известия. В этом обличье Джелита встретилась с госпожой Алдис, возлюбленной герцога Ивьяна.

Мурачдейл

Долина Верхнего Холлека, расположенная на юге. Ею до войны с Ализоном правил род Торгуса, а затем долина была захвачена врагом. Хотя Мурачдейл и располагался на юге, он был достаточно близко к Норсдейлу, чтобы Куниггод могла дважды в год ездить в аббатство («Сокровище Зарстора»).

Мыс Черных Ветров

Мыс между Вестдейлом и Алмснортом («Хрустальный Грифон»).

Мэт

Женщина из Верхнего Холлека. Сестра Кьярта, лорда Итдейла. Она в юности венчалась на топорс с лордом южных Долин, однако он умер еще до того, как они встретились. Затем Мэт поступила в монастырь Норстед, но прежде, чем она приняла последние обеты, умерла жена Кьярта. Мэт вернулась в Итдейл, чтобы стать хозяйкой имения. Она руководила образованием Джойсаны («Хрустальный Грифон»).

Налда

Женщина из Верхнего Холлека. Жена Старка, мельника Итдейла. Она бежала с небольшой группой спасшихся, когда Итдейл подвергся нападению («Хрустальный Грифон»).

Налин

Сокольничий. Он был караульным на границе между землями Соколиного Гнезда и Карстена, и именно он встретил Кориса, Саймона, Дживина и Танстона, дав им возможность безопасно пройти к Соколиному Гнезду («Колдовской мир»).

Нивор

См. Ибикус.

Никала

Женщина из Верхнего Холлека, жена Арнара («Заклятие Колдовского мира»).

Нинкве

Женщина Древней Расы, колдунья из Куэйта, союзница и слуга Хилле («Заклятие Колдовского мира»).

Нолон

Человек из Верхнего Холлека. Видимо, знатен, но его дом не упоминается. Он служил Ульрику из Ульмсдейла, организовывал брак Керована и Джойсаны и выступал в качестве доверенного лица Керована при венчании на топоре («Хрустальный Грифон»).

Норнан

Этим именем Корис клялся, когда отказывался править Гормом («Колдовской мир»).

Норсдейл

Долина Верхнего Холлека. Была расположена к западу от Итдейла, в пяти днях пути к востоку от Фалтингдейла, на севере граничила с Хэрроудейлом. Северную границу отмечала голая скала Арм оф Спарн (Рука Спарна, или Герб Спарна). Аббатство Норстед находилось именно в этой долине. Многие беженцы из прибрежных долин устремились в Норсдейл и в аббатство Норстед во время войны с Ализоном («Год Единорога», «Хрустальный Грифон»).

Норсдейл, деревня

Деревня с гостиницей, где останавливались люди, приезжающие в аббатство Норстед («Год Единорога»).

Норстед

Аббатство Огня в Верхнем Холлеке. Возможно, самое большое и известное из аббатств. Будучи удаленным от моря, Норстед приютил многих жен и дочерей из знатных семей Верхнего Холлека. Лорд Имгри собрал там тринадцать невест, предназначенных для Всадников-Оборотней в уплату за их выступление против Ализона («Год Единорога», «Хрустальный Грифон»).

Общее Собрание

Джиллан предполагает, что дядя Маримме (лорд Имгри) может взять ее на следующее Собрание, сразу после войны, — чтобы найти ей мужа («Год Единорога»).

Огненная Клятва

Священная клятва Верхнего Холлска, — предполагается, что она нерушима («Хрустальный Грифон»).

Окстора Клыки...

Упоминаются в проклятии или клятве. Возможно, это демон, реальный или мистический. Присутствует в фольклоре Верхнего Холлека («Сокровище Зарстора»).

Орна

Женщина из Горма. Вторая жена Хильдера, мать Урьяна. Она, решив лишить наследства Кориса и поставить на место Лорда-Защитника Урьяна, сговорилась с вельможами Горма. Поскольку Урьян был еще ребенком, когда Орна стала править Гормом, она могла диктовать всем свою волю, но со временем увидела, что нуждается в могущественных союзниках, и призвала колдеров поддержать ее. В результате она и ее народ были порабощены колдерами («Колдовской мир»).

Осберик Аннер

Человек из Сулкара. Глава сулкарцев после смерти его отца, Магниса, который погиб, защищая Сулкаркип («Паутина Колдовского мира»).

Осберик Магнис

Человек из Сулкара. Торговый Глава, лидер сулкаров и лорд Сулкаркипа в то время, когда Саймон Трегарт появился в Колдовском Мире. Магнис отправился в Эсткарп, чтобы просить помощи у колдуний, но когда он вернулся в Сулкаркип, колдеры напали на крепость с воздуха. Магнис приказал своим людям бежать. Он взорвал

крепость, не позволив колдерам устроить в ней базу для нападения на Эсткарп («Колдовской мир»).

Остров Дельта

Остров в устье реки Карс (в книгах такое название не используется). Ивьян посылал туда людей, которые должны были стать рабами колдеров («Колдовской мир»).

Палтендейл

Долина на северо-западе Верхнего Холлека, место жительства людей смешанной крови (см. пограничники, или приграничники). Другие жители Верхнего Холлека зачастую избегали людей из этой долины («Хрустальный Грифон»).

Песня Торгуса

Песня, прославляющая подвиг победы Торгуса над Силой Камня Ллана («Сокровище Зарстора»).

Плывущая трава

Водоросли, которые растут на поверхности теплых морей поблизости от Потерянной Тропы. Колдеры использовали мутировавшую Плывущую траву в качестве первой линии обороны своей базы. Одно лишь прикосновение к красновато-коричневым растениям вызывало быстро распространяющийся ожог и как следствие — мучительную смерть. Водоросли-мутанты сами цеплялись за корабли и разрастались вокруг них. Они также образовывали большие плавающие острова, преграждающие путь, и только подводные лодки колдеров могли миновать их, пока Джелита и капитан Койтой Стимир не обнаружили, что водоросли можно сжечь («Паутина Колдовского мира»).

Пограничники

Солдаты Эсткарпа, охранявшие земли, граничащие с Карстеном и Ализоном. Многие из них принадлежали к

Древней Расе, бежавшей из Карстена в Эсткарп. Сначала пограничниками командовал Корис из Горма, а Саймон был его лейтенантом, но Кориса отозвали в Эсткарп, и Саймон остался командовать все увеличивавшимися силами. Со временем Саймон стал Капитаном пограничников («Колдовской мир», «Паутина Колдовского мира», «Трое против Колдовского мира» и др.).

«Подруга моряка»

Корабль сулкаров, который доставил провизию с юга в Эс-порт, для армии Эсткарпа. Койтой Стимир имел на борту «Рассекающего волны» часть этого груза, когда принял предложение Джелиты преследовать субмарину колдеров, увезшую Саймона Трегарта и Лойз («Паутина Колдовского мира»).

Поклонение Очищающему Огню

Вера монахинь Верхнего Холлека. Эта религиозная традиция, очевидно, была принесена жителями долин из их родного мира, и ее приверженцы, под влиянием беженцев из Арвона, часто расходились во взглядах со сторонниками верований простых людей («Хрустальный Грифон»).

Порт Эс

Маленький городок на побережье, в устье реки Эс. Корабли сулкаров собирались здесь для торговли. Аннер Осберик организовал здесь поселение сулкаров после того, как Сулкаркип был уничтожен его отцом, Магнисом Осбериком («Паутина Колдовского мира»).

Предупреждение

Сигналы тревоги в центральном Эсткарпе, которые передавались колдуньями-связными, мысленно связывавшимися со своими сестрами в городе Эсе. В юго-западной части страны, слишком удаленной от центра, использовались световые сигналы, передаваемые с наблюдательных

башен, установленных на вершинах холмов («Паутина Колдовского мира»).

«Пустой Щит» (или свободный)

Так называли наемников или других воинов, чьи лорды были убиты. Видимо, в обычае солдат было закрашивать гербы лордов на своих щитах. Эсткарп нанимал свободные щиты, когда его собственные силы ослабевали или их было просто недостаточно для срочных нужд («Колдовской мир»).

Пустыня

Запретная территория на западе Верхнего Холлека, к югу от Арвона. Большая часть Пустыни представляла собой безводные или поросшие мелким кустарником земли, но кое-где в Пустыне попадались небольшие рощицы. Когда-то там жила Древняя Раса и другие народы, и, похоже, возникла Пустыня в результате давней войны адептов. В Пустыне жили разные преступники и искатели приключений, а также некоторые беженцы из Арвона («Хрустальный Грифон», «Год Единорога», другие книги).

Рандор

Человек из Верхнего Холлека, лорд Итдейла. Он был отцом Кьярта, Мэт, Ислоги. Он укрыл Мудрую, проходившую через Васт, и заставил людей Итдейла подчиниться. Когда Рандор отправился в Тревампер, его люди попытались сжечь Мудрую, но он вернулся вовремя, чтобы спасти ее. В благодарность она наградила будущего ребенка Рандора (Кьярта) силой предвидения, чтобы в свое время он мог уберечься от опасности («Хрустальный Грифон»).

Раннер

Тип корабля сулкаров, очевидно, используемый для скоростных плаваний. Такие корабли могли быть воору-

жены или не вооружены, и, без сомнения, при возможности использовались для целей торговли («Колдовской мир»).

«Рассекающий волны»

Корабль сулкаров, быстрый и маневренный, капитаном которого был Койтой Стимир. «Рассекающий волны» последовал за подводной лодкой колдеров, которая увезла из Верлейна Саймона Трегарта и Лойз, и это был первый корабль, нашедший способ миновать Плывущую траву, окружавшую Гнездо Колдеров («Паутина Колдовского мира»).

Раткас

Конь Всадника-Оборотня; подарен Херрелом Джиллан («Год Единорога»).

Рейнджеры (лесничие)

Люди из Карстена, слуги Фалька. Их обязанности не ясны, но им требовались лошади («Колдовской мир»).

Река Карс

Большая река, протекавшая через Карстен на запад, к морю. Вдоль реки шла большая часть торговых путей, по крайней мере тех, что пролегали между городом Карсом и морем («Колдовской мир»).

Ренстон

Человек Древней Расы, из Карстена. Он был в кровном братстве с Карнитом и его братом. Они были захвачены людьми Ивьяна, командир которых убил Ренстона, так как его нельзя было продать в рабство колдерам («Колдовской мир»).

Ривал

Житель Долин, из Верхнего Холлека. Мудрый из Ульмсдейла, Ривал состоял в родстве с главным лесничим

Ульрика. Ривал выращивал травы и помогал крестьянам Ульмсдейла получать хорошие урожаи. Местные жители шли к нему со всеми своими бедами и болезнями, поскольку он был знатоком травного дела. Он подружился с Керованом и взял его вВаст, где впоследствии Керован отыскал Хрустального Грифона («Хрустальный Грифон»).

Ришдейл

Долина Верхнего Холлека, видимо, в южных горах, — ее называли Верхней Долиной. Ришдейл производил шерсть. Ришдейл стал одной из первых долин, захваченных ализонцами («Хрустальный Грифон»).

Роджер

Человек из Верхнего Холлека. Из Дома Палтендейла, Роджер был помолвлен с Лисаной, младшей дочерью Ульрика. Он вместе с Тефаной замыслил захватить власть над Ульмсдейлом, убив Керована и женившись на Лисане. После того как при сопротивлении Ализону был разрушен Ульмспорт, Роджер с Тефаной и другими отправились к Джойсане. Роджер выдавал себя за Керована, но Керован разоблачил его. Захватив Джойсану, Роджер вернулся к своим родным, но погиб, пытаясь одолеть Керована («Хрустальный Грифон»).

Ромсгарт

Маленький городок в Эсткарпе, с рынком для окрестных жителей. Расположен в нескольких милях от пещеры, где швартовались корабли колдеров (на один из них попала Лойз) («Паутина Колдовского мира»).

Рошан

Конь Всадника-Оборотня, скакун Херрела («Год Единорога»).

Рудо

Житель долин, из Верхнего Холлека. Он был солдатом из долины Торосса, и пришел в Итдейл вместе Тороссом, Ислогой и Ингильдой («Хрустальный Грифон»).

Рыба-меч

Видимо, большая и опасная рыба, водившаяся поблизости от Горма. Она представляла угрозу для людей, или, по крайней мере, с ней рискованно было сталкиваться тем, у кого на вооружении имелся только нож («Колдовской мир»).

Саврон

Житель Долин, из Верхнего Холлека, лорд Аппсдейла в дни Ульрика. Он, возможно, был отцом Джирерда, Эвальда и Исмэй. Саврон получал сообщения Ульрика об ализонцах и занялся вооружением Керована, — заодно организовав встречу лордов севера так, что это не возбудило подозрений ализонских шпионов. Саврон был убит во время войны («Хрустальный Грифон»).

Саймон Трегарт

Человек с Земли. Его семья была родом из Корнуолла, однако Трегарт родился в Пенсильвании, в Матахаме. Во время Второй мировой войны он служил в американской армии, стал подполковником, но был отправлен в отставку за операции на черном рынке в военное время. Саймон работал на человека по имени Хансон, — видимо, это была уголовная организация, — однако затем разошелся с ним и был вынужден бежать, спасая свою жизнь. Он встретился с Джорджем Петрониусом, хранителем Места Силы, и воспользовался этим устройством для того, чтобы открыть путь в Колдовской мир.

Трегарт попал в Эсткарп через врата на юге Ализона, неподалеку от границы. Он поступил на службу к колдуньям Эсткарпа и боролся с колдерами, отправившись в Горм, Карстен, а затем на остров, где находилось Гнездо

Колдеров. Саймон женился на колдунье Джелите, родившей ему троих детей: Киллана, Кемока и Каттею.

Трегарт стал командиром пограничников, особых частей, охраняющих границы с Карстеном. Со временем Саймон покинул Эсткарп, чтобы проверить слухи относительро базы колдеров. Поскольку от Саймона не было известий, Джелита последовала за ним. Они прошли в другой мир, и там встретились со своей уже взрослой дочерью Каттеей, которая отправилась с адептом Хилариоиом в некий технологический мир, опустошенный ужасающей войной. Саймон, Джелита, Каттея и Хилариоп вернулись в Колдовской мир через врата Хилариона. Там они оказались втянутыми в древнюю войну Эскора, но с помощью Хилариона сумели повернуть события в пользу Свста, и затем Саймон и Джелита вернулись в Эсткарп.

Когда из Колдовского мира исчез Магический Камень и врата начали открываться во всю ширь, Саймон и Джелита помогли закрыть несколько врат («Колдовской мир», «Паутина Колдовского мира», «Трое против Колдовского мира», «Заклятье Колдовского мира», «Магический Камень», «Стража Колдовского мира»)

Самья

Магнис Осберик упоминает «ожерелье в стиле Самья», находящееся среди сокровищ сулкаров. Возможно, Самья — это название расы или народа, с которым торговали сулкары («Колдовской мир»).

Санту

Человек Древней Расы, из Карстена. Он после бегства из Карстена стал пограничником под командой Саймона Трегарта («Колдовской мир»)

Сассия

Женщина из Верхнего Холлека, последняя представительница своего рода. Поместье Сассии располагалось на побережье, и оказалось среди первых, захваченных

ализонцами. Она укрылась в аббатстве Норстед, но в конце войны те ее родственники, что остались в живых, организовали ее помолвку, чтобы Сассия не оказалась в числе невест Всадников-Оборотней. («Год Единорога»).

Саускип

Крепость, штаб-квартира пограничников на юге, — обиталище Саймона Трегарта и его жены Джелиты. В Саускипе располагался главный гарнизон пограничников, набираемых в основном из людей Древней Расы, бежавших из Карстена. Крепость находилась в четырех днях верховой езды от морского побережья («Паутина Колдовского мира»).

Святилище или Обитель

Видимо, аббатство Огня, в Аппсдейле или поблизости от него («Заклятье Колдовского мира»).

Сигрод

Человек из Сулкара. Моряк, служивший на «Рассекающем волны»; он вместе со своим помощником Инглином доставил Джелиту на остров, где находилась база колдеров («Паутина Колдовского мира»).

Сим

Город в Верхнем Холлеке, возможно, до войны с Ализоном управляемый Вескисом («Заклятье Колдовского мира»).

Сиппар

Самый большой город и столица Горма. В Сиппаре был крупный порт и множество складов, и в этом городе жил в своем дворце лорд-защитник («Колдовской мир»).

Сирик

Человек из Карстена, жрец Храма Судьбы в городе Карсе. Сирик был одним из тех троих, кого Ивьян послал

для заключения брака на топоре с Лойз. Сирик, видимо, был убит Фальком после бегства Лойз и Джелиты («Колдовской мир»).

Скиркар

Один из Четырех Лордов, объединивших жителей Верхнего Холлека для борьбы с ализонцами. Поскольку Четыре Лорда пришли с юга, он явно был лордом одной из южных долин («Заклятье Колдовского мира»).

Сломанный Меч

Эмблема Итдейла и Дома Харба («Хрустальный Грифон»).

Сокольничьи

Люди, служившие на кораблях сулкаров как наемники, или сражавшиеся на стороне Эсткарпа. Их раса происходит из Сальзарата, — страны, лежащей, похоже, где-то далеко к югу от Карстена. Корис говорит Саймону, что сокольничьи явились в Эсткарп из-за моря после того, как их земли захватили варвары, 2000 сокольничьих (2/3 из них — мужчины) бежали на кораблях сулкаров. Когда они устроились в Эсткарпе, их обычай селить женщин в отдельных деревнях оскорбил колдуний, и потому сокольничьи перебрались в горные области к югу от Эсткарпа, к северу от Карстена. Там они построили Соколиное Гнездо и новые деревни для своих женщин и детей. Каждый год сокольничьи отбирали молодых людей, чтобы те отправились в деревни и соединились с женщинами. Слабых детей убивали. Когда мальчики достигали определенного возраста, их забирали в Соколиное Гнездо и обучали искусству воинов. Герцоги Карстена в течение ста лет перед появлением в Колдовском Мире Саймона Трегарта трижды пытались разбить сокольничих, но сокольничьи выиграли все три войны. Главу Соколиного Гнезда называли Повелителем Крыльев. Хотя колдуньи Эсткарпа избегали официальных

отношений с Соколиным Гнездом, они не слишком вникали в отношения между гвардейцами и сокольничими. И этот непризнанный союз служил всем на пользу. Когда же колдуньи воздвигли горы, чтобы остановить армию герцога Пагара, сокольничих радушно приняли в Эскарпе. Однако их культура была слишком чужда Эскарпу. Многие женщины сокольничьих покинули свои деревни, чтобы обеспечить сохранность расы. Некоторые из них осели в Верхнем Холлеке, где со временем объединились с людьми Долин, согласившись принять некоторые из местных обычаев. Сокольничьи обладали тесной связью со своими охотничьими птицами, благодаря чему и возникло название их племени. С птицами им было легче общаться, чем с другими людьми. В горах они ездили на выносливых пони, способных нести двух человек. У сокольничих рыжие волосы и желтовато-карие глаза («Колдовской мир», «Колдовской мир: Великая Перемена»).

Сольфинна

Женщина из Верхнего Холлека, из крепости Васскот. Она была родом из обедневшей семьи, затем завоевала благосклонность лорда Имгри, став одной из невест Всадников-Оборотней. Сольфинна имела по меньшей мере двух сестер. Она вышла замуж за Всадника-Оборотня Хайзина («Год Единорога»).

Старк

Житель Долин, из Верхнего Холлека. Мельник Итдейла. Видимо, убит при захвате долины ализонцами («Хрустальный Грифон»).

Странное Место

Подземная пещера в утесе, на котором стоит крепость Фалька в Верлейне. Джелита определила его как место Силы, где тысячу или более лет назад люди поклонялись древним богам («Колдовской мир»).

Сул

Это имя выкрикивают воины-сулкары, идя в битву («Колдовской мир», «Паутина Колдовского мира»).

Сулкар

Морской народ, пришедший в Колдовской мир через Врата в северных морях. Их собственный мир стал прибежищем расы настолько чуждой сулкарам, что сулкары попытались уничтожить пришельцев. Однако чужаки оказались слишком сильны, и сулкары сами едва не погибли. Некий адепт Колдовского мира открыл Врата для небольшого флота сулкарских кораблей, и они смогли бежать. Затем сулкары утвердились в Колдовском Мире в качестве торговцев, завоевав своей честностью и храбростью уважение и доброе имя, и вступили в союз с сокольничими, Древней Расой Эсткарпа и людьми Долин из Верхнего Холлека. Часть сулкаров, похоже, вернулась в состояние варварства или полудикости — видимо, из-за того, что они оказались отрезаны от основной массы беженцев. Возможно, именно они опустошили набегами восточное побережье Эскора. Сулкары со временем построили Сулкаркип — на полуострове к западу от Эсткарпа, и оттуда они торговали со всем миром. Когда Сулкаркип был разрушен, кое-кто из сулкаров отправился в другие земли, но основная их часть, видимо, осела в Эс-порте, под предводительством Аннера Осберика. Сулкары помогали отыскивать врата и уничтожать их («Колдовской мир», «Паутина Колдовского мира», «Стража Колдовского мира», другие книги).

Сулкаркип

Большой город-крепость, расположенный на полуострове к западу от Эсткарпа,— построен в дни прапрадедушки Магниса Осберика, чтобы стать приютом сулкаров и их кораблей во время штормов и войн. Сулкаркип был сооружен из надежного камня, и при его постройке использовались естественные очертания

мыса, выступающего в море. По периметру крепости располагались особые сигнальные гонги, чтобы во время тумана предупреждать корабли о близкой опасности. В Сулкаркипе находилось множество складов, и Магнис хвастал, что каждый пират и мелкий лорд Колдовского мира мечтает о том, чтобы ограбить его город. В крепости всегда находился гарнизон, однако и Источник Силы тоже был наготове, на случай, если понадобится уничтожить Сулкаркип. И так оно и случилось во время войны сулкаров с колдерами. Магнис Осберик взорвал Сулкаркип, когда колдеры захватили его («Колдовской мир»).

Талисман колдеров

Устройство, которое использовала Алдис для того, чтобы поймать в ловушку Лойз и управлять ее мыслями («Паутина Колдовского мира»)

Тандис

Сокольничий. Он пять лет служил матросом на кораблях сулкаров. Во время войны с колдерами он сопровождал Фальтера на побережье, и был захвачен теми же колдерами, которые взяли в плен Саймона Трегарта («Колдовской мир»).

Танстон

Человек Древней Расы, из Эсткарпа. Помощник Кориса, второй командир гвардейцев Эсткарпа. Он отправился с Корисом в Сулкаркип, уцелел в битве за город, затем вместе с Корисом и Саймоном очутился в Соколином Гнезде. Оттуда он с Дживином вернулся в Эсткарп. Танстон затем участвовал в атаке на Горм, и был одним из тех двадцати гвардейцев, которые сопровождали Саймона Трегарта в крепость Сиппар («Колдовской мир»).

Твайфорд

Город или место торговли в землях Вескиса. Возможно, порт («Заклятие Колдовского мира»).

Те, Что Зажигают Пламя

Некие Волшебные Силы в Верхнем Холлеке, определяемые как источник священных Огней («Год Единорога»).

Тефана

Женщина из Верхнего Холлека, третья жена Ульрика. Тефана остерегалась Керована, своего второго сына и первого ребенка Ульрика, из-за его копыт. Она обратилась к адепту Тьмы Галкуру за помощью, желая осуществить свои честолюбивые планы, но слишком поздно поняла, что в дело вмешались Гуннора и Ландисл. Она родила Ульрику второго ребенка, дочь Лисану. Тефана замышляла захватить власть над Ульмсдейлом в пользу своего кровного родственника Роджера, но вторжение Ализона нарушило ее планы. Тефана помогла победе над флотом ализонцев, угрожавшим Ульмсдейлу, но при этом был разрушен Ульмспорт. Тефана погибла, когда призвала Силы Тьмы, чтобы убить Керована («Хрустальный Грифон»).

Тимон

Человек из Верхнего Холлека. Сын Налды и Старка. Он бежал, когда Итдейл был захвачен Ализоном («Хрустальный Грифон»).

То, Что Ждет

Некая Сила или Силы, к которым обращается Джиллан, чтобы узнать, по какому пути будущее направит людей («Год Единорога»).

Толфана

Женщина из Верхнего Холлека. Она укрывалась в аббатстве Норстед во время войны с Ализоном («Год Единорога»).

Торгус

Житель Долин, вероятно, из Верхнего Холлека. Прародитель Бриксии. Он разрушил Силу Камня Ллана, что бы это ни было такое («Сокровище Зарстора»).

Торосс

Житель долин, из Верхнего Холлека. Сын Ислоги. Он осенью приезжал в Итдейл, помогая в строительстве зимних хранилищ для Иткрипта. Он подружился с Джойсаной и хотел занять место лорда Итдейла. Торосс был убит в войне с Ализоном. О нем говорится, что он был очень хорош собой и нравился молодым женщинам («Хрустальный Грифон»).

Тревампер

Город или столица на севере Верхнего Холлека. Купцы каждый год устраивали там ярмарки, на которые съезжались люди из северных долин. Тревампер был расположен на пересечении большого тракта и водного пути. Река, протекающая возле Тревампера, была судоходной, и это привлекало морских купцов Сулкара («Заклятье Колдовского мира», «Хрустальный Грифон»).

Трижды протрубить в рог

Смертный приговор, дающий любому право убить того, относительно кого он произнесен. Герцог Ивьян трижды протрубил в рог перед Древней Расой, мстя за потерю невесты. Возможно, его подтолкнули к этому колдеры («Колдовской мир»).

Уинтоф

Житель долин, из Верхнего Холлека, лорд Флатингдейла в дни Ульрика. Он позаботился о вооружении Керована («Хрустальный Грифон»).

Ульм

Житель Долин, основатель и лорд Ульмсдейла. Отец Ульрика. Ульм грабил Места Древних, добывая там

сокровища. Он и все его люди в одной из таких экспедиций подхватили некую болезнь, и большинство из них умерли. Ульм имел дела с морскими скитальцами, основавшими Ульмспорт, — видимо, это были купцы, нуждавшиеся в собственном городе-порте («Хрустальный Грифон»).

Ульмсдейл

Долина в северной части Верхнего Холлека, к северу от Вестдейла, к востоку от Финдейла, к югу от Флатингдейла. Ульмсдейл был первым поселением, основанным Ульмом, прадедом Керована. Главным городом был Ульмспорт, который быстро стал важным торговым центром. Ульмсдейл до войны посещали ализонские корабли, и Мудрая из Ульмсдейла обнаружила, что ализонцы задумали вторжение в Верхний Холлек. Во время войны с Ализоном Ульмсдейл был захвачен врагами, и Тефана безуспешно пыталась одолеть их с помощью темной Силы. Ульмсдейл, наверное, снова был заселен после окончания войны с Ализоном («Грифон», «Заклятье Колдовского мира»).

Ульмсдейл-Кип

Крепость в Ульмсдейле, обитель лордов Ульмсдейла («Хрустальный Грифон»).

Ульмспорт

Город на севере Верхнего Холлека, столица Ульмсдейла. Основана Ульмом примерно за пятьдесят лет до войны с Ализоном. Ульмспорт был разрушен во время этой войны. До войны в Ульмспорте проводились ярмарки. Лорд Марчпойнта (отец Дайрини) встретился со своей будущей женой именно на ярмарке в Ульмспорте. Ульмспорт, возможно, был заново отстроен после войны («Заклятье Колдовского мира», «Хрустальный Грифон»).

Ульрик

Человек из Верхнего Холлека, лорд Ульмсдейла. Он был сыном Ульма. Все дети Ульрика от его двух первых жен были либо мертворожденными, либо умерли в младенчестве. Наконец Ульрик женился на Тефане из Палтендейла, за девятнадцать лет до войны с Ализоном (он был уже в зрелом возрасте). Их сыном был Керовал, названный по имени кого-то из предков. Ульрик пытался предостеречь лордов Верхнего Холлека о грозящем им вторжении ализонцев, и пытался сам остановить это вторжение, но не сумел собрать достаточных сил. Ульрик был убит во время вторжения («Хрустальный Грифон»).

Ульрика

Мудрая из Верхнего Холлека. Она служила в Доме Кансы Дважды Рожденной, одном из аббатств Огня. Ее также называли госпожой Виртой («Заклятье Колдовского мира»).

Унго, перевал (или ущелье)

Место в Верхнем Холлеке, где во время войны с Ализоном разразилась большая битва.

Ункар

Сокольничий. Он сопровождал Саймона Трегарта и Кориса, когда они захватили Фалька из Верлейна («Паутина Колдовского мира»).

Урьян

Один из лордов долин Верхнего Холлека — лорд Лангсдейла. Во время войны он сражался с ализонцами; свою дочь Аннет он выдал замуж за Джиреpда из Аппсдейла («Заклятье Колдовского мира»).

Урьян

Человек из Горма. Младший сын Хильдера, единственный ребенок Орны. Урьян был поставлен Орной на место

его старшего брата после смерти Хильдера, но он не сумел прожить достаточно долго, чтобы насладиться властью («Колдовской мир»).

Ута

Кошка, подруга Бриксии. Это та же самая Ута, которую освободил Кетан, и на которой он женился («Сокровище Зарстора», «Стража Колдовского мира»).

Фалтингдейл

Долина Верхнего Холлека, расположенная к западу от Норсдейла. В Фалтингдейле много густых лесов («Год Единорога»).

Фальк

Человек из Карстена. Второй сын Фартома. Он стал лордом Верлейна благодаря женитьбе, но имел лишь одного ребенка, дочь Лойз. Фальк был прибрежным бароном в иерархии Карстена, не слишком значимым на взгляд Лойз. Фальк грабил корабли, потерпевшие крушение у берегов Верлейна, рассчитывая увеличить свое богатство и власть. Фальк, видимо, также нападал на земли своих соседей, и Лойз втайне надеялась, что во время одного из таких походов его убьют. Он устроил брак Лойз с герцогом Ивьяном (брак на топоре), властителем Карстена, — но затем был убит Саймоном, Джелитой и Корисом («Колдовской мир»).

Фалькон-Фист

Гора за востоке Норсдейла («Год Единорога»).

Фальтер

Сокольничий. Пост — у южных ворот Соколиного Гнезда. Он встретил Кориса, Саймона, Джелиту и Лойз и позволил Саймону и Корису встретиться с Повелителем Крыльев, после того, как они показали ему фальшивого сокола, явно изготовленного колдерами и служившего

им. Позже Повелитель Крыльев послал Фальтера проверить сообщение о кораблях, спрятанных в пещерах поблизости от владений Соколиного Гнезда, — и Фальтер вместе с его людьми был захвачен колдерами («Колдовской мир»).

Фартом

Человек из Карстена. Лорд, отец Фалька. Владения Фартома располагались среди холмов, к северу от Карстена, — очевидно, неподалеку от границы с Эсткарпом («Колдовской мир»).

Фаст Ридж

Гора или цепь гор, видимых со сторожевой башни аббатства (монастыря) Норстед («Год Единорога»).

Финдейл

Долина Верхнего Холлека, расположенная к югу от Аппсдейла. До войны с Ализоном в Финдейле каждый год проводились небольшие ярмарки; через пять лет после войны этот обычай восстановился.

Фирте

Женщина из Карстена. Горничная госпожи Алдис. Она приходила в дом Джелиты в Карсе и убедила Алдис, что Мудрая из Карса сумеет помочь той удержать Ивьяна («Колдовской мир»).

Флатингдейл

Долина Верхнего Холлека, к северу от Ульмсдейла («Хрустальный Грифон»).

Фортал

Человек из Верхнего Холлека, лорд Палтендейла до войны с Ализоном. Он был отцом Тефаны, вышедшей замуж за Ульрика из Ульмсдейла после того, как ее первый муж умер («Хрустальный Грифон»).

Фриза

Женщина Долин, из Верхнего Холлека, жена Фурло. Она стала приемной матерью Джиллан и во время войны с Ализоном бежала вместе с ней в аббатство Норстед, за восемь лет до Года Единорога. Фриза умерла в этом монастыре. («Год Единорога»).

Фурло

Человек из Верхнего Холлека, лорд Зантопа. Он воспитал Джиллан. Фурло погиб в войне с Ализоном («Год Единорога»).

Хазарт

Житель Долин, из Верхнего Холлека, брат Гвеннана («Заклятье Колдовского мира»).

Хирон

Всадник-Оборотень. Капитан, отец Херрела. Тотемом Хирона был орел («Год Единорога»).

Хилле

Человек Древней Расы, захвативший Куэйт. Он был астрологом и алхимиком, использовавшим янтарь для общения с Тьмой. Он, видимо, пылал страстью к Яал, владычице Куэйта, и потому заключил в темницу ее и Брока, ее лорда. Затем Хилле подчинил себе Куэйт. Он рискнул пробраться в Верхний Холлек после войны с Ализоном, в поисках новых источников янтаря. Он женился на Исмэй из Аппсдейла, узнав, что закрытые уже разработки янтаря входят в ее приданое. Хилле вернулся в Куэйт, но впоследствии был разбит Исмэй, Броком и Яал («Заклятье Колдовского мира»).

Хлаймер

Человек из Верхнего Холлека, старший сын Тефаны. Он пытался убить Керована, когда тот вернулся в Ульмсдейл после смерти Ульрика. Хлаймер был убит, когда

Тефана обратилась к Силам Тьмы, чтобы остановить Керована («Хрустальный Грифон»).

Хокердейл

Долина Верхнего Холлека. На самом севере граничит с Хэрроудейл. Через долину протекает ручей или маленькая речка. Лорд Имгри установил сторожевой пост в этой долине в конце войны с Ализоном («Год Единорога»).

Храм Судьбы

Храм в городе Карсе («Колдовской мир»).

Хранитель Границы на юге

Одно из высших воинских званий в Эсткарпе, кроме Капитана Гвардейцев и Маршала. В обязанности Хранителя входила защита южной границы Эсткарпа от нападений Карстена. Саймон Трегарт был Хранителем Границы на юге («Паутина Колдовского мира»).

Хранительница, или Владычица, или Настоятельница

Старшая среди колдуний Эсткарпа, традиционно — глава Совета колдуний; в течение многих веков именно та, которая занимала это место, была правительницей Эсткарпа. Будучи колдуньями, женщины никогда не открывали своих имен простым людям, и их знали только по титулу («Колдовской мир», «Паутина Колдовского мира», другие книги).

Хьюлор

Всадник-Оборотень («Год Единорога»).

Час Великого Молчания

Отметка времени в монастыре Норстед («Год Единорога»).

Час Последнего Луча

Отметка времени в монастыре Норстед («Год Единорога»).

Час Пятой Вспышки (или Пятого Огня)

Отметка времени в монастыре Норстед («Год Единорога»).

Чаша и Пламя

Религиозный обряд в Верхнем Холлеке, связанный с браком («Хрустальный Грифон»).

Шавер

Житель Верхнего Холлека. Возможно, кровный родственник или соперник лорда Марбона («Сокровище Зарстора»).

Шарвана

Мудрая из Верхнего Холлека. Жила в Гхилле во времена Вескуса («Заклятье Колдоаского Мира»).

Эвальд

Житель долин из Верхнего Холлека, брат Джиерда. Эвальд был убит во время войны с Ализоном. Их отец, возможно, Сарвон («Заклятье Колдовского мира»).

Эггерсдейл

Долина Верхнего Холлека, расположенная неподалеку от Пустыни, где-то среди верхних долин. В Эггерсдейле имелась крепость с деревней из двадцати домов. Дорога вела мимо крепости к низинам («Сокровище Зарстора»).

Элван

Житель Долин, лорд Ришдейла. Средних лет, то ли овдовевший, то ли разведенный к тому времени, когда он

решил жениться на Ингильде, дочери Ислоги. Элван был убит во время войны с Ализоном, когда он отступал к своей крепости, пытаясь сопротивляться военным машинам («Хрустальный Грифон»).

Элдор

Человек Древней Расы, из Арвона, лорд Вара. Он был сводным братом Зарстора, и, видимо, намеревался овладеть Силой или стать адептом Тьмы. Души их обоих попали в ловушку, когда Зарстор столкнулся с Элдором («Сокровище Зарстора»).

Энкер

Подземная река, пересекающая Торовы Болота, — по ней продвигались подводные лодки колдеров, чтобы добраться до деревни торов и забрать Саймона Трегарта и Лойз Верлейнскую. Устье этой реки располагается к северу от города Эса («Паутина Колдовского мира»).

Эс

Столица Эсткарпа. Самый крупный город Эсткарпа. Эс был окружен высокими стенами, а его самым большим строением был замок Эс, цитадель, где находилась база Гвардейцев Эсткарпа. Эс был оживленным торговым центром и сердцем всего Эсткарпа («Колдовской мир», «Паутина Колдовского мира», «Стража Колдовского мира»).

Эсткарп

Владение Древней Расы на восточном континенте. Эсткарп был основан беженцами из Эскора, семьями Древней Расы, которые спасались от опустошающей войны, развязанной адептами Тьмы. Поначалу Древняя Раса в Эсткарпе находилась под защитой немногих оставшихся адептов Света, но после того, как адепты погибли по собственной неосторожности (или бесследно сгинули в огромных вратах в Лормте, которые они пытались открыть),

Древняя Раса осталась беззащитной. Из ее остатков возникли колдуньи, и попытались навести порядок, воздвигнув высокую горную цепь между Эсткарпом и Эскором. Постепенно Древняя Раса забыла о своих корнях и создала новую культуру. Столицей этого народа был город Эс, на реке Эс, и именно эти люди построили могучую цитадель. Они установили границу с Ализоном и землями торов, и постепенно некоторые кланы перебрались на юг, чтобы осесть в землях, позже ставших известными как Карстен. Когда впервые пришли корабли сулкаров, Древняя Раса Эсткарпа приветствовала их, впустив корабли в портовые города, такие, как Эс, расположенный в устье реки. Со временем Эсткарп оказался втянутым в войну с безрассудно смелыми Гончими Ализона, но, выстояв благодаря силе колдуний и мужеству собственных воинов, Древняя Раса постепенно стала главенствовать на западных побережьях, торгуя с молодыми народами Горма, Карстена и Вара. Однако постепенно в Колдовской мир проникли колдеры, и, осознав угрозу, Древняя Раса попыталась уничтожить их. Корм и Карстен выступили против Эсткарпа, когда Ализон начал новую войну. Когда Карстен обернулся против собственных кланов Древней Расы, Эсткарп приютил гонимых, а затем колдуньи одолели армию Карстена, воздвигнув горы между двумя странами. Сокольничьи, союзники Эсткарпа, основавшиеся в этих горах, какое-то время оставались в Эсткарпе, однако их обычаи были слишком чужды и неприемлемы для Древней Расы, чтобы эти два народа могли по-настоящему сблизиться. Некоторые сокольничьи все же устроились в Эсткарпе после того, как их крепость, Сулкаркип, была разрушена в войне с колдерами. После того, как колдуньи потеряли большую часть своей силы, Корис из Горма стал мудрым правителем Эсткарпа. Он вел страну к тому, чтобы восстановить ее влияние и наладить новые связи с Ализоном, после того, как молодой лорд ализонцев прошел через врата в Лормте. Лормт был старейшим городом Эсткарпа, основанным адептами Света еще до того, как возник собственно Эсткарп. В Лормте частично

или полностью сохранились многие древние рукописи, и через тысячи лет маленькая группа ученых принялась разбираться в тайниках Лормта, отыскивая ключи к своему прошлому и источники Силы, благодаря которой их раса когда-то владела миром («Колдовской мир», «Паутина Колдовского мира», «Трое против Колдовского мира», «Заклятье Колдовского мира», «Колдовской мир: Великая Перемена», «Магический Камень», «Стража Колдовского мира»).

Южные Хребты (Южная Гряда)

Холмы или годы на юге Верхнего Холлека, где находились железные рудники. Саврон из Аппсдейла советовался с шахтером с Южной Гряды относительно возможности открытия заново разработок янтаря в Аппсдейле («Заклятье Колдовского мира»).

Юлианна

Женщина из Верхнего Холлека. Монахиня из аббатства Норстед, преемница Мальвинны в качестве настоятельницы. Она руководила монастырем в Год Единорога и без возражений позволила Джиллан отправиться с невестами Всадников-Оборотней («Год Единорога»).

Яал

Госпожа Древней Расы, из Куэйта. Ее внимания добивался Хилле, но Яал была верна Броку, своему мужу. Хилле захватил ее в плен вместе с Броком, но Яал спрятала в крепости змеиный талисман, который нашла Исмэй и использовала для освобождения супругов. После уничтожения Хилле Яал приняла Исмэй как духовную сестру («Заклятье Колдовского мира»).

Яруго

Житель долин, из Верхнего Холлека, маршал Ульмсдейла. Он был преемником Джаго, и отправился на войну вместе с Керованом, когда Ульрик послал силы на помощь южным долинам («Хрустальный Грифон»).

Биографические сведения

Элизабет Бойе

Элизабет Бойе живет в штате Юта, в маленьком старинном городке, занимающимся добычей медной руды. Начиная с 1980 года она опубликовала в издательстве Дел Рей Букс пять фантастических романов, последний из которых — «Жернов троллей». Писательство стало частью ее жизни, еще с начальной школы. Выпускница Бригхмаского университета, она изучала английский язык и литературу, а также скандинавский язык и литературу, наряду с мифологией скандинавских стран, на основании чего она и создает свои фантастические сюжеты. Предрассветные часы для нее особенно плодотворны в писательском отношении. Она увлекается классической музыкой, садоводством, лошадьми и кошками. Путешествует с мужем Алланом и двумя дочерьми. Спорадически она пытается реставрировать свой дом 1920 года постройки, который включен в Национальный регистр исторических мест.

Кэролайн Дж. Черри

Лауреат двух премий Гюго и премии Джона Кэмпбелла. Она пишет: «У меня две профессии: писательство

и приключения... Я спала на палубе в Адриатике, ездила по Пикадилли в часы пик, гоняла на собачьих упряжках в горах Тибета. Я имела дело и с лошадьми, и со старинным оружием, верблюдами, соколами, выживала в пустыне, занималась археологией, цивилизациями Древнего Рима и Греции, Критом, кельтами, пещерами. Владею несколькими языками настолько, чтобы сказать: "Нет, спасибо" и "Честь, которую вы предлагаете, настолько экстравагантна, что я не могу ее принять" и еще несколько полезных фраз. ("Да" мне понадобится, если я обрету настоящую беглость). Я люблю путешествовать по планете... люблю прошлое, но больше люблю настоящее, а будущее, соответственно, больше того и другого».

Мередит Энн Пирс

Мередит Энн Пирс родилась в 1958 году в Сиэтле, штат Вашингтон. Жила в Калифорнии, Иллинойсе, Техасе, а последние пятнадцать лет — в Гэйнсвиле, штат Флорида. В 1980 году она закончила университет во Флориде со степенью магистра английского языка. Первый ее роман «Темный ангел» был опубликован в 1982 году. Газета «Нью-Йорк Таймс» назвала его «лучшей фантазией года». «Темный ангел» завоевал большое количество наград, включая премию Международной читательской ассоциации за лучший роман года. В 1984 году вышло продолжение — «Сбор горгулий» и два новых фантастических романа — «Рождение принесшего огонь» и «Женщина, которая любила северного оленя», появившихся в 1985 . Миссис Пирс пишет и работает неполный рабочий день в книжном магазине. Ее работы находят своего читателя в Великобритании и Канаде. Многие романы переведены на датский, шведский и немецкий языки. Сейчас она работает над продолжением романа «Рождение принесшего огонь» и над последним томом трилогии «Темный ангел».

Джудит Тарр

Джудит Тарр — автор ряда романов высокой и исторической фантазии, включая завоевавшую награды трилогию о Гончей и Соколе. Кроме того, ею написаны несколько рассказов, в том числе «Защитник веры», опубликованный в «Мунзингерз Френдз». Занимается изучением средневековья в Йельском университете. По словам Андре Нортон, «ею владеет и управляет арабская скаковая лошадь». Живет в Нью-Хэвене, штате Коннектикут и, как обычно, работает над романом.

Андрэ Нортон

Цикл «Колдовской мир»

Романы

ВОСТОЧНЫЙ КОНТИНЕНТ

(Эсткарп, Эскор, Ализон, Карстен, Горм, Сальзарат, Сулкар, Тор):

1. Колдовской мир (1963)
2. Паутина Колдовского мира (1964)
3. Трое против Колдовского мира (1965)
4. Чародей из Колдовского мира (1967)
5. Волшебница из Колдовского мира (1968)
6. Игра мечей (1977)
7. Берегись Ястреба (1983)
8. Кошачьи Врата (1987)
9. Сказительница (с А.Криспин, 1992)
10. Ключ от Кеплиан (с Л. Маккончи, 1995)
11. Магический камень (с М. Шауб, 1996)
12. Стража Колдовского мира (1999)

ЗАПАДНЫЙ КОНТИНЕТ

(Арвон, Пустыня, Куэйт, Верхний Холлек, Долины):

1. Год Единорога (1965)
2. Заклятие Колдовского мира (1972)
3. Хрустальный Грифон (1972)
4. Пояс леопарда (1974)
5. Сокровище Зарстора (1978)
6. Рогатый венец (1981)
7. Торжествующий Грифон (1981)
8. Гнездо Грифона (с А. Криспин, 1984)
9. Гнев оборотня (1984)

Сборники рассказов и повестей

1. Предания Колдовского мира (1968)
2. Сказания Колдовского мира (1980)
3. Истории Колдовского мира (1987)
4. Четыре повести о Колдовском мире (1989)

Колдовской мир: Великая Перемена 1

1. Надежда Сокола (с П. Гриффин, 1991)
2. Соколиная магия (с П. Гриффин и М. Шауб, 1992)
3. На крыльях магии (с П. Мэтьюс и С. Миллер, 1994)

Колдовской мир: Великая Перемена 2

1. Порт погибших кораблей (1991)
2. Морская крепость (с П. Гриффин, 1991)
3. Изгнание (с М. Шауб, 1992)

Внутренняя хронология цикла:

Рогатый венец
Паутина Колдовского мира
Предания Колдовского мира
Колдовской мир
Год Единорога
Трое против Колдовского мира
Чародей из Колдовского мира
Волшебница из Колдовского мира
Гнев оборотня
Хрустальный Грифон
Торжествующий Грифон
Гнездо Грифона
Сокровище Зарстора
Берегись Ястреба
Игра мечей
Пояс из леопарда
Кошачьи Врата
Колдовской мир: Великая Перемена
Сказительница
Ключ от Кеплиан
Магический камень
Стража Колдовского мира

Содержание

Андрэ Нортон
РОГАТЫЙ ВЕНЕЦ 5

ЧЕТЫРЕ ПОВЕСТИ О КОЛДОВСКОМ МИРЕ.....224

Элизабет Бойе
МЕРТВОРОЖДЕННОЕ НАСЛЕДИЕ 226

Кэролайн Дж. Черри
БУРЕВЕСТНИКИ 297

Мередит Энн Пирс
РАМПИОН 349

Джудит Тарр
ЗАКОН СОКОЛА.....424

ИСТОРИЯ КОЛДОВСКОГО МИРА.....505

Биографические сведения.....596

Библиография.....599

ДЮНА

В серии «Золотая библиотека фантастики» опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:

«Дюна»
«Мессия Дюны»
«Дети Дюны»
«Бог-Император Дюны»
«Еретики Дюны»
«Капитул Дюны»

Заветные мечты читателей сбываются! Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Кевином Андерсоном создает трилогию «Прелюдия к Дюне». Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в начале 2001 года в серии «Золотая библиотека фантастики» первый роман трилогии — «ДОМ АТРЕЙДЕСОВ»!

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу: Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513 107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "ВЕК ДРАКОНА"

Век Дракона

В серии готовятся к выпуску произведения признанных мастеров жанра фэнтези — Анджея Сапковского, Роберта Джордана, Лоуренса Уотт-Эванса, Кристофера Сташефа, Глена Кука, Терри Гудкайнда, Дэйва Дункана, а также талантливых молодых авторов: Мэгги Фьюри, Марты Уэллс, Грегори Киза и других.
"Век Дракона" — это мастера мечей и волшебства, войны с кровожадными чудовищами и ошеломляющие поединки, великие герои и отважные воительницы, невообразимые страны и невероятные приключения...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ –"Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ"

Лучшие произведения отечественных писателей-фантастов! Признанные мастера: Андрей Лазарчук, Евгений Лукин, Сергей Лукьяненко - и молодые, но не менее талантливые авторы: Владимир Васильев, Александр Громов и многие другие. Глубина мысли, захватывающий сюжет, искрометный юмор - все многообразие фантастики в новой серии нашего издательства.

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ – "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

Вы — поклонник «черной литературы» —
мистики, ужасов, «темных фэнтези»?

Тогда не пропустите книги новой серии

«Темный город»!

В этой серии вышли:

Антология **«Темная любовь»** — двадцать две истории страсти-Одержимости, страсти-Кошмара. Двадцать две истории Безумия, Боли, Безнадеги, которые дарят вам лучшие мастера современной литературы ужасов, от неподражаемого Стивена Кинга до элитарной Кейт Коджа и обжигающего Джона Пейтона Кука.

Антология **«Холод страха»**, которую составляют рассказы, представляющие собой всевозможные направления «литературы ужасов» — от классической ее формы до психологического саспенса, изящного «вампирского декаданса» и черного юмора, от ранее никогда не публиковавшейся в России новеллы Стивена Кинга — до ироничного ужастика Мервина Пика.

«Запретный плод» и **«Смеющийся труп»** Лорел К. Гамильтон — первые две книги одного из самых культовых «вампирских» сериалов мира, стильные, пряные и эффектные хроники бытия «тех, кто охотится в ночи», и тех, кто посвятил свою жизнь изысканному и опасному искусству охоты на «ночных хищников».

«Дом» — первый роман блистательного Бентли Литтла, любимца Стивена Кинга. История страха, крови, смерти. История людей, вырвавшихся из ада — и по собственной воле в ад вернувшихся.

«Кровавая купель» Саймона Кларка — роман, который потрясает не только воображение, но и душу. Воскресным утром мир рухнул. Апокалипсис наступил. И выживут только юные. Только прошедшие очищение в кровавой купели войны и убийства.

Следите за серией «Темный город»!

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

107140, Москва, а/я 140 АСТ — «Книги по почте»

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.
Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Все права защищены. Ни одна из частей настоящего издания и все издание в целом не могут быть воспроизведены, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации: электронным, механическим, фотокопировальным и другими — без предварительного согласования с издателями.

Литературно-художественное издание

Нортон Андрэ

Рогатый Венец
Четыре повести о Колдовском мире

Ответственный редактор О.Ю. Клокова
Выпускающий редактор С.Н. Абовская
Редактор О.К. Юрьева
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор М.А. Белякова
Корректоры В.В. Саранчева, З.О. Черномордик

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Terra Fantastica» издательского дома «Корвус».
Лицензия ЛР № 066477. 190121,
Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 1/44 «Б».
Электронные адреса: WWW.TF.RU, E-mail: TERRAFAN@TF.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
"Самарский Дом печати"
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам.

Андрэ Нортон — одна из самых популярных писательниц за всю историю мировой фантастики, более того, один из тех редких авторов, таланту которых в равной степени подвластны как жанр научной фантастики, так и жанр фэнтези, первая и пока единственная женщина, удостоенная Американской ассоциацией писателей-фантастов высокого титула Великого Мастера.

Однако в ряды классиков фантастической литературы нашего столетия Нортон вошла именно благодаря фэнтези — благодаря своей знаменитой эпической саге о Колдовском мире, мире могучих героев и могущественных волшебников, уникальном, бесконечно оригинальном мире, полюбившемся миллионам читателей...

Перед вами — новые произведения цикла. Прочтите!

ISBN 5-17-012416-3